

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

БАДМАЕВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ БУРЯТ:
ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Диссертация
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Новосибирск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Формирование культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культуругенеза.....	63
1.1. Адаптационные механизмы культуругенеза бурят	64
1.2. Генезис культуры жизнеобеспечения бурят.....	69
1.3. Культура жизнеобеспечения бурят в XVIII веке	93
Глава II. Развитие культуры жизнеобеспечения бурят в контексте седентаризации (первая половина XIX века).....	166
2.1. Система расселения, жилища и хозяйственные постройки.....	171
2.2. Изменения в интерьере жилища	212
2.3. Система питания и седентаризация.....	219
2.4. Народный костюм: основные тенденции в развитии.....	251
Глава III. Трансформация культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX века. Начало модернизации.....	274
3.1. Развитие сети бурятских поселений, типов усадеб и жилищ.....	280
3.2. Внутреннее убранство жилища: традиции и инновации.....	355
3.3. Трансформирование системы питания.....	362
3.4. Традиции и новации в костюмном комплексе.....	385
Заключение.....	417
Список источников и литературы.....	425
Приложение А. Таблицы.....	463
Приложение Б. Архивные документы.....	476
Приложение В. Иллюстрации.....	516
Приложение Г. Бурятская кухня.....	547
Глоссарий.....	573

Список основных информаторов.....	580
Список сокращений.....	584

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. культурное наследие народов России является объектом интереса и предметом широких инициатив и государства, и общества. Его актуализация связана с синхронным действием противоположных процессов глобализации и автономизации. Реагируя на проявления глобализма и продолжающуюся унификацию культур, представители различных народов обращаются к собственным традициям, пытаются адаптировать их к современному социокультурному контексту. Порой этническим культурам отводится роль защитного барьера от дальнейшего разрушения культурной самобытности и наступления бездуховности.

Повышенное внимание общества к этническим культурам учитывается при выработке и проведении национальной политики в стране. Одним из базовых ее принципов является признание важности сохранения историко-культурного наследия для развития каждой территории. За последние годы в Российской Федерации и ее субъектах сформирована нормативно-правовая база по сохранению и реализации исторического и этнокультурного наследия народов России. Основопологающим в ней является Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. (его нынешняя редакция действует с 1 января 2015 г.). В Республике Бурятия принят: закон «О культуре» (1 февраля 1996 г.) и закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)» (1 декабря 2003 г.).

На их основе разрабатываются республиканские программы защиты и развития культур народов Республики (в частности, госпрограмма «Культура Бурятии», рассчитанная на период 2013–2020 гг.), в том числе ее титульного народа – бурят. Они сопоставимы с законодательными инициативами отдельных автономий Российской Федерации, в которых высока доля бурят,

– в Агинском Бурятском округе (Забайкальский край) и в Усть-Ордынском Бурятском округе (Иркутская область).

Реализация национальных и региональных программ сохранения культурного наследия в Республике Бурятия оборачивается возвращением в жизнь современного бурятского сообщества отдельных элементов традиционной культуры (ношение традиционного костюма на свадебных церемониях и во время праздников, использование традиционных типов жилищ (срубных и войлочных юрт) и т. д.

Происходит инкорпорация обновленных традиций в современную культуру (организация производства национальной мебели, блюд народной кухни, открытие этнических ресторанов, создание новых произведений искусства, коллекций костюмов и др., ориентированных на этническую стилистику. Особенно бросаются в глаза изменения в сфере жизнедеятельности и повседневного быта людей.

Являясь важнейшей характеристикой бурятского народа, культура жизнеобеспечения хранит информацию об его этногенезе, этнической и социокультурной истории, об этническом менталитете и т. п.; поэтому ее изучение является чрезвычайно актуальным. Исследования, посвященные выявлению локальной специфики отдельных сфер культуры, занимают большое место в российской этнографической науке. Территориальные и этнолокальные группы, входящие в структуру бурят, обладали оригинальными вариантами жизнеобеспечения.

Объектом диссертационного исследования является культура жизнеобеспечения бурят, рассматриваемая в исторической динамике в процессе трансформации традиций и освоения новаций на протяжении XVIII–XIX вв.

Буряты (*бурят*, *буряад* – самоназвание) являются одним из крупных аборигенных народов Сибири, в их языке выделяются западные и восточные диалекты¹. Динамика роста их численности в период с XVIII по начало XXI

¹ Народы мира: историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1988. С. 116.

в. была следующей: в начале XVIII в. бурят насчитывалось 27,3 тыс. чел., по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. – 288 тыс. чел., по Всесоюзной переписи 1939 г. – 225 тыс. чел., по последней Всесоюзной переписи 1989 г. – 421,7 тыс. чел.², наконец, по переписи населения Российской Федерации 2010 г. – 461,389 тыс. чел.³. В настоящее время, помимо России, буряты проживают в некоторых зарубежных странах: в Монголии – 45,087 тыс. чел.⁴, во Внутренней Монголии (КНР) – около 7 тыс. чел.⁵ (т. н. шэнэхэнские буряты) и т. д.

В данной работе традиционная культура бурят понимается как способ бытия общества, основанный на трансляции ценностно-смысловых структур и культурных технологий⁶. При этом в интерпретации традиционной культуры используется четырехсферная модель, разработанная Ю. И. Мкртумяном и С. А. Арутюновым в 1970–80-е гг. Она, кроме прочего, включает в качестве подсистемы культуру жизнеобеспечения.

Связанная с удовлетворением первостепенных витальных потребностей человека культура жизнеобеспечения содержит такие основные компоненты, как жилищно-поселенческий комплекс, комплекс питания, комплекс одежды, а также некоторые периферийные системы (утварь, меблировка и др.)⁷.

Отметим, что структурный анализ культуры получил дальнейшее развитие в работах А. В. Головнева⁸. В предлагаемой им схеме культура жизнеобеспечения не выделяется – речь идет о хозяйственной и социальной сферах вариативного взаимодействия природы и общества⁹. Несмотря на очевидные отличия данной модели от предложенной Ю. И. Мкртумяном и А.

² Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М., 2004. С. 10–11.

³ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol14/pub-04-01.pdf (дата обращения 07.09.2012)

⁴ Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын ур зун. URL: <http://www.toollogo2010.mn> (дата обращения: 12.07.2016)

⁵ Buryat, Chinese in China. URL: <http://joshuaproject.net> (дата обращения: 14.07.2016)

⁶ Тимошук А. С. Традиционная культура: сущность и существование: Дис. ... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2007.

⁷ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 203.

⁸ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

⁹ Там же. С. 22.

С. Арутюновым, в ней признавались выделяемые ранее свойства подсистем культуры (их взаимопересечение, изменчивость и др.).

Исследования российских и зарубежных авторов в области теории культуры продолжаются и сегодня. В данной работе используется принцип компонентного анализа культуры жизнеобеспечения. Как периферийная подсистема рассматривается внутреннее убранство дома – его обозначает понятие «интерьер жилища», а термин «одежда» заменен на более широкий – «костюм», что согласуется с общепринятой классификацией (народный костюм включает в себя верхнюю и нижнюю одежду, головные уборы, обувь и их убранство). При этом в качестве маркеров костюма берутся мужской и женский костюмные комплексы, как наиболее показательные.

Предметом исследования избраны механизмы и результаты генезиса, эволюции и трансформации культуры жизнеобеспечения бурят на протяжении XVIII–XIX вв.

Цель работы заключается в выявлении основных механизмов и тенденций развития культуры жизнеобеспечения в контексте социокультурной и этнополитической истории бурят XVIII–XIX вв.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- рассмотреть становление традиционной культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза;
- проанализировать развитие культуры жизнеобеспечения бурят в первой половине XIX в. и охарактеризовать влияние на нее политики и практики седентаризации;
- проследить пути и результаты трансформации культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX в. и выявить тенденции модернизации.

Территориальные рамки исследования определяются ареалом расселения бурят и охватывают Юго-Восточную Сибирь (Байкальский регион) в административных границах современных субъектов Российской Федерации – Иркутской области (прежде всего Усть-Ордынский Бурятский

округ), Республики Бурятия и Забайкальского края (конкретно Агинский Бурятский округ).

В границах этой территории в середине XIX в. буряты образовывали ряд этнотерриториальных и этнолокальных групп, к последним можно отнести нижнеудинских, окинских и агинских бурят, отделившихся от основного этнического ядра и проживавших на его периферии.

Современная Бурятия находится в пределах таких географических районов Юго-Восточной Сибири, как Предбайкалье, Прибайкалье, Западное и Восточное Забайкалье. При изложении материала учитывалось это географическое деление, с дополнительным выделяем Восточного Присаянья, большая часть которого (Тунка и Закамна) строго говоря относится к югу Прибайкальской ландшафтной области.

Юго-Восточная Сибирь, по классификации Н. Э. Масанова¹⁰, является переходной зоной, которая лежит на границе леса и степи, и характеризуется значительным разнообразием природных условий.

Данный регион имеет богатый растительный покров, представленный сообществами бореального, высокогорно-гольцового и степного типов растительности, при господстве бореальной растительности. Растительный покров разделяется, прежде всего, по высотной поясности преимущественно горного рельефа региона¹¹. Значительные площади заняты хвойными, лиственными и смешанными лесами.

Животный мир Байкальского региона представлен 363 видами птиц. Регион является ареалом обитания большого числа популяций млекопитающих как транспалеарктов Евразии, так и исключительно известных в Сибири. Транспалеаркты заселяют разные типы биотопов. Среди них можно выделить хищников, представителей куньих, парнокопытных, грызунов, на которых вели сезонную охоту¹².

¹⁰ Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М., 1995.

¹¹ Белов А. В. и др. Растительность Прибайкалья как индикатор глобальных и региональных изменений природных условий Северной Азии в позднем кайнозое // География и природные ресурсы, 2006. С. 6.

¹² Байкал. Природа и люди / Под ред. А. К. Тулохонова. Улан-Удэ, 2009.

Регион богат рыбными ресурсами: общее количество видов и подвидов рыбы в Западном Забайкалье составляет 71, а в Байкале зафиксировано распространение 54 видов и подвидов¹³.

Предбайкалье, раскинувшееся на юге Лено-Ангарского плато с самой низкой отметкой рельефа 400 м над уровнем моря и наибольшими высотами (абсолютная высота в 1048 м) в горной системе на северо-востоке, является территорией с преимущественно холмистыми степями, с более влажным климатом и более плодородной почвой, чем Забайкалье. Если степи Забайкалья имеют каштановые почвы, то приангарские и верхоленские степи – среднегумусовые черноземы и серые лесные почвы. По растительному покрову Кудинско-Ольхонские степи, раскинувшиеся в Восточном Приангарье, идентичны сухим забайкальским степям, а находящиеся к востоку от р. Ангара Унгино-Осинские степи имеют растительность, встречающуюся во влажных Абакано-Минусинских степях¹⁴. Основной речной артерией здесь является р. Ангара, несущая свои воды из оз. Байкал. Здесь расселялись такие территориальные группы бурят, как аларские, балаганские, верхоленские, идинские, кудинские, нижеудинские буряты. В Предбайкалье, в особенности в Приангарской лесостепной зоне, сложились подходящие условия для складывания хозяйства, в котором скотоводство с зимним стойловым содержанием скота сочеталось с пашенным земледелием.

Некоторым исключением была экономика нижеудинских и части верхоленских бурят, основанная не только на разведении скота и лошадей, и на промысловой охоте, а также алятских (принадлежащих к аларским бурятам) и некоторых других бурят – совмещавших скотоводство и коневодство с сезонным речным и озерным рыболовством.

Спецификой отличалась также экономика бурят Западного Прибайкалья (ольхонских): в силу особенностей природно-климатических

¹³ Пронин Н. М., Кильдюшкин В. А., Сокольников Ю. А. Рыбы Бурятии: систематический состав и распределение по бассейнам // Биоразнообразие Байкальской Сибири / В. М. Корсунов, Н. М. Пронин, Г. Г. Гончиков и др. Новосибирск, 1999. С. 88–99.

¹⁴ Пешкова Г. А. Степи Приангарья и их связи со степями соседних территорий // Известия СО АН СССР. 1959. № 11. С. 66.

условий о. Ольхон она имела преимущественно скотоводческо-рыболовецкую направленность. Степи о. Ольхон и Приольхонья, по мнению исследователей¹⁵, являются продолжением забайкальских сухих степей, северным форпостом центральноазиатских степей, они были пригодны для отгонного скотоводства. Здесь преобладают каштановые почвы, в основном они принадлежат к мятликовым степям. Приморский и продолжающий его Байкальский хребет, защищающие Приольхонье с северо-запада и богатые таежным зверем и птицей, давал возможность местным бурятам заниматься сезонной охотой.

Восточное Присаянье является горно-таежным районом, где горы большой и средней высоты, составляющие основу горной страны, сочетаются с межгорными впадинами. Наивысшей точкой признается вершина Мунко-Сардык (3491 м). В высокогорных районах Восточных Саян, подобно некоторым местам Восточного Прибайкалья (хребту Хамар-Дабан и Баргузинскому хребту), климат отличается большей влажностью. Горно-луговая почва на высотах от 1600 до 1800 м служит основой для существования альпийских пастбищ, придающих особую специфику природно-экологическим нишам Горной Оки и Закамны.

Густая речная сеть, покрывающая горные и предгорные долины, подпитывает четыре полноводные реки, берущие начало в отрогах Восточного Присаянья, – Иркут (приток Ангары), Джиду (приток Селенги), Китой и Оку.

Низменная часть Восточного Присаянья, Тункинская долина, защищенная со всех сторон горными системами, орошаемая р. Иркут и впадающими в нее горными речками, имеет высокий травостой и благоприятна для луговодства, и в целом для земледелия.

Природный ландшафт во многом определил специфику этнокультурного облика и традиционного хозяйства присаянских бурят (под

¹⁵ Маншеев Д. М. Хозяйство бурят в XIX веке: основные факторы и особенности развития. Улан-Удэ, 2011. С. 32.

присяянскими подразумеваются следующие территориальные группы бурят: тункинские, окинские и закаменские), носившего скотоводческо-охотничий характер.

Массивы высоких гор обрамляют южную и северо-восточную акватории оз. Байкал: хребет Хамар-Дабан (высшая его точка достигает 2370 м), в основном покрытый горной тайгой, в меньшей степени горной тундрой, переходит в более пологие горные вершины Улан-Бургасы и далее в Баргузинский (2840 м) и Икатский (2573 м) хребты, меж которыми раскинулась Баргузинская межгорная котловина, удобная в плане сельскохозяйственного освоения.

Территориальные группы бурят Восточного Прибайкалья занимали достаточно изолированные природно-экологические ниши: баргузинские буряты сформировались как отдельное этническое сообщество; кударинские буряты заселяли прибрежные степи юго-восточного побережья оз. Байкал между руслом р. Селенга и хребтом Улан-Бургасы.

Гидрографическая сеть Забайкалья включает р. Селенга и ее притоки – Орхон, Джиду, Темник, Чикой, Хилок, Уду, а также реки Верхнюю Ангару, Турку и Онон с ее притоками (Ага, Ингода). В этой части Юго-Восточной Сибири располагаются также большие пресные озера – Гусиное, еравнинские, баунтовские и др. В межгорных впадинах юга Селенгинского среднегорья нередко имеются соленые озера.

Западное Забайкалье, как и область Нижнего Приононья (Восточное Забайкалье), по большей части представлено ковыльными степными равнинами, лежащими между гор средней высоты (1300–1800 м). Сильнопересеченный рельеф препятствует ведению здесь земледелия. На высотах 800–1000 м каштановых почв, столь характерных нижележащим степям, не имеется, здесь встречаются малогумусные черноземы, разработка которых придала субрегиональную специфику забайкальскому земледелию. В южной части Селенгинского среднегорья часты сухие впадины и котловины высохших озер, песчаные гряды в предгорной местности.

Система р. Селенга имела особое значение для развития этнических процессов в Юго-Восточном Прибайкалье и Западном Забайкалье. Природно-экологические ниши, которые представляют степные долины Селенги и ее притоков, защищены с запада хребтом Хамар-Дабан, с востока – Яблоновым хребтом, отделяющим Западное и Восточное Забайкалье. Сложившиеся здесь этнотерриториальные группы селенгинских и хоринских бурят имели возможность для ведения скотоводства и коневодства. Близость горно-таежных районов позволяла им также охотиться на диких зверей и птиц.

Север Монгольского плато, которое занимает Нижнее Приононье, имеет низко-среднегорный рельеф, понижающийся с севера на юг и с запада на восток. Этот географический район пересечен системой горных хребтов (наибольшей высоты достигают Алханайские горы (гора Алханай – 1663 м), меньшая высота хребтов Даурский, Черский, Кетуй-Нуру, Саханайский, Могойтуйский, Урокайский и отрогов Борщовочного хребта. На юге Нижнего Приононья простирается Ононско-Агинская степная равнина, по границе которой возвышаются отдельностоящие невысокие горы. Приононские степи, относящиеся к зональным степям Восточной Монголии, богаты солончаками. Ареал расселения агинских бурят находится в междуречье р. Онон и ее притока Ингоды (другой ее приток – р. Ага, давшая название данной этнолокальной группе бурят, течет в центральной части Нижнего Приононья).

Резко континентальный климат с засушливыми весной и летом, малоснежной зимой, а также эрозия почв исключали земледелие; на значительной части Забайкалья было успешным занятие коневодством и отгонным скотоводством.

В целом, Байкальский регион исторически представлял северо-восточную периферию Центральной Азии и судьбы народов, населявших ее, были неотделимы от судеб этого макрорегиона. Этническая история Байкальского региона развивалась во взаимодействии южносибирских и

восточносибирских сообществ. С XVII в. Юго-Восточная Сибирь вошла в зону русского продвижения на восток, которое происходило в основном по лесостепной зоне, и через регион были проложены магистральные пути в сторону Дальнего Востока – Московский и Якутский тракты, Транссибирская железнодорожная магистраль. Это предопределило развитие интеграционных процессов в масштабах Сибири и России в целом

Хронологические рамки работы охватывают XVIII–XIX вв. – период формирования, развития и трансформации традиционной культуры бурят. Основаниями для выделения нижней временной границы исследования являются события первой трети XVIII в., когда по положениям Кяхтинского договора 1727 г., к России отошли территории Забайкалья. Политические и административно-территориальные разграничения в Восточной Сибири определили контекст и условия становления бурятского народа.

Верхняя граница исследования обусловлена социально-экономическими и политическими трансформациями Российской империи конца XIX в., что обернулось изменениями основ экономики и социальной организации бурят: волостная реформа 1901 г. отменила прежнюю систему административно-территориального размежевания и управления (в частности, Степные думы), а землеустроительная реформа значительно сократила возможности для ведения скотоводческой экономики и товарного земледелия.

Выделенные в работе хронологические периоды соответствуют основным этапам в истории бурят: XVIII в. – этап формирования этнических границ и начала образования этнотерриториальных/ этнолокальных групп; первая половина XIX в. – этап, когда окончательно складывается внутренняя структура бурятского народа; вторая половина XIX в. – этап, когда на развитие бурятской культуры оказывают влияние процессы модернизации, охватившие российское государство и его экономику в целом. Допускаемые в работе хронологические отступления в древность и средневековье

диктуются логикой изложения материала, которая требует выявления генетических истоков культуры жизнеобеспечения бурят.

Степень научной разработанности темы

Как исследовательская (классификационная) дефиниция «культура жизнеобеспечения» была введена в отечественную науку в конце 1970-х гг. По устоявшейся к этому времени традиции, жилищно-поселенческий комплекс, комплекс питания, костюмный комплекс и интерьер жилища рассматривались в работах по материальной культуре бурят.

Каждый из перечисленных компонентов культуры получил освещение в этнографической и краеведческой литературе. В истории их изучения можно условно выделить четыре этапа, которые качественно отличаются друг от друга.

Первый этап связан с накоплением знаний: в литературе конца XVII – середины XIX в. содержались отрывочные сведения о поселениях, типах жилищ, их меблировке, утвари, костюме и пище бурят. Эта информация носила описательный характер и, в большинстве случаев, не содержала аналитики.

Первые упоминания об элементах культуры жизнеобеспечения бурят были сделаны в конце XVII в. в трудах голландского политика и предпринимателя Н. Витсена¹⁶ и состоявшего на русской дипломатической службе Н. Г. Спафария¹⁷. В XVIII в. интересные данные о бурятах собрали: участники российских посольств в Китае – И. Идес, А. Бранд¹⁸; участники экспедиций Российской Академии – И. Г. Георги¹⁹, И. Г. Гмелин²⁰, С. П.

¹⁶ Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. / Пер. с голланд. В. Г. Триссман. Амстердам, 2010. Т. 1.

¹⁷ Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Зап. ИРГО. 1882. Т. X. Вып. I.

¹⁸ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступительная статья, перевод и комментарии М. И. Казанина. М., 1967.

¹⁹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве, народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. II.

²⁰ Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX в. о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939.

Крашенинников²¹, Я. И. Линденау²², Д. Г. Мессершмидт²³, Г. Ф. Миллер²⁴, П. С. Паллас²⁵, И. Э. Фишер²⁶, а также другие российские авторы, например – М. Татаринов²⁷; иностранцы – Дж. Белл²⁸, Л. Ланге²⁹, Ф. Ланганс³⁰, Ренье³¹. Особо выделим И. Г. Георги, Я. И. Линденау и М. Татаринова, имевших длительный личный опыт работы среди бурят, и поэтому давших достоверную характеристику разных сторон их культуры.

Но при всей описательности уже на начальной стадии изучения были предприняты попытки выявить в культуре бурят общие начала с другими известными на то время аборигенными культурами (калмыками, якутами). В частности, такой подход демонстрировали Дж. Белл и Я. И. Линденау. Литературные и архивные источники XVIII в. называли бурят – «братскими инородцами» или «братскими иноверцами», как это было принято в официальных документах, а также «братскими татарами», «братскими калмыками», «братскими мунгалами». Объяснение тому следует искать как в уровне развития российской науки, которая допускала умозрительные предположения об этногенезе бурят, так и в скудости накопленных сведений об этом народе.

²¹ Крашенинников С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы / Изд. Н. П. Степанов. М.; Л., 1966; Он же. Описание земли Камчатки, с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов, М.; Л., 1949.

²² Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.

²³ Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25–39.

²⁴ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше/ Пер. с нем. А. Х. Элерт. М., 2009. (Источники по истории Сибири и Аляске из российских архивов: VIII. I. Герард Фридрих Миллер, Этнографические труды. Часть 1.)

²⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. СПб., 1788. Ч. 3, Кн. 1.

²⁶ Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергадом Фишером. СПб., 1774.

²⁷ РГАДА. Ф. 24. Д. 70.

²⁸ Bell John. John Bell Travels from St. Petersburg in Russia, to various parts of Asia. A journey from St. Petersburg in Russia, to Pekin in China. Edinburgh, 1828. Vol. 1.

²⁹ Катанов Н. Ф. Известия Лоренца Ланге 1716 г. о Сибири и Сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губ. музея. Тобольск, 1905. Вып. 14.

³⁰ Ланганс Ф. Буряты или Братские. Сибирский вестник. 1824. Ч. I. С. 40–43.

³¹ Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

Надо отдать должное работам И. Г. Георги, М. Татаринова и др.³², где этнографический материал излагался с учетом деления бурят на различные локальные группы. В ранних трудах содержались указания на особенности в жилище, пище, костюме, внутреннем убранстве юрты предбайкальских, восточноприбайкальских и забайкальских бурят.

В XIX в. в российской и европейской науке и публицистике был накоплен значительный фактический материал; литература о культуре бурят пополнилась путевыми заметками и обзорами отечественных и иностранных авторов, в силу разных причин оказавшихся в Юго-Восточной Сибири. В их ряду были: Н. М. Астырев³³, Н. А. Бестужев³⁴, Ф. А. Бюлер³⁵, Ю. А. Гагемейстер³⁶, М. М. Геденштром³⁷, А. Гиллер³⁸, О. Евецкий³⁹, М. А. Зензинов⁴⁰, М. А. Кастрен⁴¹, Р. Кейзерлинг⁴², О. М. Ковалевский⁴³, Д. Д. Кохрэн⁴⁴, М. К. Кюхельбекер⁴⁵, Л. Львов⁴⁶, А. Лядов⁴⁷, А. И. Мартос⁴⁸, И.

³² О баргузинских подгорных братских // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 12, июнь. С. 70–81; Ч. 13, июль. С. 16–30.

³³ Астырев Н. М. Монголы-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. 1890. № 12, декабрь. С. 11–53; Он же. Население // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2, Вып. 2. С. 1–190; Он же. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.

³⁴ Бестужев Н. А. Гусиное озеро: статьи, очерк / Б. Дугаров. Улан-Удэ, 1991.

³⁵ Бюлер Ф. А. Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и шаманство // Отечественные зап. 1859. Т. CXXV. С. 201–258.

³⁶ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском Комитете Действительным Статским Советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. II.

³⁷ Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830.

³⁸ Giller Agaton. Zabajkalskiej krainy w Syberyi. Lipsk, 1867.

³⁹ Евецкий О. Поездка из Иркутска в Кяхту чрез Байкал или Святое море // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. М., 1840. Кн. II. С. 102–138.

⁴⁰ Пастух Даурец (Зензинов М. А.). Записки о забайкальских бурятах // Русский вестник. 1842. № 4, апр. С. 17–40.

⁴¹ Кастрен М. А. Путешествие А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / А. Кастрен // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860. Т. 6, Ч. 2: Собрание старых и новых путешествий; Он же. Сочинения / под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика; Коммент. А. П. Зенько, С. Г. Пархимовича. Тюмень, 1999. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849).

⁴² Кейзерлинг Р. Сибирь: Из путевых записок. М., 1900.

⁴³ Ковалевский О. М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. 1829. Т. 27, Кн. 9–10. С. 15–54, 151–264; Он же. Пребывание у бурятов. Из писем г. Ковалевского // Молва. 1833. № 147. С. 585–588, № 153. С. 700–702.

⁴⁴ Cochran John Dundas. Narrative of pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen sea and Kamtchatka. Third edition. London: Printed for Charles Knight, Pall Mall East, 1824. Vol. II.

⁴⁵ Кюхельбекер М. К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ, 1975. С. 25–53.

⁴⁶ Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. № 9–10.

⁴⁷ Лядов А. Буряты // Рассвет. 1861. Т. 12. № 11. С. 229–242.

⁴⁸ Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.

Мевес⁴⁹, И. Г. Миллер⁵⁰, В. Паршин⁵¹, Д. Пинкертон⁵², Я. Потоцкий⁵³, К. Риттер⁵⁴, П. Ровинский⁵⁵, Г. И. Спасский⁵⁶, Д. Стахеев⁵⁷, Б. В. Струве⁵⁸, Н. С. Щукин⁵⁹, Эйрие⁶⁰, Эрман⁶¹ и др. Эти авторы внесли свой вклад в открытие бурят для российского и европейского читателя.

Что касается отдельных компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, то сведения о них носили фрагментарный характер. Часто авторы, являясь известными географами, лингвистами и др., этнографические сюжеты фиксировали лишь как попутный материал. Общим для многих работ было простое описание отдельных элементов культуры жизнеобеспечения.

Однако в общем ряду стоит выделить труды бывшего верхнеудинского исправника М. М. Геденштрома, профессора Казанского университета О. М. Ковалевского, чиновника по особым поручениям при иркутском губернаторе В. Паршина, ссыльного декабриста Н. А. Бестужева и некоторых других авторов, – тех, кто долгое время проживал в Байкальском регионе. Они

⁴⁹ Мевес И. Три года в Сибири и Амурской стране // Отечественные зап. 1863. Т. 148, № 5,6. С. 250–292, 564–588; Т. 149, № 7. С. 60–90.

⁵⁰ Гирченко В. П. Указ. соч.

⁵¹ Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч. 1.

⁵² Pinkerton John. General collection of the best and most interesting voyages and travels in all parts of the world. London, 1811. Vol. VII.

⁵³ Potocki J. Voyage dans le steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829.

⁵⁴ Риттер К. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею: Восточная Сибирь: озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. СПб., 1879. Вып. 1; Он же. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею: Восточная Сибирь: Озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. Новейшие сведения об этих странах (1832–93), служащие последними выпусками к рус. тексту Риттера, изданному по приведенному заглавию в 1879 г. / К. Риттер; [Сост. П. Семенов, И. Д. Риттер, Г. Г. фон Петц]. СПб., 1894. Ч. 1; Он же. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею: Восточная Сибирь: Озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби / К. Риттер; [Сост. П. Семенов, И. Д. Риттер, Г. Г. фон Петц]. СПб., 1895. Ч. 2.

⁵⁵ Ровинский П. Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. 1875. Ч. 4,5. № 11. С. 230–255; № 12. С. 381–388.

⁵⁶ Спасский Г. И. Буряты или братские // Сибирский вестник, 1824. Ч. I–II. Кн. 2. С. 22–86; Он же. Российские монголы // Сибирский вестник, 1824. Ч. 4. С. 167–174.

⁵⁷ Стахеев Д. Очерки бурятской жизни (посвящается Ф. Н. Пахолокову) // Русское слово. 1865, ноябрь. С. 161–226.

⁵⁸ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири (1848–1854 г.). СПб., 1889.

⁵⁹ Щукин Н. С. Буряты // Журнал мин-ва внутр. дел. 1849. № 8. С. 167–187; Он же. Земледелие в Даурии // Журнал мин-ва внутр. дел. 1849. Ч. 25. № 3. С. 423–448; Ч. 26. № 4. С. 69–103; Он же. О скотоводстве в Восточной Сибири // Журнал мин-ва внутр. дел. 1849. Ч. 27, № 9. С. 337–384; Он же. Поездка в Якутск. СПб., 1833; Он же. Поездка на остров Ольхон // Сын Отечества. 1852. № 8. С. 27–56.

⁶⁰ Эйрие. Живописное путешествие по Азии: Пер. Е. Корша. М., 1839. Т. I.

⁶¹ Гирченко В. П. Указ. соч.

оставили развернутые характеристики отдельных сторон культуры и быта бурят.

Отметим, что в XIX в. помимо работ общего плана, появились труды, специально посвященные локальным вариантам культуры бурят. Например, в статье М. А. Зензинова 1842 г. были приведены подробные сведения об агинских бурятах⁶².

Порой авторы высказывали мысли, актуальные и для современной науки. Так, Ю. А. Гагемейстер прозорливо предположил, что бревенчатые юрты были известны предкам бурят еще в дорусский период⁶³. Заметим, что его работа, построенная на знании природно-географических условий и опирающаяся на статистические материалы, была своеобразной прелюдией череды исследований последующего этапа.

П. Ровинский подчеркивал значение межкультурного взаимодействия в освоении Восточной Сибири; обращая внимание на консервативность бурят в быту, он тем не менее обозначил результаты русско-бурятских контактов, в том числе в сфере культуры жизнеобеспечения: «<...> русский указал буряту устроить неподвижную юрту, делать ее из дерева, а не из мелких решеток и войлока»⁶⁴. И хотя эта версия была спорной, она обозначила проблему: генезис бурятских многоугольных срубных юрт в ходе сложного процесса развития и трансформации традиционной культуры.

Оценивая в целом первый этап, можно утверждать, что за период с конца XVII по середину XIX в. была сформирована обширная источниковая база по культуре бурят, в том числе по материальной ее составляющей.

Второй этап (конец XIX – начало XX в.) был связан с началом аналитического изучения культуры бурят, чему способствовали, прежде всего, организация Императорского Русского географического общества (ИРГО) в 1845 г. с выделением его Сибирского отдела (1851 г.), переименованного в 1877 г. в Восточно-Сибирский, и Приамурского (1894 г.)

⁶² Пастух Даурец. Указ. соч.

⁶³ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч.

⁶⁴ Ровинский П. Указ. соч. С. 235, 249.

отделов. При поддержке этих структур был выполнен цикл исследований по культуре бурят, в том числе отдельных компонентов их жизнеобеспечения.

Помимо обзорных публикаций по хозяйству и быту некоторых этнотерриториальных групп и в целом бурятского народа, увидели свет работы, специально посвященные молочной пище и посуде, обработке войлока, кожи и шерсти, войлочной юрте и т. п. Шло накопление сравнительных материалов по разным группам бурят, обращалось внимание на факты межкультурного взаимовлияния бурят и русских.

Новый этап в исследовании предварили мемуарные (по большей части) публикации П. А. Кропоткина⁶⁵, Р. Маака⁶⁶, Г. Радде⁶⁷, А. Раева⁶⁸, А. С. Сгибнева⁶⁹.

Указанный период ознаменовался творчеством таких авторов, как Л. В. Александров⁷⁰, Д. М. Головачев⁷¹, П. М. Головачев⁷², Я. П. Дуброва⁷³, А. Калмыков⁷⁴, М. А. Кроль⁷⁵, Н. А. Крюков⁷⁶, П. Е. Кулаков и И. А. Молодых⁷⁷, М. Моллесон⁷⁸, Г. М. Осокин⁷⁹, Н. И. Разумов и И. Сосновский⁸⁰, А. В.

⁶⁵ Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983; Он же. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. IX, X. С. 1–94.

⁶⁶ Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела императорского Русского географического общества в 1855 году, Р. Мааком. СПб., 1859.

⁶⁷ Радде Г. Озеро Байкал // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 21. С. 107–156.

⁶⁸ Раев А. Буряты // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 24. С. 1–40.

⁶⁹ Сгибнев А. С. Отчет о действиях Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества за 1863 г. // Зап. ИРГО. СПб., 1864. С. 1–66.

⁷⁰ Александров Н. Даурские буряты // По родному краю. Сб. ст. по отечествоведению / сост. В. Львович. М., 1902. С. 358–366.

⁷¹ Головачев Д. М. Бюджеты. СПб., 1898. (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 16); Он же. Население. Хозяйственный быт / Введение и ред. Д. М. Головачева. Чита, 1911.

⁷² Головачев П. М. Сибирь: природа, люди, жизнь. М., 1902.

⁷³ Дуброва Я. П. Женщины у монголо-бурят // Сибирь. 1884. № 35–39; Он же. Поездка в Монголию // Известия ВСОИРГО. 1885. № 1,2,3. С. 24–237; Он же. Экспедиция к берегам р. Селенги // Известия ВСОИРГО. 1884. Т. XV. № 1–2. С. 1–92.

⁷⁴ Калмыков А. Землевладение. СПб., 1898. (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 8).

⁷⁵ Кроль М. А. Краткий очерк истории забайкальских бурят, их общественный строй, брачные и семейные отношения // Известия ИРГО. 1899. Т. XXXV. С. 859–860; Он же. О забайкальских бурятах // Зап. Читин. отд.-ния Приамур. отд. ИРГО. 1896. Вып. I–III. С. 1–26; Он же. По кочевьям забайкальских бурят // Новое слово. 1897. № 5, февр. С. 107–126; № 6, март. С. 134–158; № 7, апр. С. 859–860.

⁷⁶ Крюков Н. А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1895.

⁷⁷ Кулаков П. Е. Буряты Иркутской губернии // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1896. Т. XXVI. № 4–5. С. 118–166; Кулаков П. Е., Молодых И. А. Труды по участию отдела на Всероссийской выставке в 1896 г. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896.

⁷⁸ Моллесон М. Краткий отчет о весенней экскурсии по р. Джиде в 1912 году // Труды ТКОПОИРГО. 1912. Т. 15. Вып. 3. М., 1914. С. 11–24.

Потанина⁸¹, Н. Петерсон⁸², П. Г. Полтораднев⁸³, И. А. Рукавишников⁸⁴, И. И. Серебренников⁸⁵, Я. С. Смолев⁸⁶. Наряду с этнографами, к изучению культуры жизнеобеспечения подключились краеведы, географы и пр. Примечательным для данного периода стало появление исследователей – представителей зарождающейся национальной интеллигенции. Это А. К. Балдунников⁸⁷, Б. Ванчиков⁸⁸, Р. С. Мэрдыеев⁸⁹, М. Н. Хангалов⁹⁰, Г. А. Улаханов⁹¹ и др.

Так, в научном наследии одного из основоположников бурятской этнографии – М. Н. Хангалова – можно выделить работы, раскрывающие локальную специфику жилища, костюма, пищи, утвари у предбайкальских бурят⁹².

Интересна попытка М. Н. Хангалова реконструкции отдельных аспектов материальной культуры предков предбайкальских бурят эпохи т. н. *зэгэтэ-аба* – коллективной облавной охоты. Так, к древним видам жилища им отнесены чум *бухэк* и балаган *булгаһан*; даны обширные и детальные описания технологий обработки кожи, берестяной утвари предбайкальских

⁷⁹ Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906.

⁸⁰ Разумов Н. И. Забайкалье: Свод материалов высочайше учрежденной комиссии для исследования местного землевладения и землепользования под председательством стат-секретаря Куломзина. СПб., 1899; Разумов Н. И., Сосновский И. Население, значение рода у инородцев и ламаизм. СПб., 1898 (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 6).

⁸¹ Потанина А. В. Буряты // Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895; Она же. Буряты: Этнографический очерк. Из наблюдений над жизнью бурят // Сибирский сборник. 1890. Вып. 1. С. 170–178; Она же. Молочное хозяйство у бурят Верхнеудинского округа // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21. № 2. С. 35–41; Она же. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. Второе изд-е. М., 1912.

⁸² Петерсон Н. Возможность и условия поземельного устройства забайкальских кочевых инородцев: Докладная записка по поводу командировки в Забайкалье летом 1900 года делопроизводителя совещания Н. Петерсона / Н. Петерсон. СПб., 1901.

⁸³ Полтораднев П. Г. Буряты / Под ред. Б. Э. Петри; Гос. Иркут. обл. музей. Сер. крат. путеводителей. Иркутск, 1927. № 3. 8 с.; Он же. Окинский край // Жизнь Бурятии. 1930. № 5–6. С. 54–65.

⁸⁴ Рукавишников И. А. Очерки хозяйственного быта бурят Селенгинской Даурии. Иркутск, 1923.

⁸⁵ Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование / Под ред. и с введ. Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск, 1925. Т. 1.

⁸⁶ Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк. М., 1900.

⁸⁷ Балдунников А. К. К вопросу о тарасунокурении и шаманстве среди бурят // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 43–45.

⁸⁸ Ванчиков Б. Войлочная юрта агинских бурят // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 37–40.

⁸⁹ Мэрдыеев Р. С. Изделия из шерсти и волоса в Аларском аймаке. Верхнеудинск, 1928.

⁹⁰ Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 1.

⁹¹ Улаханов Г. А. Кожевенное кустарное производство у северных бурят // Там же. С. 34–36.

⁹² Хангалов М. Н. Указ. соч. 1958. С. 205–252.

бурят и т. д. С позиции сегодняшних знаний не все идеи бурятского ученого прошли проверку временем, но, например, предположение о восприятии войлочной юрты предбайкальскими бурятами у забайкальских нашло подтверждение в поздних работах. Полное собрание сочинений М. Н. Хангалова, включавшее опубликованные и неопубликованные работы, вышло впервые только в 1958–1960 гг., что позволило в полном объеме оценить его истинный вклад в бурятскую этнографию.

С позиций оценки генезиса и трансформации бурятской культуры также интересны работы А. В. Потаниной; среди них статья 1890 г.⁹³, в которой, давая описание материальной культуры бурят Забайкалья и Предбайкалья, автор выявила некоторые субрегиональные различия, и что важно, показала влияние на них русской традиции. Ею было высказано мнение о явно заимствованном характере суконной шинели у бурят, на что указывало ее название, *саба*, созвучное русскому слову шуба.

Помимо проблем развития культуры, в ходе второго этапа началось обсуждение проблем воздействия природно-экологических условий на хозяйственную деятельность бурят. Этой тематике были посвящены работы М. А. Кроль, где автор привел примеры смены хозяйственной специализации закаменских (осуществили переход от скотоводческой экономики к скотоводческо-охотничьей) и кударинских (произошла смена скотоводческой экономики на скотоводческо-рыболовецкую) бурят после миграции на новые территории⁹⁴.

В работе П. Е. Кулакова о бурятах Иркутской губернии также рассматривались изменения, произошедшие в конце XIX в.: речь шла о новациях в быту балаганских бурят под влиянием русских санитарно-гигиенических норм (начало использования бань и умывальников, стеклянной посуды и столовых приборов, улучшение технологии приготовления пищи).

⁹³ Потанина А. В. Указ. соч., 1890.

⁹⁴ Кроль М. А. Указ. соч., 1899. С. 859.

В другом исследовании, выполненном П. Е. Кулаковым совместно с И. А. Молодых, были даны описания разных форм сезонных поселений, типов дворов и жилищ, встречавшихся у бурят Иркутской губернии; отмечена специфика внутреннего убранства жилища и питания у разных групп, в том числе показано влияние на них русской традиции. Большим достоинством данного совместного труда является сопровождение текста фотоматериалами, представляющими дополнительный источник информации.

На рубеже XIX–XX вв. интерес к изучению культурных и производственных традиций бурят подстегнула землеустроительная реформа, подготовка к которой вызвала масштабные исследования состояния сельского хозяйства Восточной Сибири.

Показательна докладная записка командированного летом 1900 г. в Забайкалье делопроизводителя Н. Петерсона⁹⁵. Оценивая потенциал коренного населения, он отметил более высокий уровень обеспеченности жильем бурят, связав его с традицией многоженства и сохранения большой патриархальной семьи, когда каждому женатому сыну в отцовской усадьбе ставилась отдельная деревянная юрта. Научную ценность имели его выкладки по семейным бюджетам русского и автохтонного населения Забайкалья в части расходов на питание. При отдельных фактических ошибках, в целом эта и подобные работы ознаменовали становление аналитического системного подхода с акцентом на социально-экономическую составляющую в оценке традиционной системы хозяйствования бурят.

Стоит также упомянуть в этой связи труды Комиссии А. Н. Куломзина 1895–1900 гг., в цикле которых были изданы книги Д. Головачева, А. Калмыкова, Н. А. Крюкова, Н. Петерсона, Н. И. Разумова, И. Сосновского и др. Для всех этих авторов было характерно привлечение обширного статистического материала. Присущий данным работам сравнительный

⁹⁵ Петерсон Н. Указ. соч.

исследовательский подход позволил детализировать различия между этническими культурами Забайкалья.

В книге Д. М. Головачева⁹⁶, касающейся бюджетов населения Забайкалья, рассматривалась обеспеченность жилыми и хозяйственными постройками, сельскохозяйственным инвентарем ряда бурятских общин; оценивался уровень потребления пищевых продуктов у различных хозяйственно-бытовых и социальных групп. Сделанные в работе срезы по отдельным группам бурятского общества дополнили общую картину состояния жилищно-поселенческого комплекса и комплекса питания.

В начале XX в. исследования по проблемам материальной культуры бурят были продолжены краеведами, объединившимися в рамках Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова и Бурят-Монгольской секции ВСОРГО. Эти организации возникли в 1923–1925 гг. и были созданы, главным образом, с целью изучения истории и культуры бурят. Благодаря новому поколению бурятских исследователей изучение родной для них культуры приобрело углубленный характер. Так, Б. Ванчиковым было дано детальное описание войлочной юрты у агинских бурят, охарактеризованы разные виды войлочных покрышек юрты; Г. А. Улаханов в своей работе затронул технологию обработки кожи некоторыми группами предбайкальских бурят (унгинскими и аларскими); в работе Р. С. Мырдыгеева была показана специфика обработки шерсти и волоса аларскими бурятами, охарактеризованы связанные с технологиями обрядность и народные приметы.

В это время появился интерес к синтетическим исследованиям. Из работ этого плана можно упомянуть статьи Б. Э. Петри и П. П. Хороших⁹⁷, которые дали начало новому направлению в бурятоведении, связанному с анализом декора жилища, народного костюма, конского снаряжения.

⁹⁶ Головачев Д. М. Указ. соч., 1898.

⁹⁷ Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят. СПб., 1918. С. 215–252 (Сб. МАЭ АН; Т. V., Вып. I); Хороших П. П. Материалы по орнаменту ольхонских бурят // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 211–214; Он же. Материалы по орнаменту северных бурят. Узоры на шитых работах // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 37–40.

В целом, в зависимости от предметно-методологической области на втором этапе изучения культуры жизнеобеспечения бурят можно выделить следующие исследовательские подходы: историко-этнографический; экономико-географический; искусствоведческий.

Третий этап в исследовании темы связан с развитием советской региональной этнографии с 1930-х гг. Системное изучение истории и этнографии бурят стало возможно благодаря организации в 1929 г. Государственного института культуры БМАССР (г. Улан-Удэ), реорганизованного в 1936 г. в Бурят-Монгольский институт языка, литературы и истории; а в 1958 г. – в Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР с последующим выделением из него Бурятского института общественных наук СО АН СССР.

Становление этого центра происходило при поддержке ряда российских институтов, в том числе Института этнографии АН СССР. Результатом целенаправленных проектов в масштабах СССР стало появление с 1950-х гг. монографических и других изданий о материальной культуре бурят и отдельных ее составляющих с использованием современного научного инструментария. Развиваясь в русле отечественной традиции, бурятская этнография строилась с опорой на методологию научного коммунизма, один из постулатов которого был связан с утверждением дихотомии духовной и материальной культуры.

На основе теоретических разработок советской школы этнографии был осуществлен анализ традиционной и современной материальной культуры бурят, и их территориальных групп: агинских – Л. Л. Линховоин⁹⁸, янгутских бурят – И. М. Манжигеев⁹⁹ и т. д.

При создании обобщающих трудов по истории и культуре народов Сибири, конкретно Байкальского региона и Бурятской АССР (до 1958 г.

⁹⁸ Линховоин Л. Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972.

⁹⁹ Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ, 1960.

Бурят-Монгольской АССР), были написаны разделы, посвященные поселениям, жилищу, костюму и пище бурят¹⁰⁰.

Важным фактором в развитии этнографических исследований 1960–х гг. стала подготовка обобщающих фундаментальных исследований «История Сибири» (1968–1969 гг.) и «Народы Сибири» (1956 г.).

Начало системных исследований, в том числе в бурятоведении, было связано с деятельностью академика А. П. Окладникова, первая монография которого была посвящена истории западных бурят¹⁰¹. В его более поздних статьях, составивших отдельный сборник, был поднят вопрос об истоках культуры бурят (в частности, о вероятности среднеазиатского происхождения бурятского поливного земледелия и кузнечного дела)¹⁰². На основе изучения исторических документов и литературных источников XVII в. он предположил, что в дорусский период часть предбайкальских бурят вела полуоседлый образ жизни. По мнению выдающегося ученого, в Предбайкалье в исторической ретроспективе можно было проследить переход от зародившегося еще в древнетюркский период поливного земледелия к моделям скотоводческой экономики с сохранением в пережиточной форме элементов земледельческого хозяйства.

Одним из основных трендов исследований 1950–70-х гг. стало изучение механизмов социалистической модернизации народов России. Он получил развитие в монографиях И. Е. Тугутова¹⁰³, К. В. Вяткиной¹⁰⁴, Р. Д. Бадмаевой¹⁰⁵, посвященных бурятской культуре.

¹⁰⁰ Историко-этнографический атлас Сибири / Под. ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова; АН СССР. М., 1972. С. 209–234; История Бурят-Монгольской АССР / Под. ред. А. П. Окладникова; БМНИИК. Улан-Удэ, 1951. Т. 1; История Бурят-Монгольской АССР: В 2-х т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Гл. ред. П. Т. Хаптаев; БМНИИК. Улан-Удэ, 1954. Т. 1; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. / Гл. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л., 1968–1969. Т. 1: Древняя Сибирь. 1968; Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 1968; Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956; Очерки истории культуры Бурятии / Ред. кол.: Е. М. Залкинд (отв. ред.), Н. В. Ким, Т. М. Михайлов. Улан-Удэ, 1972. Т. 1; Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР / Под. ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1960; Народы мира: историко-этнографический справочник / Под. ред. Ю. В. Бромлея. М., 1988.

¹⁰¹ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII). Л., 1937.

¹⁰² Окладников А. П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1976.

¹⁰³ Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958.

¹⁰⁴ Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969.

¹⁰⁵ Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987.

Обобщающий характер имела работа К. В. Вяткиной 1969 г., в которой были представлены данные по всем сферам бурятской культуры жизнеобеспечения XIX – начала XX в., зафиксировано наличие этнолокальных различий, показана их трансформация в советское время¹⁰⁶.

В своей монографии И. Е. Тугутов стремился показать перемены в материальной культуре бурят, произошедшие в ходе социалистических преобразований¹⁰⁷. Хотя хронологически данное исследование лежит вне рамок нашей темы, тем не менее, содержащиеся в нем описания традиционного жилища, его внутренней обстановки, пищи и народного костюма, в определенной степени дают представление о культуре жизнеобеспечения селенгинских и предбайкальских бурят на конец XIX – начало XX в.

В рамках обобщающих исследований по типологии костюма народов Сибири (верхней одежды¹⁰⁸, обуви¹⁰⁹, шаманского костюма¹¹⁰) осуществила изучение традиционного бурятского костюма Р. Д. Бадмаева. Ею была предложена авторская типология костюмного комплекса бурят с делением по гендерному признаку и функциональному назначению. Автор показал разницу в происхождении западнобурятского и восточнобурятского костюмных комплексов, их связь с древними и современными народами Южной Сибири и Центральной Азии, проследил трансформацию народного костюма бурят в советский период¹¹¹.

Наряду с исследованиями общего характера в советской региональной этнографии поднимались частные вопросы – например, предпринимались попытки реконструкции традиций и оценки трансформации жилищно-поселенческого комплекса бурят (труды К. Д. Басаевой, Г. Э. Дамбаева, Б. Р.

¹⁰⁶ Вяткина К. В. Указ. соч.

¹⁰⁷ Тугутов И. Е. Указ. соч.

¹⁰⁸ Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщ. / Ин-т этнографии. 1952. Вып. 15. С. 19–22.

¹⁰⁹ Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сб. МАЭ. 1963. Т. 21. С. 3–64.

¹¹⁰ Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. 1971. Т. 27: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. С. 5–100; Иванов С. В. Элементы военной (защитной) одежды в шаманских костюмах народов Сибири // Краткое содержание докл. Годичной науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1970. Л., 1971. С. 47–48.

¹¹¹ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987.

Зориктуева и Ю. Б. Рандалова)¹¹²; изучалась локальная специфика молочной пищи у агинских и баргузинских бурят¹¹³.

В работе И. М. Манжигеева 1960 г. домашнему быту одного из территориально-родовых подразделений предбайкальских бурят, янгутских бурят, посвящен самостоятельный раздел¹¹⁴. Приведенные автором описания акцентировали общее в культуре бурят Предбайкалья и позволяли выделить специфику культуры жизнеобеспечения янгутской группы. При этом автор обращал внимание на культурные заимствования, воспринятые ею главным образом от русских.

Основываясь на литературных источниках, К. Д. Басаева попыталась ответить на вопрос, каким было жилище западных бурят в конце XVII – начале XX в.; ею был поставлен вопрос о появлении войлочной юрты в бурятской культуре; рассмотрены проблемы планировки и убранства жилища с акцентом на функциональный признак¹¹⁵.

Традиционному быту и хозяйству агинских бурят конца XIX – начала XX в. посвящается книга Л. Л. Линховойна¹¹⁶. Она интересна подробным изложением материала, и содержит важные в сравнительном плане сведения по компонентам культуры жизнеобеспечения одной из этнолокальных групп бурят.

Для изучения вопросов развития культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определенное значение имели труды ученых, занимавшихся историей Байкальского региона, в особенности бурятского хозяйства, –

¹¹² Дамбаев Г. Э. Современное жилище баргузинских бурят // Этногр. сб. 1969. Вып. 5. С. 11–15; Рандалов Ю. Б. Современное поселение и жилище бурят (По материалам Бичурского аймака) // Этногр. об. 1965. Вып. 4. Культура и быт народов Бурятии. С. 55–72; Зориктуев Б. Р. Современный быт бурятского села. Новосибирск, 1982; Басаева К. Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 102–125.

¹¹³ Жигмитов Д. Б. Молочные блюда агинских бурят // Этногр. сб. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. С. 141–143; Уртюбаев Д. Ц. Молочная пища баргузинских бурят // Там же. С. 137–140.

¹¹⁴ Манжигеев И. М. Указ. соч.

¹¹⁵ Басаева К. Д. Указ. соч., 1984.

¹¹⁶ Линховойн Л. Л. Указ. соч.

таких, как И. А. Асалханов, Е. М. Залкинд, С. Г. Жамбалова, Ф. А. Кудрявцев, М. М. Шмулевич¹¹⁷.

Художественные аспекты элементов костюма и внутреннего убранства жилища были раскрыты в трудах С. В. Иванова, Н. В. Кочешкова, Л. Р. Павлинской, И. И. Соктоевой, А. В. Тумахани¹¹⁸.

После выхода из печати в 1970 г. работы А. В. Тумахани¹¹⁹, возродился интерес к изучению традиционной орнаментики и декоративно-прикладного искусства. В ряду значительных исследований в этой области можно назвать монографию Н. В. Кочешкова 1979 г., где был прослежен генезис декорирования различных предметов быта и культуры монголов, бурят и калмыков; доказаны общие корни культуры монгольских народов и выявлена этнокультурная специфика в их декоративном творчестве¹²⁰.

Исследованию бурятской торевтики посвящена кандидатская диссертация Л. Р. Павлинской 1987 г.¹²¹. Автор дала характеристику художественного металла в снаряжении всадника и коня, в костюме и атрибутах шамана. Применяв в работе сравнительный подход, она выявила экзогенные и эндогенные процессы в бурятской торевтике, обозначив локальную специфику. Ценными являются сделанные ею выводы, в частности, о генезисе наборных поясов у бурят.

¹¹⁷ Асалханов И. А. Об одном нойонском хозяйстве второй половины XIX в. // Краткие сообщения БКНИИ. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4. С. 72–83; Он же. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Он же. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975; Залкинд Е. М. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII в. // Зап. Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, 1956. Вып. XXIV. С. 140–170; Он же. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958; Он же. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М., 1970; Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991; Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60–х гг. XIX в. М.; Л., 1940; Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985.

¹¹⁸ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963; Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX в. М., 1979; Павлинская Л. Р. Художественный металл бурят XIX – начала XX в. в историко-этнографическом аспекте: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987; Соктоева И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. Новосибирск, 1988; Тумахани А. В. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970.

¹¹⁹ Тумахани А. В. Указ. соч.

¹²⁰ Кочешков Н. В. Указ. соч.

¹²¹ Павлинская Л. Р. Указ. соч., 1987.

Начало семиотических исследований в бурятоведении было положено небольшой работой К. Вэддлингтона, касавшейся жилища бурят¹²². Следующим, кто заинтересовался символическим значением вещей, был Д. С. Дугаров. На базе большого круга источников им была выделена орнитозооморфная символика женской одежды, связанная с ритуальной обрядностью и, по мнению автора, связанная с архаичными тотемистическими представлениями¹²³.

Итак, третий этап в изучении темы характеризовался развитием историко-этнографического и искусствоведческого подходов, вместе с тем в исследованиях по женской одежде и жилищу был апробирован семиотический подход. Отличительной чертой многих публикаций второй половины XX в. была их идеологизация, проявлявшаяся в сопоставлении традиционного и современного облика этнической культуры с целью подчеркнуть те качественные изменения, что произошли в рамках советского строя.

Четвертый, современный этап в изучении компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, начинается с 1990-х гг. Он отмечен трансляцией традиционных и поисками новых подходов, вводом в научный оборот значительного числа ранее неопубликованных источников. Этот период ознаменовался резким подъемом интереса у исследователей к традиционной бурятской культуре.

Сегодня проведение этнографических и этнологических изысканий по культуре бурят, в основном, осуществляется в научных и образовательных центрах Бурятии: в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в Восточно-Сибирской государственной академии культуры и

¹²² Вэддлингтон К. Символический аспект в развитии бурятского жилища // Этническая история и современное национальное развитие народов мира: Тез. докл. конф. молодых науч. сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР. М., 1967. С. 19–23.

¹²³ Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // СЭ. 1983. № 5. С. 104–113; Он же. Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1983. С. 36–51.

искусств и др. при взаимодействии с исследователями из других российских регионов.

Заметным событием в развитии бурятоведения стал выход в 1993 г. сборника статей по традиционной культуре и хозяйству монгольских и тюрко-сибирских народов. Собранные в нем работы Т. М. Михайлова, К. Д. Басаевой, Г. Р. Галдановой обозначили многофакторный (с учетом внутренних процессов и внешних влияний) подход в изучении проблем культуры жизнеобеспечения бурят на примере анализа жилищно-поселенческого комплекса и пищи отдельных этнотерриториальных групп¹²⁴.

Важную роль для понимания генезиса и эволюции поселений и жилищ, а также пищи бурят сыграли публикации по истории и археологии Юго-Восточной Сибири таких авторов, как А. С.-Д. Балданова¹²⁵, И. Б. Батуева¹²⁶, Б. Б. Дашибалов¹²⁷, А. М. Курышов¹²⁸, Д. Д. Мангатаева¹²⁹, Д. М. Маншеев¹³⁰, В. А. Михайлов¹³¹ и др.

В современной бурятоведческой литературе утверждаются новые способы типологизации культуры: происходит отказ от дихотомии материального и духовного с признанием более дробной ее структуры. При этом исследователи обращаются к системному подходу с учетом взаимодействия различных сфер культуры. В рамках данного подхода

¹²⁴ Басаева К. Д. Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 36–52; Галданова Г. Р. Ритуальная пища монгольских народов // Там же. С. 141–150; Михайлов Т. М. Из истории поселений идинских бурят // Там же. С. 52–89.

¹²⁵ Балданова А. С.-Д. Традиционное хозяйственное природопользование бурят в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997.

¹²⁶ Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Очерки истории селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1993; Батуева И. Б. Буряты на рубеже XIX–XX вв. Улан-Удэ, 1992; Она же. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ, 1999; Она же. Буряты. Традиции скотоводческой культуры в XIX – начале XX века. Улан-Удэ, 2013.

¹²⁷ Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995; Он же. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ, 2005.

¹²⁸ Курышов А. М. Трансформация системы традиционного хозяйства коренных народов Прибайкалья на рубеже XIX–XX столетий. Иркутск, 2011.

¹²⁹ Мангатаева Д. Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона / Под ред. Раднаева Б. Л. Новосибирск, 2000.

¹³⁰ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011.

¹³¹ Михайлов В. А. Войлочная и деревянная юрты бурят. Улан-Удэ, 1993; Он же. Традиционные занятия бурят: животноводство, земледелие (XVII – начало XX века). Улан-Удэ, 2005; Он же. Традиционные промыслы бурят: охота, рыболовство (XVII – начало XX века). Улан-Удэ, 2006а; Он же. Традиционные ремесла бурят: строительство, металлообработка (XVII – начало XX века). Улан-Удэ, 2006б.

большое внимание уделяется проблемам символики и семантики традиционной бытовой культуры. На материалах костюмного и жилищно-поселенческого комплексов, интерьера жилища в работах М. Б. Дагдановой, С. Б. Самбуевой, М. М. Содномпиловой¹³² дана оценка знаковых и символических функций вещного мира бурят в сравнении с культурами тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

Итогом глубоких и всесторонних исследований в области истории и культуры бурят стало академическое издание «Буряты» 2004 г. из многотомной серии ИАЭ РАН «Народы и культуры». В нем культуре жизнеобеспечения посвящен отдельный раздел, авторы (Н. Л. Жуковская, С. Г. Жамбалова, Д. А. Николаева) которого постарались обобщить результаты изучения российскими этнографами поселений и жилищ, костюма и пищи бурят¹³³.

Обстоятельно были освещены на материалах культуры жизнеобеспечения проблемы межэтнического взаимодействия Байкальского региона XVII – начала XX в. в трудах О. В. Бураевой¹³⁴.

Проблемы адаптации и аккультурации агинских бурят к российской экономике во второй половине XIX – начале XX в. были подняты в работе Н. Н. Крадина¹³⁵. Скотоводческое хозяйство у данной группы бурят, как доказывает автор, обладало чертами, типичными для кочевой экономики Центральной Азии (внутривидовая структура стада, лимитирующая роль среды обитания, принципы присвоения кормовых угодий и т. д.). В ходе

¹³² Дагданова М. Б. Традиционный женский костюм западных бурят: дифференцированные функции.: Дис. ... канд.ист.наук. Улан-Удэ, 2005; Самбуева С. Б. Символика традиционного бурятского женского костюма.: Дис. ... канд.ист.наук. Улан-Удэ, 2000; Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005; Она же. Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов.: Автореф. дис. докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2011.

¹³³ Жамбалова С. Г. Поселения и жилища // Буряты. М., 2004. С. 136–151; Жуковская Н. Л. Пища и кулинарные традиции // Буряты. М., 2004. С. 166–180; Николаева Д. А. Одежда и украшения // Буряты. М., 2004. С. 151–166.

¹³⁴ Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. Улан-Удэ, 2005б.

¹³⁵ Крадин Н. Н. Кочевое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. Т. XII. Fasc. 11. С. 213–244.

адаптации в их среде получили развитие седентаризационные процессы и сформировалась товарная направленность местного скотоводства.

В настоящее время в Бурятии активно развиваются исследования на уровне этнолокальных сообществ. В историко-этнографических очерках о закаменских бурятах второй половины XIX – первой половины XX в. Г. Р. Галданова рассматривает различные компоненты культуры жизнеобеспечения¹³⁶. Поселения, жилища, внутренне устройство жилища, народный костюм и пища затрагиваются в монографии С. Г. Жамбаловой, посвященной системе природопользования и традиционной экономике ольхонских бурят XIX–XX вв.¹³⁷, и в работе Д. М. Маншеева по хозяйству присаянских бурят конца XIX – начала XX в.¹³⁸.

И хотя материал в сфере изучения культуры жизнеобеспечения бурят накоплен огромный, в бурятоведческой литературе нет на сегодняшний день обобщающего исследования, раскрывающего последовательные этапы формирования и развития традиций жизнеобеспечения бурят во всем многообразии локальных вариантов за длительный исторический период – XVIII–XIX вв.

Именно этому посвящено авторское исследование, которое опирается на продолжающиеся с 1990–х гг. разработки проблем оценки традиционных технологий и вещевых комплексов бурят¹³⁹.

Методология и методика исследования

Концептуально-методологическую основу диссертации составляет синтез разнообразных научных подходов и методов исследования, при этом базовыми являются разработанные в российской этнографической науке теории культуры и культуры жизнеобеспечения.

¹³⁶ Галданова Г. Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки. (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск, 1992.

¹³⁷ Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск, 2000.

¹³⁸ Маншеев Д. М. Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присянья (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ, 2006.

¹³⁹ Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск, 1997.

Разработка теории культуры и ее сфер в советской этнографии приходится на конец 1970–х гг. Под культурой автор, согласно признанному определению Э. С. Маркаряна, понимает способ человеческой деятельности, ориентированный на адаптационно-адаптирующие механизмы¹⁴⁰. При этом в данной работе также учитывается предложенное С. А. Арутюновым¹⁴¹ принципиальное различие культуры этноса и этнической культуры.

Термин *subsistence/жизнеобеспечение* стал активно использоваться американской антропологией с 1938 г. при характеристике технологии добывания и производства пищи. В современной англо-американской гуманитарной науке под жизнеобеспечением продолжают понимать связанные с добычей и производством пищи хозяйственные занятия (охота, собирательство, ранние формы земледелия и скотоводства)¹⁴².

В рамках этнической культуры выделяется культура жизнеобеспечения. Ее теоретическое обоснование было изложено в монографии С. А. Арутюнова, Э. С. Маркаряна, Ю. И. Мкртумяна 1983 г.¹⁴³. Наряду с культурой жизнеобеспечения авторы выделяли: культуру первичного производства, соционормативную и гуманитарную культуры; подчеркивалось существование промежуточных компонентов между основными составляющими культуры. Были также определены основные и периферийные компоненты культуры жизнеобеспечения, выявлены связи между ними, показана связь духовной и производственной сфер.

Окончательную формулировку понятия «культура жизнеобеспечения» С. А. Арутюнов предложил в работе 1989 г., подчеркнув важность престижных, эстетических, ритуально-культовых и некоторых других аспектов¹⁴⁴. В его редакции культура жизнеобеспечения трактовалась как та

¹⁴⁰ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

¹⁴¹ Арутюнов С. А. Указ. соч., 1989.

¹⁴² Лурье С. В. Историческая этнология. Изд 1-е. М., 1997.

¹⁴³ Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Культура жизнеобеспечения и этнос. М., 1983.

¹⁴⁴ Арутюнов С. А. Указ. соч., 1989.

часть культуры, которая была направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей¹⁴⁵.

При характеристике культуры жизнеобеспечения С. А. Арутюнов на примере системы питания ввел такие понятия, как «система», «модель», «тип». Им также выявлены закономерности становления и развития комплекса питания в связи с хозяйственно-культурными типами, обоснована возможность выделения в нем историко-генетических пластов.

Вслед за работами этого выдающегося ученого культура жизнеобеспечения и ее компонентный состав стали предметом широкого научного обсуждения. Свое мнение по этим вопросам высказали А. В. Головнев¹⁴⁶, Н. А. Томилов¹⁴⁷, А. Н. Ямсков¹⁴⁸, И. Ю. Трушкова¹⁴⁹, И. И. Назаров¹⁵⁰ и др.

В настоящее время разделительная черта в этом дискурсе проходит между теми, кто признает изначально предложенную структуру культуры жизнеобеспечения с допущением в ней небольших вариаций, и теми, кто считает возможным расширить предметно-объектную область исследований.

Расширительный подход к проблеме сформирован работами В. И. Козлова, который определяет жизнеобеспечение как «процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания и путем развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства»¹⁵¹. Всеобъемлющий характер данной дефиниции позволяет

¹⁴⁵ Арутюнов С. А. Указ. соч., 1989. С. 201.

¹⁴⁶ Головнев А. В. Указ. соч. С. 18–19.

¹⁴⁷ Томилов Н. А. Культура и ее структурные сферы // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1. С. 39–43.

¹⁴⁸ Ямсков А. Н. История развития концепции этноэкосистемы в отечественной этноэкологии и характеристики ее структурных блоков // Экологии древних и современных обществ. Тюмень, 2003. Вып. 2. С. 271–273.

¹⁴⁹ Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX в. (система жизнеобеспечения): Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2003.

¹⁵⁰ Назаров И. И. Традиционное хозяйство и культура жизнеобеспечения кумандинцев во второй половине XIX – XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004.

¹⁵¹ Козлов В. И. Жизнеобеспечение этноса: Содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991. С. 26.

включить в сферу жизнеобеспечения многие явления, в том числе, например народную медицину/этномедицину (Л. И. Никонова¹⁵², Г. И. Мальцев¹⁵³, И. А. Кандрина¹⁵⁴ и др.).

Сторонником расширительной трактовки культуры жизнеобеспечения является И. Н. Белобородова, которая определяет ее как целостный групповой опыт социума в контексте взаимодействия «человек-природа» и освоение этим сообществом пространственно-временного континуума¹⁵⁵. С ее точки зрения, базовым в изучении культуры жизнеобеспечения следует признать «социально-территориальную систему», как некую результирующую социологической и культурологической характеристик региона¹⁵⁶.

Подобной же позиции придерживается и И. Ю. Трушкова, которая предлагает через введение положения о культурных технологиях представлять традиционную культуру как культуру жизнеобеспечения. Культурные технологии исследовательница рассматривает как механизмы культурной деятельности в разных сферах общественной жизни, направленные на созидание. Она разводит понятия «культура жизнеобеспечения» и «система жизнеобеспечения», понимая под культурой жизнеобеспечения – комплекс механизмов обеспечения жизни на разных стадиях развития культуры (доиндустриальной, индустриальной и т. д.), а под системой жизнеобеспечения – комплекс элементов и явлений культуры, направленный на обеспечение процессов жизнедеятельности человеческого сообщества¹⁵⁷.

¹⁵² Никонова Л. И. Этномедицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья в системе их жизнеобеспечения: Историко-этнографическое исследование: Автореф. дис. докт. ист. наук. Саранск, 2001.

¹⁵³ Мальцев Г. И. Народная медицина коми-пермяков конца XIX – начала XX века (историко-этнографический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000.

¹⁵⁴ Кандрина И. А. Баня в материальной и духовной культуре финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья.: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.

¹⁵⁵ Белобородова И. Н. Культура жизнеобеспечения: этнографические аспекты изучения социально-природных систем // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва (8–11 июня 1999 г.). М., 1999. С. 62–63.

¹⁵⁶ Белобородова И. Н. Традиционное природопользование русских Архангельского Севера: историко-этнологический подход к определению исследовательского поля // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 1.

¹⁵⁷ Трушкова И. Ю. Указ. соч. С. 31.

Широкое толкование культуры жизнеобеспечения характерно не только для российской этнографии, но и для науки стран СНГ. Некоторые казахстанские ученые, например, Н. А. Алимбай рассматривает в ее структуре, помимо поселений, жилища, одежды, утвари и мебелировки, различные виды народных знаний¹⁵⁸; Т. А. Сулейменов определяет культуру жизнеобеспечения как систему структур повседневных практик и структур сакральности, ориентированных на удовлетворение потребностей человека и уравновешенных друг с другом¹⁵⁹. При этом он противопоставляет культуру жизнеобеспечения оседло-земледельческой и номадной традиций.

Отдельного упоминания заслуживает концепция А. Н. Ямскова. Ориентируясь на точку зрения В. И. Козлова, он вводит понятие «культура материального жизнеобеспечения», ограничивая его такими компонентами как пища, одежда и жилище, которые, как он считает, обладают функциями регулирования энергетических связей организма человека с природной средой. При этом ученый исключает поселения из компонентов культуры материального жизнеобеспечения, т. к. они эти функции не выполняют. Поселения он относит к культуре расселения, которую объединяет с культурой первичного производства в рамках «культуры природопользования и расселения»¹⁶⁰.

Авторская позиция предполагает, что культура жизнеобеспечения структурно подразделяется на основные компоненты (жилищно-поселенческий комплекс и комплекс питания) и периферийные (интерьер жилища и костюм).

Изучение культуры жизнеобеспечения невозможно без обращения к теории адаптации, получившей всестороннее развитие благодаря работам

¹⁵⁸ Алимбай Н. А. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Алимбай Н. А., Муканов М. С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы, 1998. С. 10–61.

¹⁵⁹ Сулейменов Т. А. О некоторых особенностях культуры жизнеобеспечения кочевой цивилизации. URL: http://www.rusnauka.com/7_NND_2009/Philosophia/42964.doc.htm (дата обращения: 09.06.2011)

¹⁶⁰ Ямсков А. Н. Указ. соч., 2008.

зарубежных и российских авторов – специалистов в этнографии, биологии, психологии и т. д.

Отечественная библиография по проблеме адаптации значительна. Первые труды по этой проблеме были связаны с этнической экологией (Э. С. Маркарян¹⁶¹, И. И. Крупник¹⁶², В. И. Козлов¹⁶³ и др.), в дальнейшем большое внимание было уделено рассмотрению разнообразных аспектов социокультурной и этнокультурной адаптации (Арутюнян Ю. В.¹⁶⁴, Р. Г. Кузеев¹⁶⁵, З. П. Соколова¹⁶⁶, В. А. Тишков¹⁶⁷, О. Н. Шелегина¹⁶⁸, А. Ю. Майничева¹⁶⁹, А. Н. Ямсков¹⁷⁰ и др.).

В рамках авторского исследования операционное понятие «адаптация» (в российской этнографии обычно определяемое как приспособление человека и народа к среде обитания, и как результат этого процесса) было использовано при рассмотрении миграций бурят XVIII в. в границах Восточного Присаянья, Западного Забайкалья, Восточного Прибайкалья. Одновременно с процессом хозяйственно-культурной адаптации к новым экологическим зонам происходила и социокультурная адаптация, имевшая как внутриэтнический (на уровне сообществ, вошедших в формирующийся бурятский народ), так и внеэтнический (адаптация различных групп бурят к изменениям этнического и социально-экономического контекста) характер.

¹⁶¹ Маркарян Э. С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 96–109; Он же. Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // ВАН СССР. 1981. № 1. С. 111–117.

¹⁶² Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

¹⁶³ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3–16.

¹⁶⁴ Арутюнян Ю. В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 13–21; Он же. Армяне-россияне: опыт социально-культурной адаптации // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 92–99; Он же. Трансформация постсоветских наций. М., 2003.

¹⁶⁵ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав и история расселения. М., 1974.

¹⁶⁶ Соколова З. П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // СЭ. 1991. № 4. С. 3–17.

¹⁶⁷ Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

¹⁶⁸ Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XIX вв.). М., 2001. Вып. 1; Она же. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. М., 2002. Вып. 2.

¹⁶⁹ Майничева А. Ю. Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации. XVII–XX вв. Автореф. дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 2005.

¹⁷⁰ Ямсков А. Н. Культура и культурная адаптация в этноэкологических исследованиях: к вопросу о содержании некоторых понятий и терминах // Эволюция. 2005. № 2. С. 50–53; Он же. Социально-демографические показатели адаптированности сельского населения к постсоветским условиям жизни // Экология древних и современных обществ: тез. докл. конф. Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 302–305.

Теоретическую базу исследования также составили работы ведущих отечественных и иностранных исследователей Т. Дж. Барфилда¹⁷¹, С. И. Вайнштейна¹⁷², Н. Л. Жуковской¹⁷³, Н. Н. Крадина¹⁷⁴, Г. Е. Маркова¹⁷⁵, Н. Э. Масанова¹⁷⁶, А. М. Хазанова¹⁷⁷ и др., посвященные проблемам номадизма.

Важное значение для данной работы имели известные в отечественной науке определение номадизма и опыт типологии скотоводческих хозяйств и форм кочевания (см. С. И. Вайнштейн и др.)¹⁷⁸.

В авторском исследовании использовалась выдвинутая А. М. Хазановым классификация форм скотоводства, базирующаяся на изменении пропорций между скотоводством и земледелием в экономике традиционных обществ¹⁷⁹. С точки зрения общего понимания номадизма классификация А. М. Хазанова выглядит более предпочтительной: он выделяет, помимо кочевого, полукочевого и полuosедлого скотоводства, пастушеское (отгонно-пастбищное) и яйлажное.

В классификации С. И. Вайнштейна, созданной в результате изучения культур Южной Сибири, есть привлекательный для исследования культуры жизнеобеспечения аспект – развитие поселений и жилищ у скотоводов. В данной работе указанные типологии будут использоваться для характеристики бурятского хозяйства в XVIII–XIX вв.

¹⁷¹ Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб., 2009.

¹⁷² Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. М., 1972; Он же. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–51; Он же. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

¹⁷³ Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М., 1988; Она же. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 64–75; Она же. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М., 1990; Она же. Указ. соч., 2000.

¹⁷⁴ Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992; Он же. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2001; Он же. Указ. соч., 2000.

¹⁷⁵ Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976; Он же. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. М., 1973.

¹⁷⁶ Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. Алма-Ата, 1984; Он же. Указ. соч., 1995.

¹⁷⁷ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

¹⁷⁸ Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. / Отв. ред. С. А. Арутюнов. М., 1989. Вып. 3.

¹⁷⁹ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 85–96.

Также, учитывались при анализе культуры жизнеобеспечения бурят сформулированные А. М. Хазановым общетеоретические положения; например, о том, что эволюция экономики и социально-политических институтов у кочевников была связана с эволюцией внешнего оседло-земледельческого мира. Важными в контексте изучаемой темы являются сделанные им выводы об обязательном присутствии в рационе кочевников, наряду с пищей животного происхождения, растительных продуктов¹⁸⁰.

Постулируя неавтаркичность номадной экономики, А. М. Хазанов указывает, что седентаризация приводит к коренной структурной ломке кочевого общества и бывает успешной только там, где земледелие является альтернативной возможностью и имеет экономические преимущества перед кочевым скотоводством¹⁸¹. Правда, он оговаривается, что в маргинальных областях земледелие могло быть менее выгодным делом, чем в традиционных зонах; отсюда заключает, что полная седентаризация кочевников возможна при условии их миграции в благоприятные для земледелия экологические зоны¹⁸².

Оценка особенностей культуры жизнеобеспечения бурят также опиралась на теоретические взгляды Н. Э. Масанова. Им были выделены *экосистемы* (ареалы номадизма) и пограничные между экосистемами *экотоны* (маргинальные зоны)¹⁸³. К экотонам ученым была отнесена Южная Сибирь, в границах которой располагается и Байкальский регион. Субаридная (маргинальная) зона, по его мнению, благоприятствовала ведению комплексного «полукочевого» хозяйства, в котором земледелие имело большой удельный вес¹⁸⁴, а другие нескотоводческие занятия могли в ней приобретать самостоятельное значение.

По мысли казахстанского этнолога, из-за неустойчивости социально-экономической ситуации, вызванной постоянной трансформацией

¹⁸⁰ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 115.

¹⁸¹ Там же. С. 171.

¹⁸² Там же. С. 325–326.

¹⁸³ Масанов Н. Э. Указ. соч., 1995. С. 21.

¹⁸⁴ Там же. С. 23.

хозяйственных занятий, процессы этнообразования протекали медленнее в экотонах, чем в ареальных зонах. В целом, эволюция номадизма, с точки зрения Н. Э. Масанова, происходила путем перехода от меньшей ко все большей подвижности, вместе с этим менялась и материальная культура кочевников, подстраиваемая под новый образ жизни и тип хозяйства¹⁸⁵.

На рубеже XX–XXI вв. проявилась тенденция переноса теоретических выводов номадологии, сделанных на материалах древности и средневековья, на исследования этнических культур. Примером тому являются изыскания Н. Н. Крадина¹⁸⁶. Рассматривая вопросы формирования и эволюции общественного устройства и экономики у кочевников Центральной Азии, он, в частности, приходит к заключению о трансляции многих черт номадной культуры из древности до нового времени¹⁸⁷. Заслугой является анализ современного состояния скотоводства у тувинцев, агинских бурят и монголов Внутренней Монголии, на основе которого им выделяются три варианта трансформации скотоводства в современности, имеющие экстенсивный или интенсивный характер¹⁸⁸.

Опираясь на исторические и культурно-генетические изыскания в оценке культуры жизнеобеспечения бурят в динамике, автор обращался к некоторым положениям теории модернизации, разработчиками которой считаются Т. Парсонс¹⁸⁹, П. Бергер¹⁹⁰ и др.

В ходе освоения этой теории в постсоветской российской литературе появилось множество трудов, в которых предлагается модернистское

¹⁸⁵ Масанов Н. Э. Указ. соч., 1995. С. 42.

¹⁸⁶ Крадин Н. Н. Указ. соч., 2000.

¹⁸⁷ Крадин Н. Н. Указ. соч., 2001. С. 161.

¹⁸⁸ Крадин Н. Н. Складывание патронажно-клиентных отношений в современном скотоводческом хозяйстве агинских бурят // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 249–257; Он же. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27; Крадин Н. Н., Янков А. Г. Трансформационные процессы в скотоводческом хозяйстве бурят-монгольских кочевников на рубеже XX–XXI вв. // Вестник РГНФ, 2006. № 4. С. 177–186.

¹⁸⁹ Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 464–481; Он же. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 344–402.

¹⁹⁰ Berger P. L. The Heretical Imperative. Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. N.Y., 1979.

видение истории (А. А. Ахиезер¹⁹¹, И. В. Герасимов¹⁹², И. Г. Яковенко¹⁹³, О. Л. Лейбович¹⁹⁴, В. В. Алексеев, С. А. Нефедов, И. В. Побережников¹⁹⁵, Л. Е. Гринин¹⁹⁶, А. В. Коротаев¹⁹⁷ и др.).

Продуктивными для данного исследования представляются идеи А. Тоффлера о явлениях футурошока и культурошока, возникающих в ходе быстротечных и кардинальных изменений в обществе при низком адаптационном потенциале населения¹⁹⁸. Отметим, что и другие зарубежные исследователи (Э. Гидденс¹⁹⁹, Р. Ингледарт²⁰⁰ и др.) обращают внимание на взаимосвязь процессов модернизации и адаптации (адаптивность социума к модернизации, социокультурная ригидность населения к изменяющимся условиям и т. д.). Кроме того, несомненную важность имеют предложенные в рамках модернистского учения представления о многофакторном влиянии модернизации и ее полиструктурности (Р. Ингледарт, З. Т. Голенкова²⁰¹ и др.). Начало перехода от доиндустриального общества к индустриальному было связано в России с резкими изменениями в социально-политической, экономической, правовой и др. сферах жизни. Одним из следствий этого

¹⁹¹ Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991. Т. 1.

¹⁹² Герасимов И. В. Российская ментальность и модернизация // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 63–73.

¹⁹³ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 66–78; № 6 С. 78–85; 1996. № 3. С. 104–111; № 4. С. 87–97.

¹⁹⁴ Лейбович О. Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996.

¹⁹⁵ Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000; Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // *Уральский исторический вестник*. 2000. № 5–6. С. 152–183; Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Там же. С. 8–49.

¹⁹⁶ Гринин Л. Е. Методологические основания периодизации истории // *Философские науки*. 2006а. № 8. С. 117–123; № 9. С. 127–130; Он же. Периодизация истории: теоретико-математический анализ // *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М., 2006б. С. 53–79; Он же. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. М., 2007а; Он же. Производственные революции и периодизация истории // *Вестник Российской Академии наук*. 2007б. № 77/4. С. 309–315.

¹⁹⁷ Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2008.

¹⁹⁸ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.

¹⁹⁹ Гидденс Э. Последствия модерниити // *Новая постиндустриальная волна на Западе* / Под ред. В. Иноземцева. М., 1999. С. 101–122.

²⁰⁰ Inglehart R. Globalization and Postmodern Values // *The Washington Quarterly*. 1999. Vol. 23 (1); Ингледарт Р. Модернизация и постмодернизация // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Под. ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 261–291.

²⁰¹ Голенкова З. Т. Теории модернизации // *Российская социологическая энциклопедия* / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 552–553.

перехода стали массовые миграционные потоки в Сибирь, которые, в частности, активизировали межэтнические взаимодействия в Байкальском регионе. В то же время проводимые на рубеже XIX–XX вв. землеустроительная и волостная реформы, развитие капиталистических отношений в регионе потребовали вынужденную адаптацию бурят к модернизационным процессам.

При подготовке диссертации учитывались основные положения и выводы, содержащиеся в трудах историков-бурятоведов Е. М. Залкинда, И. А. Асалханова, И. Б. Батуевой, С. Г. Жамбаловой, Д. М. Маншеева и др., исследовавших развитие хозяйства бурят в дореволюционный период.

В квалификационном сочинении также использовались концептуальные положения, изложенные в работах: Д. Д. Нимаева, Б. Р. Зориктуева, Б. З. Нанзатова, Л. Р. Павлинской²⁰² и др. по проблемам этногенеза и этнической истории бурят; в исследовании О. В. Бураевой – по этнокультурному взаимодействию народов Байкальского региона²⁰³; в трудах Т. Д. Скрынниковой – по социально-политической организации средневековых монголов²⁰⁴; Л. Л. Викторовой – по происхождению монголов и генезису их культуры²⁰⁵.

Важными в методологическом плане были исследования, касающиеся теории изучения поселений и жилищ народов Сибири (А. А. Попов²⁰⁶, З. П. Соколова²⁰⁷, В. А. Липинская²⁰⁸, А. Ю. Майничева²⁰⁹, И. Л. Кызласов²¹⁰ и

²⁰² Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. Улан-Удэ, 1997; Он же. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М., 2011; Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск, 2005. С. 122–123; Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988; Он же. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000; Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008.

²⁰³ Бураева О. В. Указ. соч., 2005а.

²⁰⁴ Скрынникова Т. Д. Монголы: модель социополитической организации кочевников // *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. Т. XII. Fasc. 11. С. 346–364; Она же. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.

²⁰⁵ Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

²⁰⁶ Попов А. А. Жилище // *Историко-этнографический атлас Сибири*. М.; Л., 1961. С. 131–226.

²⁰⁷ Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

²⁰⁸ Липинская В. А. Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края) // *Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири*. М., 1974. С. 236–280; Она же. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987; Она же. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII–XX в. М., 1996.

др.²¹¹); истории формирования расселения сибирских народов (В. М. Кабузан²¹², Н. А. Томилов²¹³, М. М. Громыко²¹⁴, В. Н. Курилов²¹⁵ и др.); интерьера жилища (Е. А. Бломквист²¹⁶, Е. Г. Федорова, Л. В. Хомич²¹⁷ и др.); традиционной одежды (Н. И. Гаген-Торн²¹⁸, Н. Ф. Прыткова, Н. И. Лебедева²¹⁹, Г. С. Маслова²²⁰, П. Г. Богатырев²²¹, Е. Ф. Фурсова²²² и др.); пищи (С. И. Шитова и др.²²³).

Таким образом, в авторском исследовании культура жизнеобеспечения бурят представляет собой сложное и многогранное явление, интерпретация которого возможна в рамках системного комплексного подхода с использованием широкого спектра концептов и методов.

²⁰⁹ Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002; Курилов В. Н., Майничева А. Ю., Люцидарская А. А. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск, 2005.

²¹⁰ Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М., 2011.

²¹¹ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. I: Поселения и жилища. Кн. 1.

²¹² Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963; Он же. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1971.

²¹³ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992.

²¹⁴ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: русское население и земледельческое освоение. М., 1965.

²¹⁵ Курилов В. Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

²¹⁶ Бломквист Е. А. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 5–45.

²¹⁷ Федорова Е. Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX – первая половина XX в. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994. С. 76–119; Хомич Л. В. Колыбель в традиционной культуре народов Сибири // Там же. С. 120–163.

²¹⁸ Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960; Она же. Магическое значение волос и головного убора // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.

²¹⁹ Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 227–328; Она же. Головные уборы // Там же. С. 329–368; Она же. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщ. / Ин-т этнографии. 1952. Вып. 15. С. 19–22.

²²⁰ Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 193–267; Они же. Русская крестьянская одежда как материал к этнической истории народа // Сов. этнография. 1956. № 4. С. 18–31; Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.

²²¹ Богатырев П. Г. Функции костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 297–368.

²²² Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997.

²²³ Шитова С. Н., Гаделгареева Р. Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX в. М., 1979. С. 78–125; Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981; Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М., 2001; Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки. / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М., 2004; Хмельное и иное: Традиционные напитки народов Евразии / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М., 2008; Кулинарные традиции мира: Современная энциклопедия / Вед. ред. Е. Ананьева. М., 2003.

Важнейшим общенаучным принципом, которому автор следовал при подготовке работы, является *принцип историзма*. Его использование позволило рассмотреть компоненты культуры жизнеобеспечения бурят как в конкретно-историческом контексте, так и в развитии, и во взаимосвязи друг с другом. Основные тенденции в развитии исследуемого явления были выявлены на фоне изменений, протекавших в других сферах культуры – хозяйственной, религиозной и т. д.

Другой научный принцип – *объективности* – предполагает взвешенную оценку событий, максимально полное их отражение, всестороннее исследование материала. Соблюдение данного принципа в работе было связано с разносторонним изучением компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, с критическим анализом привлекаемых источников.

В диссертации были использованы общенаучные подходы (системный, типологический, сравнительный) и методы (анализ, синтез, аналогия, обобщение), а также общеисторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, ретроспективный, проблемно-хронологический) и методы из смежных научных дисциплин (статистический и анализа документов).

Исследование культуры жизнеобеспечения как целостной системы со своей внутренней структурой, организацией и связями, позволяет увидеть процессы ее формирования и становления как в целом и на уровне ее отдельных компонентов. Применение *системного подхода* к изучаемому явлению помогает определить взаимообусловленный характер изменений, происходивших в разных компонентах и элементах культуры жизнеобеспечения бурят.

В диссертационном исследовании культура жизнеобеспечения бурят рассматривается через призму сложившихся в ней локальных вариантов. При этом в них вычленяются как общие, так и специфические элементы культуры. *Сравнительный подход* дает возможность определить: уровень

общего и особенного в культуре жизнеобеспечения на разных этапах исторического развития; способы передачи культурных традиций; механизмы восприятия заимствований и выработки новаций, их распространения в этнической среде. Данный методологический подход способствовал вычленению как общих тенденций, так и специфики различных этнотерриториальных и этнолокальных групп на разных этапах истории бурят.

С привлечением *историко-генетического метода* была установлена эволюция в XVIII–XIX вв. основного ядра традиций в культуре жизнеобеспечения бурят.

Применение *историко-типологического метода* связывается с привлечением в исследовании признанных в российской этнографии классификационных схем (З. П. Соколовой, П. Г. Богатырева, С. А. Арутюнова и др.), служащих выделению из широкого круга признаков наиболее важных и особенных. Благодаря этому были реконструированы распространенные в изучаемое время у бурят типы жилищ, поселений, одежды и т. д.

На основе сохранившихся источников была осуществлена *ретроспекция* компонентов и элементов культуры жизнеобеспечения бурят XVIII в., для этого автор обращался к материалам более позднего времени.

Проблемно-хронологический метод определил структуру работы и позволил раскрыть основные проблемы исследования (адаптацию, генезис, эволюцию, трансформацию) в хронологической последовательности.

Методика исследования обуславливалась характером привлеченных источников.

Сбор полевого материала осуществлялся *методами непосредственного наблюдения и фиксации* (фотографированием, видеосъемкой, замерами). В ходе полевых сезонов с 1997 г. по 2011 г. осуществлялась обязательная аудио- и видеозапись рассказов информаторов с дублированием их в полевом дневнике; беседа строилась на основе подготовленного вопросника. Во время

экспедиций автор обращался к методу эксперимента (соучастия) при проведении традиционных технологических процессов. Прямое участие происходило при проведении религиозных и иных обрядов, что давало возможность увидеть функционирование предметов утвари, блюд, одежды и т. д.

Исследования также были связаны с изучением музейных коллекций и архивных фондов, каждый из этих видов источников потребовал использование соответствующей методики работы. При работе с музейными коллекциями изучались предметные каталоги, проводилась фиксация артефактов путем их обмера и зарисовки. Обязательной была беседа с музейными работниками, которые могли поделиться ценными сведениями по истории вещевых коллекций. Благодаря всему этому решались вопросы генезиса и эволюции, классификации, определялись локальные особенности костюмного комплекса, домашней утвари и мебели и др.

Традиционный анализ и статистический метод использовались при обработке данных архивных и опубликованных статистических источников, что позволяло выявить динамику развития жилищно-поселенческого комплекса и системы питания у бурят в течение XIX в. На основе изучения статистических данных были определены тенденции в развитии упомянутых выше компонентов культуры жизнеобеспечения.

Сопоставление и сочетание в работе данных из разных видов источников на уровне отдельных территориальных групп, позволило осуществить историческую ретроспекцию, показать динамику развития элементов и компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, сложившуюся локальную специфику.

Источниковая база исследования объединяла такие разноплановые источники, как письменные (законодательно-нормативные, делопроизводственные, статистические, источники личного происхождения и др.), вещественные (музейные, изобразительные), полевые этнографические и др. Ее формирование определил принцип, стандартный

для любого исторического исследования, – опираться на максимальное число источников при обязательном соблюдении их репрезентативного сочетания²²⁴.

Одним из важных видов источников являются *полевые материалы*, в основном собранные автором в период с 1997 г. по 2011 г. в рамках деятельности этнографических отрядов ИАЭТ СО РАН. Полевыми исследованиями были охвачены основные ареалы проживания бурят в Республике Бурятия (РБ) и Агинском Бурятском округе (Забайкальский край), всего в 12 сельских административных районах. Проведено около 20 экспедиционных выездов, при этом было обследовано более 90 населенных пунктов. В ходе полевых экспедиций были сделаны записи информаторов, которые в количественном выражении составляют 19 полевых дневников и 30 тетрадей с расшифровкой аудио- и видеозаписей. В итоге был собран разнообразный этнографический материал по традиционной культуре жизнеобеспечения бурят.

Наиболее полно отражают традиционную культуру материалы, полученные в отдаленных районах РБ (Окинский, Тункинский, Закаменский), и Агинского Бурятского округа (Агинский, Дульдургинский, Могойтуйский), соответственно, менее информативны данные, собранные в контактных зонах – в местах смешанного русско-бурятского расселения (Иволгинский, Селенгинский, Кабанский р-ны РБ).

Сбор полевых сведений по культуре жизнеобеспечения выполнялся по специально созданной программе, которая в ходе многолетних исследований корректировалась. Полученный массив данных отображает функционирование традиции примерно в диапазоне с конца XIX – по первую треть XX в.

При сборе полевого материала главным являлся *метод интервьюирования*, применение которого на практике, в частности, потребовало разработки специальных вопросников на бурятском языке; это

²²⁴ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Учебн. пособие. М., 1977.

было сделано с целью получения наиболее полной и адекватной информации от возрастной категории респондентов. Аудио- и видеозаписи устных рассказов информаторов, как правило, людей пожилого и преклонного возрастов (среди которых были знатоки прошлого), дали значительный массив данных по всем компонентам культуры жизнеобеспечения основных этнических подразделений бурят.

Другой метод полевой этнографии – *метод непосредственного наблюдения* – позволил зафиксировать бытующие в современности традиции в жилищно-поселенческом комплексе, комплексе питания, костюмном комплексе, во внутреннем устройстве бурятского жилища. Осуществлялась видео- и фотосъемка сохранившихся образцов традиционных типов жилищ, хозяйственных построек, предметов интерьера, народного костюма, различных ремесленных технологий. Фиксировалось использование вещей и пищи в ритуальных практиках и обрядности.

Дополнительную информацию удалось получить при изучении этнографических коллекций школьных, сельских, районных музеев РБ и Агинского Бурятского округа, региональных (РБ, Иркутской области) и центральных музеев, включая Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург) и Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург). В Российском этнографическом музее бурятские вещи составляют более 20 коллекций, сформированные благодаря М. Н. Хангалову, Ц. Ж. Жамцарано, Б. В. Вампилову, Д. П. Перминову, С. А. Пирожкову и др. В Кунсткамере также находятся отдельные собрания предметов быта и религиозного культа бурят, например, мужские и женские костюмы хоринских и агинских бурят (коллекции № 14 и 1960).

Богатые собрания имеются в экспозициях и фондах Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ) и Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). Повторяемость и массовость предметов традиционной культуры в различных музейных коллекциях позволяет

проводить сопоставление, выявлять общие и локальные черты в культуре жизнеобеспечения бурят середины XIX – начала XX в.

Вся совокупность полевых и музейных материалов позволила реализовать авторское исследование в полном объеме.

Важной частью документального фонда данной работы стали *законодательно-нормативные акты*, которые изучались с целью определения условий формирования и развития бурятского народа и его культуры. Они были представлены законами Российской империи, положениями, правилами, регламентировавшими систему управления, судопроизводства, хозяйствования и т. д. Эти законодательные источники были опубликованы, в частности, в Сборнике «Полное собрание законов Российской империи» 1830 г. Из них следует отметить акт «Устав об управлении инородцев» от 22 июня 1822 г.²²⁵, регулировавший вплоть до 1917 г. административное управление, правовой статус, вопросы землепользования, ясачно-фискальные и др. отношения у коренных народов Сибири.

До появления Устава роль основополагающего нормативного акта для бурят играла инструкция пограничному дозорщику Г. Фирсову и толмачу С. Кобею от 27 июня 1728 г. С. Владиславич-Рагузинского²²⁶, содержащая новые на то время принципы управления и судопроизводства в отношении аборигенного населения Юго-Восточной Сибири. Согласно инструкции, судебное разбирательство нетяжких преступлений, совершаемых внутри локальных бурятских сообществ, было передано в руки родоначальников, которые вершили суд по нормам обычного права. За отсутствием общего для всех бурят свода суд выносил решение на основе признаваемого в локальной группе кодекса обычного права; были известны сборники «степных» законов

²²⁵ Устав об управлении инородцев. 22 июня 1822. // ПСЗРИ. Т. XXXVIII. СПб., 1830. С. 394–416.

²²⁶ Инструкция, данная по Указу Его Императорского Величества из походной Посольской Канцелярии Китайской Экспедиции Пограничному Дозорщику, Селенгинскому Дворянину Григорью Фирсову да толмачу Степану Кобею // Щербачев А. П. Исторические сведения / Сост. А. П. Щербачев. СПб., 1898. Прил. 77. (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 5).

у селенгинских и хоринских бурят²²⁷, кодексы эхиритов (верхоленских бурят), булагатов и хонгодоров²²⁸.

Основной корпус источников для исследования составляют архивные материалы, полученные в ходе изучения фондов Российского государственного архива древних актов (г. Москва), Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Республики Бурятия (г. Улан-Удэ), Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск), Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ). В целом, в работе нашли отражение сведения в общей сложности из 24 фондов 6-ти архивов Российской Федерации; при этом были сделаны выписки из более 300 исторических документов XVIII–XX вв.

Архивные данные (большей частью неопубликованные) дали возможность реконструкции развития и трансформации компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, начиная со второй трети XVIII – по начало XX в. Наиболее ранними являются сведения из Государственного архива древних актов (фонды «Сибирский приказ» и «Портфели Г. Ф. Миллера»). К сожалению, в отечественных архивах имеется крайне ограниченное число источников по бурятам XVIII в.

В исследовании использовались материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), среди которых интерес представляют фонд 24 «Сибирский приказ и управление Сибирью» и фонд 199 «Портфели Г. Ф. Миллера», позволяющие реконструировать реалии бурятской культуры XVIII в. В частности, из документа «Известия о шаманах и колдунах сибирских»²²⁹ были почерпнуты сведения о ритуальной пище и посуде балаганских бурят первой половины XVIII в.

²²⁷ Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск, 1992; Цыбиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970.

²²⁸ Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.

²²⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 509–2.

В структуре привлеченных архивных материалов основное место занимают сведения из *делопроизводственных* и *статистических* документов 11 бурятских Степных дум, хранящихся в фондах Государственного архива РБ. Они имеют разную степень сохранности, поэтому их изучение было неравномерным. Отметим, что востребованными оказались, прежде всего, сведения за первую половину XIX в.

Из всего состава использованных в диссертации архивных источников стоит выделить такие категории документов, как правительственные циркуляры, переписка между инородческими ведомствами и надзирающими за ними органами власти, судебные дела и т. д. Наибольший интерес представляли годовые отчеты и статистические сведения Степных дум и инородных управ, показывающие развитие хозяйства бурят, структуру населенных мест, характер жилья и пр. на протяжении XIX в. Помимо этого, изучались документы, позволяющие выявить изменения, происходившие прежде всего в костюмном комплексе и внутреннем убранстве бурятского жилища.

Сравнительный анализ архивных данных по разным территориальным группам дал возможность выделить общие тенденции и локальные особенности в культуре жизнеобеспечения бурят, позволил поэтапно проследить количественные и качественные изменения, которые претерпевали компоненты культуры жизнеобеспечения.

Учитывалось при этом, что документы Степных дум и инородческих управ, и входивших в их состав родовых подразделений страдают приписками и искажениями, что констатировали другие исследователи²³⁰, поэтому только сопоставляя синхронные данные из разных архивных источников возможно получить точную картину происходившего.

Сведения, почерпнутые из розыскных дел и расследований происшествий, которые подпадали под компетенцию Степных дум, не требуют столь осторожного к себе отношения: конкретные характеристики

²³⁰ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 14.

жилищ, их интерьера, народного костюма даны в них достаточно подробно, и повторяются в разных свидетельских показаниях и отчетах уполномоченных лиц.

Конечно, существует проблема фрагментарности сведений, лишь путем просеивания значительного объема информации, содержащегося в архивных документах, удастся охарактеризовать состояние и динамику развития компонентов культуры жизнеобеспечения.

В Государственном архиве Республики Бурятия (ГА РБ) несомненный интерес вызывают документы, отражающие меры, предпринимаемые властями по седентаризации бурят. Этот процесс имел многоаспектный характер и регламентировался детально. Показательно предписание сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского главному тайше Ертагарову о распространении среди верхоленских бурят земледелия²³¹. Оно служит свидетельством преемственности официальной политики по переводу бурят на оседлость: данный документ повторял лейтмотив обращений предшественников знаменитого русского реформатора к главам территориальных групп бурят.

В фонде 2 «Селенгинская степная дума» ГА РБ имеются тексты контрактов, заключенных между главами селенгинских родов, владевших акваторией Гусиного озера, и арендаторами, приобретавшими у них право на добычу рыбы. Показателен такой юридический документ, составленный с купцами Дм. Старцовым и Мих. Лушниковым; в нем оговаривается льгота для малоимущих бурят на беспрепятственный лов рыбы в пищу²³². Практика аренды сельскохозяйственных и промысловых, в том числе рыболовных, угодий среди насельников Байкальского региона (не только русских у бурят и других аборигенов края, но и наоборот) имела в изучаемый период широкое применение.

²³¹ ГА РБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 90. Л. 243.

²³² ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1790.

Любопытно дело о «запрещении инородцам носить одежду желтого и красного цветов на ламском покрое» от 1875 г., которое иллюстрирует остроту стоявшего в забайкальскобурятском обществе вопроса о соблюдении социальной регламентации в ношении традиционного костюма²³³. Данный вопрос приобрел актуальность еще в 1840–е гг. и по нему было принято соответствующее постановление, поддержанное духовным лидером бурятских буддистов и бурятской управленческой элитой Западного Забайкалья.

В фонде 5 «Кударинская степная дума» ГА РБ, помимо общих данных о числе жилых строений у кударинских бурят за разные годы, есть ведомости с поименным указанием владельцев имущества и его оценочной стоимости²³⁴.

Среди документов фонда 6 «Аларская степная дума» можно выделить дела, содержащие информацию о сети населенных пунктов²³⁵ в Ведомстве. Благодаря им становится понятна динамика развития поселений у аларских бурят и география их расположения во второй половине XIX в.

Данные о числе населенных пунктов и об изменениях в их структуре обнаруживаются, например, в документах Кудинской степной думы²³⁶.

В фонде 7 «Баргузинская степная дума» сохранились списки утраченного имущества погорельцев, из которых можно получить представление о жилище и его интерьере, а также о народном костюме и системе питания баргузинских бурят второй половины XIX в.²³⁷. Отметим, что подобные материалы, но по другим территориальным группам бурят, имеются и в некоторых иных фондах ГА РБ.

Часть письменных сведений по теме исследования была найдена в Российском государственном историческом архиве (РГИА), при этом особую ценность представили фонды: «Первый сибирский комитет» (Ф. 1264);

²³³ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1690.

²³⁴ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.

²³⁵ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275.

²³⁶ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338.

²³⁷ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2535.

«Второй сибирский комитет» (Ф. 1265); «Совет министров» (Ф. 1281), основная часть документов которых датируется первой половиной XIX в. Для примера, в деле «Общее обозрение государственных имуществ Иркутской губернии» от 1840 г. наряду с характеристикой этнических групп региона дается описание бурят, в котором наиболее содержательно показаны их расселение, особенности поселений и жилищ²³⁸. Составитель данного «Обозрения» выражает официальный взгляд на будущность бурят, ратуя за их седентаризацию и приближение по образу жизни к русскому крестьянству.

В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН находится личный архив У.-Ц. Онгодова (фонд 1), который оставил подробное описание разных сторон культуры и быта агинских бурят конца XIX в. В деле «Из Забайкалья. К современным вопросам. О земледелии, скотоводстве и о нуждах. 1884 год» приведены, для примера, данные о системе кочевания у указанной группы бурят, а также об их жилых и хозяйственных постройках²³⁹.

В диссертации использованы опубликованные *источники личного происхождения, бурятские летописи*²⁴⁰.

Большое значение для данной работы имеют мемуарные материалы, к их числу относятся изданные в Бурятии в последние десятилетия рукописи выдающихся представителей этнической элиты Ц. Ж. Жамцарано²⁴¹, Г. Д. Нацова²⁴².

Дневниковые записи Ц. Ж. Жамцарано и Г. Д. Нацова, включающие в себя личные наблюдения, а также фрагменты фольклорных и архивных текстов, имеют особую ценность для бурятоведческих исследований. Значимыми являются содержащиеся в них свидетельства о жилищно-

²³⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 67.

²³⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.

²⁴⁰ Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995; Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ, 2007.

²⁴¹ Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ, 2001.

²⁴² Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой/. Улан-Удэ, 1995. Ч.1.

поселенческом комплексе, системе питания и др. Являясь яркими представителями бурятского народа они прекрасно знали его хозяйственно-бытовую культуру и передали в своих сочинениях ее локальную специфику (агинских, селенгинских, предбайкальских и др. бурят).

Важными источниками для разработки темы квалификационной работы являются изданные М. П. Алексеевым²⁴³, Г. Н. Румянцевым²⁴⁴, Э. П. Зиннером²⁴⁵, Н. В. Кимом²⁴⁶, А. З. Хамархановым²⁴⁷ и другими авторами сведения о бурятах из малодоступных письменных источников конца XVII – XVIII в.²⁴⁸.

Представляет интерес в целом литература конца XVII – начала XX в., содержащая описания повседневного быта бурят²⁴⁹. Сюда относятся записки, составленные чиновниками, учеными и краеведами, очерки, путевые заметки, письма, экономико-географические и краеведческие описания, энциклопедии. Наиболее весомыми из них являются те, авторы которых длительное время наблюдали за жизнью и бытом бурят. Некоторые из них выражали свои субъективные взгляды на культуру бурят; что делало необходимым критически оценивать эти сведения.

Обстоятельные описания элементов культуры жизнеобеспечения даны в периодической печати XIX в. – в статьях столичных журналов и местной

²⁴³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Изд. 2-е. Иркутск, 1941; Он же. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006. LXXII.

²⁴⁴ Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Мих. Татариновым / Подготовка к печати, введение и примечания Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1958.

²⁴⁵ Зиннер Э. П. Указ. соч.

²⁴⁶ Ким Н. В. Материалы Ланганса о культуре и быте бурят // Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1965. Вып. 4. С. 145–156; Он же. О литературных источниках XVIII века по истории земледелия у бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Тр. БИОН БФ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1973. Вып. 20. С. 133–138.

²⁴⁷ Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 143–161.

²⁴⁸ Басанова Э. Г. Джон Белль о Бурятии // Этногр. Сб. 1969. Вып. 5. С. 200–223.

²⁴⁹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. рук-во, ред. и введение П. А. Зайончковского. М., 1976. Т. 1: XV–XVIII вв.; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. рук-во, ред. и введение П. А. Зайончковского. М., 1978. Т. 2. Ч. 2: 1801–1856; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. рук-во, ред. и введение П. А. Зайончковского. М., 1981. Т. 3. Ч. 3: 1857–1894; Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2010.

периодики. В ряду таких изданий: «Вестник ИРГО», «Древняя и новая Россия», «Журнал министерства внутренних дел», «Иркутские епархиальные ведомости», «Записки ИРГО», «Казанский вестник», «Калейдоскоп», «Магазин земледения и путешествий», «Молва», «Новое слово», «Отечественные записки» и др. В журнальных материалах рассматриваемого времени имеются ценные сведения об отдельных элементах культуры жизнеобеспечения бурят.

При характеристике корпуса источников стоит также упомянуть опубликованные статистические материалы, в особенности работу С. К. Патканова²⁵⁰, где в систематизированном виде представлены итоги Первой переписи населения Российской империи 1897 г. Значение данного источника заключается в возможности связать полученную из архивных документов Степных дум раннюю статистическую информацию с соответствующими сведениями переписи 1897 г. Недостатком вышеназванного труда является неунифицированный характер приводимой в нем статистики по бурятским ведомствам.

В качестве важного источника для работы выступают также различные словари, составленные авторами XVIII в. (лексиконы Г. Ф. Миллера, Я. И. Линденау и др.), учеными XIX в. и современными исследователями²⁵¹. Благодаря зафиксированной в них лексики возможно решать вопросы бурятского культурогенеза.

Дополнительный характер в рамках работы имеют *изобразительные источники* – опубликованные и неопубликованные иллюстративные материалы: рисунки, чертежи, фотографии, в которых были отражены поселения, жилые и хозяйственные постройки, внутреннее устройство жилищ, костюм и пища бурят.

²⁵⁰ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев / С. К. Патканов. СПб., 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Приморская обл. и о. Сахалин. С. 433–1002. (Зап. ИРГО. Отд-ние статистики. Зап. Т. 11, вып. 3).

²⁵¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1955. Т. 1: А-З; Т. 2: И-О; Т. 3: П; Т. 4: Р-Я; Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М., 1973; и др.

Фотографические материалы конца XIX – первой трети XX в. из фондов Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и др. музеев и архивов, а также вошедшие в различные издания дореволюционной России (труды Комиссии Куломзина, трехтомный сборник статей «Азиатская Россия» и т. д.) дают наглядное представление о различных элементах культуры жизнеобеспечения бурят (поселениях, жилище, костюме, утвари и др.), передают их локальную специфику, позволяют производить историческую реконструкцию, дополняя информацию, полученную из других источников. К сожалению, сохранившиеся фотографии отражают лишь отдельные элементы культуры и далеко не всех территориальных групп бурят.

Итак, в основу диссертационного исследования положен значительный корпус источников, который репрезентативен для разработки проблем культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. Эти источники обеспечивают достоверность и комплексный характер исследования, позволяют выполнить в сочетании с избранной методологией и методическими приемами тот объем работы, который необходим для достижения поставленной цели и решения намеченных задач.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. Культура жизнеобеспечения бурят XVIII в. унаследовала некоторые элементы культур Юго-Восточной Сибири домонгольского периода, в совокупности формирующие субстратный слой. Структурообразующими в ней являются элементы, относимые к культурам средневековых монголов и предков бурят.
2. В XVIII–XIX вв. происходило становление и развитие традиционной культуры жизнеобеспечения бурят. Эти процессы определили природно-географический, культурно-политический и социально-экономический факторы.
3. На протяжении XVIII в. развитие культуры жизнеобеспечения у бурят, мигрировавших в Восточное Присаянье, Прибайкалье и Западное Забайкалье, происходило в условиях их адаптации к вновь осваиваемым природно-

экологическим зонам, что привело к изменениям, прежде всего, в их системе питания и костюме. В то же время процесс приспособления к природной среде у кочевников, переселившихся из Восточной Монголии на юг Западного Забайкалья, и остававшихся в привычной зоне центральноазиатских степей, не сопровождался какой-либо заметной трансформацией их систем жизнеобеспечения.

4. Трансформацию культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определили качественные изменения под воздействием как внутренних процессов, так и культурных заимствований, которые протекали с различной скоростью. При этом базовые характеристики культуры жизнеобеспечения отличала консервативность.

5. С начала XIX в. стала существенной роль Российского государства в изменении хозяйства и быта бурят, и их религиозных практик (в принятии православия и буддизма). Внедряемые сверху новации во многом определили характер трансформации культуры жизнеобеспечения бурят.

6. Иноэтничное воздействие на культуру жизнеобеспечения бурят росло на протяжении XVIII–XIX вв. и было связано с расширением межэтнических контактов, развитием региональной экономики и ее интеграцией в российскую.

7. В XVIII–XIX вв. формировались маркирующие черты в культуре жизнеобеспечения бурят (в интерьере жилища, в костюмном комплексе, в системе питания). Их появление у бурят Забайкалья и ряда других субрегионов было обусловлено активными торговыми и культурными контактами с монголами и китайцами, а также распространением буддизма. В силу специфики расселения бурят в их культуре жизнеобеспечения формировались существенные локальные различия.

Научная новизна исследования

Диссертационное сочинение представляет первое монографическое исследование традиционной культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. Благодаря проведенному изысканию в научный оборот вводится

значительный массив большей частью неопубликованных данных, собранных в результате многолетних архивных и полевых исследований. Обобщаются историко-этнографические и другие сведения по теме диссертации.

Культура жизнеобеспечения бурят впервые анализируется в контексте культурогенеза кочевников Центральной Азии и этнической истории бурят. На основе материалов по отдельным группам бурят и в целом на материалах бурятской этнографии впервые решаются вопросы генезиса, эволюции и трансформации поселений, конструкции и внутреннего устройства жилища, костюма и пищи; выявляются механизмы и результаты межкультурного взаимовлияния бурят и других народов Байкальского региона. Дается характеристика внутренних и внешних факторов, влиявших на становление и развитие культуры жизнеобеспечения бурят.

В работе раскрываются локальные особенности функционирования культуры жизнеобеспечения бурят, выделяются основные тенденции ее развития.

Теоретическая значимость исследования

Изучение традиционной культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. важно с точки зрения продолжения теоретических изысканий проблем этнической культуры. Значение настоящего исследования состоит в постановке и решении проблем генезиса, эволюции и трансформации традиционной культуры жизнеобеспечения (на примере бурятской этнографии), в дальнейшей разработке подходов к осмыслению проблемы адаптации (хозяйственной и социокультурной). Результаты исследования позволяют также уточнить особенности перехода этнических групп маргинальной зоны юго-востока Сибири от номадизма к седентаризации в XVIII–XIX вв. Они доказывают важную роль государства в осуществлении данного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и методологические подходы могут быть востребованы при

изучении традиционной культуры, решении общих проблем этнографии и культурологии. Фактические данные, содержащиеся в работе, и сделанные в ней выводы будут полезны при подготовке исследований по истории народов Байкальского региона, в целом Сибири и Центральной Азии, а также при разработке учебных пособий и курсов по изучению регионального компонента истории и культуры для системы среднего и высшего образования, в практической работе образовательных и культурных учреждений.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации нашли отражение в научных публикациях (1-й авторской монографии, в 60-ти статьях (в том числе 20-ти в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК РФ) общим объемом 41,2 п.л.; они были представлены в докладах на 30 конгрессах, симпозиумах и конференциях различных уровней, в том числе международного и всероссийского: III-м и VII-м Конгрессах этнографов и антропологов России (Москва, 1999; Саранск, 2007), «Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития» (Иркутск, 2003, 2004, 2005), «Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее» (Омск, 2004), «Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые научные чтения памяти Залкинда Е. М.» (Барнаул, 2005), «Цирендоржиевські читання. Тибетська цивілізація та кочові народи Євразії: кроскультурні контакти» (Киев, 2006, 2008); «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул, 2008); «Сибирская деревня: история и современное состояние, перспективы развития» (Омск, 2012).

Осуществленные в рамках подготовки диссертационной работы изыскания были поддержаны грантами: Президиума СО РАН, проект «Народы Байкальского региона: древность и современность» (Конкурс интеграционных междисциплинарных проектов, договор № 39) 2000–2002 гг.; Президиума РАН, проект «Межэтническое взаимовлияние народов Сибири» (Программа фундаментальных исследований «Этнокультурное

взаимодействие народов Евразии», госконтракт № 211) 2003–2005 гг.; Президиума СО РАН, проект «Становление и развитие межкультурных контактов народов Сибири: традиции и инновации в быту и культуре» (Программа фундаментальных исследований 29.4. «Культурное многообразие и взаимодействие народов Евразии. Мировоззрение и религии», проект № 29.4.1.) 2004–2006 гг.; Президиума РАН, проект «Народонаселение Сибири: стратегия и варианты межэтнических взаимодействий в историческом контексте (XVI–XX вв.)» (Программа «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды и техногенным трансформациям»); Президиума СО РАН, проект № IX.81.3.3. «Коренные народы Сибири и Арктики. Оценка человеческого потенциала: этнодемографический, этносоциальный и этнокультурный аспекты» (программа фундаментальных научных исследований СО РАН, приоритетное направление № 9.1.) 2010–2011 гг. и др.

Материалы исследования и полученные результаты нашли отражение в читаемом диссертантом спецкурсе «Культура жизнеобеспечения народов Сибири» в рамках Магистратуры Гумфака НГУ.

Структура исследования

Выделение основных разделов работы определено объектом исследования, состоянием разработки темы, целью и задачами диссертационной работы.

Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения, списков источников и литературы. Кроме того, в отдельный том выделены приложения к работе, в том числе таблицы, копии архивных документов, рисунки и фотографии, описания традиционных бурятских блюд и снеди, глоссарий, списки основных информаторов и сокращений.

Во введении определены актуальность, объект, предмет, цель и задачи исследования, его территориальные и хронологические рамки, показана степень изученности темы, раскрыты методология и методы исследования, охарактеризованы использованные источники, предложена концепция

диссертационной работы, указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, показана апробированность результатов исследования.

В первой главе рассмотрены проблемы хозяйственной адаптации (в том числе номадизма) бурят к природной среде Юго-Восточной Сибири, генезиса и развития в XVIII в. основных компонентов их культуры жизнеобеспечения.

Вторая глава работы посвящена истории культуры жизнеобеспечения бурят в первой половине XIX в. и влиянию на нее политики седентаризации Российского государства. В ней выявлены основные тенденции и локальные особенности развития жилищно-поселенческого комплекса, интерьера жилища, комплекса питания и костюмного комплекса у бурят.

В третьей главе диссертации представлен анализ развития культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX в. Показано воздействие трансформационных, в том числе модернизационных, процессов на основные компоненты культуры жизнеобеспечения.

В заключении работы аккумулированы основные результаты исследования культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв.

Список письменных источников и использованной литературы состоит из 552 позиций.

ГЛАВА I.

Формирование культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза

Настоящий раздел работы посвящается рассмотрению становления культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза. Решение этой исследовательской задачи лежит в плоскости рассмотрения общих проблем адаптации (прежде всего нomaдизма). Опыт приспособления к природной среде Юго-Восточной Сибири, к ее конкретным экологическим нишам приобретался в течение длительного исторического времени и частью бурят был унаследован от предков, автохтонов региона, другие буряты, потомки мигрантов из Монголии, выработали его самостоятельно.

Ограниченность и лапидарность исторических источников по XVIII в. вынуждает представлять материал достаточно общо, на уровне основных этнических подразделений бурят. Вместе с тем, при его изложении следует учитывать еще незавершившийся в это время процесс образования бурятского народа и его территориальных единиц. Основной акцент в данной части главы, как нам кажется, стоит сделать на показе общей картины культуры жизнеобеспечения, а также ведущих тенденций в ее развитии. Сложение локальных вариантов культуры жизнеобеспечения у бурят происходило, как выше было сказано, в конкретных природных ландшафтах, под более или менее сильным влиянием инокультурных традиций; оно зависело от выбранной формы ведения хозяйства, других эндогамных и экзогамных факторов. Вероятно, в первой половине XVIII в. внешнее влияние (христианизация бурят, международная и региональная торговля и др.) еще не имели заметного значения для развития компонентов культуры жизнеобеспечения и подвижки в них были неочевидны. Однако во второй половине столетия со все большим включением бурят в общие процессы, протекавшие в обществе и экономике Российской империи, такие изменения должны были только нарастать.

1.1. Адаптационные механизмы культуuroгенеза бурят

Касаясь происхождения культуры жизнеобеспечения бурят нельзя обойти вниманием проблемы адаптации и номадизма. Обе эти проблемы тесно взаимосвязаны по причине того, что номадизм представляет один из способов хозяйственной адаптации²⁵². В случае с бурятами скотоводство, являвшееся основой их традиционного хозяйства, в различных своих формах было приспособлено к природным условиям Байкальского региона и благодаря этому обеспечивало их непосредственные нужды. Другой возможный в регионе путь хозяйственной адаптации, связанный со седентаризацией, долго не укоренялся и не имел больших перспектив развития. Земледелие, как будет дальше видно, тем не менее, пускало в разные эпохи свои ростки, но всегда играло в сравнении со скотоводством второстепенную роль.

Адаптация бурят к природно-экологическим зонам Юго-Восточной Сибири происходила также путем соответствующего развития культуры жизнеобеспечения, в ходе которого каждый из ее компонентов выполнял функцию защиты и поддержки жизненных потребностей локальных сообществ (в крове, пище, одежде и т. д.). Миграции, особенно на начальном этапе истории бурят, были часты; расселяясь на новой территории, отличавшейся своими природными условиями от мест исхода, буряты были вынуждены в определенной степени трансформировать не только жилищно-поселенческий комплекс, но и другие компоненты культуры жизнеобеспечения. Освоение природной среды было связано с организацией пространства, в котором выделяли сакральные места и собственно границы поселений с жилой и хозяйственной зонами.

Адаптацию бурят к природной среде Байкальского региона следует рассматривать исходя из представлений, что человеческое общество и окружающая его среда образуют единую суперсистему, основанную на

²⁵² Хазанов А. М. Указ. соч. С. 96.

двусторонних связях²⁵³. Помимо того, что природа Юго-Восточной Сибири выступала кормящим ландшафтом для бурят, обеспечивая их необходимыми ресурсами, она несла определенные угрозы их хозяйственной деятельности. Среди природных факторов, негативно влиявших на состояние бурятского скотоводства, следует назвать резкий континентальный климат с суточными и годовыми температурными перепадами, с неравномерным выпадением осадков, а также колебания численности домашнего скота из-за периодически возникавших эпизоотий и частых нападений на него крупных хищников (волков и медведей).

Обзор природно-климатических условий и ресурсов Юго-Восточной Сибири позволяет утверждать о сложной структуре природной среды региона, включающей разные экологические зоны. Адаптация к ее зонам совершалась через освоение всех доступных естественных ресурсов, в результате у бурят сложились различные формы скотоводческого хозяйства (от моноотраслевого кочевничества до комплексного скотоводческо-земледельческого). Таким образом, разнообразие природы переходной зоны региона обуславливало появление переходных форм скотоводства у бурят.

Распространение кочевничества в Юго-Восточной Сибири происходило постепенно и заняло значительный исторический период. По мнению исследователей, скотоводство в кочевой форме первоначально сформировалось на юге Забайкалья (во II тыс. до н. э.), и лишь в эпоху раннего железа первые группы кочевников проникли в Предбайкалье, где в силу природно-географических условий они были вынуждены вести многоотраслевое хозяйство²⁵⁴ (включавшее, помимо скотоводства со стойловым содержанием скота зимой, плужное земледелие, охоту и собирательство). Как доказано, в ходе освоения степных территорий Предбайкалья особое значение имела загонная охота, позволявшая освободить от диких животных пространства для разведения домашнего

²⁵³ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 111.

²⁵⁴ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 33.

стада. Кроме того, важную роль в процессе адаптации кочевого населения в Байкальском регионе, в особенности в Предбайкалье, сыграло развитие местной металлургии, позволившее вводить технологические усовершенствования в хозяйство²⁵⁵.

Формирование бурятского народа и его культуры происходило в пределах Юго-Восточной Сибири, природные условия которой оказали определенное воздействие на эти процессы. Тот факт, что этническая территория бурят представляет маргинальную зону, не мог не повлиять на вариабельность их хозяйственной адаптации. С зарождением в регионе производящего хозяйства населявшие его этнические общности использовали возможные способы такой адаптации – номадизм и седентаризацию. Однако специфика природной среды региона позволяла развивать кочевое скотоводство и земледелие лишь на части его территории: в Южном Приангарье сложились традиции земледельческой экономики; юг и частично запад Забайкалья, о. Ольхон, покрытые сухими центральноазиатскими степями преимущественно котловинного типа, благоприятствовали отгонно-пастбищному скотоводству. По указанной причине природные условия Юго-Восточной Сибири детерминировали комплексность экономики предков бурят, когда скотоводство сочеталось с занятиями такими присваивающими видами хозяйства, как охота и собирательство, иногда еще с земледелием и рыболовством. В то же время они обусловили дисперсный характер их расселения и сезонную подвижность.

Отсутствие, начиная с VI в., ощутимых изменений в среде обитания консервировало господствовавший в регионе хозяйственно-культурный тип. Внешнее воздействие в виде миграций кочевых групп из Монголии в пределы региона усиливало скотоводческую специализацию хозяйства и сокращало размеры местного земледелия, но традиционное включение зерновых в систему питания тюрко-монгольского населения и использование

²⁵⁵ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 39.

земледельческой продукции для обменных операций с соседними этническими общностями таежной зоны Восточной Сибири не позволяло последнему исчезнуть. С другой стороны, сформировавшееся ограниченное потребление зерна аборигенами региона не давало особых перспектив для расширения земледелия.

Основная масса монгольских мигрантов, поселившихся в XVII в. в Предбайкалье и Прибайкалье, была вынуждена переходить к менее мобильным формам скотоводства. При этом если накопленные знания о природной среде внутри аборигенных сообществ передавались из поколения в поколение посредством их прямой трансляции, то пришлое население заимствовало их у аборигенов в ходе межэтнического взаимодействия или выработало собственный адаптационный опыт. Буряты, образовавшиеся как народ из различных этнических компонентов, имевших аборигенное и пришлое происхождение, унаследовали все эти эффективные стратегии и механизмы адаптации.

Развитие скотоводческого хозяйства предков бурят было обусловлено не только природно-географическими условиями Байкальского региона, но и воздействием внешнего фактора, который был связан с их взаимоотношениями с доминировавшей в средневековой Монголии кочевой цивилизацией. Их культура жизнеобеспечения была зависима от влияния южных соседей и обогащалась за счет него. В то же время прогресс в ее развитии не происходил из-за упомянутой выше зависимости от Монгольской степи, уровень развития последней определял ее эволюцию. Воздействие других восточносибирских соседей на культуру предков бурят было минимальным по причине более низкой стадии социально-экономического развития этих этнических сообществ. В плане социокультурной адаптации к условиям возникших в XV–XVI вв. на руинах Монгольской империи феодальных владений следует указать, что население Юго-Восточной Сибири, включая предков бурят, вело относительно самостоятельное существование и ограничивалось спорадическими

контактами с восточномонгольскими ханами, не требовавшими перестройки социального устройства и уклада жизни.

Но с присоединением к России прогресс культуры бурят ускорился и привел к трансформации ее внутренней структуры. С усилением русской крестьянской колонизации в Юго-Восточную Сибирь уровень межэтнического взаимодействия в регионе существенно вырос, и буряты были вынуждены приспосабливаться к меняющимся условиям существования: процессу привыкания к новой социокультурной реальности сопутствовала их дальнейшая хозяйственная и материальная адаптация. В течение всего XVIII в. под давлением русского переселенческого потока и политики государства продолжилась миграция бурят из Предбайкалья в Западное Забайкалье, Восточное Прибайкалье и Восточное Присяянье (зачастую в малодоступные горно-таежные районы). Там, вступая в тесные этнокультурные контакты с аборигенными и пришлыми этническими сообществами (хори-бурятскими, монгольскими, тюркскими, эвенкийскими), они приобрели новые знания о природопользовании. Подобный опыт получили и переселившиеся из Восточной Монголии на юг Западного Забайкалья монголы-мигранты и буряты-реэмигранты. Между тем нельзя не указать на высокий адаптационный потенциал бурят и селенгинских монголов, позволивший им успешно адаптироваться на новых землях, в том числе к чуждой социокультурной среде.

Начиная со второй половины XVIII в. после заимствования русской традиции земледелия бурятское земледелие в Предбайкалье выходит на новый виток развития. Актуализация в новых исторических реалиях седентаризации как способа хозяйственной адаптации была обусловлена предпринимаемыми сверху административными и экономическими мерами по переводу на оседлость коренного населения юга Сибири. В этом плане аборигенная политика Российской империи полностью вписывалась в общий тренд политики крупных земледельческих государств Нового времени, проводимой в отношении зависимого кочевнического населения. Взятый

властями Иркутской губернии курс на седентаризацию бурят был с конца XVIII в. распространен на Западное Забайкалье, а в дальнейшем – на всю этническую территорию бурят. С экономической точки зрения данный курс был нацелен на обеспечение районов Восточной Сибири сельскохозяйственными продуктами, но в глобальном плане он решал задачу превращения бурят в крестьян. В сочетании с осуществляемой по отношению к ним массовой христианизацией седентаризация, в конечном счете, должна была привести к русификации бурят (их аккультурация в перспективе могла завершиться полной ассимиляцией с русскими).

Номадизм в силу приобретшего товарность скотоводства сохранял свои традиции в бурятской среде, но его ареал постепенно сжимался вследствие увеличения селившегося чересполосно с бурятами русского населения и демографического роста самого бурятского народа. Естественным выходом из ситуации стала трансформация форм кочевничества, в результате которой основная масса бурят перешла в полуоседлое состояние, что, по сути, означало дрейф от номадизма в сторону седентаризации.

Теперь посмотрим, каковы были генетические истоки компонентов культуры жизнеобеспечения бурят.

1.2. Генезис культуры жизнеобеспечения бурят

Происхождение традиционных типов жилищ

Жилищно-поселенческий комплекс бурят XVIII в. унаследовал различные типы жилищ предшествующего времени. К числу таковых относится коническая постройка из жердей, в языке большинства бурят Предбайкалья известная как *бухээг*, а остальной их части и бурят Восточного Присаянья – *урса*. Данное жилище было временным сооружением, при перекочевке с собой забиралось только его покрытие (в зависимости от времени года оно могло быть кожаным (зимнее) или берестяным (летнее))²⁵⁶. Об его архаичности говорит бытование схожих с бурятским (словесной

²⁵⁶ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 206.

формой *урса*) названий такого чума у некоторых тюркоязычных народов Сибири и эвенков. Думается, номинация бурятского жилища произошла от слова *урга* ‘шест’²⁵⁷, той же логики в рассуждениях, но в отношении якутского чума, придерживается О. В. Ионова²⁵⁸.

Считается, что истоки конического жердевого сооружения лежат в Южной Сибири²⁵⁹. Это подтверждается на примере чума *алачик* (название последнего созвучно обозначению чума у средневековых монголов – *алачуг*²⁶⁰), генезис которого выводят от многостолпного круглого в основании каркасного жилища, распространенного в тагаро-таштыкский этап у населения южносибирской лесостепи²⁶¹. Поэтому можно допускать, что бурятский чум своими корнями восходит к культуре дотюркских насельников юга Сибири.

Появление переносного чума *урса гэр*, имевшего войлочные покрышки, было обусловлено переходом предков бурят к скотоводческой экономике. В конструктивном плане он отличается от войлочных чумов монголов, калмыков и тувинцев, которые представляют собой установленную на земле купольную часть (со свето-дымовым отверстием) решетчатой юрты. Типологически его следует отнести к одному классу с жердевыми постройками калмыков (*дегя гер*²⁶²) и конных эвенков²⁶³, шесты которых в верхней части соединялись и их острые концы выступали наружу. Предтечу такого переносного жилища можно увидеть в конических жердевых сооружениях ранних восточно-европейских кочевников (например, скифов)²⁶⁴, которые через центрально-азиатских номадов попали к далеким предкам бурят.

²⁵⁷ Бурятско-русский словарь. С. 474.

²⁵⁸ Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов (историко-этнографический очерк) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, Т. XVIII. С. 251.

²⁵⁹ Ионова О. В. Указ. соч., 1952. С. 251; Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск, 1971. С. 151.

²⁶⁰ Вайнштейн С. И. Указ. соч., 1991. С. 58.

²⁶¹ Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 72.

²⁶² Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX – XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста, 1970. С. 129.

²⁶³ Идес И., Бранд А. Указ. соч. С. 152.

²⁶⁴ Вайнштейн С. И. Указ. соч., 1991. С. 47.

Полуземлянка, номинируемая *тормо гэр*, *оток* или *мухор*, являла собой четырехстенную каркасную постройку с четырьмя несущими столбами, вверху соединенными системой поперечных перекладин, на которые были наклонно положены стеновые доски так, чтобы их концы образовывали свето-дымовое отверстие жилища²⁶⁵.

Полагают, что она произошла от каркасной полуземлянки курыкан²⁶⁶. Интересно, что у предков т. н. старых баргутов Китая наиболее ранним видом жилища была каркасная полуземлянка *анаган гэр*²⁶⁷. В связи с этим стоит вспомнить, что история баргутов начинается с байегу-байырку, которые в тюркскую эпоху являлись непосредственными соседями курыкан и имели с ними один хозяйственно-культурный тип. Логично будет предположить, что указанный тип жилища был характерен полуоседлому населению Байкальского региона и имел длительную историю существования.

В период доминирования сяньби и жужань в центрально-азиатском регионе монголоязычные племена продвинулись в Юго-Восточную Сибирь и впоследствии часть из них вошла в курыканское объединение. Вероятно, правы те, кто считает, что появление каркасной полуземлянки в регионе было связано с древними монголами²⁶⁸. В пользу такой точки зрения свидетельствует ее нетипичность для культуры древних тюрков и дотюркского населения юга Сибири. Предположительно, в хуннское время, когда ранние монголы еще находились в Амуро-Хинганской прародине, у них сложился данный тип жилища.

Первые письменные упоминания о проживании бурят Предбайкалья в четырехстенных и многостенных срубных юртах относятся к первой половине XVII в. Вопрос о генезисе таких жилищ остается открытым в виду

²⁶⁵ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 106.

²⁶⁶ Дашибалов Б. Б. Указ. соч., 1995. С. 138.

²⁶⁷ Миягашева С. Б. Старые баргуты Китая: Этническая история и традиционная культура.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. С. 12.

²⁶⁸ Михайлов В. А. Указ. соч., 1993. С. 28.

отсутствия источников, подтверждающих их существование у населения региона в более ранний период.

В литературе наиболее аргументированной является исследовательская позиция И. Л. Кызласова, согласно которой в тагаро-таштыкский этап (II–I вв. до н. э.) в Южной Сибири появляется квадратное срубное жилище с пирамидальной кровлей, а в таштыкское время (III–IV вв.) получают распространение многоугольные столбовые и срубные жилища, имеющие купольно-шатровую крышу²⁶⁹. Отсюда следует отрицание им возможности рецепции тюрками региона бурятских многостенных срубных юрт и генезиса многоугольных жилищ от войлочной переносной юрты (данная точка зрения высказывалась и бурятскими исследователями²⁷⁰. – А. Б.). Бытование у бурят и северных монголов указанных выше жилых построек объясняется ассимиляцией последними тюркского населения²⁷¹.

Можно допустить, что четырех- и многоугольные срубные юрты появились в Предбайкалье в период его вхождения в орбиту влияния енисейских кыргызов и в завершающий этап курумчинской культуры (в конце IX – X в.). Вероятно, в это время ряд тюркоязычных этнических объединений мигрировал из Среднего Енисея в Предбайкалье, по крайней мере, на это указывает нахождение в составе бурят субрегиона таких родов, как бурут, хиргиз, шабһаруг и др., которые входят и в структуру саяно-алтайских тюрков. Посредством них могла быть воспринята срубная техника возведения четырех- и многостенных юрт.

В X – начале XIII в. полукочевая часть монголоязычного населения Баргуджин-Тукум, охватывавшей Предбайкалье, север Западного Забайкалья и Прибайкалье, скорее всего, жила как в каркасной полуземлянке, так и в заимствованных у тюрков видах срубной юрты. Зарождение собственно бурятских срубных жилищ стоит связывать с синтезом этих типов жилья: от

²⁶⁹ Кызласов И. Л. Указ. соч.

²⁷⁰ Михайлов В. А. Указ. соч., 1993. С. 47; Бадмаев А. А. Традиционные жилища бурят: проблема генезиса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. XVIII. С. 312–324.

²⁷¹ Кызласов И. Л., Указ. соч. С. 87.

первой была взята кровля, лежащая на четырех опорных столбах, установленных по углам очажной площадки, от второй – сборка стен в сруб с применением угловых сопряжений. В итоге возникло новое наземное строение капитального типа.

Теперь относительно гипотезы о производности бурятских срубных юрт с кровлей, опирающейся на несущие столбы, от саяно-алтайских жилищ²⁷². С ней сложно согласиться, во-первых, потому что опорные столбы (один или четыре) ставились только в столбовых жилищах хакасов, в срубных многоугольных *иб* их не было. Во-вторых, конструкция крыши в названных выше бурятских юртах существенно отличалась от кровли (пирамидальной или висячей стропильной) хакасской многоугольной срубной юрты *иб*.

В изучении генезиса срубных юрт необходимо сделать акцент на их дифференциации на жилища с четным и нечетным числом стен. Народы Саяно-Алтая возводили столбовые и срубные жилища с различным числом стен; судя по археологическим данным, начало этому было положено еще в раннем железном веке (в период существования таштыкской культуры). Как было выше отмечено, квадратные и многостенные срубные жилища попали в Предбайкалье в результате заимствования их у енисейских кыргызов; вероятно, предками бурят были восприняты одновременно и симметричные, и асимметричные срубные жилища. История их параллельного бытования в жилищно-поселенческом комплексе бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья (Тункинской долины) в основном длилась приблизительно до конца XVIII в. Еще дольше сохранялась подобная традиция у монгольских бурят и хамниганов северо-восточных территорий Монголии (в Хэнтэйском аймаке), – до второй половины XX в.²⁷³. Причину использования срубных юрт с разным числом стен В. А. Михайлов склонен связывать с особым почитанием небесных светил (солнца и луны) бурятами. Между тем из

²⁷² Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 85.

²⁷³ Дарбакова В. П. Традиционные домашние промыслы и ремесла монгольских народов МНР.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 103.

этнографических материалов известно, что существование срубных юрт с нечетным числом стен зачастую объяснялось нехваткой заготовленного строительного леса.

Б. Э. Петри первым предположил, что семистенная юрта предбайкальских бурят была зимним вариантом жилья, а восьмистенная – летним²⁷⁴. Его поддержал В. А. Михайлов, который считает, что бурятские пяти- и семистенные срубные юрты являлись зимними видами жилищ и обладали некоторыми архитектурно-строительными особенностями (в частности, входным теплозащитным тамбуром в виде вытянутого в ширину трапециевидного коридора), дававшими им преимущество перед жилищами с четным числом стен²⁷⁵. Выделив специфические элементы в архитектуре таких юрт, он приходит к заключению о более раннем их появлении, чем срубных жилищ с четным числом стен²⁷⁶. Действительно, сам по себе входной коридор в пяти-семистенных юртах отличался оригинальностью, а применение в конструкции двери столбовой технологии может указывать на ее архаичное происхождение. Но основной аргумент, на который автор опирается в своих рассуждениях, об исключительности применения входного тамбура в асимметричных срубных юртах, оказывается уязвимым. Дело в том, что такой вход-коридор в жилище имелся и в восьмистенной юрте (об этом подробнее будет сказано ниже – А. Б.), которая отнесена исследователем к летнему жилью бурят, хотя в ней, по материалам первой половины XVIII в., проживали и зимой. В этой связи выглядит сомнительным другое утверждение В. А. Михайлова: о проживании в определенные сезоны года только в симметричных юртах или только в ассиметричных.

Самые ранние следы использования входного коридора в жилище были обнаружены в Байкальском регионе на верхнепалеолитических стоянках

²⁷⁴ Петри Б. Э. Внутриродовые отношения у северных бурят // Изв. Биол.-геогр. науч.-исслед. Ин-та при Иркут. гос. Ун-те. Иркутск, 1925. Т. 2. Вып. 1. С. 49.

²⁷⁵ Михайлов В. А. Указ. соч., 1993. С. 49.

²⁷⁶ Там же. С. 50.

Мальта и Буреть²⁷⁷. Исследователями выдвинута гипотеза о существовании таких коридоров и в жилищах хунну Забайкалья (материалы могильника Ильмовая падь)²⁷⁸. Согласно И. Л. Кызласова, выступающий за пределы жилища вход является отличительной чертой гунно-сарматской эпохи (III в. до н. э. – I в. н. э.) и был характерен разным типам жилищ населения Среднего Енисея и Причулымья (каркасным и срубным, прямоугольным и многоугольным в основании)²⁷⁹. Говоря о трансляции у народов Сибири данной культурной традиции в рассматриваемый нами период, следует указать на факт ее присутствия в XVIII в. в хакасском жилище *тура*²⁸⁰ и бурятских многоугольных срубных юртах (см. ниже). До начала XX в. вход-коридор сохранялся в жилищной практике таких сибирских народов, как селькупы, кеты и коряки²⁸¹. Совершенно очевидно, что он представлял наследие еще дотюркского населения Южной Сибири, а в случае с бурятами его стоит рассматривать как реликт прежних автохтонных культур, что не отрицает вероятность его заимствования предками бурят на каком-то этапе их истории.

У войлочной юрты восточномонгольского подтипа, также представлявшей традиционный для бурят вид жилища, были предшественники в Байкальском регионе. Так, А. П. Окладников считает, что цилиндрические постройки, покрываемые войлоком, имелись у динлинов, с которыми связывают культуру плиточных могил²⁸². Кроме того, у хунну (II в. до н. э. – II в. н. э.) было известно войлочное неразборное жилище, полусферический остов которого венчался короткой и широкой шейкой дымохода. Считается, что такое жилье является далеким прототипом войлочной юрты²⁸³. Данный тип юрты существовал в XI в. в Восточном

²⁷⁷ История Сибири, 1968. Т. 1. С. 45–46.

²⁷⁸ Михайлов В. А. Указ. соч., 1993. С. 50.

²⁷⁹ Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 64.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Попов А. А. Указ. соч. С. 151, 159; Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 64.

²⁸² Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. С. 94.

²⁸³ Вайнштейн С. И. Указ. соч., 1991. С. 57.

Приангарье (петроглиф на горе Манхай)²⁸⁴, в середине XIII в. у монголов²⁸⁵, и даже в современности у хазарейцев Афганистана и монголов Ордоса²⁸⁶.

Новые данные (изображение войлочных юрт на берестяном туеске из погребального инвентаря хуннского кургана (местность Царам (Западное Забайкалье)²⁸⁷) позволяют утверждать о параллельном бытовании в хуннскую эпоху в Забайкалье упомянутого выше жилища и войлочной разборной юрты. Такое мнение было высказано И. В. Октябрьской. При этом остается открытым вопрос, что означает факт сосуществования типологически различных войлочных жилищ у хунну: следует ли его связывать с их социальной или этнической дифференциацией. По И. В. Октябрьской, неразборные войлочные жилища, устанавливаемые на телегу, не совсем практичные из-за своей громоздкости и ограниченности применения только в степной зоне, но престижные, могли принадлежать хуннской знати, а решетчатые юрты, легко разбираемые и перевозимые, функциональные в любой местности, – рядовым хунну. По нашему мнению, первый тип войлочного жилища, более известный в литературе и ассоциируемый с хуннами, последним и принадлежал, а разборная юрта, по археологическим данным локализуемая только в Забайкалье, была жилищем зависимого от хунну кочевого скотоводческого населения региона.

В связи со сказанным гипотеза С. И. Вайнштейна об изобретении разборной войлочной юрты орхонскими тюрками²⁸⁸ требует некоторой коррекции. Вновь обратившись к ранее упомянутому изображению данного жилища из хуннского погребения, можно разглядеть в нем прообраз войлочной юрты тюркского типа: на рисунке его кровля имеет полусферическую форму (как у тюркской юрты); то, что она изображена сложенной из прямых потолочных палок (признак монгольского жилища),

²⁸⁴ Хороших П. П. Наскальные рисунки на горе Манхай II // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. М.; Л., 1951. Вып. XXXVI. С. 191–195.

²⁸⁵ Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957.

²⁸⁶ Викторова Л. Л. Указ. соч. С. 56–57.

²⁸⁷ Миняев С. С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2(38). С. 49–58.

²⁸⁸ Вайнштейн С. И. Указ. соч., 1991. С. 50.

надо отнести к ошибке художника, иначе конструкционно невозможна форма кровли в виде купола. Разумным будет предположить бытование в хуннскую эпоху некого прототипа разборной юрты, от которого в раннем средневековье и произошла тюркская юрта, а затем и монгольская.

Жилищем пришедших на смену хунну сяньби, затем жужань (конец IV в.) была войлочная юрта. Обнаруженные в Предбайкалье манхайские и шишкинские наскальные изображения указывают на то, что часть курыкан имела разборные и неразборные (устанавливаемые на телегу) войлочные жилища²⁸⁹.

У средневековых монголов встречались шесть видов жилья²⁹⁰, из них войлочными юртами являлись: неразборная юрта на телеге (в XII–XIII вв. они пользовались неразборной юртой на телеге хуннского и киданьского типов); разборная решетчатая юрта; юрта–дворец. Первые два жилища были известны монголоязычному населению Юго-Восточной Сибири в дорусский период. Подтверждается это сведениями из русских письменных источников начального этапа присоединения региона к Русскому государству. В частности, в 1644 г. обитавшие в Западном Прибайкалье хори-буряты, оповещенные об угрозе нападения на них русского отряда, ночью «испометали войлоки с изб» и откочевали в другое место²⁹¹.

Интересно, что такие бурятские сообщества, как батулинцы, готовлы, хори-буряты имели один вид войлочной юрты, а булагаты – два. Причем, неразборная юрта фиксируется у предбайкальских аборигенов, в начале XVII в. объединявшихся в булагатский союз племен, – готовлов и булагатов, а разборная – у батулинцев и родственников им хори-бурят, в основном недавних переселенцев из Южной Монголии. Таким образом, становится понятно, что коренные жители, имея архаичную войлочную юрту, восприняли через хори-бурят или других мигрантов более совершенный вариант юрты.

²⁸⁹ Михайлов В. А. Указ. соч., 1993. С. 28.

²⁹⁰ Вайнштейн С. И. Указ. соч., 1991. С. 58.

²⁹¹ Сборник документов ... С. 51.

Однако была возможной ее рецепция и от забайкальских аборигенов. Косвенно об этом свидетельствуют современные сведения о традиционном жилище «старых» баргутов, которые, как считается, мигрировали из Восточного Прибайкалья в верховья р. Амур, а оттуда в 1732 г. – в р-н Хулун-Буира (Внутренняя Монголия)²⁹². Летом они живут в разборной юрте *хулсан гэр*, покрытой тростниковыми покрышками, а зимой – в войлочной юрте восточномонгольского подтипа. Свето-дымовой круг старо-баргутских юрт имеет простейшую, архаичную форму и, по Л. Л. Викторовой, мог быть известен в Забайкалье уже в эпоху бронзы²⁹³. Важно также обратить внимание на присутствие в составе «старых» баргутов некоторых булагатских родов, указывающее на существование в их забайкальский период истории тесных этнокультурных контактов с монголоязычным населением Предбайкалья.

Во второй половине XVII в. неразборная войлочная юрта перестает упоминаться в источниках, что свидетельствует об отказе бурят от нее.

Формирование интерьера жилища бурят в контексте этно- и культурогенеза

Вопросы происхождения предметов внутреннего убранства бурятского жилища изучались автором в одном из монографических изданий²⁹⁴, не входя в детали, мы позволим себе вкратце с некоторыми уточнениями воспроизвести результаты исследования.

Касательно генезиса организации жилого пространства у бурят можно сказать, что ее принципы были заложены еще в дохуннскую эпоху, косвенным свидетельством тому могут являться некоторые общие черты в планировке и зонировании жилищ у тюрков Саяно-Алтая и монгольских народов (центральное положение очага, выделение основных зон в жилище,

²⁹² Миягашева С. Б. Указ. соч. С. 11; Зориктуев Б. Р. Кто вы, старые баргуты Китая? // Вестник БНЦ СО РАН. 2012. № 2(6). С. 42.

²⁹³ Викторова Л. Л., Указ. соч. С. 55.

²⁹⁴ Бадмаев А. А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX века: технологический и мировоззренческие аспекты. Новосибирск, 2005.

в том числе мужской и женской половины), а также схожие представления о духах-покровителях домашнего огня. Заимствование протобурятами четырехстенной и многоугольных типов срубных жилищ у тюрок Саяно-Алтая и единые истоки происхождения войлочной разборной юрты закрепили эту общую основу в организации жилого пространства (произошла проекция квадратной формы мира на членение жилого помещения). Факторами, благоприятствовавшими данному процессу, были близость религиозно-идеологических представлений (дошаманских и шаманских) и доминирующий скотоводческий характер экономики у монголо- и тюркоязычных народов Центральной Азии. В дальнейшем в организацию внутреннего пространства юрты у предков бурят могли быть внесены определенные изменения, согласно новым религиозным представлениям, в том числе буддийским. В это время, вероятно, произошла условная сегментация жилища в соответствии с центральноазиатским зодиаком (перенесение на план жилища малого 12-летнего «животного» цикла (*мочлог*) и соответствующей цветовой символики). Летосчисление по шестидесятичному циклу было известно у народов Центральной Азии с глубокой древности²⁹⁵, но перенос его малого цикла непосредственно на план жилого пространства с целью выделения в нем хозяйственных и сакральных сегментов, а также исчисления времени суток, было осуществлено монголами в XIII–XIV вв. и от них было воспринято предками бурят.

Генезис кожаных вещей из интерьера жилища следует связывать с освоением предками бурят скотоводческой экономики. Анализ таких предметов позволил выделить два историко-генетических пласта, предшествовавших собственно бурятскому, – архаичный (предположительно хуннский) (сосуды *хаба*) и центральноазиатский (конское снаряжение, плетки, дорожные сумы, мешки, кисеты, сосуды *архат* и *хухуур*)²⁹⁶. Центральноазиатский пласт охватывает широкий хронологический диапазон

²⁹⁵ Викторова Л. Л. Указ. соч. С. 65.

²⁹⁶ Бадмаев А. А. Указ. соч., 2005. С. 64.

с древнетюркского времени по начало формирования бурятского народа (VI – конец XVII в.). Основа кожаной утвари и других вещей из кожи, присутствовавших во внутренней обстановке жилища, была заложена в средневековый монгольский период истории Центральной Азии и сопредельных территорий (XII–XIV вв.). Позднее (в XV – середине XVII в.) состав данных предметов быта изменялся благодаря, в частности, существованию устойчивых этнокультурных контактов между монгольскими степняками и предбайкальскими сообществами.

Истоки обработки войлока у южносибирских народов обнаруживаются в культурах раннего железного века (например, в пазырыкской культуре (Горный Алтай)); в дальнейшем каждая последующая кочевая цивилизация (хунну, средневековые тюрки и монголы, и др.) наследовала и развивала эту традицию, а войлочные изделия являлись неотъемлемой частью интерьера жилища.

Близость войлочных изделий (стеганные напольные ковры, мешки для хранения продуктов и одежды и др.), с одной стороны, у хори-бурят и селенгинских монголов, с другой стороны, у монголов и западных тувинцев, указывает на предположительное время сложения у них общих черт – XIII–XVI вв. Между тем исследование бытовых предметов из войлока у предбайкальских бурят свидетельствует об их самобытном пути развития²⁹⁷.

Изучение войлочных предметов, входивших во внутреннее убранство традиционного бурятского жилища, показало существование различий между предбайкальскими и забайкальскими образцами этих изделий²⁹⁸. Этот вывод стоит уточнить, добавив, что войлочные вещи у присаянских бурят то же обладали локальной спецификой, а распространение предбайкальской традиции в Прибайкалье и Западное Забайкалье происходило вместе с переселением в субрегионы представителей предбайкальских родов.

²⁹⁷ Бадмаев А. А. Указ. соч., 2005. С. 85–86.

²⁹⁸ Там же. С. 85.

Рассмотрение бурятской деревянной утвари позволило обнаружить в ней два историко-генетических пласта, унаследованных бурятами от предшествующих культур (архаичный, соответствующий скифо-сарматскому и хуннскому времени (берестяная посуда (ее первые образцы были обнаружены в Забайкалье при раскопках хуннского городища у с. Нижняя Иволга)²⁹⁹, кадушки *булуур*, мешалки для пахтанья, корытца *тэбишэ*, ведра *хунук-хуулга* и др.) и средневековый³⁰⁰ (тюркский и монгольский периоды истории Центральной Азии), которые доказывают, что: во-первых, деревянная посуда предбайкальских бурят имела заметные черты автохтонности; во-вторых, основы такой утвари у забайкальских и присаянских бурят были заложены в средневековый монгольский период, а в последующее время в него включались отдельные элементы утвари центральноазиатского (монгольского, тибетского) и восточноазиатского (китайского) происхождения.

Историко-генетические пласты были выявлены и при анализе материалов по деревянной мебели бурят³⁰¹. К архаичному слою была отнесена берестяная колыбель предбайкальских бурят, к средневековому монгольскому слою – отдельные образцы мебели хори-бурят, селенгинских монголов и бурят Восточного Присаянья. Деревянная мебель предбайкальских бурят в отличие от указанных групп бурят обладала самобытными чертами.

В культурно-хронологическом плане традиционная металлическая утварь может быть соотнесена с тюркским временем (ножи и котлы), средневековым монгольским – (самогонный аппарат с выдолбленной крышкой в форме полусферы), центральноазиатским позднесредневековым (чаerezки, чайники *домбо*, самогонный аппарат с крышкой в форме усеченного конуса, собранного бочарной клепкой).

²⁹⁹ Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. С. 54.

³⁰⁰ Бадмаев А. А. Указ. соч., 2005. С. 141.

³⁰¹ Там же. С. 142.

Генетические истоки бурятских ложек, изготавливавшихся из кости, рога и дерева, следует связывать со скифо-сарматской эпохой.

Вопросы формирования пищевого комплекса бурят

В XVIII–XIX вв. основу комплекса питания бурят составляли элементы, унаследованные ими от предшествующих культур. Предки бурят добывали биологические ресурсы Байкальского региона посредством таких присваивающих форм хозяйства, как охота, рыболовство и собирательство. Соответственно, в рационе питания у насельников Юго-Восточной Сибири были представлены мясо диких животных, рыба и дикоросы. В то же время длительный опыт ведения в условиях переходной зоны многоотраслевого хозяйства (на юге Забайкалья его зачатки складываются в энеолите – раннем бронзовом веке), особую роль в котором играли скотоводство и земледелие, выработал устойчивые традиции употребления в пищу мясомолочных и зерновых продуктов.

Сравнение этнографических данных по бурятам и народам сопредельных Байкальскому региону территорий показывает, что комплекс питания предков бурят был типологически близок комплексу питания кочевников Центральной Азии³⁰², и содержал общемонгольское ядро, объединяющее его с питанием других монгольских народов³⁰³. Естественно, при этом он имел локальные отличия, обусловленные спецификой природно-экологических ниш Байкальского региона и хозяйственной деятельности населения.

Данные археологии Юго-Восточной Сибири позволяют уверенно утверждать о давнем занятии аборигенами края охотой, рыболовством и собирательством. Традиции этих хозяйственных занятий, заложенные еще в верхнем палеолите, устойчиво транслировались и постепенно модифицировались. Зачатки производящего хозяйства были связаны с

³⁰² Этнография питания ... С.120–139.

³⁰³ Викторова Л. Л. Указ. соч.

примитивным земледелием, которое стала культивировать часть населения региона. Исследования показали, что начало земледелию было положено еще в неолитическое время³⁰⁴ (если быть более точным, то в развитый неолит) на юге Забайкалья. Так, на поселении Арын-Жалга (Восточное Забайкалье) были найдены орудия мотыжного земледелия, изготовленные из камня, реже из кости³⁰⁵. Пастбищное скотоводство зародилось в степных и лесостепных районах Забайкалья позже, в конце неолита; там к середине II тыс. до н. э. оно становится основным хозяйственным занятием³⁰⁶ (обусловлено это было аридизацией климата в XXI–XVI вв. до н. э., в результате которой значение земледелия в экономике субрегиона заметно упало). Несмотря на эти процессы, в период энеолита – бронзового века основными источниками пищи для насельников Байкальского региона оставались охота, рыболовство и собирательство. Только к эпохе поздней бронзы (культура плиточных могил) в мясной пище жителей юга Забайкалья начинает превалировать мясо домашних животных, вместе с тем в структуре питания прогнозируемо возрастает роль молочных продуктов. В то же время на большей части территории Юго-Восточной Сибири, где господствовали присваивающие виды хозяйства, в питании населения были главным образом представлены дикое мясо, рыба и дикоросы.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему был связан с расширением спектра используемых пищевых технологий. Архаичными способами обработки животного сырья (мяса и рыбы), ведущими свои корни из палеолитического времени, очевидно, были копчение и жарка (на углях и вертеле). К таким технологиям также относилось приготовление мяса диких животных (например, диких коз и сурков) с помощью раскаленных камней. С зарождением и развитием скотоводства в Юго-Восточной Сибири в пищу насельников региона проникли инновации. Вероятно, тогда были освоены у

³⁰⁴ Окладников А. П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир: Сб. статей. М., 1962. С. 418–431.

³⁰⁵ Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ, 1999. Вып. 3. С. 69–70.

³⁰⁶ Там же. С. 74, 94.

центральноазиатских кочевников следующие способы консервации: мяса – вяление и замораживание; молочных продуктов – кипячение, сквашивание, сушка, перетапливание (их изобретение произошло во II–I тыс. до н. э.)³⁰⁷. Появление импортных образцов утвари среди погребальных вещей наводит на мысль о восприятии новых и совершенствовании уже известных способов приготовления пищи. Наличие среди артефактов, относимых к культуре плиточных могил, бронзовых котлов на поддонах указывает на приготовление отварного мяса (прежде для этого служили керамические горшки). Котлы распространились у «плиточников» под влиянием кочевников степей Евразии – носителей культур скифо-сибирского мира. Другой пример – сосуды-триподы, попавшие к ним из древнего Китая, – применялись для варки и парения растительной пищи³⁰⁸.

Важным этапом в истории региона является хуннский период. Остеологические остатки домашних и диких животных, рыбы, обнаруживаемые в погребениях этого времени, указывают на употребление хунну пищи из мяса и рыбы. Так, в материалах памятника Ильмовая падь (Западное Забайкалье) встречаются костные останки овцы, козы, крупного рогатого скота, лошади и собаки, мясо которых входило в пищу³⁰⁹ (по крайней мере, в заупокойную тризну). Развитие пашенного земледелия позволило хунну разнообразить рацион питания злаками (различными сортами проса, пшеницы и ячменя). Определенный прогресс был достигнут ими в технологии хранения и переработки зерновых и молочных продуктов, на это указывает присутствие в погребальном инвентаре разнофункциональных керамических сосудов: одни из них имели проделанные на дне сквозные отверстия и служили для хранения зерна и переработки молочных продуктов; в других парили зерно; появляется прототип самогонного аппарата – керамическая посуда с двойными стенками. Касаясь хуннского виноделия, нужно предполагать, что домашнее

³⁰⁷ Викторова Л. Л. Указ. соч. С. 23–24.

³⁰⁸ Окладников А. П. Указ. соч., 1962. С. 430.

³⁰⁹ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье: (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. С. 209.

молочное вино изготовлялось и потреблялось в основном простонародьем. В то же время в перечень предметов, поставлявшихся ханьским Китаем хунну в рамках политики *хэцинь*, входило рисовое вино, которое завозилось в значительных количествах и употреблялось преимущественно военной знатью, а также во время массовых праздников³¹⁰. Такой порядок вещей имел место в жизни каждой последующей кочевой державы в Центральной Азии, которая добилась равных или даже сеньоральных отношений с Китаем.

В ранний железный век и раннее средневековье на развитие земледелия в Байкальском регионе оказали влияние инокультурные традиции: в хуннский период оно, вероятно, восприняло некоторые элементы китайской культуры земледелия³¹¹, в тюркское время – среднеазиатской³¹². При этом состав возвращаемых злаковых культур оставался почти неизменным с хуннской эпохи (курыканы дополнительно сажали рожь), а просо являлось основной земледельческой культурой (в китайском источнике «У-дай ши-цзи» (907–960 гг.) говорится, что народы си и цуань (монголы) из проса варили кашу и пили, разбавляя водой³¹³; через триста лет о традиции монголов готовить напиток из просяной каши пишет Плано Карпини³¹⁴). В средневековый монгольский период значение земледелия постепенно падало в экономике региона, это объясняется, с одной стороны, ростом скотоводческого населения, происходившего вследствие вынужденных миграций из Монголии, с другой, прекращением ранее имевшего место государственного протекционизма в земледельческой отрасли³¹⁵. Однако, как доказано, в маргинальных зонах земледелие остается востребованным по причине заинтересованности в ее продуктах кочевыми скотоводами. Поэтому в указанный выше исторический промежуток времени в Предбайкалье, Восточном Прибайкалье и Забайкалье сохранялись отдельные очаги

³¹⁰ Крадин Н. Н. Указ. соч., 2001. С. 115.

³¹¹ История Бурят-Монгольской АССР, 1951. С. 48; Крадин Н. Н. Указ. соч., 2001. С. 85.

³¹² Окладников А. П. Указ. соч., 1976. С. 34–43.

³¹³ Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / факсимиле ксилографа пер. с китай., введение, комментарий и прил. Н. Ц. Мункуева. Памятники письменности Востока. М., 1975. Т. XXVI. С. 70.

³¹⁴ Плано Карпини. Д. История монголов. М., 1957. С. 36.

³¹⁵ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 24.

земледелия (у баргутов, дауров, булагатов и др.). В дорусский период, согласно В. А. Михайлову, земледельческие традиции не были утеряны предками бурят и имели все признаки автохтонного происхождения³¹⁶.

Письменные источники времен монгольского великодержавия доказывают устойчивую трансляцию выработанных еще хуннами традиций употребления пищи из мяса определенных видов домашних животных³¹⁷. Кроме того, в этот период были внедрены действующие и поныне у монгольских народов правила убоя скота, распределения мяса, винопития, гостеприимства (например, Плано Карпини сообщает о монгольской традиции гостевого угощения во время обеда или ужина³¹⁸), а также переставшее быть актуальным в XX в. соблюдение сезонных различий в структуре питания и строгих норм в ежедневном потреблении пищи (времени проведения трапез, приготавливаемых для них блюд и снеди). Очевидно, что предки бурят, составляя часть монгольского мира, следовали всем этим установкам. Упоминая правила заклания домашних животных и гостевого угощения т. н. почетными частями отварной баранины, стоит акцентировать внимание на следующем моменте: эти изустные каноны у монголов отличны от тех, что приняты у тюрков. Между тем лингвистические исследования доказывают, что монголы заимствовали животноводческую лексику у тюрков³¹⁹ (а вместе с нею и занятие скотоводством). При этом утверждается, что у них собственными являются наименования собаки, лошади и свиньи. Отсюда надо полагать, что основы вышеуказанных правил были выработаны в рамках степной центральноазиатской традиции уже после выхода монголов из легендарной местности Эргэнэ-кун и были закреплены в период существования

³¹⁶ Михайлов В. А. Указ. соч., 2005. С. 173.

³¹⁷ Марко Поло. Книга Марко Поло / пер. со старофранцуз. И. П. Минаева, ред. и вступит. статья И. П. Магидовича. М., 1956. С. 88.

³¹⁸ Плано Карпини. Указ. соч. С. 109.

³¹⁹ Рассадин В. И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 65–80.

Монгольской империи, а в дальнейшем с формированием современных монгольских народов они приобрели этнокультурную специфику.

В письменных источниках XIII в. названы некоторые блюда и снедь (например, суп из вяленного мяса и круп) из кухни средневековых монголов, рецепты приготовления которых были известны в XVIII – начале XX в. Там же отмечается употребление монголами свежей конской крови, мяса диких (хищников³²⁰, водоплавающей птицы, копытных и некоторых представителей отряда грызунов) и домашних животных, в том числе больных и павших (крупного рогатого скота и лошадей), приготовление субпродуктов (колбас)³²¹. Из указанных выше сочинений можно почерпнуть, что в пищу включалась и рыба.

Если исходить из описаний, данных европейскими путешественниками, технология производства ряда молочных продуктов (творожистой массы, сливочного масла, сушеных сырков)³²² у монгольских народов мало изменилась вплоть до этнографической действительности. Благодаря другим письменным источникам, перечень молочной пищи монголов XIII–XIV вв. можно расширить, включив в него кислое молоко, простоквашу, топленое масло, сыр и др.³²³. Среди напитков авторы особо выделяют кумыс и производный от него т. н. черный кумыс – пахту (использование такой цветовой символики здесь отнюдь неслучайно: слово «черный» выступает в значении «плохой» (правда, остается загадкой, почему он предназначался исключительно для монгольской знати)). Кроме того, ими указывается, что средневековые монголы, как правило, не пили цельное молоко и воду. Примечателен отмечаемый Гильомом де Рубруком факт приспособления очищенных овечьих рубцов для хранения вытопленного из молочной пенки масла³²⁴. Такой способ длительного сохранения масла был традиционен для бурят юга Западного Забайкалья.

³²⁰ Плано Карпини. Указ. соч. С. 36.

³²¹ Рубрук Г. Указ. соч. С. 96; Плано Карпини. Указ. соч. С. 109.

³²² Рубрук Г. Указ. соч. С. 97.

³²³ Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983. С. 60.

³²⁴ Рубрук Г. Указ. соч. С. 97.

Монгольское виноделие носило домашний характер и было связано с изготовлением молочного вина и некоего напитка «террасина», который делали зимой из зерна (риса, проса, ячменя) и меда³²⁵. Импортные вина, прежде всего китайские, подавались во время застолий в домах знатных и состоятельных людей. По династийной хронике «Юань-ши», монголы познакомились с этими алкогольными продуктами только в начале XIII в.; данное событие персонифицируют с Чингисханом, которому в 1204 г. были преподнесены шесть чаш с вином³²⁶. Утверждается, что он ограничился тремя чарками вина, отсюда, будто бы, возникло установленное основателем монгольского государства правило, пить не более трех чаш с горячительным напитком, которое, судя по этнографическим материалам, действовало до начала XX в. и у части забайкальских бурят.

Просо продолжало занимать ключевое место среди употребляемых в пищу злаков (как ингредиент мясного супа и жидкой каши); мука (вероятно, имелась в виду прожаренная мука *гурил*) упоминается в текстах авторов XIII–XIV вв. как продукт, обязательно представленный в питании и господ, и рабов³²⁷. Согласно китайской хронике «Мэн-да бэй-лу», в ходе завоевания Китая монголы, будучи вынуждены кормить пленных китайцев, от последних научились готовить каши из риса и пшеницы³²⁸. Отсутствие в письменных источниках указаний на дикоросы, обычно включаемых в традиционную кухню монгольских народов, не отрицает возможность их потребления средневековыми монголами.

Касательно проникновения китайского чая в культуру монголов, надо полагать, что до завоевания Китая и создания империи Юань он не был известен монголоязычным сообществам, так как не представлял предмет торгового обмена Китая с центральноазиатскими кочевниками. В конце XIII – XIV в., в силу развития торговых связей между разными частями

³²⁵ Рубрук Г. Указ. соч. С. 95.

³²⁶ Мэн-да бэй-лу. С. 194.

³²⁷ Рубрук Г. Указ. соч. С. 98.

³²⁸ Мэн-да бэй-лу. С. 69.

Монгольской империи, он становится доходным товаром, продаваемым купцами монголам. При этом потребление дорогих сортов чая носит элитарный характер: они становятся популярны в кругах высшей монгольской знати. Во время правления династии Мин китайцами поддерживалась чайная торговля с монголами, но в XVII в., в период внутренних смут, ослабивших страну, и последующей маньчжурской агрессии против Китая и Монголии, на большей части Центральной Азии она становится небезопасной и приходит в упадок. Восстановление товарного обмена в границах империи Цинь привело к дальнейшему культивированию чая в монгольской среде, чему в XVIII в. во многом способствовало введение практики оплаты военной службы центральноазиатских кочевников кирпичным чаем. Хори и часть предков селенгинских бурят, которая проживала на территории Восточной Монголии и Западного Забайкалья, традицию питья китайского чая с молоком, как и другие монголы, восприняли еще до конца XVI в., но упомянутые выше события XVII столетия могли вызвать у них длительный перерыв в потреблении чая. Предки бурят, принадлежавших к предбайкальским родам, имели собственные рецепты приготовления чая на основе трав и корней, в чем можно убедиться, обратившись к материалам М. Н. Хангалова об эпохе т. н. *зэгэтэ-аба*³²⁹, и, скорее всего, обходились без импортного чая.

Исторические корни традиционного бурятского костюма

Вопрос о генезисе традиционного костюма бурят подробно рассмотрен в трудах ряда отечественных исследователей³³⁰, в результате выработан в целом единый взгляд на основные этапы формирования данной компоненты культуры жизнеобеспечения бурят. Привлечение указанными авторами известных на сегодня науке исторических источников (письменных, археологических, этнографических и др.), позволяющих выявить

³²⁹ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 250.

³³⁰ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987; Кочешков Н. В. Указ. соч.; Дагданова М. Б. Указ. соч.; и др.

генетические истоки костюмного комплекса бурят, снимает с нас необходимость специального освещения данной темы.

Ниже остановимся на том, каково сложившееся общее видение происхождения бурятского костюма.

Сложный этнический состав бурят обусловил складывание в их женском костюмном комплексе сразу восьми локальных вариантов и распространение в мужском костюме двух типов верхней одежды. Доказано, что верхняя одежда бурятских родов предбайкальского происхождения относится к т. н. южносибирскому типу, а – хори-бурят и бурят юга Западного Забайкалья, принадлежащих к монгольским родам, – восточноазиатскому типу.

Сведя воедино выводы, сделанные другими исследователями, можно утверждать о наличии в костюмном комплексе бурят нескольких историко-генетических пластов.

Прежде всего, в нем присутствует архаичный пласт, появление которого следует хронологически соотносить со временем, когда основным занятием населения Байкальского региона (древнего тунгусоязычного) была охота. Надо полагать, что данный пласт является как свидетельством ассимиляции предками бурят автохтонов региона, эвенков, так и результатом эвенкийского культурного влияния на культуру первых. Он проявляется в хори-бурятском (поршневая обувь, короткая охотничья куртка из ровдуги, орнамент из аппликации на унтах (орел – *ехэ шубуун*)³³¹) и т. н. западно-бурятском (в покрое и терминологии поршневой обуви, в терминологии и птичьей семантике традиционной верхней одежды, в солярных знаках декора безрукавок, в орнаменте³³²) костюмных комплексах.

Следующий, ранний монгольский, пласт предстает в качестве базового для т. н. восточно-бурятского костюма. Дело в том, что основные характеристики одежды, головного убора и обуви хори-бурят и селенгинских

³³¹ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 94.

³³² Дагданова М. Б. Указ. соч. С. 214.

монголов, как и большинства других монгольских народов, были заложены изначально и отмечаются в костюме киданей и даже более ранних монголоязычных общностей (правосторонний запах верхней одежды, четырехугольный передний борт одежды *энгэр*, воротник стойка, башмаковидная обувь и др.). Присутствие же таких элементов в костюме конных эвенков Забайкалья, на наш взгляд, лишний раз убеждает в давнем происхождении данного пласта.

Ранний тюркский пласт является следствием ассимиляции монголоязычными предками бурят тюркоязычных курыкан. Он представлен в костюме предбайкальских бурят, который обнаруживает черты сходства с костюмными комплексами тюрков Саяно-Алтая, Якутии и Средней Азии: в их мужской верхней одежде (прямой разрез спереди одежды, оформление груди распашного халата, длинный воротник шалю); в женской одежде (терминология, семантика, принципы кроя, в частности безрукавки замужних женщин)³³³; ношение мужских и женских наборных поясов.

Далее можно выделить историко-генетический пласт, включающий элементы бурятского костюма, производные от костюма монголов периода Монгольской империи (XIII–XIV вв.) и находящие аналогии в традиционных костюмных комплексах других современных монгольских и части тюркских народов. Широкая география распространения таких элементов костюма объясняется вхождением в указанную выше эпоху одних и тех же этнических компонентов в состав разных народов Центральной Азии и Южной Сибири³³⁴. Судя по письменным источникам, в это время были выработаны цветовые предпочтения для ткани верхней одежды и матерчатого пояса³³⁵.

Несколько отступив от темы, заметим, что монгольским народам передался от средневековых монголов обычай обтирания сальных рук об одежду. У монголов было даже известно благопожелание, основанное на представлении о том, что незасаленная одежда приносит несчастье своему

³³³ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 45, 49, 51, 54; Дагданова М. Б. Указ. соч. С. 212.

³³⁴ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 96.

³³⁵ Викторова Л. Л. Указ. соч. С. 35.

владельцу³³⁶. В этой связи следует указать, что монгольские народы включали топленое масло и бараний жир в различные обряды жизненного цикла, и ассоциировали их со счастьем и богатством. Неслучайно, и при проведении свадебных обрядов³³⁷, и когда поздравляли с обновкой³³⁸, буряты произносили одну словесную формулу: «Пыль – наружу; масло – внутрь» (иначе, «вся нечисть наружу, а все добро внутрь»). Однако сказанное не исключает, что данный обычай был вызван вполне прагматическими причинами: засаленная одежда становится непроницаемой для грязи и уменьшает опасность заражения³³⁹.

Наконец, поздний монгольский пласт отражает этнокультурные контакты предков бурят с монгольскими народами в постимперский период (XV–XVII вв.): с монголами запада Северной Монголии (у хонгодоров); с монголами востока Северной Монголии (наличие в костюме бурят Предбайкалья, Прибайкалья и некоторых других территорий головных уборов *обуза* (мужская шапка *лоовуз* была известна у монголов-урянской³⁴⁰) и *тоорсог*, украшения *ахалга*³⁴¹); с восточными монголами (существование в хори-бурятском костюме общих элементов с костюмом бурят-барга (горизонтальная строчка высокой тульи шапки, верхняя мужская и женская одежда, обувь)) и узумчинов. Отметим, что в обозначенный период на костюмный комплекс хори-бурят и селенгинских монголов оказал определенное влияние буддизм. Стоит также добавить, что общие черты в костюме западных бурят и западных монголов могли быть порождены и более ранними этнокультурными контактами их предков. Например, еще до образования империи Чингисхана, в период их совместного проживания в пределах Байкальского региона (в стране Баргуджин-Тукум).

³³⁶ Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1859. Ч. 4. Вып. 1. С. 255–256.

³³⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 68; Линховоин Л. Л. Указ. соч. С. 68.

³³⁸ Гомбоев Г. Указ. соч. С. 256.

³³⁹ Кириллов Н. В. Об акушерстве у забайкальских инородцев в связи с некоторыми особенностями их быта // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1897. Кн. 4. Отд. VII. С. 88.

³⁴⁰ Эрдэнэбат Д. Вооружение, одежда, кожаные шлемы и доспехи монголов периода империи чингисидов: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. С. 43.

³⁴¹ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 94.

1.3. Культура жизнеобеспечения бурят в XVIII веке

Жилищно-поселенческий комплекс

В XVIII в. субрегионы Юго-Восточной Сибири в неравной степени были освоены русскими: Предбайкалье активно заселялось переселенцами, и было покрыто густой сетью сельских поселений (Е. М. Залкинд приводит данные поверстника 1735 г., в котором на отрезке от Иркутска до Братского острога указаны 92 русских селения³⁴²); Западное Забайкалье не отличалось плотностью заселения русского населения, которое локализовалось в городах (Удинске, Селенгинске и др.) и их пригородах, вдоль р. Селенга и ее притоков, причем в основном встречались малодворные поселения и отдаленные друг от друга крестьянские дворы³⁴³. Для русских были характерны главным образом приречная и притрактовая формы расселения (например, в Предбайкалье они селились вдоль рек Ангара и Лена, их притоков, а также Московского и Якутского трактов). К концу столетия в Предбайкалье сложилось чересполосное проживание русского и бурятского населения; в Забайкалье такого не наблюдалось, там были лишь отдельные анклавы проживания русских, вследствие значительного земельного простора в субрегионе серьезно не стеснявших хозяйственную жизнедеятельность бурят и селенгинских монголов. Действовавший еще с конца XVII в. запрет властей селиться русским среди бурят надолго сохранил моноэтничность бурятских поселений. Однако между русскими и бурятами были постоянные социально-экономические и иные контакты, в частности происходил натуральный обмен зерна на продукты бурятского скотоводческого хозяйства. В то же время в Предбайкалье соперничество между русскими и бурятами за владение сельскохозяйственными угодьями продолжалось на протяжении всего XVIII в., зачастую оно усугублялось

³⁴² Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 26.

³⁴³ Там же.

самозахватами русскими поселенцами сенокосных и иных территорий, принадлежавших бурятским сообществам.

Никакой официальной статистики, которая могла бы показать динамику количественных изменений бурятских поселений в XVIII в., не обнаруживается. Нет также в перечнях населенных пунктов названий сезонных поселений бурят, имевших срубные жилища, – зимников, вероятно, отсутствие интереса властей к подобной информации объяснялось поверхностным и достаточно однобоким восприятием культуры бурят.

Авторы конца XVII – первой половины XVIII в. (Н. Г. Спафарий, И. Идес, Дж. Белл, Л. Ланге, С. П. Крашенинников и др.), побывавшие в местах расселения бурят, оставили довольно скудные сведения об их поселениях и жилищах. Но, тем не менее из их сочинений становится ясно, что буряты проживали в сезонных поселениях, и у них были распространены срубные и войлочные юрты. Очевидно, что первый тип юрт мог принадлежать кочевому и полукочевому населению, а второй – полукочевому и полуоседлому. Анализируя дневниковые записи Н. Г. Спафария³⁴⁴ можно прийти к выводу, что буряты селились в бассейне р. Ангара и ее притоков в мелких населенных пунктах, находившихся на небольшом отдалении (примерно в 8,5–11 км). Причем, их зимники располагались на правой стороне р. Ангара, речных островках, нередко достаточно близко от летников (2,1–5,3 км), а летние стоянки в основном были разбросаны по ангарскому левобережью на некотором расстоянии от берега. Данные, приведенные упомянутым автором, определенно указывают на то, что сеть приангарских поселений у бурят складывалась с учетом природно-географического фактора: их летники лежали на левобережье, где находились обширные участки степи, благодатные для выпаса скота; зимники неслучайно были размещены на островках и на правобережье – там легче было устроить унавоженные покосы (утуги), так как имелись естественные условия для ограниченной зимней тебеневки и внесения таким образом в почву полезного для покоса

³⁴⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 457. Л. 9.

удобрения – скотского навоза. Речные острова были удобны и с точки зрения защиты от вражеских набегов. Попутно надо отметить, что радиус угодий, принадлежавших одной приангарской поселенческой общине, не превышал в среднем 10–15 км.

Другой царский посол ко двору цинского императора, И. Идес,³⁴⁵ повторяет свидетельства Н. Г. Спафария об относительно небольшом расстоянии между зимними поселениями бурят, а также о доминировании у них приречной формы заселения. Он отнес бурят Приангарья к оседлым жителям, что согласуется с русскими архивными источниками еще первой трети XVII в.³⁴⁶, в которых эвенки описывали бурят, как людей «сидячих», т. е. более оседлых, чем они сами, и имевших сезонные поселения. Обнаруживаемые расхождения в описаниях двух названных выше авторов обусловлены сезоном, в который каждый из них побывал в Приангарье. Но эта версия жизнеспособна, если только упомянутые типы юрт были сезонными, когда в зависимости от времени года буряты переселялись то в одно, то в другое жилище.

Визуальное представление о жилище предбайкальских бурят дает иллюстративный материал из сочинений рассматриваемого времени. Так, в гравюре «Буряты», содержащейся в книге Н. Витсена³⁴⁷, нарисованы войлочные юрты, причем, судя по переданным художником деталям (распаханная пашня, ведущиеся на ней сельскохозяйственные работы), речь идет о конце весны – начале лета; как видим, здесь имеется явный намек на проживание бурят в войлочных юртах в теплое время года. А в гравюрах, прилагаемых к работе И. Идеса, их жилищем предстает невысокая четырехстенная срубная юрта, имеющая двухскатную крышу.

По Д. Г. Мессершмидту³⁴⁸, зимой буряты Предбайкалья жили в восьмистенной срубной юрте с кровлей, поддерживаемой 4-мя,

³⁴⁵ Идес Э., Бранд А. Указ. соч. С. 130.

³⁴⁶ История Бурят-Монгольской АССР, 1951. С. 88.

³⁴⁷ Алексеев М. П. Указ. соч., 2006. С. 423.

³⁴⁸ Путешествие по указу ... С. 36.

формирующими очажную площадку столбами, с довольно толстыми венцами сруба, утепленного извне завалинкой. К дверному проему такой юрты примыкал теплозащитный тамбур, отличный от тамбура семистенной юрты³⁴⁹. Данная пристройка, скорее всего, строилась в срубной технике, и как указывает Г. Ф. Миллер, использовалась под хранение съестных продуктов³⁵⁰.

На основе данных Н. Витсена и Д. Г. Мессершмидта можно заключить, что зимники у бурят представляли комплекс из жилой срубной юрты и утепленных хозяйственных построек³⁵¹, вероятно, служивших стойлом для крупного рогатого скота. Вполне возможно, что роль хлева выполняли старые юрты, по крайней мере, Г. Ф. Миллер утверждает, что предбайкальские буряты имели «особые юрты для скота зимою, построенные так же, как и жилые юрты»³⁵². Этот же автор пишет о пристроенных к бревенчатым юртам загородках для овец.

Спустя двадцать два года после Д. Г. Мессершмидта, путешествие которого в Пребайкалье произошло в 1723 г., жилище качутских (верхоленских) бурят описал участник Великой Северной экспедиции Я. И. Линденау, который подтвердил сведения своего предшественника и дополнил их. Во-первых, он указал на небольшую длину стены восьмистенной юрты, равной всего полсажени, если даже принять в качестве единицы измерения косую сажень в 216–248 см, то длина стены чуть превышала 1 м, соответственно, и площадь юрты была более чем скромной. В этой связи нужно предположить, что автор ошибся, назвав такую длину стены; речь должна идти о 1–2 саженьях, так как, по данным второй половины XIX в., длина стеновых бревен не была меньше 3 м. Во-вторых, как выясняется, крыша состояла из системы плах, сложенных на четыре несущих столба, о которых писал Д. Г. Мессершмидт, и засыпалась смесью дерна с

³⁴⁹ Путешествие по указу ... С. 37.

³⁵⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 184.

³⁵¹ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 157.

³⁵² Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 184.

навозом. В-третьих, Я. И. Линденау обратил внимание на содержание молодняка домашних животных в специально отведенном месте в юрте: «Внутри с правой стороны от входа имеется отгороженное место – Regina, а над ним сделан дощатый навес, как в птичнике. В этом закутке содержатся телята и ягнята»³⁵³.

Отличие летних срубных юрт от их зимних вариантов заключалось в отсутствии у них какого-либо утепления (между тем зимнее жилье проконопачивалось мхом, и крыша покрывалась дерном³⁵⁴). Помимо этого, при летниках имелись специальные ямы-погребя, где держали до наступления зимней перекочевки посуду с простоквашей³⁵⁵.

Л. Ланге, в 1715–1718 гг. посетивший братских бурят, и Дж. Белл, в 1720 г. проезжавший через земли балаганских бурят, писали о наличии у них исключительно войлочных юрт. Судя по всему, в составе бурят Предбайкалья имелись кочевники, основными занятиями которых были скотоводство и охота, и как раз им могли принадлежать данного типа юрты. Последние предположительно были вынужденными мигрантами, бежавшими из Джунгарии или Халхи, скорее всего ими являлись зунгары, первоначально платившие ясак в Балаганский острог, а позднее переподчиненные Балаганской инородческой конторе.

Я. И. Линденау то же сообщал о войлочных юртах у предбайкальских бурят, но живших юго-восточнее, ближе к оз. Байкал³⁵⁶. В одном случае он войлочную юрту называет *ihigei*, в другом – *hër*, (*ihigei* в современном написании будет *һэеы* ‘войлок’, а *hër* – *гэр* ‘дом’. Обычно в бурятском языке используют словосочетание *һэеы гэр* ‘войлочный дом-юрта’).

О распространенности в качестве сезонных видов жилья войлочной и срубной юрт у бурят, приписанных к Удинскому острогу (будущему Нижнеудинску – А. Б.), пишет С. П. Крашенинников, изучавший

³⁵³ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

³⁵⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 180.

³⁵⁵ Там же. С. 184.

³⁵⁶ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

Предбайкалье в середине 1730-х гг.: «Зимою живут в юртах деревянных осьмиугольных <...> а летом в войлочных юртах, также видом круглых»³⁵⁷. Относительно эхиритов Иркутской провинции Я. И. Линденау замечает, что они имели бревенчатые юрты как на летниках, так и на зимниках, но состоятельные люди из их числа пользовались еще и войлочными юртами³⁵⁸. Бытование войлочных юрт было зафиксировано Г. Ф. Миллером у верхоленских бурят, но, по уверению ученого, они входили в приданное невесты, и были нужны скорее для престижа, чем для практического применения как сезонное жилище³⁵⁹. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с традицией степных скотоводов Центральной Азии, у которых войлочная юрта была обязательной частью приданного, и с ней было связано проведение ряда важных ритуальных действий во время свадебного обряда. Ответ на вопрос, почему эта традиция поддерживалась в данной территориальной группе бурят, можно найти, зная этнический состав верхоленских бурят. В первой половине XVIII в., помимо автохтонов Предбайкалья, эхиритов и булагатов, на территории Верхоленья проживали представители хори-бурят, а также мигранты из Джунгарии и Халхи, которые и могли быть носителями упомянутой традиции. Также ранее мы указывали на возможность восприятия булагатами разборной войлочной юрты у баргутов Забайкалья.

По причине того, что в изучаемый период предбайкальские буряты представляли неоднородный этнический массив, различавшийся к тому же хозяйственным укладом, количество сезонных перекочевок у них варьировало. Полуоседлые буряты совершали в год две кочевки, имели зимние и летние поселения, состоявшие из срубных юрт; правда, бедные из их числа никуда не переезжали и жили круглый год в одной хижине³⁶⁰. Полукочевые буряты перегоняли стада не менее трех раз в году и сочетали в

³⁵⁷ Крашенинников С. П. Указ. соч., 1966. С. 66.

³⁵⁸ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 140.

³⁵⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 180.

³⁶⁰ Там же. С. 236.

зависимости от сезона войлочную и бревенчатую юрты, последние располагались на зимниках. Наконец, кочевые буряты, сравнительно небольшая группа крупных скотоводов, представленная в разных этнических сообществах автохтонов и мигрантов субрегиона, вынуждены были в течение года делать частые переезды и постоянно проживать в войлочной юрте. В отличие от полуоседлых бурят, летники которых находились на одном месте, летние стойбища полукочевых скотоводов имели временный характер, и, чаще всего, оставались в пределах одной долины, входившей в родовое владение.

Очевидно, что на то время в глазах бурят Предбайкалья войлочная юрта была престижной, ее владельцами, как уже было сказано, являлись богатые скотоводы.

В изучаемое время коническая жердевая постройка, войлочный чум *урса гэр*, использовались только в обрядовой практике бурят Предбайкалья, в частности китойских хонгодоров³⁶¹.

В первой половине XVIII в. ареал расселения бурят в Восточном Присаянье ограничивался Тункинской долиной. Г. Ф. Миллер отмечает бытование в указанное время у бурят Тунки как четырех-, шестистенных, так и пяти-семистенных срубных юрт³⁶². Тот факт, что у них не была зафиксирована восьмистенная юрта, известная, как мы ранее выяснили, у предбайкальских бурят, доказывает восприятие ее у последних в более поздний период. Природный ландшафт субрегиона благоприятствовал ведению полукочевого скотоводства, предполагавшего трех-четырёхразовые сезонные перекочевки, и поэтому у тункинских бурят сложились небольшие зимние поселения, на которых имелись бревенчатые юрты с некоторыми хозяйственными постройками.

Остров Ольхон, по Н. Г. Спафарию, путешествие которого произошло в 1675 г., был безлюден³⁶³. Однако в справедливости последнего стоит

³⁶¹ РГАДА. Ф. 199. Порт. 509–2. Л. 26–29.

³⁶² РГАДА. Ф. 199. Порт. 517–22. Л. 4 об.

³⁶³ Спафарий Н. Г. Указ. соч. С. 119.

усомниться: в 1685 г. в Нерчинскую приказную избу поступает челобитная от шуленги Тураки, который в 1669 г. с группой реэмигрантов-хори вернулся на «породные земли» в Западное Прибайкалье, но там он и его сородичи подверглись притеснениям со стороны новых насельников – «верхоленских ясашных людей»³⁶⁴. Вероятно, в 1770–е гг. на о. Ольхон, а чуть позже на юго-восточное побережье Байкала, произошла миграция эхиритов и представителей некоторых других этнических сообществ Предбайкалья; данное событие было зафиксировано в сочинении Н. Витсена³⁶⁵.

У ольхонских бурят, как и у Предбайкальских, встречались две системы поселений: первая была связана с проживанием в многоугольных срубных юртах на зимниках и летниках; вторая, менее распространенная, была известна у кочевников, которые пользовались войлочной юртой³⁶⁶.

В конце XVII в. география расселения селенгинских монголов, принадлежавших племенной организации табангутов, охватывала верховья р. Селенга, и далее вниз, включая иволгинские и оронгойские степи. Другие этнические сообщества, вынужденно мигрировавшие в Западное Забайкалье из Предбайкалья и Халхи, заселяли центральную и южную части субрегиона. Хори-буряты занимали степи, начиная с юго-восточного побережья оз. Байкал и на восток по бассейнам рек Уда (вбирая также ее притоки) и Хилок³⁶⁷.

Г. Ф. Миллер указывает, что селенгинские монголы и хори-буряты совершали только три перекочевки в течение года. Важно его замечание, что «у каждого семейства или рода существуют определенные собственные местности, за пределы которых они редко распространяются»³⁶⁸. Строго определенные места кочевок, имевшийся достаточный размер пастбищ для каждой семьи и на то время сравнительно небольшое население в Забайкалье,

³⁶⁴ Залкинд Е. М. К истории бурят-хоринцев в конце XVII в. // Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4. С. 69.

³⁶⁵ Витсен Н. Указ. соч. С. 142.

³⁶⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 180.

³⁶⁷ Буряты, 2004. С. 94.

³⁶⁸ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 236.

все это способствовало развитию в крае преимущественно кочевого скотоводства.

Зимняя стоянка у селенгинских монголов и хори-бурят всегда разбивалась на одном месте, рядом с пастбищами, где стадо свободно паслось на подножном корме, а летом для сбережения зимнего корма номады отправлялись кочевать в отдаленные местности «в леса и горы»³⁶⁹. Если исходить из данных Н. Г. Спафария, в конце XVII в. селенгинские монголы имели летние стоянки в пойме р. Селенга и некоторых ее притоков, отстоявшие друг от друга приблизительно в 2,5–10 км. В таких сезонных поселениях обитали небольшими коллективами, как правило, отдельными патронимиями. Была распространена практика проживания женатых сыновей в родительской юрте с последующим выделением им собственного жилья³⁷⁰. Состоятельные скотоводы, помимо юрты, где размещалась их семья, имели еще жилища для своих работников³⁷¹. Многоженцы ставили каждой из своих жен отдельную юрту на зимнике, и на летнике³⁷².

Во второй половине столетия разнообразие типов срубных юрт продолжает сохраняться у бурят Предбайкалья, Восточного Присаянья и Западного Прибайкалья. Правда, в источниках этого времени наблюдается разброс в оценке того, какие именно деревянные жилища были у названных выше бурят: По М. Татаринову, у них имелись шести-, восьмистенные юрты³⁷³; по Г. Георги – четырех-шести-восьмистенные³⁷⁴; по Ф. Лангансу, четырех-, пяти-, шести-, восьмистенные³⁷⁵. Исходя из имеющихся описаний, следует усматривать параллельное бытование сразу двух традиций в возведении сруба юрты: первая традиция заключалась в использовании под венцы толстых сосновых и лиственничных кругляков; вторая традиция, вероятно, была обусловлена отдаленностью поселений от мест

³⁶⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 182.

³⁷⁰ Там же. С. 183.

³⁷¹ Гирченко В. П. Указ. соч. С. 20.

³⁷² Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 182.

³⁷³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 13.

³⁷⁴ Георги И. Г. Указ. соч. С. 36.

³⁷⁵ Ким Н. В. Указ. соч., 1965. С. 148.

произрастания строевого леса, следовательно, трудностью доставки оттуда заготовленного сырья, тогда в ход шли молодые деревья, а тонкие стены юрты требовалось дополнительно утеплять. Кроме того, у бурят обозначился выбор в пользу строительства срубных юрт с четным числом стен, а пяти-семистенные жилые постройки становились менее востребованными.

Авторы по-разному определяли ориентировку входа бурятской юрты: о юго-восточной ориентации дверного входа сообщал М. Татаринов; о его восточной ориентации писали Я. И. Линденау и Ренье: «<...> буряты говорят, что дверь должна быть обращена на **восход солнца** (выделено нами. – А. Б.)»³⁷⁶. Г. Ф. Миллер осторожно называл направление двери у бурят (да и некоторых других аборигенов Сибири) на восход солнца, аргументируя тем, что светило в зимнее и летнее время встает не в одном месте горизонта: «Я намеренно говорю к восходу солнца, чтобы оставить неопределенным то направление, которое лежит между восходом солнца зимой и летом, так как не наблюдается, чтобы двери всегда выходили <...> на восток, но иногда они выходят на юго-восток, иногда – на северо-запад»³⁷⁷. Вступая в спор с его доводами, необходимо указать, что, во-первых, северо-западная ориентация входа у бурятской юрты никогда и никем из других авторов не фиксировалась, во-вторых, подобно восточным монголам, у которых юрты были ориентированы входом на юг, для жилищ бурят Забайкалья (селенгинских монголов и хори) было характерно южное направление входа, а для бурят Предбайкалья и Прибайкалья (эхиритов, булагатов и других этнических сообществ) – юго-восточное³⁷⁸. Вероятность восточной ориентации входа юрты нельзя отметить, так как, выше говорилось, что в состав бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья вошли беженцы из Западной Монголии (хонгодоры и др.), которые и могли принести с собой такую традицию (вход в жилище у западных монголов был обращен на восток, как и у алтайских тюрков). Кроме того, и среди автохтонов Юго-

³⁷⁶ Ким Н. В. Указ. соч., 1965. С. 148.

³⁷⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 180.

³⁷⁸ Басеева К. Д. Указ. соч., 1984. С. 115.

Восточной Сибири имелись этнические общности, предки которых были тюркоязычны.

Источники второй половины XVIII в. не содержат сведений о серьезной модификации срубной юрты. Новацией являлось настиление деревянных полов в юртах состоятельных людей, считается, что это было следствием восприятия бурятами русской избы³⁷⁹. Есть так же указание И. Г. Георги о пристроях к юрте в виде «присенков, как у Барабинцев, крытых»³⁸⁰, но тут возможно двоякое объяснение данного факта: или под присенками обозначены известные и в более ранний период теплозащитные тамбуры, или, действительно, на замену первым пришли сени, тогда это могло быть результатом заимствования у русских.

П. С. Паллас обозначил ареал распространения «черных» изб у бурят, охватывавший Иркутский, Балаганский и Верхоленский уезды, т. е. территории, где активно селились русские переселенцы, и были наиболее тесные этнокультурные контакты между русскими и бурятами. Отнесение туда же о. Ольхон, как это сделал данный автор, кажется нам ошибкой. Дело в том, что, по архивным данным, вплоть до 1830-х гг. такие строения не фиксировались у ольхонских бурят. Кроме этого, согласно К. Риттеру, на острове проживало исключительно бурятское население³⁸¹. Очевидно, что на западе Прибайкалья, буряты жили в традиционных жилищах.

Примерное время начала распространения курных изб у предбайкальских бурят относится к 1740-м гг., т. е. синхронизировано с возрождением у них земледельческой культуры. Застрельщиками домостроительства были крещеные буряты и родовые старшины, причем первым, кто обзавелся избой, был крещеный бурят Онхотоева рода Василий Донской³⁸². Е. М. Залкинд приводит сведения, что до 1760 г. у балаганских бурят было построено 4 избы, с 1760 по 1770 г. – 10 и с 1770 до 1782 г. –

³⁷⁹ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 84.

³⁸⁰ Георги И. Г. Указ. соч. С. 36.

³⁸¹ Риттер К. Указ. соч., 1879. С. 33.

³⁸² Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 223.

24³⁸³. Из описания хозяйства Василия Донского, взятого исследователем из архивного источника, можно вынести, что состоятельные буряты заводили большие дворы с жилыми и хозяйственными постройками (несколькими избами, амбаром «с сусеками», овином с «гутящином» (предположительно, здесь имелся в виду срубный овин с ямой для печи «по-черному» и верхней камерой для снопов), баней). Итак, зарождение крестьянских дворов у бурят следует связывать с Предбайкальем и отсчет этому надо вести с 1760–70-х гг. Интересно, что в одном таком дворе, имевшем свободную застройку, строились избы с сенями и горницей (т. е. двухчастное жилье с внутренней перегородкой), под которой рыли погреб, и избы без сеней (однокамерное жилье). Особенностью домостроительства бурят зачастую был отказ от полов и (или) потолочных перекрытий. В этой связи следует сказать, что при возведении срубных юрт и изб буряты демонстрировали диаметрально противоположные качества (консерватизм и новаторство), которые особенно проявились в их отношении к необходимости пола и потолка в жилище. В срубной юрте ради комфорта они настилают полы; в избе же, чтобы оставить нетронутым традиционный быт, отказываются от пола и потолка.

Из хозяйственных построек, возводимых бурятами, в источниках упоминаются поветки³⁸⁴, которые были предназначены для зимнего содержания крупного рогатого скота.

У бурят Предбайкалья, Восточного Присаянья и Западного Прибайкалья сохранялась практика сезонных перекочевов и связанная с этим система зимних и летних поселений. Зимники располагались в местах, защищенных горами и лесом, рядом с водными источниками. С точки зрения доступности строительного материала, близости охотничьих угодий, безусловно, такой выбор местонахождения зимника был обоснованным.

За полтора века с момента вхождения бурят Предбайкалья в состав Русского государства³⁸⁵ форма устройства поселений у них не изменилась:

³⁸³ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 223.

³⁸⁴ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 13.

³⁸⁵ Сборник документов ... С. 29.

зимние поселения у них были сравнительно небольшими населенными пунктами из 5–20 срубных юрт³⁸⁶.

Ольхонские буряты представляли малочисленную этнотерриториальную группу (предположительно около 1 тыс. чел.), костяк которой составляли представители эхиритских родов (Абзай, Баяндай и др.); они имели предположительно 17–18 зимних улусов, большая часть которых была сосредоточена в степных долинах юго-западной оконечности о. Ольхон, у берегов т. н. Малого моря. Население такого улуса, как и у предбайкальских бурят, было малочисленным, в среднем составляло не более 55 чел.³⁸⁷.

Требует пояснения терминология сезонных поселений у бурят XVIII в.

И. Г. Георги, первым из европейских ученых, дал расшифровку понятия *хотон* – «хоттон включает в себе от десяти до двадцати семейств, и подобится деревушке. Старейшина хоттона называется засул»³⁸⁸. Слово *хотон* в языке предбайкальских бурят означало небольшое сезонное поселение, образованное представителями близкородственных семей. Хотон у хори-бурят и селенгинских монголов был также поселением одной близкородственной группы, но в отличие от предбайкальского аналога носивший временный характер. Засула (или по-русски есаула) предбайкальских бурят в делопроизводственных документах XVIII в., в соответствии с установившейся должностной градацией, записывали как десятника.

Между тем в источниках того времени в отношении бурятских поселений используется термин *улус*. Главой улуса у бурят Забайкалья считался *шуленга*, который подчинялся главе рода *зайсану* (у предбайкальских бурят управленческая вертикаль была короче, и *шуленга* являлся главой административно-территориального рода), поэтому под улусом понималась часть рода, объединявшая несколько разных по

³⁸⁶ Георги И. Г. Указ. соч. С. 30.

³⁸⁷ Риттер К. Указ. соч., 1895. С. 406.

³⁸⁸ Георги И. Г. Указ. соч. С. 25.

происхождению групп близкородственных семей, которые вместе кочевали. Вызванный развитием земледелия и переходом на полуоседлый образ жизни большинства предбайкальских бурят процесс укрупнения хотонов в поселения, в которых проживали представители разных родов или близкородственных подгрупп одного рода, привел к обозначению их как улусы. Согласно Ф. Лангансу, у предбайкальских бурят были зимние и летние улусы³⁸⁹. У хори-бурят и селенгинских монголов улус в значении сезонного поселения не был известен, однако по мере переселения части предбайкальских родов в Западное Забайкалье и возникновением стационарных зимних поселений, это понятие со временем укореняется в их языке.

Локальное распространение у предбайкальских бурят имело еще одно название сезонного поселения, которое в искаженной форме – *негаал* (деревня) – упоминается Гmeliным. Как оказывается, это было зимнее или летнее поселение нижеудинских бурят, состоявшее из большого числа срубных юрт³⁹⁰. Вероятно, *негаал* – это измененное *нуга* ‘улус, местечко’³⁹¹, диалектное слово, известное в языке булагатов. Как обозначение малодворного поселения, оно отмечается в конце XIX – начале XX в. у идинских бурят³⁹².

Анализ источников второй половины XVIII в. показывает, что у бурят сложились три системы сезонных поселений, различавшиеся по имевшимся в них жилищам: первая система предполагала наличие как на зимнике, так и на летнике срубных юрт и курных изб; вторая – курных изб на зимнике, срубных юрт на летнике; третья – срубных и войлочных юрт и «хижин из плетня, обмазанные коровьим калом» (вероятно, речь идет о жилище каркасно-столбовой конструкции) на зимнике, войлочных юрт на летнике, причем летом бедняки оставались на зимнике, не покидая свои плетеные

³⁸⁹ Ким Н. В. Указ. соч., 1965. С. 148.

³⁹⁰ Риттер К. Указ. соч., 1879. С. 145.

³⁹¹ Бурятско-русский словарь. С. 332.

³⁹² Михайлов Т. М. Указ. соч., 1993. С. 36–37.

жилища. Очевидно, отмечаемая авторами первой половины столетия (И. Э. Фишером³⁹³ и др.) система сезонных поселений продолжила свое существование, и здесь мы не согласны с мнением К. Д. Басевой о спорности существования войлочной юрты у западных бурят в XVII–XVIII вв.³⁹⁴

Как и ранее, существование различных систем сезонных поселений у бурят Предбайкалья было обусловлено их этническим составом: этнические сообщества, мигрировавшие в субрегион из Джунгарии и Халхи, в качестве сезонного жилья имели войлочную и срубную юрты, или только войлочную юрту; автохтоны в большинстве своем обитали в срубных юртах, часть из них в зимний период – войлочных юртах, курных избах, плетеных хижинах, а летом – в четырехстенных срубных юртах.

В жилищно-поселенческом комплексе бурят Предбайкалья нашло отражение их социальное расслоение. Состоятельные скотоводы заводили юрты, крытые белым войлоком с орнаментацией, а также владели, помимо жилых юрт для семьи и прислуги, войлочными юртами отдельно для исполнения религиозного культа и ведения хозяйственных работ³⁹⁵. Их срубные юрты по качеству использованного строительного леса и по своим габаритам превосходили жилые постройки других бурят.

Опираясь на материалы И. Г. Георги³⁹⁶, стоит утверждать о такой устойчивой черте жилищно-поселенческого комплекса бурят Предбайкалья, как круглогодичное жительство бедных на зимниках. Плетеные хижины каркасно-столбовой постройки со стенами, сложенными из застывшего раствора глины со скотским навозом, жилище улусной бедноты, были распространены не только у предбайкальских бурят, но и у монголов Халхи, выступая в качестве жилья беднейшего слоя аратов. Этнографический

³⁹³ Фишер И. Э. Указ. соч. С. 20–21.

³⁹⁴ Басева К. Д. Указ. соч., 1984. С. 113.

³⁹⁵ Георги И. Г. Указ. соч. С. 30.

³⁹⁶ Там же. С. 37.

материал делает возможным расширение географии подобных хижин, включив в нее еще и некоторые народы Южной Сибири³⁹⁷.

В рассматриваемое время скотоводческое хозяйство основной массы бурят Забайкалья было кочевым, поэтому единственным типом жилища у них являлась войлочная юрта. Соответственно, у селенгинских монголов и хори-бурят сохранялся прежний тип поселения – хотонный, при котором селились на временных стоянках, как правило, отдельными патриархатами. Социальная дифференциация у них проявлялась в размерах юрты, в употреблении определенных сортов кошмы для покрытия жилища, в наличии орнамента кошменных покрышек. Для исполнения религиозных треб богатые скотоводы заводили особые юрты³⁹⁸. Хотоны представителей степной аристократии и состоятельных людей включали несколько войлочных юрт, имевших разное функциональное предназначение (жилое, хозяйственное, культовое).

Остается неясным вопрос, к какому подтипу монгольских юрт следует относить бурятские войлочные юрты XVIII в. В большинстве источников по этому поводу предельно сухо, без приведения конструктивных особенностей сообщается, что войлочные юрты бурят были идентичны монгольским. Но, вот Ф. Ланганс в описании бурят оброняет следующую фразу: «<...> селенгинские или верхнеудинские, напротив того, кочующих (кочуют. – А. Б.) в **войлочных с калмыцкими кибитками** (выделено нами. – А. Б.) <...>»³⁹⁹. Получается, что по какой-то причине у селенгинских монголов, которые по культуре были определенно ближе к монголам Халхи, распространилось войлочное жилище далеких от них западных монголов. Вместе с тем, логично будет предположить, что Ф. Ланганс, проживший достаточное время в Юго-Восточной Сибири, мог бы распознать существующее различие между западномонгольским, к которому

³⁹⁷ Титов Е. В. Поселения и усадьбы татар Прииртышья середины XIX – начала XXI века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. С. 22.

³⁹⁸ Георги И. Г. Указ. соч. С. 37.

³⁹⁹ Ким Н. В. Указ. соч., 1965. С. 148.

принадлежала юрта калмыков, и восточномонгольским подтипами монгольских юрт. Западномонгольская юрта могла оказаться в Предбайкалье благодаря мигрантам из Джунгарии, вероятно, оттуда она транспортировалась дальше в Западное Забайкалье. Гипотетически такой сценарий возможен, но думается, что как у селенгинских монголов, так и хори-бурят все же должна была доминировать родная для них восточномонгольская юрта.

В конце XVIII в. в хозяйственной жизни хори-бурят стали проявляться новации: с 1770–х гг. они приступают к сенокосению, а с 1790–х гг. – начинают заниматься земледелием⁴⁰⁰. В это же время у них отмечено начало домостроительства – хори-бурятские родоначальники возводят для себя и нужд Инородческой конторы первые избы. Вследствие этих процессов у них возникают первые стационарные поселения – зимние улусы. Единичные примеры занятия земледелием у селенгинских монголов принадлежат ясачным, которые с 1730–х гг. заводили свои пашни и переходили на оседлый образ жизни⁴⁰¹. Они жили особняком от основной этнической массы, организовав малодворные деревни вдоль речной системы р. Селенга.

Масштабы скотоводства у селенгинских монголов, по всей видимости, возросли в сравнении с первой половиной столетия. Ф. Ланганс оставил такую информацию об имевшейся в то время системе кочевания: «<...> обыкновенно каждый месяц, иногда они (селенгинские монголы – А. Б.) и чаще переходят с места на место другое»⁴⁰². Побудительной причиной для более частых кочевок могло быть значительное увеличение разводимого стада, конечно, это было уделом богатых скотоводов; середняцкие и бедняцкие хозяйства, скорее всего, придерживались системы трехразовых сезонных кочевок. С другой стороны, рост местного коневодства и скотоводства определенно был связан с заметным ростом населения

⁴⁰⁰ Бурятские летописи. С. 82–83.

⁴⁰¹ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 32.

⁴⁰² Ким Н. В. Указ. соч., 1965. С. 148.

Западного Забайкалья, в результате которого крупные скотовладельцы для обеспечения подножным кормом своих стад были вынуждены чаще кочевать.

В источниках отсутствуют упоминания о поселениях и жилищах селенгинских и кударинских бурят, принадлежавших предбайкальским родам. Формирование селенгинских бурят началось с переселения в 1790–е гг. верхоленских эхиритов и представителей других этнических сообществ Предбайкалья в Селенгинскую Даурию. Складывание кударинских бурят произошло позднее, предположительно в середине XVIII в., в пользу этого говорят архивные материалы⁴⁰³, согласно которым, еще в 1710–е гг. в устье р. Селенга кочевали хори-буряты. Еще одним косвенным свидетельством является следующее утверждение Г. Ф. Миллера, который в начале 1730–х гг. был в Байкальском регионе: «<...> а по ту сторону озера Байкал (в Восточном Прибайкалье. – А. Б.) деревянные юрты уже не используются»⁴⁰⁴. Существует другая точка зрения, опирающаяся на родовые предания кударинских бурят, по которым первые переселенцы из Предбайкалья прибыли в Юго-Восточное Прибайкалье на рубеже XVII–XVIII вв.⁴⁰⁵.

Вероятно, типы поселений и жилищ у селенгинских и кударинских бурят повторяли описанное выше у предбайкальских и ольхонских бурят. К примеру, в легендах и родовых преданиях утверждается, что первые кударинские буряты обитали в конической жердевой постройке и четырехстенной срубной юрте *пайтар* (ошибочно определяемой С. П. Балдаевым как «черная» изба)⁴⁰⁶.

По поводу состояния жилищно-поселенческого комплекса у баргузинских бурят, сформировавшихся в результате миграции предбайкальских бурят в Восточное Прибайкалье (первые из них появились в Баргузинской долине еще в 1690–1720–е гг.⁴⁰⁷, однако в летописи Ц.

⁴⁰³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 481–7. Л. 96 об.

⁴⁰⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 180.

⁴⁰⁵ Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ, 1961. С. 124–126.

⁴⁰⁶ Балдаев С. П. Указ. соч., 1961. С. 117, 124.

⁴⁰⁷ Там же. С. 113.

Сахарова названа более поздняя дата⁴⁰⁸), можно отметить, что у них преимущественно были распространены шести-восьмистенные срубные юрты предбайкальского типа, «срубленные из тонких бревен», в небольшом количестве имелись также войлочные юрты и конические жердевые постройки⁴⁰⁹. Их сезонными поселениями, как и на местах исхода, в Предбайкалье и Западном Прибайкалье, являлись зимние и летние улусы.

Из сказанного следует, что у разных территориальных групп бурят главенствовала приречная форма заселения, при этом для всех для них был характерен долинный тип расселения. Особенным было расселение большинства прибайкальских бурят, они занимали степные долины, расположенные на о. Ольхон и прилегающем с запада и с востока к оз. Байкал побережью; данную форму заселения можно условно обозначить как приморскую (по традиции, местное население называло Байкал «священным морем»). Правда, часть этих бурят имела поселения у рек и речек, впадающих в Байкал, т. е. применительно к ним можно говорить о приречной форме расселения. Также небольшое распространение у бурят получила приозерная форма заселения, присущая для скотоводов Предбайкалья и Западного Забайкалья, проживавших поблизости от больших пресных озер (Гусиного, еравнинских и др.).

Постоянные зимние, реже летние поселения были характерны для бурят Предбайкалья, Восточного Присаянья, Прибайкалья, Западного Забайкалья, а временные и сезонные поселения – для основной массы бурят Забайкалья. Очевидно, появление улусов было связано со строительством срубных юрт, курных изб и сооружений, имевших хозяйственное назначение, а с хотонами – использование разнофункциональных войлочных юрт.

Бурятские поселения были малочисленными, их планировка строилась по единой схеме, выработанной еще в средневековье предками монгольских народов: юрта старшего члена кочевой общины ставилась на самой южной

⁴⁰⁸ Бурятские летописи. С. 177.

⁴⁰⁹ О баргузинских подгорных ... С. 21–22.

точке границы поселения, жилье остальных насельников располагалось левее от первой юрты, при этом место юрты каждого последующего определялось в ряду других жилищ в соответствии с принципом старшинства в семье и подрode⁴¹⁰, в результате все селение было хорошо организовано и ориентировано в одну сторону. Данный тип планировки поселения следует отнести к гнездовому.

Строительство крестьянских дворов, как мы выяснили, было обусловлено началом использования «черных» изб (однокамерных или двухчастных четырехстенки). Такие дворы, имевшие свободную застройку, были известны у небольшой части бурят Предбайкалья. За неимением достоверной информации затруднительно что-либо говорить о возникновении дворов у бурят других субрегионов. У полуоседлой и полукочевой части бурят транслировался тип застройки зимников, при котором жилым помещением служила в основном шести-восьмистенная срубная юрта с пристройкой в виде тамбура или сеней, и имелся ряд хозяйственных и культовых сооружений (коновязь, шесты с повешенными шкурами жертвенных животных, амбар, хлев, загон и др.); при этом огораживание поселения и участков отдельных хозяев не производилось. В пределы освоенной территории каждой сельской общины входили жилое пространство поселения и примыкающие к нему утуги; сакральным центром территории являлось обустроенное на возвышенности *обоо* – место для коллективных жертвоприношений, мимо которого иногда пролегала дорога в соседнее поселение.

В XVIII в. было наиболее разнообразным жилье у бурят Предбайкалья: срубные юрты и курные избы как зимние варианты жилищ; войлочные и срубные юрты как летники; войлочные юрты и плетенные хижины бедняков, предназначенные для круглогодичного проживания. Практика эксплуатации симметричных и ассиметричных срубных юрт, известная у бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья, во второй половине столетия

⁴¹⁰ Содномпилова М. М. Указ. соч., 2005. С. 28–29.

сменяется выбором в пользу строительства срубных юрт с четным числом углов (четырёх-, шести-, восьмистенных).

Анализ данных показывает, что в рамках жилищно-поселенческого комплекса бурят сложились три системы, которые могли сосуществовать у разных территориальных групп: первая система, характерная для полуоседлого населения (прежде всего, для автохтонных сообществ Предбайкалья и, возможно, Восточного Присаянья, а также для сформированных из представителей предбайкальских родов прибайкальских и селенгинских бурят), и предполагавшая зимние и летние поселения (*улусы*), основным типом жилища в которых была срубная юрта (редко курная изба), сопровождаемая комплексом хозяйственных построек; вторая система, переходная, известная у полукочевого населения (автохтонов Предбайкалья и мигрантов из Джунгарии и Халхи), и связанная с существованием зимних и летних сезонных поселений, основными типами жилищ в которых были, соответственно, срубная и войлочная типы юрт, при этом на зимнике жилище находилось в окружении хозяйственных построек; третья система, распространенная у кочевого населения (богатых скотоводов Предбайкалья и Прибайкалья, селенгинских монголов и хори-бурят), предусматривала временные поселения *хотоны*, в которых единственным типом жилища была войлочная юрта, которую, если владельцем был состоятельный человек, могли сопровождать войлочные юрты, предназначенные для хозяйственных и религиозных целей.

Следует отметить, что в плане конструктивных решений зимние виды срубной юрты (пяти-семистенные и шести-восьмистенные) не изменили своего облика. Они сохраняли традиционную ориентировку входа, размещение очага по центру жилища, систему из четырех несущих столбов, поддерживающих квадратную раму из балок, на которой лежала пирамидальная крыша, сложенная из жердей и связующих стены со светодымовым отверстием продольных балок. Утепление юрты достигалось устройством низкого входного проема, небольшой высотой стен, щели в

которых заделывали посредством укладки сухого мха и обмазкой снаружи раствором из навоза и глины, а также многослойным настилом крыши, верхним слоем которого служил дерн.

Летний вид срубной юрты (четырехстенной, прямоугольной в плане) не имел какого-либо утепления и различался устройством крыши (двускатной или пирамидальной).

Фундамент под стены зимних и летних юрт не делали, от гниения их спасали нижние венцы, срубленные из лиственницы. Для выравнивания сруба под стены иногда подкладывали камни.

Интерьерный комплекс бурятской юрты

Интерьер бурятской юрты XVIII в. представлял собой систему таких взаимосвязанных компонентов, как внутренний план жилища с условно выделяемыми в нем зонами, и конкретный предметно-вещевой комплекс. Внутреннее пространство монгольской юрты по традиции разделялось по оси север – юг на мужскую (правую) и женскую (левую) половины, а по оси запад – восток на сакральную и профанную⁴¹¹. В предметно-вещевом комплексе бурятского жилища были представлены мебель, утварь, хозяйственный инвентарь и предметы религиозного культа.

В изучаемое время шаманизм представлял собой доминирующую религиозную традицию у бурят, буддизм же имел локальное распространение, но во второй половине столетия он быстро расширял свое влияние: буддистами являлись селенгинские монголы, часть хори-бурят и бурят Предбайкалья; шаманизма придерживалось большинство бурят Предбайкалья, Прибайкалья, Восточного Присаянья и хори-бурят. Деление бурят на шаманистов и буддистов накладывало отпечаток на внутренний план их жилища и это было связано с местоположением в юрте религиозной атрибутики. Противоположная от двери сторона (*хоймор*) особенно

⁴¹¹ Жуковская Н. Л. Мир традиционной монгольской культуры. Серия «Российские труды по востоковедению». Нью-Йорк, 2000. Т. 11. С. 9–10.

почиталась буддистами, так как там, в частности, располагался домашний алтарь, на котором находились различные культовые вещи (медные светильники и чашки под топленое масло, чай, зерно, многократно обернутые шелковой тканью буддийские книги, литые из бронзы или лепные и позолоченные фигурки божеств и Будд⁴¹². Описание, приводимое в сочинении М. Татаринова, доказывает, что в изучаемое время в оформлении буддийских божниц действовали строго определенные нормы, которые выдерживались и в последующее время.

У шаманистов изображения онгонов, покровителей семьи и домашнего скота, располагали сбоку от двери в специальных мешках или футлярах «<...> да еще у юрты дверей в мешке висят данных чертей от шемана деланные деревянные наподобие кукол одного, кривые, безрукие, троеногие и протчая»⁴¹³. Здесь нельзя не заметить трансляцию данной традиции от монголов XIII в.⁴¹⁴.

Как было ранее сказано, степная аристократия и состоятельные люди у селенгинских монголов имели войлочные юрты, устроенные под молельни, где приглашенные ламы совершали службы, а хозяева сами могли отправлять повседневные и торжественные обряды жертвоприношения, для этого в ней собирали всю полагающуюся буддийскую атрибутику⁴¹⁵.

За исключением сакральной составляющей, внутренняя планировка юрты как у шаманистов, так и у буддистов, в целом была единой. В жилище предбайкальских бурят она делилась на такие части: центральная часть, включавшая домашний очаг и площадку вокруг него, расположенную между четырьмя несущими столбами, за границами которой раскладывали обработанные шкуры крупного рогатого скота — «коровьи кожи», используемые под седушки; мужская часть, лежащая справа от входа, где, в частности, помещали «мешки из коровьей шкуры» (необходимые в дороге

⁴¹² РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 4 об.—5.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Плано Карпини. Указ. соч. С. 28.

⁴¹⁵ Георги И. Г. Указ. соч. С. 30.

кожаные сумы для провизии и вещей); женская часть находилась слева от дверей и там была сложена домашняя посуда – «деревянные кадки, корыта, кожаные мешки»; на противостоящей двери стороне рядом с алтарем стояла супружеская кровать – «ящик из балок», заполняемый мехами и выделанными шкурами, поверх которого была положена набивная подушка, пошитая из цветных тканей⁴¹⁶. Важным в описании Д. Г. Мессершмидта является указание на присутствие в интерьере бурятского жилища кадки бочарной работы и набивной подушки. Помимо этого, кажется весьма неожиданным бытование у бурят Предбайкалья деревянной разборной кровати, которую помещали «слева от входа, наискосок от дверей»⁴¹⁷. В профанной части срубной юрты справа от входа отгораживали место для появившегося на свет потомства от крупного и мелкого рогатого скота⁴¹⁸.

О предметах внутреннего убранства жилища бурят Предбайкалья, Прибайкалья и Восточного Присаянья сообщается в трудах других авторов XVIII в. Посуда, как пишет И. Г. Георги⁴¹⁹, включала: деревянные ведра, блюда, чайные чашки, кадушки, лохани, литые из железа или чугуна котлы на треногах. Другими предметами обстановки юрты были: тканые пологи, снаряжение всадника и коня, оружие, промысловые орудия, колыбели, представлявшие дощатую коробку «вроде гробика» с постеленными внутрь нее овечьей шерстью или сеном⁴²⁰, и др. Многие из этих вещей были собственного изготовления и произведенные местными мастерами. Отметим характерную кочевому образу жизни полифункциональность предметов быта: так, войлоки служили постелью, местом трапезы, и в то же время использовались в ритуальных целях. Внутренняя обстановка юрты у большинства бурят было достаточно скромной: одеяние за неимением сундуков вешали на стены⁴²¹, те, у кого не было войлоков, спали на

⁴¹⁶ Путешествие по указу ... С. 36–37.

⁴¹⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 183.

⁴¹⁸ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

⁴¹⁹ Георги И. Г. Указ. соч. С. 31.

⁴²⁰ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 195.

⁴²¹ Георги И. Г. Указ. соч. С. 36.

выделанных шкурах или ковриках, пошитых из «коровьих камусов»⁴²², при этом одеялом служила верхняя одежда или выделанная овчина. Необъяснимо, но по какой-то причине в сочинениях авторов XVIII в. не названы изделия из бересты, в том числе посуда и мебель, хотя многие из них имеют автохтонное происхождение. Отсутствуют упоминания ряда других предметов интерьера жилища (самогонного аппарата, некоторых видов кухонной и столовой посуды и др.), которые предположительно должны были быть в обиходе.

Итак, упомянутые выше буряты наделяли сакральностью вход в жилище, домашний очаг с прилегающей к ней площадкой и светодымовым отверстием, и находящуюся в северном сегменте юрты кровать супругов. Далее выделяли почетное место, предназначенное для гостей, располагавшееся также на северной стороне. Следующей по значимости была хозяйственная часть внутреннего пространства жилища, включающая восточный (иначе определяемый как правый, мужской) и западный (левый, женский) сегменты юрты и наконец, примыкающая к входу, профанная часть помещения.

Говоря об интерьерном комплексе селенгинских монголов перечислим имевшуюся у них на то время посуду. Она состояла из изготовленной в домашних условиях утвари из металла, дерева и кожи крупных животных (это – массивные емкости *торхо* из специально выделанной кожи, различные по размеру и назначению кожаные бурдюки *хаба* и *кукур* (в одних приготавливали кисломолочные напитки (например, кумыс), в других – хранили готовые молочные продукты (напитки, топленое масло, густые сливки)⁴²³, деревянные чайные чашки, мутовки, металлические ковши и черпаки и т. п.), а также привозной, как правило, китайской фарфоровой и металлической, посуды. В связи с тем, что селенгинские монголы сами не производили котлы для варки пищи, покупные котлы (китайские чугунные,

⁴²² Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 183.

⁴²³ Там же. С. 184.

редко русские железные) были востребованы у всех слоев локального сообщества. Предметами материального достатка считались китайские фарфоровые и серебряные посудные изделия, их приобретали состоятельные люди⁴²⁴. Последнее было присуще и другим этническим сообществам бурят, активно участвуя в приграничной торговле с Китаем, крупные скотоводы поставляли на рынки Кяхты и Маймачена живой скот, шкурки ягнят, пушнину и др., и обменивали все это, в частности, на предметы роскоши, включая дорогую китайскую утварь.

Элементами внутренней обстановки жилища у селенгинских монголов являлись, помимо посуды: постель (кожаные подголовники, войлоки или выделанные шкуры крупного рогатого скота и лошадей), снаряжение всадника и коня, развешиваемые на стеновых решетках в мужском секторе юрты доспехи и оружие, невысокие столики для трапезы, детские колыбели и др. Внутренняя планировка юрты предусматривала выделение сакральной (алтарь *бурханай шэрээ*, центр юрты с домашним очагом и очажной площадкой, постель хозяев дома), почетной, хозяйственной и профанной частей.

Тот факт, что в источниках XVIII в. отсутствуют указания на наличие у бурят Забайкалья таких видов мебели, как кровати, сундуки, посудные шкафы, а у бурят Предбайкалья и Прибайкалья – столики, алтари, сундуки, посудные шкафы, существование которых удостоверяют источники XIX в., заставляет в новом свете рассматривать их происхождение, вероятно, речь должна идти, как минимум, о начале XIX в.

Обстановка жилища бурят Восточного Прибайкалья (баргузинских и кударинских), в изучаемое время бывших поборниками шаманизма, повторяла описанное выше у бурят Предбайкалья. Между тем у баргузинских бурят обнаруживается мебель, неизвестная в убранстве жилища бурят Предбайкалья, – «сукном обшитые ящики»⁴²⁵. Речь, видимо,

⁴²⁴ Георги И. Г. Указ. соч. С. 30.

⁴²⁵ О баргузинских подгорных ... С. 22.

идет о войлочных коробах, которые были характерны для кочевого быта. Отсюда напрашивается мысль, что данная деталь интерьера была воспринята у соседей, являвшихся кочевыми или полукочевыми скотоводами, а ими могли быть хори-буряты и западномонгольские переселенцы, мигрировавшие вместе с представителями предбайкальских родов из Западного Прибайкалья в Баргузинский край.

Комплекс питания у бурят

Авторы XVIII в. указывали на отличную от бурят Забайкалья форму скотоводства бурят Предбайкалья: по сравнению с первыми их скотоводство имело меньшие размеры и обладало иной структурой стада⁴²⁶. Кроме того, отмечался комплексный характер хозяйства у предбайкальских бурят: наряду со скотоводством и коневодством они были заняты охотой и собирательством. Но при этом было упущено из вида традиционное занятие рыболовством некоторыми этническими сообществами, которое производилось на р. Ангара и ее притоках, озерах.

В дорусский период часть предбайкальских бурят была занята земледельческим трудом, благодаря которому она обеспечивала себя зерном и обменивала его излишки на пушнину и другие изделия у охотников из числа бурят и соседних таежных народов. Хотя во второй половине XVII – первой половине XVIII в. наблюдалось заметное сокращение земледелия у бурят субрегиона, но такие злаки, как просо, ячмень, рожь и гречиха, были в их рационе питания. Г. Ф. Миллер определяет ареал бурятского земледелия в 1730–е гг. в следующих границах: «В Иркутском уезде, в особенности вокруг Балаганска и на реке Белой, а также в ведомстве Удинского острога в Красноярском уезде <...>»⁴²⁷. Во второй половине столетия заметно меняется география бурятской пашни, теперь она включает земли идинских, балаганских, тункинских⁴²⁸ и нижнеудинских бурят⁴²⁹. Данное

⁴²⁶ Георги И. Г. Указ. соч. С. 32.

⁴²⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 210.

⁴²⁸ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 15.

обстоятельство свидетельствует о начале нового развития земледелия у бурят, которое происходило на основе заимствования русского опыта.

В XVIII в. хозяйство у бурят Предбайкалья имело следующие формы: экономика у большинства верхоленских и нижнеудинских бурят (эхиритов и отдельных малых племен), частью других территориальных групп бурят базировалась на занятии скотоводством и охотой; основой хозяйства ядра бурят Южного Приангарья (булагатов) и части нижнеудинских бурят являлось скотоводство и земледелие; этнические сообщества, мигрировавшие из Джунгарии и Халхи, и часть бурят Южного Приангарья преимущественно вели полуномадное скотоводство.

Анализируя экономику бурят Предбайкалья в социальном контексте, следует указать, что у них владельцами крупных скотоводческих и коневодческих хозяйств выступал ограниченный круг состоятельных людей, а основная масса вела комплексное хозяйство, адаптированное к условиям природной среды и благодаря этому получавшее необходимые пищевые ресурсы. При этом независимо от достатка главную роль в питании играли продукты животного происхождения, источником которых являлось скотоводство. Питание разных слоев предбайкальско-бурятского общества имело отличия в количественных и качественных характеристиках употребляемой пищи, в пропорциях составлявших их рацион базисных видов пищи. Именно поэтому малоимущее население возмещало дефицит мясомолочных продуктов, увеличивая потребление дикоросов и рыбы.

В течение XVIII в. структура стада у бурят субрегиона не претерпела существенных перемен. В конце XVII в., по данным Н. Витсена⁴²⁹ и И. Идеса⁴³¹, в состав их домашнего стада входили лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы и верблюды. Думается, что у этнических сообществ Предбайкалья как структура стада, так и соотношение в нем видов животных, несколько разнились. Например, верблюдами в основном владели

⁴²⁹ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 189.

⁴³⁰ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 150.

⁴³¹ Идес И., Бранд А. Указ. соч. С. 130.

переселившиеся из Монголии этнические общности, которые использовали их для перевозки грузов. К таковым относились братские буряты, у которых в приданное невесте выделяли следующее поголовье домашних животных: «За иных невест дают от 70 до 100 коней и столько же быков и овец и свыше 20 верблюдов, которые здесь водятся в большом количестве»⁴³². Но в конце первой половины XVIII в. число верблюдов в субрегионе сократилось⁴³³. В это время типичным для бурят Предбайкалья становится четырехвидовой состав стада⁴³⁴.

Основу молочного стада составлял крупный рогатый скот аборигенной породы, малоудойный, но дававший молоко с высоким содержанием жира. Чтобы обеспечить себя достаточным запасом молочного сырья, буряты держали по несколько коров или восполняли его дефицит молоком от других дойных животных, главным образом от кобыл. Однако последних в табуне было не так много; по М. Татаринову, у бурят «кобылья мало»⁴³⁵. Испытываемая в холодное время года нехватка молока и отсутствие технологии длительного его хранения, ограничивали употребление данного продукта в цельном виде. Молоко добавляли в чай, получали из него широкую линейку кисломолочных и др. изделий (например, топленое масло, сметану, сушенную творожную массу⁴³⁶). На зиму запасали сливки, в этот сезон на стол подавали простоквашу и кислое молоко⁴³⁷. Возможно, в первой трети XVIII в. предбайкальские буряты заимствовали технологию производства сливочного масла у русских: этот вывод можно сделать на основе слов Г. Ф. Миллера⁴³⁸.

Мясная пища у бурят Предбайкалья главным образом включала продукты, произведенные из мяса домашнего скота. Дикое мясо присутствовало в их рационе благодаря коллективной охоте *зэгэтэ-аба*,

⁴³² Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 110.

⁴³³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 233.

⁴³⁴ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 56–57.

⁴³⁵ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 140.

⁴³⁸ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 277.

которая проводилась этническими сообществами субрегиона, в том числе с целью поддержания собственного скотоводства и коневодства, для этого истребляли как крупных травоядных, так и хищников. В начале XVIII в. такие облавы, как подчеркивает Л. Ланге⁴³⁹, имели исключительное значение для мясного обеспечения данных бурят, но с середины столетия их роль как источника поступления дикого мяса и пушнины падает, и зэгэтэ-аба постепенно уступает место артельной охоте. Вероятно, при этом менялась география облав, на это косвенно указывает сравнение данных, приводимых Н. Витсенем и М. Татариновым: если в конце XVII в. объектами такой охоты были олень, горный баран и косуля⁴⁴⁰, то во второй половине XVIII в. ими становятся изюбр, лось и косуля (любопытно, что в это время артелью промышляли лосей и степных коз, представителей разной фауны (лесной и степной))⁴⁴¹.

Несмотря на имеющиеся в источниках конца XVII – первой трети XVIII в. разночтения в определении сроков проведения облав⁴⁴², следует утверждать, что коллективные охоты организовывали поздней осенью, которая знаменовалась у бурят массовой заготовкой мясного провианта на долгую зиму, и весной, когда заканчивался запас домашнего мяса. Интересно, что в конце столетия весенние зэгэтэ-аба стали переносить на лето⁴⁴³. Причинами этого могли быть: достаточные, чтобы пережить весну, мясные припасы; желание добыть животных, восстановившихся от весенней бескормицы, и, соответственно, получить более качественное мясное и кожное сырье.

В традиции зэгэтэ-аба, затем и артельного промысла, сохранялся архаичный обычай обильной трапезы охотников свежим мясом добытых животных⁴⁴⁴.

⁴³⁹ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 109–110.

⁴⁴⁰ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 150.

⁴⁴¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 19.

⁴⁴² Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 150; Идес И., Бранд А. Указ. соч. С. 131; Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 295.

⁴⁴³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 19.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 14 об.

Причины исчезновения облавной охоты у бурят Предбайкалья были выявлены еще М. Н. Хангаловым⁴⁴⁵, но добавим к его выводам, что переход к артельной и индивидуальной формам охоты еще был связан с развитием приграничной и внутрирегиональной торговли, в которую все больше вовлекались буряты. Судьба зэгэтэ-аба определялась отношением к ней губернской и уездной уровнями власти, которые осознали угрозу в существовании такой формы самоорганизации бурят, по-сути носившей полувоенный характер.

Помимо названных выше крупных и мелких парнокопытных лесостепной, степной и горно-таежной фауны Предбайкалья, объектами мясной охоты были крупные хищники (медведь, волк, росомаха), а также выдра, соболь, тарбаган, барсук, белка⁴⁴⁶. Включение Г. Ф. Миллером в данный перечень росомахи является ошибкой: буряты относили ее к «нечистым» животным — в шаманских обрядах мех росомахи не использовался, ее мясо не считалось съедобным, из ее меха не шили элементы костюма⁴⁴⁷. Охотились также на водоплавающих птиц (гусей, уток)⁴⁴⁸. Между тем действовало пищевое избегание относительно употребления мяса хищных птиц ястребиного и соколиного семейств (орла, ястреба, сокола), а также вороновых (ворона, сороки и галки) и хищных млекопитающих семейства псовых (собаки, лисицы)⁴⁴⁹. К данному кругу запретной пищи относилось мясо ряда мелких хищников из семьи куньих (хорька, горностая), и, как не странно, суслика⁴⁵⁰.

Ошибочно мнение И. Г. Георги о том, что в пищу использовали мясо всех не плотоядных птиц, ведь у части бурят субрегиона некоторые из них почитались как племенные тотемы. Вероятно, он все же имел в виду те этнические сообщества, у которых не были приняты данные пищевые

⁴⁴⁵ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 94.

⁴⁴⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 254–255.

⁴⁴⁷ Балдаев С. П. Несколько замечаний о «зэгэтэ аба» // Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4. С. 98.

⁴⁴⁸ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 140.

⁴⁴⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 254, 256.

⁴⁵⁰ Там же.

запреты. Буряты верили, что, попробовав пищу орла, человек мог получить шаманский дар⁴⁵¹. Говоря об эхиритах, С. П. Крашенинников указывает, что: «Зверя всякого, как мертвого, так и живого, есть им невозбранно, кроме змеи, мыши и лягушки (выделено нами. – А. Б.)»⁴⁵². Данное табу, которого придерживались и другие буряты, диктовалось традиционным мировоззрением, согласно которому перечисленные представители животного мира относились к хтоническим существам.

Источники второй половины XVIII в. свидетельствуют о бытовании у бурят градации мяса животных по уровню престижности. В соответствии с ней, лучшими считались конина и баранина, их подавали как во время гостевых и праздничных трапез, так и ритуальных жертвоприношений. В свадебные обряды были включены отварное мясо и жир (бараний курдюк, мясо на бедренной кости барана, голова коня)⁴⁵³. Говяжье мясо было представлено в питании бурят Предбайкалья⁴⁵⁴, но, вероятно, его потребление у разных групп колебалось по указанной выше причине и из-за различий в доле крупного рогатого скота в их домашнем стаде. У некоторых бурят субрегиона вареная говядина ставилась на свадебный стол вместе с отварной бараниной. Объяснение этому следует искать в шаманской традиции приносить быка определенного возраста и окраса шерсти в жертву. Козлятина также входила в жертвенную пищу, но в будничном питании ее употребляла исключительно улусная беднота. Немногие решались пробовать свинину; домашнюю свинью из-за того, что она любит поваляться в грязи, считали «нечистым» животным (такое отношение проявлялось и у других бурят)⁴⁵⁵.

Употребление мяса и мясных яств в различных трапезах было строго упорядоченным. Основным угощением в гостевой трапезе являлась баранина, приготовленная в вареном или жареном виде. При этом изделия из

⁴⁵¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 5–5 об.

⁴⁵² Крашенинников С. П. Указ. соч., 1966. С. 140.

⁴⁵³ Там же. С. 143–144.

⁴⁵⁴ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 14 об.

⁴⁵⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 256.

внутренностей овцы могли потреблять только хозяева⁴⁵⁶. В свадебном и поминальном застолье, при принесении жертвоприношений была обязательна отварная конина. Кроме того, выделялась категория т. н. почетного мяса, подносимого гостям: так, наиболее уважаемому из них такое мясо на кости подавали на блюде, центральное место на котором занимала отваренная голова овцы или лошади, называемая *тоолэй*. Деликатесными считались отварные жеребятина и семенники животных (коней и скота).

Особой любовью пользовались у бурят Предбайкалья: блюдо *Tatatshi*, кровь, сваренная вместе с накрошенными тонкими кишками (в сочинении Г. Ф. Миллера под тем же названием фигурирует «каша», сваренная из ржаной муки с мелконарезанным мясом⁴⁵⁷); *Mangahun Tschenachun*, рыбный или мясной суп, приправленный черемшой; мучной суп с добавлением творожистой массы и черемши; накрошенная отварная баранина – *Salkimdschin*⁴⁵⁸; шашлык из печени, обернутой нутряным жиром; жареная грудинка⁴⁵⁹.

Применяемые в мясной кухне пищевые технологии были связаны с тепловой обработкой продуктов: варка мяса до слегка недоваренного состояния; обжаривание мяса до полуготовности, копчение (в том числе на рожне). Для длительного хранения мясо подвергали сушке, вялению или копчению⁴⁶⁰. Важно указать, что технология копчения мяса не была характерна для монгольских народов, присутствие ее в кухне бурят Предбайкалья обусловлено особенностями их этногенеза.

По И. Г. Георги, варили мясо «обыкновенно все в одной воде, без соли и сала»⁴⁶¹. Иначе говоря, буряты предпочитали кушать несоленую пищу; это выглядит тем более удивительно, если вспомнить, что еще в XIII в. у монголов было принято макать в соленой воде кусочки отварной баранины и

⁴⁵⁶ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 110.

⁴⁵⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 273.

⁴⁵⁸ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 140–141.

⁴⁵⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 275.

⁴⁶⁰ Георги И. Г. Указ. соч. С. 33.

⁴⁶¹ Там же.

есть⁴⁶², данная традиция отмечалась у их потомков и в середине XIX в.⁴⁶³. Заметим, что буряты пили чай *зутараан*, приправляемый озерной солью *хужсар*, иногда заменяемой березовой золой *шулта*.

Многие авторы рассматриваемого времени акцентировали внимание на употреблении бурятами Предбайкалья и других субрегионов в пищу мяса больных и, в особенности, павших животных. Такая черта питания, возмущавшая русских и иностранцев, имела глубокие истоки. Помимо бурят, традиция забивать только старых и смертельно больных лошадей (эти ограничения были вызваны тем, что лошадь для скотоводов всегда имела особую ценность), а также употреблять в пищу мясо павших животных была известна и у других монгольских народов (например, халха и торгоутов)⁴⁶⁴. Тот факт, что указанной традиции придерживались почти все слои бурятского общества, вынудило одного из авторов XVIII в. сделать неутешительное умозаключение: «Можно даже сказать с уверенностью, что они (буряты. – А. Б.) больше едят павший, нежели забитый скот. Ибо это должен быть уже очень богатый среди них человек, считающий свой скот сотнями и тысячами голов, кто иногда забивает для себя и своей семьи быка или овцу»⁴⁶⁵. Такая оценка все же относима к будничному питанию бурят и только в критические сезоны, когда остро мог стоять вопрос мясного обеспечения (например, весной – начале лета). Как выше говорилось, в остальное время года рогатый скот и лошадей забивали, когда делали зимний запас мяса, совершали жертвоприношения, принимали гостей, проводили свадьбы и т. д. Остается указать, что употреблялось в пищу также мясо павших диких животных.

Буряты Предбайкалья питались мучными и крупяными изделиями: они готовили обрядовое блюдо саламат, различные каши, пекли пресные

⁴⁶² Рубрук Г. Указ. соч. С. 96.

⁴⁶³ Эйри. Живописное путешествие по Азии: Пер. Е. Корша. М., 1840. Т. III. С. 18.

⁴⁶⁴ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического общества. Вып. 2: Материалы этнографические. СПб., 1881. С. 97.

⁴⁶⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 253.

лепешки и др. Популярным было блюдо, записанное И. Г. Георги как *кура*, вероятно, здесь имелся в виду *гурил*, приготавливаемый из прокаленной сечки или грубой муки и масла, иногда сметаны. Из тех же ингредиентов была круглая лепешка *бомхой* (*буум*, *бон*), выпекаемая в горячей золе. Ее относили к сакральному блюду⁴⁶⁶. Считается, что она была связана с охотничьей культурой и представляет древнейший образец хлеба у бурят Предбайкалья⁴⁶⁷.

В растительной пище бурят Предбайкалья важное место занимали дикоросы⁴⁶⁸. Например, это были: простая или сибирская овсянка (*Tragopogon*); красная лилия (*Lilium tenuifolium*); сердечник (*Cardamine amara*); черноголовник (*Sanguisorba minor (officinalis)*); змеевик (*Polygonum bistorta*, *Polygonum viviparum*); красноеголовка (*Sanguisorba*); черемша (*Allium ursinum*)⁴⁶⁹. Одни из них тушили с мясом, другие использовали как приправу к мясным блюдам. В особенности, много заготавливали осенью луковиц красной лилии.

У предбайкальских бурят рыба употреблялась в пищу локально и в ограниченных размерах⁴⁷⁰. Однако для бурят Прибайкалья добываемая ими рыба имела не только товарное значение (ее продавали и обменивали на другие продукты и вещи (кирпичный чай, зерно и т. п.)), она включалась в их повседневное питание и ритуальную пищу (в жаренном виде она приносилась в жертву некоторым мифическим духам-покровителям).

Предбайкальско-бурятская кухня была представлена такими напитками, как вода, березовый сок, чай, кислое молоко, кумыс, простокваша, мясной бульон, молочная водка⁴⁷¹. Чаи пили как китайские плиточные, так и из сборов местной флоры (из листьев и корней растений)⁴⁷². Еще Н. Витсеном была подмечена зависимость между потреблением

⁴⁶⁶ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 237–238.

⁴⁶⁷ Жамбалова С. Г. Указ. соч., 1991. С. 98.

⁴⁶⁸ Георги И. Г. Указ. соч. С. 32.

⁴⁶⁹ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 140.

⁴⁷⁰ Георги И. Г. Указ. соч. С. 29.

⁴⁷¹ Там же. С. 33.

⁴⁷² Там же.

бурятами чая и их любовью к недоваренному мясу: «<...> они привыкли к употреблению этого зелья (зеленого чая. – А. Б.), и у них болит желудок, и они не могут переварить сырое мясо, которым они питаются, если недостает этого напитка»⁴⁷³. Вероятно, данный обычай имеет давние корни, если вспомнить, что и в средневековье у монголов было принято кушать отварное и жареное мясо с кровью, что, кстати, отличало их от тюрков, которые питались хорошо приготовленным мясом. Средневековые монголы и унаследовавшие их культурные традиции народы, в том числе буряты, потребляли полусырое мясо по причине, что в нем лучше сохраняются все полезные микроэлементы. Очевидно, следуя этой пищевой традиции, они пришли к необходимости питья сначала травяного, потом зеленого китайского чая, нейтрализующего побочные последствия их пристрастия к такому мясу.

Зеленый чай, приготовленный с добавлением разных ингредиентов (цельного молока, соли, топленого масла, кусочков теста, поджаренных на курдючном жире), назывался *зутараан сай* (вероятно, слово *зутараан* является сочетанием бурятских номинаций, относимых к основным компонентам этого чая: *ху(н)* – *суу* ‘молоко’ и *тарьян* ‘зерно’). По-сути, он больше напоминал суп и был очень калориен; летом, когда был избыток молока, его варили особенно часто. Надо полагать, что до знакомства с зеленым чаем буряты пили травяной чай с указанными выше добавками, и зутарааном изначально называли именно его. Чай зутараан в результате межкультурного взаимовлияния был воспринят русскими Байкальского региона, это подкрепляют сведения Г. Ф. Миллера: «Селенгинские, Нерчинские и иркутские русские также ежедневно употребляют этот *Saturan*, а некоторые так к нему привыкли, что даже забывают поститься»⁴⁷⁴.

Н. Л. Жуковская считает, что зеленый кирпичный чай стал известен бурятам в конце XVI – XVII в.⁴⁷⁵, а черный байховый чай – во второй

⁴⁷³ Витсен Н. Указ. соч. С. 258.

⁴⁷⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 274.

⁴⁷⁵ Буряты, 2004. С. 173.

половине XIX в. В сочинениях авторов XVIII в. уже имеются сведения о покупке бурятами черного чая у китайцев⁴⁷⁶, но из-за того, что цена на него была высокой, ему предпочитали зеленый чай. Об его элитарном характере говорит пример конных эвенков (хамниганов): у них кара-чай с молоком и маслом пила только степная аристократия⁴⁷⁷. Китайский чай с молоком и у бурят, и хамниганов ассоциировался с материальным благополучием, и им в первую очередь потчевали гостей.

Согласно источникам XVIII в., молочное вино буряты Предбайкалья получали из кумыса⁴⁷⁸, или из кисломолочного напитка *хурэнгэ*⁴⁷⁹, изготавливаемого путем брожения коровьего молока. Объяснить это можно сложностью их этнического состава, но более вероятно, что значение имела структура домашнего стада у разных территориальных и социальных групп бурят субрегиона; те, у кого была заметной доля лошадей в стаде (у мигрантов и крупных скотовладельцев из числа автохтонов), в пище были представлены кумыс и производный из него алкогольный продукт; в питание большинства автохтонов Предбайкалья, основным поголовьем в домашнем стаде которых был крупный рогатый скот, входили кисломолочный продукт *хурэнгэ* из коровьего молока и приготовляемый из него алкогольный напиток. На качество молочного вина влиял сезон, когда доилось молочное стадо⁴⁸⁰. При этом вне зависимости от используемого сырья технология винокурения была единой.

Производство домашнего вина носило сезонный характер и в основном приходилось на лето, когда молоко было в избытке. Традиция его питья теплым, только выгнанным, определяло и краткие сроки потребления. Действовали строгие возрастные и иные ограничения в употреблении данного алкоголя, в обычном праве были прописаны соответствующие

⁴⁷⁶ Зиннер З. П. Указ. соч. С. 63; Паллас П. С. Указ. соч. С. 204.

⁴⁷⁷ Идес И., Бранд А. Указ. соч. С. 153.

⁴⁷⁸ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 109.

⁴⁷⁹ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 140.

⁴⁸⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 277.

запреты. Об этом, например, сообщает М. Татаринов⁴⁸¹. Он же указал на использование молочной сыворотки как сырья для самогона⁴⁸². Отличие технологии выкуривания молочного вина, с одной стороны, у большинства бурят Предбайкалья, с другой, у хамниганов⁴⁸³ и части бурят субрегиона (верхоленских) заключается в том, что первые получали вино из сыворотки, совершая тройную очистку, а последние выгоняли его из квашенного молока, делая двойную перегонку. Но в производстве домашнего алкоголя имелся еще социальный аспект. Основная масса бурят пила вино двойной выгонки. А вот тройная перегонка, скорее всего, была связана со стремлением получить водку. Изготовление водки сопровождалось большим расходом сырьевого материала, поэтому данный напиток был элитарным, состоятельные люди им потчевали особо уважаемых гостей.

К сожалению, оказались обделены вниманием сочинителей присаянские буряты, и об их системе питания можно лишь строить догадки. Единственная реплика, посвященная этому, принадлежит Г. Ф. Миллеру, который пишет: «<...> (присянские буряты – А. Б.) питаютца запасают летом сарану, полевой лук и арца»⁴⁸⁴. Можно сказать, что здесь названы, хотя и далеко не все, но главные пищевые продукты присаянских бурят. Учитывая природно-климатические условия экологической зоны, которую они занимали, горно-таежные районы Восточного Присаянья, и то, что они вели скотоводство, охоту и собирательство, можно утверждать, что мясная пища у них включала как мясо домашних, так и диких животных, молочная – прокипяченное молоко (коровье и кобылье), кисломолочные продукты, один из которых упомянут Г. Ф. Миллером – *аарса*, алкогольные напитки – молочную водку и кумыс, чай *зутараан*. Богатая природная среда субрегиона обеспечивала их дикоросами, травяными чаями и березовым соком. Тункинская долина, по М. Татаринову и Ренье, была одним из мест ведения

⁴⁸¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 25 об.

⁴⁸² Там же. Л. 14.

⁴⁸³ Идес И., Бранд А. Указ. соч. С. 153.

⁴⁸⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 517-22. Л. 4 об.

земледелия, и те, кто был этим занят, включали в еду зерновые продукты. Словом, их система питания должна была иметь общую основу с выше рассмотренной системой питания предбайкальских бурят, тем более что в сочинениях авторов XVIII в. под «иркутскими» подразумевали всех бурят Иркутского уезда, следовательно, под данное описание подпадало также большинство присаянских бурят.

Питание бурят Прибайкалья и Западного Забайкалья, относившихся к родам предбайкальского происхождения, – ольхонских, кударинских, баргузинских и селенгинских бурят – помимо мясомолочной и растительной (дикоросов) пищи, включало в той или иной степени рыбные продукты. Исторические документы указывают на занятие рыболовством не только бурят, поселившихся в Прибайкалье, но и освоивших отдаленные от побережья территории⁴⁸⁵. Рыба готовилась жареная, копченая, отварная; из нее с добавлением зерна варился суп⁴⁸⁶. Ольхонские буряты, помимо отгонного скотоводства, охоты и рыболовного промысла, освоившие еще охоту на морского зверя, употребляли в пищу нерпичье мясо и жир.

Система питания баргузинских бурят во многом повторяла рассмотренную выше систему предбайкальских бурят; сохранение у них ядра предбайкальской системы питания обуславливалось исторически коротким сроком проживания на новом месте и неизменностью их хозяйственного уклада (хозяйственными занятиями оставались скотоводство, охота и рыболовство). Основу их пищи составляли молочные и мясные продукты; рыба потреблялась при отсутствии мяса; отмечается у них употребление в кризисные годы мяса павших животных, включение в пищу дикоросов. У баргузинских бурят действовали пищевые избегания мяса таких диких и домашних животных, как лисица, россомаха, собака, хорек, орел, ворона, сорока, галка и дятел⁴⁸⁷. Потребность в хлебе они удовлетворяли, выменивая или продавая русским рыбу и другие продукты. Сушеный и

⁴⁸⁵ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2414. Л. 1–2.

⁴⁸⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 269.

⁴⁸⁷ О баргузинских подгорных ... С. 19.

мелконарезанный полевой лук служил в зимнее время приправой для отварного мяса и рыбы. В конце XVIII в. их рацион вошла покупная соль⁴⁸⁸.

Локусом расселения хори-бурят в изучаемое время были зональные и котловинные степи Забайкалья, что благоприятствовало ведению отгонного скотоводства, занятиям охотой и собирательством. Домашнее стадо у них было преимущественно представлено лошадьми, крупным рогатым скотом и овцами; козы и верблюды составляли относительно небольшое поголовье.

В системе питания хори-бурят доминировали продукты животного происхождения: летом в их рационе главенствовали кисломолочные продукты, зимой – мясные изделия, творожистая масса, топленое масло, заготовка которых происходила в летнее и осеннее время⁴⁸⁹. Из всех видов молока предпочтение отдавалось кобыльему, как более вкусному и питательному⁴⁹⁰. Как и у остальных бурят, гостевыми блюдами у них считались шашлык из печени и баранья грудинка, приготовленная на углях⁴⁹¹. К специфическим блюдам из кухни хори-бурят можно отнести способ запекания мяса мелкого рогатого скота (коз и овец) посредством нагретых камней в зашитой шкуре, такое мясное блюдо называлось *Tulunuchu*⁴⁹² (от слова *тулам* ‘кожаный мешок’⁴⁹³). Данный способ представляет перенос архаичной технологии запекания туш диких животных на приготовление блюда из мяса домашних животных.

В питании хори-бурят, как подчеркивает Ф. Ланганс, присутствовала лишь выменянная или покупная мука, используемая для варки «похлебки»⁴⁹⁴, т. е. каш и похлебок из круп.

Ежегодно летом и осенью они проводили коллективную охоту *абайдак* (по И. Вамбоцыренову, облавы были только осенью, после возвращения белковавших охотников; местом сбора служила речка *Хара-*

⁴⁸⁸ О баргузинских подгорных ... С. 20.

⁴⁸⁹ Георги И. Г. Указ. соч. С. 32.

⁴⁹⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 253.

⁴⁹¹ Там же. С. 275.

⁴⁹² Там же. С. 274.

⁴⁹³ Бурятско-русский словарь. С. 434.

⁴⁹⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 300. Л. 105.

Ухун 'Черная вода'⁴⁹⁵). Объектами такой охоты являлись антилопа-дзерен, дикая коза и кулан; особенно много истребляли антилоп – М. Татаринов пишет, что этих животных убивали по «тысячи и более» голов⁴⁹⁶.

Потребность в растительной пище хори-буряты удовлетворяли собирательством дикоросов. М. Татаринов указывает на употребление ими в пищу луковиц красной лилии, лесных ягод (брусники), также называет ряд растений, питательные части которых крошили и засушивали – «корень, именуемой по тамошнему *мужин*», «траву *мангир*», полевой лук, «стебель ревеня черенкового»⁴⁹⁷.

М. Татаринов выделяет как особенность забайкальских бурят их любовь к крепкому чаю: «Братские, которые за Байкалом, те всегда пьют чай, смешивая с молоком, кладут чай много, а особливо употребляют крепкой чай»⁴⁹⁸. Из этого текста можно определить, что в традиции этих бурят было питье чая с молоком. Кроме этого забайкальские буряты знали рецепт приготовления чая *зутараан*. Опять-таки у них были известны чаи, приготовляемые из растений, произраставших в субрегионе: «<...> вместо чая варят бруснишиний и корение называемое мукир (*мэхээр* 'горлец живородящий' – А. Б.), шуду каталзу»⁴⁹⁹. Использовали как заварку также листья растения, называемого *балга*. Чай из высушенных корешков горлеца живородящего был знаком и другим жителям Даурии – забайкальским эвенкам, которые аналогично бурятам добывали их, раскапывая мышиные норы⁵⁰⁰.

подавляющее большинство селенгинских монголов являлось кочевыми скотоводами, которые промышляли охотой, собирали дикоросы и коренья. Стадо у них в основном состояло из лошадей и овец, а также из крупного рогатого скота, верблюдов и коз.

⁴⁹⁵ Вамбоцыренов И. Аба-хайдак (облава у хоринских бурят) // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21. № 2. С. 30.

⁴⁹⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 19.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 15.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 14 об.–15.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Паллас П. С. Указ. соч. С. 493.

О системе питания селенгинских монголов оставил сведения И. Г. Георги. Согласно нему, пища селенгинских монголов и хори-бурят была схожей: «Пищу и напитки употребляют такие же, как и Хоринские Буретты. Едят те же мяса и питье приготавливают»⁵⁰¹. Выясняется, что масло они изготавливали из «сметаны коровьего молока», творог варили из смеси цельного или кислого коровьего и овечьего молока, а молочную водку перегоняли из кумыса. Основными блюдами в их повседневной кухне были: чай *зутараан*, творожная масса *аарса*, сыр *хурут*, отварная баранина, вареные луковицы сараны. По П. С. Палласу, бедняки варили вместо плиточного чая чай из бадана⁵⁰². В гостевых и праздничных трапезах угощали чаем, молочной водкой, отварной и жареной бараниной.

И. Г. Георги акцентирует внимание на проведении облавных охот селенгинскими монголами в степях и лесах юга Селенгинской Даурии; объектами облав был довольно широкий круг представителей дикой фауны⁵⁰³. Наряду с указанной формой охоты, практиковались загоны, индивидуальный промысел и охота небольшими коллективами. Как указывает П. С. Паллас, монгольские подростки ловили зайцев и тушканчиков, и готовили из них жаркое на углях⁵⁰⁴.

Отдельно нужно сказать о ритуальной пище селенгинских монголов. М. Татаринов, касаясь празднования бурятского Нового года, который, как он пишет, «называют по мунгальски сахан хара или белой месяц, а по бурятских уса хара, баран месяц», перечисляет круг жертвенных продуктов, принятых в буддизме. К ним он относит топленое масло, цельное молоко, отварную баранину (Ренье уточняет, что мясо должно быть без сала⁵⁰⁵), покупные китайские закуски⁵⁰⁶.

⁵⁰¹ Георги И. Г. Указ. соч. С. 43.

⁵⁰² Паллас П. С. Указ. соч. С. 181.

⁵⁰³ Георги И. Г. Указ. соч. С. 42.

⁵⁰⁴ Паллас П. С. Указ. соч. С. 363.

⁵⁰⁵ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 189.

⁵⁰⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 25.

Костюмный комплекс бурят

После подписания Нерчинского договора 1689 г., в рамках которого было принято положение об открытии свободной торговли, торговые связи между Русским государством и Китаем были восстановлены. Первоначально выбор китайских тканей, доставлявшихся в Байкальский регион, был ограниченный; привозили камку, а также «вид полотна, смешанный с хлопчатником, называемый русскими китайкой, окрашенный иногда в красный, иногда синий и другие цвета, каковую охотно носят русские женщины»⁵⁰⁷. Окончательно снял препятствия для русско-китайской торговли Кяхтинский договор 1727 г. и с этого времени китайские ткани во всем их разнообразии стали поставляться на российский рынок, в чем можно убедиться, ознакомившись с документами Сибирского приказа⁵⁰⁸. Например, в них обнаруживается такой перечень китайских тканей: голеи, полуголеи, канфа, атлас, флер, фанза, шелк (сырой и сученный), китайка, тунхай, камый и др.⁵⁰⁹.

П. С. Паллас, интересовавшийся состоянием русско-китайской торговли, дал в своей работе пространную характеристику товарам китайского ввоза, в том числе тканям: «Но наперед надобно знать, что ныне все шелковые товары из Китаю привозят гораздо худшей доброты, нежели какие прежде приваживали. Атлас и голи по большей части так тонки и лосклы, что почти не стоят, чтоб их вывозить в Россию; меж последними довольно попадает подложных, в коих кропивныя нитки подмешены. Богатых и крепких атласов и других штофов ныне почти не видно, а только тонкия и ровныя фанзы, кои из хорошаго шелку шканы и без клею: также и китайки еще в прежней доброте славятся, а фанзы меж всеми тканями китайскими товарами можно почесть за прочнейшую и плотнейшую материю»⁵¹⁰. Этот не совсем лицеприятный вердикт, вынесенный

⁵⁰⁷ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 42.

⁵⁰⁸ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9-1. Л. 26-28 об.; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21-19.

⁵⁰⁹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9-1. Л. 26-28 об.

⁵¹⁰ Паллас П. С. Указ. соч. С. 195.

современником, отражает положение дел в китайской экономике во второй половине XVIII в., в период зенита могущества Цинской империи.

В первой половине XVIII в. особое значение для бурят имела хлопчатобумажная китайка. Дело в том, что в соответствии с «Инструкцией пограничному дозорщику Фирсову» 1728 г., который подтверждал ранее изданный указ императора от 27 июня 1727 г., ясак с бурят брали как пушниной, так и китайкой, и деньгами. Судя по архивным документам, в начале столетия уже существовала практика взимания с бурят кроме пушнины отрезов китайки и даже быков⁵¹¹. Позднее эта ткань все-таки перестала приниматься казной в качестве эквивалента «мягкого» золота и денег.

Приграничная торговля, так же как и внутренняя, являлась поставщиком образцов готовой одежды. Для примера, среди других товаров, попадавших к бурятам, в источниках называют «поношенные шелковые халаты, или азямы, ношенные шубы оленьи и других кож (ергаки)»⁵¹². Отсюда можно допустить вероятность воспроизведения мастерицами как отдельных деталей, так и целиком понравившейся иноэтничной одежды, а значит, и включения ее в традиционный бурятский костюм. В изучаемый период такая практика имела небольшой размах, но со временем становится важным механизмом восприятия элементов костюма других народов.

Помимо китайских тканей, буряты покупали российскую и европейскую мануфактуру. Отсутствие дефицита тканей благоприятствовало постепенному отказу от использования в костюме преимущественно меха и кожи, и переходу к сочетанию в нем разных мягких материалов. Данная тенденция развивалась неравномерно, и коснулась в первую очередь костюма зажиточного бурята. Ее расширению мешал господствующий натуральный характер экономики, когда получаемые от занятий скотоводством и охотой шкуры животных выделывали и большей частью направляли на внутренние

⁵¹¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1423. Л. 135.

⁵¹² Паллас П. С. Указ. соч. С. 592.

нужды семьи в одежде, утвари и т. п. или обменивали и продавали с целью удовлетворить потребность в других продуктах. Между тем возникает традиция верх верхней одежды и головного убора покрывать китайскими тканями, а нижнюю одежду и подкладку шить из российских тканей. Выбор ткани для пошива одежды зависел от общественного положения и принадлежности к конкретной субэтнической группе.

Верхняя одежда маркировала статус человека: зимой состоятельные люди одевали шубы, имевшие опушку из дорогого меха, и верх из шелка или сукна, летом – матерчатые халаты *тэрлиг*⁵¹³; простонародье носило нагольные овчинные шубы в течение всего года.

Социальные различия проявлялись и в подборе меха для одежды. Если многие буряты для пошива зимней верхней одежды употребляли овчину, то бедняки – выделанные шкуры лошадей⁵¹⁴. Кроме того, в качестве материала основы использовали шкуры козы, изюбря, волка, лисы и кабарги⁵¹⁵. Социальная градация выражалась и в предпочтении определенных видов меха при отделке головного убора и верхней плечевой одежды: богатые буряты обычно декорировали эти элементы зимнего костюма мехом баргузинского соболя или выдры, а бедняки – дешевыми сортами меха.

Вместе с тем у бурят бытовала архаичная традиция применения тонкой кожи овцы, козы, жеребят и ягнят в качестве подкладочного материала для верхней одежды.

В конце XVII в. из-за указанного выше дефицита тканей бурятские халаты имели однообразную расцветку верха (согласно И. Идесу, они были как один из немецкого, «скверного красного сукна»), но с поступлением в регион китайских тканей после открытия свободной торговли между Россией и Китаем выбор колорита в одежде расширяется. В первой трети XVIII в. у

⁵¹³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁵¹⁴ Гирченко В. П. Указ. соч. С. 39.

⁵¹⁵ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

бурят сложились предпочтения в цвете ткани для верха халата; любимым у них являлось сукно синего, красного и зеленого цветов⁵¹⁶.

В конце XVII в. в костюме бурят Предбайкалья входили доха, зимняя нагольная или крытая шуба из овчины, наборный пояс или кушак, меховая шапка с наушниками, летний халат, сапоги, кожаные штаны⁵¹⁷. Этот неполный список дает самое общее представление о бурятско-предбайкальской одежде в то время.

Характеристика костюма предбайкальских бурят первой половины XVIII в. приводится в трудах Дж. Белла, Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова и Я. И. Линденау. Особенно стоит обратить внимание на сведения Я. И. Линденау. Он дает описание основных элементов мужской одежды с некоторой их детализацией и бурятскими названиями, что позволяет провести сопоставление с данными за вторую половину XVIII в.

Материалы этого периода дают пищу для размышлений по поводу возможных этногенетических связей предбайкальских бурят с иными народами. В этой связи примечательна фраза, высказанная Дж. Беллом: «Что касается одежды и образа жизни, я не смог найти большого различия между ними (балаганскими бурятами – А. Б.) и калмыками на Волге, отсюда заключаю, что они происходят от одних и тех же предков»⁵¹⁸. Беря во внимание тот факт, что до поездки в Сибирь Белл совершил путешествие на Каспийское море и имел представление о калмыках и их костюме, стоит прислушаться к его мнению. В костюме балаганских бурят он фиксирует некоторые элементы, отличавшие их от других предбайкальских бурят⁵¹⁹. Находил сходство в костюме верхоленских (предбайкальских) бурят и калмыков другой автор – Д. Г. Мессершмидт⁵²⁰. При сравнении цитируемых фрагментов текста оказывается, что их авторы понимали под «калмыцким» костюмом не совсем одно и то же; единственное, в чем их описания

⁵¹⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 134.

⁵¹⁷ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 149; Идес И., Бранд А. Указ. соч. С. 134.

⁵¹⁸ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 57.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Путешествие по указу ... С. 37.

совпадают, – наличие шелковой кисточки на бурятской шапке. Возможно сказать, что эти описания взаимодополняющие и передающие локальные особенности в костюме предбайкальских бурят. Обнаружение общего в костюме у части предбайкальских бурят и калмыков было следствием попыток идентифицировать на тот момент малоизвестный народ, опираясь на имевшиеся знания о других народах. Вышеназванные авторы, сами того не предполагая, соприкоснулись в Предбайкалье с культурой мигрантов, вышедших из охваченными войной Джунгарии и Халхи.

Между тем Я. И. Линденау, участник Великой Северной экспедиции, позднее ставший начальником Балаганского уезда, находил общее в мужском костюме предбайкальских бурят с якутским костюмом. Ситуация вновь повторялась – исследователь, прославившийся прежде всего подробным описанием культуры якутов, нашел знакомые ему элементы якутского костюма у бурят. И надо думать, что он был прав, так как культура основного ядра предбайкальских бурят (эхиритов и булагатов) содержала в себе следы этнокультурных контактов их предков с предками якутов. Другими словами, для авторов первой половины XVIII в. было бесспорно различие в происхождении этнических сообществ предбайкальских бурят, которое, по их мнению, проявилось в народном костюме.

В источниках второй половины XVIII в., главным образом в работах М. Татаринова и И. Г. Георги, представлены не только сведения о мужском, но и женском костюмных комплексах с выделением девичьего костюма предбайкальских бурят, хори-бурят и селенгинских монголов. Таким образом, мы можем достоверно судить об изменениях в костюме предбайкальских бурят и реконструировать костюм основных этнических подразделений бурят второй половины столетия.

Я. И. Линденау первым вводит в оборот бурятское название зимней верхней одежды – *digil*, и определяет ее как длиннополую шубу (по Я. И. Линденау, меховой халат), крытую китайкой *but* или шелком голи (*Goli*

Torgon)⁵²¹. Сообщает он также о важной детали этой плечевой одежды – «халат застегивается с правой стороны на пуговицы под мышкой» – т. е. шуба имела запах левой полы на правую.

На основе материалов И. Г. Георги и М. Татаринова⁵²² можно утверждать, что селенгинские монголы и хори-буряты носили халаты восточноазиатского типа. В то же время у бурят Предбайкалья, Прибайкалья и Восточного Присянья доминировал южносибирский тип верхней одежды, в этом нас убеждают данные М. П. Хангалова⁵²³ и «Лексикон братский» Г. Ф. Миллера⁵²⁴.

Бурятская традиция украшения верхней одежды нашивными лентами по краю подола, вороту и др. была отмечена в книге Н. Витсена, повествующей о событиях конца XVII в.: «Они (буряты – А. Б.) носят одежду, которая обшита и вышита разными **суконными тряпками в виде украшения** (выделено нами. – А. Б.)»⁵²⁵. Позднее Я. И. Линденау дополнил сведения своего предшественника, упомянув об украшении шуб предбайкальских бурят широкими красными лентами по борту; кроме того, он указывал на то, что в оформлении борта сочетали нашивные ленты и оторочку бобровым мехом⁵²⁶. Последнее замечание крайне любопытно, так как чередование в отделке шуб полос из меха бобра, еще больше выдры с лентами из разных тканей (шелка и сукна) было отличительной особенностью верхней одежды именно предбайкальских бурят. Скорее всего, данный элемент убранства верхней одежды был вариативен у разных групп бурят, это можно заключить, например, из сведений, приводимых Г. Ф. Миллером; согласно ему, на шубе имелась «узкая опушка из черной или белой мерлушки, а рядом с ней кайма из синей и красной китайки шириной в хорошую ладонь»⁵²⁷.

⁵²¹ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

⁵²² Георги И. Г. Указ. соч. С. 31; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12 об.

⁵²³ Хангалов М. П. Указ. соч., 1958. С. 206.

⁵²⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 513–9. Л. 5 об.

⁵²⁵ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 155.

⁵²⁶ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

⁵²⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 136.

Спорным является вопрос о появлении нагрудной нашивки *энгэр* в оторочке верхней части халата селенгинских монголов и хори-бурят. В источниках XVIII в. о ней нет свидетельств, между тем ранее указывалось, что данный элемент одежды, подчеркивавший локальное отличие названных выше субэтнических групп, был уже известен в верхней одежде монголоязычных групп в раннем средневековье.

Единственное упоминание верхней одежды присаянских бурят имеется в портфелях Г. Ф. Миллера: «<...> платье носят зимою шубы козлиные и овчинные, а летом ергачи»⁵²⁸. Иными словами, различие между зимней и летней верхней одеждой у них было связано с использованием кожного материала; зимой носили шубы из длинношерстных шкур (овечьих и козых), а летом – из короткошерстных. Кстати, в сезонной сменяемости верхней одежды проявлялось их отличие от традиции бурят Предбайкалья, которые круглый год надевали одну одежду: «Они (Предбайкальские буряты. – А. Б.) делают себе ежегодно осенью новые шубы и они служат весь год, при этом для них оказывается кстати то, что летом, когда бывает жарко, на их шубах, в особенности на тех, что из косульих шкур, остается мало волос»⁵²⁹. Последние поступали в русло общей традиции монгольских народов, у которых обычно раз в году обновляли изношенную одежду (не только верхнюю).

М. Татаринов сообщает о ношении зимой поверх шубы тулупа *даха*⁵³⁰. Его слова подтверждают более ранние сведения Я. И. Линденау, который писал о том, что предбайкальские буряты одевали на зимнюю шубу еще и длинную *dachu* с широкими рукавами, «сделанную из шкур диких коз – *iman'ov* (яманов – А. Б.)» и носимую «подобно кухлянке»⁵³¹. Реконструкцию облика данной одежды можно сделать на основе сведений Д. А. Клеменца и М. Н. Хангалова⁵³². Они относят доху к древнему костюму бурят

⁵²⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 517-22. Л. 4 об.

⁵²⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 136.

⁵³⁰ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁵³¹ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

⁵³² АВ СПФИВ РАН. Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46.

Предбайкалья и хори-бурят и указывают на некоторые ее конструктивные особенности (плечевая одежда, разрез сзади). Такая ее деталь как разрез сзади встречается и в архаичной женской одежде бурят (он был нужен для удобной посадки при верховой езде). Вероятно, ей предшествовала доха, которую носили, набросив на плечи⁵³³. Ближайшим аналогом последней является тувинский тулуп *чагы*, надеваемый как бурка на плечи⁵³⁴. Материалом для дохи служили шкуры диких и домашних животных (домашней и дикой козы, овцы, собаки и волка). Надо указать, что данная одежда была заимствована русскими старожилами Байкальского региона: во время сильных морозов ямщики надевали ее поверх шубы, особенно почиталась собачья доха (из шкур животных с черным окрасом шерсти⁵³⁵; собаки-волкодавы бурят-монгольской породы *хотошо* отличались преимущественно черной шерстью шкуры).

Стоит отметить, что еще Н. Витсен писал о традиции бурят изготавливать собачьи дохи с собольей подкладкой и даже привел бытовавшие в народе представления о причине использования различных мехов для изготовления дохи: «Говорят, братья, или буряты, держат много собак, и собачий мех они употребляют для одежды, как и соболя, но мех собак служит верхом одежды, а мех соболя идет внутрь. Они это делают потому, что собака ловит и побеждает соболя»⁵³⁶. Разумеется, что такая одежда была дорогой, и поэтому на смену меховой подкладке пришли ткани, более функциональные и дешевые.

Летом поверх халата надевали набедренник *хормойбшо*, который шили из разных видов ткани, в том числе из сукна⁵³⁷. Его описание дается в работе Г. Ф. Миллера: «Поверх шубы у брацких с обеих сторон от талии до самого низа свисают большие широкие лоскуты из двойной прошитой китайки, которые они называют Chormoktschi. Вверху они соединяются широкой

⁵³³ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 32–33.

⁵³⁴ Даржа В. К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003. С. 125.

⁵³⁵ Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. 1925. № 3–4. С. 95.

⁵³⁶ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 157–158.

⁵³⁷ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

лентой из китайки или из кожи, которая натягивается вокруг тела, а поверх этой широкой ленты надевается пояс»⁵³⁸. Важным является утверждение Ренье о том, что набедренник входил в праздничный костюм бурят Предбайкалья и Западного Прибайкалья⁵³⁹. Подобная одежда была элементом древнего костюма хори-бурят, в передаче Д. А. Клеменца и И. Вамбоцыренова⁵⁴⁰ она называлась *харамокишин*. Хори-бурятский набедренник представлял собой «род двух запонов, надеваемых с обеих сторон, края запона сходятся впереди и сзади. Подклад <...> у пояса не сходится вверху»⁵⁴¹. Таким образом, у бурят Предбайкалья, Прибайкалья и хори-бурят набедренник относился к костюму всадника.

Во время зимней верховой езды хори-буряты накидывали поверх шубы меховую куртку *хурмэ*, подобно дохе имевшую ворс наружу. Весьма показательно, как отечественными исследователями определялся этот элемент одежды. В Толковом словаре В. И. Даля дается русифицированное название этой одежды – *курма*, и определяется как шуба⁵⁴². По Д. А. Клеменцу (и опять-таки И. Вамбоцыренову), *курма* представляет широкий пиджак, надеваемый на шубу⁵⁴³. Согласно бурятскому краеведу Л. Л. Линховоину, *хурмэ* это была одnobортная, свободная куртка с широкими рукавами, без ворота⁵⁴⁴. Противоречивость суждений о *курма* демонстрирует уровень знания предмета каждым из указанных исследователей, налицо также доказательство трансформации, которую претерпела куртка, превратившись из меховой в тканевую, не потеряв при этом сложившихся форм – кроя и конструкции.

Появление подобной одежды у монголов связывают с влиянием маньчжур⁵⁴⁵, но данные этимологии доказывают обратное⁵⁴⁶. В нашем

⁵³⁸ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 136.

⁵³⁹ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 196.

⁵⁴⁰ Вамбоцыренов И. Указ. соч. С. 30.

⁵⁴¹ АВ СПФИВ РАН. Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46.

⁵⁴² Даль В. И. Указ. соч., 1955. Т. 2. С. 223.

⁵⁴³ АВ СПФИВ РАН. Ф. 28. П. 3. Д. 105. Л. 46.

⁵⁴⁴ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 30.

⁵⁴⁵ Викторова Л. Л. Указ. соч. С. 31.

представлении бытование у бурят архаичного, мехового варианта данной куртки подтверждает справедливость последней точки зрения.

Небезынтересно выяснить, имелись ли подобные меховые куртки у других бурят. Как выше говорилось, Дж. Белл первым упомянул о том, что куртка входила в костюм части предбайкальских бурят. Кажется, подтверждение тому находим у Я. И. Линденау, который утверждал, что обычно на охоту предбайкальские буряты надевали короткую шубу *gorelku*. Она выглядела следующим образом: «Она походит на якутский *Sangijak* и сделана из волчьих шкур, а перед из черного козьего меха»⁵⁴⁷.

Дополнить описание можно информацией, которую приводит Я. И. Линденау касательно якутского *сангыяха*⁵⁴⁸. По Г. Ф. Миллеру, такая верхняя одежда была не длинной («едва касаются колен»), имела «узкие рукава», запахивалась «на ширину ладони», не подбивалась и различалась, в зависимости от достатка ее владельца, используемым мехом⁵⁴⁹. Важным является упоминание автором такой детали в украшении якутского *сангыяха*, как «вставленные на спине длинные полосы **другого цвета и другого меха** (выделено нами. – А. Б.), которые начинаются от обоих плеч и сходятся внизу в виде двух дуг»⁵⁵⁰.

В изображении бурятской *gorelku* важно, во-первых, что упомянутая шуба была короткополой, т. е. допустимо видеть в ней вовсе не шубу, а куртку, которая, как и рассмотренная выше *хурмэ*, шилась в основном из волчьих шкур мехом наружу. Волчья и козья шкуры были весьма практичные, так как надежно защищали от непогоды в любое время года. Во-вторых, бросается в глаза использование для верха сразу двух видов шкур – рукава, полы и спинка были из волчьего меха, а перед – из козьего, что не совсем было характерно для бурятской верхней одежды, и в этом, по всей

⁵⁴⁶ Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. С. 330.

⁵⁴⁷ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 132.

⁵⁵⁰ Там же.

вероятности, проявлялась определенная семантика и прагматика. Само же название меховой куртки *gorelku* может быть производным от бурятского слова *goёрхуу* 'щеголеватый'⁵⁵¹. Сочетание серого и черного цветов в одежде передавало цветовую гармонию, отсюда, видимо, и происхождение такого названия куртки.

Согласно П. С. Палласу, якутские полушубки *сангыях* продавали в Забайкалье и они, по-видимому, имели покупательский спрос среди русского населения: «Санаяки (род якутского платья) из белых медвежьих кож»⁵⁵². Использование шкур белого медведя для пошива *сангыяха* объяснимо, якуты жили в северных широтах, где водились белые медведи, и такой редкий мех должен был высоко цениться южными соседями. Чаще же материалом для *сангыяха* служила шкура волка или оленя⁵⁵³. Интересно, что в языке верхоленских бурят под словом *сангыях* понимали кусочек волчьей шкуры⁵⁵⁴; данный факт может свидетельствовать как об этногенетических связях этой части предбайкальских бурят с якутами, так и о заимствовании ими упомянутой якутской одежды, сшитой из шкуры волка.

Локальное воздействие на бурятскую одежду имело соседство бурят с русскими: Г. Ф. Миллер указывает, что буряты «приспосаблиются к русской моде» и носят «праздничное суконное платье русского образца», зипуны⁵⁵⁵. Очевидно, здесь имелись в виду буряты Предбайкалья, в это время наиболее тесно взаимодействовавшие с русскими переселенцами.

Касательно опояски верхней одежды бурят в конце XVII в. имеются достаточно противоречивые сведения И. Идеса⁵⁵⁶, А. Бранда и Н. Витсена. Так, в гравюре «Буряты» из книги И. Идеса бурятки изображены опоясанными кушаками (Приложение В. Рис.1). Но в тексте этого издания автор пишет, что мужчины и женщины надевали кожаные пояса⁵⁵⁷. Кстати, в

⁵⁵¹ Бурятско-русский словарь. С. 154.

⁵⁵² Паллас П. С. Указ. соч. С. 191.

⁵⁵³ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 25.

⁵⁵⁴ Бурятско-русский словарь. С. 153.

⁵⁵⁵ Там же. С. 136–137.

⁵⁵⁶ Алексеев М. П. Указ. соч., 1941. С. 522; Он же. Указ. соч., 2006. С. 423.

⁵⁵⁷ Идес И., Бранд А. Указ. соч. С. 134.

книге Н. Витсена говорится о женской верхней одежде, что она опоясывалась «широким обитым железом поясом»⁵⁵⁸. Чтобы разобраться в возникшей путанице, нужно взглянуть, как обстояло дело с этим элементом убранства костюма в последующее время – в XVIII в.

В первой половине XVIII в. наборные пояса присутствуют в мужском и женском костюмных ансамблях нижеудинских бурят⁵⁵⁹. Вероятно, такие пояса входили в костюмы обоих полов и у других предбайкальских бурят: Я. И. Линденау указывает на наличие данного убранства в мужском костюме⁵⁶⁰, но в контексте им сообщаемого можно предположить вхождение его и в женский костюм. По Р. Д. Бадмаевой, в старину верхоленские бурятки поверх шва по талии на длиннополой безрукавке надевали наборный пояс *оноо*⁵⁶¹. Наличие пояса в женском костюме доказывает, что в рассматриваемый период у бурят Предбайкалья еще была сильна тюркская традиция, обусловленная участием в их этногенезе различных тюркских сообществ.

Во второй половине столетия, если опираться на сведения И. Г. Георги и М. Татаринова, у бурят наборные пояса носили только мужчины: они были с накладными медными или железными пластинами, имеющими насечку, иногда декорированные вставками из коралла или полудрагоценного камня⁵⁶². Между тем у ольхонских бурят поясные пластины изготавливали из олова и украшали продольными полосами с короткой поперечной насечкой⁵⁶³. Как выясняется, наборные пояса были и в женском костюме. Среди обнаруженных в Западном Прибайкалье археологических находок, датированных первой половиной XIX в., имеются подпрямоугольные

⁵⁵⁸ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 149.

⁵⁵⁹ Крашенинников С. П. Указ. соч., 1966. С. 66.

⁵⁶⁰ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

⁵⁶¹ Бадмаева Р. Д. Одежда и украшения верхоленских бурят // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980. С. 67.

⁵⁶² РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁵⁶³ Зайцев М. А., Свинин В. В., Харинский А. В. Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э.: Сб. статей. Кемерово, 1994. С. 248; Павлуцкая В. В. Сохтер–II – могильник в расщелинах скал старобурятского времени (XVII–XIX вв.) // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: Сб. науч. тр. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 78, 88.

оловянные пластины с женского пояса⁵⁶⁴, что указывает на более раннее функционирование рассматриваемой традиции у ольхонских бурят (шире бурят предбайкальских родов).

Слова И. Г. Георги о том, что женщины подпоясывались шелковым кушаком или надевали его через плечо⁵⁶⁵, следует отнести к селенгинским монголкам, меньше к хори-буряткам. Дело в том, что буддистки брали на себя обет не употреблять конину и мясо павшего скота и в знак этого носили через левое плечо широкую ленту оранжевого, красного или коричневого цвета; вероятно, И. Г. Георги зафиксировал именно эту религиозную традицию.

Таким образом, в опояске верхней одежды у хори-бурят наблюдались гендерные различия: в мужском костюме были наборные пояса, в женском – тканевые. А это является свидетельством трансляции в их костюмном ансамбле средневековой монгольской традиции.

Во второй половине столетия бурятские девушки продолжили опоясываться наборными поясами (Приложение В. Рис. 2). Связано это было с традиционными представлениями бурят, по которым девушка до замужества принадлежала отцовскому роду, и поэтому в ее одежде присутствовали элементы мужского костюма. Судя по материалам конца XIX в., она расставалась с поясом непосредственно перед отъездом из родного улуса на свадьбу; в ходе особой церемонии с нее снимали пояс и передавали в руки ее отца, данный акт символизировал прерывание связи с отцовским родом. Более раннее доказательство бытования традиции ношения девичьих поясов у нижнеудинских бурят находим в дневнике С. П. Крашенинникова, который, между прочим, обращает внимание на то, что пояс в одежде девушек сопровождался целым набором декоративных

⁵⁶⁴ Зайцев М. А., Свинин В. В., Харинский А. В. Указ. соч. С. 240; Харинский А. В. Погребальный ритуал ольхонских бурят в XIX – начале XX в. (по материалам могильника Елга II) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9. С. 181.

⁵⁶⁵ Георги И. Г. Указ. соч. С. 32.

украшений: «<...> а около его (наборного пояса – А. Б.) разные медные фигуры, кольца и прочее навешены <...>»⁵⁶⁶.

В XVIII в. мужские кушаки из китайской ткани были известны лишь у селенгинских монголов. Возможно, от них данная традиция передалась другим бурятам. Между тем у части бурят Предбайкалья⁵⁶⁷ и хори-бурят⁵⁶⁸ были распространены тканые пояса из шерстяной нити, которые они надевали в повседневности. Последнее говорит о существовании самобытной традиции в их костюмном ансамбле.

После подушной переписи 1766 г. было регламентировано ношение представителями управленческой элиты наборных поясов, которые с этого времени официально признавались атрибутами их власти. На таком поясе гравировали надпись, указывающую на занимаемую должность его владельца, возглавляемую им территориальную группу и год присвоения⁵⁶⁹. Его полагалось носить вместе с именованным наградным оружием (кортиком или кинжалом). Традиция жалования наборного пояса вновь избранному главе инородческого ведомства или нижестоящему бурятскому родоначальнику от лица российского самодержца транслировалась до конца XIX в. (Приложение В. Рис. 2).

Чуть ранее, в конце 1720–х гг., были официально упорядочены правила ношения костюма для степной аристократии у бурят Забайкалья. При этом за образец был взят ранжированный костюм восточномонгольской знати, вероятно, потому что российские власти, как и в случае с другими народами, не запрещали инородческой элите носить привычное парадное одеяние, тем самым, в какой-то степени получая ее лояльность. Облечив данное решение в форму монаршей милости, и связав его с легитимизацией института тайшей и зайсанов, русская администрация закрепила статус-кво в ношении костюма элитарной группы и простолюдинов. Было определено, что костюм у бурятских родоначальников должен включать головной убор с собольей

⁵⁶⁶ Крашенинников С. П. Указ. соч., 1966. С. 67.

⁵⁶⁷ Манжигеев И. М. Указ. соч. С. 162.

⁵⁶⁸ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 51.

⁵⁶⁹ Георги И. Г. Указ. соч. С. 25.

опушкой, украшенный серебряным навершием с шарообразными вставками из красного коралла, лазурита, горного хрусталя или цветного стекла, шелковый халат и бархатные сапоги⁵⁷⁰.

Согласно источникам, в изучаемый период у бурят были известны не менее четырех типов мужских головных уборов.

Первый из них имел невысокую стеганную тулью из красной ткани с околышем и был летним головным убором. Можно предположить, что его носили переселенцы из Западной Монголии, так как ойратов отличало использование красного текстиля для верха шапки.

Второй головной убор был распространен у рядовых бурят Предбайкалья, и представлял зимнюю шапку с наушниками, пошитую из снятой с головы животного (оленья, косули) шкуры. Очевидно, это была т. н. *мяха малгай*, упоминаемая в работе М. Н. Хангалова и являвшаяся архаичным головным убором охотника, который был предназначен для маскировки на промысле⁵⁷¹. Ношение такого рода шапок из шкур с головы, в частности, волка и оленя, объясняется сохранявшейся среди бурят субрегиона верой в древнюю охотничью магию⁵⁷².

О третьем типе головного убора, наиболее массовом, первыми упоминают Дж. Белл и Д. Г. Мессершмидт в 1720–е гг., описывая предбайкальских бурят; в 1745 г. Я. И. Линденау зафиксировал наличие его у тех же бурят, а во второй половине XVIII в. М. Татаринов и И. Г. Георги – также у забайкальских бурят. Надо заметить, что авторы по-разному определяли, в какой сезон его носили: И. Г. Георги называет его зимним головным убором сайтов (родовой знати), и характеризует такие шапочки следующим образом «плоские **китайские** (выделено нами. – А. Б.) с большою кистью и кругом опушкою из мехов»⁵⁷³; М. Татаринов указывает на его круглогодичную носку и наличие в его зимнем варианте наушников.

⁵⁷⁰ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 381. Л. 1 об.

⁵⁷¹ Жамбалова С. Г. Указ. соч., 1991. С. 80.

⁵⁷² Хангалов М. Н. Указ. соч., 1959. С. 177.

⁵⁷³ Георги И. Г. Указ. соч. С. 31.

То, что И. Г. Георги определяет его как китайский головной убор, нужно воспринимать не буквально. Дело в том, что традиционная китайская шапочка *люхэмао* имела тулью, сшитую из шести суживающихся клиньев, с шишечкой или пуговкой наверху⁵⁷⁴. Тулья же бурятского головного убора была невысокой, цельной и стеганной (по Г. Ф. Миллеру, она могла быть подбита беличьим мехом⁵⁷⁵). Отличало также наличие на верхушке тульи кисти *зала* из красных шнуров; на шапках сайтов поверх кисти имелось еще серебряное навершие. Опушка головного убора у родовых начальников была из собольего меха, а у простых бурят – волчьего или лисьего⁵⁷⁶.

Надо полагать, что авторы XVIII в. имели в виду сезонные разновидности одного типа головного убора – зимнюю островерхую шапку *хасабишатай малгай* со стеганой тульей и наушниками и ее летнюю версию с околышем – *тойробишо малгай*. Торговцы, учитывая его популярность у бурят, поставляли из Китая «<...> красные шелковые кисти на шляпы по 44 коп.»⁵⁷⁷.

Смущает то, что он отмечался не только у бурят Забайкалья, но и – Предбайкалья. Вероятно, у последних имел распространение сходный головной убор, привнесенный переселенцами из Халхи или Джунгарии.

Появление кисти из красного шнура на шапках у монголов связывают с ойратским правителем Тогон-тайша, который в 1439 г. ввел новую традицию взамен старой – украшения головного убора кистью из белого или черного шнура⁵⁷⁸. Однако существует мнение о более раннем ее происхождении – VII–VIII вв.⁵⁷⁹. Распространенность данной традиции у монгольских, части тюрко-сибирских народов и маньчжуров может быть пояснена их мировоззренческими представлениями, согласно которым красная кисть символизирует солнечную, космическую энергию. С принятием монголами

⁵⁷⁴ Бокщанин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая / А. А. Бокщанин, О. Е. Непомнин; Ин-т востоковедения. М., 2002. С. 173.

⁵⁷⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 127.

⁵⁷⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁵⁷⁷ Паллас П. С. Указ. соч. С. 198.

⁵⁷⁸ Эрдэнэбат Д. Указ. соч. С. 45.

⁵⁷⁹ Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма. Элиста, 1973. С. 8.

тибетского буддизма она воспринималась также как опознавательный знак последователей Далай-ламы, подобно тому как шапка из желтой ткани выделяла почитателей еще одного высокого перерожденца – богдо-гэгэна⁵⁸⁰. Из того же ряда обычай халха-монголов носить плетенный из красного шнура знак *улзы* на верхушке тульи шапки. Подобные знаки на шапках у бурят Забайкалья стали появляться в XIX в., они указывали на принадлежность к буддийскому монашеству⁵⁸¹.

В контексте сказанного читается как крайне занимательная следующая цитата из Н. Витсена: «На концах шапок многие из них (калмыков – А. Б.) носят красную кисть, похожую на розу, из суеверия и в память того, что Бог однажды пришел с неба на землю, где наказал человека за его грехи; тогда несколько безумных людей ранили его так, что он истек кровью. И в честь этой божественной крови они носят на шапке красную кисть либо из сукна, либо из шелка»⁵⁸². Несомненно, что такие представления возникли под влиянием буддизма, но сам сюжет представляет аллюзию известного библейского рассказа.

Четвертый тип представляла зимняя шапка *лоовуз* (*обуза*) с отворотом из лисьего меха, подкладкой из мерлушки и наушниками, которую носили халха-монголы⁵⁸³ (урянхай), в конце XVII в. переселившиеся в Западное Забайкалье и другие субрегионы. *Лоовуз* у урянхай не имеет гендерной принадлежности⁵⁸⁴, а это значит, что женский головной убор у монголов-мигрантов был вытеснен местными видами шапок.

Прическа бурят предбайкальских родов отличалась от традиции хори-бурят и выходцев из Монголии (селенгинских монголов, хонгодоров и др.): первые отпускали волосы до плеч или выбривали целиком голову; вторые оставляли расти волосы на макушке с тем, чтобы отрастить длинную косу⁵⁸⁵.

⁵⁸⁰ Potocki J. Указ. соч. Р. 68.

⁵⁸¹ Цыбиков Б. Д. Указ. соч. С. 78.

⁵⁸² Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 155.

⁵⁸³ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С.50.

⁵⁸⁴ Эрдэнэбат Д. Указ. соч. С. 43.

⁵⁸⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 118–119.

Однако у первых было принято во время свадебной церемонии волосы жениха убирать в две-три косы⁵⁸⁶.

В XVIII в. и позднее буряты зачастую обходились без рубахи, надевая верхнюю одежду прямо на голый торс. Однако летом у части из них нательной одеждой было «китайчатое полукафтанье»⁵⁸⁷, под которым понималась распашная рубаха⁵⁸⁸. Предположительно, это были хори-буряты или селенгинские монголы, носившие рубахи из хлопчатобумажной китайки. Предбайкальские буряты, если исходить из сообщений М. Н. Хангалова⁵⁸⁹ и Д. А. Клеменца⁵⁹⁰, еще с эпохи облавных охот носили кожаную распашную рубаху *морин самса*. Значит, в XVIII в. такая рубаха из замши или китайки была широко распространена. Причем, матерчатая рубаха была представлена в костюме монголов и хори-бурят Забайкалья и зажиточной части бурят других субрегионов, а ее замшевый аналог носили рядовые буряты преимущественно из предбайкальских родов.

В рассматриваемый период к нательной поясной одежде относились короткие штаны, которые, по выражению Г. Ф. Миллера, были «очень широкие», «идущие от пупа до середины бедер», и имевшие карман, в котором прятали «трубку и табак»⁵⁹¹. Данная одежда представляла собой штаны широкие в шагу, встречавшиеся у бурят двух видов⁵⁹²: штаны с прямоугольными штанинами, цельнокроеной мотней и завязками, распространенные главным образом у бурят предбайкальских родов; штаны, штанина и шаг которых были скроены из одного цельного материала (овчины, ткани), с трапецевидными вставками и пришитым поясом, и известные у селенгинских монголов и хори-бурят. Они различались также по гендерному признаку: мужские штаны за счет специальной надставки были

⁵⁸⁶ Ким Н. В. Указ. соч., 1965. С. 149.

⁵⁸⁷ Георги И. Г. Указ. соч. С. 31.

⁵⁸⁸ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 42.

⁵⁸⁹ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 206.

⁵⁹⁰ АВ СПФИВ РАН. Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46.

⁵⁹¹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 136.

⁵⁹² Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 43–44.

длиннее женских⁵⁹³. Становится ясно, что женские штаны отдаленно напоминали современные шорты (тогда к ним относится приведенное выше описание Г. Ф. Миллера), а мужские – популярные в Европе в период с XVI – по конец XVIII в., длиной до колен кальсоны (собственно так их и определял Дж. Белл⁵⁹⁴), которые по бурятской традиции шили из ровдуги.

Зимой поверх летних штанов, выполнявших функцию подштанников, надевали, по И. Г. Георги, «весьма длинные и широкие ширавары». К слову, шаровары также представляют штаны широкие в шагу. Фразу М. Татаринова о том, что буряты имели «штаны летом холодные, а зимой теплые», стоит воспринимать как указание на то, что летними были штаны из кожи или ткани, зимой – на них дополнительно надевали еще одни. При этом вторые штаны нужны были исключительно для верховой езды. Судя по тому, что штаны, по Н. Витсену и Д. Г. Мессершмидту, входили в костюм всадника, следует допустить их существование в бурятской одежде в течение всего изучаемого времени.

Об их важности и даже первичности по отношению к другим элементам одежды указывает используемый в бурятском языке термин *умдэхэ* в значении ‘надевать что-либо (на себя)’⁵⁹⁵, производный от *умдэ(н)* ‘штаны’.

Судя по источникам XVIII в., мужская и женская обувь была однотипной, но имела некоторые субэтнические различия: селенгинские монголы носили башмаковидную обувь *эрмэг гутал*, а хори и другие буряты – как башмаковидную обувь *годогон-годоһон*, так и поршневидную⁵⁹⁶. Голенище у первого вида бурятской обуви было цельнокроенным или сшивалось из «половинок», ее подошва изготавливалась из дубленой конской кожи, при этом голенище и носок украшали аппликациями в виде «тонких кожаных ремней, вокруг которых (были) согнуты пластинки из желтой

⁵⁹³ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 43.

⁵⁹⁴ Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 57.

⁵⁹⁵ Бурятско-русский словарь. С. 503.

⁵⁹⁶ Георги И. Г. Указ. соч. С. 31.

меди»⁵⁹⁷. Особую обувь представляла т. н. *хэхэ-годоһон* предбайкальских бурят, отличавшаяся шишковидным носком, в схватке им пытались поразить противника⁵⁹⁸. По М. Н. Хангалову, древней являлась такая башмаковидная обувь, как камусовые унты, в изучаемое время ее изготовляли из изюбровой или кабарговой кожи⁵⁹⁹. Поршневидная обувь предбайкальских бурят изображена на рисунке «Брацкая шаманка с лица» из книги И. Г. Георги, в связи с этим полагают, что сам по себе факт включения в шаманский костюм указывает на ее древность⁶⁰⁰.

М. Татаринов делил бурятскую обувь на «теплую и холодную», вероятно, подразумевая существование ее сезонных видов.

В зимнее время ноги утепляли, надевая под обувь, войлочные чулки. Также в обиходе были «шубные лоскуты»⁶⁰¹, представлявшие собой куски выделанной собачьей шкуры или овчины.

В убранство мужского костюма, помимо указанного наборного пояса или кушака, входил поясной набор, включавший подвески и подвешиваемые на них нож (однолезвийный, черешковый, прямообушковый) в ножнах, огниво, ложки⁶⁰², крючок для чистки курительной трубки⁶⁰³. Среди ювелирных украшений, известных во второй половине столетия у бурят предбайкальских родов, были: носимые в одном ухе серьги (это было редким явлением⁶⁰⁴); медные браслеты и кольца⁶⁰⁵, перстни⁶⁰⁶.

В источниках XVIII в. указывается типологическое единство женского и мужского костюмов, вместе с тем отмечается специфика одежды женщин. Женская праздничная одежда (халат и шуба) отличалась своим колоритом и эстетикой, в особенности, одежда знатных бурят⁶⁰⁷. Одним из маркеров

⁵⁹⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 134.

⁵⁹⁸ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 207.

⁵⁹⁹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁶⁰⁰ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 81.

⁶⁰¹ Георги И. Г. Указ. соч. С. 31.

⁶⁰² Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 136.

⁶⁰³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁶⁰⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 123.

⁶⁰⁵ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁶⁰⁶ Георги И. Г. Указ. соч. С. 31.

⁶⁰⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 136.

статуса замужней женщины была безрукавка; она была двух видов (длиннополая и короткополая). Для примера, длиннополую безрукавку у селенгинских монголоков в зависимости от материального состояния кроили из хлопчатобумажной китайки или шелка, по краям она украшалась бисером⁶⁰⁸.

Женская верхняя одежда бурят Предбайкалья в зимний сезон состояла из овчинной шубы (крытой, нагольной), длиннополой безрукавки *дэглээ*, имеющей разрез сзади. По Г. Ф. Миллеру, в первой половине XVIII в. безрукавка *Digili* у бедных имела низ из ровдуги, верх из китайки, а у богатых тканью низа такой одежды служила китайка, а – верха – шелк камка; женщины из состоятельных семей украшали такую одежду «мелкими оловянными пластинами», а молодые женщины – по груди и спинке «многочисленными побрякушками (колокольчиками. – А. Б.)»⁶⁰⁹. Понятно, что такое убранство верхней одежды предбайкальских буряток, наряду с их традиционным набором украшений выполняло кроме эстетической функции еще и роль магической защиты от потусторонних сил. Как считалось, блеск и бряцание используемых в убранстве металлических изделий способны отогнать нечисть.

Меховую юбку *бэлэбиши* одевали на шубу, когда путешествовали верхом. Ее шили из волчьих камусов, с объемными карманами для дорожных припасов и разрезом сзади⁶¹⁰. Судя по тому, что другое значение слова *бэлэбиши–бэлхэбишэ* ‘талиа, поясница’⁶¹¹, она первоначально выглядела как меховой пояс, защищавший поясницу. Позднее к поясу понизу стали крепить камусовую надставку, превратив тем самым в юбку, функция которой заключалась в сбережении полов шубы при поездке верхом.

Не может не заинтересовать то, что Я. И. Линденау указывал принадлежность *бэлхэбишэ* к мужскому костюму предбайкальских бурят. Следовательно, в первой половине XVIII в. эта меховая юбка не имела

⁶⁰⁸ Георги И. Г. Указ. соч. С. 42.

⁶⁰⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 131.

⁶¹⁰ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 270.

⁶¹¹ Бурятско-русский словарь. С. 131.

гендерных признаков, представляя обязательный элемент костюма всадника. Якуты, на которых он ссылается, носили аналог бурятской юбки, называемый *belaptschi*, представлявший, как пишет Э. К. Пекарский, «два набедренника из четырехугольных кусков красного или синего сукна или из какого-либо меха, привязывавшиеся к поясу поверх одежды»⁶¹². Очевидно, что конструкция якутской *belaptschi* повторяла указанный выше бурятский набедренник, носимый летом. Параллели бурятской меховой юбке можно найти у некоторых центральноазиатских тюрков (у киргизов и казахов была юбка *бельдемчи*, также надевавшаяся на верхнюю одежду).

К воссозданному М. Н. Хангаловым комплексу женской одежды предбайкальских бурят можно присовокупить те элементы костюма, что изображены на двух рисунках к работе И. Г. Георги («Брацкая баба в Удинском остроге с лица» и «Брацкая баба в Удинском остроге с тыла»), а именно, халат *тэрлиг*, длиннополую безрукавку *дэглээ* и безрукавку-лиф, одеваемую при верховой езде⁶¹³ (Приложение В. Рис. 4, 5).

Прическа замужней бурятки представляла собой две спущенные на грудь косы, которые удлиняли за счет искусственных кос из черных конских⁶¹⁴ или «бумажных» (вероятно, из хлопчатобумажных нитей) волос. Благодаря такому накосному украшению коса достигала талии или даже колен⁶¹⁵.

Г. Ф. Миллер утверждал о схожести женского и мужского головных уборов у бурят. Действительно, имеющиеся у разных авторов сухие указания на бурятские женские шапки в определенной степени подтверждают это. Так, Н. Витсен сообщает о женском головном уборе предбайкальских буряток только то, что «они носят шапки и называют их **малахувы** (выделено нами. — А. Б.) (в другом месте в работе Н. Витсена женский головной убор назван *малахай*, что является более точной передачей общего названия головных

⁶¹² Линденау Я. И. Указ. соч. С. 151.

⁶¹³ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 66.

⁶¹⁴ Георги И. Г. Указ. соч. С. 31.

⁶¹⁵ Путешествие по указу ... С. 38.

уборов у бурят), во время мороза их натягивают на уши»⁶¹⁶. Более определенно выразился по этому поводу Я. И. Линденау: «Женщины носят большие круглые шапки, отороченные лисьим мехом»⁶¹⁷. Г. Ф. Миллер, уточняет, что женские шапки были «круглые и плоские», имели опушку из меха серой лисицы, шириной с ладонь, кроме того, у них «свисает до затылка длинная кисть из шелка или нитей, которая закреплена посередине макушки»⁶¹⁸. По всей вероятности, здесь упоминается третий тип головного убора.

Однако разница в головных уборах все же обнаруживается; в этом можно убедиться, рассмотрев женскую шапку, изображенную на рисунке «Брацкая баба в Удинском остроге с лица» в книге И. Г. Георги⁶¹⁹ (Приложение В. Рис. 4). Шапка имеет низкую, сверху слегка уплощенную тулью, сшитую из семи клиньев ткани, с опушкой из меха.

Наконец, отдельный головной убор представляла налобная повязка *даруулга*, угадываемая на выше упомянутом рисунке (Приложение В. Рис. 4).

Кроме того, в источниках нет указаний на такие шапки, как *бортого*, *шар малгай*, которые определенно должны были быть у буряток Предбайкалья.

Женский набор украшений включал головные («оловянные украшения на ремешках»⁶²⁰, «железная высветленная бляха, завязываемая на затылке»⁶²¹ (вероятно, это – *юбун*, налобное украшение взрослой девушки или молодой замужней женщины)), накосные (парные накосники в виде пошитого из дорогой ткани чехла⁶²², железного кольца или обруча с насечкой серебром, оловянной или медной трубочки, подвески из металла (олова, меди, свинца) или из «стеклянных кораллов» на концах кос), ушные (пара больших серег из олова, меди или серебра, соединенная ниткой бисера или мелких стеклянных

⁶¹⁶ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 149.

⁶¹⁷ Линденау Я. И. Указ. соч. С. 139.

⁶¹⁸ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 127.

⁶¹⁹ Георги И. Г. Указ. соч. С. 30.

⁶²⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 120.

⁶²¹ Басанова Э. Г. Указ. соч. С. 204.

⁶²² Георги И. Г. Указ. соч. С. 31–32.

бусинок⁶²³) и шейно-нагрудные (ожерелье из стеклянных бус с подвесками из небольших круглых оловянных блях⁶²⁴, оловянные бляхи на кожаном ремне (предположительно это были имевшие локальное распространение у бурят Предбайкалья и Западного Прибайкалья *нархинсаг* или *холообшо*)) украшения. Ни один из авторов рассматриваемого времени не упоминает о ношении бурятками наручных, височно-нагрудных и височных украшений.

Еще стоит отметить, что основным сырьем для декоративных изделий, включенных в женский и мужской костюмные ансамбли, служило олово, которое в конце XVII в. попадало бурятам Предбайкалья как награда от русской администрации за службу или в результате обмена с населением бассейна р. Аргунь⁶²⁵.

Верхняя одежда девушки по покрою не отличалась от мужского халата (Приложение В. Рис. 6). Специфичным было включение в нее нагрудника: «У брацких и монголов их (нагрудный лоскут) носят только девушки до тех пор, пока они не выйдут замуж»⁶²⁶. К сожалению, в источниках XVIII в. нет информации, что он собой представлял, но, скорее всего, был декоративно оформлен и закреплялся завязками на шее и поясе. Коль носили его до брачной инициации, то можно предположить, что подобно эвенкийскому нагруднику он символизировал принадлежность девушки к конкретному роду.

Безрукавки девушек были короткополыми и декорировались по лифу и спинке т. н. змеиными головками (монголы, буряты, турки юга и востока Сибири) называли «змеиными головками» раковины каури: например, Д. А. Функ пишет о *т'ылан-баи* 'змеиной голове', украшавшей косы девушек-телеуток⁶²⁷)), бисером, шнурками и брякушками»⁶²⁸. О том, что еще в первой половине столетия такие безрукавки входили в их верхнюю одежду

⁶²³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 123.

⁶²⁴ Путешествие по указу ... С. 38.

⁶²⁵ Витсен Н. Указ. соч. С. 768.

⁶²⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 126.

⁶²⁷ Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993. Вып. XVII. Телеуты. Кн. 2. С. 135.

⁶²⁸ Георги И. Г. Указ. соч. С. 32.

свидетельствует С. П. Крашенинников: «<...> а над поясом медные колокольчики с язычками, над колокольчиками спина оловянными фигурками выложена, напереди змеиные головки нашиты <...>»⁶²⁹. Эта одежда, характерная отдельным группам бурят Предбайкалья, изображена на рисунке «Брацкая девушка в Удинском остроге с тыла» в книге И. Г. Георги (Приложение В. Рис. 2). Она имеет запах направо (Приложение В. Рис. 6, 7, 8), поэтому представляет традицию монгольских народов, а по фасону напоминает безрукавку *хантааз*, получившую распространение у западнобайкальских буряток во второй половине XIX в.

Прическу девушки отличало наличие множества косичек (по Татаринову, их было 20⁶³⁰), которые заплетали вокруг головы. Причиной этого являлась традиция бурят по мере взросления девочки заплетать ей новые косички⁶³¹. При этом их количество у разных этнических подразделений бурят не совпадало. У бурят предбайкальских родов девушка после выхода замуж должна была постепенно уменьшить их число до двух. А у присаянских бурят бытовала своеобразная женская прическа в виде двух кос, каждая из которых сплеталась «из десятка более мелких»⁶³². В ней, как можно убедиться, наиболее очевидным образом фиксировался переход девушки в замужнее состояние и одновременно подчеркивалось единство ее жизни до и после свадьбы. У хори-бурят и селенгинских монголов во время свадебных церемоний невесте расплетали девичьи косички и делали прическу замужней женщины. Сравнив приведенные выше локальные традиции, можно прийти к выводу, что наиболее архаичный характер имела женская прическа у бурят Восточного Присаянья.

В убранстве девичьего костюма важное место занимали украшения: головные (бляха *юбун*, нашивные медные и железные бляхи налобной повязки *даруулга*); накосные («подзатыльники» *саажжа*⁶³³, медные

⁶²⁹ Крашенинников С. П. Указ. соч., 1966. С. 67.

⁶³⁰ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12 об.

⁶³¹ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 34.

⁶³² Астырев Н. М. Указ. соч., 1890. С. 20.

⁶³³ Георги И. Г. Указ. соч. С. 32.

колокольчики⁶³⁴, серебряные монетки, корольки, железные и оловянные бляшки); ушные (серьги); шейно-нагрудные (ожерелье из бисера); нагрудные (медные колокольчики, раковины каури); наспинные (медные колокольчики, нашивные оловянные бляшки⁶³⁵, раковины каури); наручные (перстни, кольца⁶³⁶).

По сравнению с женским и мужским головным убором *тооробио малгай*, околыш на шапочке девушки был шире. Другой девичий головной убор имел меховой околыш и простеганную коническую тулью, крытую тканью.

Стоит упомянуть о бытовании у бурят запретов на ношение одежды представителей другого пола. Данное правило основывалось на традиционном мировоззрении, по которому женщины детородного возраста считались сакрально нечистыми и способными прикосновением осквернить личные вещи мужчин, в том числе его костюм. Уже в источнике конца XVII в. имеются сведения о строгом следовании этому табу⁶³⁷.

Условия природной среды Байкальского региона определили преимущественно комплексный характер хозяйства предков бурят, при этом основой такого хозяйства было скотоводство. Природно-географический фактор обусловил их хозяйственную и этнокультурную специфику: на территории Предбайкалья, прежде всего Южного Приангарья, издавна сложились традиции ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства; в Забайкалье транслировались традиции отгонного скотоводства. Отсюда проистекает и другая черта хозяйственной деятельности предков бурят – пространственная мобильность, выражавшаяся в ежегодных сезонных перекочевках. Внешняя среда благоприятствовала культивированию земледелия на локальных территориях, таким образом в регионе были

⁶³⁴ Катанов Н. Ф. Указ. соч. С. 7.

⁶³⁵ Крашенинников С. П. Указ. соч., 1966. С. 67.

⁶³⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12 об.

⁶³⁷ Хамарханов А. З. Указ. соч. С. 158.

естественные условия для перехода части населения на путь седентаризации. Однако, как показывает история Юго-Восточной Сибири, на ход адаптивных процессов оказывали влияние внешние факторы (политика кочевых государственных образований (хуннов, тюрков, монголов и др.) по поддержанию очагов земледелия и металлургии, менявшая структуру хозяйства; их ослабление и распад в сочетании с притоком в регион кочевых групп из Центральной Азии имел результатом сокращение местного земледелия и рост скотоводства.

Жилищно-поселенческий комплекс бурят унаследовал различные модели предшествующего времени: переносные (конические жердевые постройки, в том числе войлочный чум, войлочную юрту восточномонгольского типа); непереносные (полуземлянку каркасной конструкции, четырехстенную и многостенные срубные жилища). Такое разнообразие жилищ определялось сложным этническим составом бурят и бытованием у них различных форм скотоводства (кочевого, полукочевого и полуоседлого), представлявших их опыт хозяйственной адаптации к природной среде Юго-Восточной Сибири.

Происхождение бурятских жилищ было связано с древними и средневековыми культурами Южной Сибири и сопредельных территорий. Имевшая в зависимости от сезона кожаные или берестяные покрышки коническая жердевая постройка (*бухээг*, *урса*) своими корнями восходит к культуре дотюркских насельников юга Сибири. Предтечей войлочного чума *урса гэр* были конические жердевые сооружения ранних восточно-европейских кочевников, которые через центрально-азиатских номадов попали к далеким предкам бурят. Прототипом войлочной юрты тюркского типа могло быть разборное решетчатое жилище, бытовавшее в хуннскую эпоху у зависимого от хунну кочевого скотоводческого населения Юго-Восточной Сибири. В начале XVII в. у монголоязычных насельников региона были известны неразборная войлочная юрта на телеге и разборная решетчатая юрта монгольского типа; последняя бытовала у баргутов и через

них или через хори-бурят и других мигрантов из Монголии, вероятно, попала к предбайкальским бурятам.

Появление четырехстенной каркасной полуземлянки (*тормо гэр, оток, мухор*) в Байкальском регионе было вызвано продвижением туда древних монголов, часть которых составила этнический компонент средневековых курыкан. Вероятно, четырех- и многоугольные срубные юрты с открытым очагом в центре жилища начали строить в Предбайкалье в период вхождения субрегиона в орбиту влияния енисейских кыргызов и в завершающий этап курумчинской культуры. Зарождение собственно бурятских срубных жилищ стоит связывать с синтезом каркасной полуземлянки и тюркских видов срубной юрты.

Принципы организации жилого пространства у бурят были заложены в дохуннское время, в последующем произошла проекция квадратной формы мира на членение жилища и его условная сегментация, согласно картине мира центральноазиатских кочевников.

Прообразы отдельных предметов домашнего интерьера бурят зародились уже в скифо-сибирское время, в ходе развития скотоводства в Байкальском регионе. В результате торговых и культурных контактов его населения с народами Центральной Азии и Южной Сибири складывался предметно-вещевой комплекс, характерный для внутреннего убранства жилища бурят начала XVIII в.

Истоки комплекса питания бурят берут начало в предшествующих культурах Юго-Восточной Сибири, но его ядро образуют пищевые традиции средневековых монголов и собственно предков бурят, которые, выработав адаптационные стратегии и механизмы, максимально полно использовали биологические ресурсы региона.

Традиционный костюмный комплекс бурят унаследовал элементы одежды, головные уборы и обувь разных древних и средневековых культур (монголо-, тюрко- и тунгусоязычных народов). Определяющим в его становлении была хозяйственная деятельность их предков, в особенности

занятия охотой и скотоводством. В то же время, костюм, как и другие компоненты культуры жизнеобеспечения бурят, представлял собой результат адаптации их предков к природной среде Юго-Восточной Сибири, что проявлялось в особенностях кроя и в составе используемых для пошива мехов и кож диких и домашних животных и проч.

Ареал расселения бурят менял свои контуры, при этом расселение в основном имело дисперсный характер. В их среде сложился долинный тип заселения, а основными были приречная и горно-падевая формы. Известны были три системы поселений: улусная у полуоседлых бурят (Предбайкалье, Восточное Присаянье, Прибайкалье, Западное Забайкалье); улусно-хотонная у полукочевых бурят (Предбайкалье, Восточное Присаянье, Западное Прибайкалье, Западное Забайкалье); хотонная у кочевых бурят (Забайкалье, до второй половины XVIII в. у крупных скотовладельцев других субрегионов).

Традиционно у бурят встречались такие типы поселений, как улус и хотон. Начавшийся процесс перехода на оседлость вызвал появление первых деревень. Все эти поселения, как правило, были малонаселенными. Улус, в отличие от имевшего временный характер хотона, являлся сезонным поселением, застроенным стационарными постройками, и характеризовался беспорядочной формой застройки.

Во второй половине столетия на зимних поселениях у бурят Предбайкалья появились первые дворы с курными избами. Их владельцами являлись представители элиты и крещеные буряты-земледельцы.

Господствующими типами жилищ у бурят были срубная и войлочная юрты, небольшое распространение у них имели жилые постройки каркасной и каркасно-столбовой конструкций, конические жердевые постройки.

К середине XVIII в. у бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья, и у бурят-представителей предбайкальских родов в Прибайкалье и Западном Забайкалье складывается предпочтение срубных юрт с четным числом стен. Престижными у кочевых бурят Забайкалья и состоятельной части бурят

Предбайкалья и Западного Прибайкалья считались войлочные юрты больших размеров, имеющие декоративное оформление деталей.

У этнических сообществ, вошедших в состав бурят, планировка внутреннего пространства жилища и имеющийся в нем предметно-вещевой комплекс были в целом единообразны. Обнаруживаемые в интерьерном комплексе различия были вызваны сложившейся этнокультурной спецификой, социальным и экономическим положением, религиозными симпатиями бурят. Во внутреннем убранстве юрты имела место инкорпорация отдельных предметов иноэтнического происхождения.

В течение XVIII в. комплекс питания бурят находился в довольно статичном состоянии из-за неизменности модели хозяйствования. В это время складываются локальные варианты комплекса питания у бурят Предбайкалья, Восточного Присяянья, Прибайкалья и Забайкалья.

Особо стоит выделить вариант, получивший свое оформление у бурят Прибайкалья, в пище которых важное место заняла рыба, а у ольхонских бурят – еще и мясо байкальской нерпы. Изменения в питании бурят были обусловлены уменьшением роли коллективной охоты, в результате которого сокращалось потребление дикого мяса, расширением пограничной торговли, повлекшим замену традиционного чая из диких трав и корней на китайский, главным образом зеленый кирпичный, чай.

В костюмных комплексах субэтнических подразделений бурят сохранялись типологические различия: южносибирский тип одежды был распространен у бурят Предбайкалья, Прибайкалья, части бурят Восточного Присяянья и Западного Забайкалья, восточноазиатский – у селенгинских монголов и хори-бурят. Модификация затронула отдельные характеристики бурятского костюма: кожу и мех начали замещать китайским и российским текстилем; акцент делался на декоративное оформление элементов костюма. Стало регламентированным ношение выходного костюма элитарной группы бурят. Воздействие русской культуры на костюм бурят в этот период было незначительным и локальным (в Предбайкалье).

На этапе формирования культура жизнеобеспечения бурят занимает в структуре этнической культуры ключевое место, как удовлетворяющая основные витальные потребности человека. Взаимосвязи внутри культуры жизнеобеспечения были менее осязаемы, чем связи с другими компонентами этнической культуры (в особенности с хозяйством). Можно привести в качестве примера взаимосвязь между системой питания и утварью, изготовляемой и предназначенной для хранения пищи (животного и растительного происхождения).

ГЛАВА II.

Развитие культуры жизнеобеспечения бурят в контексте политики и практики седентаризации (первая половина XIX века)

Вступление в следующее, XIX столетие для бурят ознаменовалось усилением влияния на их культуру ранее себя слабопроявлявших факторов: политики седентаризации, смены религиозной принадлежности (принятие буддизма и православного христианства). Кроме того, в первой половине XIX в. в Байкальский регион заметно увеличивается миграция из европейской части Российской империи и Западной Сибири, приводящая к росту крестьянского и другого населения (в том числе ссыльных и каторжан) не только в Предбайкалье, но и в Восточном Присаянье, Восточном Прибайкалье, Забайкалье. Высокие темпы демографических показателей у бурят вместе с увеличением русского населения в регионе начинают обострять вопросы землепользования и землевладения.

Бурятское хозяйство все более включалось в торгово-экономические отношения, складывавшиеся в Юго-Восточной Сибири, как территории приграничной, через которую шел основной поток внешней торговли с Цинской империей, и в то же время части Восточной Сибири, нуждавшейся в увеличении товарного хлеба, мяса и другого сельскохозяйственного продукта. Потребности растущих городов Иркутской губернии, казенных заводов и русского сельского населения в бурятских изделиях и услугах подстегивали как расширение традиционных отраслей хозяйства, так и переключение части активного бурятского населения на новую экономическую деятельность (рыболовство, извозничество, строительство домов и т. д.).

Изменения, произошедшие в административно-территориальном устройстве бурят после утверждения «Устава об управлении инородцев» 1822 г., ускорили процесс оформления отдельных территориальных подразделений и сложение в целом внутренней структуры бурятского

народа. В результате организации 11 бурятских Степных дум и некоторых других, более низкого порядка, административно-территориальных образований возникли такие территориальные группы, как нижнеудинские, балаганские, аларские, идинские, верхоленские, кудинские, тункинские, окинские, закаменские, ольхонские, кударинские, селенгинские, хоринские, агинские, баргузинские буряты. Взаимообусловленные процессы сложения единого народа и появления различных этнотерриториальных и этнолокальных групп приводили к развитию как общих тенденций, так и локальной специфики в этнической культуре бурят.

Попытки управления государством хозяйственной жизни во вновь образованных бурятских ведомствах, закрепление законом самоуправления бурят, контроль над деятельностью управленческой элиты бурят и буддийских иерархов, и одновременно поддержка их законной деятельности – все это отражалось на внутреннем развитии бурятского общества и его экономики.

В данном разделе работы мы постараемся показать развитие в первой половине XIX в. культуры жизнеобеспечения бурят с учетом складывавшихся у них территориальных сообществ и в контексте изменений, имевших место в их социально-экономической жизни. Источниками для исследования являются архивные, статистические, мемуарные и др. материалы; в сравнении с ранее рассмотренным периодом значение архивных сведений для реконструкции истории культуры жизнеобеспечения существенно возрастает. К сожалению, за отсутствием исторических источников мы не можем в полной мере представить исследование темы по всем бурятам (в частности по присаянским).

Как уже было сказано, трансформация традиционного хозяйства бурят происходила под воздействием растянутой во времени и не всегда последовательной в принятии необходимых административных и экономических мер политики седентаризации; при этом темпы изменений,

затронувших экономики разных территориальных групп, заметно варьировали.

Наибольших успехов политика российского государства по приобщению бурят к оседлому образу жизни достигла у бурят Предбайкалья. Причина этого крылась как в благоприятных для земледелия природно-климатических условиях Южного Приангарья и Верхоненья, так и в совокупности других факторов (наличии автохтонных традиций земледелия и сенокоса у предков предбайкальских бурят, широких этнокультурных контактов бурят с пришлым русским населением; возникновении вследствие ассимиляции части бурят метисированных групп, принявших православие, перешедших на оседлость и занятых крестьянским трудом). Политика седентаризации сочеталась с христианизацией бурят, в ходе которой русская церковь перешла от практики принятия христианства преимущественно по убеждению, осуществлявшейся в XVIII – начале XIX в., к насильственному массовому крещению предбайкальских и присаянских бурят, начало которому было положено в 1830-е гг.

В отличие от Предбайкалья, природные условия большей части Прибайкалья, Западного Забайкалья и Нижнего Прионенья не подходили для земледелия, поэтому переход от кочевого и полукочевого скотоводства к полуоседлой и оседлой его формам сдерживался. В деле воцерковления бурят Прибайкалья и Забайкалья православные миссии действовали более тонко, чем в Предбайкалье и Восточном Присаянье, не допуская грубого принуждения к вере. Но особых успехов в крещении последних они не добились, что, в частности, объяснялось усилившимся влиянием буддизма в Забайкалье, во второй половине столетия превратившегося в религию большинства бурят субрегиона. Тем не менее, среди забайкальских бурят существовала группа т. н. карымов или ясачных, также во всех территориальных группах сложился слой оседлых бурят, развивавших земледелие и другие сельскохозяйственные отрасли.

Особую роль в осуществлении седентаризации русская администрация отводила родоплеменной знати, лояльность которой была обеспечена введением во второй трети XVIII в. системы наследственно-административных званий, напоминавшей порядок наследования административных должностей, известный в то время у монголов. Практика различных вознаграждений (награждения орденами и медалями, именным холодным оружием, денежными подарками и др.) и получения особо отличившимися российского дворянства и гражданских чинов применялась по отношению к представителям управляющей элиты бурят, которые теперь не только исполняли административно-судебные функции, в том числе осуществляли сбор и сдачу ясака в казну, но и занимались привитием своим подопечным элементов оседлой жизни (домостроительства, земледельческих занятий (землепашества, сенокосения и огородничества)).

Принятие «Устава об управлении инородцев» 1822 г., унифицируя систему управления и налогообложения аборигенного населения Сибири, дало тренд для развития экономик коренных народов региона на основе общих для России принципов и механизмов. В соответствии с Уставом, буряты были разделены на кочевых и оседлых инородцев. Несколько предваряя события, скажем, что с развитием седентаризационных процессов у бурят и ростом среди них полуоседлого населения все громче становились голоса тех из числа власть придержащих, кто требовал отмены системы управления сибирскими аборигенами, заложенной М. М. Сперанским.

Ситуация первой половины XIX в. характеризовалась увеличением переселенцев, в основном русских крестьян, которые зачастую самовольно захватывали пастбищные и сенокосные угодья предбайкальских бурят. В результате этого и государственной политики седентаризации в жизни значительной части данных бурят произошли изменения, о которых пишет современник: «<...> все иркутские буряты, исключая ольхонских, тункинских и части аларских, не имея обширных земель и бывши перемешаны с русскими селениями, постепенно отстают от кочевой жизни.

Все они живут в деревянных юртах, а у некоторых построены даже дома»⁶³⁸. По мнению И. Б. Батуевой, с которым мы целиком согласны, смена хозяйственно-культурного типа у бурят субрегиона, начавшись в середине XVIII в., заканчивается к середине XIX в.⁶³⁹. Некоторые исследователи относят превращение хозяйства у данного субэтноса в земледельческое (по А. С.-Д. Балдановой, в земледельческо-скотоводческое) к концу столетия⁶⁴⁰.

Земледелие у данных бурят получило товарную направленность, зерно ими поставлялось в города, на казенные заводы и прииски Восточной Сибири. Прогрессу земледельческого хозяйства у бурят способствовали осуществляемые властью меры по внедрению в их сельскохозяйственное производство российского и зарубежного опыта, а также этнокультурные заимствования у русского аграрного населения (организация ветеринарной службы, разведение новых пород скота и агрокультур, перенятие двухпольной системы севооборота, а затем в конце столетия и – трехпольной, практики огораживания покосными сенокосных угодий, распространение современных типов орудий труда (косы-литовки, колесного плуга и др.) и транспортных средств). Заметим, что, например, в Предбайкалье межкультурное взаимовлияние проявилось в рецепции русскими адаптированного к природно-климатическим условиям субрегиона бурятского опыта орошения и унавоживания покосов. До конца столетия происходило расширение посевных площадей под картофель, зерновые (особенно под яровую рожь) и овощные культуры, а также увеличились сенокосные угодья.

Обратной стороной массового занятия земледелием в первой половине XIX в. явилось сокращение домашнего стада, данный процесс побудил власти обратить серьезное внимание на культивирование сенокосения у бурят и, тем самым, предотвратить наметившийся дефицит мясных продуктов, шерсти и кож на региональном рынке. Проблема заключалась, в

⁶³⁸ Гирченко В. П. Указ. соч. С. 55.

⁶³⁹ Батуева И. Б. Указ. соч., 1992. С. 23.

⁶⁴⁰ Балданова А. С.-Д. Указ. соч.; Курышов А. М. Указ. соч. С. 79.

том числе, в нежелании бурят поддерживать большое скотоводческое хозяйство, экономически более целесообразным для них было занятие сенокосением по причине имевшегося дефицита сена у русских крестьян, которые, в отличие от бурят, стремились расширять домашнее стадо⁶⁴¹. Однако, несмотря на усилия государства, нехватка кормов для домашнего скота ощущалась в хозяйствах у ряда территориальных групп бурят⁶⁴².

Продукты бурятского скотоводства не только были востребованы на внутреннем рынке, но и пользовались определенным спросом в соседних Монголии и Китае, поэтому, например, скотоводство забайкальских бурят, имевшее товарный характер, приносило ежегодную прибыль представителям разных социальных групп бурят субрегиона (по выданным билетам в приграничной торговле участвовали как светское (родоначальники и рядовые араты), в том числе военно-служилое (казаки) население, так и духовные лица (буддийские ламы)). В отличие от бурят Забайкальской области, предбайкальские и присаянские буряты ограничивались продажей мяса и обработанных кож преимущественно на рынках Иркутской губернии, обеспечивали шерстью и кожным сырьем местные мануфактуры и фабрики (мыловаренные и суконные).

2.1. Система расселения, жилища и хозяйственные постройки

Анализируя развитие жилищно-поселенческого комплекса у бурят в первой половине XIX в., нужно обратить внимание на следующее обстоятельство: на развитие поселений и жилищ подспудное влияние оказывают решения русской администрации и деятельность православной церкви. Приобщение бурят, как впрочем, и некоторых других аборигенных народов Сибири, к домостроительству в русских традициях было возведено в ранг внутригосударственной политики. Это прекрасно иллюстрирует указ Иркутского губернского правления за 1815 г. о назначении Жигмита

⁶⁴¹ Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 361.

⁶⁴² Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 212.

Цуванова четвертым хоринским тайшой. Сразу оговоримся, что содержание этого документа повторяет лейтмотив указов более раннего и более позднего периодов, прямо обращенных к вновь назначаемым бурятским родоначальникам (Приложение Б. Док-т 1).

Православная церковь продолжала политику отделения бурят-христиан от основной массы народа, иницируя при поддержке губернской и окружных администраций процесс образования отдельных деревень из крещеных бурят, теперь уже на землях самих инородческих ведомств. Вместе со сменой веры эта часть бурят круто меняла и весь уклад жизни, становясь земледельцами и деревенскими жителями.

Согласно Седьмой ревизии 1815 г., в Иркутской губернии проживало 73158 бурят – душ мужского пола: в Иркутском уезде их было 27854 (96,21 % инородцев уезда), в Нижнеудинском уезде – 1109 (82,09 %), в Верхнеудинском – 34195 (96,62 %) ⁶⁴³. Изучение официальной статистики (Табеля о ясачных сибирских губерний, приложенного к отчету М. М. Сперанского ⁶⁴⁴) показывает, что: основными формами хозяйства у инородцев Иркутского уезда (бурят и эвенков) были скотоводческо-земледельческое (32,5 % ревизских душ мужского пола (далее – д. м. п.) имели такую форму хозяйства), земледельческое (31,9 %) и охотничье-рыболовное (15,6 %) (скотоводством были заняты 5,36 % д. м. п., а комплексным скотоводческо-земледельческо-охотничьим хозяйством – 7,27 %); между тем у инородцев Нижнеудинского уезда (бурят и тофаларов) наибольшее развитие получили многоотраслевое (скотоводческо-земледельческо-охотничье) (58,7 % д. м. п. вели такую экономику), охотничье-рыболовное (21,6 %) и земледельческое (12,07 %) хозяйства, причем наличие скотоводческой и скотоводческо-земледельческой форм экономики у них не отмечалось; наконец, у инородцев Верхнеудинского уезда (бурят и эвенков) первенствовали следующие формы хозяйства – скотоводческо-земледельческое хозяйство (занято 48,15 % д. м.

⁶⁴³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.

⁶⁴⁴ Там же.

п.), земледельческое (10,39 %) и скотоводческое (7,05 %), а вот охотничье-рыболовное хозяйство вели 5,46 % д. м. п., комплексное только – 4,02 %. Приведенная выше иллюстрация развития в 1815 г. инородческого хозяйства (прежде всего бурятского) в Иркутской губернии, несмотря на существующие подозрения в погрешностях статистики того времени, наглядно демонстрирует, что, во-первых, в экономике инородцев имели место изменения, проявившиеся в снижении роли скотоводства при возрастании значения земледелия (кочевое скотоводство, вероятно, отсутствовало у нижнеудинских бурят, в других уездах Иркутской губернии его доля была невысокой (у забайкальских бурят она была повыше, у предбайкальских, присаянских и ольхонских – ниже), во-вторых, у всех бурят (за исключением нижнеудинских бурят) преобладала смешанная форма экономики, основными отраслями которой выступали скотоводство и земледелие; иными словами, полуоседлое и в некоторой части полукочевое население составляли ядро бурятского общества начала XIX в.

Теперь приведем общую справку о числе бурятских поселений на начало столетия. В 1820 г. в Иркутском уезде насчитывалось 88 инородческих населенных пунктов (зимних улусов и деревень) (четверть от зарегистрированных поселений в уезде), в Нижнеудинском – 20 (примерно 10 % от числа поселений), в Верхнеудинском – 58 (каждое пятое селение)⁶⁴⁵. Держа в уме, что доминирующим по численности аборигенным народом в Байкальском регионе были буряты (зная, что большинство эвенков и тофаларов не были оседлыми), можно с уверенностью утверждать, что наиболее оседлыми (точнее, полуоседлыми) были нижнеудинские буряты, за ними следовали буряты Иркутского уезда, и замыкали буряты Верхнеудинского уезда.

Для более ясного представления о тех процессах, которые в исследуемый период протекали в сфере поселений и жилищ бурят,

⁶⁴⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 236 об.

рассмотрим данные по территориальным группам бурят; начнем с бурят Предбайкалья.

Предбайкалье

Начиная с 1670–х гг., у балаганских бурят появляются первые оседлые⁶⁴⁶. В течение изучаемого периода их доля среди бурят Балаганского ведомства заметно выросла (Приложение А. Табл. 1). В 1840 г. оседлые буряты, численностью в 3075 чел., проживали в 27 селениях, где располагались 562 дома (в среднем на одно селение приходился 21 дом); при этом средняя численность жителей такого селения составляла более 110 чел., а семья у них в среднем состояла из 5 чел. Среди наиболее крупных поселений оседлых бурят можно назвать Тыретское селение (382 чел.) и Тагнинское (174 чел.). Во многих из этих населенных пунктов имелись кузницы и экономические магазины, рядом с некоторыми из них были построены плотинные водяные мельницы.

Между тем в 1840 г. в Балаганском ведомстве полуоседлые буряты имели 93 зимних поселения – улуса, в которых было 2757 деревянных юрт⁶⁴⁷. В одном таком улусе в среднем проживало 175 чел. в 30 срубных юртах, а это значит, что, оставаясь малодворным населенным пунктом, средний улус представлял более крупное поселение, чем среднестатистическая деревня оседлых бурят.

В зимнем улусе двор имел свободную застройку, на нем располагались срубная юрта, изредка «черная» (у бурят известная как «зимовье») или «белая» изба, и ряд хозяйственных построек (амбар, погреб, холодные и теплые постройки для содержания скота (хлев, загон и др.); он огораживался изгородью. Во дворе у оседлых и многих полуоседлых бурят был срубный овин для высушивания снопов. Так, в 1829 г. у балаганских бурят находилось 1019 овинов, в 1848 г. – уже 1642.

⁶⁴⁶ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 276. Л. 129 об.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 57 об.

На летниках у этих бурят были выстроены жилые срубные юрты. В 1848 г. таких юрт в Ведомстве насчитывалось 2850 юрт, в то же время в зимних улусах их было 3020⁶⁴⁸. В источнике названо общее число изб, имевшихся у данных бурят, – 2329, но надо оговориться, что в него были включены дома и полуоседлых, и оседлых бурят. Как ранее было указано, в среднем семья оседлого бурята состояла из 5 чел., а в упомянутый выше год их численность достигла 4166 чел., тогда речь может идти о приблизительно 830 избах. Соответственно, порядка 1500 изб имелось на зимниках у полуоседлых бурят, значит, баланс между срубными юртами и избами у них составлял 2 к 1. Другими словами, владельцами изб была лишь половина семей. В 1829 г., согласно документам, в Ведомстве насчитывалось 3853 срубных юрт и 1238 изб. Исходя из того, что в то время удельный вес оседлых в составе балаганских бурят был величиной малозначительной, а также помня, что у полуоседлых бурят число срубных юрт в летнем и в зимнем поселениях почти совпадало, можно предполагать у них такой баланс между срубными юртами и избами: 1,5 к 1. Таким образом, в первой половине XIX в. у балаганских бурят сложилось явное предпочтение жизни в срубной юрте.

Можно также прийти к мысли о том, что летом они жили очень скученно – в юрте обитало в среднем 7 чел., а зимой – в менее стесненных условиях. На деле положение вещей могло быть иным, если прислушаться к замечанию Ю. А. Гагемейстера: «Они (предбайкальские буряты – А. Б.) только на лето отходят со скотом на новые пастбища, соседние с зимними, а иные и вовсе не оставляют места зимнего пребывания, и возле деревянной юрты раскидывают войлочную кибитку, более прохладную тесной избе»⁶⁴⁹. Из этого текста можно вывести, что, во-первых, расстояние между зимниками и летниками обычно было небольшим, во-вторых, вполне вероятно, что вопреки официальной статистике, не фиксировавшей число

⁶⁴⁸ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 508. Л. 47.

⁶⁴⁹ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 98.

войлочных юрт, у балаганских бурят и части других предбайкальских бурят эти юрты, как и в XVIII в., использовались сугубо как летнее жилье. Ну и самое важное, часть бурят, как и прежде, просто не покидала зимники и являлась их постоянными насельниками.

В первой половине столетия динамика прироста оседлых в составе кудинских бурят была едва заметной (Приложение А. Табл. 2). Оседлые буряты в Кудинском ведомстве проживали в двух населенных пунктах – Усть-Ордынское и Курское. По данным на 1843 г. в них было всего 25 домов (в среднем на каждое поселение приходилось по 12 домов с населением в 60 чел.), к 1852 г. они становятся крупнее (в среднем в них обитало более 100 чел.).

В течение всего изучаемого периода расселение кудинских бурят шло по-нарастающей: в 1832 г. насчитывалось 88 поселений, в 1843 г. – 112, в 1852 г. – уже 130. На примере 1842 г. можно видеть, что в их родовых подразделениях баланс между летними и зимними поселениями варьировал: в пяти родах он был равным; в семи родах летних поселений было больше, чем зимних⁶⁵⁰; в Четвертом Харанутском и Шаралдаевском родах летников было меньше, чем зимников. Общая тенденция, тем не менее, была несколько иной – количество зимних улусов за десятилетие (1832–1842 гг.) стремительно возросло с 29 (33 % улусов) до 64 (57 %).

Появление новых населенных пунктов привело к падению средних показателей численности жившего в них населения. В начале 1830–х гг., когда поселений не становилось больше, число жителей в них в среднем ненамного увеличилось (с 290 до более 300 чел.) (по подсчетам Е. М. Залкинда, в 1837 г. в среднем на каждый зимний улус приходилось по 194 жителя⁶⁵¹). В 1840–е гг. возникают новые поселения, и, естественно, понижается усредненный показатель числа жителей в одном улусе (молодые поселения на первых порах были малонаселенными).

⁶⁵⁰ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 409. Л. 5 об.

⁶⁵¹ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 222.

Вместе с тем менялась структура типов жилищ у кудинских бурят. Жилищный фонд в Кудинском ведомстве за период 1832–1850 гг. вырос по деревянным юртам на 56 % (с 3765 до 5890⁶⁵²), – по домам еще больше – на 85 % (с 1170 до 2164). Отсюда надо заключить, что опережающим было развитие домов.

В изучаемый период доля срубных юрт на зимних улусах в целом понизилась, но однозначного проявления предпочтения русских изб мы все же не наблюдаем (Приложение А. Табл. 3).

Как можно понять из источников, в зимнем улусе кудинских бурят двор имел свободную застройку, помимо жилых помещений (срубной юрты и курной избы), на его пространстве возводили хозяйственные постройки (амбары, загоны, утепленные стойки для скота), его обносили изгородью⁶⁵³. В зимних улусах и деревнях заводили родовые кузницы, в отдельных поселениях строили экономические магазины, начиная с середины 1830–х гг., кудинские буряты занимаются мукомольным производством, с этой целью заводят водяные мельницы (в середине века их количество достигло 8⁶⁵⁴) (Приложение Б. Док-т 2).

В 1810–и гг., в Верховенском ведомстве число хозяйств в улусах колебалось в диапазоне от 15 до 171⁶⁵⁵. Многолюдными были Хойботский (более 850 чел.), Харагуйский (более 600 чел.) и Тотский (более 500 чел.) улусы. Число жителей среднестатистического улуса достигало 200 чел., т. е. поселения были в основном среднего размера.

Динамика роста числа поселений была следующей: в 1817 г. имелось 50, в 1834 г. – 58, в 1836 г. – 65. В 1840–1841 гг. из Ведомства выделяется Ленская инородная управа и учитываемых населенных пунктов, естественно, становится меньше. До 1850 г. дальнейшего расселения не происходило за

⁶⁵² Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 224.

⁶⁵³ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 3.

⁶⁵⁴ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338. Л. 73 об.

⁶⁵⁵ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 220.

исключением возникновения трех новых населенных пунктов (Хоготовского и Олзоновского улусов, Третьей Басидаевской деревни).

Как показывает проведенный Е. М. Залкиндом анализ, структура поселений за период с 1817 по 1836 г. серьезно не изменилась – преобладали в ней населенные пункты с числом жителей от 200 до 400 чел. (75,4 % поселений)⁶⁵⁶. Важно замечание, которое сделал исследователь, о тенденции укрупнения улусов, а при достижении определенного предела в развитии дробления их на новые улусы.

Из приводимой в архивных документах статистики следует, что в основном поселения представляли зимние улусы – в 1834 г. их было 32 (59 % поселений), в середине столетия – 38⁶⁵⁷. Они находились достаточно близко друг от друга, примерно в 1–5 км, отдаленными являлись два из них (Шонтойский и Третий Хурайский), которые были на расстоянии соответственно 15 и 43 км от близлежащих населенных пунктов (Приложение Б. Док-т 3). Население среднего улуса составляло 110–115 жителей.

Соотношение между срубными юртами и избами в жилищно-поселенческом комплексе у верхоленских бурят менялось в сторону первых, т. е. предпочтительной считалась жизнь в многоугольной юрте: до середины 1820–х гг. такой баланс выглядел как 3,2 к 1, во второй половине 1820–х гг. – 3,9 к 1. В 1850 г., по данным Е. М. Залкинда, деревянных юрт было 3676, домов – 1610⁶⁵⁸, соотношение стало 2,3 к 1, что демонстрирует, с одной стороны, поступательный рост числа домов, с другой, падение строительства юрт. Сравнение данных 1834 г. и 1850 г. вызвало у исследователя предположение об ошибочном отнесении составителями отчета известных по материалам второй половины XVIII в. «теплых домов без пола и крыши» к срубным юртам, с чем мы не можем согласиться. Обращение к цифрам 1834 г. (2700 юрт и 2570 домов) и сопоставление их с выше приведенными

⁶⁵⁶ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 221.

⁶⁵⁷ Там же. С. 220–221.

⁶⁵⁸ Там же. С. 224.

табличными сведениями подталкивают к мысли, что, во-первых, в документе было указано число только зимних юрт, во-вторых, сомнение вызывает указанное количество домов (за восемь лет их становится больше в два раза).

Предположительно до 1830-х гг. у верхоленских бурят еще были распространены войлочные юрты, к этому выводу можно прийти, изучив отчет Верховенской думы за 1834 г.; в нем сообщается общее число деревянных и войлочных юрт – 2700⁶⁵⁹. Безусловно, эта цифра отражает, прежде всего, состояние дел с бревенчатыми юртами.

Отмеченная выше черта жилищно-поселенческого комплекса у бурят Предбайкалья, когда их полуоседлая часть имела бытовые условия на зимнике лучшие, чем на летнике, проявилась и у верхоленских бурят. В отличие от полуоседлых, оседлые буряты жили более скученно: так, по данным на 1823 г., в 68 избах обитало 635 оседлых бурят⁶⁶⁰, получается, в одном доме размещалось порядка 9 чел., между тем в зимнем улусе полуоседлые буряты жили по 5 чел. Такие стесненные условия жизни у оседлых бурят могут указывать на то, что они, во-первых, относились к бедноте, во-вторых, жили неразделенными семьями, возможно состоявшими из трех поколений близких родственников.

В упомянутый выше год они составляли 3,9 % верхоленских бурят, но, к 1835 г. их удельный вес в структуре населения Ведомства опустился до 2,3 %⁶⁶¹. Все они компактно проживали в нескольких деревнях.

Общественные здания (экономические магазины, ледники, пожарные сараи, тюремные избы и др.) располагались в улусах, где размещались Степная дума или подчиненные ей родовые управления⁶⁶². Рост земледелия у верхоленских бурят стимулировал мукомольное дело; в 1823 г. у них насчитывалось 6 водяных мельниц. Любопытно, что их хозяйство отличалось от экономики большинства территориальных групп бурят Предбайкалья,

⁶⁵⁹ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 223.

⁶⁶⁰ ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

⁶⁶¹ ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 184. Л. 19 об.

⁶⁶² ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

занятых главным образом скотоводством и земледелием; по М. М. Геденштрому, у них доминировало скотоводство и охота⁶⁶³. При этом у данной группы бурят, как мы могли убедиться, получила развитие форма полуоседлого хозяйства, а не полукочевого. Вероятно, на это повлияли природно-ландшафтные условия зоны их проживания.

В 1830 г. в Аларском ведомстве насчитывалось 9803 полукочевых и полуоседлых бурят (96,3 % аларских бурят) и 376 оседлых (3,7 %). Через 17 лет, в 1847 г., картина остается прежней – практически не изменились как общая численность данных бурят, так и пропорции между вышеназванными группами: было 9809 полуоседлых и полукочевых (96,3 % аларских бурят) и 376 оседлых (3,7 %)⁶⁶⁴. Другими словами, в первой половине XIX в. у аларских бурят не наблюдалось демографического прироста, не было у них и заметного перехода на полную оседлость. Так же как и у остальных предбайкальских бурят, у полуоседлых аларских бурят сохранялась система ежегодных перекочевок с зимников на летники и обратно. Часть этих бурят, ведшая полукочевое хозяйство, благодаря земельному простору в Ведомстве, имела только зимние улусы.

Изменение пропорции между зимними и летними улусами произошло в промежутке с 1841 г., когда полуоседлые и полукочевые буряты располагали 21 зимними и 33 летними поселениями, и 1847 г., когда они проживали в 32 зимних и 21 летних поселениях. Возникновение за столь короткий исторический срок обратной пропорции в сезонных поселениях труднообъяснимо. Одно можно сказать наверняка – обозначившийся перевес в числе зимников нужно отнести на счет полукочевых бурят.

Развитие жилищного строительства у аларских бурят можно проследить по данным за период 1841 по 1850 гг., согласно им, получается, что имелся рост деревянных юрт на 11,3 % (с 3256 до 3625), и падение числа

⁶⁶³ Геденштром М. М. Указ. соч. С. 77.

⁶⁶⁴ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 62. Л. 29, 31 об.

домов на 22,4 % (с 2650 до 2057). Считается, что такое уменьшение домов было обусловлено миграцией оседлых в русские селения⁶⁶⁵.

Население зимнего поселения в среднем доходило до 306 чел. Сопоставление зимних улусов полуоседлых и полукочевых бурят и деревень оседлых бурят (их было в Ведомстве 4) показывает, что зимние поселения первых были более густонаселенные, а учитывая разбросанность дворов в них, то и крупнее, чем деревни оседлых бурят (в среднем в одной деревне проживало 94 чел.).

Основным типом жилища и на зимних, и на летних поселениях полуоседлых бурят были шести-восьмистенные срубные юрты; оседлые буряты жили в избах, полукочевые – летом пользовались войлочными юртами, зимой – бревенчатыми юртами.

Ареал расселения этнолокальной группы нижнеудинских бурят был известен как «Нижнеудинская земля». К началу XIX в. они утратили степные просторы, лежавшие вдоль Московского тракта и к северу от него⁶⁶⁶, и были вынуждены менять образ жизни, переходя к более оседлому существованию. На смену небольшим сезонным поселениям в 3–10 юрт, характерным им в предшествующий период, пришли малодворные улусы (в 1823 г. численность этих бурят достигала всего 1058 д. м. п.⁶⁶⁷, которые жили в 20 поселениях, т. е. с учетом женского населения в одном таком населенном пункте проживало чуть более 100 чел. (20 дворов).

В первой половине XIX в. буряты Предбайкалья занимали степные участки, из которых наиболее крупными в Иркутском округе были Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верховенская и Тарская степи⁶⁶⁸. Испытывая давление расширяющейся миграции русских в субрегион и собственный демографический рост, они переходят в границах своих ведомств от заселения преимущественно приречной формы к некоторым

⁶⁶⁵ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 77.

⁶⁶⁶ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 255.

⁶⁶⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 48. Л. 143.

⁶⁶⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

другим формам расселения. Архивные источники подтверждают, что критерии выбора месторасположения поселений у них не менялись с XVIII в.: «<...> имеют постоянным местом в падах и около лесов юртами, построенными из лесу, около речек, ключей, и некоторые в зимнее время на сухих местах»⁶⁶⁹. Действительно, летние поселения располагались на местах выпасов скота у естественных водоемов и солончаков, а зимние улусы, как указывает источник, старались строить в местности, закрытой от ветра возвышенностью (горой или холмом) и лесом, и обеспеченной водными ресурсами. Заметим, что в традиции предбайкальских бурят было окружение зимников сенокосными угодьями и пашнями, которые унаваживались с осени по весну, а в летнее время орошались водой из горных рек и ручьев. Н. С. Щукин, путешествовавший в начале 1830-х гг. в Предбайкалье, посвящает такие строчки описанию зимних улусов: «<...> зимние юрты их (идинских бурят – А. Б.) бывают на тех местах, где летом косят траву; в продолжение зимы навоз складывается в кучи, и весною разгребаются по полю; между тем Буряты перекочевывают в летние юрты, и к Июлю на унавоженном лугу вырастает прекраснейшая трава»⁶⁷⁰. Добавим, что после сенокоса трава успевала вновь вырасти до появления снежного покрова, и зимой домашний скот имел сочный подножный корм⁶⁷¹.

Принципы организации освоенного пространства с выделением отдельно сакральных мест, жилой территории поселения и хозяйственных угодий, не изменились с предшествующего периода. Типы поселений (деревня, зимний и летний улусы), как мы могли убедиться, также оставались прежними. Планировка улуса, как и ранее, имела гнездовой тип, но в ней проявились элементы нового. Так, оседлые и полuosедлые буряты Предбайкалья по примеру русских крестьян начинают огораживать пахотные и сенокосные угодья т. н. поскотинами – городьбой, которая защищала посе­вы и траву от потравы, а вблизи домов и юрт заводить телятники –

⁶⁶⁹ ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 73–73 об.

⁶⁷⁰ Щукин Н. С. Указ. соч., 1833. С. 19.

⁶⁷¹ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 102.

специально огороженную территорию для выпаса телят. В поселениях, где располагались Степные думы или инородческие управы были возведены общественные здания срубной постройки, которые организовывали административный центр такого населенного пункта, включавший здание Степной думы, амбары экономического магазина, морг/«ледник», иногда тюремную избу и приходское училище (такие небольшие образовательные заведения, существовавшие на общественные средства, были открыты по одному в Балаганском (1818 г.) и Идинском (1816 г.) ведомствах⁶⁷², в Аларском их было два⁶⁷³). В пределах некоторых поселений возникли стационарные кузницы, опыт строительства которых был перенят у русских (в XVIII в. кузниц у бурят не было), они находились на расстоянии от жилой части улуса. Кроме того, недалеко от поселений начали появляться частные мельницы, при которых строились жилые помещения.

Формирование дворов происходило на зимних улусах; в зависимости от состоятельности их владельцев, принадлежности к конкретной территориальной и хозяйственно-бытовой группе они могли быть одночастные или двухчастные. Двор имел свободную застройку и в его планировке исходили из негласного правила: жилище (юрта и/или изба) с коновязью помещались на юго-восточной стороне двора и уже за ним находились кладовые (амбар и погреб), скотные и хозяйственные постройки (в двухчастном дворе они представляли его переднюю часть); на задней части у двухчастного двора имелись гумно с овинном, иногда небольшой огород. Ко двору прилегал утуг.

Письменные источники подтверждают трансляцию традиции проживания предбайкальских бурят в многоугольных срубных юртах, главным образом в шестистенных⁶⁷⁴ (Приложение В. Рис. 9). Вероятно, строительство асимметричных юрт в это время почти прекратилось. Из описания, данного Г. Н. Спасским, можно вынести, что юрта в первой

⁶⁷² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 366–366 об.

⁶⁷³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 67. Л. 36.

⁶⁷⁴ Спасский Г. Н. Указ. соч., 1822. С. 43; Эйрие. Указ. соч., 1839. С. 237; Щукин Н. С. Указ. соч., 1833. С. 17.

половине XIX в. не понесла каких-либо заметных конструкционных изменений⁶⁷⁵. Возникшая во второй половине XVIII в. традиция застилать полы в юрте у состоятельных бурят получила продолжение⁶⁷⁶. Инновацией явилось начало использования в качестве кровельного материала для срубных юрт драни и теса, опыт применения которых был воспринят от русских. Данные кровельные средства получили распространение и в строительной практике других бурят.

Как выше говорилось, в делопроизводственных документах нет упоминаний о проживании предбайкальских бурят в войлочных юртах, но из этого не следует, что этот тип жилья вовсе исчез у них. В этом мы убедились на примере балаганских, верхоленских и аларских полукочевых бурят. М. А. Кастрен, побывавший в 1840–е гг. в Предбайкалье, указывает, что войлочная юрта сохраняется в быту бедняцкой части бурят. Он, в частности, пишет, что «Различие между богатыми и бедными видно было, прежде всего, в типах жилищ. Бедняки круглый год жили в войлочных юртах, и даже в шалашах, сделанных из бересты и покрытых хворостом и сеном <...> Бедный бурят живет обыкновенно в дымной, дырявой войлочной юрте, плохо защищающей его от зимних бурь»⁶⁷⁷. Вероятно, в архивных источниках эта категория полуоседлых бурят фигурирует как относительно немногочисленная группа бездомовых, т. е. тех, кто не имел собственного срубного дома или юрты. Представляется важной информация о сохранении, казалось бы, давно отживших видов жилья у бедной части бурят. Но, любопытнее то, что войлочная юрта, считавшаяся в предыдущем столетии летним жилищем состоятельных бурят, становится теперь постоянным жильем бедняков. Причина такой метаморфозы, помимо выше указанных экономических обстоятельств, возможно, скрывается в переоценке предбайкальскими бурятами достоинств разных видов жилищ. В условиях полуоседлого существования значение также имела экономическая нерентабельность

⁶⁷⁵ Спасский Г. Н. Указ. соч., 1822. С. 43.

⁶⁷⁶ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 102.

⁶⁷⁷ Гирченко В. П. Указ. соч. С. 71.

войлочного типа жилья: владельцам среднего размера стада физически было сложно накапливать нужный запас овечьей шерсти для изготовления юртовых покрышек, которые к тому же быстро изнашивались. Факт проживания малоимущих бурят в войлочных юртах может быть объяснен традицией родовой взаимопомощи, обязывающей делиться имеющимся (не только едой, одеждой, скотом, но и кровом (в данном случае уже невостребованной войлочной юртой)) с обездоленными сородичами.

Перестают упоминаться в источниках жилища каркасно-столбовой конструкции с плетеными стенами, хотя в то же время в качестве жилища бедняка называются берестяные чумы и шалаши.

В бурятском домостроительстве происходил переход от курной избы к оснащенным дымоходом однокамерной и двухчастной четырехстенкам, но и новое жилье подстраивалось под традиционный уклад жизни: например, полы из досок не стелили в передней части избы, там за перегородкой помещался приплод рогатого скота. Зачастую сдерживали данную новацию, как и в целом, прогрессивный процесс освоения бурятами русского типа жилья, возникавшие психологические моменты. Предубеждение к жизни в «белой» избе, отмечаемое у разных групп бурят, было вызвано случаями гибели от угарного газа, которые бывали из-за неумения пользоваться печным отоплением. Также этому можно найти объяснение в связанном с традиционными представлениями консерватизме в быту и в неудобствах курной избы⁶⁷⁸, в первой половине XIX в. еще распространенной среди части бурят, а также русских Предбайкалья⁶⁷⁹ (по Д. К. Зеленину, преобладающей у русских, белорусов и части украинцев⁶⁸⁰). Буряты привыкли жить в прохладной юрте, а натопленная изба вызывала у них чувство дискомфорта⁶⁸¹. Нужен был определенный период, прежде чем они могли бы оценить достоинства русского жилья.

⁶⁷⁸ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 300.

⁶⁷⁹ Гегемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 116.

⁶⁸⁰ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 299–300.

⁶⁸¹ Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 103.

Предвзятое отношение у бурят было и к баням, объясняемое крепостью традиции воздержания от умывания тела; исключением являлось лето, когда в жаркие дни поневоле приходилось искать прохладу в воде. По аналогии с русской избой, для них была непривычна жарко натопленная баня. Н. С. Щукин подмечает бытование у бурят запрета на посещение бань: «Эта ужасная добровольная пытка служит у него главной укоризною Русским: отец, отпуская сына на житье к Русским, запрещает приучаться к бане»⁶⁸².

У бурят Предбайкалья отказ от старого жилища, в отличие скажем от русских, обуславливался традицией оставления его, если в нем умер старший в семье; кроме того, старались избавиться вообще от ветхого жилья (срубной юрты, а затем избы и дома). Такое жилище продавали, как правило, на слом русским крестьянам, или просто забрасывали. Данная традиция наблюдалась повсеместно у разных групп бурят (у забайкальских бурят эта традиция переносилась на войлочную юрту, как и у других тюрко-монгольских скотоводов Центральной Азии и сопредельных территорий). Заметим, что этот обычай сохранялся и в последующее время⁶⁸³.

Прибайкалье

Оседлые буряты впервые упоминаются в документах Ольхонской степной думы в 1831 г., тогда в общей сложности их было 32 чел. Дальнейшего роста их численности почти не происходит, более того, в 1844 г. их оказывается лишь 23 чел. (0,4 % ольхонских бурят). Они населяли Кунтинское селение, состоявшее из трех дворов и относившееся к Манзурской волости. В 1853 г. в данном населенном пункте значилось 7 дворов. В таком дворе, помимо избы, амбара, хозяйственных построек для скота, имелась и «черная» баня⁶⁸⁴.

Аналогично бурятам Предбайкалья основная масса бурят Западного Прибайкалья являлась полuosедлым населением и у них были зимние и

⁶⁸² Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 103.

⁶⁸³ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 119.

⁶⁸⁴ ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

летние поселения. С другой стороны, нельзя отрицать существование среди местных бурят полуномадов, которые, как и ранее, были владельцами относительно больших стад скота, и по этой причине должны были совершать более частые перекочевки.

В источниках отмечается, что некоторые ольхонские буряты практиковали строительство еще и осенних поселений⁶⁸⁵. По данным Г. Радде, у части бурят имелись «особые весенние пастбища»⁶⁸⁶. По-видимому, ольхонских бурят (из числа полуоседлых островитян) подталкивало на организацию осенне-весенних поселений нужда в свободных землях, которые бы годились под сенокосы и осенне-весенний выпас скота.

Согласно Н. С. Щукину, в середине зимы значительное их число перекочевывало по замерзшему Байкалу на земли Кударинского ведомства⁶⁸⁷, и содержало там свои зимне-весенние поселения. Основной причиной таких сезонных миграций была невозможность заготовки достаточного запаса сена на острове, проблема решалась покупкой его у кударинских бурят⁶⁸⁸.

По сравнению со второй половиной XVIII в. у ольхонских бурят выросло число зимних улусов, которые можно отнести к многодворным поселениям. В 1831 г. у них было 26 зимних улусов, представлявших населенные пункты среднего размера (население улуса в среднем превышало 200 чел. и имело 49 юрт). Сопоставление с данными второй половины XVIII в. по этой этнотерриториальной группе показывает неожиданно резкий рост населения, который, возможно, был вызван большой миграцией предбайкальских бурят на остров в первой четверти XIX в. При отсутствии свободной земли под новые поселения это приводило к укрупнению существующих улусов. Приток новопоселенцев неизбежно обострял вопрос о пастбищах, решением его и была практика зимней кочевки ольхонцев в

⁶⁸⁵ ГА ИО. Ф. 25. Оп. 10. Св. 40. Д. 1234. Л. 8.

⁶⁸⁶ Радде Г. Указ. соч. С. 139.

⁶⁸⁷ Щукин Н. С. Указ. соч., 1852. С. 46.

⁶⁸⁸ Там же.

Кударинское ведомство. С другой стороны, надо помнить, что остров нередко выступал в качестве некоего перевалочного пункта на пути миграции предбайкальских бурят в Восточное Прибайкалье и Западное Забайкалье.

Улусы отстояли друг от друга на расстоянии 2–43 км, однако большая их часть находилась достаточно близко, в 2–5 км. В ряде из них появились стационарные кузницы. Мукомольные мельницы сооружались, чаще всего, на ключах (из восьми мельниц только одна стояла на речке). Что кажется парадоксальным, в Ведомстве не имелось ни одного экономического магазина. Вероятно, Дума осознавала нерентабельность содержания таких хранилищ: их закрома были бы пусты, так как природные условия Ольхона не благоприятствовали развитию земледелия. В то же время существование мельниц прямо свидетельствует, что население само решало хлебный вопрос, обменивая добытую рыбу на зерно, из которого намалывало муку.

Дворы имелись только в зимних улусах; они были одночастные, свободной постройки и состояли в основном из срубной шестистенной юрты с пристроенными сенями, отстоявшего рядом с юртой небольшого амбара и загонов для содержания разных пород скота. Сзади двора находились сеновалы, по описаниям К. Риттера, представлявшие «срубы, в виде избы без крыши, покрываясь сверху куском сетки от старого невода»⁶⁸⁹.

Динамика развития в изучаемый период жилищ и поселений у полуоседлых и полукочевых бурят представлена в Таблице (Приложение А. Табл. 4). Судя по архивным данным, до 1830–х гг. домовых строений у ольхонских бурят не было. Но, в документе за 1835 г. сообщается, что во дворах у некоторых бурят, наряду со срубными юртами, были выстроены зимовья⁶⁹⁰. Почему число изб не было отражено в официальной статистике 1844 г., остается загадкой, лишь в отчете Ведомства за 1853 г. оно впервые было указано.

⁶⁸⁹ Риттер К. Указ. соч., 1895. С. 469.

⁶⁹⁰ ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

Буряты Западного Прибайкалья были менее свободны в выборе мест для организации поселений, чем буряты Предбайкалья, особенно это касалось жителей островной части Ольхонского ведомства; они селились по узким ложбинам, «иногда тянувшимся между двумя перпендикулярными утесами»⁶⁹¹, получая тем самым естественную защиту от сильных ветров. На острове остро стоял вопрос водоснабжения, поэтому люди обычно селились у мало-мальски действующих ключей или прямо на берегу оз. Байкал; жители глубинной части Ольхона рыли колодцы, обеспечивая себя и свой скот водой.

Зона Восточного Прибайкалья, в которой проживали кударинские буряты, – Кударинская, Хандалинская и Твороговская степи – благоприятствовала занятию скотоводством, правда, как пишет М. М. Геденштром, эти буряты «всех прочих менее наделены землями и пользуются оброчными и монастырскими»⁶⁹². Подавляющее их большинство было приписано к категории кочевых инородцев и совершало в течение года две сезонные перекочевки: с зимних улусов на летние стойбища, и обратно. Примечательно, что с 1839 г., согласно предписанию Верхнеудинского общего окружного управления, направленного против потрав сенокосных мест, бурят обязали до 15 мая перекочевывать на летние поселения⁶⁹³. Назад на зимники они возвращались в сентябре, после окончания сенокоса и хлебной страды. Не исключено, что часть кударинских (забегая вперед, присоединим к ним и часть баргузинских) бурят подобно некоторым жителям о. Ольхон совершала в течение года не две, а три перекочевки. К этому заключению нас подвигают слова М. М. Геденштрома, который пишет: «Кударинцы и баргузинцы по недостатку в шерсти имеют деревянные юрты. Для удобнейшего прокормления скота кочуют они три раза в году: весною, летом и зимою»⁶⁹⁴. Сказанное этим автором надо воспринимать следующим

⁶⁹¹ Щукин Н. С. Указ. соч., 1852. С. 45.

⁶⁹² Геденштром М. М. Указ. соч. С. 64.

⁶⁹³ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 277. Л. 111–111 об.

⁶⁹⁴ Геденштром М. М. Указ. соч. С. 66.

образом: поздней весной вышеупомянутые буряты переселялись на летние поселения, в сентябре – на осеннее стойбище, а ближе к зиме – в зимний улус. Причиной появления более сложной схемы сезонного кочевания, как было сказано, являлась нужда в дополнительных земельных участках под покос, которые после завершения сельскохозяйственных работ обычно служили выгонами для скота.

Некоторые улусы кударинских бурят были вблизи побережья оз. Байкал и их мы можем отнести к приморской форме заселения, но в основном их поселения были у рек, впадавших в озеро, и в устье р. Селенга, другими словами, у них преобладала приречная форма расселения.

Оседлые представляли небольшую группу среди кударинских бурят и проживали совместно с полуоседлыми в зимних улусах. В 1830–е гг. их число оставалось стабильным – 23 чел. (0,5 % кударинских бурят). Они имели небольшие огороженные дворы свободной застройки с избой, амбаром, теплыми и холодными помещениями для скота, на задворках с гумном и срубным овином. Сенокосные участки им выделяли из общих родовых угодий; так же как и пашни, их покосы находились поблизости от улусов.

В 1831 г. кударинские буряты имели 19 улусов и, согласно Е. М. Залкинду, «на каждый из них приходилось в среднем около 200 человек»⁶⁹⁵. Однако, по данным 1844 г., количество улусов оказывается меньше – 17. Вероятно, какие-то поселения были заброшены, а их население перешло в другие места.

В 1838 г. в Кударинском ведомстве насчитывалось 70 домов (4,93 % частных жилищ) и 1349 бревенчатых юрт (95,07 %) ⁶⁹⁶. В последующее время домостроительство продолжало расти: в 1844 г. у кударинских бурят имеется 165 домов (6,7 % частных жилищ) и 2297 деревянных юрт (93,3 %) ⁶⁹⁷. Очевидно, что все избы и большая часть юрт концентрировались на зимних

⁶⁹⁵ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 222.

⁶⁹⁶ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 275. Л. 4 об.

⁶⁹⁷ Батуева И. Б. Указ. соч., 2000. С. 268.

поселениях. Получается, что в среднем население улуса достигало 250 чел. (а это значит, что улусы выросли), которые обитали в 41 юрте и 3–4 избах. Очевидно, что изба строилась в одном дворе с многоугольной юртой, и была определенным показателем состоятельности ее владельца. Поселялись в зимнем улусе отдельными кустами из близких родственников, поэтому большинство жителей являлось представителями одного родового подразделения.

Часть зимников имела стационарные кузницы: в 1838 г. в Ведомстве было 9 кузниц, в 1844 г. – 19. Обычно эти родовые кузницы стояли в отдалении от жилых дворов. Отсутствие в делопроизводственных документах сведений о мукомольных мельницах доказывает преимущественно скотоводческую направленность хозяйства подавляющего числа кударинских бурят.

Долгое время остававшийся единственным экономический магазин, построенный в улусе Харауз, местонахождении Кударинской степной думы, в 1846 г. представлял комплекс из 10 срубных амбаров⁶⁹⁸.

Двор полуоседлых кударинских бурят повторял вышеописанный двор у бурят Предбайкалья, т. е. был огороженным комплексом из рядом расположенных жилых построек (юрты, избы), амбара для продуктов и вещей, навеса и загона для скота, иногда срубного овина, и, конечно, покосного участка. Достопримечательностью двора, как и в случае с бурятами Западного Прибайкалья, было нахождение вместе с другим хозяйственным инвентарем больших лодок, известных как бурятские (на 1838 г. в Ведомстве их имелось 795, а в 1844 г. – уже 995, а это говорит о том, что таким типом лодки владели многие семьи).

Для большинства других бурят Восточного Прибайкалья, баргузинских бурят, была присуща система ежегодных двухразовых перекочевков. Как пишется в «Описании об образе жизни и хозяйстве баргузинских бурят» (1855 г.), календарный цикл перекочевков у них включал время пребывания на

⁶⁹⁸ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 516. Л. 249.

летниках, начинавшееся в конце мая и длившееся до 15 сентября, весь остальной год баргузинцы жили на зимниках⁶⁹⁹. В силу природного ландшафта зимние поселения располагались в болотистой низине, в излучине р. Баргузин и ее притоков, а летники – на «высоких степных местах» (возвышенности Куйтуны, Улан-Тургской и Аргадинской степях), где отсутствовал гнус, и находились богатые пастбища.

По данным М. М. Шмулевича, в 1838–1840 гг. т. н. кочевых бурят в Баргузинском ведомстве было вдвое больше, чем оседлых⁷⁰⁰. Такой высокий процент оседлых вызывает сомнение, получается, что в структуре баргузинских бурят была многократно выше доля этой хозяйственно-бытовой группы, чем у тех же предбайкальских бурят. В рассмотренных нами источниках оседлые вообще не выделяются из состава баргузинских бурят и, похоже, что они проживали совместно с полуоседлым населением в зимних улусах. Вывод же, сделанный упомянутым исследователем, построен на ошибочной логике, по которой оседлые буряты жили в домах, а «кочевые» – только в срубных юртах.

Кроме улуса, представлявшего основной тип поселения, у данных бурят появляются первые заимки, на которых в зимнее время держали домашний скот⁷⁰¹. Там располагались жилая юрта и помещения для содержания скота (стайки, загоны).

Описание, приводимое Г. Н. Спасским, характеризует состояние жилищно-поселенческого комплекса баргузинских бурят в начале XIX в.: «У Баргузинских Бурят войлочные и берестяные юрты весьма редки, но большею частью деревянные срубленные из тонких бревен 6 и 8-угольные, коих кровля выводится из тех же бревен острием, поддерживаемым изнутри 4 подпорами, и покрывается землею. В середине делается во всех юртах отверстие для выхода дыма; как в юртах печей нет, то с осени до лета горит в

⁶⁹⁹ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 1.

⁷⁰⁰ Шмулевич М. М. Указ. соч. С. 173.

⁷⁰¹ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

них неугасимой огонь, но летом иногда в юртах перемежается»⁷⁰². Из этого фрагмента следует, что в то время у местных бурят в основном были известны шести-восьмистенные срубные юрты предбайкальского типа. Стоит уточнить, что к середине столетия юрты начали обогревать также каменными печами⁷⁰³.

Источники позволяют обнаружить у баргузинских бурят тенденцию постепенного замещения на зимниках срубных юрт избами русско-сибирского типа. В отчете Баргузинской степной думы за 1844 г. уже заметны изменения, произошедшие в домостроительстве за первую половину XIX в.: «<...> они (баргузинские буряты – А. Б.) кочуют два раза в год, и при этих кочевьях имеют постоянные жительства на зимних стойбищах русские дома, а на летниках одни деревянные юрты с пристройками»⁷⁰⁴. В этот год в 12 зимних улусах было зафиксировано 729 домов (29,38 % частных жилищ). Несколько ранее, в 1838 г., у них имелось 669 домов (35,5 %) и число улусов было гораздо больше – 20⁷⁰⁵. То предпочтение, которое отдавалось избам, позволяет предположить, что баргузинцы в отличие от бурят Предбайкалья сразу стали строить более удобные «белые» избы. Уменьшение числа улусов могло произойти вследствие серии аномальных зим и лет, завершившихся большим падежом скота, о чем сообщается в летописи Сахарова⁷⁰⁶. Следует заметить, что особенностью поселений был однородовый состав населения⁷⁰⁷.

Количество деревянных юрт по этому же источнику составляло 1750 (70,54 % частных жилищ) (в 1838 г. их было 1214 юрт (64,5 %)). Вряд ли, все они находились на летниках, скорее всего, часть из них была в зимних улусах, иначе получается, что баргузинские буряты жили стесненно на зимниках и довольно свободно на летниках, что выглядит явным нонсенсом, противоречащим практике, которая была принята у бурятских родов

⁷⁰² Спасский Г. Н. Указ. соч., 1822. С. 43–44.

⁷⁰³ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 243. Л. 187 об.

⁷⁰⁴ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 11.

⁷⁰⁵ Шмелевич М. М. Указ. соч. С. 172.

⁷⁰⁶ Бурятские летописи. С. 182.

⁷⁰⁷ Разумов Н. И., Сосновский И. Указ. соч. С. 110.

предбайкальского происхождения. Однако в наших рассуждениях надо принять во внимание, что к 1838 г. из Ольхонского ведомства в Баргузинский край переселилась большая группа мигрантов (около 400 чел.)⁷⁰⁸ (согласно М. М. Шмулевича, 1820–е гг. как раз являются временем этой миграции, он считает, что переселенцы были крещеными, поэтому их появление вызвало быстрое увеличение православных среди баргузинских бурят), которые обустроивались на новом месте, скорее всего, строя силами общества быстровозводимые срубные юрты на зимниках (отсюда тот заметный процентный рост юрт в жилищном комплексе баргузинских бурят).

Если исходить из того, что средняя бурятская семья состояла из 5 чел.⁷⁰⁹, то на летниках у баргузинских бурят было около 1100 срубных юрт, остальные 650 располагались на зимниках. Допустимо предположить, что в зимнем улусе в среднем проживало 450 чел. (условно 90 семей) в 61 избе и 54 юртах; это наводит на заключение, что большинство семей имели там избу, состоятельные семьи – избу и юрту, а бедные – только юрту. Конечно, из общей массы выделялись представители родовой знати, например, в 1842 г. в собственности помощника главного тайши Сахар Хамнаева находились «два деревянных дома, выстроенных на русский манер, и две деревянные юрты на зимних и летних стойбищах»⁷¹⁰.

Некоторую дополнительную информацию дает анализ табличных данных по основным родам баргузинских бурят, содержащихся в книге М. М. Шмулевича⁷¹¹. В 1838–1840 гг. из двенадцати родовых подразделений наиболее обеспеченными жильем были представители Второго Чекановского рода, причем самого малочисленного в Ведомстве, у них на одну условную семью из 5 чел. приходилось 1,6 ед. срубной юрты и 0,8 ед. дома; чуть хуже обстояло у представителей Второго Чиндылдурского рода – 1,4 ед. юрты и 0,7 ед. дома, и сложнее всего было у членов Оневского рода – 0,7 ед. юрты и

⁷⁰⁸ Шмулевич М. М. Указ. соч. С. 29.

⁷⁰⁹ Ханхараев В. С. Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. Улан-Удэ, 2000. С. 89.

⁷¹⁰ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2672. Л. 26.

⁷¹¹ Шмулевич М. М. Указ. соч. С. 172.

0,3 ед. дома. Из полученных данных можно вывести, что упомянутые выше роды, скорее всего, относились к полуоседлому населению, а вот Номолкский род, в котором условная семья владела 0,8 ед. юрты и 1,1 ед. дома, мог включать в себя как полуоседлых, так и оседлых бурят.

Подмеченный Г. Н. Спасским выбор бурят в пользу срубного жилья находит подтверждение в цитируемом документе за 1844 г., в нем, в частности, сообщается, что в Баргузинском ведомстве были лишь две войлочные юрты (0,08 % частных жилищ). Напрашивается мысль, что по аналогии с предбайкальскими бурятами войлочные юрты и конические жердевые постройки стали для баргузинских бурят довольно редкими видами жилищ.

Планировки зимних улусов и дворов у баргузинских бурят были однотипны с соответствующими планировками у бурят Предбайкалья и других бурят Прибайкалья. На территории двора имелись «для скота теплые хлева, гирхие (*гирихий* перм. ‘хилый, дряхлый, плохой’⁷¹²) дворы, и ограды»⁷¹³. Анализ архивных источников позволяет уточнить, что в зависимости от состоятельности владельцев дворы различались размерами: двор бедного бурята, в котором находились срубная юрта, амбар и загоны для скота; во дворе хозяина средней руки имелись изба с сенями или без них, иногда с пристроенным амбаром, 1–2 юрты, отдельный амбар и «сарай со скотскими хлевами и пригонами»; двор состоятельного бурята, для примера приведем перечень недвижимости некоего Акима Этагирова, у которого на зимнике располагались 2 избы с сенями, 2 амбара, 2 юрты с пристроенными амбарами, постройки для домашней скотины «4 двора и 2 хлева скотских»⁷¹⁴.

Помимо жилых дворов, на ряде зимников были построены экономические магазины (в 1838 г. их было 5)⁷¹⁵. В документах не указывается наличие мельниц в ведомстве Баргузинской степной думы, дело

⁷¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: на CD-диске. Любня, 2004.

⁷¹³ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 1.

⁷¹⁴ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 243. Л. 187 об.

⁷¹⁵ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 17.

в том, что начало мельничного производства в Ведомстве было положено только в 1855 г., когда благодаря усилиям главного тайши Сахара Хамнаева были выстроены первые пять мельниц⁷¹⁶. В изучаемое время готовую муку баргузинские буряты приобретали на стороне или возили собственное зерно на помол в русские деревни. Любопытно, что сведения о наличии кузниц у данных бурят в архивных источниках тоже отсутствуют.

Западное Забайкалье

В первой половине XIX в. буряты субрегиона относились к полуоседлому (часть селенгинских и хоринских бурят, которых объединяла принадлежность к родам предбайкальского происхождения), полукочевому и кочевому (часть селенгинских и хоринских бурят) скотоводческому населению. Во всех территориальных группах бурят выделялись оседлые, которые имели отдельные поселения или жили дисперсно среди остальных бурят.

В начале столетия из-за демографических и экономических причин селенгинские буряты столкнулись с дефицитом пастбищных угодий, в результате часть из них перешла к кочевкам, длившимся с осени до лета, во время которых совершалось 10–20 и более переездов⁷¹⁷. Традиции нomaдизма были распространены у представителей т. н. западных восьми родов, ареалом расселения которых были степи юга Западного Забайкалья. Природный ландшафт этой территории большей частью являет собой участки степи, раскинувшиеся между покрытыми лесом горами и разрезаемые ручьями, образующими гидросистему р. Селенга (наиболее обширными из них являются т. н. Селенгинская и Боргойская (простершаяся в низовьях р. Джида) степи). Между тем пастбища, как и прежде, распределялись по общинному принципу между семьями, и владельцы больших стад не могли рассчитывать на большее, чем было положено остальным общинникам. При

⁷¹⁶ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 5.

⁷¹⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Д. 420. Л. 68; Спасский Г. Н. Указ. соч., 1822. С. 43; Геденштром М. М. Указ. соч. С. 66.

отсутствии опыта сенокосения, да и невозможности при наличии многочисленного стада заниматься этим они были вынуждены совершать частые перекочевки. Нехватка зимних пастбищ даже заставляла часть бурят зимовать на островках, расположенных на р. Селенга⁷¹⁸.

Роды предбайкальского происхождения, освоившие долины рр. Селенга и Чикой, и ведшие комплексное хозяйство, совершали двухразовые перекочевки.

Таким образом, селенгинские буряты представляли неоднородную по хозяйственному быту этнотерриториальную группу. Их ядро составляли полукочевые буряты, а меньшинство – оседлые.

Выглядит странным, что в документах Селенгинской степной думы за первую половину XIX в. нет никаких указаний о количестве поселений у полукочевых и полуоседлых бурят, лишь перечислены места их кочевок. Вероятно, следует считать упоминаемые в источниках конкретные местности местоположением зимников и летников. В силу неопределимости числа таких сезонных поселений мы вынуждены оперировать данными только по постоянным населенным пунктам. К последним можно отнести места, где находились Степная дума, ставки глав селенгинско-бурятских родов и управлений: Дырестуй, Кудара, Загустай, Усутуй, Тильбири, Талынтолгой, Ири, Ирой, Ундур Даба, Саин, Эдуй, Шергол и др. (Приложение Б. Док-т 4). Естественно, улусы возникали на территориях тех бурятских родов, которые, кроме скотоводства, стали заниматься земледелием. В частности, буряты Сартульского рода основали улусы Алцак, Хотхолдочин, Торей, Укыр-Челон, Бургалтай и др.⁷¹⁹. Некоторые зимние поселения, через которые пролегали трактовые дороги, и население которых несло ямщицкую повинность, являлись почтовыми станциями, в 1844 г. их было 24⁷²⁰.

Можно уверенно сказать, что, как и в XVIII в., у селенгинских бурят главной была приречная форма заселения, но в исследуемый период

⁷¹⁸ Мартос А. И. Указ. соч. С. 63.

⁷¹⁹ Разумов Н. И., Сосновский И. Указ. соч. С. 7.

⁷²⁰ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1276. Л. 18 об.

получили развитие также горно-падаевая, притрактовая и приозерная формы расселения.

Практика совместного кочевания и проживания в одних поселениях представителей разных родовых подразделений находит подтверждение в архивных источниках⁷²¹. Насколько это было массовым явлением, сложно утверждать, позволительно все же говорить о единичных случаях.

Летники были удалены от зимников примерно на расстоянии 15–30 км⁷²². Дистанция, лежащая между соседними зимниками, была почти такой же⁷²³. Получается, что уголья отдельно взятой кочевой общины охватывали территорию радиусом в 10–20 км. Между тем в 1840–е гг. дорога между улусами, выполнявшими функцию станций, измерялась в 10–40 км⁷²⁴. По сравнению с предбайкальскими бурятами поселения селенгинских бурят были более разбросанными, а ареал освоенного каждым из локальных сообществ пространства заметно шире.

А. И. Мартос оценивал население зимнего улуса в 20–50 чел.⁷²⁵. Как мы помним, в XVIII в. селенгинские монголы также жили небольшими поселениями хотонами. Вероятно, указанный выше автор дал описание зимника как раз полукочевых бурят. О том, что у селенгинских бурят встречались и более населенные зимники можно судить на основании характеристики улуса Загустай⁷²⁶. Безусловно, эта информация отражала положение дел с поселениями полуоседлых и полукочевых бурят.

В первой половине XIX в. изменился баланс между разными типами срубных жилищ. М. А. Кроль полагает, что в 1810–20–е гг. срубные юрты представляли еще редкость для селенгинских бурят⁷²⁷, однако он был прав отчасти. Буряты, ведущие полукочевой образ жизни, имели, помимо

⁷²¹ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 220.

⁷²² ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Д. 420. Л. 72.

⁷²³ Мартос А. И. Указ. соч. С. 55.

⁷²⁴ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1276. Л. 18 об.

⁷²⁵ Мартос А. И. Указ. соч. С. 55.

⁷²⁶ Там же. С. 95.

⁷²⁷ Кроль М. А. Указ. соч., 1896. С. 9–11.

войлочной юрты, деревянное жилье⁷²⁸. Их летним жилищем становится четырехстенная срубная юрта *балгасун* (балгасун, балгааһа(н) гэр 'хибарка, лачуга')⁷²⁹. Об этом, например, сообщает А. И. Мартос⁷³⁰. В то же время для части бурят подобные четырехстенные юрты могли быть зимним жилищем: «Зимой хоринские и селенгинские буряты живут <...> в деревянных избах, сделанных из легких, тонких, на скоро сложенных бревен и обложенных снаружи смесью из глины, навоза и земли»⁷³¹. Думается, что такие юрты были восприняты полукочевыми бурятами от полуоседлых, принадлежавших к родам предбайкальского происхождения.

Интересна данная М. А. Кастреном характеристика жилищ бурят, расселившихся поблизости от Кяхты. Согласно нему, их состоятельная часть зимой жила в небольших русских избах, а летом – в восьмистенных срубных юртах; малоимущие буряты круглый год обитали в одной войлочной юрте, а нищие – шалашах, сложенных из «бересты, хвороста и сена»⁷³². Зимой войлочные и срубные юрты использовались еще и как кухни (речь, вероятно, идет о состоятельной части селенгинских бурят). Представляется, что в поле зрения М. А. Кастрена попали буряты, различавшиеся этнической и хозяйственно-бытовой принадлежностью, т. е. полуоседлые буряты из предбайкальским родов и полукочевники из монгольских родов. Кстати, им сделано важное заключение, подтверждающее сохранение роли войлочной юрты как основного жилища для большинства селенгинских бурят⁷³³.

В середине столетия корреляция между войлочной и срубной юртами у селенгинских бурят была почти равной: у них насчитывалось 4096 срубных и 4220 войлочных юрт⁷³⁴.

Полукочевые буряты заводили небольшие дворы на зимниках, там они жили в избе, кроме того, в пределах двора устанавливали войлочную юрту,

⁷²⁸ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2199. Л. 75.

⁷²⁹ Бурятско-русский словарь. С. 83.

⁷³⁰ Мартос А. И. Указ. соч. С. 50.

⁷³¹ Маак Р. Указ. соч. С. 16.

⁷³² Кастрен М. А. Указ. соч., 1999. С. 283–284.

⁷³³ Там же. С. 284.

⁷³⁴ Батуева И. Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 267.

строили закрытые помещения и загоны для скота и др.⁷³⁵. Например, в собственности у ясачного Дылгыр Баниева в 1847 г. значились «юрта войлочная шестистенная за 30 руб. и небольшое зимовье с узким окошком, отстоящее не более 2-х сажень от юрты»⁷³⁶.

Со слов В. Паршина, чье мнение согласуется с вышеприведенной оценкой М. А. Кастрена, владельцы изб были богатыми людьми⁷³⁷. В середине XIX столетия у селенгинских бурят насчитывалось 1146 изб, из них только 31 владели оседлые буряты⁷³⁸. Вышеприведенное число домов убеждает нас в том, что примерно каждая четвертая семья у них жила зимой в избе.

По данным Селенгинской степной думы, в 1830 г. цены на жилье были следующие: старая войлочная юрта стоила 7 руб., новая войлочная юрта – 10 руб., срубная юрта – 3 руб.⁷³⁹. В отличие от бревенчатой юрты, в стоимость избы входила, кроме стоимости материала, еще и оплата труда плотников и печника, и, естественно, постройка избы обходилась существенно дороже цены за юрту (войлочную или срубную). Судя по данным 1830 г., у селенгинских бурят имелись «белые» избы, при строительстве которых применяли трех-, четырех- и пятисаженные венцы⁷⁴⁰. Позже, в 1840-е гг., избы возводили из трех- и 6,5-саженных венцов, и трехсаженного бруса. Приведенные факты свидетельствуют, что состоятельные буряты активно переходили на новые типы изб – на «белую» избу с сенями, а также избу-пятистенок. Причем, такие жилища строили как полукочевые, так и полуоседлые скотоводы.

Как уже было указано, у кочевых бурят тип поселения оставался прежним, хотонным. На зимних улусах полукочевых бурят дворы были свободной застройки: рядом со срубной юртой или избой имелись хлев и

⁷³⁵ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 824. Л. 19 об.

⁷³⁶ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1596. Л. 18.

⁷³⁷ Паршин В. Указ. соч. С. 53.

⁷³⁸ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2199. Л. 78 об.

⁷³⁹ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1-14. Л. 142-142 об.

⁷⁴⁰ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

загон для скота. Они держали продовольствие, как и кочевые скотоводы, в амбарчиках на колесах. Функциональное назначение последних на этом не заканчивалось: их использовали еще в качестве домашней буддийской часовни, в которой собирали изображения Будд, буддийские манускрипты и др.⁷⁴¹.

Здание Селенгинской степной думы было возведено в 1807 г. и являло собой небольшое деревянное строение из двух жилых комнат⁷⁴², позднее оно было перевезено на новое место и заметно расширилось. В 1840–е гг. оно представляло большой одноэтажный дом с четырехскатной тесовой крышей, имеющий три комнаты и прихожую (Приложение Б. Док-т 5). На тот момент здание оценивалось в 3 тыс. руб.⁷⁴³.

По указу правительства 1808 г., каждое бурятское ведомство должно было содержать хлебозаготовительные магазины. В Селенгинском ведомстве они были сосредоточены в населенных пунктах, месторасположении Степной думы и входящих в нее управ. К 1831 г. в Ведомстве был организован 41 экономический магазин, в 1840 г. их было 45⁷⁴⁴. В мукомольном производстве были задействованы 11 водяных мельниц. Функционировало с 1818 г. единственное учебное заведение, содержавшееся на средства Степной думы, Селенгинское приходское училище, в котором обучался 21 ученик⁷⁴⁵. Кроме этого, бурятские ведомства, согласно решению Иркутского губернского правления, обязаны были иметь специальные морги/«ледники» (Приложение Б. Док-т 6), которые строились по типовому проекту (Приложение В. Рис. 10).

В документах Селенгинской степной думы данные о количестве оседлых бурят стали фигурировать с 1825 г.⁷⁴⁶. Их удельный вес в составе селенгинских бурят был величиной небольшой и уменьшающейся: в 1831 г.

⁷⁴¹ Кастрен М. А. Указ. соч., 1999. С. 284.

⁷⁴² ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.

⁷⁴³ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 7.

⁷⁴⁴ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 618. Л. 15 об.

⁷⁴⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 366–366 об.

⁷⁴⁶ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 об.

он достигал 2,5 % (573 чел.), в 1840 г. – 1,5 % (305 чел.). Оседлые образовали два средних размеров селения – Стрелочное (в 1840 г. – 174 чел.), возникшее в начале XIX в.⁷⁴⁷, и Зарубинское (в 1840 г. – 123 чел.), и несколько малонаселенных – Дзокуйское, Баянхосунское (21 чел.) и т. д.

В первой половине XIX в. основным ареалом обитания хоринских бурят являлись степные участки в бассейне р. Уда, которые составляли Братскую (Хоринскую) степь, кроме того, они заселяли долину р. Хилок вплоть до Яблонового хребта. Большинство бурят Хоринского ведомства отошли от полностью кочевого образа жизни и превратились в полукочевое и полуоседлое население, которое в год совершало от двух до четырех перекочевков, соответственно, изменилась структура поселений и соотношение типов жилья в жилищно-поселенческом комплексе. В развитии поселений и жилищ у хоринских бурят происходили схожие процессы, что и у селенгинских бурят: часть хозяйств продолжала заниматься кочевым скотоводством (прежде всего, семьи, владевшие крупными стадами, и, как правило, те, кто жил на землях, непригодных для земледелия), основным типом жилища у них была войлочная юрта; у большинства хоринских бурят сложилась система сезонных поселений, когда летом жили в срубной юрте, а зимой – в войлочной юрте или доме. О последнем явлении можно судить из летописи Вандана Юмсунова, в которой мы находим такие строки: «<...> кроме этого, с целью защиты своих войлочных юрт <...> строят разного рода деревянные **летние** (выделено авт.) юрты и крыши их кроют: зажиточные – тесом, а остальные – драницей и корою»⁷⁴⁸.

Еще одной новой чертой в жилищно-поселенческом комплексе хоринских бурят было строительство заимок. Сведения об этом можно почерпнуть из ранее процитированного источника: «Некоторые зажиточные люди строили своими усилиями, отдельно от народа, на свободных землях круглые ограды и переносили внутрь их на два-три года свои стойбища. Они

⁷⁴⁷ Разумов Н. И., Сосновский И. Указ. соч. С. 7.

⁷⁴⁸ Бадмаева Л. Б. Указ. соч. С. 359.

стали удобрять их навозом и свозить скотский помет»⁷⁴⁹. Такое функциональное назначение бурятских заимок коренным образом отличает их от подобных поселений у земледельческого населения Сибири, для которых главной причиной организации заимок была потребность в новых пашнях.

В изучаемое время избы перестали быть прихотью только родовой аристократии, и с 1820 г. их удобства в качестве зимнего жилища оценили и другие состоятельные хоринские буряты⁷⁵⁰. Между тем у полукочевой части этих бурят прослеживалась та же тенденция, что и у селенгинских бурят, – строительство подобия русской избы без соблюдения положенных для такого жилища строительных норм⁷⁵¹.

В 1850 г. хоринские буряты владели 7649 войлочными юртами (66,81 % частных жилищ), 3441 срубными юртами (30,05 %) и 359 домами (3,14 %) ⁷⁵². В это время у них было около 290 зимних улусов (в 1840 г. – 219), учитывая, что численность так называемых кочевых инородцев в Ведомстве составляла 31920 чел., в среднем на поселение приходилось 110 чел., проживавших в 26 войлочных юртах и 1 доме. Какой была реальная ситуация, можно судить на примере тех хоринских бурят, кто населял Еравнинское плато. В 1850 г. 31 улус еравнинских бурят распределялся по количеству дворов на: малодворные поселения, до 25 дворов, которых было 13 (41,9 % еравнинских улусов); поселения от 26 до 50 дворов – 10 (32,3 %), от 51 до 100 дворов – 3 (9,7 %), от 101 до 200 дворов – 5 (16,1 %) ⁷⁵³. Можно сказать, что $\frac{3}{4}$ поселений этих бурят представляли собой небольшие селения, а это, бесспорно, подтверждает наши предварительные выкладки.

Начиная с 1800 г., в зимнем улусе, в границах имевших еще достаточно условный характер дворов строились загоны для дневного содержания домашнего стада и другие постройки с навесами, крытыми «хвоею»

⁷⁴⁹ Бадмаева Л. Б. Указ. соч. С. 358.

⁷⁵⁰ Там же. С. 359.

⁷⁵¹ Маак Р. Указ. соч. С. 16.

⁷⁵² ГА РБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1084. Л. 44.

⁷⁵³ ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 96. Л. 363–367.

(лиственничной корою – А. Б.)⁷⁵⁴. В обычном праве хоринских бурят, Уложении 1823 г. Одиннадцати хоринских родов, были даже регламентированы устройство и расположение относительно юрты коновязей и помостов для хранения творожистой массы⁷⁵⁵. В некоторых поселениях были устроены экономические магазины, в период 1813–1850 гг. они были возведены в 53 селениях. Кроме того, в Ведомстве имелись 22 стационарные кузницы, и всего лишь 3 водяные мельницы⁷⁵⁶. Начало европейскому просвещению бурятских детей положило Онинское приходское училище, открытое на деньги общества в 1806 г.⁷⁵⁷ (это произошло раньше, чем в других бурятских ведомствах).

Появление улусов у хоринских бурят происходило на местах зимовок прежних хотонов, а вот дальнейшее их развитие шло по тому же пути, что и у поселений бурят Предбайкалья. Правда, хоринские улусы в сравнении с поселениями предбайкальских бурят находились на более ранней стадии развития.

История поселений оседлых бурят, как повествует летопись В. Юмсунова, началась с селения Тотхото на р. Хилок, возникшего в 1795 г. Чуть позже на берегах этой реки были выстроены еще две деревни крещеных бурят – Старая и Новая Зардама. Эти три населенных пункта с числом жителей в 160 чел. были переданы по указу 1826 г. из ведомства Хоринской степной думы Куналейскому волостному правлению. В 1815 г. было образовано Курбинское общество оседлых бурят, объединившее крещеное население двух расположенных на р. Курба деревень – Унэгэтуй (основана в 1816 г.) и Ару Хасуртай (основана в 1804 г.), а также Илькинского и Хуху Хонитуйского селений (всего 207 чел.)⁷⁵⁸. Любопытно, что в 1821 г. жители деревень Унэгэтуй и Ару Хасуртай составили приговоры о приеме к себе

⁷⁵⁴ Бадмаева Л. Б. Указ. соч. С. 358.

⁷⁵⁵ Обычное право ... С. 79.

⁷⁵⁶ ГА РБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1084. Л. 44.

⁷⁵⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 366–366 об.

⁷⁵⁸ Бадмаева Л. Б. Указ. соч. С. 297.

крестьян Куналейской волости с целью научиться у них земледелию⁷⁵⁹. По данным Девятой ревизии, в 1850 г. в Курбинском обществе числилось 363 чел. (1,1 % хоринских бурят), т. е. население одной деревни в среднем достигало 90 чел. (18 дворов) и было меньше среднестатистического зимнего улуса неоседлых бурят. В отчете Хоринской степной думы за 1850 г. об этих бурятах мы узнаем следующее: «<...> из сих большее количество ведут жизнь оседлую в устроенных домах наравне с русскими жителями, а другие по неимению домов проживают между инородцами и русскими обывателями большею частью в работах»⁷⁶⁰.

Нижнее Приононье

Часть хори-бурят, которая традиционно кочевала в Агинской степи, после известной уступки Кабинету главным тайшой хори-бурят Иринцевым пригодных для земледелия территорий по рекам Ингода и Чита стала формироваться в самостоятельную этнолокальную группу⁷⁶¹. В летописи Вандана Юмсунова этот процесс описан в следующих словах: «В то время, когда явились и стали расселяться те крестьяне (крестьяне-переселенцы из северокавказского региона. – А. Б.), там находившийся хори-бурятский народ <...> соединился с тамошним народом, и когда прибыл <...> народ худайского и хальбинского родов, возник народ агинских и ононских девяти отцов»⁷⁶². Окончательно выйдя в 1839 г. из подчинения Хоринской степной думы, агинские буряты получили самостоятельное управление и создали Агинскую степную думу.

Статистические материалы, характеризующие состояние жилищно-поселенческого комплекса у этой территориальной группы относятся самое раннее к 1840 г., согласно им, агинские буряты имели 37 зимних улусов и 1 селение, в которых насчитывалось 5026 войлочных и деревянных юрт, и 22

⁷⁵⁹ Разумов Н. И., Сосновский И. Указ. соч. С. 4.

⁷⁶⁰ ГА РБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1084. Л. 25.

⁷⁶¹ Бадмаев А. А. Указ. соч., 1997. С. 6.

⁷⁶² Бадмаева Л. Б. Указ. соч. С. 367.

дома (из них 10 общественных и 12 обывательских (эти избы, скорее всего, принадлежали жителям Агинского селения)). Подчеркнем, что из указанного числа юрт, минимальную часть составляли деревянные постройки: так, агинцы обитали в 5075 юртах, 5026 из которых были войлочные, и только 49 деревянные⁷⁶³. В отчете Думы за 1848 г. было зарегистрировано в Ведомстве 4684 юрт, из них 4601 войлочные и 83 деревянные юрты⁷⁶⁴. Очевидно, что доля срубных юрт в жилищно-поселенческом комплексе понемногу росла, правда, остается неясным, почему при этом заметно уменьшилось число войлочных юрт. Хотя возможным объяснением этого может быть миграция части агинских бурят и переход их в другое ведомство.

Назначение срубных юрт у агинских бурят было иным, чем у родственных им хоринских бурят: юрты этого типа стали для них зимним жилищем. Войлочные юрты, как и в XVIII в., служили большинству бурят субрегиона единственным жильем круглый год. Транслировалась традиция обзаведения состоятельными людьми частных молелен *ургонов* – юрт, покрытых белым войлоком, в которых помещалась различная культовая атрибутика и проводились по важным случаям обряды и чтение молитв приглашенными ламами⁷⁶⁵. Частные дома, владение которыми становилось престижным, строились родоначальниками и состоятельными агинцами на зимних улусах.

Как не трудно убедиться, в зимнем поселении преимущественно были войлочные юрты и небольшое число бревенчатых юрт. В цифровом выражении это могло выглядеть следующим образом: в 1848 г. средний улус, в котором располагалось одно из родовых управлений (их было 37), населяли 466 чел. (по документам всего «кочевых» бурят было 17237 чел.); он состоял из 124 войлочных юрт и 2 бревенчатых юрт. Но вряд ли на то время у них могли сложиться такие крупные населенные пункты, правильнее будет

⁷⁶³ Монголы-буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч. 3. № 7. С. 11.

⁷⁶⁴ ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3462. Л. 10 об.

⁷⁶⁵ Пастух Даурец. Указ. соч. С. 36.

предположить существование среднестатистического улуса с вдвое меньшим населением. В упомянутом выше литературном сочинении указывается, что самый большой улус агинских бурят «не заключает в себя больше 50 или много 70 юрт»⁷⁶⁶. Исходя из того, что данные буряты в подавляющем большинстве оставались номадами, можно гипотетически предположить функционирование у них, помимо улусов, старой хотонной системы. Иными словами, зимой многие семьи, объединившись по принципу родства, жили по-прежнему на небольших стойбищах. Одним из мест, где зимой была наибольшая концентрация агинских бурят, была долина Хара Торей, где, как пишет М. А. Зензинов, «иногда прикочевывает до 300 хотонов»⁷⁶⁷. Проведя аналогию с селенгинскими бурятами, можно убедиться, что в документах Агинской степной думы улусами считались родовые подразделения, а отнюдь не населенные места.

В сравнении с другими бурятскими ведомствами в пределах Агинской степной думы находилось удивительно мало стационарных кузниц (2) и экономических магазинов (3), а водяных мельниц и вовсе не было⁷⁶⁸. Причину столь небольшого числа хлебозаготовительных магазинов можно увидеть в слабом развитии земледелия у агинских бурят (в 1848 г. по всему Ведомству было засеяно лишь 240 десятин пахотной земли⁷⁶⁹), следовательно, и в незначительном числе приписанного к ним населения (623 чел.). Потребность в хлебе многие агинцы удовлетворяли за счет привозного зерна, приобретаемого в ограниченных объемах.

Зимний улус агинских бурят не имел как таковых дворов; у юрт кроме коновязей, навесов для скота, амбарчиков на колесах и помостов для *аарса* никаких других хозяйственных сооружений не было. В этом можно убедиться, обратившись к летописи В. Юмсунова, в которой пишется, что агинцы не строили «загонов и дворики для скота, поскотин и закрытых

⁷⁶⁶ Монголы-буряты ... С. 11.

⁷⁶⁷ Пастух Даурец. Указ. соч. С. 20.

⁷⁶⁸ ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3462. Л. 10 об.

⁷⁶⁹ Там же. Л. 12.

круглых изгородей»⁷⁷⁰. Если принять во внимание, что бурятским хронистом сообщается об этом в контексте событий, относимых к первой половине XIX в., то вполне можно предположить, что лишь в последующее время у агинских бурят складывается традиция содержания домашнего скота в теплых помещениях и загонах.

Единственное стационарное поселение, возникшее, по сведениям комиссии Куломзина, еще в начале XVIII в., было Агинское селение: «В селении Агинском говорят, что потомки первых крещеных инородцев живут здесь уже 8 поколений. Прежде, вместо думы, здесь была “мирская изба”»⁷⁷¹. В этом селении оседлых бурят было 86 чел. (0,5 % агинских бурят), которые жили в избах, окруженных небольшими двухчастными дворами, включавшими, помимо хозяйственных построек, огороды. Общинные покосы и пашни прилежали к селению. Агинское в то же время являлось административным центром Ведомства, и поэтому здесь располагались общественные деревянные здания (Степной думы, училища), амбары экономического магазина.

Во всех родах агинских бурят имелись небольшие группы крещеных, при этом общее число православного населения, включая русских, которые жили в бурятских улусах, достигало 177 чел.⁷⁷².

Летники располагались в глубоких впадинах *хурчажинах*, где имелись озера⁷⁷³ или ручьи. Там они селились отдельно, семьями.

Исходя из рассмотренного материала, можно заключить, что у агинских бурят встречались три формы расселения – приречная, горно-падаевая и приозерная.

Принципы выбора места поселения и основные типы жилищ у бурят Забайкалья

⁷⁷⁰ Бурятские летописи. С. 85.

⁷⁷¹ Разумов Н. И., Сосновский И. Указ. соч. С. 11.

⁷⁷² Монголы-буряты ... С. 37.

⁷⁷³ Пастух Даурец. Указ. соч. С. 20.

Критерии выбора мест под поселения у эхирит-булагатских родов Западного Забайкалья не изменились в сравнении с предыдущим столетием. Опыт их предков, привнесенный из Предбайкалья, оказался вполне адаптируемым к условиям нового субрегиона. Через этих бурят были восприняты навыки унаваживания и орошения сенокосов другими субэтносами (хори-бурятами и селенгинскими монголами), которые вынужденно переходили на полукочевой и полуоседлый образ жизни, и основывали стационарные поселения. Улусы возникали в местах, где имелись сенокосные угодья, обычно это были пади – узкие долины, через которые текли горные ручьи⁷⁷⁴. Это было характерно для эхирит-булагатов Селенгинского ведомства. В свое время Ю. А. Гagemейстер обратил внимание на отсутствие в Западном Забайкалье больших селений, по его данным, «<...> самые обширные не вмещают более 70–80 дворов»⁷⁷⁵. Его предположение, что это было связано, в частности, с расположением русских деревень в гористой местности, может быть экстраполировано и в отношении бурятских улусов.

Буряты Селенгинского ведомства, принадлежавшие к монгольским родам, хори-буряты Хоринского и Агинского ведомств летом селились в степи, по широким речным долинам, зимой – в межгорных ложбинах, «прикрытых от северного ветра и «хуязов», то есть тихих, незаметных течений мороза» (вероятно, автор приводит слово, производное от *хууеэ(н)* ‘дуновение, веяние (ветра, потока воздуха)’⁷⁷⁶)⁷⁷⁷. Часть из них продолжала вести отгонное скотоводство и совершала замкнутые циклические кочевки по определенным маршрутам; принципы выбора мест для временных стоянок у них не менялись с XVIII в.

То обстоятельство, что основной водной артерией территории, на которой проживали селенгинские буряты, была р. Селенга, не могло не

⁷⁷⁴ Кюхельбекер М. К. Указ. соч. С. 37.

⁷⁷⁵ Гagemейстер Ю. А. Указ. соч. С. 118.

⁷⁷⁶ Бурятско-русский словарь. С. 699.

⁷⁷⁷ Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 377.

сказаться на привязке сезонных маршрутов их кочевок с нею; часть зимних поселений располагалась прямо на речных островах⁷⁷⁸.

М. М. Геденштром подметил одно важное обстоятельство, которое всегда учитывалось при выборе места для поселения как бурятами, так и другими сибирскими номадами: «Все вообще сибирские кочевые народы избегают соседства с русскими, и потому имеют юрты свои в некотором отдалении от проезжих дорог. В прежние времена они вероятно на опыте дознали пользу сего обычая, и искали удалить от себя трактовую дорогу, по которой проходят и колодничи партии»⁷⁷⁹. В этой связи нужно заметить, что традиция отдаления своих жилищ и поселений от проезжих дорог была вызвана не только горьким опытом общения бурят с асоциальными элементами российского общества, но и мировоззренческими представлениями, по которым дорога считалась местом обитания злых духов – посланцев мифического владыки загробного мира Эрлиг-хана. Как мы могли убедиться ранее, избежать участи проживания на почтовых станциях, лежавших вдоль трактовых дорог, удавалось не всем бурятам. Притрактовое население в основном было русским и это было следствием не столько традиции расселения русского субэтноса в Сибири, сколько долговременной целенаправленной политики властей.

Можно также вспомнить, что буряты придерживались другого табу, согласно которому, считалось опасным жить непосредственно у водоемов и рек; чтобы умилостить духов вод, и шаманисты, и буддисты совершали специальные ежегодные обряды с жертвоприношениями, сооружали у минеральных источников, ключей и водоемов оборудованные места для поклонения – *обоо*.

Судя по имеющимся описаниям войлочной юрты забайкальских бурят, в изучаемое время конструктивных изменений в этом типе жилья не произошло. Со слов Ю. А. Гагемейстера, юрты были высотой от 4–8 аршин

⁷⁷⁸ Евецкий О. Указ. соч. С. 113.

⁷⁷⁹ Геденштром М. М. Указ. соч. С. 30.

(2,85–5,7 м) и диаметром 8–15 аршин (5,7–10,82 м)⁷⁸⁰. Данные параметры подходят под шести– и восьмистенные юрты. Разница в войлочном жилище состоятельных и бедных бурят выражалась не только в его размерах, но и в наличии деревянных дверей и дощатых полов в жилищах богатых людей. Вызывает интерес указание О. М. Ковалевского на существование в конструкции юрты опорных шестов *багана*, подпиравших обод светодымового отверстия⁷⁸¹. Дело в том, что это первое, возможно единственное, упоминание в литературе, да и в целом в исторических источниках XVIII – первой половины XIX в., о бытовании в бурятской войлочной юрте специальных подпорок. В юртах состоятельных людей такие шесты красили синей краской, и декорировали «тонкой серебряной работой»⁷⁸². Вообще же наличие подпорок *багана* было отличительной чертой восточномонгольской юрты, в жилищах калмыков и дэрбетов их не было⁷⁸³.

Специфика домостроительства забайкальских жителей проявлялась в следующем: «<...> у прочих же жителей Забайкалья (русских – А. Б.) строения далеко уступают встречаемым в других частях Сибири, но курных изб нигде нет; везде печки с трубами и большею частью при избе гостиная»⁷⁸⁴. Эти и другие сведения со всей очевидностью говорят о преимущественном распространении в субрегионе избы-пятистенки, что отличало Забайкалье от Предбайкалья, русское население которого все еще массово проживало в курной избе⁷⁸⁵, меньше в «белой» избе и избе-пятистенке. Относительно же бурят можно отметить, что у них домовое строительство, фактически начавшееся только в начале XIX в., было связано с восприятием более прогрессивного типа срубного жилища, чем курная изба, – «белой» избы, однокамерной или двухчастной (с сенями).

⁷⁸⁰ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 102.

⁷⁸¹ Ковалевский О. М. Указ. соч., 1829. С. 200.

⁷⁸² Кастрен М. А. Указ. соч., 1999. С. 284.

⁷⁸³ Дарбакова В. П. Указ. соч. С. 101.

⁷⁸⁴ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 118.

⁷⁸⁵ Там же. С. 110.

Еще одна важная деталь была характерна для изб бурят не только Забайкалья, но и других мест, – сохранение южной и юго-восточной ориентации входа. Тому способствовало, в частности, принятие многими забайкальскими бурятами буддизма, адепты которого поклонялись югу, стороне света, откуда, по их представлениям, пришло учение Будды. Такая ориентация жилищ, а вместе с ними и поселений, позволяла сохранять традиционное деление освоенного пространства внутри и вне поселения. Отсюда можно заключить, что любое заимствование из другой культуры буряты стремились органично встраивать в сложившуюся систему мировоззрения. Конечно, этот вывод не распространяется на крещенную оседлую часть бурят, живших в русских селениях и оторванных от бурятской этнической среды.

2.2. Изменения в интерьере жилища

Как мы могли выше убедиться, в первой половине XIX в. избы становятся распространенным явлением у многих территориальных групп бурят. Сама по себе планировка избы делала невозможным традиционное членение жилого пространства по кругу, с сакральным центром – домашним очагом, как это было в юрте. Поэтому поселяясь в ней, буряты были вынуждены по-новому размещать предметы интерьера и, естественно, оказывались перед необходимостью переосмысления внутреннего пространства жилища. Возможно, как раз с этим было связано исчезновение из языка бурят терминов, передававших условное деление жилища по гендерному признаку⁷⁸⁶.

Жизнь в «белой» избе и избе-пятистенке оказывала, помимо прочего, определенное влияние на состав утвари; эксплуатация печи (русской или голландской) потребовала дополнения ее железной и чугунной посудой.

На интерьер жилища, как и ранее, накладывали определенный отпечаток религиозные воззрения бурят. В изучаемое время буддизм

⁷⁸⁶ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 120–121.

превращается в основную религию бурятского населения Западного Забайкалья: по статистическим данным за 1824 г., в Верхнеудинском округе его адептов вместе с ламами было 79976 чел.⁷⁸⁷, а, по данным 1843 г., насчитывалось 82875 чел.⁷⁸⁸. В то же время в Округе имелось 5522 приверженца шаманизма, главным образом буряты Восточного Прибайкалья. В делопроизводственных документах Селенгинской степной думы указанного времени вообще не выделялась категория шаманистов – это было, конечно, красноречивым итогом долгой антишаманской борьбы буддийского духовенства, активная фаза которой пришлась на 1820–е гг.⁷⁸⁹.

В сравнении с XVIII в. христианизация бурят приобрела больший размах и напрямую затронула бурятское население двух уездов – Иркутского и Нижнеудинского; ее пик отмечался в 1840–е гг. По данным 1815 г., в упомянутых выше уездах были зафиксированы 28963 ревизские души из бурят, которые являлись последователями шаманизма⁷⁹⁰, другими словами, большинство предбайкальских, ольхонских и присаянских бурят было шаманистами. Между тем в 1842 г. в составе тех же этнотерриториальных групп насчитывалось около 4,3 тыс. крещеных бурят (10 % ревизских душ). О масштабности крещения свидетельствует тот факт, что в указанном выше году в Иркутском округе приняли христианскую веру сразу 453 бурята⁷⁹¹.

Более подробно рассмотрим данную ситуацию на примере селенгинских бурят. На 1 января 1853 г., согласно отчету Селенгинской степной думы, численность крещенных среди т. н. кочевых бурят достигала 528 чел., а оседлых бурят, по определению являвшихся православными христианами, было 257 чел.⁷⁹². Естественно, принятие христианства привело к появлению в избах неофитов «красного» угла с образами Христа и святых покровителей.

⁷⁸⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 48. Л. 31 об.

⁷⁸⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 91. Л. 76.

⁷⁸⁹ Бадмаев А. А. и др. Указ. соч., 2006. С. 20–21.

⁷⁹⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 48. Л. 56.

⁷⁹¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 78. Л. 75 об.

⁷⁹² ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2198. Л. 51 об.–52.

Подавляющее большинство селенгинских бурят к середине XIX в. стало приверженцами буддизма, для примера, в упомянутом 1853 г. их число составляло 22291 чел.⁷⁹³. Изменения в убранстве жилищ, прежде всего, должны были быть связаны с замещением шаманских предметов поклонения буддийской культовой атрибутикой. Однако выясняется, что изображения домашних онгонов никуда не исчезали; как сообщает О. Евецкий: «Пенатов или домашних богов они называют Онгонами и Иргекинами <...> Почти у каждого Бурята в его юрте висит кожаный мешок, в котором покоятся его пенаты»⁷⁹⁴. Вероятно, это было связано с известным процессом в буддизме, когда в число буддийских божеств и духов включались чтимые народом шаманские мифические персонажи, в том числе покровители скота, домашнего очага и др.

В домашнем алтаре бурята-буддиста обычно помещали привозные или местного дацанского производства бронзовые скульптуры и живописные иконы *танка*⁷⁹⁵, изображающие Будд или божеств из буддийского пантеона, ксилографические манускрипты (например, «Банцаракца» (*Банзарагша*) – тибето-буддийская книга, содержащая тексты молитв за здоровье и благополучную жизнь детей), другие ритуальные предметы (раковина каури, символ прочности и мгновенного просветления *ваджра* и др.) и сакральные продукты и напитки.

Анализ источников первой половины XIX в. показывает, что предметно-вещевой комплекс в юрте селенгинских бурят постепенно менялся. Если в XVIII в. кожаная утварь во всем своем многообразии была представлена в убранстве жилища, то в рассматриваемое время круг ее применения сузился. Источники позволяют достоверно говорить о наличии в интерьере лишь кожаных мешков *тулам*, но это не исключает существование и ряда других видов кожаной утвари, тем более, что во второй половине XIX

⁷⁹³ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2198. Л. 51 об.–52.

⁷⁹⁴ Евецкий О. Указ. соч. С. 128–129.

⁷⁹⁵ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 46; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1–14; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1306; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1596.

в. они фигурируют в описаниях авторов. Теперь основу домашней утвари составляла посуда из дерева и металла. В ней наряду с традиционными видами утвари присутствуют изготовленные бондарным способом кадушки, ведра и маслобойки. Процесс инкорпорации в домашнюю посуду элементов из других культур становится заметнее. Речь прежде всего может идти о китайских чайниках из красного дерева и цветного металла, лаковых деревянных чашках, котлах разной емкости и др. В этом, конечно, особую роль играла русско-китайская торговля, которую следует рассматривать как один из факторов в развитии интерьера жилища.

Другой компонент предметно-вещевого комплекса, мебель, в изучаемое время приобретает новое качество, ее ядром становится исполненный в едином художественно-композиционном стиле комплект предметов, входивший в приданное невесты, и заказываемый местным мастерам. Помимо известных в XVIII в. предметов, она включает в себя новые элементы: невысокую разборную кровать, сундук на подставке, низкий буфет, этажерку из полок для посуды. Перечисленная мебель, как правило, декорировалась цветной росписью или резным орнаментом.

Новой тенденцией, характерной для интерьера жилища богатого бурята, явилось появление в нем городских видов посуды (кофейника, самовара (последнее свидетельствует о рецепции зажиточной частью бурят Западного Забайкалья русской традиции питья черного чая с сахаром-леденцом), кастрюль) и резных диванов⁷⁹⁶. По традиции на стену вешали представляющие предмет гордости хозяина дома холодное и огнестрельное оружие (в том числе наградные кортики, старинные мечи и кремневые ружья, луки с колчанами, полными стрел), конские седла; многие из этих предметов были украшены серебряной насечкой.

Внутренняя обстановка юрты у бедного селенгинского бурята, по Кастрену, выглядела следующим образом: «В этой юрте его движимое имущество состоит из нескольких деревянных сундуков, горшков, кадок и

⁷⁹⁶ Кастрен М. А. Указ. соч., 1860. С. 71–72.

берестяных плетушек, ветхих войлоков и т. д.»⁷⁹⁷. Примечательно указание на принадлежность берестяной утвари и, очевидно, мебели малоимущим бурятам; вероятно, в Западное Забайкалье (и Восточное Прибайкалье) технология производства берестяных изделий попала благодаря бурятам-представителям предбайкальских родов, от последних данная традиция была воспринята умельцами из числа селенгинских монголов (ее популярность обуславливалась доступностью берестяного материала).

В юрте также хранился хозяйственный инвентарь (конская сбруя, топоры с узким лезвием, ножницы, охотничьи винтовки и т. п.⁷⁹⁸).

Как и в XVIII в., состоятельные люди имели отдельные юрты, предназначенные для выполнения хозяйственных работ, включая приготовление пищи, и отправления буддийских обрядов. Остальные буряты производили все эти занятия в жилой юрте.

Традиционное деление внутреннего пространства юрты с выделением в нем четырех условных зон и соответствующего набора атрибутов в каждой из них транслировалось в культуре не только селенгинских, но и хоринских, и агинских бурят. Новации, которые создавали комфортабельные условия жизни, в частности, разборные дощатые полы, поначалу появились у элитарной группы бурят Забайкалья, а потом были восприняты как модное явление другими материально обеспеченными бурятами. У них стало принято устилать пол вокруг открытого очага стеганными войлочными ковриками, и подкладывать сидящим в качестве опоры небольшие набивные подушки. Состоятельные люди размещали деревянную и металлическую утварь на подвесных полках в хозяйственной части помещения. Для безопасности жилища они начали ограждать кирпичом домашний очаг.

В то же время в юрте сохранялись многие элементы прежнего быта, например, войлочные ящики, «наподобие чемоданов, обшитые

⁷⁹⁷ Кастрен М. А. Указ. соч., 1860. С. 71–72.

⁷⁹⁸ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1–14; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1306; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1596.

разноцветными сукнами и плисом»⁷⁹⁹, которые были маркерами кочевой жизни.

Внутреннее убранство жилища у многих бурят Прибайкалья имело более консервативные черты, чем у бурят Забайкалья, объяснялось это, в частности, сохранением у них традиций шаманизма. Источники упоминают известные по материалам XVIII в. меховые коврики из камусов, войлочные седушки, тканый полог, изображения домашних фетишей и т. д. Однако седентаризационные процессы, участие во внутрирегиональной и приграничной торговле, а также усиление влияния русской аграрной и городской культуры, превносили инновации в их быт. Так, их утварь пополнилась русскими видами деревянной и металлической посуды (бочками и полубочками для засолки и хранения рыбы, кадушками и др.), в мебели появились обитые жостью сундуки, кроме того, в интерьере жилища появились охотничьи ружья и др.

Изменения в жилищно-поселенческом комплексе и религиозном сознании отразились на внутреннем убранстве жилища у бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья. Прежде всего, это касалось новокрещенных бурят, которые в большинстве своем являлись двоеверцами. Это выразилось в одновременном присутствии во внутреннем оформлении их жилищ культовых атрибутов православия («красного» угла со святыми образами) и шаманизма (изображений онгонов). Вероятно, такой синкретизм объяснялся тем, что их мировоззрение продолжало оставаться в плену традиционного многобожия, следовательно, Христос и святые угодники были просто добавлены к почитаемому пантеону небесных покровителей и мифических духов-хозяев. В отношении всех этих христианских и шаманских персонажей буряты придерживались критерия их полезности в реальной жизни. Поэтому кажется неудивительным в их религиозном поведении обращение за помощью то к православному священнику, то к местному шаману.

⁷⁹⁹ Бюлер Ф. А. Указ. соч. С. 227.

В течение рассматриваемого периода количество сторонников буддизма среди бурят Предбайкалья и Восточного Присяянья выросло: в 1843 г. буддистов в Иркутском округе насчитывалось 14940 чел.⁸⁰⁰. В отличие от новокрещенных, буддисты-неофиты были крепче в своем религиозном выборе и именно потому, что буддизм представлял синкретичную систему, впитавшую в себя бурятские шаманские представления.

В их жилище у противоположной к входу стене размещали киот, оформленный, в соответствии с буддийскими канонами, и потому повторявший божницы забайкальских бурят.

Наиболее восприимчивой к плодам чужой культуры, как мы выяснили, была зажиточная часть бурят. У бурят Предбайкалья и Восточного Присяянья она первой строила на зимниках новые типы срубных жилищ («белую» избу и избу-пятистенки) и во внутренней обстановке ее жилища были наиболее представлены предметы русского сельского и городского быта (резная мебель, стеклянная, керамическая и др. посуда). Заметно консервативнее был домашний обиход у простых бурят, во внутреннем убранстве их юрт, согласно источникам, были: берестяная утварь, изготовленный из кожи или дерева сосуд *саба*, деревянные мутовки, дорожные сумы *ута*, детские колыбели из бересты или досок, и т. д. Однако и у них встречалась покупная посуда (например, чайные и суповые чашки, известные у русских крестьян⁸⁰¹). Постелью им служили войлоки и набитые шерстью подушки, а на полу расстилали лоскутные меховые коврики, пошитые из камусов козы, оленя или шкуры с лап медведя. Посуда находилась на закрепленных на стене полках в хозяйственной (женской) части юрты, и подвешивалась на деревянные крючья (котлы).

Итак, в первой половине XIX в. в интерьере бурятской юрты при сохранении ее традиционного плана изменения были связаны с предметно-

⁸⁰⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 91. Л. 76.

⁸⁰¹ Раев А. Указ. соч. С. 11.

вещевым комплексом. В то же время рецепция русской избы и крещение бурят дали начало отказу от членения юртового пространства по гендерному признаку. Территориальные версии данного комплекса эволюционировали в сторону выработки общих и локальных черт. Его компоненты, прежде всего, у состоятельных бурят включили в себя инокультурные элементы. Общий тренд у всех территориальных групп бурят заключался в пополнении предметно-вещевого комплекса новыми, заимствованными элементами, но не смена ими традиционных элементов.

2.3. Система питания и седентаризация

Роль Российского государства в становлении и развитии у бурят новых хозяйственных занятий (хлебопашества, огородничества), и, в конечном счете, в их переходе на оседлость была значительна. Начиная с конца XVIII в., Иркутская губернская администрация акцентировала внимание на том, чтобы бурятская управленческая элита внедряла земледельческий опыт среди подчиненных. В частности, этому были посвящены инструкция губернатора Н. И. Трескина, другие распоряжения и указы иркутских губернских властей, адресованные вновь выбранным тайшам. Данная позиция русской администрации была подтверждена и в предписании М. М. Сперанского главному тайше бурят Верхотурского ведомства (Приложение Б. Док-т 7).

Обратная реакция на спускаемые сверху резолюции на первых порах была сдержанной и скромные результаты развития новых отраслей нередко приукрашивались недостоверными отчетами, поданными с мест. Более того, сложилась даже практика приписок со стороны нечистоплотных родоначальников, стремившихся за дутые цифры достижений получить конкретные поощрения (награды, чины и др.). Требовалось время и условия, при которых элитарная группа и рядовые буряты могли осознать привлекательность земледельческого труда. Но в связи с, прежде всего, объективно складывающейся экономической ситуацией в Байкальском регионе (давление миграционного переселенческого потока, усложнившего

ведение кочевого и полукочевого скотоводства бурятами, рост потребности в регионе и за его пределами в хлебе, меры, принимаемые в губернии, для поощрения земледелия среди бурят) этот процесс пошел быстрее. Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. бурятское земледелие приобрело товарный характер и имело перспективу роста, потенциальными рынками сбыта выращенного хлеба являлись восточносибирские города и горнодобывающая промышленность. Итак, наличие постоянного спроса в Восточносибирской губернии на хлебное зерно подталкивало развитие бурятского земледелия.

Предбайкалье

В первой половине XIX в. комплекс питания предбайкальских бурят сохранял скотоводческо-зерновую основу.

Домашнее стадо состояло из крупного и мелкого рогатого скота, и лошадей. Его селекцией буряты почти не занимались, были лишь попытки улучшить бурятскую породу лошадей, скрещивая ее с жеребцами томской породы. Губернские власти, находясь под впечатлением от достижений европейских селекционеров-животноводов, озаботились низкосортностью шерсти бурятских овец, поставляемой на казенную Тальминскую суконную фабрику. В 1832 г. по решению губернатора И. Б. Цейдлера были приобретены саксонские мериносы для получения местной тонкорунной породы овец. Компания, созданная для претворения этой задачи, оказалась нерентабельной и в 1838 г. закрылась, но в ее филиалах остались стада мериносов. Еще одной мерой, направленной на решение проблемы, было просвещение бурят в вопросах овцеводства, с этой целью было даже разработано и разослано в Степные думы специальное руководство (Приложение Б. Док-т 8). Например, в 1844 г. в ведомстве Балаганской степной думы, местонахождении одного из филиалов компании, оставались 220 овец-мериносов. В начале 1830–х гг. иркутские купцы Трапезниковы

попытались повысить удойность крупного рогатого скота, скрещивая местное стадо с коровами холмогорской породы⁸⁰².

Дойное стадо у бурят Предбайкалья состояло из коров, кобылиц и коз аборигенных пород. Основные надои молока давали коровы, меньше – кобылицы и козы. В рассматриваемый период изменений в доении скота не произошло.

Молочная кухня преимущественно была представлена жидкими и твердыми кисломолочными продуктами, что обуславливалось низкой удойностью крупного рогатого скота и желанием иметь в течение года молочную составляющую в рационе питания. Сезоном наибольшего потребления молока и производных из него продуктов было лето, а минимального – конец зимы – начало весны.

Главной снедью являлась творожистая масса *аарса*, использовавшаяся как ингредиент в ряде блюд (ее смешивали со сметаной, разводили в воде, кипяченом молоке, добавляли в суп). Скващенное молоко было основой для получения масла, сметаны, простокваши, сушеных сырков, творога, молочного вина. Производные из молока продукты применялись как субстраты ряда блюд; во время приготовления последних они смешивались с мукой, каленной крупой или зерном, лесными ягодами, молоком, сметаной или водой. Транслировалась традиция смешивания коровьего, кобыльего и козьего молока, и приготовления на основе этой смеси разных блюд и снедей.

Молочная пища употреблялась во время различных трапез, включая ритуальные и праздничные. Разница в потреблении молочных продуктов у полярных слоев предбайкальско-бурятского общества выражалась в количестве потребляемого и качестве его приготовления.

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о самогоноварении у бурят. Губернские власти, поддерживая государственную монополию на водочную продукцию, особо бдили за незаконным производством т. н.

⁸⁰² РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 67. Л. 48.

корчемного вина, которое сокращало хлебные запасы в Байкальском регионе. Сохранились документы, говорящие о широком размахе самогонварения среди населения региона, в том числе у бурят разных ведомств (Приложение Б. Док-т 8). Обозначенные в архивном источнике буряты оказались в поле зрения надзорных органов по причине изготовления и продажи особого сорта молочного вина, выкуренного с добавлением хлебного зерна⁸⁰³. Как всегда обязанность по пресечению такой деятельности была возложена на управленческую элиту бурят, с которых даже брали соответствующую подписку (Приложение Б. Док-т 9). Активное распространение земледелия среди различных территориальных групп бурят и связанное с этим появление у них излишков зерна, в особенности в урожайные годы, подвигло часть бурят на противоправную предпринимательскую деятельность; благоприятствовало этому существование в русской сельской среде неудовлетворенного спроса на недорогой алкогольный продукт (согласно отчету поверенного питейного откупа, крестьяне предпочитали покупать это зелье у бурят, а не казенную водку⁸⁰⁴). Кроме того, развитию данного явления способствовало законодательно разрешенное право сибирских и иных инородцев производить для собственных нужд молочное вино, которым зачастую прикрывались уличенные самогонщики. Понятно, что производимый алкоголь не только продавался на сторону, но и вошел в питание бурят как «хлебное» вино (тарасун делали из жидкого теста, заквашенного на опаре).

Обнаруживается определенная связь между этим напитком и известным, начиная с сочинения Г. Рубрука, в европейской литературе сортом китайской рисовой водки. В передаче Г. Рубрука он назывался «террасина»; данное название современные исследователи считают латинизированным монгольским словом «тарасун»⁸⁰⁵, которое в

⁸⁰³ Бадмаев А. А. Буряты и русские: диалог культур (XVIII – первая половина XIX в.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 286.

⁸⁰⁴ ГА РБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 15. Л. 3–3 об.

⁸⁰⁵ Рубрук Г. Указ. соч. С. 236.

произношении бурят Предбайкалья и Прибайкалья звучит как *дарһа(н)* (производное от слова *дараха* ‘давить’ или, что более вероятнее, от словосочетания *таряа суу* ‘зерно и молоко’ (по аналогии, *таран sun* на старописьменном монгольском языке); в пользу такого происхождения слова косвенно указывает номинация хлебной водки у монголов – *таран арки*⁸⁰⁶ ‘водка из зерна’. Хотя технология приготовления названных выше винных продуктов различается как по рецептуре, так и происхождению, безусловно, что буряты, следуя древней традиции монголов называть крепкое зерновое вино тарасуном, так нарекли молочную водку с добавлением хлебного теста. Нельзя утверждать, что изготовление бурятами алкогольного напитка на основе переработки молока и зерна было оригинальным; один неизвестный автор второй половины XVII в., описывая быт «калмыков» (джунгаров), называет популярный у них способ выгонки молочной водки: «Они (джунгары) имеют также водку [приготовленную] из кобыльего молока и ячменя, очень крепкую»⁸⁰⁷.

Состав употребляемого в пищу мяса домашних и диких животных у бурят Предбайкалья и других субрегионов оставался почти неизменным. Было принято забивать на мясо главным образом старых и больных животных. Телят и жеребят не трогали, чтобы не лишиться удоя от коров и кобылиц. В 1820–е гг. верхоленские буряты пробовали заниматься свиноводством, но развитие оно получило в хозяйствах только у части оседлых бурят. Возможно, преодолению предубедительного отношения к данному мясу способствовали пример русских и, главное, экономическая возможность содержания свиного поголовья, обусловленная занятием земледелием (снимавшего вопрос обеспечения их зимним кормом).

Как и ранее, исключали из питания мясо т. н. нечистых животных. Вероятно, вследствие уменьшения значения охотничьего промысла и развития скотоводства у бурят Предбайкалья сузилось потребление мяса

⁸⁰⁶ Потанин Г. Н. Указ. соч. С. 114.

⁸⁰⁷ Алексеев М. П. Указ. соч., 2006. С. 294.

хищных животных, в частности волка. В общей массе потребляемого мяса доля мяса водоплавающей и боровой птицы была достаточно скромной. Сохранялось пищевое избегание мяса птиц, которые по представлениям бурят считались «нечистыми» или являлись для отдельных этнических сообществ тотемными.

Мясную пищу, кроме жаренного мяса, готовили женщины.

Состав т. н. почетного мяса оставался прежним: наиболее уважаемым гостям подавали приготовленную голову коня или барана, бараний крестец. Для угощения гостей, как правило, отбирали жирную конину или баранину. Во время трапез соблюдалась регламентированная раздача кусков отварной баранины, а в ходе больших застолий данную обязанность исполнял искушенный в этом человек. Требования, предъявляемые к обрядовому мясу, сохранялись; такая конина или баранина должна была быть отварной или жаренной, и несоленой. Для других трапез блюда из мяса подсаливали.

Потребление мяса павших животных продолжилось, оно было типично для всех групп бурят⁸⁰⁸; о естественных причинах данного явления говорилось выше. При наступлении череды засушливых лет экономика бурят несла тяжелый урон. Потеря скота от бескормицы имела следствием, как временное структурное изменение питания, так и вынужденное потребление некачественных продуктов.

В зависимости от календарного сезона и обеспеченности семьи потребление мяса существенно колебалось.

Зимой в повседневное питание входили отварные говядина или конина, суп из мелконарезанного мяса и зеленого лука, суп из бараньих внутренностей. В летний сезон мяса потребляли мало, изредка кушали отварную баранину, одновременно с ней отваривали требуху, кровяную колбасу с добавлением молока и накрошенного дикого лука, жаренную печень, обернутую нутряным жиром. Редким становится употребление свежей и жаренной конской крови. Вероятно, у русских был перенят способ

⁸⁰⁸ Спасский Г. Н. Указ. соч., 1824. С. 37.

хранения мяса в искусственном леднике, в то же время транслировались технологии вяления и сушки мяса крупных животных, в основном крупного рогатого скота. Самобытной являлась технология жарки баранины с последующим ее хранением в берестяном туесе.

В изучаемое время Предбайкалье превращается благодаря седентаризации бурят в важнейшую житницу Восточной Сибири. Буряты культивировали пшеницу, яровую рожь, ячмень и овес. Эти злаковые заменили собой такие посевные культуры, как просо и гречиха. Рассмотрение приводимой в отчетах бурятских ведомств субрегиона статистики показывает заметный разброс оставляемого на собственное продовольствие урожая зерновых у разных территориальных групп бурят. Например, в 1842 г. у кудинских бурят норма потребления хлеба была следующей: «На пропитание инородцам вывезено на каждую ревизскую мужеска полу душу согласно назначению высшего начальства **не более 30 фунтов в месяц** (выделено авт.) 5619 четвертей»⁸⁰⁹. То есть на пропитание было отложено 12,3 % урожая хлебного зерна, соответственно, на год каждой ревизской душе было выделено около 66,2 кг, в день – 181 г. Данные по аларским бурятам за 1849 г. свидетельствуют, что на продовольствие ими было оставлено примерно 12 % урожая⁸¹⁰. На одну ревизскую душу выходило в год 36,5 кг зерна, в день – 100 г, что существенно ниже показателей у бурят Кудинского ведомства. Очевидно, объяснение столь явного отличия в обеспеченности хлебом двух близлежащих территориальных групп лежит в особенностях их хозяйства: в первой половине XIX в. многие аларские буряты вели скотоводческое хозяйство; хозяйство у кудинских бурят преимущественно было скотоводческо-земледельческим.

На потребление злаков бурятами Предбайкалья негативно сказывались неурожайные годы, в наступлении которых наблюдалась определенная

⁸⁰⁹ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 300. Л. 35.

⁸¹⁰ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 62. Л. 160.

цикличность. В первой половине XIX в. такими были 1801, 1811, 1820, 1830, 1840 гг.⁸¹¹.

Верхоленские буряты подают пример стремительного роста потребления хлебно-зерновых культур: в 1830 г. 19,7 % урожая зерновых они направили на провиант⁸¹² (годовой пай зерна на год был равен 59,76 кг, ежедневный – 164 г; в 1836 г. 45,4 % урожая было ими отложено на продовольствие (годовой пай хлеба составил 157,6 кг, дневной – 432 г)⁸¹³. Вероятно, 1836 г. с точки урожайности был исключительным (а 1830 г., как показано выше, был неурожайным). Исследования показывают, что из-за неразвитости внутреннего рынка в России крестьяне в урожайные годы оказывались в ситуации, когда предложение намного превышало спрос и цены на хлеб были низкими⁸¹⁴. Поэтому зерно, которое не удалось реализовать, бурятам было проще пустить на собственное продовольствие.

Авторы первой половины XIX в. по-разному оценивали структуру хозяйства верхоленских бурят: М. М. Геденштром считал, что у них в основном скотоводческо-охотничье хозяйство⁸¹⁵; Н. С. Щукин полагал, что оно было скотоводческо-земледельческим⁸¹⁶. Думается, был прав последний. Несмотря на падение земледелия в начале 1830-х гг. (пашня у них сократилась с 9115 десятин (1825 г.) до 3958 десятин (1831 г.)), в 1836 г. тенденция была преодолена (посевные площади стали больше, чем в 1825 г.) и отрасль восстановила свои позиции в экономике. Здесь определяющую роль сыграл опять-таки природно-климатический фактор: если 1824 и 1836 гг. оказались урожайными, то 1830 г., как отмечалось ранее, таковым не был⁸¹⁷.

Каленую крупу добавляли в кашу *тибэһэн*, кашу на молоке *амһан*, чай *зутараан*. Зерна ржи были ингредиентом супа, распарив, их смешивали с

⁸¹¹ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 355.

⁸¹² ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 34 об.–35.

⁸¹³ ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 218. Л. 176.

⁸¹⁴ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 36.

⁸¹⁵ Геденштром М. М. Указ. соч. С. 77.

⁸¹⁶ Щукин Н. С. Указ. соч., 1833. С. 18.

⁸¹⁷ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 355.

молочными изделиями⁸¹⁸. Мука (из пшеницы или ржи) использовалась как субстрат супа, чая *зутараан*, саламата *зоохэй*. Саламат варили для обрядовых и праздничных трапез. Из пресного теста выпекали лепешки, но при этом печеный хлеб покупали у русских.

Большинство бурят мололи зерно ручными мельницами, полученной муки им вполне хватало на собственное потребление. А вот строительству водяных мельниц на бурятских землях подтолкнул спрос, который сложился на региональном продуктовом рынке, именно туда поставлялась основная часть готовой муки. Осознав выгоду от продажи не цельного зерна, а муки, буряты в местах, где не было мельниц, отвозили зерно на помол к русским⁸¹⁹.

С 1820-х гг. начинается развитие огородничества у бурят субрегиона (пионерами были верхоленские буряты). Сажали в огородах репу, морковь, капусту, редьку, огурцы, свеклу, лук. Большого всего огородных культур выращивали на грядках верхоленские буряты, у них, кроме перечисленных выше овощей, росли еще горох и бобы. Локальным было возделывание брюквы оседлой частью аларских бурят. О культивировании овощей и картофеля сообщается в одном из источников: «У инородцев (балаганских бурят – А. Б.) в огородах ежегодно сажается картофель, капуста, репа, редька, морковь и частью огурцы, свекла и лук, на продажу сеи овощи не поступают, употребляют оные на собственное продовольствие и заготавливаются для посева, этою частью постоянно занимаются оседлые инородцы и оная постепенно умножаются»⁸²⁰. Из приведенного отрывка следует, что овощеводами были оседлые буряты, а основная масса бурят ограничивалась разведением картофеля. По данным на 1842 г., картофелеводством были заняты 78,8 % бурят Балаганского ведомства, причем, 82,8 % из них относились к т. н. кочевым бурятам, лишь 17,2 % – к оседлой части бурят. Большинство бурят Кудинского ведомства также сажали картофель – 89,1 %. Для них был особенно памятен 1842 г., когда все

⁸¹⁸ Щукин Н. С. Указ. соч., 1852. С. 36.

⁸¹⁹ Там же.

⁸²⁰ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 367. Л. 42.

23 родовых подразделения приступили к выращиванию этой клубненосной культуры (для примера, в предшествующий год в этом участвовали представители 14 родов)⁸²¹.

Картофель начинает занимать важное место в повседневной пище бурят Предбайкалья. Подсчеты, выполненные на основе данных архивных источников, дают возможность установить его место в питании кудинских бурят. Например, в 1842 г. 71,75 % собранного картофеля было оставлено ими на собственное потребление, из вычислений следует, что на одного занятого картофелеводством бурята в год в среднем доводилось 313 кг клубней, в день – 857 г. Но вот 1841 г. был неурожайным для картофеля (его собрали на 31843 четвертей меньше, всего в общей сложности 990 четвертей), поэтому его доля в структуре у данной группы бурят была ничтожной.

Состав напитков у большинства бурят субрегиона оставался традиционным: чай *зутараан*, чай из сборов местной флоры, китайский чай с молоком, вода (зимой в виде топленого снега), березовый сок (в том числе разводимый в воде затвердевший сок), квашенное молоко, простокваша, молочное вино, мясной бульон.

В пищу употребляли дикоросы (дикий лук *мангир*, луковицы алой сараны, ягоды и др.). Накрошенный свежий или сушеный лук добавляли в мясные блюда, отварные луковицы сараны включали в рецепты различных блюд. Забыта была традиция выпечки пресных лепешек из муки, изготовленной из растертых корней дикоросов.

Большинство предбайкальских бурят не употребляло в пищу рыбу. Она входила в питание, как правило, малоимущих бурят, возмещая потребность в мясе. Однако у нижеудинских и унгинских бурят, у которых рыболовство занимало важное место в структуре их хозяйства, рыба была включена не только в повседневную пищу, но и в обрядовую. Рыбачили главным образом

⁸²¹ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 334. Л. 92 об.–93 об.

на Байкале, по притокам Ангары (Унга, Залари и т. п.) и на озерах (Алят и др.), ловили омуля, сига, хариуса, ельца, окуня, щуку, налима.

Некоторые предбайкальские буряты сами не занимались рыболовством, но покупали рыбу у ольхонских бурят: «Рыболовных мест по ведомству верхоленских братских не имеется, и потому братские никакой рыбопромышленности не производят, ибо некоторые инородцы и для себя **рыбу покупают у братских Ольхонского ведомства** (выделено авт.), обитающих около Байкала моря»⁸²².

Рыбу кушали отварную, жареную, соленую, замороженную, вяленую и копченую. При жарке и копчении рыбы, и употреблении ее в мороженном и вяленом виде соль и приправы не применяли. Сохраняли ее впрок соленую в бочке или вяленую.

Будничные трапезы у большинства бурят не изменились, только оседлые буряты дополнили повседневную пищу печеным хлебом, картофельными и овощными блюдами. Претерпели трансформацию ритуально-престижные застолья крещеных бурят, проживавших в населенных пунктах со смешанным и русским населением. Православной церкви в целом не удалось заставить бурят-неофитов, формально принявших христианство, придерживаться строгих воздержаний в пище и поститься. В то же время и буддийские ламы не смогли убедить всех аларских бурят следовать запретам на употребление конины и мяса павших животных.

Прибайкалье

Для всех бурят Прибайкалья был характерен четырехвидовой состав дойного стада (Приложение А. Табл. 5). Тот факт, что удельный вес крупного рогатого скота у территориальных групп бурят субрегиона был заметно выше, чем — лошадей, говорит, во-первых, об их полuosедлости, во-вторых, указывает на преимущественное потребление ими в пищу продуктов из коровьего молока. Добавим к сказанному, что у всех групп основу стада

⁸²² ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 73.

составляли овцы, неслучайно, поэтому в питании у них присутствовало овечье молоко. Вообще же у бурят Прибайкалья, как и у предбайкальских бурят, было принято смешивать молоко от разных видов дойных животных, включая и козье. Ольхонские буряты сливали такое смешанное молоко в одну кадку⁸²³. Для них это было более чем необходимо, так как местные коровы монгольской породы имели самую низкую удойность среди остальных бурятских коров⁸²⁴.

Способы доения у бурят Прибайкалья были те же, что у предбайкальских бурят.

Миксированное молоко служило основой для приготовления различных кисломолочных продуктов. Это можно видеть на примере баргузинских бурят. Так, путем смешивания кобыльего и коровьего молока они получали квашеную пахту *хурэнгэ*⁸²⁵. Высокая доля овец в их домашнем стаде повлияла на более широкое, чем у других бурят субрегиона, применение овечьего молока в кухне, в частности, из него получали простоквашу.

Основной молочной снедью у прибайкальских бурят, как и у бурят Предбайкалья, была творожистая масса *аарса*, которая имела длительные сроки хранения, поэтому ее запасали впрок в большом количестве. Ее добавляли в супы, например, варили мучной суп из разведенной аарса и ржаной муки⁸²⁶. Рецепты других блюд с ее использованием были те же, что и у предбайкальских бурят.

Второе по значимости место в системе питания бурят Прибайкалья занимало мясо. Скотоводство представляло их главное занятие, поэтому в структуре питания мясо домашних животных играло важную роль. Тот факт, что большинство из них были приверженцами шаманизма влияло и на их вкусовые предпочтения: конина и баранина доминировали в мясной пище и

⁸²³ Щукин Н. С. Указ. соч., 1852. С. 43.

⁸²⁴ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 74–83.

⁸²⁵ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 11.

⁸²⁶ Там же. Л. 12.

включались не только в повседневные, но и в ритуально-престижные трапезы. У них, как и у других бурят, существовала дифференциация животных на имеющих «горячее» и «холодное» дыхание, в соответствии, с которым конское и баранье мясо признавались более полезными, чем говяжье и козлиное. По этой причине потребление говядины и козлятины было ограниченным, и в разряд ритуальной и праздничной пищи, гостевого угощения их не включали. Не повторяясь укажем, что приемы забоя скота и лошадей, технологии обработки и хранения мяса, ассортимент приготавливаемых из него блюд и снеди был идентичен описанному выше у предбайкальских бурят.

Развитие скотоводства, как и в целом всей экономики, у бурят Прибайкалья зависело от природно-климатических условий. Например, в результате череды засушливых лет, случившейся в конце 1830–1840-е гг. в Западном Прибайкалье, домашнее стадо у ольхонских бурят понесло тяжелый урон. Вследствие этого у них упало потребление мяса домашних животных.

Одним из источников пополнения мясного запаса являлась охота, занятию которой не везде благоприятствовали условия природной среды субрегиона: Ольхон из-за скудости местной фауны был бесперспективен для охоты, и ольхонские буряты в основном промышляли в Приольхонье, но и здесь они были ограничены в промысловых угодьях; у кударинских бурят места охоты находились в большом отдалении от ареала их расселения, поэтому занятых в промысле у них было немного. Районами охотничьего промысла служили верховья реки Баргузин, лесистые хребты Прибайкалья (Хамар-Дабан, Улан-Бургасы, Приморский, Баргузинский и др.). Анализ архивных материалов показывает, что наиболее успешной была охота у баргузинских бурят как раз в силу условий природно-экологической зоны, которую они занимали.

К числу промышляемых диких животных, мясо которых употреблялось в пищу, относились: у ольхонских бурят – белка, нерпа, волк, заяц, дикая

коза и изюбрь; у кударинских бурят – белка, заяц, в 1840–е гг. к ним прибавились дикая коза и, вероятно, нерпа; у баргузинских бурят – белка, кабарга, дикая коза, волк и изюбрь. Если исходить из архивных данных, то специально мясной охотой буряты Прибайкалья не занимались, в пользу этого говорит в целом небольшое количество добытых крупных животных и то, что основным объектом промысла являлась белка, пушной зверек. Можно рассматривать как исключение охоту на нерпу у ольхонских бурят и – на кабаргу у баргузинских бурят.

Источники первой половины XIX в. отмечают у ольхонских бурят пищевое пристрастие к волчатине: «<...> однакож диких зверей здесь уже встречается очень мало, и Бурят без разбору употребляет их в пищу. Для него волчье мясо столь же вкусно, как и баранье»⁸²⁷. Данное явление было связано с народными представлениями о том, что волк, наряду с медведем и кабаном, является животным с «горячим» дыханием⁸²⁸, и потому его мясо считается полезным.

Хлебно-зерновая составляющая в системе питания у разных групп бурят субрегиона варьировала. Определяющими для развития земледелия у ольхонских бурят были условия природной среды, неблагоприятствовавшие новому занятию. Пашня у них в лучшие годы едва достигала 14 десятин и в силу частых заморозков и засушливых лет хлеб приходилось растить в убыток себе⁸²⁹. В 1844 г. земледелием у них было занято 33 чел. (0,6 % ольхонских бурят). У двух других территориальных групп бурят субрегиона посевные площади были значительно больше, чем у ольхонских бурят: в 1841 г. в Баргузинском ведомстве пахотное поле занимало 755 десятин (максимальная запашка в период с 1834 по 1842 гг. достигала 1002 десятин⁸³⁰), в 1838 г. в Кударинском – 735 десятин (в 1834 – 1121 десятин). Показателен вывод, который сделал М. М. Шмулевич на основе анализа

⁸²⁷ Ковалевский О. М. Указ. соч., 1829. С. 178.

⁸²⁸ Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2000. С. 100.

⁸²⁹ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 138.

⁸³⁰ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 2.

данных, приводимых в работе Н. В. Кима, – в первой четверти XIX в. 732 чел. (50 % работников у баргузинских бурят) были заняты земледелием⁸³¹. При рассмотрении статистических данных по баргузинским и кударинским бурятам можно вывести некую закономерность – чем были меньше размеры посевных площадей в ведомствах, тем был выше удельный вес отмерявшегося на продовольствие зерна. Для примера, в 1841 г. почти 55 % урожая зерновых баргузинцы потратили на питание⁸³². На одного баргузинского бурята в год полагалось 14,8 кг хлеба (в день – 40 г), эта цифра определенно указывает на то, что доля, занимаемая хлебно-зерновыми продуктами, в структуре питания баргузинских бурят была намного ниже, чем у бурят Предбайкалья. Этот вывод относим и к остальным бурятам Прибайкалья, по данному признаку они стоят ближе к полукочевым бурятам Забайкалья.

Потребность в хлебе баргузинские и кударинские буряты удовлетворяли за счет выделяемого им зерна из экономических магазинов (у ольхонских бурят таких магазинов не было), из этой ситуации выходили также благодаря натуральному обмену и продаже продуктов скотоводческого хозяйства и рыбы на зерно у русских и бурят.

Хлебные злаки в виде целых зерен, каленых и дробленых зерен, муки использовались при приготовлении различных блюд и снедей, которые в целом были идентичны рассмотренному выше у предбайкальских бурят. Как локальную особенность в питании ольхонских бурят, можно отметить выпечку у них лепешек из пресного теста на специальных каменных плитках.

Хлебно-зерновые продукты входили в повседневные и ритуально-престижные трапезы. В частности, у всех бурят субрегиона обрядовым блюдом являлся саламат.

Картофелеводство у прибайкальских бурят, в отличие от Предбайкальских, имело меньший размах. Например, в 1844 г. у ольхонских

⁸³¹ Шмудевич М. М. Указ. соч. С. 29.

⁸³² ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 76. Л. 218.

бурят посадкой картофеля было занято 11,6 % от их числа. В культивировании картофеля в основном участвовали т. н. кочевые буряты, которые, оценив его как второй хлеб, включали в питание. В упомянутый год картофеля было собрано 8904 кг, на 5304 кг больше, чем в 1843 г.⁸³³. Данный прогресс не был бы возможен без усилий родоначальников, агитировавших бурят на освоение этой клубненосной культуры. Тем не менее, заметной доли в структуре питания картофель не занял: на одного картофелевода в ведомстве Ольхонской степной думы в год приходилось лишь 10 кг. В пищу его употребляли, как правило, в печеном виде.

Если сравнивать развитие картофелеводства у двух других групп бурят Прибайкалья, то стоит указать, что, например, в 1843 г. оно имело больший успех у кударинских бурят, у баргузинских – площади под посадку картофеля оставались небольшими⁸³⁴. Новое хозяйственное занятие у последних приживалось не без труда. В архивных документах обнаруживаются об этом такие свидетельства: «<...> несмотря на хороший урожай оных, они (баргузинские буряты – А. Б.) занимаются очень неприлежно, немногие в этом случае оказывают усердие и они то пользуются продовольствием картофельным от своих трудов, а то большая часть скитаются за приобретением для пропитания оного в русские селения»⁸³⁵.

Первые опыты по посадке картофеля баргузинскими бурятами относятся к 1810–м гг.⁸³⁶. Правда, по отчетам Думы и другим официальным документам⁸³⁷ всплывает другая дата – 1840 г.; можно предположить, что начальный опыт картофелеводства не имел продолжение и был забыт бурятами, а упомянутый год был им памятен, как заложивший устойчивую хозяйственную традицию. В 1841 г. в Баргузинском ведомстве был получен урожай в 350 пудов картофеля, в 1842 г. – уже в 489 пудов 15 фунтов. Судя по документам, в 1842 г. приблизительно 4 % баргузинских бурят занимались

⁸³³ ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 62. Л. 30.

⁸³⁴ Шмелевич М. М. Указ. соч. С. 91.

⁸³⁵ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 3.

⁸³⁶ Шмелевич М. М. Указ. соч. С. 177.

⁸³⁷ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 75. Л. 88 об.; ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 61.

посадкой этой клубненой культуры и, следовательно, включали картофель в свое питание. М. М. Шмулевич пишет, что в 1840 г. из оседлых только 29 чел. были заняты его разведением⁸³⁸, другими словами, картофелеводство было уделом в основном полуоседлого населения. По данным на 1844 г., из урожая в 114 четвертей 3 четверика ушло на продовольствие 84 четвертей 3 четверика⁸³⁹, т. е. 60 %. Несложные подсчеты показывают, что в год на питание семьи одного картофелевода выходило 55 кг клубней (в день – 151 г), что являлось своеобразным рекордом для бурят субрегиона.

Употребляли картофель буряты Восточного Прибайкалья, согласно архивным источникам⁸⁴⁰, «варя оные с круглым хлебом и мясом, с молоком, составляя кашу, и жареную», иначе говоря, готовили как отварной и печеный картофель, так и пюре из него, он также стал ингредиентом традиционного супа.

Овощеводство у бурят Прибайкалья было даже менее успешным, чем земледелие и картофелеводство. Например, баргузинские буряты сажали только капусту и морковь (в 1841 г. ими было выращено 150 пудов капусты и 3 пуда моркови). Кударинские и ольхонские буряты еще не научились разводить овощи.

В условиях, когда совокупный удельный вес хлебно-зерновых и овощных продуктов, а также картофеля в структуре питания бурят Прибайкалья был невысоким, последние особое внимание уделяли собирательству, ежегодно заготавливая различные съедобные клубни (сараны и др.), зелень (дикий чеснок и лук), ягоды (шиповника, черемухи и др.) и корни растений. Все эти дикоросы в виде отдельных блюд или как ингредиенты, сочетавшиеся в одном блюде с продуктами животного происхождения, входили в их пищу.

⁸³⁸ Шмулевич М. М. Указ. соч. С. 177.

⁸³⁹ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 59.

⁸⁴⁰ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 4 об.

Отличительной особенностью, отмечаемой и в предшествующий период, было занятие прибайкальскими бурятами рыболовством, которое в первой половине XIX в. приобрело у них товарную направленность. География рыбных мест у них была связана, в первую очередь, с оз. Байкал. Кроме того, рыбный промысел производился на реках и озерах. Так, ольхонские буряты рыбачили на Байкале (на Малом море) и в верховьях Ангары, кударинские буряты – также на Байкале и в дельте р. Селенга. В отличие от первых, баргузинские буряты добились разрешения на рыболовство на байкальских коргах только в 1840–е гг., тогда у них и возник омулевый промысел, который приносил им доход от реализации бочкового омуля на Улюнской ярмарке. До этого они рыбачили на реках и озерах Баргузинской котловины, но места лова (р. Баргузин, озера Сыдыгул и Сыктырук) имели скудные рыбные ресурсы, вызванные их мелководьем.

Основным объектом промысла был байкальский омуль. Например, кударинские буряты с середины мая по начало июня промыслили коргинский омуль, а в августе – середине сентября добывали омуль, спускавшийся на нерест в устье Селенги, и поэтому названный *селеньга*. Подобно ольхонским бурятам, кударинцы промыслили также сига и хариуса на разных участках Байкала (тонях). Объектами их осеннего и весеннего лова были щуки, окуни, язи, караси и др. В источниках в качестве добываемой рыбы у баргузинских бурят фигурируют омуль, осетр, хариус, налим и щука.

Большая часть выловленной рыбы (соленый омуль в бочках, остальные виды рыб в свежем или мороженом виде) буряты Прибайкалья поставляли на продажу в города Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск⁸⁴¹.

Социальная стратификация бурятско-прибайкальского общества сказалась на хозяйственно-бытовых особенностях входящих в него социальных групп. Судя по источникам, рыболовство было уделом в основном беднейшей их части. Например, основной контингент рыбаков у баргузинских бурят составляли бедняки, которые же являлись главными

⁸⁴¹ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 275. Л. 10–11.

потребителями добытой рыбы⁸⁴². Они записывались на сезон в рыболовные артели, организуемые более состоятельными бурятами или представителями других народов, и за работу получали определенное количество рыбы.

Пища из рыбы, как становится ясно, занимала в питании ольхонских и кударинских бурят важное место. В 1831 г. ольхонские буряты оставили на собственное потребление 1558 пудов рыбы, т. е. на каждого из них в год приходилось 4,7 кг омулей. Между тем годовое потребление рыбы на одного кударинского бурята в 1828 г. достигало 13,1 кг, причем, 72,7 % съедаемой рыбы являлся омуль. Как видим, у Кударинских, было заметно большее потребление рыбы, чем у ольхонских бурят. В питании же большинства баргузинских бурят рыба играла незначительную роль. Причина таких различий, помимо особенностей занимаемой ими конкретной природно-экологической зоны, кроется в структуре их хозяйства, в соотношении в нем основных занятий. В конечном счете, она связана с долей, приходящейся на мясомолочные продукты в их структуре питания: чем выше она была, тем меньшей была потребность в пище из рыбы, что можно наблюдать на примере баргузинских бурят.

Способы хранения рыбы были достаточно просты. Технология засолки рыбы в бочках была воспринята от русских, это было обусловлено расширением омулевого промысла, имевшего товарную направленность. А вот ее вяление и замораживание носили традиционный характер.

Особо популярной рыбой был байкальский омуль, его ценили за вкусовые качества. В копченом, жареном и отварном виде он был обычно на столе у прибайкальских бурят в летне-осеннее время, в соленом – круглый год. Другие виды рыбы были менее представлены в их пище. Из свежей рыбы варили уху, рецепт его приготовления был заимствован у русских. Между тем рыбный суп с зерном был известен в предбайкальско-бурятской кухне и прежде. Икру не солили, а кушали в вареном виде. Также поступали и с молоки. Почетной частью рыбы считалась голова, подаваемая во время

⁸⁴² ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 9.

будничной трапезы главе семьи, а при гостевом угощении – старшему из гостей. Учитывая, что данная традиция функционировала в среде скотоводов, хотя и приобретших некоторые черты ихтиофагов, ее следует рассматривать как кальку с обычая скотоводов угощать отварной головой коня или барана *тоолэй* почетных гостей.

Так как по хозяйственно-бытовому укладу прибайкальские буряты были неоднородны, надо полагать, что рыбные блюда, кроме рыбацкой среды, особо не почитались.

Западное Забайкалье

Состав молочного стада у бурят Западного Забайкалья был идентичен стаду предбайкальских и прибайкальских бурят и содержал местные породы лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

Технология доения у бурят Западного Забайкалья не отличалась от – предбайкальских и прибайкальских бурят. Доением, дальнейшей переработкой молока и приготовлением из него блюд занимались женщины, мужчины прямого участия в этой работе не принимали. Потребление сырого молока ограничивалось добавлением его в чай, обычно молоко заквашивали и производили из него те же продукты, что были отмечены выше у бурят Предбайкалья и Прибайкалья. При изготовлении молочных продуктов нередко смешивали молоко от разных пород скота (в сравнении с предбайкальскими бурятами, в коровье и кобылье молоко чаще всего подмешивали овечье, реже – козье). Эту практику миксации демонстрирует, например, производство молочной водки: алкогольный напиток получали из однородного квашеного молока (кобыльего (неслучайно, в официальных документах XIX в. за молочной водкой закрепилось название «кумызка» (производное от слова *кумыс*), указывающее на сырье, из которого, в частности, вырабатывали этот алкогольный продукт) или коровьего); при его нехватке добавляли молоко от другой породы скота.

Письменные источники, например, называют в качестве повседневной летней пищи квашеное молоко, сыры, сливочное масло, молочное вино, а зимней – такой продукт длительного хранения, как творожистая масса *аарса*, в больших количествах заготавливаемая летом. В производстве перечисленных продуктов у разных территориальных групп бурят Западного Забайкалья наблюдалась локальная специфика. В обрядах жизненного цикла использовались сырое и кипяченое молоко, сливочное масло, пенки *урмэн*, творожные сырки *айруул*. Дорожной провизией обычно служили творожные сырки и сливочное масло. Нельзя обойти вниманием замечание М. А. Кастрена о том, что в приготовлении пищи у богатых и бедных бурят субрегиона не обнаруживается какого-либо различия⁸⁴³. Несопоставимы были только структура питания, качество и количество потребляемой пищи у групп, стоявших на разных социальных полюсах.

Авторами первой половины XIX в. отмечается сакрализация бурятами, как молочной пищи, так и посуды, в которой ее готовили или хранили⁸⁴⁴.

В мясную пищу входили конина, баранина и говядина; верблюжатину и козлятину не кушали. Буряты Западного Забайкалья придерживались при заготовке зимнего мясного запаса того же принципа, что и предбайкальские и прибайкальские буряты, т. е. забивали преимущественно лошадей и крупный рогатый скот старших возрастов. Баранина же была основным мясом в летне-осенний период, во время зимнего забоя скота также закалывали овец, преимущественно для праздничных (встречи Белого месяца) и гостевых трапез. С укреплением буддизма буряты-буддисты стали принимать обет не кушать конину и мясо павших животных, но, как указывается в источниках, строгости в соблюдении этого пищевого избегания у них не было. Вероятно, одной из причин последнего, как указывает Г. Гомбоев, было само буддийское учение: «Известно, что буддизм запрещает убивать животных, и следовательно буддисту нельзя питаться свежим мясом без греха; но если

⁸⁴³ Кастрен М. А. Указ. соч., 1999. С. 285.

⁸⁴⁴ Спасский Г. Н. Указ. соч., 1824. С. 172.

скотина сама падет, то очевидно можно есть ее мясо, не принимая на себя греха убийства. Поэтому благочестивые буддисты называют пададь – чигул унгэй михан, «безгрешным мясом»⁸⁴⁵. Изменялось под влиянием Церкви отношение к конине у крещеных бурят. Вареные части барана были жертвенной пищей в буддийских и шаманских обрядах. Отварная и жареная баранина была наиболее излюбленным мясом у всех групп бурят, выступала основным блюдом при гостевом угощении, на свадебных и праздничных трапезах. Длительное сохранение мяса и мясных полуфабрикатов (замороженных сырых колбас и фаршированных рубцов) обеспечивали при помощи замораживания и хранения в снегу, который заливали водой, или в бочках-ледниках в холодное время года; весной и летом готовили вяленое мясо.

Мясная охота в той или иной степени была характерна для всех бурят Западного Забайкалья, причем, как пишет Ю. А. Гагемейстер, это было уделом бедноты⁸⁴⁶. С этим взглядом нельзя целиком согласиться, так как в первой половине XIX в. буряты промышляли не только с помощью традиционных луков со стрелами, но и с применением ружей, а приобретение полного охотничьего снаряжения, включая боезапас (порох, согласно указам правительства, продавался бурятам в небольших количествах), требовало определенных затрат, непосильных бедным. Районами охотничьего промысла служили верховья рек Хилок, Чикой, Джида, лесистые хребты и степные долины Забайкалья. Объектами мясной охоты были как парнокопытные (изюбрь, лось, кабарга, дикая коза), так и другие животные (зайцы, сурки-тарбаганы и др.)

Если в рассматриваемое время в Предбайкалье коллективные охоты приобрели локальный и избирательный характер (охота на волка и дикую козу), то в Забайкалье, хотя и реже, но проводились масштабные облавы на диких зверей степной зоны (антилоп-дзеренов, куланов, волков и др.). Их

⁸⁴⁵ Гомбоев Г. Указ. соч. С. 253.

⁸⁴⁶ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 271.

инициаторами выступали представители бурятской элитарной группы; например, в Агинском ведомстве иногда собиралось на такую охоту до полутысячи вооруженных участников⁸⁴⁷. Селенгинские буряты приурочивали облавы к приезду дорогих гостей⁸⁴⁸, таких, как губернатор и другие высокие чиновники. К середине XIX в. коллективная охота сохранялась у бурятских казаков, выполняя функцию военных маневров, а у других бурят – как средство ограничения численности хищных и парнокопытных животных, мешавших развитию скотоводства. Одной из причин утраты облавой прежнего значения в жизни бурятского общества явилось разрешение правительства сдавать после 1822 г. ясак не пушниной, а деньгами и скотом. Кроме того, на это повлияли воспринятые большинством бурят Западного Забайкалья буддийские нормы морали, на данное обстоятельство обращал внимание Д. А. Клеменц: «В Забайкалье ламы гремели в своих проповедях против истребления одушевленных существ, и теперь облавы за Байкалом вывелись.»⁸⁴⁹.

В пищу, как и ранее, употреблялось мясо диких животных. Н. А. Бестужев, описывая вкусовые пристрастия селенгинских бурят при потреблении дикого мяса, подметил: «По мнению бурят, то и вкусно, что жирно, какого запаха и вкуса не было»⁸⁵⁰. Здесь речь шла о дичи, однако буряты очень любили жирное мясо домашних животных. Селенгинские и хоринские буряты нередко готовили в полевых условиях блюда из мяса небольших степных зверей (тарбагана, кабарги и др.) с применением раскаленных камней. Так, делали *хархок* – варенное нарезанное мясо, приготовленное в берестяном кузове, в который опускали раскаленные камни. Запекалось также мясо в специально вырытой яме на раскаленных камнях, поверх укрытое слоями травы или листвы. Тушили мясо животных в зашитой шкуре опять-таки при помощи раскаленных камней.

⁸⁴⁷ Монголы-буряты ... С. 42.

⁸⁴⁸ Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 87.

⁸⁴⁹ Клеменц Д. А. Население Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. Сб. статей под ред. С. Мельника. СПб., 1908. С. 67.

⁸⁵⁰ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 15.

На озерах объектом охоты были водоплавающие птицы (гуси и утки). Как сообщает А. И. Мартос, на Гусином озере: «<...> кочевые жители бьют их (диких гусей – А. Б.) целыми стадами»⁸⁵¹. В тайге охотились на боровую дичь (глухарей, тетеревов и рябчиков), а в степи – на дроф. Дичь была некоторым дополнением к основной пище бурят. Для примера, в 1850 г. хоринские буряты из 3754 тушек подстреленной дикой птицы лишь небольшую часть продали на сторону (23 % тушек), а большая часть битой птицы (77 % тушек) была пущена на собственное продовольствие. Мясо птиц (не подсолненное) жарили на рожнах или в виде шашлыков. Хоринские буряты придерживались табу на убийство лебедей, для всех бурят действовал запрет на охоту на орлов и других хищных птиц.

Политика седентаризации, проводимая правительством, коснулась и бурят Западного Забайкалья, главным ее результатом был рост бурятского земледельческого населения, в питании которого все большее место занимало потребление хлебно-зерновых продуктов. Например, в 1831 г. буряты Селенгинского ведомства оставили из собранного урожая на провиант: «озимой ржи – 249 четверти, ярицы – яровой – 1751 четверти, 1 четверик, $\frac{1}{2}$ гарницы; пшеницы яровой – 27 четверти 3 четверика»⁸⁵². В этот год расход потребления зернового хлеба на душу населения у селенгинских бурят был всего 14,2 кг (в день – 39 г), что убеждает в ничтожной доли зерновых продуктов в их повседневной пище. В последующие годы посевные площади у них быстро выросли: если в 1831 г. зерновые культуры были посажены на площади в 62 десятины 82 четверти (Приложение Б. Док-т 10), то в 1840 г. зерновое поле достигло 8493,75 десятин; такому росту земледелия должно было сопутствовать повышение потребления хлеба в расчете на одного человека.

В 1851 г. в Хоринском ведомстве было направлено на продовольствие 16,6 % урожая зерновых, что, как отмечалось в отчете Степной думы, было

⁸⁵¹ Мартос А. И. Указ. соч. С. 72.

⁸⁵² ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105. Л. 110–111.

почти в 7 раз меньше установленной нормы. Но, как признают составители этого документа, данный факт не мог сказаться на питании хоринских бурят в силу их «пропитания из образа инородной их жизни нищего от скота мясом и молоком»⁸⁵³. Судя по архивным материалам, в год на одного хоринского бурята затрачивалось 18,86 кг зернового хлеба (в день – 52 г).

В рассматриваемое время система питания бурят Западного Забайкалья была подвержена негативному воздействию природно-климатического фактора. Для примера, в 1833 г. грянул повальный голод из-за засухи и последовавшего падежа скота, население субрегиона было вынужденно питаться кореньями и травой⁸⁵⁴. Еще более ужасными были последствия череды засушливых лет 1840–1851 гг., подорвавшей местное земледелие и приведшей к массовой гибели скота от бескормицы. О некой цикличности в урожайных и неурожайных годах в Байкальском регионе писал Ю. А. Гагемейстер, открыв закономерность в природно-климатических условиях, проявлявшуюся в чередовании экстремальных годов в Предбайкалье и Западном Забайкалье⁸⁵⁵. Нехватку хлеба буряты обычно решали, покупая или обменивая его на скот и домашние изделия у русских крестьян. Однако, когда бедствовало все население Западного Забайкалья, можно было надеяться только на приобретение зерна в Предбайкалье.

Зерно парили и ели с молоком, добавляли в суп; грубая ячменная мука была субстратом чая *зутараан*, саламата и т. д. Русские печи еще не были известны подавляющему большинству бурят Западного Забайкалья, поэтому печеный хлеб в небольших количествах покупался у русских и представлял скорее деликатес; по этой причине и из-за сакрализации зерна, в традиционной культуре нарезанные хлебные кусочки вошли в категорию жертвенной пищи бурят-буддистов. Привнесенная из Монголии традиция выпечки пресных лепешек в глиняных ямах существовала, по-видимому, у

⁸⁵³ ГА РБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1084. Л. 22.

⁸⁵⁴ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 38.

⁸⁵⁵ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 355.

приграничной части селенгинских бурят⁸⁵⁶. Ранее об этом опыте выпечки хлеба писал Н. С. Щукин, правда, без привязки к южно-селенгинским бурятам⁸⁵⁷.

Буряты Западного Забайкалья постепенно восприняли у русских навыки ведения огородничества, прежде всего начав с разведения картофеля. Во многом этому процессу способствовала позиция властей (Приложение Б. Док-т 11). В этой связи можно вспомнить специальную инструкцию «Правила о разведении земляных яблок, или картофеля», разосланную иркутским губернатором в 1812 г. в русские волости и бурятские ведомства. Но только с 1840 г. власти перешли от увещеваний к понуждению в выращивании картофеля, обязав часть запашки отводить под эту сельскохозяйственную культуру⁸⁵⁸. По данным М. М. Шмулевича, в 1843 г. новая отрасль хозяйства получила наибольшее развитие у селенгинских бурят, у хоринских – площади под посадку картофеля были небольшими⁸⁵⁹.

Разведением картофеля селенгинские буряты впервые занялись в 1820–е гг. Косвенно на это указывает то, что в начале 1830–х гг. в 8 из 18-ти родов Селенгинского ведомства сажали в небольших объемах данную полеводческую культуру (Приложение Б. Док-т 12). Как оседлые, так и полуоседлые, и полукочевые буряты выращивали картофель исключительно для собственного потребления, доказательством тому служат сравнительно небольшие площади посадки. В 1831 г. ревизских душ, попробовавших себя в культивировании картофеля, было 559 чел. (3 % бурят Ведомства), при этом они использовали 121 пуд посадочного материала. В дальнейшем масштабы картофелеводства у селенгинских бурят только растут: в 1846 г. на посадку было употреблено 2643 пуда, в 1851 г. – 3303 пуда. Одновременно с этим росло число бурят, занятых разведением картофеля: по сравнению с 1831 г. в 1839 г. их количество возросло до 945 чел. (5 % бурят Ведомства)

⁸⁵⁶ Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 366.

⁸⁵⁷ Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 74.

⁸⁵⁸ Шмулевич М. М. Указ. соч. С. 89.

⁸⁵⁹ Там же. С. 91.

(Приложение Б. Док-т 13). С расширением картофелеводства возрастало потребление картофеля: в 1831 г. на продовольствие было направлено 65,7 % урожая, в результате годовая норма одного картофелевода составила 17,2 кг (в день – 33 г), в 1839 г. 75 % собранного картофеля было оставлено на пропитание, при этом норма потребления этой огородной культуры достигла 38,1 кг на человека (в день – 104 г). Упомянутый выше процент тех, кто культивировал картофель, убеждает в скромном месте этого продукта в системе питания большинства селенгинских бурят.

Занятие овощеводством было характерно только оседлым бурятам Западного Забайкалья. Выращиванием овощей обычно занимались женщины. Заметим, что круг возращиваемых овощных культур серьезно различался у отдельных территориальных групп бурят. Так, хоринские буряты разводили капусту, редьку и репу. Между тем селенгинские буряты выращивали свеклу, огурцы, капусту, морковь, брюкву, репку и редьку. Эти овощи сажали на небольших площадях и целиком использовали на собственное пропитание. С 1831 г. и до середины столетия отмечался рост в собираемости урожая овощей: сбор моркови поднялся с 24 до 46,8 пудов, редьки – с 12 до 120,6 пудов, репы – с 39 до 92,7 пудов, а капусты – 25,2 до 498,6 пудов. В расчете на семью одного селенгинского бурята-огородника выходило годовое потребление овощей: в 1831 г. 1,5 кг моркови, 2,4 кг репы, 0,7 кг редьки, 1,5 кг капусты; в 1839 г. 0,66 кг моркови, 0,6 кг репы, 1,5 кг редьки, 0,5 кг свеклы, 2 вилка капусты. По приведенным выше данным, становится понятно, что в упомянутый выше период относительный прирост урожая овощей происходил на фоне чередующихся взлетов и падений в сборах почти всех овощей. Такие колебания в потреблении овощей заставляли менять структуру питания в пользу дикоросов и мясомолочных продуктов.

В огородничестве бурят субрегиона совершалось постепенное расширение круга высаживаемых овощных культур (Приложение Б. Док-т 14, 15). Для примера, рассмотрим ситуацию, сложившуюся у селенгинских бурят: они стали сажать первыми редьку, морковь, капусту и репу; к 1840–м

гг. прибавились свекла и огурцы; в середине века в числе огородных культур оказываются брюква и такая ягода, как арбуз (в 1890–е гг. пионерами в выращивании арбуза среди жителей Западного Забайкалья стали русские старожилы Усть-Кяхты; скорее всего, этому они научились у китайцев Маймачена). В свою очередь, технологии выращивания овощных и бахчевой культуры были восприняты бурятами от русских старожилов и старообрядцев. В частности, на появление огородничества у бурят Стрелочного селения оказали влияние их соседи, выходцы из села Десятниково, в 1814 г. поселившиеся поблизости от бурят (со слов Ф. Ф. Болонева).

Гидросистема Западного Забайкалья располагала большими рыбными ресурсами, что позволило бурятам заниматься рыболовством и включить рыбу в пищу. Источники рассматриваемого времени указывают наиболее рыбные водоемы – это, прежде всего озера Гусиное, Большое Еравное, Шакши, Укырское. Добывалась рыба на р. Селенга и ее притоках. Но, в традиции бурят-скотоводов степей (хори-бурят и представителей селенгинско-монгольских родов) отношение к употреблению рыбы в пищу было от сдержанного до негативного, поэтому включение в питание рыбопродуктов отмечалось лишь у бурят, принадлежавших к эхиритским и булагатским родам, и у бедняков, лишившихся собственного скота.

Селенгинские буряты занимались рыбным ловом на реке Селенга и его притоках (Чикой, Темник, Джида). Обычно попадались хариус, налим, таймень, омуль и линек. Объем добываемой рыбы был небольшой и хватал лишь на пропитание семьи. Рыбалка начиналась после ледохода и sporadически продолжалась до наступления холодов. Лов производился неводом, заязками, острогой или мордой.

Гусиное озеро, богатое рыбными ресурсами (здесь водились окунь, омуль, сорожка, хариус, щука), позволяло не только обеспечить себя рыбой, но и ловить ее на продажу. Право владения этим водоемом было закреплено со времен С. Л. Владиславича-Рагузинского за пятью селенгинско-

бурятскими родами (Атагановым, Бумолгутульским, Подгорным, Селенгинско-Харанутским, Хатагиновым). Те распоряжались озером, предоставляя трехлетнюю аренду частным лицам на добычу в нем рыбы, при этом ежегодная плата направлялась на потребности общества. В числе таких арендаторов фигурировали купец Н. Наквашин (1839–1842 гг.), Майдоров (1852–1855 гг.) (заседатель Забайкальского казачьего войска) и др. В качестве примера приведем содержание контракта с купцами Д. Старцовым и М. Лушниковым (1849–1852 гг.) (Приложение Б. Док-т 16). В документе обращает на себя внимание проявление общественного призрения, когда малоимущим бурятам давалось право свободно ловить в озере рыбу, которая в некоторой степени восполняла им дефицит других пищевых продуктов животного происхождения. Правда, им разрешалось рыбачить с помощью бродника, мелкой сети и крючка, т. е. той снастью, которой нельзя было добыть большой улов.

Кроме крупных арендаторов, вероятно, были и мелкие, которые в отличие от первых занимались реализацией рыбы в близлежащие русские деревни. По словам Н. А. Бестужева, это были небольшие артели из бурят⁸⁶⁰, которые продавали приезжим крестьянам рыбу, отмеряя ее телегами⁸⁶¹.

Рыбу в озере добывали в холодное время года подледным ловом, а в период с апреля по июнь на открытой воде (правда, Н. А. Бестужев конец летней рыбалки определяет более поздними сроками – концом июля⁸⁶²) включительно⁸⁶³. Необходимо упомянуть, что во время зимней рыбалки на озере, также как и летом, артельщики применяли неводы⁸⁶⁴.

Чтобы оценить место рыбы в питании селенгинских бурят, расселявшихся вблизи оз. Гусиное, приведем данные за 1853 г., согласно

⁸⁶⁰ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 78.

⁸⁶¹ Там же.

⁸⁶² Там же.

⁸⁶³ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2199. Л. 69.

⁸⁶⁴ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 78–79.

которым, из улова ими было оставлено на собственное пропитание 100 пудов сорожки, 30 пудов окуней, 20 пудов щуки, 1500 омулей и 500 хариусов⁸⁶⁵.

Хоринские буряты занимались рыболовством на Еравнинских озерах, а также на реках Уда, Кудуру, Она, Курба, Осинка. Добывалась главным образом озерная рыба (преимущественно сорожка, меньше щука и окунь), речная рыба (ленок, хариус, белок, черноок, таймень, налим, язь) составляла чуть более 10 % от общего улова. Если верить официальной статистике, вся пойманная рыба уходила на продажу, но, очевидно, что обедневшие буряты включали ее в пищу.

Определенным подспорьем в питании бурят субрегиона были различные дикоросы, которые в летне-осенний период в большом количестве заготавливались. Обычно дикоросы потребляли в свежем (летом – в начале осени) или засушенном виде (зимой – весной). Приправами к мясным блюдам служили такие дикорастущие травы, как черемша и полевой лук. На основе молочных продуктов и клубней сараны готовились различные блюда. Корни и клубни других дикоросов также являлись субстратами ряда будничных блюд. В пищу использовались дикие фрукты, в том числе ягоды (брусника, голубица, черника, кнежника, земляника, клюква, морошка, черемуха), а также молочные зерна кедрового ореха (благодаря заимствованию у русских технологии кедрового промысла сбор орехов вырос и большей частью продавался в городах).

Основным ежедневным напитком оставался зеленый кирпичный чай, вскипяченный на молоке и приправленный маслом или поджаренным бараньим курдючным жиром. Южно-селенгинские буряты предпочитали пить слегка подсоленный зеленый чай с молоком. Как и в XVIII в., была распространена традиция приготовления чая *зутараан*. Согласно Д. Кохрэну, некоторые богатые буряты привыкли пить цветочные чаи с сахаром⁸⁶⁶. Чайные листья после неоднократного заваривания нередко просто кушали

⁸⁶⁵ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2199. Л. 69–69 об.

⁸⁶⁶ Cochran J. D. Указ. соч. Р. 136.

как зелень, считая это полезным. Данное явление, видимо, нужно рассматривать как признак еще не устоявшейся традиции питья китайского чая. Возможно, оно вызывалось еще и желанием максимально использовать дорогой импортный продукт. В рассматриваемое время кирпичный чай превращается в эквивалент денег и имеет меновую стоимость.

Потребление чая у бурят Забайкалья, как казалось представителям русской администрации, было в неоправданно больших количествах. Некоторые авторы изучаемого времени даже видели в питье кирпичного чая корень высокой смертности среди бурят (Приложение Б. Док-т 17).

Помимо чая и молочных напитков, буряты Западного Забайкалья пили воду, мясные бульоны, отвары из трав и ягод, березовый сок.

В народной медицине учитывались свойства разных пищевых продуктов. Так, считалось, что чай исцеляет болезни легких, а мясные блюда, приготовленные с применением раскаленных камней, помогают при грудных и желудочных болезнях.

Во время гостевых застолий обычно подавали кирпичный чай с молоком, жаренную баранью ногу, суп из мелко-нарезанной баранины, сыр и молоко. И. Г. Миллер называет в качестве гостевого угощения чай, молочную водку из кобыльего молока, вареную говядину, бруснику и кедровые орехи⁸⁶⁷. Очевидно, что гостей угощали снедью и блюдами, известными как в повседневных трапезах (чай, сыр и др.), так и специально приготовленными (вареная баранья голова, молочная водка и др.). Обязательными были, согласно традиционному этикету, обряды кормления гостем домашнего огня кусочками пищи и произнесения взаимных благопожеланий и т. д.

Нижнее Приононье

Основу питания агинских бурят составляла пища животного происхождения, прежде всего переработанные продукты, получаемые от

⁸⁶⁷ Гирченко В. П. Указ. соч. С. 62.

домашнего скота (например, творожистая масса *аарса*). Однако определенное место в питании также занимали мясо диких животных (белки, медведя, зайца, дикой козы, кабарги, изюбря и лося), рыба и дикоросы. Напитками служили зеленый чай на молоке, чай *зутараан*, чай из трав и корней. Из алкогольных напитков была известна молочная водка, которую гнали из кумыса. В зимнее время отсутствие традиционной молочной водки агинские буряты нередко восполняли, покупая русскую сивуху⁸⁶⁸.

Из мясных блюд предпочитали вареную или жареную на рожне баранину; также кушали конину и говядину. Бедняки в пищу употребляли мясо павших домашних животных, а также жареное мясо сурков⁸⁶⁹.

Развитие земледелия в Агинском ведомстве было намного скромнее, чем в других бурятских ведомствах Забайкалья. В начале 1840-х гг. агинские буряты запахивали под яровую рожь от 1900 до 2600 десятин земли⁸⁷⁰. Однако в 1848 г. посевные площади в Ведомстве достигали всего 240 десятин (в частности в Тутхалтуевском улусе засевали 82 десятины земли, в Саган-Шохотуевском – 50,5 десятин). Сеяли одну ярицу; полученный урожай шел на продовольствие и под посев. Для примера, урожай зерновых в 1847 г. составил 2217 четвертей. Заметим, что земледелием занимались только оседлые буряты.

Получило начальное развитие у бурят Нижнего Прионья огородничество. Полуномады и полуоседлые в ограниченном количестве сажали картофель, а оседлые – картофель и некоторые овощные культуры (капусту, репу, редьку). По-сути, картофель представлял на то время главную огородную культуру; об этом свидетельствуют статистические данные по ведомству: например, в 1848 г. в Агинском ведомстве было собрано 4632 пудов картофеля⁸⁷¹.

⁸⁶⁸ Монголы-буряты ... С. 17.

⁸⁶⁹ Там же. С. 44.

⁸⁷⁰ Там же.

⁸⁷¹ ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3462. Л. 25

2.4. Народный костюм: основные тенденции в развитии

В первой половине XIX в. костюмный комплекс бурят Предбайкалья не понес существенных изменений. Зимой данные буряты носили доху, нагольную или крытую шубу. Покрой их верхней плечевой одежды оставался традиционным: ее шили прямоспинной с прямым разрезом спереди и шалеобразным воротником. Мужскую овчинную шубу обычно крыли китайкой или сукном темного цвета, опушка воротника была из белой мерлушки, подол и обшлага оформляли лентами из красного сукна⁸⁷². Тканью верха женской шубы было сукно яркой монохромной расцветки, воротник опушался выдриным мехом или мерлушкой с белой шерстью, иногда опушка отсутствовала. Эстетически привлекательной была шуба с контрастирующими декоративными элементами: со строчкой из верверета черного цвета и белой штофи; с нашивными полосами из мерлушки – по груди из мерлушки с белой шерстью, по подолу – с черной⁸⁷³. Редкими были крытые козы шубы. Для примера, образец такой шубы имел тканью верха синее сукно и опушку из меха нерпы⁸⁷⁴.

В летнем мужском халате выдерживалась единая гамма цветов, характерная для бурят субрегиона: колор ткани верха выбирали более темный, чем – подкладки. При этом воротник был из ткани яркой расцветки, сочетавшейся с основным цветом халата. Например, верх халата шили из черной китайки, воротник – из китайки желтого цвета, а подкладочной тканью была синяя даба.

Гамма цветов женского летнего халата была иной, чем мужского: в ней преобладали более светлые тона. Нередко по груди такую одежду декорировали параллельно нашитыми полосами из черного верверета и камуса лисы.

Поверх халата замужние бурятки надевали красочную безрукавку. В рассматриваемое время длиннополые безрукавки *дэгэлээ* встречались

⁸⁷² ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.

⁸⁷³ Там же. Л. 460 об.

⁸⁷⁴ Там же. Л. 1 об.

крытые, материалом основы им служила овчина или замша, и матерчатые: образец такой одежды, в частности, имел верх из красного сукна, подкладку – черной китайки. Сохраняла прежний облик короткополая крытая безрукавка *сээжэбиэ*: ее основой служила козуля шкура, а тканью верха был верверет черной расцветки.

Нельзя не указать, что из женского костюма исчезает безрукавка-лиф, а из девичьего – короткая безрукавка, а вместе с ней и архаичная традиция декора одежды и волос раковинами каури, ассоциировавшимися с женским детородным органом и связанными с культом женской богини Умай. Предбайкальские буряты также перестают украшать женскую верхнюю одежду оловянными пластинами и колокольчиками. Отказ от указанных выше элементов убранства девичьей одежды, вероятно, был следствием изменений в представленном комплексе данных бурят. Между тем возникает мода на декорирование верхней одежды разноцветной вышивкой и русскими серебряными монетами (в частности, ношение шейно-нагрудного украшения, собранного из монет российской чеканки). Новым в убранстве женского костюма не только бурят Предбайкалья, но и других субрегионов, стало ношение наручных украшений (колец и перстней)⁸⁷⁵.

Мужчины поверх верхней одежды носили наборный пояс, украшенный насечкой серебром, или яркий одноцветный кушак, последнее свидетельствует о рецепции ими западнобайкальской традиции.

Нижняя одежда во многом сохранила традиционные черты. Принимая во внимание слова Г. И. Спасского, сообщавшего, что буряты субрегиона редко надевали рубахи⁸⁷⁶, стоит отметить, что они продолжали носить распашную рубаху *морин самса*. Такая рубаха из замши была представлена в костюме рядового буряты. Состоятельные люди одевали матерчатую *морин самса*, причем, в повседневности это была рубаха из дабы, в торжественных случаях – из шелка или полшелковицы.

⁸⁷⁵ Спасский Г. И. Указ. соч., 1824а. С. 41.

⁸⁷⁶ Там же.

Фасон штанов не изменился: это были штаны с широким шагом, имеющие прямоугольные штанины и цельнокроеную мотню. Летом носили нагольные или матерчатые штаны с короткими штанинами, зимой – длинные и просторные меховые штаны. Новацией являлись летние кожаные штаны, крытые тканью. Например, образец таких штанов имел основу из козлиной кожи, крытую сукном черного цвета: их штанины понизу были опущены нерпичьим мехом и имели оторочку из красного и желтого сукна⁸⁷⁷. Летние женские штаны шили из дабы или шелка *фанза*.

Мужские головные уборы у данных бурят были в основном теми же, что и в XVIII в. В источниках упоминается, например, меховая шапка из снятой с головы животного шкуры (второй тип), головной убор с островерхой тульей и околышем (третий тип): тулья такой шапки была из верверета черного цвета, околыш – из меха бобра. Из предполагаемых видов головных уборов можно назвать *лоовуз*, *татар малгай* и *халюун малгай*.

Обувь была башмаковидного и поршневидного типов, в частности, в источниках названы следующие виды башмаковидной обуви: меховые унты (лосиные или барловые (сделанные из барловины); «союзные» унты; сапоги «половинчатые». В этот период изменяется декор женской обуви: уходят в прошлое кожаные аппликации и металлические подвески, а на смену им приходит вышивка узоров.

Костюмный комплекс бурят Предбайкалья подвергся влиянию русской культуры, на него также оказала определенное воздействие христианизация. Редкие указания в источниках на ношение бурятами тулупа позволяют утверждать о заимствовании его из русского народного костюма. Помимо этого, в документах упоминается, что у них стали популярны куртки; для примера, тканью верха такой одежды было тонкое черное сукно, ее подкладку шили из китайки зеленого цвета, куртик застегивался на латунные пуговицы. В холодное время года обычно носили бараньи или барловые рукавицы, редко – перчатки из лосины, украшенные цветной вышивкой из

⁸⁷⁷ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.

шелковой нити. Перчатки, скорее всего, были восприняты модницами у горожан. Список подобных заимствований включал сюртук, карот, жилетку, брюки и сапоги⁸⁷⁸. Часть предбайкальских буряток повязывала голову хлопчатобумажным, шелковым или гранитуровым платком различной расцветки; вероятно, это было связано с их крещением.

Одним из путей попадания элементов русской одежды в предбайкальско-бурятский костюмный комплекс были торгово-обменные операции, когда зимой, обходя дома иркутян, буряты продавали или обменивали добытую пушнину на разные товары, в том числе на старое платье⁸⁷⁹. Обращает внимание то, что в ряду обмениваемых у горожан предметов были медный и оловянный лом, серебряные монеты, которые использовались в дальнейшем «для женских украшений и разных поделок» (очевидно, что перечисленные вещи представляли сырье для выполнения, в частности, ювелирных работ (изготовления шарообразных пуговиц *тобишо*, различных декоративных элементов убранства женского и мужского костюмов, а также – украшений для конской сбруи и седел)).

Говоря в целом о бурятах, можно констатировать, что в изучаемый период в их прическах прослеживались и традиции, и новации. Основная масса бурят носила традиционные прически, то же самое стоит утверждать и в отношении большинства буряток: в зависимости от принадлежности к конкретной возрастной или родовой группе они заплетали волосы в строго установленное число косичек. Однако изменения в религиозной и хозяйственно-бытовой сферах жизни бурятского общества отразились на прическах: рост числа ясачных привел к некоторому распространению у бурят короткой стрижки *в кружок*, характерной русскому крестьянству⁸⁸⁰; девушки из семей крещеных бурят заплетали волосы в одну косу, откидываемую назад, на спину; традиция бритья головы была характерна не только буддийским служителям и их ученикам, но и мирянам (мальчикам,

⁸⁷⁸ Залкинд Е. М. Указ. соч., 1970. С. 104.

⁸⁷⁹ Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 77.

⁸⁸⁰ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 273.

которым была уготована судьба буддийского служителя, и женщинам нефертильного возраста, принявших обет *шабганса*).

В отличие от Предбайкальских, в зимнем костюме присаянских бурят мех был заметно больше представлен: так, он включал лисью шубу, круглую шапку из шкуры выдры, имевшую околыш из собожьего меха, и др.

Верхняя одежда данных бурят относилась к восточноазиатскому типу. Основные цвета ткани верха повторяли характерную для одежды предбайкальских бурят расцветку. Но в крытых шубах, летних и демисезонных халатах, безрукавках буряток Восточного Присаянья преобладала темная цветовая гамма (серый и черный цвета), которые иногда контрастировали с яркими нашивными лентами (например, красными), обрамлявшими края одежды. Тканью верха и низа шуб и безрукавок обыкновенно были сукно и плис, халатов – хлопчатобумажные ткани и шелк.

Их обувь принадлежала к поршневидному и башмаковидному типам.

На развитие женского костюма присаянских бурят наложил отпечаток религиозный фактор, а именно рост среди них доли православных и буддистов. Замужние женщины стали носить, накинув на плечи, яркие головные платки. Последовательницы буддизма в знак воздержания перевязывали через левое плечо красную ленту *орхимжсо*. В качестве шейно-нагрудных украшений получили распространение медные и серебряные нательные кресты и буддийские ладанки.

Проявлялась общая для бурят мода на ввозимые из Китая красные кораллы или их имитацию, а также малахиты. Среди женщин приобрели популярность декоративные подвески и вставки из российских и китайских серебряных монет.

Судя по источникам, костюм бурят Прибайкалья в основном был традиционным. Так, зимой баргузинские буряты надевали крытую (например, темно-желтым сукном) овчинную шубу *дэгэл* южносибирского типа или нагольный полушубок из шкур мелкорогатого скота, летом – халат из дешевых тканей (дабы, китайки). Верхнюю одежду они подпоясывали

наборным поясом или кушаком (люди побогаче носили шелковые пояса, бедные – шерстяные и хлопчатобумажные яркой расцветки (красной, желтой) – это указывает на рецепцию традиции селенгинских монголов, возможно, произошедшую через соседей, хори-бурят.

Нижняя одежда состояла из распашной хлопчатобумажной рубахи (из желтой или синей дабы, ситца) и штанов с широким шагом, имеющих цельнокроенную мотню: зимних – из кож мелкорогатого скота, демисезонных – из темного крестьянского сукна, летних – из дабы. В холодное время года ходили в башмаковидной (унтах) или поршневидной («ичигах») обуви, во внутрь которых надевали шерстяные чулки, летом – ноговицах («обутки коженные, пришитые к шерстяным чулкам»). Зимним головным убором являлась сшитая из лисьих или бараньих камусов шапка с наушниками, представлявшая разновидность *татар малгай*, летним – *тойробишо малгай*. В источниках отмечается ношение баргузинскими бурятами овчинных рукавиц.

Сословные различия у них были менее выражены, чем у других бурят Прибайкалья, это видно из описания их летней простонародной одежды: «<...> явится он в тонкосуконной или плисовой или ващанистой шубе (некоторые даже и в шелковых) <...> словом вырядится наравне с тем состоятельным бурятом, и либо еще чище, который принимал за его Думу раскладку на себя»⁸⁸¹. Об этом явлении подробнее будет сказано ниже при рассмотрении костюма бурят Западного Забайкалья.

В мужском костюме прибайкальских бурят сберегались архаичные типы головных уборов. Например, согласно Г. Радде, ольхонцы носили «тупоконические меховые шапки, приготовляемые из оленьих шкур, и нередко употребляют на то даже головную часть животного»⁸⁸², другим автором первой половины XIX в. упоминается «остроконечная шапка из волчьих шкур»⁸⁸³ у кударинских бурят. Судя по приведенным описаниям,

⁸⁸¹ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 19.

⁸⁸² Радде Г. Указ. соч. С. 143.

⁸⁸³ Евецкий О. Указ. соч. С. 112.

буряты субрегиона продолжали носить вариации головного убора второго типа, различавшиеся формой тульи.

Женский наряд ольхонских бурят выделялся своей простотой и скромностью, что объяснялось, по мнению авторов, бедностью этих бурят, хотя причина крылась в существовании у них иного типа одежды, чем, скажем, у большинства бурят Забайкалья, – южносибирского. Он повторял женский костюм бурят Предбайкалья в таких элементах, как верхняя плечевая одежда (зимняя шуба, летний халат), длиннополая безрукавка *дэглээ*, головные уборы и др.

В верхней одежде взрослых девушек и замужних женщин репродуктивного возраста на спине, на уровне талии, пришивалась продолговатая полоса красного сукна, выделявшаяся на основном фоне⁸⁸⁴. Такая новация определенно пришла на смену прекратившейся традиции украшать раковинами каури верхнюю девичью одежду: на это наводит совпадение символики упомянутых декоративных элементов.

Помимо предбайкальских образцов головных уборов, ольхонские бурятки надевали «плоские войлочные капоры, привязываемые под подбородок тонкими ремешками», по-видимому, здесь имелся в виду древний одношовный убор *юудэн* ‘капюшон’ с наушниками и спускавшимся на шею дугообразным выступом.

Особенностью убранства их костюма было украшение кос «множеством **железных колец** (выделено нами – А. Б.)», и ношение железных колец и серег «нередко в 3 вершка в поперечнике»⁸⁸⁵. Специфичным было декорирование концов мужских кос «навешенными кольцами или правильными металлическими бляхами»⁸⁸⁶.

Археологические материалы показывают, что в первой половине столетия в костюме бурят Западного Прибайкалья сочетались традиционные

⁸⁸⁴ Радде Г. Указ. соч. С. 142.

⁸⁸⁵ Там же. С. 143.

⁸⁸⁶ Там же.

и новые элементы убранства. Согласно ним⁸⁸⁷, девушки носили следующие украшения: головные (*юбун*); накосные (*тумэр сааж*); шейно-нагрудные (*нархинсаг* из декорированных насечкой, иногда ямочками медных и железных пластин, закрепляемых на кожаной основе; стеклянные бусы и ожерелья из ниток бисера); ушные (медная незамкнутая одинарная серьга); наручные (медные кольца круглой и подпрямоугольной форм, бронзовые перстни-печатки, украшаемые насечкой бронзовые незамкнутые браслеты) и др. Женские украшения ольхонских бурят из погребального инвентаря включают: шейно-нагрудные (подвески из серебряных монет; стеклянные бусы); височно-нагрудные (незамкнутые височные кольца, соединенные нитками бисера); накосные (оловянные накосники); наручные (бронзовые незамкнутые браслеты с насечкой или без нее, перстни-печатки); поясные (наборный пояс с рифленными оловянными пластинами подпрямоугольной формы)⁸⁸⁸.

Современники отмечают начало ношения ольхонскими бурятами отдельных элементов русского крестьянского костюма, в том числе мужских головных уборов – летних суконных шапок⁸⁸⁹. Некоторые образцы русской верхней одежды попали и в мужской костюм баргузинских бурят: так, они носили *ергаки*⁸⁹⁰ (в XVIII в. известные только у бурят Предбайкалья) и шинели из крестьянского сукна.

Влияние православного христианства и буддизма на костюмный комплекс ольхонских бурят было почти незаметным, что обуславливалось сравнительно небольшим числом адептов этих вероучений, растворенных в господствующей массе шаманистов. В то же время у баргузинских бурят, принявших православие, оно отразилось в их женском костюме: православные бурятки начали повязывать голову ситцевым платком или полушалю.

⁸⁸⁷ Зайцев М. А., Свинин В. В., Харинский А. В. Указ. соч. С. 237–240.

⁸⁸⁸ Харинский А. В. Указ. соч. С. 181, 185.

⁸⁸⁹ Радде Г. Указ. соч. С. 143.

⁸⁹⁰ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 243; Там же. Д. 252; Там же. Д. 341; Там же. Д. 375; Там же. Д. 404.

На фоне разворачивающегося единого тренда, выразившегося в замене традиционных пошивочных материалов (кожи и меха) на ткани, а также инкорпорации элементов других культур в костюмный комплекс бурят, у бурят Забайкалья появились инновации, продиктованные модой.

Согласно донесения Селенгинской степной думы Верхнеудинскому окружному начальнику от 9 октября 1837 г.⁸⁹¹, представители различных социальных групп селенгинских бурят позволили себе ношение регламентированного законом костюма элитарной группы. Вероятно, этому способствовала приграничная торговля, которая содействовала импорту китайских тканей (шелковых, хлопчатобумажных и др.) в Забайкалье. С другой стороны, российская текстильная отрасль, включая работавшие в Предбайкалье фабрики, удовлетворяла потребности сибиряков в тканях (сукне, льне, «бумажном» бархате и т. д.⁸⁹²). Между тем в первой половине XIX в. прежний баланс в торговле тканями между Цинской и Российской империями изменился в пользу российского экспорта.

Как было сказано выше, на народный костюм забайкальских бурят повлияла мода того времени. Об этом пишут авторы (Н. А. Бестужев⁸⁹³, В. Паршин⁸⁹⁴). Негативными последствиями стремления к модным вещам (женским шейно-нагрудные украшения из малахита и красного коралла, мужским наборным поясам, огнивам, трубкам и седлам, декорированным серебряной насечкой и вставками из малахита и коралла) были огромные долги и неминуемое разорение. Доказательства повсеместного характера данного явления, обеспокоенности этим представителями управляющей элиты обнаруживаются в исторических документах по бурятам Восточного Прибайкалья: «Инородец (баргузинский бурят – А. Б.), несмотря на свой бедный класс состояния, старается более об улучшении своего щегольства или наряда себе и жене своей, а не о разведении хозяйства и

⁸⁹¹ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 381.

⁸⁹² Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 601–603.

⁸⁹³ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 84–85.

⁸⁹⁴ Паршин В. Указ. соч. С. 41.

хлебопашества»⁸⁹⁵. Как выше говорилось, в 1830–40-е гг. скотоводческое хозяйство бурят Забайкалья сильно пострадало от природных явлений (засухи, нашествий кобылки, ранних заморозков): падежи скота достигали до половины поголовья. Поэтому понятна та обеспокоенность, которую выражали бурятские родоначальники в Донесении 1837 г. вышестоящему начальству.

Подготовка к свадьбе у селенгинских бурят была также обременена господствовавшей модой. Помимо обычного приданного *энжи*, отец невесты вынужден был приобретать ценные сорта шелка на свадебное одеяние дочери, наборы из коралловых и серебряных изделий⁸⁹⁶. В свою очередь, это негативно сказалось на семейно-брачной сфере: удорожание приданного означало и большой калым, по этой причине количество холостых бурят росло, в семейно-брачных отношениях усиливалась социальная дифференциация, как говорится «деньги женились на деньгах» (богатые буряты брали в жены дочерей состоятельных людей (если, конечно, стоял вопрос о первом браке), а бедные буряты – представительниц малоимущих семей).

Сложившуюся ситуацию с костюмом управленческой элиты стоит оценивать как подтверждение развития культуры бурят Западного Забайкалья, совершавшегося в канве опосредованного восприятия отдельных элементов центральноазиатской модели культуры, в том числе и костюма. Но, если в Монголии существовала жесткая регламентация в одежде, то в условиях России, когда происходили процессы становления бурятской общности и сложения в ней слоя зажиточных людей, эти социальные ограничения легко преодолевались, и одежда элитарной группы копировалась народом. В первой половине XIX в. мода в костюме бурят Западного Забайкалья функционировала в границах традиционного общества, беря для эстетического развития ресурсы, лежащие внутри

⁸⁹⁵ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 19.

⁸⁹⁶ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 84–85.

субэтнической группы, поэтому фактор русской культуры для нее не имел особого значения.

Первыми, кто воспринял парадный костюм управленческой элиты, были состоятельные люди, вслед за ними последовали рядовые буряты и представители буддистской сангхи. В дальнейшем были переступлены узко гендерные границы инновации и она проявила себя и в женском костюме.

Свое сюжетное развитие данная история имела в постановлении 1841 г., авторами которой явились буддийские иерархи, казахи и родовые начальники бурят Западного Забайкалья⁸⁹⁷. В преамбуле к документу, подкрепляя свою позицию в вопросе⁸⁹⁸ ссылкой на имеющийся заграничный опыт, они детализировали правила ношения выходного костюма для казацкой и ясашной категорий бурят, а также буддийских лам и послушников. Например, в соответствии месту, занимаемому в буддийской иерархии, ламы были обязаны надевать шапки, пошитые из определенных цветов сукна, плиса или шелка, и имеющие или неимеющие наверху в форме лотоса или знака *улзы*. Их глава, хамбо-лама, должен был носить головной убор с тульей из желтого узорного шелка, с опушкой из соболиного меха и наверху в виде ваджры из золота. За представителями элитарной группы закреплялась конкретная гамма цветов в костюме⁸⁹⁹.

Постановление 1841 г. явилось своеобразным продолжением циркуляра С. Владиславич-Рагузинского, но, в отличие от последнего, в нем регламентации подвергся не только парадный костюм управленческой элиты, но и других социальных групп западнозабайкальских бурят, которые сформировались после того как был легитимизирован костюм бурятских родоначальников. Более того, в этом памятнике обычного права бурят не была забыта женская половина общества – буряткам предлагалось придерживаться той же формы костюма, что и их мужьям. Отдельно отмечалось право детей тайшей, атаманов и обер-офицеров иметь на шапке

⁸⁹⁷ Цыбиков Б. Д. Указ. соч. С. 76–81.

⁸⁹⁸ Там же. С. 76.

⁸⁹⁹ Там же. С. 81.

дэнзэ из ляпись-лазурита, верхнюю плечевую одежду – из вышитого, узорчатого шелка, тонкого сукна. Заметим, что, согласно Постановлению, наверхия были немного изменены: наряду с красным кораллом и лазуритом в качестве украшения разрешалось вставлять белую раковину или бирюзу, заменившие собой горный хрусталь и стекло; конические пьедесталы, которыми оправляли эти минералы, стали делать не только из серебра, но и из золота. Обувь, согласно новым правилам, обязаны были шить из юфти или плиса (речь идет о голенище). Рекомендовано было также опоясываться шелковыми кушаками, что также пришло в противоречие с ранее действовавшей практикой ношения хори-бурятскими сайтами исключительно наборных поясов. Рядовые буряты впредь не могли носить на головных уборах наверхия дэнзэ, верхнюю одежду им предлагалось шить из дешевых тканей (плиса, хлопчатобумажных тканей российского и китайского производства).

Забегая вперед скажем, что эта инициатива была несколько запоздалой – состоятельные буряты, привыкнув носить «чиновничий» костюм, ничуть не стремились от него отказываться.

Иновация по прошествии полувека окончательно превратилась в традицию и воспринималась как бурятами, так и приезжими в качестве традиционного костюма. Широкий охват рассмотренного явления позволяет предположить, что в XIX в. западнобайкальские буряты, а вместе с ними и присаянские, агинские буряты, интуитивно искали и вырабатывали общие черты культуры, в том числе и в костюме.

Вещественной иллюстрацией костюмного комплекса хоринских бурят первой половины XIX в. может являться подаренные в 1843 г. Кунсткамере главным тайшой Ринчин-Доржи (после крещения Николай Николаевичем) Дэмбиловым, крестником императора Николая I, мужской и женский костюмы, состоящие из 17 предметов, в том числе головных уборов, верхней одежды (халатов), женской длиннополой безрукавки *морин уужа*, обуви⁹⁰⁰.

⁹⁰⁰ МАЭ. № 14.

Изучение упомянутой коллекции показывает, что дизайн и используемые для пошива материалы (ткань, кожа, войлок и др.) существенно не отличаются от более поздних гендерных вариантов костюма у данной этнотерриториальной группы. Вероятно, при выборе ткани верха в мужском халате и женской безрукавке неслучайно был использован именно шелк магнук – эти вещи преподносились императорской семье.

Как дополнительный, но не совсем точный в деталях, источник представляют изображения, выполненные художниками первой половины XIX в. На картинах, судя по костюму и другим нарисованным предметам, были запечатлены буряты Забайкалья (Приложение В. Рис. 11, 12, 13). В особенности, обращают внимание воспроизведенные в полотнах мужские и женские головные уборы (*даруулга*, *тойробшо малгай*, *хасабшатай малгай*), женские головные, накосные, шейно-нагрудные (в частности, круглая серебряная ладанка *зуу*) и др. украшения. Передана в них и такая особенность убранства костюма забайкальских буряток, как отсутствие в нем ушных серег (традиция русских женщин носить в мочке уха сережки воспринималась бурятками «с удивлением»⁹⁰¹). Визуальное подтверждение также находит преемственность причесок у бурят Забайкалья. Кроме того, на основании данных изображений можно убедиться в широком использовании в то время китайского текстиля (шелка, хлопчатобумажных тканей) в одежде бурят субрегиона, в декорировании ее нашивными матерчатыми лентами.

У селенгинских и хоринских бурят отчетливо проявлялась разница в зимней верхней плечевой одежде простонародья и состоятельной прослойки: крытая овчинная шуба рядовых бурят, которую те нередко носили круглый год, имела тканью верха дешевую китайку, а оторочку – по груди, рукавам и подолу из шкуры выдры, реже бобра и байкальской нерпы или из другого недорогого меха (например, мерлушки), выше опушки она обшивалась лентами из дешевого сукна, черного бархата или плиса; состоятельные буряты облачались в овчинную шубу, крытую сукном, штофью или

⁹⁰¹ Лядов В. Указ. соч. С. 231; Раев А. Указ. соч. С. 10.

драгоценным китайским шелком и парчой, и отороченную ценной породой меха (как правило, шкурой баргузинского соболя) и обшитую бархатом, плисом или сукном яркой расцветки. Повседневная верхняя одежда, нагольная шуба, также различалась декором у разных социальных групп бурят Западного Забайкалья: ставшие модными зубчатые аппликации, нашиваемые на спинку шубы, у богатых были из дорогого красного сукна, а у бедных – из дешевого синего⁹⁰².

Мужская плечевая одежда богатых бурят Нижнего Приононья также заметно диссонировала с одеждой бедняков: если первые летом одевали парчовые или шелковые халаты *тэрлиг*, а под ними надевали распашную рубаху, то последние имели на весь год один овчинный *дэгэл*, который летом носили, спустив до половины корпуса и напоминая собой «бронзовую статую, движущуюся на овчинном пьедестале»⁹⁰³.

Летней верхней одеждой селенгинских и хоринских бурят обычно служил стеганный верблюжьей шерстью халат *тэрлиг*, отличавшийся материалом изготовления верха (из обработанной кожи, сукна или шелка), что опять-таки было связано с состоятельностью человека. Такой халат имел оторочку из меха⁹⁰⁴.

Верхнюю мужскую одежду, как и в предыдущем столетии, западнозабайкальские буряты подпоясывали накладным кожаным поясом с «пряжкой, убранным корольками, медью или железом с серебряною насечкою»⁹⁰⁵ или тканым кушаком⁹⁰⁶, ношение которых, как было показано выше, было даже узаконено обычным правом. Уточним, что наборные пояса были известны в Западном Забайкалье только у хори-бурят; они были цельные с серебряными накладными пластинами, орнаментированными в технике чеканки⁹⁰⁷. Оставалась прежней опояска одежды шелковым

⁹⁰² Раев А. Указ. соч. С. 9.

⁹⁰³ Монголы-буряты ... С. 19.

⁹⁰⁴ Раев А. Указ. соч. С. 9.

⁹⁰⁵ Спасский Г. И. Указ. соч., 1824а. С. 42.

⁹⁰⁶ Маак Р. Указ. соч. С. 15.

⁹⁰⁷ Павлинская Л. Р. Указ. соч., 1987. С. 37.

кушаком. С принятием буддизма селенгинские и хоринские буряты включили в костюм ленты *орхимжо*, которые носили, завязав над поясом⁹⁰⁸.

Нижняя одежда также сохраняла черты прошлого: изготовленная из кожи или хлопчатобумажной ткани короткая распашная рубаха; штаны широкие в шагу, «обшитые по бокам, вокруг карманов, **металлическими пластинками** (выделено нами – А. Б.)»; зимние штаны, пошитые из овчины. Отметим, что ни до, ни после такого рода деталь, как накладные пластины, на штанах бурят не фиксировалась в источниках. Вряд ли металлические пластины выполняли какую-либо эстетическую функцию, так как они почти всегда были скрыты под верхней одеждой. Сложно что-либо утверждать и о сакральном назначении этих пластин. Их целесообразность видится с практической точки зрения: вероятно, накладные пластины служили для защиты бедер конного бурята.

В сочинении Н. А. Бестужева, описывающего быт селенгинских бурят 1840–х гг., говорится, что последние одевали короткие рубахи «на манер китайских»⁹⁰⁹. Если исходить из этих сведений, то предположительно в первой трети XIX в. у селенгинских бурят получили распространение рубахи распашного типа, и это было влиянием китайской культуры. Но согласиться с таким мнением невозможно, ибо известно, что как раз традиционной для бурят-скотоводов считается распашная рубаха *морин самса*, которая попала в народный костюм задолго до описываемого писателем-декабристом времени. Не исключено, что Н. А. Бестужев зафиксировал другой немаловажный факт – замену закроечного материала, когда в изготовлении распашной рубахи кожа уступила место текстилю.

Укажем, что использование ткани, в частности ситца, в изготовлении распашной рубахи отмечается и у других забайкальских бурят, что подчеркивает общую тенденцию.

⁹⁰⁸ Маак Р. Указ. соч. С. 8.

⁹⁰⁹ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 48.

Обувь преимущественно оставалась прежней – башмаковидной и поршневидной. Сапоги *эрмэг гутал* имели загнутую подошву у острого носка, их носок, голенище и задник были из простеганной материи (плисовой или шелковой) с вышивкой или аппликациями. Вместе с тем часть бурят стала носить модные на то время кунгурские сапоги. Зимой внутрь обуви обычно надевали войлочные чулки.

Головные уборы бурят Западного Забайкалья были представлены зимней шапкой *хасабшатай малгай* и летней – *тойробишо малгай*, различавшимися у хори-бурят и селенгинских монголов направлением строчки на островерхой матерчатой тулье и наушниками (скроенными из одной с тульей ткани или из отдельных тканей). В то же время бытовала меховая шапка с цельнокроеной тульей и околышем, материалом для которой служил мех разных диких животных.

В украшении мужского головного убора наряду с покупными кистями из красной шелковой или хлопчатобумажной нити иногда использовали самодельные кисти, изготовленные из птичьих перьев или конских волос, покрашенных в красный цвет. Некоторым отступлением от канона явились редкие случаи, когда в головном уборе сочетали красный и желтый цвета: если тулья шапки была из красной материи, то кисть – из желтого шнура, и наоборот⁹¹⁰. Модным стало ношение пары алых лент, или ремешков из тонкого красного сукна, прикрепляемых сзади к шапке. Очевидно, символика этих лент или ремешков была такой же, что и кисти *залаа*.

Женские головные уборы были представлены налобной повязкой *даруулга*, капором *юудэн*, надеваемым в непогоду с войлочным плащом *суба*, зимним убором *хасабшатай малгай* и его летним вариантом *тойробишо малгай*. Как выше сообщалось, у забайкальских буряток сохранялась мода на островерхие шапки (особенностью которых были красные кисти и металлические наверхия) с пришитыми в зимнем варианте меховыми наушниками и выступами, прикрывавшими шею, в летнем – околышем.

⁹¹⁰ Раев А. Указ. соч. С. 9.

Летние шапки стали также украшать разноцветными шелковыми лентами⁹¹¹. Женщины из состоятельных семей околыш делали из меха бобра или соболя, из бедных – белой мерлушки. Летом под убором *тойробио малгай* девушки носили головную повязку *даруулга*, украшенную «металлическими пластинками, перламутром, малахитовыми шариками и красными кораллами»⁹¹². Заметим, что позднее декор этого головного украшения несколько видоизменился – на нем исчезли металлические пластины и перламутр, появились бусины янтаря и бирюзы.

Женский костюм включал распашные, отрезные по талии виды верхней одежды с правосторонним запахом – зимнюю отороченную мехом по краям и по груди овчинную шубу и летний халат *тэрлиг*, поверх которых надевали короткополую безрукавку из «китайки, сукна, шелковой ткани, а более из лосины, или другой мягкой кожи»⁹¹³. Последние слова из приведенной цитаты указывают на хождение старинной безрукавки, изготовлявшейся из замши и, скорее всего, распространенной у малоимущих бурят. Верхняя одежда, как правило, украшалась цветной оторочкой, а на спинке в талии имелась вставка красного цвета *хуняаһа*. Судя по данным конца XIX в., такие вставки пришивались на верхней одежде девушек по линии талии спереди и сзади, а – замужних женщин – спереди⁹¹⁴. Получается, что традиция за полвека трансформировалась – если в данном декоре одежды замужних женщин мы обнаруживаем новое прочтение, то в одежде девушек явно накладывались старая и новая трактовки. Выходные шубу и халат крыли яркой китайской парчой и шелком. Женщины и девушки, взявшие обет не есть конину и мясо павших животных, носили через левое плечо широкую ленту *орхимжсо* коричневого, красного⁹¹⁵, и, возможно, оранжевого цвета (Приложение В. Рис. 11).

⁹¹¹ Буряты (Этнографический очерк) // Калейдоскоп. 1862. № 10. С. 156.

⁹¹² Маак Р. Указ. соч. С. 15.

⁹¹³ Спасский Г. И. Указ. соч., 1824а. С. 42.

⁹¹⁴ Буряты, 2004. С. 158.

⁹¹⁵ Маак Р. Указ. соч. С. 8; Паршин В. Указ. соч. С. 48.

В целом, для праздничного женского костюма забайкальских бурят было характерно сохранение традиционного комплекса женских украшений, включавшего головные, накосные, височно-нагрудные, шейно-нагрудные, поясные, наручные металлические украшения (серебряные, реже золотые и медные), имевшие как вставки, так и отдельно носимые нитки полудрагоценных камней (малахита и красного коралла) и жемчуга⁹¹⁶. Заметна была социальная дифференциация в украшениях: представительницы малоимущего населения серебряные украшения заменяли медными, а вместо красного коралла носили дешевую китайскую имитацию, выполненную из рисового теста.

В первой половине XIX в. структура расселения бурят видоизменилась: шел процесс освоения в границах исторически сложившегося ареала, в ходе которого у бурят возникали новые формы поселений, в том числе притрактовая. Вместе с тем, не затухала миграционная активность, правда, она имела меньшие масштабы, чем в XVIII в., и связывалась с переселениями сравнительно небольших групп.

Локализация поселений у бурят стала несколько иной: улусная система сохранялась у бурят Предбайкалья, Прибайкалья, Западного Забайкалья (селенгинских); к улусно-хотонной системе перешли буряты Западного Забайкалья (селенгинские и хоринские), Западного Прибайкалья и Нижнего Приононья; хотонная система сохранялась у бурят Западного Забайкалья и Нижнего Приононья. Рост оседлости среди бурят поддерживал тенденцию к расширению географии улусной и улусно-хотонной поселенческих систем. С возникновением среди бурят групп оседлого крещеного населения некоторое развитие получила воспринятая у русских система деревень. Зародилась в этот период улусно-заимочная система, связанная у одних бурят с проживанием зимой в улусе, в остальные сезоны – на заимке, у других – наоборот, с зимним пребыванием на заимке.

⁹¹⁶ Кастрен М. А. Указ. соч., 1860. С. 448.

В рассматриваемое время у бурят фиксируются единичные примеры новых типов поселений (заимка, выселок, мельница); традиционные поселения (улус, хотон) сохраняют главенствующие позиции в их жилищно-поселенческом комплексе.

Оседлые буряты образовывали самостоятельные деревни (в Предбайкалье, Западном Прибайкалье, Забайкалье) или жили в улусах с полуоседлыми бурятами (в Восточном Прибайкалье). Деревня оседлых бурят, представляя аналог русского селения, заметно отличалась от зимнего улуса других бурят (формой застройки, типом жилища и двора, пространственной ориентацией).

В середине XIX в. сеть населенных пунктов у бурят Предбайкалья состояла из примерно 450 поселений, из которых явное большинство принадлежало улусам (83,5 % поселений), деревни и другие типы поселений были менее распространены (16,5 %). В это время у бурят Прибайкалья насчитывался 61 населенный пункт (в 1830–е гг. их было 64, но к 1850–м гг. стало меньше – 58), абсолютное большинство которых представляли улусы (98 % поселений). Примерно 350 населенных пунктов (за неимением в источниках точных сведений о поселениях селенгинских бурят эта цифра достаточно условная, в реальности она была выше) включала поселенческая сеть у бурят Западного Забайкалья, у них также преобладали улусы. Буряты Нижнего Приононья, согласно официальным данным, имели 37 улусов и 1 селение, но на деле число улусов у них было вдвое больше.

Типичными для бурят Предбайкалья и Прибайкалья были улусы среднего размера и малодворные деревни. Расселенческая структура западнозабайкальских бурят отличалась небольшими поселениями, в том числе малодворными деревнями. Агинские улусы являлись зимними поселениями среднего размера, а селение Агинское представляло малодворный населенный пункт. Кроме того, как и в XVIII в., хотоны, представлявшие тип малого временного поселения, преобладали в жилищно-поселенческом комплексе бурят Забайкалья.

В это время оформляются административные центры бурятских ведомств. В отличие от обычных поселений, в их структуре появляются общественные здания срубного типа (здания Думы, приходские училища, экономические магазины, тюремные избы, морги/«ледники»).

Занятие земледелием и расширение потребления зерновых и мучных продуктов в питании бурят сопровождалось, в частности, строительством в улусах и деревнях экономических магазинов и срубных овинов (можно присовокупить к ним и водяные мельницы, хотя они располагались вне границ упомянутых поселений). Развитие бурятской экономики стимулировало процесс возведения стационарных кузниц в части зимних улусов.

В изучаемое время дворы (чаще всего одночастные) становятся типичными для жилищно-поселенческого комплекса разных территориальных групп бурят.

Также определенные изменения происходили в структуре жилищ. Наряду с юртами (срубной и войлочной) получили распространение в качестве, прежде всего, зимнего варианта жилья избы (как правило, «белая» изба и изба-пятистенки). Они уступали в плане престижности традиционным типам жилищ: большинство полуоседлых и полукочевых бурят Предбайкалья и Прибайкалья, также полуоседлые буряты Западного Забайкалья отдавали предпочтение разным вариантам срубной юрты, а кочевые и полукочевые буряты Забайкалья – войлочной юрте. Достоинства новых типов изб оценили преимущественно состоятельные люди из числа полукочевых и полуоседлых бурят. Войлочная юрта потеряла прежнее значение у бурят Предбайкалья и Западного Прибайкалья. Ареал распространения срубной юрты по сравнению с XVIII в. расширился: она встречалась не только у представителей предбайкальских родов (в Предбайкалье, Прибайкалье, Западном Забайкалье), но и у селенгинских монголов и хори-бурят. Уходят в прошлое жилые постройки каркасной и каркасно-столбовой конструкций, шестовые чумы.

Степень комфортности жилищных условий была различной как у отдельных территориальных групп бурят, так и внутри них (она зависела от принадлежности семьи к конкретному хозяйственно-бытовому и социальному слою бурятского общества).

Интерьерный комплекс бурятского жилища в изучаемый период в целом сохранял традиционный характер; но при рассмотрении его на уровне территориальных групп заметно, что, следуя логике внутреннего развития и под внешним влиянием, он постепенно преображался. Факторами, сыгравшими важную роль в изменении внутреннего убранства жилища бурят, были: принятие православия и буддизма значительной частью бурят; рост домостроительства; торговые и иные культурные связи бурят с Китаем, Монголией, и с русскими.

Основой системы питания большинства бурят являлись продукты животного происхождения, и это определяло единообразие пищи у разных территориальных групп; изменения были связаны с включением в нее круп, овощей, картофеля, что, в свою очередь, добавило в бурятскую кухню ряд заимствований из русской народной кулинарии. Транслировались ранее сложившиеся в питании субрегиональные особенности, определяемые направлением хозяйственной деятельности; различия в нем также обуславливались существовавшей дифференциацией бурят по хозяйственно-бытовому, социальному и религиозному признакам. Смешанный тип питания, в котором, прежде всего, были представлены мясомолочные и зерновые продукты, складывается у оседлых бурят. Между тем роль мясомолочной составляющей в питании иных хозяйственно-бытовых групп оставалась определяющей. Рыбные продукты, восполнявшие недостаток мясной пищи, стали постоянными в питании прибайкальских бурят и вошли в рацион обедневшей части остальных бурят региона.

Костюмный комплекс бурят, сохраняя типологические характеристики, постепенно эволюционировал. Актуальными оставались тенденции перехода от кожного и мехового к тканевому материалу и совершенствование

декоративного оформления одежды, головных уборов и обуви. Происходил процесс смены функционального назначения некоторых элементов одежды, и даже полное их исчезновение из народного костюма. Среди основных факторов, которые сказались на развитии субрегиональной специфики в костюмном комплексе, были: религиозный фактор; инокультурное влияние, приведшее, в частности, к заимствованиям бурятами Предбайкалья и Восточного Прибайкалья отдельных элементов русского народного костюма; заметно возросший в это время фактор престижности и моды.

Примеры взаимосвязей, складывавшихся в данный период внутри культуры жизнеобеспечения бурят, в сравнении с XVIII в. множатся: появление в домашней мебели бурят Забайкалья расписных сундуков *абдар* (*ханза*)-*ухэз* для хранения верхней одежды и посудных шкафчиков *эргэнэг*; переход к проживанию в избах привел к восприятию русских образцов железной и чугунной посуды, предназначенной для приготовления пищи на печи; опять-таки эксплуатация русской печи расширила ассортимент бурятской кухни за счет заимствованных рецептов русских блюд и снеди; вместе с перенятыми у русских самоварами некоторые территориальные группы бурят Предбайкалья восприняли традицию питья черного чая с сахаром/«леденцом».

Итак, в период первой половины XIX в. первоначальная модель культуры жизнеобеспечения бурят развивалась под влиянием различных эндогенных и экзогенных факторов. На динамику развития входящих в культуру жизнеобеспечения компонентов воздействовали процессы, которые протекали, прежде всего, в хозяйственной жизни (в частности проводимая государством политика седентаризации), межкультурное взаимовлияние (прежде всего русско-бурятское), а также рост приграничной и внутренней торговли в регионе, изменения в религиозном сознании бурят. Определенным образом на поступательное движение культуры жизнеобеспечения бурят повлиял элемент престижности, проявлявшийся в

предпочтениях людьми конкретных типов жилищ, предметов внутреннего убранства жилища, элементов костюма и его убранства.

ГЛАВА III.

Трансформация культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX века. Зарождение модернизационных процессов

В заключительной главе работы будет прослежена эволюция компонентов культуры жизнеобеспечения бурят в указанный выше период, выделены основные тенденции в развитии данного феномена культуры. В конце XIX в. Россия вступила в пору модернизационных процессов, которые в определенной мере затронули и бурят. В этой связи следует рассмотреть влияние капиталистической модернизации на культуру жизнеобеспечения бурят.

Наряду с архивными, мемуарными и иными источниками, для анализа привлекаются полевые материалы автора, которые повышают репрезентативность исследования.

Вторая половина XIX в. для бурят была периодом, когда сложившаяся этническая общность активно развивалась, приобретая новые этнодифференцирующие признаки. Это время можно условно подразделить на относительно спокойный для бурятского общества промежуток 1850–80-х гг., характеризующийся сохранением действия Устава об управлении инородцев 1822 г., поддерживавшим самоуправление бурят в форме Степных дум и инородческих управ, защищавшим права бурят на родовые земли, свободу торговли и др., и концом XIX – начала XX в., связанным с возобладанием в верхах Российской империи идеи ускоренного экономического подъема Сибири за счет массового переселения крестьянского населения из европейской части страны, потребовавшего изъятия части бурятских земель в Переселенческий фонд (что сокращало возможности для ведения традиционных форм скотоводства), и усиления политики седентаризации бурят. В сравнении с первой половиной столетия этническая структура населения Юго-Восточной Сибири развивалась в сторону быстрого прироста

русских, которые к концу века составили $\frac{3}{4}$ жителей региона. С увеличением населения остро встал земельный вопрос, в Предбайкалье он усугублялся процессом сосредоточения земельных угодий в руках состоятельных людей, приведшим к обезземеливанию бедняцкой прослойки бурят.

Другой сверхзадачей, которую в период 1892–1906 гг. решало российское правительство под влиянием С. Ю. Витте, являлось стремление укрепить позиции России на Дальнем Востоке, прежде всего в Китае. Одним из ключевых проектов, выполненных в рамках этой задачи, было строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, прокладка которой привело к нарушениям сложившихся маршрутов кочевков бурят и переводу некоторых бурятских земель в ведение железной дороги.

Административные реформы, начатые в конце XIX в. российскими властями, были нацелены на унификацию системы управления сельского населения Сибири, для чего вводилось у сибирских народов вместо Степных дум и других форм выборного самоуправления волостное и сельское управление, распространялись на них крестьянские законы и др. В результате такой реорганизации произошел переход бурят к волостной системе, более известной у последних как сомонно-булучная (в бурятском языке слово *сомон* ‘волость’, а *булэг* ‘низшая административная единица, часть, группа’⁹¹⁷ (у бурят Восточного Присаянья он означал «улус» (как населенный пункт) или территориальную общину, обитавшую в отдельной пади и долине⁹¹⁸)).

Особый акцент был сделан на ослаблении позиций национальной элиты, в частности бурятских родоначальников, которые к этому моменту утратили право наследования должностей и против них, если выявлялись их противоправные поступки, применялись меры уголовного преследования. А с введением подконтрольности инородческих начальников крестьянским, когда фактически было отменено привилегированное положение бурятских сайтов, началась радикализация бурятской управленческой элиты.

⁹¹⁷ Бурятско-русский словарь. С. 123.

⁹¹⁸ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 12.

На фоне развития с 1880–х гг. капиталистических отношений в Юго-Восточной Сибири в бурятском обществе наблюдался процесс постепенно усиливавшейся социальной поляризации: предприимчивая часть бурят, развивая мелкое и среднее товарное производство, активно занимаясь торговлей, захватывала не только экономику бурятского села, его земли, но и сосредоточила в своих руках рычаги управления, вытесняя из органов власти сайтов; бедняки превратились в наемную силу, вынужденную подрабатывать в хозяйствах богачей или мигрировать в поисках лучшей доли.

Вместе с сокращением неосвоенных под пашню и сенокосы земель возможности экстенсивного развития земледелия у бурят начинают исчерпываться уже в 1860–е гг. Впервые это проявилось в Предбайкалье и породило там систему заимок. Другим результатом наступившего малоземелья было выдавливание части трудоспособного населения из данного субрегиона в Западное Забайкалье, в целом негативно сказавшееся на демографии предбайкальских бурят. Концентрация земли в руках относительно небольшого слоя крупных латифундистов заставляла малоимущих бурят в поисках лучшей доли мигрировать на новые места жительства⁹¹⁹.

Успехи в развитии земледелия у бурят Забайкалья были скромными и, по-сути, решали только проблему самообеспечения себя хлебом. За столетие не произошло перелома в хозяйстве данных бурят, это, в частности, показало обследование, проведенное в рамках Куломзинской комиссии. Согласно выводам Комиссии, в конце XIX в. хозяйство бурят Забайкальской области было или скотоводческим (Агинское и Баргузинское ведомства, большая часть Хоринского и Урульгинского ведомств) или скотоводческо-земледельческим, под которым понималась «система хозяйства, хотя и пастбищная, но с некоторыми зачатками земледелия» (Селенгинское

⁹¹⁹ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 214.

ведомство, Цонгольская инородная управа, ведомство Кударинской степной думы и бурятские казачьи станицы)⁹²⁰.

Присваиваемые виды хозяйства (охота, рыболовство и собирательство) в той или иной степени были присущи всем территориальным группам бурят, между тем их значение уменьшилось в тех ведомствах, в которых успешно развивалось земледелие.

К концу XIX в. произошла трансформация охотничьего промысла, обусловленная все большим вовлечением его в рыночные отношения, сменой форм (почти повсеместно уходят в прошлое облавы и загоны, обычным становится артельная или индивидуальная охота), совершенствованием средств (использование огнестрельного оружия и способов промысла), изменением его географии из-за хищнической добычи некоторых представителей фауны Юго-Восточной Сибири (прежде всего пушных животных). В то же время мясная охота сохраняет свое значение как важный источник получения продовольствия. Как и ранее, охота остается одним из главных занятий для таких этнических сообществ, как ольхонские, присаянские и баргузинские буряты.

В XIX в. рыболовство у отдельных групп бурят развивалось главным образом из-за высокого спроса на его продукцию в городах. Так, по словам современников, байкальский омуль занимал почетное второе место после хлеба на столах у русских региона. Наиболее вовлеченными в рыбный промысел на оз. Байкал были буряты Прибайкалья, которые объединялись для этого в небольшие артели. У других бурят, местами промысла которых были реки и озера, выловленная рыба шла на продажу и употреблялась в пищу.

Народные промыслы, связанные с обработкой различных материалов, сохраняли в течение XIX в. свое значение в жизни бурят. Наряду с домашними производствами бытовали традиционные ремесла, ориентированные на потребности рынка. Кузнецы, ювелиры, столяры,

⁹²⁰ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.

шорники и другие ремесленники, обслуживая не только бурят, но и русских, выходили со своими изделиями и услугами за пределы родного улуса, зачастую и ведомства. Кроме того, под влиянием спроса на определенные виды работ сформировались новые для бурят категории ремесленников – печники, плотники, сапожники, медники, число которых быстро возрастало⁹²¹.

В изучаемое время для всех групп бурят было характерно развитие отхожих промыслов, связанных с извозом, гужевыми перевозками и др. Часть бурят трудилась на сезонных сельскохозяйственных и промысловых работах старателями, пастухами, косарями, сборщиками кедровых орехов и др. Нанимались они также в городские дома в качестве домашней прислуги.

Во второй половине XIX в. из среды бурят выделяются предприниматели, открывавшие собственное дело, как правило, в обрабатывающих отраслях – мукомольной, кожевенной, стеклоплавильной, мыловаренной и др. Их небольшие предприятия успешно конкурировали с казенными и другими частными производствами.

Активно участвовали буряты в торговле зерном, мукой, продуктами скотоводства, рыболовства и охоты. Торговля на протяжении столетия поменяла свои формы: если в первой половине XIX в. получают развитие ярмарочная и мелочная торговля, то в конце столетия ярмарки в бурятских ведомствах прекращаются и уступают место торговым лавкам, владельцами которых являлись, наряду с государством, русскими и другими иноэтничными купцами, состоятельные буряты. Разрешение торговли спиртными напитками в бурятских улусах в 1890–е гг. подтолкнуло предприимчивых бурят к открытию питейных заведений и винных складов.

С 1880–х гг. трансформация традиционного хозяйства у бурят приобретает черты необратимого процесса, и во многом этому способствовала политика государства, направленная на стимулирование переселенческого движения, облегчение процедуры перехода инородцев в

⁹²¹ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 216.

крестьянское сословие, реформа землеустройства, волостная реформа и т. д.⁹²².

Конец XIX – начало XX в. были связаны с начавшейся модернизацией экономики и социальной жизни в России, затронувшей и Юго-Восточную Сибирь. Строительство и начало эксплуатации Транссибирской железнодорожной магистрали активизировали торгово-экономические отношения в регионе – его население вступило в более широкие экономические связи с другими территориями Сибири и Дальнего Востока, Китаем. Благодаря появившемуся железнодорожному сообщению значительно выросли в Байкальском регионе миграционные потоки из европейских губерний страны, еще более обострившие вопрос о малоземелье в Предбайкалье. Ситуация в области бурятского землепользования накануне землеустроительной реформы была уникальна тем, что, с одной стороны, в пользовании территориально-родовых образований и состоятельных людей имелись значительные площади земли (главным образом покосов), которые они активно сдавали в аренду русскому населению или представителям других бурятских родов, с другой, не хватало земли у бедной части бурят Предбайкалья.

Землеустроительные работы, проводившиеся с 1898 г. и до 1917 г., в основном решали одну задачу – найти земельные пространства, достаточные для притока переселенцев из европейской части России и Западной Сибири. Такая миграция была призвана, в частности, в условиях усиления позиций Японии и США в Тихоокеанском регионе укрепить приграничные с Китаем области, уменьшить земельный голод в центральных губерниях и способствовать дальнейшему хозяйственному освоению Юго-Восточной Сибири.

При издании землеустроительных законов от 23 мая 1896 г. («Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и

⁹²² Курышов А. М. Указ. соч. С. 6.

Иркутской») и от 4 июня 1898 г. («Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов и определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской») российский законодатель на основе изучения специфики хозяйства бурят Иркутской губернии отнес их к оседлому населению, и уравнивал выделяемые земельные наделы бурят и русских, в результате чего были значительно сокращены владения бурят (размеры наделов уменьшились до 15 десятин на мужскую душу). Отрезанные у бурят участки переходили в качестве казенных земель в Переселенческий фонд или передавались малоземельным крестьянам-старожилам.

Совещание о поземельном устройстве населения Забайкальской области в 1897 г. организовало особую комиссию для исследования землевладения и землепользования в регионе, возглавляемую статс-секретарем А. Н. Куломзиним (в Иркутской губернии хозяйственная перепись была проведена ранее – в 1887–1889 гг.). По итогам работы Комиссии были установлены определенные нормы земельных наделов для бурят, намного сократившие возможности для ведения полноценного скотоводческого хозяйства. В 1900 г. вышел Закон «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области», принятие которого фактически лишало право бурят на породные земли и сокращало их земельные наделы примерно с 100 до 30 десятин на мужскую душу⁹²³. Эти меры правительства лишали почву для кочевого и полукочевого скотоводства у забайкальских бурят, полуоседлого – у бурят Иркутской губернии.

3.1. Развитие сети бурятских поселений, типов усадеб и жилищ Предбайкалье

⁹²³ История Бурят-Монгольской АССР, 1951. С.467.

Во второй половине XIX в. критерии выбора мест под поселение у бурят Предбайкалья оставались прежними. На эту мысль, в частности, наводит изучение материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. Так, большинство поселений аларских бурят располагалось у естественных водных потоков и водоемов (по речной системе их было 56 (56,6 % поселений), при ключах – 7 (7,1 %), при озерах – 2 (2 %)), остальные – при падах, в логах, у подножия гор, в открытой степи, на лугах и равнинах. Подавляющее число поселений у идинских бурят также стояли в непосредственной близости от природных источников воды (вдоль рек и их притоков находились 171 населенный пункт (86 % от их числа), при ключах – 7 (3,5 %)), прочие – у колодцев, в падах и у подножий гор. Многие населенные пункты балаганских бурят лежали у природных водных источников (по речной системе их было 87 (46 % поселений), при ключах – 4 (2,1 %)), другие – в падах, урочищах, на речных островках и в степи. Большая доля поселений кудинских бурят была размещена по рекам и речкам (31 (65 %)) и у ключей (8 (16,7 %)), иные – находились в урочищах и у вырытых колодцев. Большинство поселений у верхоленских бурят раскинулось по местной речной системе (р. Лена и ее притокам (Манзурке, Куде и др.)), меньшее их число было у ключей и озер. Лишь незначительная часть верхоленцев проживала в местностях, отдаленных от естественных водоемов, – в открытой степи, у Якутского тракта, у подножия Верхоленского хребта. Все населенные пункты нижнеудинских бурят находились в системе р. Уда и ее притоков.

Для системы расселения бурят Предбайкалья было характерно доминирование поселений, расположенных вблизи речек. Больше всего населенных пунктов, которые размещались на берегах рек, зарегистрировано у балаганских бурят (10 поселений), меньше – у идинских и верхоленских бурят (по 3 у каждой группы), у аларских – 1, у остальных бурят такого рода поселения не имелись. Показательно, что при озерах располагалось всего 5

населенных пунктов бурят субрегиона. Размещение сел и деревень оседлых бурят относительно гидрографической сети было по рекам, речкам и ключам.

Если обратиться к вопросу о месторасположении летних поселений у т. н. кочевых бурят, то выясняется, что в зависимости от занимаемой территориальной группой природно-экологической зоны, оно разнилось: у верхоленских бурят летники располагались в горных долинах рядом с солеными (гужирными) озерами, служившими водопоем для скота⁹²⁴; у приангарских – «по долинам рек, по широким падям, около солончаков»⁹²⁵.

Представленный обзор доказывает, что на выбор места под поселение накладывали свою печать природно-географические особенности территории расселения бурят. Можно заключить, что приречная форма расселения продолжала преобладать у бурят Предбайкалья (варьируя у разных территориальных групп в диапазоне от 46 % до 86 % их населенных пунктов), далее следовали по нисходящей приключевая, приколодезная, приозерная и другие формы заселения, очень были редки поселения, стоявшие на сухопутных трактах.

Тенденции, заложенные в первой половине столетия, продолжали развиваться в жилищно-поселенческом комплексе предбайкальских бурят и в последующее время. Очевиден был дальнейший рост оседлого населения в составе бурят, но его динамика и масштаб были разные в каждой территориальной группе. Лидерами в переходе на оседлость являлись аларские буряты – если в начале 1850–х гг. оседлые представляли 4,1 % численности аларских бурят, то на рубеж XIX–XX вв. они составляли 22,8 % от их числа⁹²⁶. А вот в 1860–е гг. у балаганских бурят доля оседлого населения даже уменьшилась по сравнению с первой половиной XIX в. – 18,6 % этих бурят были оседлыми, хотя раньше этот показатель у них был выше. Правда, к концу века ситуация выправилась и число оседлых достигло примерно 21 % балаганских бурят. Почти к 3 % приближалось число оседлых

⁹²⁴ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 5.

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 202. Л. 19.

у верхоленских бурят. В течение второй половины XIX в. процент оседлых у кудинских бурят оставался постоянной величиной в 2,2 %. Такая широкая амплитуда значений, определяющих место оседлых в структуре населения, свидетельствует о разной скорости трансформации хозяйства у территориальных групп бурят Предбайкалья.

Одним из направлений в развитии жилищно-поселенческого комплекса был процесс укрупнения поселений оседлых бурят. Так, предположительно в середине века у оседлых балаганских бурят сокращается количество деревень, а в дальнейшем в течение 30 лет (конец 1850-х – конец 1880-х гг.) при заметном демографическом приросте число поселений у них остается стабильно одним – 13 деревень. Как мы помним, в 1840-е гг. оседлые балаганские буряты имели селения со средним населением более 100 чел., во второй же половине столетия в среднем жило более 200 чел. в такой деревне, которая, кстати говоря, теперь превосходила по числу жителей среднестатистический зимний улус. По данным на 1876 г., наиболее крупными являлись Тыретское (606 чел.) и Тагнинское (320 чел.) селения оседлых бурят⁹²⁷.

Подобные процессы отмечены и у кудинских бурят – оседлые буряты компактно проживали в двух деревнях (Усть-Ордынское и Курское), население которых постепенно прибавлялось. Специфика демографической ситуации у кудинских бурят в сопоставлении с балаганскими выражалась в наметившемся с середины 1880-х гг. уменьшении населения.

Аларские буряты, по сведениям К. Риттера, за период 1859–1889 гг. не намного приросли – всего на 6 %⁹²⁸. К. Д. Басаева считает, что рост у них был все же выше – 17 %; по ее данным, в последующее десятилетие наблюдалась некоторая стагнация количества аларских бурят⁹²⁹. В 1850-е гг. оседлые заселяли 5 небольших населенных пунктов, кроме того, они дисперсно расселялись в зимних улусах полуоседлых и полукочевых бурят. К концу

⁹²⁷ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1431. Л. 81.

⁹²⁸ Риттер К. Указ. соч., 1894. С. 345.

⁹²⁹ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 61.

столетия количество поселений, в которых был высок удельный вес оседлого населения, чуть выросло, наиболее значительным из них являлось село Бажей Ныгдинского ведомства.

Отмечалось и такое явление, когда записанные в категорию оседлых инородцев вновь возвращались к полuosедлой жизни. Это прослеживается в документах Балаганского ведомства, согласно которым, в частности, существовали улусы «оседлых бурят, имеющих кочевья» – в числе подобных поселений значатся Игнинский (66 чел.) и Окинский (149 чел.) улусы⁹³⁰.

В 1850–е гг. большая часть улусов аларских бурят представляла собой небольшие населенные пункты, об этом свидетельствует анализ архивных источников (Приложение А. Табл. 9; Приложение Б. Док-ты 18, 19). На 1859 г. наиболее крупными являлись селения Хигинское (601 чел.), Куйтинское (579 чел.) и Ныгдинское (564 чел.).

Нормой для поселений у других предбайкальских бурят также были небольшие улусы из далеко отстоящих друг от друга 10–15 юрт⁹³¹ или изб⁹³². Несмотря на небольшое число дворов, каждый бурятский улус занимал значительную территорию.

Процесс выделения новых улусов, возникавших на месте старого поселения, легко угадывался, когда в перечнях населенных мест по ведомствам начинали значиться улусы со сложными, имеющими общий корень названиями, первой частью которых были слова «нижне», «верхне», «средне», «больше», «мало» или имевшие нумерацию.

На примере истории нижнеудинских бурят можно проследить, как переселенческая политика властей оказала влияние на развитие бурятских поселений. М. Н. Хангалов пишет, что в результате потери части исконных территорий нижнеудинские буряты «стали собираться и селиться более крупными общинами», тогда появились улусы Хабсагай, насчитывавший 30

⁹³⁰ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1431. Л. 81.

⁹³¹ Головачев П. М. Указ. соч., 1902. С. 110.

⁹³² Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 247.

домов, Хушун – 32 дома, Шарагул – 8 домов»⁹³³. В конце 1850–х гг. часть земель этих бурят была отдана под станицы новоиспеченных казаков, бывших солдат-штрафников, переведенных для эксперимента в казачье сословие. В итоге, бросив дома, буряты были вынуждены мигрировать вверх по р. Уда в улусы своих сородичей⁹³⁴. Очевидно, что сокращение земельных владений подстегивало процесс концентрации бурят и, следовательно, вело к укрупнению их поселений.

Динамика количественного роста зимних улусов имела определенные различия у территориальных групп предбайкальских бурят: во второй половине XIX в. у балаганских бурят число улусов выросло с 70 в 1861 г. до 117 в 1887 г. (на 67 %), у аларских – с 57 в 1859 г. до более 70 в 1897 г. (на 30 %), у ольхонских – с 28 в 1854 г. до 72 в 1895 г. (на 157 %); в то же время у кудинских бурят темпы приращения зимних поселений были незначительными – если в начале 1850–х гг. у них насчитывалось 65 улусов, то в 1887 г. – 71 (на 9 %). Рост числа поселений свидетельствует о продолжающемся расширении сети расселения бурят Предбайкалья, чему способствовали изменения в их хозяйственной жизни.

В середине столетия во многих улусах население состояло из представителей разных родов. Например, по данным 1859 г., у аларских бурят преобладали одно-двухродовые улусы (Приложение А. Табл. 9; Приложение Б. Док-ты 18, 19). Отметим, что население улуса могло быть неоднородно и по принадлежности к разным хозяйственно-бытовым группам – полукочевникам, полуоседлым и оседлым.

В 1850–е гг. отмечается нестабильность населения в поселениях аларских бурят. В документах это объясняется частыми переходами людей из одного населенного пункта в другой⁹³⁵. Бросается в глаза повсеместность таких микромиграций, и, что поразительно, участие в них, наряду с более подвижными группами полуномадов и полуоседлых, также оседлых бурят.

⁹³³ Хангалов М. Н. Указ. соч., 1959. С. 21.

⁹³⁴ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 255.

⁹³⁵ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275. Л. 108.

Состав населения в летних поселениях предбайкальских бурят был тоже неоднороден.

Начиная с 1870-х гг. в ряде селений оседлых бурят Балаганского, Кудинского, Идинского ведомств в небольшом количестве появляются русские поселенцы (в Тагнинском селении – 25 чел., в Верхне-Зиминском – 16 чел. и т. д.) и представители других народов (в том числе евреи, поляки, татары и др.), хотя еще не был отменен запрет властей на проживание переселенцев в среде бурят. К концу XIX в. доля иноэтничного (особенно русского) населения в бурятских ведомствах существенно возрастает. Приметой времени становится строительство переселенцами (главным образом русскими) с ведома бурятских управ мельниц и заимок, в которых в основном они и жили (Приложение Б. Док-т 20). Со снятием запрета на жительство переселенцев непосредственно в бурятских улусах, их население стало быстро прирастать иноэтничным элементом.

В конце века лица небурятской национальности присутствовали во всех территориальных группах бурят Предбайкалья: среди кудинских бурят проживало 212 русских и 90 эвенков, у нижнеудинских бурят – 252 русских и 38 представителей других народов, у верхоленских бурят – 530 русских, 17 эвенков и 76 людей иных национальностей, у аларских бурят – 956 русских, 73 эвенка, 74 представителя других национальностей, у идинских бурят – 1398 русских, 60 эвенков, 120 людей иноэтничной принадлежности, наконец, у балаганских бурят – 2733 русских, 81 эвенк и 156 представителей иных народов⁹³⁶. Основной массив предбайкальских бурят, земли которых к концу XIX в. лежали чересполосно с наделами русского и иного населения, и находились на пути массовых переселенческих потоков, постоянно принимал на жительство в свои поселения иноэтничный элемент.

Большой процент русского населения был в таких деревнях, как Карымская (153 чел.), Аларь (130 чел.) и Грязнуха (104 чел.), а также в Нукутском (118 чел.), Боханском (87 чел.) улусах, селах Тыретском (693

⁹³⁶ Патканов С. К. Указ. соч. С. 446–447, 468–491, 506–509, 513–518, 541.

чел.), Хогот (120 чел.), Ользоновское (103 чел.), Баяндаевское (81 чел.); эвенки компактно жили в Мало-Бельском улусе (41 чел.) и двух стойбищах (Качергатском и Зогинском) Кудинской управы (80 чел.)⁹³⁷. Показательно наличие русского компонента во всех населенных пунктах нижнеудинских бурят, географическое положение которых было таково, что они одними из первых вошли в контакт с русскими казаками в начале XVII в. и в наибольшей степени ощутили воздействие русской культуры. В качестве примера полиэтнического поселения можно назвать с. Бажей у аларских бурят: оседлые буряты в нем составляли 55,2 % всех жителей; русские – 39,5 %; представители других национальностей – 5,3 %.

На основе данных переписи 1897 г. можно определить размеры населенных пунктов и распределение их по типам у территориальных групп бурят Предбайкалья (Приложение А. Табл. 9, 10). Оговоримся, что С. К. Патканов выделял у них зимние улусы и постоянные поселения, единственно, у балаганских бурят Ашехабатского управления он разделял поселения на круглогодичные и сезонные, что, вероятно, диктовалось характером подручных источников.

Среди многодворных населенных пунктов у бурят Предбайкалья можно выделить следующие: у аларских бурят – Алятский улус (121 хоз., 566 чел.), с. Бажей (100 хоз., 543 чел.), Ныгдинский улус (94 хоз., 521 чел.); у балаганских бурят – Тыретское селение (201 хоз., 1289 чел.), Карымская деревня (94 хоз., 567 чел.) и Тангутский улус (108 хоз., 515 чел.); у верхоленских бурят – Хальский (104 хоз., 458 чел.) и Бассайский (104 хоз., 450 чел.) улусы; у идинских бурят – Загликский (103 хоз., 571 чел.), Боханский (122 хоз., 558 чел.) и Херетинский (101 хоз., 507 чел.) улусы; у кудинских бурят – Муринский (159 хоз., 687 чел.), Кукунутский (129 хоз., 669 чел.) и Голоусинский (104 хоз., 497 чел.) улусы; у нижнеудинских бурят – село Солонцы (76 хоз., 403 чел.), характеризовавшееся определенной

⁹³⁷ Патканов С. К. Указ. соч. С. 446–447, 468–491, 506–509, 513–518, 541.

полиэтничностью (в нем проживало, по данным 1897 г., 328 бурят, 48 русских и еще 27 представителей других народов).

Со всей очевидностью можно утверждать, что, как и ранее, на рубеже XIX–XX вв. большинство населенных пунктов у предбайкальских бурят представляли малодворные улусы. Кроме того, можно заключить, что у них развивались заимки и выселки, что указывает на освоение ими новых земельных участков, а также на уплотнение населения в старых местах проживания.

В изучаемое время у большей части предбайкальских бурят, отнесенных к т. н. кочевым инородцам, а на деле ведущих полуоседлый образ жизни, сезонные переезды с летних поселений на зимние, и обратно сохранялись.

Касаясь вопроса удаленности зимников от летников, нужно заметить, что эти расстояния по сравнению с прошлым принципиально не изменились для большинства полуоседлых бурят. Иначе обстояло у бывших полуномадов, кто занялся земледелием и, следуя примеру полуоседлых сородичей, стал приближать летние поселения к границам зимников. Так, аларские буряты, многие из которых в первой половине столетия вели полукочевой образ жизни и располагали зимники в 10–20 км от летников, к концу XIX в. эти дистанции уменьшили до 2–7 км⁹³⁸. Данная тенденция имела место и у других предбайкальских бурят⁹³⁹. Так, судя по сельскохозяйственной карте из атласа «Азиатская Россия»⁹⁴⁰, по 16 улусам Хоготовского ведомства среднее расстояние между зимниками и летниками составляло 6,4 версты, а дистанция между сезонными поселениями варьировала в пределах от 0,9 до почти 13 верст. Верховенские буряты стали переносить летники поближе к зимникам, другими словами, они приближали их к сенокосам и пашне. Очевидно, демографический рост численности

⁹³⁸ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 56.

⁹³⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 202. Л. 32 об.

⁹⁴⁰ Азиатская Россия: В 3-х т. СПб., 1914. Т. 1–3 / Переселенческое упр. Гл. упр. Землеустройства и земледелия.

бурят субрегиона и возрастание переселенческого населения привели к малоземелью, а это делало невозможным поддержание прежней формы скотоводства у бурят.

Новой тенденцией в жилищно-поселенческом комплексе бурят Предбайкалья было появление заимок. Например, в конце 1850–х гг. у аларских бурят их было 4: Ненская заимка, Нижне-Иретская, Забитуевская, Ендонская. В конце столетия их число возросло до 18⁹⁴¹. Как видно из документов, власти распространяли разработанные для сибирского крестьянства правила по заведению таких поселений частного характера (Приложение Б. Док-т 21) на инородческое население Восточной Сибири, в том числе бурят.

Заимками обычно обзаводились полуоседлые буряты, зимой там пасли скот и занимались молотью зерна⁹⁴². В связи с этим вспомним, что традиционным для бурят была зимняя тебеневка скота, а к середине столетия ими был заимствован у русских крестьян способ выбивания на льду зерна из колосьев. Однако К. Д. Басаева полагает, что заимки были осенними стоянками, где располагались земельные и сенокосные угодья, которые по окончании сельскохозяйственных работ использовали под пастбу скота по жнивью⁹⁴³. Вероятно, оба варианта хозяйственного применения заимок имели место, но такие поселения должны были принадлежать разным хозяйственно-бытовым группам аларских бурят.

Появление заимок привело к весьма ограниченной практике трехразовых сезонных перекочевок, которая, например, усложнила систему кочевания у полуоседлых бурят, но, конечно же, не изменила характер их хозяйства. Иначе обстояло у в недавнем прошлом полуномадов, известным нам по материалам первой половины столетия, которые, перейдя на полуоседлое существование, превращали осенние поселения в заимки. Думается, будет правильным определять как полуоседлые, скотоводческие

⁹⁴¹ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 61–62.

⁹⁴² ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275. Л. 221.

⁹⁴³ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 62.

хозяйства, которые совершали в течение календарного года две или три сезонные перекочевки, имели сезонные поселения (зимники, летники, иногда заимки) со стационарными жилищами. Конечно, судьба заимок могла складываться по-разному: они могли перерасти в малодворное поселение, а могли быть и заброшены.

Первые выселки возникли у балаганских бурят в конце 1880–х гг. На рубеже XIX–XX вв. данная форма поселений уже отмечалась во всех территориальных группах бурят Предбайкалья.

Облик улусов, особенно тех, где до конца 1880–х гг. располагалась Степная дума (Кудинская дума – в Усть-Ордынском селении, Идинская – на р. Оса, Верховенская – в Верховенском улусе и т. д.) и родовые управления, а в послереформенное время – инородческие управы, менялся под влиянием различных факторов: развития земледельческой отрасли, торговли, продолжавшейся христианизации бурят, требований губернской и окружной администраций по обеспечению пожаробезопасности поселений и распространению начального образования, а также снятия запрета на продажу водочной продукции в бурятских селениях. В итоге, например, у балаганских бурят заметно увеличилось количество водяных плотинных мельниц, овинов для сушки зерна, кузниц (причем, не только на зимниках, но и на летниках), открылись новые экономические магазины; с 1860–х гг. строятся будки и караулки на общественных покотинах, торговые лавки (примечательно, что первой открылась штофная лавка). Результатом принятия православия было строительство деревянных церквей и часовен (в 1886 г. в Балаганском ведомстве были 2 миссионерских стана, 4 церкви (первая церковь была открыта в Нукутском улусе в конце 1860–х гг.) и 4 часовни). В 1880–е гг. балаганскими бурятами были выстроены крупчаточное предприятие, 2 сельских училища, 3 пожарных сарая, лазарет, 16 питейных заведений и 2 оптовых винных склада⁹⁴⁴.

⁹⁴⁴ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1857. Л. 82.

Согласно документам Аларской степной думы 1850–х гг., в некоторых зимних улусах имелись хлебозаготовительные магазины и кузницы. В административном центре Ведомства, Хигинском улусе, были выстроены общественные строения: здание Аларской степной думы, прилегающие к нему флигель и приспособленный под архив Думы амбар, хлебозаготовительный магазин, Хигинская почтовая станция. Вблизи от улуса раскинулся Аларский дацан, буддийский монастырь, представлявший комплекс культовых (деревянные главный храм и часовня, каменная часовня) и жилых построек. В Иретском улусе было возведено деревянное здание церкви. Развитие земледелия в Ведомстве подстегнуло строительство плотинных мукомольных мельниц.

По Т. М. Михайлову, у идинских бурят на некоторых летниках имелись общественные колодцы и погреба⁹⁴⁵. Упомянутые погреба строили в местах, где было далеко до грунтовых вод; зарытые в землю срубы, имевшие на поверхности небольшую деревянную надстройку, набивали снегом, чтобы летом иметь запас питьевой воды⁹⁴⁶. Такая система водообеспечения была известна и другим предбайкальским бурятам.

Из документов Аларской степной думы следует, что проблема водоснабжения в основной части населенных пунктов (в 44 зимних улусах и деревнях) была решена благодаря рытью общественных колодцев. Ряд других поселений обеспечивали себя водой из колодцев и природных водных ресурсов. Остальные населенные пункты были расположены рядом с естественными водоемами (озером Алят, реками и ключами) и не испытывали недостатка воды. Очевидно, научившись колодезному делу аларские буряты начали основывать поселения вдали от естественных водоемов, тем самым, отойдя от прежней традиции. Проиллюстрировать, как в изучаемое время они строили колодцы, можно следующим фрагментом: «Колодцы в Аларском ведомстве обыкновенно имеют там, где нет протечных

⁹⁴⁵ Михайлов Т. М. Указ. соч. С. 40.

⁹⁴⁶ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 123.

вод, они вырываются от 2-х до 8 сажен глубины обыкновенно до водного слоя, потом спускается бревенчатый деревянный сруб, и приделываются оचेпа – так называются журавцы, посредством которых достается вода, которая годна к употреблению как для человека и скота»⁹⁴⁷.

Примерно схожие процессы протекали и у остальных территориальных групп предбайкальских бурят.

Во второй половине XIX в. предбайкальские буряты окончательно перестают применять войлочные юрты. Соотношение между количеством срубных домов и юрт у них менялось, и отражало общую тенденцию в бурятском домостроительстве, когда наряду с юртами все больше возводятся домов, которые используются в качестве зимнего жилья. В Балаганском ведомстве за период с 1856 по 1886 гг. доля домов возросла с 37,5 % до 43,9 %, в то же время показатель по бревенчатым юртам неуклонно падал – с 62,5 % до 56,1 %, причем это наблюдалось на фоне роста строительства обоих типов жилищ (за это время число домов увеличилось с 2921 до 4468, юрт – с 4859 до 5719⁹⁴⁸). Обратим внимание на практически не менявшиеся пропорции между летними и зимними срубными юртами. Если в 1861 г. из общего числа юрт балаганских бурят 49 % являлись летними и 51 % зимними, то по истечении четверти века это соотношение выглядело примерно также: 49,5 % – летние, 50,5 % – зимние⁹⁴⁹. Вспомним, что и в первой половине XIX в. данная пропорция была такой же. Думается, ранее сделанный вывод о скученном проживании полуоседлых бурят на летнике и более свободном – на зимнике вполне применим и к ситуации второй половины столетия.

Предпочтение срубной юрты сохранялось у полуоседлой и оседлой частей аларских бурят, но при этом они делали выбор в пользу определенных видов такой юрты⁹⁵⁰. Перестала быть востребованной шестистенная юрта,

⁹⁴⁷ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 182. Л. 43 об.–44.

⁹⁴⁸ ГА РБ. Ф.3. Оп. 1. Д. 733. Л. 35; ГА РБ. Ф.3. Оп. 1. Д. 1857. Л. 82.

⁹⁴⁹ ГА РБ. Ф.3. Оп. 1. Д. 899. Л. 138; ГА РБ. Ф.3. Оп. 1. Д. 1857. Л.83.

⁹⁵⁰ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275. Л. 224.

больше стали строить восьмистенную и четырехстенную юрты, в последнем процессе четко проявились социальные различия: зажиточные люди стремились заводить более просторные помещения, а малоимущие буряты – жилье меньшей площади. Выявленный выше выбор в строительстве срубных юрт был присущ другим территориальным группам бурят Предбайкалья.

Во второй половине столетия общим был тренд роста всего жилищного фонда, и отдельно срубных юрт и домов (Приложение А. Табл. 13). При этом аларские буряты больше строили дома, меньше – срубные юрты.

Как считает К. Д. Басаева, в изучаемое время ведущим типом зимнего жилища у предбайкальских бурят стали дома и избы русско-сибирского типа, и уровень обеспеченности этим жильем у них к 1887–1889 гг. был таков, что избы не имели только последние бедняки⁹⁵¹. Исследовательница приводит сведения, что в среднем на одном дворе-зимнике у бурят Балаганского округа домов было 1,3 единиц (ед.), а деревянных юрт – 1,1. В принципе можно согласиться с такими выводами, действительно, на протяжении второй половины XIX в. бытовала практика, когда бурятская семья, как правило, имела на зимнике избу, реже дом, и срубную юрту, а на летнике – только юрту. Наличие срубной юрты во дворе зимника объясняется отказом все большего числа бурят от перекочевки на летники по экономическим причинам (прежде всего из-за нерентабельности таких переездов).

К концу XIX в. у состоятельной части балаганских бурят возникла традиция возводить на летнике, помимо юрты, еще и избу. По данным за 1886 г., на летниках Балаганского ведомства имелись 46 жилых и 47 нежилых домов⁹⁵². Об этом же возможно говорить и в отношении кудинских бурят. Основываясь на материалах по аларским бурятам, К. Д. Басаева утверждает, что причиной этого было стремление владельцев больших стад скота быть поближе к летним пастбищам, которое приводило к их

⁹⁵¹ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 66.

⁹⁵² ГА РБ. Ф.3. Оп. 1. Д. 1857. Л.83.

круглогодичному проживанию на летнике, а в дальнейшем к превращению этих летников в постоянные населенные пункты⁹⁵³.

Как показывают архивные данные, наилучшие условия проживания были у полуоседлых бурят. Об этом можно судить опять-таки по аларским бурятам. Так, полукочевые буряты, зимовавшие в Верхне-Иматском улусе, жили в срубных юртах в среднем примерно по 5 чел.; полуоседлые буряты, имевшие избы в Средне-Иматском и Верхне-Иматском улусах, – по 3–5 чел.; наконец, оседлые из Средне-Иматского улуса обитали в крайне стесненных условиях – до 9 чел. в избе⁹⁵⁴.

Интересен вопрос об упоминаемых в документах Балаганского ведомства нежилых строениях; в 1886 г. на зимниках насчитывался 6641 нежилой дом⁹⁵⁵, по всей видимости, эта цифра указывает на опыт вторичной эксплуатации жилищ (будь то изб или юрт) в качестве амбара или теплушки для молодняка. Получалось, что каждая семья на зимнике имела 1–2 старые избы, приспособленные под хозяйственные нужды.

У кудинских бурят соотношение между срубными избами и юртами менялось в направлении увеличения доли первых (Приложение А. Табл. 13). Произошел этот перелом в середине 1870–х гг.

В 1870–е гг. в Кудинском ведомстве семья т. н. кочевого инородца в среднем была обеспечена 1,6 ед. дома и 2,9 – срубной юрты⁹⁵⁶. Нежилые дома и юрты использовались как амбарное помещение под хранение продуктов, хозяйственного инвентаря и домашней рухляди. Статистика показывает, что в период 1871–1887 гг. число амбаров в Ведомстве заметно прибавилось с 2443 до 4789. При изучении вопроса на уровне отдельных родов оказывается, что ситуация с обеспеченностью жилищными площадями разнилась. В Третьем Абаганатском роде при численности в 986 чел. имелось 395 зимних и 2 летних дома, 324 зимних и 432 летних срубных юрт⁹⁵⁷. Это

⁹⁵³ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 63.

⁹⁵⁴ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275. Л. 49.

⁹⁵⁵ ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1857. Л. 81.

⁹⁵⁶ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3214. Л. 52–53.

⁹⁵⁷ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3120. Л. 3.

значит, что представитель данного родового подразделения в среднем владел двумя домами и двумя юртами на зимнике, и одной юртой на летнике; более состоятельные сородичи могли иметь на летнике дополнительную юрту (редко дом). Четвертый Абаганатский род в 1883 г. состоял из 509 чел., которые составляли 109 дворов с 270 срубными юртами и 164 домами⁹⁵⁸. Здесь же видим, что в данном родовом подразделении семьи в среднем имели 2,5 ед. юрт и 1,5 ед. домов, т. е. меньше, чем в Третьем Абаганатском роде, но близко к средним показателям по всему Ведомству. В Четвертом Бабаевском роде в эти же годы на 12983 чел. приходилось 356 срубных юрт и 2116 домов⁹⁵⁹, что указывает на сложившиеся тяжелые жилищные условия.

К. Д. Басаева предложила убедительную схему эволюции домов в XIX в. у предбайкальских бурят⁹⁶⁰. Рассмотренный нами материал в принципе подтверждает вероятность такой реконструкции.

Отличительной чертой внутреннего устройства изб было наличие кроме русской печи небольшой печки *малхан* для установки чугунного котла, в котором по традиции готовилась вся домашняя пища. Стоит предположить о рецепции идеи вмазанного типа котла у переселенцев из Поволжья, которыми могли быть поволжские татары (казанские, пермские), марийцы или чуваша (низовые)⁹⁶¹. Получила распространение практика применения железных печурок, которые топились в холодные зимние дни вместе с русскими печами, и благодаря этому в доме достигалась комфортная температура. Примером творческого переосмысления домостроительной практики русских были избы, возводившиеся бурятскими плотниками. Так, углы домов не клались «крюком» как в русских крестьянских избах, а делались в «лапу», на шипах, без выдающихся концов бревен⁹⁶². В то же

⁹⁵⁸ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3059. Л. 2.

⁹⁵⁹ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2733. Л. 3, 17, 19.

⁹⁶⁰ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 68–69.

⁹⁶¹ Медведев В. В. Поселения и жилища чувашей Башкортостана второй половины XIX – начала XX в. Магнитогорск, 2012. С. 106.

⁹⁶² Астырев Н. М. Указ. соч., 1890. С. 136.

время в доме содержали молодняк рогатого скота, и поэтому оставляли незастеленным часть пола у печи⁹⁶³.

Восьмистенные юрты, сложенные из круглых или половинчатых бревен, а также трех-четырехгранных брусьев, были наиболее характерными для предбайкальских бурят (Приложение В. Рис. 14, 15, 16). Количество венцов у стен такой юрты достигало 12–16, в сравнении с подобными строениями у других бурят, они были заметно выше. Крыша юрт была невысокая пирамидальная (Приложение В. Рис. 17), ее делали тесовой с утеплением в виде чередующихся слоев лиственничной коры (или бересты) и дерна. Заметим, что в конце XIX в. буряты дерновый слой покрывали сверху еще дранкой или обтесанными досками. У бедняков вместо досок крыша крылась плотно пригнанными жердями и являлась ее исходным вариантом, к концу XIX в. подвергнувшемуся модификации⁹⁶⁴. Дверь по традиции располагалась в юго-восточной стене, к ней приставляли крыльцо, над которым имелся небольшой навес-козырек. Некоторое архитектурное разнообразие в строительстве крыльца отмечается у аларских бурят, которые к четырех-восьмистенным юртам пристраивали целую террасу с одно-двускатной крышей, завершавшуюся крыльцом с перилами (Приложение В. Рис. 18). Пол в срубной юрте был деревянный, но посередине жилища имелась очажная площадка, выложенная из кирпича или глины (Приложение В. Рис. 19). Расположение брусьев, несущих половые доски, и самих досок было строго определенным. Иногда к северной стене юрты примыкал амбар, имевший входной проем прямо из юрты⁹⁶⁵ (Приложение В. Рис. 20). Это новшество, возможно, возникло во второй половине XIX в. и было более известно в быту состоятельных бурят. В подполье амбара устраивался погребок-ледник, в котором летом хранили скоропортящиеся пищевые продукты⁹⁶⁶.

⁹⁶³ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 120.

⁹⁶⁴ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 82.

⁹⁶⁵ Вяткина К. В. Указ. соч. С. 88.

⁹⁶⁶ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 84–85.

Особенностью четырехстенных юрт было использование в срубе исключительно сосновых бревен. Надо сказать, что наряду с традиционной юртой, имевшей пирамидальную крышу (Приложение В. Рис. 21), появилась четырехстенная юрта переходного типа, у которой была иного типа кровля – тесовая двускатная с коньком (Приложение В. Рис. 22), при этом светодымовое отверстие несколько было смещено от центра крыши на ее южную сторону, кровля делалась самцовой конструкции, исчезли внутри помещения опорные столбы *тээни*. Вход вырубали в южной стене достаточно высоким, в проеме закреплялась дверная колода с навешиваемой на металлические петли одностворчатой тесовой дверью; порог по традиции делали высоким, и поэтому к входу была приставлена двухступенчатая лестница. Правда, в остальном заметных изменений не наблюдалось: очаг был открытого типа, потолочные перекрытия отсутствовали, сруб юрты изготовлялся по старинке (Приложение В. Рис. 23).

В отоплении юрт у бурят Предбайкалья происходил переход от применения открытого очага к печкам с трубой или без нее, правда, бедные буряты (к примеру, Верхоленские) продолжали пользоваться очагом, а в зимний сезон для обогрева помещения складывали не имеющую трубы небольшую каменную печку⁹⁶⁷.

В юртах, располагавшихся в улусе, буряты жили в осенний период до наступления холодов, и зимой, когда в домах их одолевали «паразиты»⁹⁶⁸.

Войлочный чум *урса гэр* использовался в ритуальных целях (в частности, в обрядах, проводимых шаманом, имеющим «небесный корень»)⁹⁶⁹.

Зимние улусы представляли отдельные дворы, объединявшие жилые и хозяйственные постройки самостоятельных кровнородственных групп семей – *ураг*. Вот, например, что пишется о внешнем облике бурятских зимников в

⁹⁶⁷ Макарий. Указ. соч. С. 267.

⁹⁶⁸ Кулаков П. Е., Молодых А. И. Указ. соч. С. 116.

⁹⁶⁹ Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991. С. 162.

документах Иркутского губернского управления: «Посмотрите на бурятские зимники, это типичные зажиточные деревни, только несколько иначе распланированные. Такие постройки, как в зимниках, сделают честь даже большим сибирским селам»⁹⁷⁰. Как и ранее, развитие летних и зимних поселений шло традиционным путем. Окруженные с разных сторон сенокосными угодьями и по этой причине отдаленные друг от друга дворы придавали улусу вид весьма хаотичного и разбросанного поселения. Летники большинства предбайкальских бурят, в отличие от их зимников, имевшие лишь небольшие огороженные дворы, выглядели более скученно⁹⁷¹. Между тем у идинских бурят и зимние, и летние поселения были свободной планировки⁹⁷².

В зависимости от формы хозяйства складывались варианты бурятских дворов. Дворы полuosедлых бурят, находившиеся в зимнем улусе, были двухчастными и имели свободную застройку. Центральное место в передней части такого двора, занимал дом русско-сибирского типа, помимо него, из жилых построек имелись небольшая изба и срубная юрта. За жилыми помещениями располагались сарай, амбары, лабаз для хранения продуктов, постройки для скота, включавшие хлев и изредка небольшие утепленные катушки для свиней. Старые юрты служили амбарами, стайками для скота, мастерскими для производства черных работ, для исполнения шаманских обрядов⁹⁷³. У аларских бурят были известны одно- и двухкамерные, одно- и двухэтажные амбары, причем, наиболее распространенными были одноэтажные двухкамерные амбары с сусеками-бункерами⁹⁷⁴. Вообще же у бурят Предбайкалья выделялось понятие *уудэн хурээ* 'дверь-ограда', под которым понималось огороженное пространство, в котором располагались юрта, изба (дом), амбар и завозня. По версии К. Д. Басоевой, название *бутуу бартаа* (другое название *мангад бартаа*) и тип ворот (большие

⁹⁷⁰ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 202.

⁹⁷¹ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 7–8.

⁹⁷² Михайлов Т. М. Указ. соч. С. 39.

⁹⁷³ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 119.

⁹⁷⁴ Басоева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 74.

двустворчатые), устанавливаемые во внутренней ограде усадьбы, были восприняты от русских⁹⁷⁵. К явным заимствованиям также относилась завозня, находившаяся неподалеку от амбара.

Домашний скот содержался в теплых и холодных постройках. Утепленные срубные стойки были прямоугольные в плане с плоской крышей из жердей или плах, укрытой соломой и поверх толстым слоем навоза и земли, с небольшими вентиляционными продушинами в стенах, и земляным полом, засыпанным измельченным сухим навозом. Традиционным утеплителем стен стойки служил свежий коровий помет, смешанный с землей, которым промазывали межбревенные стыки и щели. Дверной проем был узкий и невысокий, что в сочетании с достаточно низкой крышей делало оптимально теплым помещение для содержания скота в зимних условиях. Отдельно строились стойки для крупного и мелкого рогатого скота, различавшиеся главным образом своими размерами (коровники были повыше, овчарни – пониже и длиннее). У предбайкальских бурят, как впрочем, и у других бурят, для новорожденного молодняка отводилось огороженное решетками место в «черной» половине дома, там, где пол не был уложен плахами, а была сырая земля. Вне дома телята размещались в коровнике, где огораживался для них угол напротив входа, а подросшие ягнята и козлята помещались в землянки, неглубокие ямы подпрямоугольной формы, закрытые жердями и засыпанные сверху землей, с входом в виде закрытого лаза. В старых срубных юртах, называемых *херим*, зимой держали крупный и мелкий рогатый скот, а для лошадей строили трехстенные постройки, известные как *данхай*⁹⁷⁶. Аларские буряты первыми начали использовать избушки с печным отоплением для зимнего содержания новорожденного молодняка⁹⁷⁷. На летнике скот в ночное время запускался в загоны, в которых отдельно находились взрослое поголовье крупного рогатого скота, телята, овцы и козы с молодняком. Для дневного содержания

⁹⁷⁵ Басеева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 75.

⁹⁷⁶ Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2000. С. 158.

⁹⁷⁷ Басеева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 76.

лошадей, крупного и мелкого рогатого скота иногда строили навесы *һарабша*.

В задней части двора, помимо огорода, располагались баня, гумно со срубным овином и др. В конце XIX в. «черные» бани имели наибольшее распространение в Нельхайском, Куйтинском, Бильчирском и Боханском ведомствах, «белые» – только у бурят Нельхайского ведомства⁹⁷⁸. «Черные» бани появились у аларских бурят, как и у выше упомянутых бурят Предбайкалья, в конце XIX в.; «белыми» банями они стали пользоваться позднее, в досоветский период такие бани встречались во дворах состоятельной части этих бурят⁹⁷⁹.

Двор состоятельных аларских бурят конца XIX в. представлял нечто синкретичное, непротиворечиво сочетавшее черты бурятской и русской культур: заимствованные типы жилых и хозяйственных построек придавали ему вид двора богатого русского старожила, и одновременно сохранялись типично бурятские постройки – срубные юрты, стайки *хотон*, двух-трехстенные навесы⁹⁸⁰. В той же мере сказанное можно отнести и ко дворам остальных бурят Предбайкалья – в них присутствуют и традиционно бурятские строения (юрты, стайки, навесы) и типы построек, пришедшие из русской домостроительной традиции (дома, избышки, амбары, завозни, поварни). Для примера, в 1880 г. недвижимое имущество родового старосты Второго Ашебагатского рода Кудинского ведомства Андрея Михайлова состояло из пяти домов (один из них был двухэтажным), пяти амбаров, восьми юрт и 13 разных хозяйственных построек⁹⁸¹. Заметим, что состоятельные буряты начинают заводить дворы замкнутой застройки со строениями, имеющими между собой связи.

У аларских бурят транслировалась выработанная прежними поколениями планировка летнего поселения по родству и старшинству,

⁹⁷⁸ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 125.

⁹⁷⁹ Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 77.

⁹⁸⁰ Там же.

⁹⁸¹ Асалханов И. А. Указ. соч., 1962. С. 75.

согласно которой юрты близких родственников размещались в одной ограде, и представляли единый двор. Однако к концу XIX в. эта традиция перестала соблюдаться⁹⁸². Тот же принцип планировки улуса был характерен и другим бурятам субрегиона.

Дворы на летниках были одночастными и свободной застройки. Кроме жилых юрт там имелись юрты-поварни, коновязи *сэргэ*, помосты для приготовления и хранения творожной массы *аарса*, кожемялки *эрьюулгэ*, под навесом возводились общественные печи для выпечки хлеба, а телеги и хозяйственный инвентарь укрывали под навесами *һарабша*.

Двор как на зимнике, так и летнике огораживали плетнем или жердями, при этом были известны два типа ворот бурятского происхождения: первый из них, *һугалга*, представлял вынимаемые жерди, которые вставлялись в сквозные отверстия столбов *бахана*, второй – выглядел как одностворчатые решетчатые ворота⁹⁸³.

Ситуация начала XX в. характеризовалась сокращением численности предбайкальских бурят, усилением их миграционной активности. В пору Столыпинской аграрной реформы были изъяты из хозяйственного оборота предбайкальских бурят десятки тысяч десятин земли под переселенческие участки (по завершении землеустроительной реформы планировалось оставить бурятам Предбайкалья лишь треть их прежних земельных владений⁹⁸⁴), этническое единство и хозяйственная целостность этих бурят были нарушены в силу создания чересполосиц и дробности в землепользовании. Традиционная система сезонных перекочевок стала невозможной вследствие потери летних кочевий, сенокосных, пастбищных и пашенных угодий. Поселения предбайкальских бурят превращались в более компактные, многолюдные населенные пункты с чертами уличной планировки⁹⁸⁵.

⁹⁸² Басаева К. Д. Указ. соч., 1993. С. 57.

⁹⁸³ Там же. С. 77.

⁹⁸⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 392.

⁹⁸⁵ Михайлов Т. М. Указ. соч. С. 42.

Восточное Присяянье

Во второй половине XIX в. основная масса бурят Восточного Присяянья представляла полуоседлое и полукочевое население – так, в 1868 г. 92,7 % тункинских бурят относились к этим хозяйственно-бытовым группам, при этом подавляющая их часть являлась полуоседлыми бурятами.

Оседлые в структуре бурят Тунки занимали небольшое место – в вышеупомянутом году их насчитывалось 857 чел.⁹⁸⁶. Они были сосредоточены в нескольких малодворных поселениях в Тункинской долине. В других территориальных группах бурят субрегиона их удельный вес был еще меньше, чем у тункинских бурят. Причиной тому были природно-климатические условия: основная территория Закамны и Горной Оки неблагоприятствовала ведению земледелия. Показательно, что у закаменских бурят до начала XX в. было лишь одно селение оседлых (Ильинское), у окинцев такого рода поселений не было вовсе.

В зависимости от мест обитания присаянские буряты совершали неодинаковое число сезонных переездов. Буряты низменной части Тункинской котловины кочевали два раза в году, переходя с зимника на летник, и обратно⁹⁸⁷. Дистанция между зимними и летними стоянками у них варьировала в диапазоне 3–15 км⁹⁸⁸. Стесненность в летних выгонах заставляла их располагать летники в непосредственной близости от зимников. Я. П. Дуброва приводит пример жителей улуса Хойготы, у которых границей между летним и зимним поселениями служила поскотина⁹⁸⁹. В то же время состоятельные люди из числа насельников Торской долины вели оседлый образ жизни, отправляя в теплое время года «часть хозяйства, скота и рабочих» на заимки, часть табуна – на летники, а сами, оставаясь с остальным имуществом в улусе⁹⁹⁰. Буряты Закамны,

⁹⁸⁶ ГА РБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 130. Л. 18.

⁹⁸⁷ Кропоткин П. А. Указ. соч., 1867. С. 18–19.

⁹⁸⁸ ГА РБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29. Л. 70.

⁹⁸⁹ Дуброва Я. П. Указ. соч., 1884. С. 23.

⁹⁹⁰ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 8.

жившие поблизости от с. Ключевское (Санага), также кочевали дважды в году. Причем, зимой они расселялись на территории, прилегающей к селению, а летом и в начале осени перебирались в само село⁹⁹¹.

Нехватка естественных пастбищ в высокогорных местах Восточного Присяянья делала необходимым четыре перекочевки в течение года. Удаленность летников от зимников (на дистанции 15–30 км) вызывалась потребностью сохранить сенокосы от порчи скотом, а также – сложным рельефом горно-таежных районов, мешавшим близкому расположению сезонных стоянок. По данным П. Г. Полтораднева, у бурят Горной Оки частота сезонных перекочевок достигала два–десять в год, а их дальность колебалась в пределах 5–50 км⁹⁹². Понятно, что это обуславливалось размерами и структурой стада, возможностью семьи нанять пастухов. Полукочевые буряты совершали более частые и дальние перекочевки.

Для основной массы бурят субрегиона была характерна вертикальная система кочевания: их зимники располагались в низине, весенние и осенние стоянки находились по дороге к летникам, обустроенным на высокогорных пастбищах. Согласно одним информаторам, осенние и весенние стоянки находились недалеко от зимников в 1–1,5 км, другие же – утверждают, что их устраивали почти посредине между зимниками и летниками⁹⁹³.

Буряты субрегиона обычно выбирали под поселение возвышенную местность у подошвы горы, находящуюся вблизи естественного водоема, пастбища, покосного луга и леса⁹⁹⁴. Благодаря такому расположению их поселение было защищено от сильного ветра и подтопления, при этом они были обеспечены водой, топливом, строительным и поделочным материалом, а их стада – сеном, подножным кормом и водой. Жители горных долин имели зимники в распадках. По словам П. Ровинского, их пахотные места были: «<...> в стороне по еланям, отлогостям, идущим от предгорья или у

⁹⁹¹ Моллесон М. Указ. соч. С. 17.

⁹⁹² Полтораднев П. Г. Указ. соч., 1930. С. 57.

⁹⁹³ ПМА.

⁹⁹⁴ Ровинский П. Указ. соч. С. 235.

подошвы лавовых холмов»⁹⁹⁵. Еще одной особенностью летних и зимних поселений у части тункинских бурят было их расположение среди таежного леса⁹⁹⁶.

Для бурят Восточного Присаянья основной являлась приречная форма расселения (в системе рек Иркут, Аха и Джиды, поселения стояли преимущественно по берегам небольших речек), меньше встречались населенные места иных форм – горно-падевой, приозерной и др. Например, тункинские буряты в гидрографической сети выбирали, прежде всего, речки (36,5 % поселений, расположенных у водных источников), затем реки (29,8 %), достаточно много населенных пунктов у них было сразу у двух гидрографических объектов; притрактовая форма заселения у них не была известна по причине почти полного отсутствия больших проезжих дорог в субрегионе (лишь в Тунке проходил проселочный тракт, на котором находилось три почтовые станции, населенные русскими).

В конце столетия тункинские буряты административно подчинялись Коймарской, Торской и Харбятской управам, которые возникли на месте Тункинской степной думы. Другая территориальная группа бурят субрегиона, окинские буряты, находилась под началом Окинского родового управления. Наконец, закаменские буряты образовывали два инородческих управления – Закаменское и Армакское.

Каковы были структура и размеры поселений у присаянских бурят, можно судить по табличным данным, передающим итоги Первой всеобщей переписи 1897 г. (Приложение А. Табл. 15, 16). В то время наиболее населенным у тункинских бурят был Коймарский улус (143 хоз., 725 чел.), у окинских бурят в этом плане выделялся улус Бурин-гол (32 хоз., 143 чел.), а бурят Закамны – Енхорбойский улус с урочищем (101 хоз., 553 чел.).

Как видим, к концу XIX в. в жилищно-поселенческом комплексе тункинских бурят появляются поселения нового типа, но в структуре

⁹⁹⁵ Ровинский П. Указ. соч. С. 235.

⁹⁹⁶ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 5.

населенных мест, как и прежде, доминируют улусы. Кроме того, они в основном проживали в малодворных поселениях. В отличие от Тункинских, окинские буряты жили только в малодворных улусах; форма поселений у них оставалась традиционной, то же относимо и к закаменским бурятам.

Выделение категории урочище в материалах переписи 1897 г. было неслучайным, в хронологически более ранних документах по западнобайкальским бурятам тоже указаны урочища (как локус отдельной кочевой общины). Представляется, что и позднее урочище воспринималось в первоначальном значении (С. К. Патканов, в частности, поясняет: «Если же они (т. н. кочевые буряты – А. Б.) живут разбросанно, маленькими группами, то в переписном материале приводятся лишь урочища, где они были застигнуты»⁹⁹⁷). Используемое в переписных документах выражение «улус с урочищем», скорее всего, подразумевало локальную территорию, на которой имелись и улус, и сезонные поселения проживавших вне его бурятских семей.

Чтобы сопоставить в количественном плане поселенческие комплексы Закаменских и других территориальных групп бурят, мы с большой долей условности включаем указываемые в переписных материалах урочища в число поселений.

В административных центрах инородческих управ, как правило, имелись хлебозаготовительные магазины с амбарами, пожарные сараи, морги/ «ледники». В поселениях с преимущественно православным населением обычными были часовни. Стационарные кузницы располагались в улусах и селениях крупного и среднего размеров. Так, до волостной реформы в с. Торы, кроме прочих общественных построек, были деревянное здание Степной думы и тюремная изба. Водяных плотинных мельниц у бурят Восточного Присаянья было немного, в основном они находились на землях тункинских бурят. При некоторых мельницах постоянно жили люди, поэтому их официально считали отдельными населенными пунктами.

⁹⁹⁷ Патканов С. К. Указ. соч. С. 697.

На летниках буряты селились дисперсно, связано это было с тем, что большое сосредоточие семей в одном месте приводило к дефициту пастбищ. Их летние поселения были разбросаны друг от друга на дистанции примерно 0,5–1 км. Названия таким поселениям обычно давали по топониму, но буряты Горной Оки пользовались специальным термином, обозначающим сезонную стоянку, – *тиирган*: в зависимости от ее географического положения по сторонам света номинировали западная *тиирган*, северная и т. д.⁹⁹⁸.

В конце XIX в. в ряде улусов преимущественно с разнородным бурятским населением (т. н. кочевыми, оседлыми, казаками и ясачными), стали селиться русские: например, в Торском улусе их насчитывалось 13 чел.⁹⁹⁹. Однако больше всего русских проживало в Туранском карауле (77 чел.), основанным казаками на землях хойтогольских бурят, и на зимних улусах. Их появление среди закаменских бурят было более поздним: по переписи 1897 г.¹⁰⁰⁰, они еще не значатся в числе жителей Закамны, но в начале XX в. в с. Ключевское из более чем 2 тыс. насельников почти 30 чел. были русскими¹⁰⁰¹.

Заметную долю занимали поселения, населенные представителями двух и более родовых подразделений. Так, по переписи 1897 г., однородовых населенных пунктов в Закаменском управлении было зафиксировано 47 (61,8 % поселений), двухродовых – 18 (23,7 %), трехродовых – 7 (9,2 %), четырехродовых – 3 (4 %) и пятиродовых – 1 (1,3 %). В переписных данных по Армакскому управлению не был отражен родовой состав бурят.

Очевидно, что войлочные юрты не были характерны для жилищно-поселенческого комплекса большинства бурят Восточного Присаянья. На это указывает отсутствие в конце XIX в. следов воспоминаний о бытовании данного типа жилища у бурят Тунки и Закамны¹⁰⁰². В Горной Оке

⁹⁹⁸ ПМА. Иванова Е. А.

⁹⁹⁹ Патканов С. К. Указ. соч. С. 450.

¹⁰⁰⁰ Там же. С. 653–658.

¹⁰⁰¹ Моллесон М. Указ. соч. С. 17.

¹⁰⁰² Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 207.

существование войлочной юрты отмечалось в одном Гарганском сомоне¹⁰⁰³, пограничном с Монголией.

Состояние жилищного фонда у тункинских бурят в конце 1860–х – начале 1870–х гг. демонстрируют табличные данные (Приложение А. Табл. 17). На их основе можно констатировать, что, несмотря на строительство срубных юрт, которые были более распространены, чем дома, доля домовых строений все же заметно выросла в структуре жилья.

Каждая семья у присаянских бурят в среднем владела избой и примерно одной–двумя срубными юртами (этот вывод подкрепляется литературными данными по их этнографии¹⁰⁰⁴). Но так было не везде: в частности, у бурят Горной Оки основным, а для кого-то и единственным, видом жилья была срубная юрта.

Срубные юрты преимущественно были представлены четырех-восьмистенными подтипами, хотя некоторое распространение имели пяти- и шестистенные. Их разнообразие было связано с конструктивными особенностями кровли, с наличием или отсутствием несущих столбов и пола. Оклад юрты рубили из лиственницы, венцы стен – из сосны средней толщины.

Материальный достаток семьи определял выбор бурятами конкретного подтипа срубной юрты. Вследствие этого, строительство восьмистенной юрты было под силу в основном зажиточным людям (Приложение В. Рис. 24). Надо отметить, что в 1870–е гг. в ее архитектуре возникли такие новации, как навес-козырек *һарабша* и двуступенчатая лестница¹⁰⁰⁵.

Особенностью юрты, распространенной в высокогорных местностях, был сруб, сложенный из лиственничных венцов¹⁰⁰⁶. Кроме того, более суровые условия жизни в высокогорье (Горной Оке) и связанные с этим проблемы с отоплением и теплосбережением жилья обусловили еще одну

¹⁰⁰³ Полтораднев П. Г. Указ. соч., 1930. С. 57.

¹⁰⁰⁴ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 68; Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 8.

¹⁰⁰⁵ Нацов Г.-Д. Указ. соч. С. 26.

¹⁰⁰⁶ ПМА. Патархеев Ц. П., Будаева В. О.

особенностью юрты – относительно небольшая высота ее стен (до 2 м), которые складывали по возможности из толстых бревен.

Новшествами в срубной юрте тункинских бурят были: сооружение при входе в жилище небольшого чулана, предназначенного для хранения хозяйственного инвентаря и пищевых продуктов¹⁰⁰⁷; установка более высоких, чем прежде, дверей¹⁰⁰⁸, потребовавшее расширение дверного проема. Помимо этого, юрту стали отапливать железной печуркой с дымоходом, выводимым прямо в свето-дымовое отверстие. Состоятельные буряты иногда пристраивали к входу юрты закрытого типа веранду, сколоченную из досок и установленную на оклад в три венца. Веранда закрывалась двускатной крышей; из веранды выходили, спускаясь по лестнице с перилами¹⁰⁰⁹.

Изменения коснулись и освещения помещения: в конце столетия на смену узким смотровым щелям пришли небольшие остекленные окна. Локальное распространение имели шестистенные юрты с четырехскатной тесовой крышей и высокими застекленными окнами с наличниками, затворяемыми деревянными ставнями.

Судя по Г.-Д. Нацову¹⁰¹⁰, с 1870–х гг. у тункинских бурят появилась зимняя четырехстенная юрта, возводимая по столбовой технологии. Остов ее стен составляли восемь опорных столбов (четыре из них были угловые), державшие потолочное перекрытие. Венцы представляли собой короткие тонкие бревна, суженными концами вставленные в желоба, вырубленные с обеих сторон опорных столбов. Пологая кровля утеплялась сверху слоем дерна¹⁰¹¹, насыпанного на берестяную основу. Помещение освещалось парой небольших окон. Специфика внутреннего устройства данной юрты заключалась в наличии с правой стороны от двери наклоненного к стене чувала, сделанного из широкого пустотелого ствола сосны, вероятно, поверх

¹⁰⁰⁷ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 207.

¹⁰⁰⁸ Кропоткин П. А. Указ. соч., 1867. С. 90.

¹⁰⁰⁹ Нацов Г.-Д. Указ. соч. С. 145.

¹⁰¹⁰ Там же. С. 144.

¹⁰¹¹ Там же. С. 26.

обмазанного глиной. Дымоходная труба была выведена через круглый проем в потолке. Открытый очаг горел на площадке возвышающегося над дощатым полом сруба, набитого глиной. Следует указать, что данный чувал не имеет аналогов у сибирских народов и может считаться самобытным, но вот его использование в юрте противоречит бурятской традиции. Так как его прототип не обнаруживается, возможно, он представляет творческую реализацию бурятами Тунки идеи такой дымоходной трубы. Ранее бурятами не применялся столбовой метод при возведении жилища, хотя им пользовались при сооружении хозяйственных построек для скота. Как мы помним, в XVIII в. для бурят было характерно архаичного типа каркасно-столбовое жилище, но в изучаемое время оно вышло из употребления. Исходя из сказанного, можно осторожно предположить, что имел место переход от построек каркасно-столбовой конструкции к столбовой, сначала он затронул строительство хозяйственных сооружений, потом выразился в описанном выше жилом помещении. При этом в юрте столбовой конструкции имелись элементы русской избы (дощатый пол, потолок, окна). Судя по экономному характеру такого жилья, о чем свидетельствует достаточно простой чувал, данная юрта принадлежала не очень богатой части бурят Тунки.

Между тем часть бурят Восточного Присаянья обитала в четырехстенной юрте предбайкальского типа с пирамидальной крышей. Любопытно, что данная юрта подчас была обителью бурятских родоначальников¹⁰¹². Однако к концу столетия основная масса бурят равнинной части Тунки уже не пользовалась зимой таким жилищем¹⁰¹³.

На летниках обычно жили в малогабаритной четырехстенной юрте *пираг*, имеющей козырек над дверным проемом из выступающих бревен, двускатную крышу самцовой конструкции (Приложение В. Рис. 25, 26). Юрта была низкой, ее стены были сложены из 8–9 венцов. Летом также

¹⁰¹² Кропоткин П. А. Указ. соч., 1867. С. 90.

¹⁰¹³ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 207.

обитали в четырехстенной юрте предбайкальского типа с квадратным, иногда прямоугольным, основанием. Зажиточные буряты жили в более комфортных восьмистенных юртах.

Появление у бурят субрегиона глинобитной и кирпичной печей, а также железной печки *яндан* произошло в 1890–и гг. Первые типы печей обычно возводили руками приглашенных печников, как правило, русских, печку *яндан* заказывали местным кузнецам. В высокогорных районах глинобитной и кирпичной печей не знали, и пользовались железной печкой¹⁰¹⁴ или открытым очагом.

Следует отметить, что межкультурное взаимовлияние выразилось в заимствовании русскими субрегиона срубной юрты-четырёхстенки, в которой они жили летом¹⁰¹⁵.

Буряты, прежде всего оседлые, проживавшие в низменной части Тунки, узнали курную избу в начале XIX в., позднее у них появилась «белая» изба и изба-пятистенки. В то же время, по сообщениям информаторов, избы в западной, возвышенной части Тункинской котловины стали строить только с 1920–х гг.¹⁰¹⁶. В Горной Оке однокамерные избы начинают возводить в конце XIX в.¹⁰¹⁷. По нашим данным, в начале XX в. «белые» избы и избы-пятистенки еще не были известны на юге и центре края, сначала они появились в его северной части – в районе, сопредельном Иркутской области, в прошлом являвшимся своеобразным коридором, соединявшим окинских и аларских бурят. Отсюда можно заключить, что в Горной Оке обозначенные выше типы срубного жилища попали благодаря переселенцам из Предбайкалья.

Первоначально строительство изб было вызвано потребностью бурят иметь печеный хлеб собственного приготовления, поэтому их функциональность ограничивалась ролью кухонного помещения¹⁰¹⁸. Позднее

¹⁰¹⁴ ПМА.

¹⁰¹⁵ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 208.

¹⁰¹⁶ ПМА.

¹⁰¹⁷ Полтораднев П. Г. Указ. соч., 1930. С. 57.

¹⁰¹⁸ Ровинский П. Указ. соч. С. 250.

были попытки соединить достоинства традиционной срубной юрты и русско-сибирской избы в новых, гибридных жилищах: «он (тункинский бурят – А. Б.) строит дом с крышею на два ската <...> с высоким крыльцом, с галереей на 6 столбах; на переднем фасаде – на галерею выходят три двери, соответствующие трем комнатам, и еще одна комната сзади. В боковых стенах по двойному окну; в задней тоже с боков по окну. Средняя комната и комната вправо с очагами посередине, без потолков и с отверстиями в крыше, как в юрте; в левой комнате потолок и печь; <...>, в правой комнате – кухня; сзади молельня. Печки тоже оригинального устройства: внизу топка, а сверху плита»¹⁰¹⁹. Надо полагать, что к 1870–м гг., когда П. Ровинский совершил свое путешествие по Восточному Присаянию, такие жилые постройки уже стали прочными реалиями. Заметим, что их «архитекторами» и собственниками являлись зажиточные люди.

В конце столетия некоторые состоятельные буряты возводили дома со следующей планировкой: просторной кухней, где, подобно предбайкальским бурятам, находилась русская печь и печка *малхан* со вмазанным в нее котлом; жилой комнатой; большой столовой¹⁰²⁰. В таких жилищах иногда делали резные перегородки и дополнительно ставили голландские печи с изразцами¹⁰²¹. Избы и дома, как и у бурят Предбайкалья, рубили «в лапу», укрепляя в углах системой шипов¹⁰²². Следует отметить, что в зимнем улусе у состоятельных тункинских бурят стояли две и более избы¹⁰²³.

Избы, которые строились в высокогорной местности, были невысокими и имели небольшую площадь¹⁰²⁴.

На весенне-осенних стоянках не было капитальных жилых строений, здесь обычно ставили небольшие срубные юрты-четырёхстенки и дощатые

¹⁰¹⁹ Ровинский П. Указ. соч. С. 250.

¹⁰²⁰ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 185.

¹⁰²¹ Там же. С. 208–209.

¹⁰²² Там же. С. 185.

¹⁰²³ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁰²⁴ Дуброва Я. П. Указ. соч., 1884. С. 38.

сарай, в устройстве крыши которых применяли дранку и сосновую или лиственничную кору.

В конце XIX в. некоторые тункинские буряты стали заводить заимки; такие поселения возникали на месте освобожденных от леса участков, которые предназначались под унавоженные покосы и зимний выпас скота. Там строили зимовье, юрту и скотные пригоны с навесом¹⁰²⁵. По сравнению с предбайкальскими бурятами, у бурят Восточного Присаянья новые формы поселений (заимки и выселки) были довольно редки.

На летниках у большинства бурят субрегиона огороженных дворов не было, но у бурят Тунки они существовали (Приложение В. Рис. 27). Обычно в таком поселении вокруг жилой юрты (четырех-восьмистенной, редко шестистенной) находились коновязь, юрта-поварня и юрта-амбар, помост *аранга* для сушки творожной массы *аарса*, кожемялка *эрюулгэ*. При отсутствии близко расположенного источника воды рыли небольшие, в зимнее время набиваемые снегом погреба, которые летом превращались в подобие колодца¹⁰²⁶. Иногда на летнике строили общественные или частные глинобитные печи для выпечки хлеба. Для крупного и мелкого рогатого скота на такой стоянке сооружали трехстенные навесы, возводили телятники и загоны.

Одночастные и двухчастные дворы имелись на зимниках; двухчастные встречались редко и только в низменной части Тунки, где получили развитие земледелие и огородничество.

Центральное место во дворе богатых бурят занимал дом (у менее состоятельных – изба или юрта), по соседству иногда находилась летняя юрта. Так же как и на летнике, у них имелась юрта-поварня и ряд амбаров (хозяйственный и хлебный)¹⁰²⁷. В высокогорных долинах, кроме хлева, загона и навеса для скота, на зимнем подворье строили небольшие амбары *тумпун*, в которых хранили продовольствие, неиспользуемые утварь и

¹⁰²⁵ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 9.

¹⁰²⁶ Там же. С. 6.

¹⁰²⁷ Там же. С. 8.

одежду. Амбары у тункинских бурят были аналогичны русским, они появились в их жилищно-поселенческом комплексе в первой половине XIX в., между тем у окинских бурят такие амбары стали строить только во второй половине столетия¹⁰²⁸.

Новацией, на то время еще не получившей широкого распространения, была «черная» баня.

Традиция перепрофилирования старых срубных юрт в зимние стойки для скота, отмечавшаяся в предшествующий период, сохранялась только у малоимущих бурят; более состоятельные люди имели скотные дворы¹⁰²⁹. По П. Г. Полторадневу, для этой цели изредка возводили десяти-двенадцатистенные юртообразные постройки. Причем, их строили как срубную юрту, т. е. применяя рубку в «лапу» (по-бурятски, *булангалад*), или как постройку столбовой конструкции – *амалад*, укладывая венцы в вырубленные желоба несущих столбов¹⁰³⁰. Зимняя стойка *хотон* у бурят Горной Оки и Тунки была рассчитана на определенное количество крупного рогатого скота. Часть этого помещения отделяли для телят жердевой перегородкой *ирьенег*. Овцематок и ягнят помещали в отдельную стойку *хониной хотон*. В более теплое время года овец держали в загоне. Во время непогоды буряты Закамны держали взрослый скот в трехстенной стойке *дал*. Крыша на этой постройке была сделана из жердей *олэр*, на которые сверху складывали слой соломы. Летом крыша разбиралась, а осенью ее заново собирали¹⁰³¹. Заметим, что крупный рогатый скот и овец переводили на стойловое содержание после первой декады ноября, когда семья окончательно обустривалась на зимнике.

Во дворе амбарные помещения находились на дистанции 5–10 м к западу от жилья, стойки для скота отстояли на 15–60 м к юго-западу от него,

¹⁰²⁸ Ровинский П. Указ. соч. С. 235.

¹⁰²⁹ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 208.

¹⁰³⁰ ПМА. Сыренов Е. П.

¹⁰³¹ ПМА. Раднаева Х. Д.

на восток от входа в жилище ставили коновязь, к северу располагали конскую кожемялку *эрьюулгэ*¹⁰³².

В улусе срубные юрты представителей одной большой семьи ставились по соседству, они вместе с хозяйственными постройками образовывали единый двор¹⁰³³, который вокруг обносили одной оградой. Такие общие дворы отдельных патронимий находились на отдалении друг от друга, в результате улус имел дисперсный характер. По этой причине многие поселения у бурят субрегиона относились к гнездовому типу.

В изучаемое время были известны две разновидности оград. Забор *хариша* возводили из звеньев *штунка*, сложенных из расколотых вчетверо длинных сосновых бревен, концы которых укладывались на сплетенные тальниковые прутья, стягивавшие стыки двух парных столбов *уртэһэн*. Ограды сооружали также из жердей-прясел: в опорных столбах выдалбливали с противоположных сторон пару вертикальных желобов, в которые вставлялись концы жердей, подпираемые снизу брусковыми стоечками¹⁰³⁴. В обоих случаях ворота отсутствовали. Летнее поселение не огораживалось¹⁰³⁵.

Прибайкалье

Во второй половине XIX в. развитие жилищно-поселенческого комплекса у прибайкальских бурят происходило под воздействием разного рода факторов, прежде всего природно-географического и хозяйственного.

Анализ данных показывает, что ольхонские буряты имели свои населенные пункты вблизи рек (32,2 % поселений) и ключей (28,7 %), немного – у небольших озер (9,2 %). На о. Ольхон непосредственно на байкальском берегу (т. н. губе) находилось только 2 улуса, остальные предусмотрительно отстояли на расстоянии от сурового озера. Часть

¹⁰³² ПМА. Бильдуев С. О.

¹⁰³³ ПМА. Ихинеев Л. Н.

¹⁰³⁴ ПМА. Сыренов Е. П.

¹⁰³⁵ ПМА. Замбалова Л. Ж.

поселений ольхонцев была выстроена в падах (25,3 %) и урочищах (2,3 %). Следует отметить, что основная масса ольхонских бурят населяла Приольхонье, на самом о. Ольхон, согласно архимандриту Мелетию, их было немного: «Ольхонское ведомство в настоящее время (начало 1880-х гг. – А. Б.) состоит из бурят в пять или шесть тысяч душ (5899 об.п. шаманистов и 138 душ крещенных). Душ до 800 живут на острове Ольхон <...> а остальные – по прибрежной местности»¹⁰³⁶. Из вышесказанного можно вынести, что у них были представлены такие формы расселения, как приречная, горно-падаевая, приозерная и приморская.

Доля оседлых у ольхонских бурят возросла с 1,8 % в 1854 г. до 3,7 % в 1895 г. Хотя у данной этнотерриториальной группы периоды спада и подъема в численности чередовались, тем не менее, процент оседлых, как выше указывалось, возрастал. К концу столетия кроме одной деревни, первоначально названной Кунтинской, позднее, после переселения жителей на новое место, переименованной в Тыргинское, оседлые ольхонцы населяли еще 3 отдельных улуса, в том числе Кутульский улус, месторасположение Степной думы, и 2 выселка.

В жилищно-поселенческом комплексе ольхонских бурят протекал процесс развития поселений до относительно крупных размеров и последующее отселение из них части насельников, которые образовывали новые населенные пункты. В третьей четверти XIX в. в Ольхонском ведомстве выделялись по числу жителей Улан-Бургасский и Больше-Онгуренский улусы, в каждом из которых проживало более 200 чел. (в первой половине столетия эти улусы были гораздо населеннее). К концу столетия Улан-Бургасский улус успел разделиться сперва на два улуса (Улан-Бургасский-1 и Улан-Бургасский-2), из которых, в свою очередь, возникли, соответственно, по три и четыре новых улуса.

¹⁰³⁶ Мелетий. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1883 год // ИЕВ. 1884. №№ 33, 34. С. 462.

Отличительной особенностью поселений ольхонцев было не только их компактное проживание на летниках и зимниках, но и сохранение за отделившимися улусами одного общего названия: «Живут они (ольхонские буряты – А.Б.) постоянно вместе, большими обществами, образуя целые деревни, а несколько деревень или поселений называются обыкновенно одним общим именем и считаются составляющими одно нераздельное целое»¹⁰³⁷.

В конце века отмечается у данной территориальной группы фиксируемая по материалам бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья тенденция быстрого роста иноэтничного компонента в структуре населения улусов. Перепись 1897 г. показала, что в сравнении с упомянутыми субрегиональными группами в поселениях ольхонских бурят число иноязычных жителей было небольшим: 97 русских, 2 эвенка и 8 лиц другой этнической принадлежности. Несомненно, рост небурятского населения сдерживали как существовавшие социальные и экономические препоны, так и природный ландшафт, в котором обитали ольхонские буряты.

Данные о структуре поселенческого комплекса и типовом разнообразии поселений у ольхонских бурят приведены по материалам переписи 1897 г. в соответствующих таблицах (Приложение А. Табл. 16, 17). Самое большое население у них имел Больше-Онгуренский улус (73 хоз., 343 чел.), следующий за ним Ангинский улус (40 хоз., 212 чел.) заметно отставал по числу жителей. Исходя из приведенной статистики, можно сделать вывод, что ольхонские буряты главным образом проживали в малодворных улусах. У них встречались как традиционные типы населенных пунктов (улус, деревня), так и новые (выселок, заимка), что указывает на общую тенденцию в развитии поселений у бурят Предбайкалья, Восточного Присаянья и Западного Прибайкалья.

В конце XIX в. заимки у ольхонских бурят находились во вновь образованных Кутульском и Еланцинском ведомствах, т. е. в Приольхонье.

¹⁰³⁷ Радде Г. Указ. соч. С. 138.

Примерами тому были Умбурунская заимка, имевшая 4 двора с числом жителей в 24 чел. и Кужергуйская – 4 двора в 21 чел. Возникли они из-за труднодоступности и отдаленности общественных покосов. Так же как и в других местах, заимки нужны были отдельным хозяевам для зимне-весеннего выпаса скота; со временем расчистив от леса, прилегающие к заимке участки, они заводили утуги. На заимке располагались зимовье, юрта-хлев для скота, стойки для лошадей¹⁰³⁸. В то же время такие поселения частного характера нужны были для выполнения определенных видов сельскохозяйственных работ: осенней уборки хлебов; весеннего выпаса скота¹⁰³⁹.

В источниках конца 1880–х гг. впервые упоминаются выселки, возникавшие неподалеку от улусов в результате переселения части семей на новое место.

Как выше было указано, доля крещеных в составе ольхонских бурят была небольшой, хотя еще в 1851 г. в Еланцах (Приольхонье) был выстроен миссионерский стан с церковью Покрова Пресвятыя Богородицы¹⁰⁴⁰.

В жилищно-поселенческом комплексе ольхонских бурят пропорция между срубными юртами и домовыми строениями изменялась в промежутке с 1862 г. по 1880 г. следующим образом (Приложение А. Табл. 18). На фоне двухкратного прибавления общего числа жилищ у них явно наметился крен в сторону большего строительства домов, которые становятся престижным типом зимнего жилища.

Во второй половине столетия в составе другой этнотерриториальной группы бурят Прибайкалья, кударинских бурят, оседлые не представляли сколько-нибудь значимой величины (Приложение А. Табл. 19). Заметим, что многие из них были жителями населенного пункта, месторасположения Степной думы, сначала – Хараузского селения, в дальнейшем – вновь созданного селения Корсаковское. Очевидно, что число таких кударинских бурят временно выросло в конце 1860–х – начале 1870–х гг. Переселение

¹⁰³⁸ Кулаков П. Е, Молодых И. А. Указ. соч. С. 10.

¹⁰³⁹ Там же. Указ. соч. С. 13.

¹⁰⁴⁰ Мелетий. Указ. соч. С. 462

оседлых кударинцев на новое место жительства, вероятно, было вызвано экономическими причинами.

Катастрофическое землетрясение 12–14 января 1862 г. на оз. Байкал негативным образом отразилось на жилищно-поселенческом комплексе кударинских бурят: ими были частично утрачены сельхозугодия (5695 дес. 2152 саж.¹⁰⁴¹), потеряны 141 дом и 312 юрты¹⁰⁴². Потерпевшими оказались главным образом два родовых подразделения – Абзаевский и Второй Чернорудский роды. Согласно документам, в 1866 г. 22,7 % бурят Ведомства оставались бездомными и обретались по родственникам¹⁰⁴³. Для части этих бурят выходом из бедственного состояния стала миграция в бурятские ведомства Западного Забайкалья. Так, в 1876 г. среди хоринских бурят (в улусах Еравна и Кижинга) обитали 42 бурята Абзаевского рода¹⁰⁴⁴. Такие переезды были и в дальнейшем, порой это делалось по принуждению со стороны властей Забайкальской области.

Надо полагать, что землетрясение оказало воздействие и на хозяйственную жизнь ольхонских бурят: как ранее сообщалось, в первой половине столетия часть этих бурят имела зимнее-весенние поселения на территории Кударинского ведомства, а с резким ухудшением экономического и земельного состояния кударинцев свободных пастбищ в Ведомстве уже не было, не было и излишков сена, чтобы продавать ольхонским бурятам.

Стоит указать, что областная администрация и Церковь воспользовались тяжелым положением бурят, продвигая в их среде идеи седентаризации и христианизации: в марте 1862 г. военный губернатор Области подписал Положение о выделении земельного надела и подъемного пособия тем бурятам, кто перейдет на оседлость, но данная мера не вызвала особого отклика у адресатов. Казалось бы, обездоленным людям давалась

¹⁰⁴¹ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 478. Л. 20.

¹⁰⁴² ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 790. Л. 69.

¹⁰⁴³ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 804. Л. 45.

¹⁰⁴⁴ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 6 об.

возможность обустроить свою жизнь, а они были против такой поддержки. Вероятно, статус оседлого инородца в глазах большинства кударинских бурят был очень низок, чтобы они пошли бы на такое. Кроме того, свою роль сыграла и позиция рода, и в целом общества, которые, по традиции (закрепленной в статьях обычного права), должны были обеспечить скотом, кровом и пищей пострадавших.

Намного успешнее был прозелитизм православных миссионеров: им удалось убедить многих бурят в том, что природная катастрофа была божьей карой за их язычество, в итоге в Святую веру было обращено до 40 % кударинских бурят (Приложение А. Табл. 20).

Землетрясение 1862 г. оказало воздействие на динамику развития поселений: до природного катаклизма их число было больше, чем после него (так, в 1856 г. у кударинских бурят насчитывалось 29 населенных мест, в 1865 г. – 19). О развитии поселений в конце 1860–х – 1880–е гг. свидетельствуют табличные данные (Приложение А. Табл. 21). Очевидно, что в указанный период типы поселений у кударинских бурят не изменились.

В конце 1860–х гг. основание новых населенных пунктов стимулировалось большим числом бездомных, стремившихся к скорейшему обретению собственного жилья и хозяйства. Поначалу молодые поселения никак не номинировались, в документах лишь указывалось, к каким родам относится их население. Интересно, что после упомянутого выше переезда оседлых в Корсаковское, бывший административный центр Ведомства, Хараузское, перестал быть селением, и считался улусом, вероятно, это отражало изменение структуры его населения (в нем остались полуоседлые буряты).

Поселения отстояли друг от друга на небольшом расстоянии – от 1 до 5 верст¹⁰⁴⁵.

Анализируя сведения за 1865 г., можно прийти к выводу, что в одном населенном пункте у кударинских бурят в среднем было 28 дворов и обитало

¹⁰⁴⁵ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 912. Л. 5–6 об.

187 чел. Согласно перечню населенных мест, оптимальные условия имелись в селе Хараузском (2,9 чел. в одном дворе), худшие – Хырылдээвском (10,5 чел.), Нижне-Хамнаевском (8,3 чел.), Нохойорокском (8 чел.) и Харятаевском (8 чел.) улусах. Вспомнив, что Хараузское населяли оседлые, следует полагать, что у данной группы были более комфортные условия жизни, чем у основной массы – полуоседлых бурят. В реальности, вероятно, все обстояло хуже, надо только вспомнить то количество бездомных, которое появилось после землетрясения.

Дифференциация населенных пунктов по числу дворов в 1865 и 1876 гг. передана в таблице (Приложение А. Табл. 22). Изменения в структуре поселений, произошедшие за одиннадцатилетний период, указывают на: образование массы новых малодворных населенных мест; снижение доли, приходившейся на населенные пункты среднего размера, что свидетельствует о заметном исходе населения из таких поселений на новые места. Результатом данных процессов было также уменьшение числа жителей в наиболее крупных населенных местах Ведомства: таким в 1865 г. являлся Часовинский улус (416 чел.) (для сравнения, тогда наименее населенным был Мангличеевский улус (74 чел.)¹⁰⁴⁶); в 1876 г. самым крупным становится Твороговский улус с населением всего 260 чел.

Интересно, что названия почти половины старых улусов исчезают из перечня населенных мест 1876 г.; можно предположить, что они были переименованы, но это не совсем вписывается в бурятскую традицию. Наверняка можно утверждать, что Верхне-Хамнаевский улус получил новую номинацию Барун Хамнай, Нижне-Хамнаевский – стал улусом Зун Хамнай. Правда, изменение названия поселения на новое, когда вместо прежнего русифицированного имени ему давалось бурятское, не было связано с его дословной передачей на бурятском языке (*баруун* ‘правый, западный’, *зуу(н)* ‘левый, восточный’¹⁰⁴⁷).

¹⁰⁴⁶ ГА РБ. Ф. 5. Оп.1. Д. 804. Л. 45.

¹⁰⁴⁷ Бурятско-русский словарь. С. 90, 270.

Рассмотрение сведений за 1876 г. показывает, что в среднем в населенном пункте жило 75 чел., а это существенно меньше, чем в 1865 г. Пропорция между срубными юртами и домами в среднем была в границах 1–2 юрты к 1 дому. В восьми случаях удельный вес юрт был еще выше (в Боройском улусе пропорция доходила до 5 к 1). Единственным местом, где отмечается баланс в пользу домов, являлся Олостойский улус.

Стабилизацию жилищной ситуации у кударинских бурят к середине 1870–х гг. подтверждает среднее число насельников в одном дворе: оно возвращается к докризисному уровню в 5 чел.

Во второй половине XIX в. осуществился переход от однородового состава населения улуса к многогородовому, эту тенденцию доказывают данные за 1876 г. (Приложение А. Табл. 23).

В конце столетия происходит процесс оседания представителей других народов в бурятских населенных пунктах, так, в 1891 г. в Кударинском ведомстве проживали 43 татарина и 1 еврей¹⁰⁴⁸.

Большая часть кударинских поселений располагалась вблизи рек (Селенги, Шарауза и Харауза), лишь улус Дуланский находился на байкальском побережье, у сора Провал, возникшего на месте ушедшей под воду Цаганской степи. Другими словами, для кударинских бурят были характерны приречная и приморская формы расселения, причем первая из них доминировала.

Летники в основном размещались на богатых травостоем речных островах (Березовском, Средне-Устьевском, Грязном, Малом и Большом Ширетуе), разбросанных в месте впадения р. Селенга в оз. Байкал.

В конце XIX в. зажиточные буряты начали обзаводиться заимками.

Новым явлением, которое отмечалось в конце столетия, стала организация в отдельных улусах уличной планировки, при этом в границах одного подворья находились зимнее и летнее жилые постройки¹⁰⁴⁹. Как мы

¹⁰⁴⁸ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 457. Л. 23.

¹⁰⁴⁹ Кроль М. Указ. соч., 1896. С. 14.

помним, такая тенденция фиксировалась у бурят Предбайкалья; ее причинами, как у Предбайкальских, так и кударинских бурят, являлись малоземелье (вследствие этого некоторые кударинские буряты арендовали пашни и сенокосы у русских) и сохранявшийся обычай сезонной смены жилья.

В конце 1840-х гг. вместо одного хлебозаготовительного магазина, общего для бурят Ведомства, были открыты магазины, обслуживавшие каждый род в отдельности. Здания магазинов, как и прежде, были сосредоточены в улусе, местоположении Степной думы.

После переезда Степной думы в июне 1871 г. в Корсаковское, туда были переведены и другие общественные учреждения. Основанная в 1851 г. Кударинская бурятская приходская школа, позже ставшая училищем, вновь открылась в Корсаковском в 1875 г. Отметим, что к концу столетия в Ведомстве появились еще два образовательных учреждения: Дуланская и Хандалинская церковно-приходские школы. В Корсаковском были возведены здания тюремной избы, пожарного сарая и морга/ледника, в итоге эти и другие общественные здания сформировали центр селения.

Сравнительно с первой половиной XIX в., у кударинских бурят стало больше кузниц (в 1888 г. их насчитывалось 24). Некоторые из них принадлежали кузнецким родам и большим семьям, поэтому они имели, кроме производственного, еще сакральное назначение (в них исполняли родовые и семейные обряды приношения жертвы). Кузницы строили вне жилых дворов.

Процесс христианизации кударинских бурят был связан со строительством на их землях церковных построек: всего в Ведомстве имелись три деревянные церкви (Петропавловская, Вознесенская и Благовещенская), а также часовня.

Доминировавший полуоседлый быт сохранял традиционный принцип сезонной эксплуатации данных типов жилищ: в зимний период обитали в доме, в летний – в юрте. Однако это было характерно не всем слоям

общества, а только его зажиточной части. Землетрясение, как уже указывалось, обернулось появлением массы разом обедневших и бездомных людей, которые могли позволить себе возведение небольшой срубной юрты, и то благодаря помощи родственников. Между тем в Ведомстве активно велось домостроительство. Убеждает в этом рассмотрение статистических данных: согласно ним, в жилищном фонде у кударинских бурят доля срубных юрт падала, а – домов прирастала (Приложение А. Табл. 24). Понятно, что дома ставили, прежде всего, экономически крепкие семьи.

По данным 1889 г., у кударинских бурят было всего 14 плотников¹⁰⁵⁰. Столь малое их число наводит на мысль, что домостроительством в Ведомстве были заняты преимущественно приезжие мастера.

Баргузинские буряты в основной своей массе оставались, как и ранее, полуоседлым населением, которое совершало две сезонные перекочевки. К концу столетия, наряду с другими бурятскими ведомствами, у них были установлены единые сроки переездов – 20 мая на летник, и 10 сентября – на зимник¹⁰⁵¹. В то же время некоторая их часть кочевала до четырех раз в год, что свидетельствует о дефиците свободных пастбищ, и вынужденном переходе на организацию осенних и весенних стоянок.

Материалы переписи 1897 г. указывают на существование в Баргузинском ведомстве 127 поселений, почти все из которых являлись улусами (123)¹⁰⁵². К населенным пунктам также были отнесены Баргузинский дацан, Улюнское и Троицкое (иначе Курумканский улус) селения и Гаргинский минеральный ключ, населенный преимущественно русскими. Но, при анализе мы исключаем первый и последний населенные пункты, как не представляющие интерес с точки зрения изучения темы. Типы поселений у баргузинских бурят не сильно изменились с предшествующего периода. Примерно за 60 лет (с 1838 по 1897 гг.) количество поселений у них выросло более чем в 6 раз, в то же время за 70 с небольшим лет (с 1824 по 1897 гг.) их

¹⁰⁵⁰ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1113. Л. 31.

¹⁰⁵¹ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2317. Л. 1.

¹⁰⁵² Патканов С. К. Указ. соч. С. 598–601.

численность стала больше примерно в 2,5 раза (в 1824 г. их было 4553 чел.¹⁰⁵³, в 1897 г. – 11301 чел.). Все это свидетельствует как о повышении оседлости среди данной группы бурят, так и о более дисперсном их расселении. Вероятно, при этом часть прежних летников выросла в улусы.

К концу столетия стал заметен процесс выделения из старых улусов новых, об этом можно судить по появлению в перечнях населенных мест Ведомства одноименных поселений, отличавшихся порядковыми номерами, (например, были улусы Огноли-1 и Огноли-2, Топука-1 и Топука-2 и т. д.) и поселений, имевших такие названия, как Нижний Мандай, Верхний Курумкан, Верхний Моргун и Нижний Моргун, и т. п.

Многие улусы у баргузинских бурят были сравнительно небольшими (Приложение А. Табл. 25). В тройку наиболее населенных относились улусы Галгатай (121 хоз., 549 чел.), Элысун (75 хоз., 375 чел.) и Унугутэй (71 хоз., 328 чел.).

Зимние улусы были разбросаны в падях по долине р. Баргузин и ее притокам (речек Улюн, Иня, Улан-Бурга, Аргада, Курумкан, Гарга), у озер (Саган-Нур, Гагин). Вызывает интерес тот факт, что ранее (в 1862 г.) местоположение улусов было несколько иным, они лежали по р. Баргузин, речкам Улюн, Улюкчикан, Галтай, Курумкан, Окунях, Алла, Улугна, Ина, Аламбург, Гарам, Аргатай, Токин, Гарга, у озер Кашкал и Калчар¹⁰⁵⁴. Летние поселения располагались на степных участках Куйтунского плоскогорья и болотистых лугах в долине р. Баргузин. Расстояния между сезонными поселениями колебались в широком диапазоне, но некоторые из летников находились всего в полуверсте от зимнего улуса¹⁰⁵⁵. Можно констатировать, что у баргузинских бурят были распространены горно-падаевая, приречная и приозерная формы расселения.

¹⁰⁵³ Кудрявцев Ф. А. Указ. соч. С. 154.

¹⁰⁵⁴ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 998. Л. 5.

¹⁰⁵⁵ Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 году // Известия ВСОИРГО. 1886. Т. XVII. № 1–2. С. 2.

Степная дума находилась в Улюнском селении, поблизости которого был выстроен православный миссионерский стан. Количество экономических магазинов в Ведомстве за 55 лет (1838–1893 гг.) оставалось стабильно одинаковым – 5 (Аламбургский, Аргадинский, Сух-Каргинский, Улюнский, Улугнинский). Были открыты два учебных заведения: Баргузинское приходское бурятское училище и Курумканская школа.

Из культовых объектов, выстроенных на землях баргузинских бурят, стоит назвать две православные миссионерские церкви и две часовни. Кроме этого в 1825 г. для нужд буддистов был открыт в урочище Аламбург Будуйский дацан, позднее более известный, как Баргузинский.

В течение изучаемого периода в Баргузинском ведомстве проводились ежегодные ярмарки: сперва была ярмарка в Улюнском селении (с 1811 г.), которая работала в начале января; со временем ярмарки стали более частыми – зимняя январская ярмарка проходила в Улюнском селении при Степной думе, а летняя июньская – в Саган-Нурском улусе (с 1859 г.).

Как и в других бурятских ведомствах, в улусах и селах баргузинских бурят появилось иноэтничное население. Согласно переписи 1897 г., среди баргузинских бурят проживали 85 русских, 64 эвенка, 16 евреев и 17 представителей других национальностей¹⁰⁵⁶. Наибольшая концентрация русских была в Улюнском (26 чел.), Троицком селениях (22 чел.) и Гаргинском минеральном ключе (13 чел.). Евреи проживали в Улюнском селении (5 чел.), улусах Буксыкэн (4 чел.), Элысун (3 чел.), Ярикта (3 чел.) и Галгатай (1 чел.). История появления представителей этого народа в Баргузинском крае началась с причисления в 1845 г. группы «ссылно-поселенных» евреев к местному мещанскому обществу по решению Иркутской казенной палаты¹⁰⁵⁷, в дальнейшем, как мы могли убедиться, евреи стали проникать в бурятскую среду и, естественно, возникли смешанные бурятско-еврейские семьи. Эвенки по убывающей были

¹⁰⁵⁶ Патканов С. К. Указ. соч. С. 601.

¹⁰⁵⁷ Шмулевич М. М. Указ. соч. С. 28.

представлены в улусах Самахай (37 чел.), Барянкур (5 чел.), Нама (4 чел.) и Олсо (1 чел.).

Отмеченная на материале первой половины XIX в. традиция проживания зимой в доме, а летом – в срубной юрте, в неизменном виде сохранялась у баргузинских бурят до 1870–х гг. Конечно, за десятилетия происходил определенный прогресс в выборе типов домов и бревенчатых юрт.

В развитии жилищного строительства была очевидна тенденция, фиксируемая в это время и у других групп бурят, – изменение пропорции в пользу домовых построек (Приложение А. Табл. 25). Однако нельзя утверждать о прямолинейном развитии этого процесса. Дело в том, что в начале 1870–х гг. отмечается короткий всплеск в возведении домов (Приложение А. Табл. 25).

Более точное представление о соотношении типов жилья и степени обеспеченности ими можно получить, сопоставив сведения по двум ведущим родам баргузинских бурят (Баяндаевскому и Бурскому) за 1899 г.¹⁰⁵⁸. Одна условная семья в 5 чел. в Баяндаевском роде владела 2,1 ед. бревенчатой юрты и 1,74 ед. дома, – в Буровском роде – 0,9 ед. юрты и 0,9 ед. дома. Иначе говоря, жилищная ситуация в названных выше родах серьезно различалась: буровцы едва дотягивали до нормы «одна семья имеет дом и юрту», а баяндаевцы имели явный избыток и того, и другого жилья.

Войлочные юрты, в предшествующий период почти неизвестные у баргузинских бурят, окончательно выходят у них из употребления.

В документах Баргузинской думы фигурируют нежилые здания, которым, как мы ранее убедились, обычно давали вторую жизнь, эксплуатируя их как амбарное помещение или стайку для скота. В 1893 г. по Ведомству их насчитывалось 2553. Обеспеченность амбарами варьировала у представителей разных родов: в 1899 г., например, на среднестатистическую

¹⁰⁵⁸ Шмулевич М. М. Указ. соч. С. 173.

семью из Баяндаевского рода доводилось 1,6 ед. амбара, а – Буровского рода – 1.

В рассматриваемое время у бурят Прибайкалья сохранялись срубные юрты предбайкальского образца. При этом сложились локальные особенности в их выборе. На распространенность определенных видов юрт влияли природно-географические условия мест обитания, а также экономическое положение семей. Например, у ольхонских бурят наиболее частыми были шестистенные юрты, реже – четырехстенные¹⁰⁵⁹. Вероятно, эти предпочтения следует объяснять скудостью строительного материала на о. Ольхон и дороговизной доставки его с других мест. В этой связи видится неслучайным отсутствие в источниках упоминаний о восьмистенной юрте как о сколько-нибудь массовом явлении. С другой стороны, преобладание шестистенной юрты в жилищно-поселенческом комплексе ольхонских бурят свидетельствует о не столь сильном, по сравнению с другими территориальными группами, социальном расслоении.

У остальных бурят субрегиона, как и у бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья, были популярны четырех-шести-восьмистенные варианты срубной юрты. Но, вот спецификой в строительстве таких юрт у кударинских бурят было то, что срубы целиком складывали из сосновых бревен. Судя по документам, листовенничные венцы в основании юрт, а также и домов, не ложили, опять-таки, объяснение этому нужно искать в природных условиях территории, которую они занимали.

Естественно, у прибайкальских бурят происходила модификация срубных юрт. Например, как пишется в одном из архивных источников, баргузинские буряты возводили бревенчатые юрты с «пристройками и кладовыми», т. е. у них наблюдалась тенденция расширять хозяйственное пространство юрты за счет дополнительных пристроек и изменения плана жилища, что выше замечалось у бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья. Также происходило улучшение эксплуатационных качеств юрты,

¹⁰⁵⁹ Радде Г. Указ. соч. С. 140.

что, кстати, продливало использование ее как зимнего жилья, правда, данный процесс не был повсеместным.

В изучаемое время у всех территориальных групп бурят Прибайкалья выросло значение домов, в особенности у ольхонских бурят, у которых в первой половине XIX в. их было очень мало. Строились, как правило, двухчастные «белые» избы, отапливаемые русской печью. Они эксплуатировались как зимнее жилище, но в конце столетия ольхонские буряты их начали возводить и на летниках, речь, конечно, идет о состоятельных людях (в 1884 г. в Ольхонском ведомстве насчитывалось 66 летних домов). Последнее могло означать начало превращения некоторых летних поселений у данной группы бурят в малодворные населенные пункты.

Существовала у бурят субрегиона заметная разница между зажиточной прослойкой и остальной частью общества. Зажиточные буряты обладали, как показывают архивные материалы, несколькими жилыми строениями, в основном новыми. Для иллюстрации приведем пример кударинских бурят. Так, в 1883 г. бывший глава кударинских бурят Владимир Хамаганов владел двумя домами, флигелем и юртой общей стоимостью в 350 руб., другой главный тайша Заяхан Хамаганов – домом и четырьмя юртами, оцениваемыми в 200 руб., богач Данило Хагдуев – двумя домами и четырьмя юртами – 250 руб.¹⁰⁶⁰. Для сравнения простые кударинцы были обладателями одной срубной юрты, стоимостью не более 1 руб., безусловно, представлявшей старое жилище.

Подворья у прибайкальских бурят в основном были одночастными. Скажем, у ольхонских бурят это было обусловлено неразвитостью земледелия и огородничества. У них застройка двора на зимнике, как правило, была свободной: в его передней части располагалась коновязь, изба и/или срубная юрта, амбар и постройки для зимнего содержания скота (хлев

¹⁰⁶⁰ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1071. Л. 35.

(хотон), помещение для яловых коров и овец (херим), конюшня, крытые загоны для скота (данхай) и ограды с навесом (хуреэ))¹⁰⁶¹.

Согласно данным И. Е. Тугутова, большие семьи в улусах кударинских бурят образовывали т. н. отцовы дворы, когда «двор имел общий вход, внутри совместного подворья были внутренние переходы через пешеходные калитки», в то же время каждый из братьев имел «свой скотный двор, овин»¹⁰⁶². Подтверждают это материалы переписи 1897 г. по Кударинскому ведомству, в частности, в переписных листах жителей фиксируются указанные большие семьи, имевшие общий двор, в котором располагались отдельные жилища (изба, юрта) каждой малой семьи¹⁰⁶³. Большинство же бурят данного ведомства имели одночастные дворы свободной застройки.

Но, на зимнике у части кударинцев подворье было двучастным; картофельное поле, унавоженный утуг, овин с гумном были отделены изгородью от остальной части двора. В подворье кроме жилой избы или юрты были поставлены небольшой амбар, отдельные помещения для рогатого скота, имелись загоны и навесы. Стайки были как четырехстенные, так и переделанные из старых шестистенных юрт.

Укажем, что вторичное использование срубной юрты в качестве хозяйственного помещения, в том числе и для зимнего содержания скота, было характерно и остальным бурятам субрегиона. Еще одной общей чертой для бурят Прибайкалья является тот отпечаток, который оставляло занятие рыболовством, на устройство двора. Прибайкальские буряты для себя изготавливали и ремонтировали лодки, бочки, рыболовные снасти¹⁰⁶⁴, поэтому в их подворье выделялось место для выполнения таких хозяйственных работ и хранения рыболовческого инвентаря.

Западное Забайкалье

¹⁰⁶¹ Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2000. С. 157–158.

¹⁰⁶² ГА РБ. ФР. 433. Оп. 1. Д. 6. Л. 116.

¹⁰⁶³ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 490.

¹⁰⁶⁴ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 57. Л. 17 об.

Во второй половине XIX в. отмечался рост миграционного потока в Западное Забайкалье, по этой причине в Переселенческий фонд была изъята часть породных земель бурят и участились случаи самозахвата переселенцами сенокосных угодий¹⁰⁶⁵. Рост численности бурят в субрегионе при том, что у них преобладал скотоводческий образ жизни, имел результатом дефицит пастбищ, повлиявший, в свою очередь, на частоту перекочевов. В то же время причина разницы в интенсивности производимых бурятами сезонных переездов объяснялась состоянием пастбищ¹⁰⁶⁶.

В изучаемое время селенгинские буряты подразделялись на несколько хозяйственно-бытовых групп: крупные скотовладельцы с наемными пастухами вели отгонное скотоводство (частота их перекочевов достигала 10–20 в год) и являлись номадами; обладатели среднего по размеру стада в летний и осенний сезоны вели экстенсивное скотоводство, а в зимний период осуществляли выпас лошадей и мелкого рогатого скота, и стойловое содержание крупного рогатого скота, они представляли полуномадное население (6–7 перекочевов в год); хозяева среднего по размеру стада, будучи скотоводами, практиковали сенокосение и картофелеводство, и совершали три-четыре сезонные перекочевки, они были полуоседлой группой; собственники небольшого стада, производившие два переезда (с зимника на летник, и обратно) и занятые земледелием, сенокосением, огородничеством и картофелеводством, также представляли полуоседлое население; оседлые буряты, мало разнившиеся по хозяйству от русского аграрного населения субрегиона.

Соотношение между данными группами изменялось следующим образом: первые две исчезали, остальные – прирастали. Ядро селенгинских бурят составляли представители четвертой группы¹⁰⁶⁷. Структура этой этнотерриториальной группы менялась под воздействием экономического и

¹⁰⁶⁵ Кроль М. Указ. соч., 1896. С. 21.

¹⁰⁶⁶ Смолев Я. С. Указ. соч. С. 22.

¹⁰⁶⁷ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3262. Л. 53.

демографического факторов, но соотносительность между географической локацией определенного этнического подразделения и превалированием конкретной формы скотоводства в целом сохранялась. Так, номадная и полуномадная формы скотоводства бытовали у основной массы бурят Джиды, относившихся к родам монгольского происхождения, а полуоседлое скотоводство вели представители родов предбайкальского происхождения.

Отметим, что представители первых двух групп, подобно тем, кто относился к третьей группе, зачастую пользовались всеми видами сезонных поселений¹⁰⁶⁸.

В рассматриваемое время доля оседлого населения в составе селенгинских бурят постепенно возрастала (Приложение А. Табл. 26). В конце 1850-х гг. они компактно проживали в отдельных населенных пунктах: в деревне Зарубинское (198 чел. в 28 домах (в среднем 7,1 чел. в доме), в деревне Стрелочное (136 чел. в 39 домах (3,5 чел. в доме), в деревне Холуйское (42 чел. в 5 домах (8,4 чел. в доме)¹⁰⁶⁹. Очевидно, что большинство этих оседлых бурят жило в крайне стесненных условиях. Часть оседлых Ведомства проживала совместно с полукочевыми и полуоседлыми бурятами в таких родах, как Бабайхоромчиевский (4 чел.), Второй Ченорутский (38 чел.) и Сартолов (7 чел.)¹⁰⁷⁰. В конце столетия оседлые имели 6 поселений (579 чел.), наиболее населенным из которых являлось селение Иннокентьевское (42 хоз., 220 чел.)¹⁰⁷¹. Согласно материалам 1897 г., деревня Холуй находилась в составе соседней волости. Надо отметить, что для оседлых было все же характерно дисперсное расселение в улусах, где проживали полуоседлые и полукочевые буряты.

Изучение архивных источников показывает, что селенгинские буряты улусом называли территориальный род, что близко к традиции средневековых монголов, у которых улус был в значении «страна, народ». В

¹⁰⁶⁸ Петерсон Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁰⁶⁹ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2815. Л. 85 об.–86.

¹⁰⁷⁰ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3075. Л. 22–24.

¹⁰⁷¹ Патканов С. К. Указ. соч. С. 672–673.

источниках не говорится о наличии населенных мест у «кочевых» бурят. Понимание в данный вопрос вносит фрагмент одного из документов Селенгинской думы: «<...> в сей ведомости число душ кочующих инородцев показано по родам, потому как инородцы кочуют не селением, а в рассеянности по разным местам и один с другим родом смешанно»¹⁰⁷². Ареалы кочевания разных селенгинско-бурятских родов можно вычлениить на основе архивных материалов: одни из этих локусов занимали степные участки (вокруг Гусинога озера, на Караульном, Бараньем, Шарашобоирском, Большом, Хонгорском лугах), остальные – находились в межгорных падях¹⁰⁷³.

Как выше отмечалось, в конце XIX в. наиболее распространенной у селенгинских бурят была система двухразовых перекочевков, по этой причине будет разумно предположить, что в каждой местности, указанной в перечне Думы как место кочевки, располагались постоянные зимние и летние поселения. Система землепользования, при которой локус любой общины *булэг* охватывал соседние пади вместе с покосами и выгонами, породила практику размещения зимников на пастбищах, расположенных в низине падей, а – летников у покосов, занимавших высокие участки падей¹⁰⁷⁴. Для защиты от потравы сенокосы обносили общественными поскотинами.

По переписи 1897 г., у селенгинских бурят, как и у Закаменских, в качестве мест обитания показаны урочища. При этом обозначали как урочище не только локальную территорию, но и группы семей (в данном случае объединенных в хотоны), кочевавших на ней. По данной причине мы приводим условную статистику по урочищам, которая выглядела следующим образом: локусов, в которых кочевало до 20 хоз., было 35 (30,17 % от общего числа урочищ), наиболее распространенными являлись урочища, где имелось от 21 до 50 хоз. – 57 (49,14 %), менее типичными были территории, на которых находилось от 51 до 100 хоз. – 19 (16,38 %) и свыше 100 хоз. – 5

¹⁰⁷² ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3075. Л. 24.

¹⁰⁷³ Там же. Л. 22–24.

¹⁰⁷⁴ Калмыков А. Указ. соч. С. 11.

(4,31 %). Градация поселений селенгинских бурят по размерам и их структуры по типам приводится нами в таблицах (Приложение А. Табл. 27, 28).

Лишь относительно некоторых из перечисленных местностей, главным образом населенных бурятами Селенгинско-Харанутского рода и казаками, есть прямое указание на наличие там улусов. В материалах Переписи обнаруживаются примеры, когда одно урочище населяли жители одновременно нескольких улусов; вероятно, не располагая информацией об их наименовании, переписчики их попросту пронумеровали. Так, в Иволгинском урочище насчитывалось 6 улусов, в урочище Оронгой – 4¹⁰⁷⁵. Многие улусы представляли средние по размерам поселения. Самым крупным из них являлся улус № 2 из урочища Загустай (97 хозяйств, 535 чел.).

В конце XIX в. общей чертой развития сети поселений у забайкальских бурят было возникновение относительно многолюдных улусов «лишь по соседству с деревнями русских крестьян»¹⁰⁷⁶. Причины такого явления, очевидно, лежали в области экономических отношений между двумя народами.

Селенгинские буряты-казаки, не обитавшие на одной территории или в одном поселении с другими бурятами, были объединены в отдельные казачьи управления, которые также выделяются переписью 1897 г. в разновидность населенных мест. Дифференциация казачьих управлений по числу хозяйств была такой: до 20 хоз. имели 2 управления (18,18 % от общего числа), от 21 до 50 хоз. – 7 (63,64 %), свыше 50-ти хоз. – 2 (18,18 %). Можно утверждать, что казачьи управления в основном были поселениями среднего размера.

Буряты Цонгольского управления, являвшиеся оседлыми людьми, населяли 4 села, 1 деревню и дачи кяхтинского купечества¹⁰⁷⁷. Самой значительной была Полкановская деревня (38 хоз., 246 чел.). Доля русских,

¹⁰⁷⁵ Патканов С. К. Указ. соч. С. 660.

¹⁰⁷⁶ Кириллов Н. В. Указ. соч. С. 86.

¹⁰⁷⁷ Патканов С. К. Указ. соч. С. 676.

проживавших совместно с цонгольскими бурятами, была заметной (91 чел.), в особенности в Спассо-Преображенском селе (38 чел.).

Процессы превращения родов в экстерриториальные сообщества и формирования разнородового населения улусов наблюдались у селенгинских бурят повсеместно (Приложение Б. Док-т 22).

У селенгинских бурят, как и у Предбайкальских, в сезонных переездах участвовала часть семьи, или нанятые ею пастухи, смотревшие за стадом, между тем крупные и средние скотовладельцы сами не кочевали, оставаясь в улусе¹⁰⁷⁸. Поэтому летом одни улусы почти полностью пустели, другие же – только наполовину¹⁰⁷⁹.

Население улусов в плане принадлежности к разным родовым структурам и хозяйственно-бытовым группам было смешанным. Кроме того, в конце столетия в него вошли, хоть и в небольшом количестве, представители других народов (в 1897 г. – 67 чел.); они были главным образом сосредоточены в поселениях оседлых бурят (в Стрелочном селении 13 чел., в Иннокентьевском – 26 чел.¹⁰⁸⁰).

Дистанция между зимниками и летниками к концу века сократилась до 1–20 км, причиной тому стало уменьшение свободного пространства земли в Ведомстве.

Зимний улус обычно являлся малодворным населенным пунктом из 5–20 находящихся на отдалении друг от друга дворов. На пространстве двора стояли дом и войлочная юрта, как вариант войлочная и срубная юрты, амбар, ряд низких стаек и крытых хозяйственных построек¹⁰⁸¹ (Приложение В. Рис. 28, 29). В двухчастных дворах были еще и огороженные места для хранения стогов сена, гумна со сжатым хлебом¹⁰⁸². В конце столетия во дворах (двухчастных, замкнутой застройки) состоятельных людей, помимо жилых помещений, находились кузница, амбар-зернохранилище, погреб-ледник,

¹⁰⁷⁸ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 144.

¹⁰⁷⁹ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 43.

¹⁰⁸⁰ Патканов С. К. Указ. соч. С. 672–673.

¹⁰⁸¹ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 182.

¹⁰⁸² Петерсон Н. Указ. соч. С. 149.

иногда сарай для конных повозок и колясок¹⁰⁸³. Для части состоятельных полуоседлых бурят, принадлежавших к предбайкальским родам, были характерны т. н. отцовы дворы.

Далеко отступив от имеющихся во дворе построек, его по кругу обносили частоколом или пряслами.

Поселения, в которых жили весной и осенью, немногим разнились от улусов-зимников, однако в отличие от последних «постройки здесь (были – А. Б.) не так многочисленны и менее солидны»¹⁰⁸⁴.

В летниках семьи обитали в войлочной или деревянной юрте, пространство вокруг жилища не огораживали, сами поселения выглядели более компактно, чем зимние поселения. Там, где ставили срубные юрты, возводили хозяйственные постройки: «амбары, сараи, загородки для рогатого скота и овец и т. п.»¹⁰⁸⁵. Население в таком поселении не было стабильным и часть его перебиралась в поисках лучших пастбищ в другие места.

Некоторые черты, отмечаемые в конце XIX в. в жилищно-поселенческом комплексе предбайкальских и прибайкальских бурят, в локальном виде проявились и у селенгинских бурят. Так, будучи оседлыми чикойско-харанутские буряты, тем не менее, придерживались традиции переселения в летний сезон в срубную юрту, которую ставили во дворе рядом с домом¹⁰⁸⁶. А в улусах, находившихся вблизи Верхнеудинска, появилась уличная планировка.

В селенгинско-бурятской сети поселений выделялся улус, местоположение Степной думы, в котором в 1859 г. имелись такие общественные здания, как тюремная изба, здания Степной думы и училища, пожарный сарай, склад для овечьей шерсти. Хлебозаготовительные магазины располагались более дисперсно: 48 из них были в улусах, и 2 – в поселениях

¹⁰⁸³ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 48.

¹⁰⁸⁴ Петерсон Н. Указ. соч. С. 149.

¹⁰⁸⁵ Там же.

¹⁰⁸⁶ Кроль М. Указ. соч., 1896. С. 11.

оседлых бурят¹⁰⁸⁷. В некоторых улусах и селениях работали кузницы (всего их было 10).

На землях селенгинских бурят действовало 13 буддийских монастырей-дацанов.

Через Ведомство проходили тракты, в том числе знаменитый чайный тракт из Кяхты в Иркутск; на их протяжении были выстроены почтовые станции (их число сократилось до восьми). Содержание станций целиком лежало на плечах Степной думы. Малодворными поселениями считались мукомольные мельницы вместе с находящимися при них жилыми домами. По данным источников, в 1860 г. у селенгинских бурят было 12 мельниц «об одной поставе, колесчатые, почвенные», поставленных на местных речках¹⁰⁸⁸.

Из рассмотренного материала можно вывести, что к концу века для селенгинских бурят были характерны по нисходящей горно-падавая, приречная, притрактовая и приозерная формы расселения.

Типы поселений у них были как традиционными (*хотон* у кочевых, улус у полукочевых, полуоседлых и оседлых, деревня – у оседлых), так и новыми (село, почтовая станция, мельница – у оседлых).

В 1850–60-е гг. зимними жилищами продолжали оставаться войлочная и срубная юрты, и изба. При этом, в войлочной юрте жили и зажиточные, и бедные буряты. В конце столетия в южных районах Западного Забайкалья появляется вариант срубной юрты, известный как *буряад гэр* ‘бурятский дом’ (Приложение В. Рис. 30). Судя по всему, технология ее строительства была перенесена бурятами-мигрантами из Предбайкалья (описание такой юрты у предбайкальских бурят было дано выше). Летними видами жилищ являлись войлочные юрты и срубные юрты-четырёхстенки с земляными полами (Приложение В. Рис. 31), в отличие от *буряад гэр* меньшей площади и без конька на крыше.

¹⁰⁸⁷ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2815. Л. 85 об. – 86.

¹⁰⁸⁸ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3075. Л. 12–12 об.

В конце столетия предпочтения в выборе жилища не изменились, и в соответствии с локальными традициями бытовали различные комбинации сезонного жилья. Например, боргойские буряты, перешедшие к полуномадному образу жизни, зимовали в войлочной юрте, а летом обитали в срубной юрте¹⁰⁸⁹.

Динамика изменений жилищного фонда у селенгинских бурят в 1850–80-е гг. представлена в таблице (Приложение А. Табл. 29). В 1860 г. в Ведомстве появились следующие новые жилища: 245 войлочных и 56 срубных юрт, 14 домов. Приведенные сведения свидетельствуют о сохранявшемся на то время предпочтении селенгинскими бурятами войлочной юрты. Табличные данные показывают, что к концу столетия изменилось соотношение между войлочной юртой и домом в пользу последнего. Очевидно, престижность срубной избы и дома определялась переходом на оседлость части селенгинских бурят, между тем увеличение числа срубных юрт определенно было вызвано трендом на полuosедлый образ жизни большинства бурят Ведомства. Здесь можно согласиться с Д. М. Маншеевым в том, что этот процесс мог быть вызван и притоком полuosедлых и оседлых бурят из иных ведомств, преимущественно из Предбайкалья¹⁰⁹⁰. Однако продолжавшийся прирост войлочных юрт в дальнейшем (к 1895 г. их стало больше на 127 ед.), несомненно, указывает на их привлекательность для кочевой и полукочевой групп бурят.

Домостроительством в основном были заняты умельцы из числа местных бурят. Об этом позволяют утверждать данные за 1875 г., согласно которым, профессионально в строительстве участвовали 69 печников, 50 кирпичников и 1310 плотников¹⁰⁹¹. Судя по источникам, они нанимались на сезонные строительные работы к городским и сельским жителям Западного Забайкалья и Восточного Прибайкалья. Получить представление о ценах на строительные материалы и расценках за определенные виды строительных

¹⁰⁸⁹ Вяткина К. В. Указ. соч. С. 67.

¹⁰⁹⁰ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 119.

¹⁰⁹¹ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2060. Л. 6 об.

работ в Ведомстве в 1850–е гг. позволяют архивные источники (Приложение Б. Док-т 23).

Локус расселения хоринских бурят оставался неизменным с первой половины столетия: они проживали в Братской степи, занимая бассейн р. Уда и ее притоков.

В изучаемое время оседлое население в Хоринском ведомстве имело тенденцию замедленного роста (Приложение А. Табл. 30). Большинство оседлых проживало в Курбинском оседлом обществе – 349 чел. (75 % оседлых хоринских бурят). Это общество объединяло жителей нескольких рядом расположенных деревень – Унэгэтуй, Ару Хасуртай, Илькинское, Усть-Тачиланское (старое название Хуху Хонитуйское). В то же время оседлые проживали вместе с другими хозяйственно-бытовыми группами хоринских бурят в улусах, разбросанных по низовьям рек Хилок, Уда и Худун.

Ядро хоринских бурят, как и в первой половине века, представляли полуоседлые буряты, имевшие ежегодные две-три сезонные кочевки. Они совместно с полуномадами и меньше с оседлыми образовывали зимние поселения. Для примера, в 1862 г. в Хоринском ведомстве было 292 зимних улуса, в сравнении с 1850 г., их число ненамного прибавилось (на 2).

Распределение поселений хоринских бурят, произведенное на основе анализа переписи 1897 г., дается в таблице (Приложение А. Табл. 28). Уменьшение числа улусов в переписных материалах следует объяснять применявшейся системой дифференциации населенных пунктов; С. К. Патканов в этой связи замечает: «<...> селения оседлых и полуоседлых бурятов-казаков ламайского (буддийского – А. Б.) исповедания называются “улусами” <...> а местожительство кочевых бурятов-казаков определяются урочищами (Селенгинский округ)»¹⁰⁹². Безусловно, данные переписи свидетельствуют о количественном росте поселений (об этом свидетельствует хотя бы количество урочищ, которые раньше в документах

¹⁰⁹² Патканов С. К. Указ. соч. С. 698.

Хоринского ведомства не выделялись). Отметим, что понятие урочище, используемое в отношении хоринских бурят, оказывается более дробным, чем то же, но применительно к закаменским и селенгинским бурятам; оно было тождественно зимнему улусу.

Следует указать, что для хоринских бурят были присущи по убыванию горно-падевая, приречная, притрактовая и приозерная формы расселения. Типы поселений у них, как можно убедиться, к концу столетия приросли новыми – село, станционное селение, хутор, населяемыми оседлыми бурятами.

Градация населенных пунктов у хоринских бурят по числу хозяйств приводится в таблице (Приложение А. Табл. 27). Хотя в перечне населенных мест указаны урочища с достаточно большим числом жителей, уверенно назвать самым крупным поселением можно только улус Угдан (101 хоз., 497 чел.). Однозначно, наиболее типичными для хоринцев были небольшие населенные пункты.

Иноэтничное население включало 370 русских, 73 еврея, 42 представителя других национальностей (7 эвенков, 7 китайцев, 5 поляков и др.). Расселение лиц небурятского происхождения происходило не только по селам, деревням, станционным селениям, улусам, в месторасположении Степной думы – Анинском улусе, что казалось естественным, но и в ряде урочищ (18), при Цолгинском и Чисановском дацанах. Наибольшая концентрация переселенцев отмечается в урочище Онохой (106 русских, 19 евреев и 2 чел. др. национальности), станционных селах Тарбагатайском (36 русских, 20 евреев) и Кульском (41 русский, 6 евреев)¹⁰⁹³.

Административным центром Ведомства оставалось Анинское селение, в котором располагались здания Степной думы, знаменного храма, пожарного сарая, тюремной избы, приходского училища (второе училище было открыто в улусе Тотхото), торговые лавки (селение было местом ежегодной зимней ярмарки, с развитием которой возрастало количество

¹⁰⁹³ Патканов С. К. Указ. соч. С. 610–631.

лавок (в начале 1850–х гг. их было 6, а в начале 1880–х гг. – 12)) и др. В части хоринских улусов имелись экономические магазины (их количество за 30 лет, с начала 1850–х гг. по начало 1880–х гг., немного уменьшилось – с 53 до 51), кузницы (их тоже стало меньше – в начале 1850–х гг. насчитывалось 22, а в начале 1880–х гг. – 19). К отдельным поселениям были отнесены мельницы (1850–е гг. их было 3, в 1880–е гг. – 18) и буддийские монастыри (8 дацанов, причем, один из них имел главное здание, выложенное из камня). Христианизация хоринских бурят сопровождалась строительством сельских церквей – были возведены 4 деревянные церкви и часовня в местах компактного поселения бурят-христиан, главным образом в Курбинском сельском обществе.

Новым явлением, проявившимся к концу XIX в., стало появление в некоторых из зимних улусов уличной планировки срубных юрт, при этом зимние и летние жилища располагались в одной ограде¹⁰⁹⁴.

Архивные материалы рисуют следующую картину развития жилищного строительства у хоринских бурят (Приложение А. Табл. 31). Почти за четверть века произошла резкая трансформация в жилищной структуре: войлочные юрты значительно уступили деревянному жилью, среди которого быстрее всего росла доля домов. Заметим, что удельный вес каждого из типов жилья был примерно одинаков – он колебался в пределах трети от общего количества частных жилищ. В литературе высказано предположение, что после 1862 г. к хоринским бурятам переселились представители разных хозяйственно-бытовых групп из других ведомств и это в корне поменяло ситуацию с жильем¹⁰⁹⁵. Получается, речь должна идти о значительной миграции бурят из соседних территорий в Хоринское ведомство. Однако, достоверно известен случай, о котором мы упоминали выше, связанный с переселением части кударинских бурят в Хоринское ведомство (всего 1017 чел., заселившие урочище Кижинга)¹⁰⁹⁶. Напомню, что

¹⁰⁹⁴ Головачев П. М. Указ. соч. С. 134.

¹⁰⁹⁵ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 121.

¹⁰⁹⁶ ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 236. Л. 563.

это было полуоседлое население, жившее в срубных избах и юртах. Вряд ли такое количество переселенцев могло вызвать масштабный рост срубных жилищ у хоринских бурят. В то же время большого притока кочевых и полукочевых скотоводов в Ведомство также не было, на это указывает хотя бы то, что к концу столетия заметно сократилось число войлочных юрт. Поэтому вполне определенно напрашивается мысль, что причиной таких количественных, структурных изменений в жилищно-поселенческом комплексе хоринских бурят являлась трансформация их хозяйственной деятельности.

Возникшая в первой половине столетия практика зимнего проживания в войлочной юрте или избе (доме), и летнего – в срубной юрте, продолжала транслироваться.

Интересно, что, согласно летописи В. Юмсунова, побудительной причиной к начавшемуся с 1850 г. массовому строительству хоринскими бурятами русских изб и домов было их желание сохранить зимний приплод скота¹⁰⁹⁷. Со значительной долей вероятности можно утверждать, что переход к домостроительству был связан все же не с заботой о молодняке, который в зимнее время традиционно содержался в жилой юрте, а с возникшим предпочтением срубного дома в качестве зимнего жилища.

Так же как и у селенгинских бурят, в среде хоринцев сложился слой людей, занимавшихся отхожим промыслом в сфере домостроительства. Так, по сведениям на 1884 г., в Ведомстве имелось 48 печников, 62 кирпичника, 11 маляров и 124 плотника¹⁰⁹⁸.

В конце XIX в. типичным для бурят Западного Забайкалья был срубленный из кругляка, небольшой однокамерный дом с сенями, имеющий фундамент из вкопанных листовенничных чурбаков. Вход в него прорубали с юга, к входному проему ставили невысокую лестницу, над дверью крепили короткий козырек. Его двускатная крыша покрывалась тесом или дранками.

¹⁰⁹⁷ Бадмаева Л. Б. Указ. соч. С. 359.

¹⁰⁹⁸ ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 307. Л. 29 об.

Помещение освещали небольшие по размеру два – три окна, затянутые бычьим пузырем. Изредка в доме делали внутренние перегородки.

Разница домов состоятельных и остальных хоринских бурят была ощутимой, неслучайно хроникер оставил такое замечание: «<...> в каждом аиле строят нечто вроде зимовья, богачи строят таковые видом, напоминающим городские строения»¹⁰⁹⁹. Вероятно, дома, походившие на городское жилье, отличались не только размерами от изб простонародья, но и декоративной отделкой и внутренним комфортом.

Состоятельные западнобайкальские буряты стали жить в большом двухкамерном доме с окнами, имеющими остекление, с росписными наличниками и ставнями, и крыльцом. В плане дома были кухня, столовая, две жилые комнаты. В помещении условно выделяли «черную» половину, где находилась прислуга и было огороженное место для молодняка, и «чистую» – где обитал владелец дома с домочадцами¹¹⁰⁰. В жилище была русская печь (кирпичная или глинобитная), зачастую с железной плитой, и соединенная с печью-«голландкой». Арел домов, отапливаемых русской или голландской печью, охватывал бурят, расселившихся в низовьях Чикоя и Хилка, в долинах Оронгоя и Иволги¹¹⁰¹.

Внутреннее устройство избы у рядовых бурят напоминало традиционную обстановку юрты: полы в ней не стелили; потолок отсутствовал. Дома зажиточных людей имели и полы, и потолок, а стены были проконопачены¹¹⁰². Следует обратить внимание на трансляцию у бурят в течение более ста лет (со второй половины XVIII в. по конец XIX в.) строительства изб, а потом и домов, без настиленного пола, причем, как выше указывалось, первыми, кто так поступил, были представители элитарной группы.

¹⁰⁹⁹ Бадмаева Л. Б. Указ. соч. С. 359.

¹¹⁰⁰ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 182–183.

¹¹⁰¹ Кроль М. Указ. соч., 1896. С. 14.

¹¹⁰² Осокин Г. М. Указ. соч. С. 183.

Модификация летней срубной юрты-четырёхстенки у бурят субрегиона позволила иностранным путешественникам рассматривать ее в качестве некоего бурятского дома: «По наружному виду бурятский дом отличается от русского менее толстыми бревнами, с меньшим числом или совершенным отсутствием окон, а часто и трубы. Дым выходит через открытую дверь или через отверстие в крыше. Весьма простое внутреннее устройство бурятских домов таково же, как и в юрте. Только пол в них четырехугольный и печь построена из кирпича»¹¹⁰³. Очевидно, что такая срубная юрта, которая называлась *пираг*, обрела черты гибридного жилища, сочетавшего в себе качества традиционной бурятской юрты и русской избы.

К концу XIX в. возникает еще один переходный тип юрты-четырёхстенки, который имел крышу двускатной формы, самцовую кровлю с выступающими бревнами над дверью, невысокую лестницу. Кровельным материалом служила дранка или тес. Юрта была ориентирована входом и небольшими окнами на юг. В таких жилищах пол в основном был земляной, иногда делали настеленный. В задней стене с целью проветривания помещения сохранялся зазор, запираемый доской или ставней. Помещение отапливалось закрытым или открытым очагом. Хоринский вариант такой юрты в плане был квадратным (размерами 4х4 м) или прямоугольным (4х5 м), обогревалось жилище небольшой каменной или железной печкой¹¹⁰⁴. Любопытно, что оно в точности повторяло юрту-четырёхстенку *пираг* присаянских бурят.

Основным жилищем у полуномадной и номадной групп бурят субрегиона оставалась шести-восьмистенная войлочная юрта восточномонгольского подтипа (Приложение В. Рис. 32). В то же время многие буряты использовали ее только в хозяйственных целях. Об этом сообщается в одном из документов: «<...> войлочные юрты как необходимая принадлежность разбивается зимою возле каждого дома для содержания в

¹¹⁰³ Кейзерлинг Р. Указ. соч. С. 205.

¹¹⁰⁴ ПМА. Цыренов Р. Д.

ней постоянного огня для варения пищи и чая, и содержания в оных в большие морозы телят и ягнят»¹¹⁰⁵.

В односторонних дворах, располагавшихся на зимниках и имевших свободную застройку, кроме собственно жилищ находились различные сооружения хозяйственного назначения (коноязи, утепленные стойки *хашаа* для скота, загоны, помосты для хранения творожистой массы *аарса*, амбары, под которые иногда приспособляли нежилые дома) (Приложение В. Рис. 33). Двор и прилегающий к нему утук изредка обносили изгородью из жердей, связанных тальником¹¹⁰⁶.

Зимнее содержание скота различалось у хозяйственно-бытовых групп бурят субрегиона. Номады и полуномады в качестве ночлега для стада убирали вблизи юрт снег и делали там площадки, с севера ограждаемые снежным валом и системой деревянных щитов¹¹⁰⁷.

Полуоседлая и оседлая часть бурят держала крупный и мелкий рогатый скот в загоне или хлеве каркасно-столбовой конструкции, стенки которого были из зашпаклеванного глиною плетня, а кровельным покрытием служила солома¹¹⁰⁸. Крупный рогатый скот содержали также в трехстенной стойке, открытой стороной обращенной на юг, а овец и коз – в низком сарае каркасно-столбовой конструкции с обмазанными скотским пометом стенками из плетеного тальника¹¹⁰⁹. Встречались стойки, представлявшие собой невысокую прямоугольную в основании срубную постройку, щели в которой шпаклевали свежим навозом¹¹¹⁰. Такая стойка была сложена из тонких бревен, а ее кровельным материалом являлась драница или кора лиственницы. В конце столетия приплод по традиции держали в юрте или доме, а иногда в избе, где пекли домашний хлеб¹¹¹¹.

¹¹⁰⁵ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3262. Л. 53.

¹¹⁰⁶ ПМА. Халхаров Д. Х.

¹¹⁰⁷ Петерсон Н. Указ. соч. С. 203.

¹¹⁰⁸ Бюлер Ф. А. Указ. соч. С. 224.

¹¹⁰⁹ Смолев Я. С. Указ. соч. С. 22.

¹¹¹⁰ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 185.

¹¹¹¹ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 48.

По Н. Л. Петерсону, предназначенные для зимнего содержания скота хозяйственные постройки у бурят-скотоводов оказались просторнее и дороже, чем у бурят-земледельцев¹¹¹². Причем, такие скотные дворы обычно строились состоятельными людьми, в том числе из числа оседлых бурят. Основная масса оседлых бурят не имела большие и теплые помещения для скота.

Во дворах оседлых и части полуоседлых бурят Западного Забайкалья стали строиться «черные» бани. По данным А. И. Термена, впервые такие постройки вошли в быт забайкальских казаков-бурят, которые, будучи на военной службе оценили их пользу для здоровья¹¹¹³.

Нижнее Приононье

Экономические условия, вызванные, с одной стороны, нехваткой пастбищ, с другой стороны, естественным приростом как населения, так и разводимого им поголовья скота, подтолкнули к складыванию у агинских бурят сложной системы кочевания. Основная, малоимущая, часть этих бурят пасла свое стадо, не выходя за пределы Агинского инородческого ведомства. По воспоминаниям Л. Л. Линховоина, буряты, заселявшие долины р. Ага и ее притоков, урочища Алханай, Элеэ, Табтанай, имели зимние и летние стойбища, т. е. кочевали дважды в году¹¹¹⁴. Об этом же сообщает и Н. А. Крюков, добавляя, что зимники находились на местах покосов¹¹¹⁵. Исходя из этих сведений, можно утверждать, что данное локальное сообщество бурят являлось полуоседлым населением.

Более имущие буряты, владельцы средних по размеру стад, были полукочевыми скотоводами. Они пасли скот, за лето по несколько раз

¹¹¹² Петерсон Н. Указ. соч. С. 16.

¹¹¹³ Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 93.

¹¹¹⁴ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 19.

¹¹¹⁵ Крюков Н. А. Указ. соч. С. 88.

перегоняя его на новые пастбища¹¹¹⁶, а зимой постоянно пребывали на зимниках.

У агинских полуномадов и номадов остро стояла проблема нехватки пастбищ, которую они решали путем ежегодной аренды земли под выпас у соседей – русских казаков и крестьян, онгоцонских и кучертакских эвенков, а также казенных и кабинетских земель¹¹¹⁷. Вынужденная аренда пастбищ осуществлялась агинскими бурятами и в Монголии. Причем, это длилось с осени по начало весны, и было уделом владельцев крупных стад, самих перегонявших свой скот, или пастухов, нанятых несколькими объединившимися владельцами небольших стад¹¹¹⁸. Согласно документам Агинской инородческой волости, в начале XX в. почти четверть приписного бурятского населения, являвшегося его наиболее зажиточной частью, ежегодно укрывалась в пределы Монголии и на казачьи дачи¹¹¹⁹. Заметим, что лето, в сравнении с другими сезонами, было временем, когда названная выше категория агинцев жила постоянно на одном месте¹¹²⁰.

Во второй половине XIX в., по всей видимости, у этой этнолокальной группы бурят все еще сохранялась система общинного регулирования пастбищами, когда большинство бурят было занято пастбищным скотоводством, а состоятельная прослойка вела отгонное скотоводство, привлекая для этого наемных работников. Однако параллельно этой системе начинает функционировать и другая система, базировавшаяся на согласовании действий отдельных семей¹¹²¹. Следует напомнить, что у агинских бурят в течение столетия меняется соотношение разных пород скота в стаде; происходит увеличение численности, прежде всего, крупного рогатого скота, содержание которого требует заготовку сенажа, сооружение хозяйственных построек, отказ от дальних переездов. Иначе говоря, у этих

¹¹¹⁶ Крюков Н. А. Указ. соч. С. 88.

¹¹¹⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

¹¹¹⁸ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

¹¹¹⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 251.

¹¹²⁰ Пастух Даурец. Указ. соч. С. 18.

¹¹²¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

бурят наблюдается заметная дифференциация в формах кочевания, вследствие чего многие хозяйства ведут полуномадный образ жизни, сократив дальность и интенсивность перекочевков.

Во второй половине XIX в. у агинских бурят получает особый размах огораживание сенокосных мест общественными поскотинами подобно остальным бурятам. Протяженность этих сооружений в Ведомстве достигала больше двух тысяч верст в одну линию¹¹²². Огораживались сенокосы обычно жердями и плетнями. Строительство и починка этих поскотин целиком лежали первоначально на тех родах, на чьих землях они располагались, позднее при более дисперсном расселении хори-бурятских родов, эта обязанность вменялась жителям конкретных территорий вне зависимости от родовой принадлежности.

Если в середине века абсолютное большинство хозяйств Агинского ведомства были скотоводческими, то к концу XIX в. из примерно 9070 хозяйств агинских бурят 200 представляли оседлое земледельческое население, проживавшее в основном в Агинском селении, застроенном преимущественно избами¹¹²³. Представление о месте оседлых в структуре населения Агинского ведомства дают следующие сведения (Приложение А. Табл. 33). По Н. А. Крюкову¹¹²⁴, в это время в Агинском было 27 дворов (138 чел.) оседлых бурят, которые содержали пашню (101 дес.), домашний скот (одно хозяйство в среднем имело лошадей – 1,3 ед., крупный рогатый скот – 4,6 ед., овец – 0,3 ед., свиней – 1,4 ед.). Перепись 1897 г. содержит указание, что Агинское включалось в состав Третьего Амидхашинского улуса (67 хоз., 366 чел.)¹¹²⁵, значит, оседлые представляли 38 % насельников улуса. Кроме бурятского населения в поселении проживали 79 представителей других народов (22 % жителей), при этом наиболее крупной иноэтничной диаспорой

¹¹²² ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

¹¹²³ Бадмаев А. А. Некоторые новые данные об агинских бурятах. Вторая половина XIX века // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 493.

¹¹²⁴ Крюков Н. А. Указ. соч. С. 146.

¹¹²⁵ Патканов С. К. Указ. соч. С. 561.

были русские (59 чел.). Отдельные семьи оседлых являлись насельниками ряда крупных зимних улусов (Цугальского, Бырко-Цугальского, Тутхалтуевского); помимо земледелия, они занимались картофелеводством и сенокосом. В Агинском селении, являвшимся центром Ведомства, были выстроены здание Степной думы, экономический магазин (каменной постройки), морг/«ледник», амбары, в центре селения возвышалась Николаевская церковь, недалеко от поселения находился Агинский дацан, состоявший из храмового комплекса, выстроенного из камня и дерева, и домов штатных лам и прислуживавших им учеников и обслуги.

В 1896 г. в Ведомстве, согласно документам Степной думы, имелось 1 селение (Агинское) и 54 улуса¹¹²⁶. По переписи 1897 г., хотя в ней фактически содержались статистические данные за предыдущий 1896 г., названы только 43 поселения¹¹²⁷. Выпадение из списка населенных мест части поселений, вероятно, было связано со строгим следованием переписчиками произведенного по волостной реформе территориально-административного размежевания. Еще удивительнее выглядит картина деления поселений по числу хозяйств (Приложение А. Табл. 27). Получается, что в конце века подавляющее большинство поселений агинских бурят являлись относительно крупными, имевшими более 100 хозяйств. Однако по письменным источникам известно, что зимние улусы, где проживали главным образом полуоседлые и полукочевые буряты, были, как правило, небольшими поселениями.

В конце XIX в., судя по архивным материалам, наиболее населенными улусами были Кялинский (2229 хоз., 7927 чел.), Цугальский (1751 хоз., 6518 чел.), Тутхалтуевский (1549 хоз., 5281 чел.)¹¹²⁸. Таких показателей концентрации бурятского населения на то время едва ли мы обнаружим в других ведомствах. По переписи 1897 г., тройка самых крупных поселений

¹¹²⁶ ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3084. Л. 104.

¹¹²⁷ Патканов С. К. Указ. соч. С. 560–562.

¹¹²⁸ ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3084. Л. 147.

Агинского ведомства была иной: Второй Хойто-Агинский (Оленгуйский) улус (300 хоз., 1512 чел.), Алханайский улус (289 хоз., 1545 чел.) и Зугалуевский улус (271 хоз., 1291 чел.). Причем, ранее перечисленные улусы вообще не значились в переписи. Вероятно, объяснялось все это практикой, которая выше фиксировалась еще по материалам первой половины XIX в. у забайкальских бурят, когда в документах улусом номинировали население отдельного территориального рода. Другими словами, улус у агинских бурят ассоциировался с локусом расселения отдельных, как правило, разнородных сообществ.

На материалах Первой всероссийской переписи отчетливо просматриваются у агинских бурят общие тенденции, которые были отмечены при рассмотрении поселений других групп бурят. Например, стоит констатировать давно развивавшийся, судя по размерам поселений, процесс их разделения, когда на место одного возникали по 2–3 новых улуса, имевшие одно название и различавшиеся по присвоенным им номерам (при этом часть улусов имела второе, вероятно, известное в народе наименование). Помимо этого, выше указывалось на присутствие в составе агинцев иноэтничного населения. В этой связи можно привести пример китайцев, в основном занимавшихся мелочной торговлей и компактно проживавших во Втором Амидхашинском (14 чел.) и Первом Уроноевском (Усть-Цугальском) (9 чел.) улусах.

Большая часть улусов была привязана к местной речной системе (р. Онон и его притокам) и озерам (Кусочи, Кункур). Зимники, как правило, размещались в межгорных падях. Следовательно, у агинских бурят сложились приречная, приозерная и горно-падаевая формы заселения.

Информация об изменении структуры жилищного фонда у агинских бурят во второй половине XIX в. дается в таблице (Приложение А. Табл. 32). Для примера, в течение 1895 г. было выстроено 6 новых частных домов (9,2 % всех жилищ), 42 войлочные юрты (64,6 %), 17 деревянных юрт (26,2 %); уничтожено по ветхости 2 частных дома, 9 деревянных и 19 войлочных

юрт¹¹²⁹. Бесспорно, при растущем населении происходил неуклонный рост в целом жилищного фонда, причем, доля войлочных юрт в нем уменьшалась, но в структуре вновь вводимого жилья эти юрты по-прежнему доминировали. Сегмент, приходившийся на деревянные юрты, заметно прогрессировал, но по темпам роста несколько отставал от сегмента домов.

Лишь к 1820–м гг. ситуация в корне изменилась – к тому времени большинство агинских бурят завело избы и дома, поставленные на зимниках и летниках, а войлочная юрта стала межсезонным жилищем¹¹³⁰. Другими словами, в структуре этой этнолокальной группы стало превалировать полуоседлое население.

Помимо упомянутого выше Агинского дацана, в Ведомстве был еще один центр буддизма – Цугольский дацан, имевший храмы, выстроенные из камня и дерева.

Неразвитость земледелия у агинских бурят обусловила небольшое число мукомольных мельниц (их было всего 5).

Зимники (*бууса, увэлжоон*), на которых жили отдельными семьями, отстояли друг от друга приблизительно на расстоянии 1–10 км. Напротив юрты с южной стороны ставили коновязь. К западу от юрты на расстоянии 30–50 м строили обширный загон, где хранились обнесенные забором зароды, имелась трехстенная стайка-навес для крупного рогатого скота и телят. Стенами такого навеса служили врытый в землю частокол или укрепленные плетни, по внешней стороне обложенные до самого верха пластами высушенного навоза; верхним перекрытием стайки были ряды жердей, сложенные на поперечные палки, и покрытые камышом и ветошью¹¹³¹. Рабочих лошадей и овец в ночное время держали под открытым небом в круглых загородках из жердей (размер такого ограждения зависел от размеров отары), также расположенных в границах загона. Во второй половине XIX в. эти хозяйственные постройки становятся достаточно

¹¹²⁹ ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3084. Л. 85.

¹¹³⁰ Ванчиков Б. Указ. соч. С. 37.

¹¹³¹ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 20.

типичным явлением для агинских бурят¹¹³². Вместе с тем необходимо отметить, что, согласно Н. А. Крюкову, кроме навеса и в редких случаях закрытого сарая-стойки, у большинства агинских бурят отсутствовали какие-либо специальные помещения для зимнего содержания скота¹¹³³.

Между юртой и загоном возводили небольшой срубной амбар для различных припасов. Амбарчики на колесах (*амбаар тэргэ*) использовались для хранения продуктов питания, предметов утвари, одежды и т. д. (Приложение В. Рис. 34). Они одинаково были удобны для эксплуатации в стационарных условиях и при перекочевке, и наглядно демонстрировали сохранение кочевых традиций у этих бурят.

В свете сказанного можно предполагать, что в изучаемое время дворы в стационарных поселениях агинских бурят еще не сложились.

Летники (*зуһалан, зуһалжан*), как правило, были местом поселения одного хотона, включавшего 4–20 семей, юрты которых были размещены на расстоянии 100–200 м и, как пишет Л. Л. Линховоин¹¹³⁴, в их расстановке не было определенного порядка. Приводимое этим автором описание летних поселений, вероятно, следует отнести к концу XIX – началу XX в., на эту мысль наводит его утверждение о проживании агинских бурят в летнее время в четырехстенных бревенчатых юртах, ощутимый количественный рост которых прослеживается по статистическим данным именно в эти годы. Некоторое представление об окружавшем летнее жилище пространстве дает следующий фрагмент из записок православного миссионера А. Малкова: «У иной юрты дворчик, огороженный плетнем из тальнику, или жерденичком; кой у кого сделана, маленькая поветка для прикрытия телят от зноя»¹¹³⁵. Можно заключить, что как такового двора на летнике у бурят Нижнего Приононья еще не было.

¹¹³² ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 110.

¹¹³³ Крюков Н. А. Указ. соч. С. 91.

¹¹³⁴ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 20.

¹¹³⁵ Малков А. Записки миссионера, священника Алексея Малкова за 1870 год // Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск, 1884. Т. 2: 1868–1872. С. 395.

Наиболее распространенными у агинских бурят были шести-восьмистенные войлочные юрты, причем, со слов наших информаторов, восьмистенные юрты преимущественно принадлежали состоятельным людям¹¹³⁶. Л. Л. Линховоин пишет о существовании у агинских бурят также семистенных юрт¹¹³⁷, что, скорее всего, было исключением. Достаточно редкими были случаи использования десяти-двенадцатистенных юрт, войлочные покрышки для которых специально заказывались монгольским мастерам кошмоваляния по причине отсутствия у бурят навыков изготовления кровельных войлоков таких размеров. Иногда покупалась у монголов целиком вся юрта, декоративно более изысканно украшенная, чем такая же, но выполненная руками бурятских дарханов. Речь здесь идет как об украшении войлочных покрышек и дверного полога, которым придавалась белизна по особой технологии, и способом аппликации орнаментировался низ их внешней стороны, так и о декоре деревянных двустворчатых дверей и несущих столбов *багана*, оформляемых полихромной росписью и резьбой.

В рукописном сочинении учителя У.-Ц. Онгодова, датируемым 1879–1880 гг., указывается, что агинские буряты для большей сохранности войлочных юрт специально возводили на 6–8 столбах навесы, крытые тесом или драницей¹¹³⁸, что, на наш взгляд, является приметой полукочевого быта, так как использование таких навесов, по всей видимости, было связано с зимним стационарным поселением. Круглогодичная эксплуатация этих юрт продолжалась, как и прежде, всеми категориями бурятского населения, но для малоимущих и частично людей среднего достатка они представляли единственное жилье, которое в условиях зимнего поселения нужно было беречь.

По информации Л. Л. Линховой, в прошлом агинские буряты входной проход в юрту просто закрывали войлочным покрывалом, позднее они начали дополнительно ставить деревянные двустворчатые двери, с 1910–

¹¹³⁶ ПМА. Лхасаранова Д.

¹¹³⁷ Линховоин Л. Л. Агын бурядуудай ёһо заншалнууд // Байгал. 1990. № 1. С. 118.

¹¹³⁸ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 109.

х гг. замененные навесными одностворчатыми дверями¹¹³⁹. Этим автором к названному периоду отнесено появление на смену войлочной крышке, закрывавшей светодымовое отверстие, комбинированной крышки, одна половина которой была сделана как деревянная застекленная рама, а другая имела войлочную основу с вырезом для вывода металлической трубы печи. В начале XX в., по данным В. Н. Жинкина и З. Т. Тагарова, наряду с обычной войлочной юртой у агинских бурят появились юрты с одним окном *хасабиша*, вставляемым в деревянную раму, закрепленную в проеме стенного войлока рядом с дверью¹¹⁴⁰. Другое небольшое окошко вставляли в вырез, сделанный на кровельной крышке *дээбэри*¹¹⁴¹. Еще одним новшеством во внутреннем устройстве войлочной юрты, впрочем, не получившим широкого распространения, было использование сколоченного из досок деревянного пола *шала*. К тому времени агинские буряты окончательно отошли от применения открытых очагов, состоявших из трех очажных камней, и пользовались закрытыми глиняными очагами с узкой цилиндрической трубой, еще редкими были случаи эксплуатации железных печей. Л. Л. Линховоин вспоминает, что в начале XX в. у агинских бурят стало практиковаться сооружение в юртах печек из плиточного камня, вскоре замененных кирпичными печками¹¹⁴².

Деревянные юрты типа *буряад гэр* обычно имели сруб, сложенный из плах или же распиленных надвое бревен, и были без окон, настланного пола и фундамента. Во второй половине XIX в. также получило распространение строительство четырехстенных деревянных юрт не только из бревен, но и из досок. Дощатые юрты (*зуһалэнэй гэр*) каркасно-столбовой конструкции были прямоугольные или квадратные в плане, с двускатной крышей, земляным полом, и в большинстве случаев с остекленными окнами. Очевидно, они представляют заимствованный у русских сарай, который был подвергнут

¹¹³⁹ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 20.

¹¹⁴⁰ Жинкин В. Н. Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочующих бурят Агинского аймака // Жизнь Бурятии. 1927. № 1–3. С. 55; ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 2384. Л. 5.

¹¹⁴¹ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 23.

¹¹⁴² Там же. С. 24.

определенной модификации. По традиции в нем домашний очаг размещался прямо по центру. Для вентиляции помещения делалась небольшая щель с северной стороны, и подобно войлочной юрте всегда имелся понизу стен открываемый просвет. Дымоход располагался на крыше, и представлял небольшой деревянный щит на шарнире¹¹⁴³. Из сказанного понятно, что устройство этой жилой постройки основывалось на тех же принципах, что и традиционная юрта, будь то срубная или войлочная: сакральным центром являлся очаг (печка), при этом светодымовое отверстие делалось посередине южного ската крыши, как и у срубной юрты *буряад гэр*. Дощатые юрты и упоминаемые У.-Ц. Онгодовым иные виды юрт, сложенные из коры или бересты, были жилищем бедняков.

Касательно домов, имевшихся у агинских бурят, этот автор пишет, что «<...> немногие состоятельные люди имеют деревянные дома, построенные на городской манер»¹¹⁴⁴. Согласно Л. Л. Линховоину, только с 1909–1910 гг. местные буряты стали возводить небольшие избы, площадью примерно 20 кв. м, чаще всего с земляным полом и с 2–3 окошками. По его сведениям, в Аге в это время было не более 20 настоящих домов¹¹⁴⁵. В данном случае автор, безусловно, ошибается, так как из выше приведенных официальных сведений из ежегодных отчетов Агинского ведомства за разные годы следует, что появление изб произошло намного раньше и количество их, несомненно, к 1910 г. было значительно больше. Вообще же история жительствова агинских бурят в избах, судя по летописи тайши Ш.-Н. Хобитуева, началась еще с 1790 г.¹¹⁴⁶. С другой стороны, Л. Л. Линховоин может быть и прав, утверждая о небольшом числе полноценных домовых строений, в пользу этого говорит его указание об отсутствии полов в большинстве изб. Как мы помним, такая традиция устойчиво присутствует у разных групп бурят, начиная со второй половины XVIII в.

¹¹⁴³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 2384. Л. 5.

¹¹⁴⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 110.

¹¹⁴⁵ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 25.

¹¹⁴⁶ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 247.

В изучаемое время избой у агинских бурят была однокамерная четырехстенка с двускатной крышей. Сруб складывался из стесанных с одной стороны круглых бревен, которые крепились в *замок*; для освещения помещения обычно вырубали проемы для пяти окон; ориентированный на юг вход закрывался одностворчатой навесной дверью. Для выравнивания под сруб подкладывали камни. По высоте дом был существенно выше бревенчатой юрты – его стены складывались из 15–16 венцов. Потолок и пол делали из толстых плах. Отличие бурятского дома от русского прототипа, по З. Т. Тагарову, заключалось в отсутствии у него сенцов и горниц, какого-либо декора на фронтонах и ставнях¹¹⁴⁷. По сути, заимствование домостроительного опыта русских сводилось к воспроизводству технологии возведения самой простой «белой» избы без каких-либо архитектурно-строительных излишеств; лишь значительно позднее, во второй половине XX в., действительно массовым и типичным стало возведение домов, украшаемых расписными и/или резными деталями фасада, наличников окон.

По мысли О. В. Бураевой, разница в степени обеспеченности домами и деревянными юртами, наблюдавшаяся в двух ведомствах (Хоринском и Агинском), этническим ядром в которых на протяжении XIX в. были хори-буряты, была вызвана занятием земледелием¹¹⁴⁸. Резонно все же предположить, что для агинских бурят причина этого кроется вовсе не в землепашестве, так как явной связи между этими двумя явлениями у них не прослеживается, а во влиянии иного рода факторов (например, переход их основной части к полукочевому образу жизни, примеры строительства таких жилищ родоначальниками и соседями – русскими переселенцами).

3.2. Внутреннее убранство жилища: традиции и инновации

На изменение внутреннего убранства жилища продолжали воздействовать следующие факторы: религиозные воззрения бурят;

¹¹⁴⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 2384. Л. 6.

¹¹⁴⁸ Бураева О. В. Указ. соч., 2005б. С. 198.

расширение приграничной и региональной торговли; рост межэтнических контактов с русскими; развитие ремесленного производства у бурят. Определенное значение имели географическое положение мест расселения бурят относительно городов Юго-Восточной Сибири, и их хозяйственный уклад.

Жилое пространство в традиционных типах жилищ, как и ранее, подразделялось на сакральную, почетную, хозяйственную и профанную сектора; такого же деления, но в доме, придерживались последователи шаманизма и буддизма, а вместе с ними и номинально принявшие крещение буряты. Буряты, следовавшие христианских убеждений, а это в основном были оседлые, прежде всего, те из них, кто жил в русской этнической среде, воспроизводили во многом внутреннее устройство русского дома.

Судя по источникам, убранство дома у многих бурят Предбайкалья сохраняло традиционность, его предметно-вещевой комплекс включал: деревянную мебель собственного производства и приобретенную (бурятская пара сундук и подставка с росписью или резьбой на лицевой стороне, русско-сибирские сундуки, с внешней стороны обитые жостью, посудные полки, столы, кровати, лавки, стулья и т. п.); домашнего изготовления предметы обстановки из кожи, войлока и мягких материалов (пошитые из кожи дорожные сумы *уута* и мешки *тулам*, *хушэгэ* – тканевый полог с пришивными серебряными монетами и раковиной каури, стенные занавесы *тэг* и камусовые коврики с подкладкой из сукна, одеяла из овчины¹¹⁴⁹, постельные войлоки и напольные меховые коврики¹¹⁵⁰). Утварь была преимущественно деревянная и берестяная (чайные чашки, корытца, кадушки, ступы, туеса, ведра и т. д.), и металлическая (железные ножи, чугунный кувшин *танха*, котлы, в том числе на треноге, и т. д.) (Приложение В. Рис. 35, 36, 37, 38). В доме хранили часть хозяйственного инвентаря (топоры, молотки и др.), предметы снаряжения охотника (пороховницы,

¹¹⁴⁹ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 189.

¹¹⁵⁰ ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 537. Л. 130.

ружья и др.) и коня (седла, подковы и пр.). Среди элементов данного комплекса были предметы локального распространения, малоизвестные в других субрегионах (меховой коврик (*хубсар*)¹¹⁵¹, крынка для жидкости (*табхансаг*), гобелен из конского волоса (*таар*), чашка (*тузрага*), кадушка с носиком (*ижбаан*) и т. д.). В плане жилища (юрты и дома) во входной его части имелось отгороженное место для приплода рогатого скота.

Помимо традиционных предметов, в убранстве жилища простых бурят оказывались некоторые элементы русской культуры (например, столовая посуда¹¹⁵² (солонки, чайные пары, керамические и «муравленные» чашки)¹¹⁵³). В доме зажиточного бурята встречались более дорогие вещи, купленные в городе. Проиллюстрировать сказанное можно описью утвари Далгея Бальшхоева: «<...> две фарфоровые полоскательные чашки цветные с позолотою по краям, стоящие 2 руб., две конфетные тарелки цветные и с позолотой 1 руб. 26 коп., три чайные чашки парных с блюдцами, фарфоровых цветных и с позолотою по краям 1 руб. 30 коп., хрустальных два стакана – шлифованных и один простой 80 коп., рюмка хрустальная – шлифованная небольшого размера 25 коп., одна бутылка зеленого стекла и графин 55 коп.»¹¹⁵⁴. На рубеже XIX–XX вв. у бурят субрегиона появляются первые образцы эмалированной посуды¹¹⁵⁵.

Бурятские мастера изготавливали на заказ некоторые предметы городской и русской традиционной мебели (украшенные резьбой деревянные диваны *санфа*, стулья, кровати, лавки и др.), пользовавшиеся популярностью у бурят Предбайкалья.

Живя в контактной зоне с русскими старожилами и переселенцами, а также другими группами пришлого населения, предбайкальские буряты сильнее других бурят подвергались инокультурному воздействию, которое сказывалось и на внутреннем убранстве жилища.

¹¹⁵¹ Бадмаев А. А. Указ. соч., 2005.

¹¹⁵² ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 537. Л. 126.

¹¹⁵³ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 170. Л. 34 об.; ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 59–61.

¹¹⁵⁴ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 90–90 об.

¹¹⁵⁵ Термен А. И. Указ. соч. С. 93.

Хранившийся в доме рабочий инвентарь был связан с хозяйственной деятельностью бурят, в частности, с их занятиями земледелием и сенокосением¹¹⁵⁶.

Буряты субрегиона представляли собой преимущественно православное население, которому при всем том было присуще двоеверие, реже троеверие; типичным было одновременное нахождение в их жилище христианской (иконы в ризе) и шаманской (изображений онгонов) атрибутики, у аларских бурят к этим предметам религиозного поклонения относились еще и буддийские культовые вещи, располагаемые в божнице.

Хотя многие прибайкальские буряты были окрещены, влияние шаманов на них было достаточно сильным, вследствие этого их мировоззрение несло печать двоеверия. В оформлении жилища имелись специфические черты, обусловленные тем обстоятельством, что одним из основных занятий у них было рыболовство. Подобно бурятам Предбайкалья они включали в интерьер жилища предметы из русского быта (Приложение В. Рис. 39), прежде всего, посуду; например, среди похищенного у кударинской бурятки Парасковьи Печкиной значились «три глиняные тарелки, стоящие один рубль, семь вилок, стоящие 70 коп. и две хрустальные рюмки, стоящие 60 коп.»¹¹⁵⁷.

Внутреннее убранство жилища у бурят Восточного Присаянья передавало занятие ими скотоводством, охотой, земледелием и др. (Приложение В. Рис. 40, 41). Например, в юртах охотников на стенах слева от входа вешали связки шкур пушных зверьков, охотничьи амуницию и оружие (Приложение В. Рис. 42). Интерьер жилища у зажиточных бурят в целом сохранял традиционный характер (Приложение В. Рис. 43), но в него был включен ряд привозных вещей: импортированные из Китая низкий обеденный столик и чайные чашки; русские самовар, чайник, сундук, имевший обивку жестью, перина и набитая перьями подушка; предметы

¹¹⁵⁶ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 59–61.

¹¹⁵⁷ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1273. Л. 27.

религиозного культа (буддийского и христианского) и т. п. Наряду с набором бурятской мебели, в убранство дома иногда входили деревянный диван и обеденный стол, элементы русско-городского интерьера.

Во внутренней обстановке юрты бедняка почти отсутствовала мебель, за исключением грубых нар с накинутым на них войлоком, служившим хозяйской семье постелью, скромно оформленного киота и пары сундуков с нехитрым скарбом. Утварь из бересты, дерева и кожи, как правило, старая раскладывалась на подвесной полке или лежала сложенная на земляном полу. Ее основу составляли: самогонный аппарат, частью которого являлся чугунный котел на треноге; маслобойка (Приложение В. Рис. 44, 45). Обязательно имелись в быту чаерезка и мешочек для хранения зеленого чая (Приложение В. Рис. 46, 47). Быт такого бурята был консервативен и в предметно-вещевом комплексе его жилища было много вещей из кожи и меха (мешки различных размеров, дорожные сумы, седушки, настенные коврики из конского камуса и др.).

Локальные особенности интерьера жилища обуславливали неизвестные в других субрегионах предметы – кожаный мешок *туенсэг*, деревянная мешалка для котла *пилуур* и т. п. Общими с бурятами Предбайкалья были такие элементы обстановки, как переметная сума *богсо уута*, корыто для просеивания муки *сээлинсэ* (Приложение В. Рис. 48, 49), напольный меховой коврик, лукошко *бортого* и т. д.¹¹⁵⁸ (Приложение В. Рис. 50, 51, 52, 53).

Как и предбайкальские буряты, Присаянские делились по религиозной принадлежности на буддистов, православных христиан и шаманистов. При этом подавляющая часть крещенных бурят на деле оставалась буддистами и шаманистами, и в их жилище обнаруживалась культовая атрибутика, относимая к разным вероисповеданиям (Приложение В. Рис. 54).

Отдельные представители элитарной группы бурят Тунки, получившие русское образование, создавали в доме почти европейскую обстановку¹¹⁵⁹.

¹¹⁵⁸ Бадмаев А. А. Указ. соч., 2005. С. 118.

¹¹⁵⁹ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 223–224.

В убранстве жилища большинства бурят Западного Забайкалья, буддистов по вере, сакральную функцию выполнял росписной киот, вмещавший буддийские культовые вещи (Приложение В. Рис. 55, 56, 57). Помимо него, в предметно-вещевом комплексе жилища были представлены: деревянная мебель (детские колыбели, шкатулки для женских украшений и иных ценностей, сундуки на подставке (Приложение В. Рис. 58, 59), невысокие кровати сборной конструкции или фиксированные к стене нары, низкие столики и буфеты); посуда (деревянные и металлические чайники, котлы, чайные чашки, бочарной сборки ведра, маслобойки, кадушки, деревянные ступки, сосуды из копченной кожи и др.) (Приложение В. Рис. 60, 61, 62), которой было зачастую заставлено полпомещения¹¹⁶⁰; предназначенные для сна или в качестве напольного покрытия войлоки, хозяйственный инвентарь и убранство коня (Приложение В. Рис. 63, 64, 65). Для примера, у селенгинского бурята Дансорона Букуева в доме хранились: посуда (чайные чашки, чаши и кувшины из металла, кувшины *танха*); используемые в хозяйстве предметы (конские седло и сбруя, деревянная лопата, бочка, веревки, топоры для плотницких и столярных работ)¹¹⁶¹. Понятно, что интерьер жилища целиком зависел от обеспеченности семьи.

Буряты Западного Забайкалья стремились во внутренней обстановке дома воспроизвести традиционную планировку юрты. Данное явление отмечается Г. М. Осокиным: «Внутреннее устройство и размещение избы вполне сходно с таковыми же обыкновенной бурятской юрты»¹¹⁶². Буряты воссоздавали в доме план юрты иногда механически, иногда подстраивая под себя действующую русскую традицию: это видно на примере буддийского киота, который одни буряты ставили в «красный» угол, там, где по православной традиции должны находиться Святые образа, другие, строго следуя обычаям, — посредине противоположной ко входу стены. Полуоседлый образ жизни, к которому переходило все больше бурят

¹¹⁶⁰ Кириллов Н. В. Указ. соч. С. 87.

¹¹⁶¹ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3064. Л. 7.

¹¹⁶² Осокин Г. М. Указ. соч. С. 183.

субрегиона, способствовал более широкой представленности деревянной мебели в интерьере их жилища.

Зажиточные буряты были больше, чем другие, открыты инокультурному влиянию. Продемонстрировать это можно на примере приобретения ими образцов мебели русского аграрного населения: «<...> обзаводятся столами, скамьями и стульями, по образцу крестьянских»¹¹⁶³. Как выясняется, так они поступали ради удобства русских гостей¹¹⁶⁴. Заметим, что такая мебель заказывалась бурятским мастерам¹¹⁶⁵. Отдельные представители управленческой элиты вносили в план дома черты и европейского, и бурятского жилья: часть помещения они отводили под обставленные городской мебелью гостиную и кабинет, а часть – под бурятскую мебель и буддийскую атрибутику¹¹⁶⁶. Состоятельные люди стали спать на перьевой подушке, подголовник *дэрэ*, утратив основное утилитарное назначение, сохранялся как дань традиции.

Перейдя к жизни в избе, буряты субрегиона в гигиенических целях посуду складывали на деревянные полки и лавки. В их домашнюю утварь попали образцы покупной посуды (к примеру, А. И. Термен утверждает о популярности среди бурят Забайкалья эмалированной посуды¹¹⁶⁷). Кроме этого, во внутреннем убранстве дома у некоторых бурят появились декоративные вещи (различные вазочки, искусственные цветы и т. п.¹¹⁶⁸); данное обстоятельство говорит об их подражательстве эстетическим запросам городских жителей. Между тем были и обратные примеры рецепции русским населением отдельных видов бурятской утвари (в частности, кадушки *торхо*)¹¹⁶⁹.

Буряты Нижнего Приононья держались членения жилого пространства на четыре функциональные зоны, и, согласно нему, располагали предметы в

¹¹⁶³ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 183.

¹¹⁶⁴ Там же. С. 184.

¹¹⁶⁵ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 48.

¹¹⁶⁶ Аксенова Л. В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145. № 2. С. 739.

¹¹⁶⁷ Термен А. И. Указ. соч. С. 93.

¹¹⁶⁸ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 46–47.

¹¹⁶⁹ Петерсон Н. Указ. соч. С. 220.

юрте. В отличие от большинства территориальных групп бурят, они были меньше подвержены влиянию русской культуры, что выразилось в консервативном облике обстановки их жилища. Набор буддийской атрибутики, комплекс деревянной мебели, утварь и другие бытовые предметы мало изменились с предшествующего времени. Значительная часть домашних вещей производилась агинскими ремесленниками и самими бурятами¹¹⁷⁰, остальное привозилось китайскими и другими торговцами. Много общего имелось во внутреннем устройстве юрты у бурят Нижнего Приононья и Западного Забайкалья.

3.3. Трансформирование системы питания

Предбайкалье

В течение второй половины XIX в. под воздействием разных факторов менялась структура стада у всех территориальных групп бурят Предбайкалья. Его основу составляли традиционно-бурятские виды скота, но с ростом земледелия и увеличением числа оседлых бурят получило некоторое развитие свиноводство. Кроме того, у такой территориальной группы, как балаганские буряты, имелись верблюды, необходимые для перевозки грузов. В отличие от других бурят субрегиона, нижеудинские буряты не разводили коз. Показательно, что бедняки у них держали только «одну корову и одного коня»¹¹⁷¹.

Условно можно выделить два варианта структуры стада у бурят Предбайкалья: в первом – был высокий удельный вес овец (свыше 40 % поголовья); во втором – высокая доля крупного рогатого скота (свыше 40 % поголовья). Первый вариант встречался у балаганских и аларских бурят, второй – у кудинских, верхоленских и нижеудинских бурят. Такая вариативность в составе стада наложила определенный отпечаток на систему питания каждой из территориальных групп бурят Предбайкалья.

¹¹⁷⁰ Бадмаев А. А. Указ. соч., 1997. С. 68–72.

¹¹⁷¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 50. Л. 27.

Молочные продукты производили главным образом из коровьего молока. В территориальных группах, у которых ядро стада представлял мелкий рогатый скот, сохранялась традиция смешивания коровьего молока с овечьим и козьим. Предбайкальские буряты потребляли только кипяченое молоко, добавляя его в чай и некоторые блюда. Свежее молоко обычно сразу перерабатывали в кисломолочные и иные производные продукты. Между тем появилась новация в его хранении: зимой цельное молоко стали замораживать в специальной посуде. Заморозке также подвергали молочные пенки¹¹⁷². Данный способ хранения буряты переняли у русских.

Молочная продукция оставалась традиционной: топленое масло, творожистые сырки, творожистая масса *аарса*, пенки, кисломолочные напитки (простокваша, *хоймог*) и др. Разнообразие блюд достигалось миксацией молочных продуктов. В то же время пенки, масло и сметана служили субстратами ряда блюд, приготовляемых из муки или зерна. Меньше смешивали молочные изделия с дикоросами и мясной снедью.

При приготовлении простокваши *тараг* вместо закваски в кипяченое молоко подсыпали хлебную крошку и опускали изделия из серебра¹¹⁷³. Большинству бурят Предбайкалья не были известны технологии изготовления мягких пресных сыров и кумыса.

Во второй половине столетия молочное вино, получаемое из сквашенного молока крупного рогатого скота, все более вытеснялось хлебным тарасуном (*дархан*), а в конце века с разрешением открывать питейные заведения в бурятских ведомствах буряты стали потреблять еще и пшеничную водку. Современники констатировали, что бурятами в «Иркутской губернии помимо большого количества тарасуна, выпивается большое количество водки»¹¹⁷⁴.

Буряты Предбайкалья переняли у русских рецепты приготовления творога, который употребляли, приправив сливками или сметаной.

¹¹⁷² Хангалов М. Н. Указ. соч., 1958. С. 232.

¹¹⁷³ Там же. С. 232–233.

¹¹⁷⁴ Термен А. И. Указ. соч. С. 93.

Твердые молочные продукты хранили по старинке в берестяной посуде, напитки – в деревянной утвари бочарной сборки. В охотничьей среде транслировался архаичный обычай питья чая и воды из берестяных чашек¹¹⁷⁵. С распространением покупной русской посуды молочные изделия стали хранить и в ней.

Буряты кушали мясо домашних (лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи) и диких (медведя, лося, изюбря, косули, кабана, дикой козы, барсука, зайца, белки) животных, а также домашних (курицы и утки) и диких (утки, гуся, глухаря, тетерева и рябчика) птиц. Ведущее место в их мясном рационе занимала конина, более скромное – говядина и баранина. Объяснялось это тем, что говядину и баранину, имевших товарное значение, в основном продавали городскому населению.

Заметное влияние на систему питания оказывали: периодически вспыхивавшие чумные эпизоотии крупного рогатого скота; падение урожайности зерновых культур¹¹⁷⁶. Следствием действия этих факторов являлось временное увеличение потребления мяса. Современники отмечали небезопасные для здоровья попытки бурят использовать в пищу зараженную говядину, которую отварив, предлагали старикам, а убедившись в том, что это заканчивается лишь расстройством желудка и вздутием, кушали ее и другие члены семьи¹¹⁷⁷.

Мясо свиньи, курицы и утки употребляли в тех семьях, кто держал таких животных. Безусловно, включение данных видов мяса в пищу бурят было следствием восприятия культурной традиции русских. Массовое разведение свиней у бурят Предбайкалья произошло после 1887 г., когда наступил длительный период урожайных годов, подстегнувший домашнее производство хлебного тарасуна, побочным продуктом которого была барда, служившая кормом для свиней¹¹⁷⁸.

¹¹⁷⁵ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 50. Л. 40.

¹¹⁷⁶ Асалханов И. А. Указ. соч., 1963. С. 72–73; Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 94, 97, 98–100.

¹¹⁷⁷ ОРКБ ИГУ. Инв. 472. Л. 8–8 об.

¹¹⁷⁸ Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 124.

Престижными рассматривались вареная жеребятина, вяленая конина, а так же отдельные куски отварной баранины на кости, что представляло как минимум общепобурятскую традицию. У предбайкальских бурят были общие с бурятами других субрегионов рецепты приготовления вареных колбас *харма* и *голгой* (Приложение Г. 2).

Традиционным являлось жарение на вертеле мяса и печени, обернутой нутряным жиром животных. Научились готовить в чугунной сковороде мясо и другие производные из него продукты.

Соблюдались в шаманских обрядах требования, предъявляемые к жертвенному животному, которое должно было соответствовать определенным данным (половозрастному признаку, окрасу шерсти). Также блюдились правила свежевания, приготовления и распределения обрядового мяса.

Установленные православной церковью запреты на употребление конины предбайкальские буряты не воспринимали как весьма обязательные. Несмотря на их поголовную христианизацию в конце XIX в., потребление конины ничуть не уменьшилось. К слову сказать, большинство из них не соблюдали также православные посты (об этом свидетельствует пример аларских бурят, приводимый в дневниковых записях Ц. Ж. Жамцарано¹¹⁷⁹).

Мясной запас держали в леднике, оборудованном в пристрое к жилью, или представлявшем отдельно стоящее небольшое срубное сооружение с дверцами. На промысле охотники для этого использовали берестяные корзины *хунсаг*.

Мясо диких животных у большинства бурят субрегиона в систему питания практически не включалось, но у тех, кто занимался охотой, оно входило в пищу. Здесь стоит упомянуть нижнеудинских бурят, у которых в изучаемое время роль присваивающих видов хозяйства (охоты и рыболовства) была высока. Как пишет М. Н. Хангалов: «<...> скотоводство и хлебопашество служит подспорьем звероловству и рыболовству. Они скот

¹¹⁷⁹ Жамцарано Ц. Ж. Указ. соч. С. 27.

колят на мясо исключительно в такое время, когда худо ловятся звери и рыба»¹¹⁸⁰. В отличие от других предбайкальских бурят, они в теплое время года не кушали мясо домашних животных, а питались мясом добытых диких животных и рыбы.

Хлебно-зерновые культуры в системе питания бурят Предбайкалья, за исключением унгинских бурят, играли важную роль. Во второй половине XIX в. спектр возделываемых злаков оставался прежним (просо, пшеница, ячмень, рожь, гречиха, овес). В повседневную пищу входили продукты, полученные из таких зерновых культур как пшеница и рожь, реже просо и гречиха. Особенно ценилась пшеница и приготовляемые из нее блюда и снедь. Анализ архивных материалов свидетельствует о разнице в размерах оставляемого на собственное продовольствие хлебного зерна у разных территориальных групп бурят субрегиона: например, годовая норма потребления хлебного зерна на человека у аларских бурят в 1870 г. равнялась примерно 169,2 кг, а в 1877 г. – 155 кг; между тем в 1875 г. у кудинских бурят она составляла всего 132,1 кг.

Хлебно-зерновые продукты в рационе предбайкальских бурят присутствовали в течение всего календарного года. Традиционными были супы и каши, которые готовили из целого и каленного зерна. Муку использовали пшеничную и ржаную (Приложение В. Рис. 66). У иркутских домохозяек была популярна бурятская пшеница, которую предпочитали русской; мука из нее отличалась своей белизной, и тесто получалось особенно тягучим¹¹⁸¹. Из ржаной муки варили саламат и пекли зольные пресные лепешки. В кулинарию бурят Предбайкалья попали русские рецепты ковриг, булок, калачей, шанег, а также производства сухарей. Некоторое распространение получил мясной суп с лапшой, известный у бурят Забайкалья.

¹¹⁸⁰ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

¹¹⁸¹ Раев А. Указ. соч. С. 30.

Во время короткого сибирского лета бурятские женщины и дети заготавливали на зиму съедобные корни растений, плоды и ягоды. При этом собирались в основном дикоросы из степной флоры. Традиционным было потребление зелени (дикие лук и чеснок) в сыром и сушеном (суповая заправка) видах, луковиц красной лилии и гусиной лапчатки (ингредиентов молочных блюд). Был перенят русский опыт засаливания зелени в кадушке.

В таежной зоне собирали ягоды земляники, черной смородины, брусники, черники, голубицы и плоды черемухи, боярышника, дикой яблони. Их потребляли в свежем виде, зачастую смешивая с молочными изделиями, по старинке сушили впрок. Были восприняты частью бурят русские рецепты приготовления варенья.

Во второй половине XIX в. огородничество еще не получило развитие у всех территориальных групп бурят субрегиона; огороды содержали оседлые буряты (например, огурцы сажали на полях представители Сойгутского рода и боханские буряты¹¹⁸²) и отдельные состоятельные люди из числа полуоседлых бурят, более других воспринявшие русскую хозяйственно-бытовую культуру¹¹⁸³. Капусту заквашивали, другие овощи ели в свежем виде или добавив в овощной суп. Во время гостевых трапез у них на столе были квашеная капуста и соленые огурцы¹¹⁸⁴.

Вторым хлебом для бурят субрегиона стал картофель, его главным образом растили на грядках. По данным Д. М. Маншеева, в период 1853–1879 гг. его ежегодное душевое потребление у аларских бурят в среднем колебалось в пределах 17,92–25,6 кг¹¹⁸⁵. Однако наши подсчеты показывают, что, например, в 1870 г. этот показатель у них едва дотягивал до 8,8 кг, а в следующем 1871 г. он опустился до 7,5 кг. У некоторых других бурят субрегиона с этим обстояло еще хуже: у кудинских бурят годовая душевая

¹¹⁸² Кулаков П. Е., Молодых И. А. Указ. соч. С. 61.

¹¹⁸³ Там же. С. 60.

¹¹⁸⁴ Термен А. И. Указ. соч. С. 93.

¹¹⁸⁵ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 151.

норма потребления картофеля в 1879 г. была 4,5 кг, а в 1888 г. – 3,4 кг. Картофель обычно кушали в печеном или отваренном виде.

Современные исследования показывают, что в рассматриваемое время рыболовство в той или иной степени было характерно разным территориальным группам бурят Предбайкалья, причем, к концу столетия у некоторых из них (у балаганских и верхоленских бурят) этот промысел сходит на нет¹¹⁸⁶. В зависимости от природных условий рыбная ловля получила местную специфику: у аларских бурят она носила форму озерного рыболовства, а подледный лов (сига, окуня, щуки и др.) имел место у идинских бурят¹¹⁸⁷. Рыбным промыслом занимались также буряты Алагуевского рода Кудинского ведомства, которые в теплое время года промышляли в верховьях Ангары (скажем, по данным Кудинской степной думы за 1887 г., таких было 54 чел.¹¹⁸⁸), но, как пишет Ц. Ж. Жамцарано, при этом улов продавали горожанам, а сами питались мясом домашнего скота¹¹⁸⁹.

Ловили речную и озерную рыбу (тайменя, ленка, щуку, сига, омуля, хариуса, налима, окуня, карася, ельца, ерша, язь и сорогу). Выловленную рыбу в основном использовали в пищу, ее потребляли в вареном, соленом, копченом виде, а также начиняя ею пироги и варя уху. В целом, она не занимала серьезное место в структуре питания предбайкальских бурят. В этом можно убедиться на примере аларских бурят: анализ архивных материалов¹¹⁹⁰ показывает, что в 1854 г. в среднем на каждого бурята Аларского ведомства приходилось около 0,5 кг рыбы, а на представителя локального сообщества, проживавшего на р. Ирети и занимавшегося, помимо прочего, рыболовством, – 2 кг. Рыба по шкале престижности занимала в питании большинства бурят Предбайкалья одно из последних мест.

¹¹⁸⁶ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 181

¹¹⁸⁷ Раев А. Указ. соч. С. 39.

¹¹⁸⁸ ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3096. Л. 37 об.

¹¹⁸⁹ Жамцарано Ц. Ж. Указ. соч. С. 53.

¹¹⁹⁰ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 182. Л. 2.

Сохраняли свою силу запреты на употребление рыбы беременными женщинами, считалось, что «от едяния рыбы ребенок не будет долго говорить»¹¹⁹¹.

Обрядовая пища сохраняла свою традиционность и была представлена молочными (молоко, молочная водка, простокваша), мясными (жареная и отварная баранина, отварная конина) и хлебно-зерновыми продуктами (саламат). В то же время отмечается попадание в нее некоторых продуктов из русской кухни (оладьи, пшеничная водка).

Прибайкалье

Изменения в структуре домашнего стада и его поголовья у ольхонских бурят косвенно отражались на их повседневном питании: товарное значение местной говядины и баранины росло на рынках Предбайкалья, стимулируя увеличение как доли в стаде, так и самой численности крупного рогатого скота и овец; отсюда в их мясной пище возрастало значение указанных выше видов мясного сырья. С уменьшением в их стаде лошадей в будничной пище сократилось употребление конины, при этом отварная конина сохранялась в ритуальных и гостевых трапезах.

В домашнем стаде кударинских бурят овец было относительно немного, более того, наблюдалась тенденция заметного падения их доли в структуре стада (в 1889 г. они составляли лишь 18,8 % поголовья домашнего скота); по этой причине в питании кударинских бурят из домашнего мяса в основном была представлена говядина (в упомянутом году удельный вес крупного рогатого скота в стаде достигал 56,5 %). Удельный вес овец в стаде баргузинских бурят был выше, чем такой показатель у кударинцев, в то же время он был заметно ниже доли, приходящейся в их стаде на крупный рогатый скот. Отсюда в их мясной пище так же как и у кударинских бурят доминировала говядина. Среди потребляемого мяса конина занимала второе

¹¹⁹¹ Копылов В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северо-байкальских бурят шаманистов // Труды православных миссий Иркутской епархии. Т. 4: 1878–1883. Иркутск, 1886. С. 550–580.

место у обеих названных групп бурят Прибайкалья: они продолжали включать ее в ритуальную и повседневную пищу. Отварная и жаренная баранина также сохраняла значение как жертвенное мясо, как часть гостевого и праздничного угощения. В середине столетия оседлые кударинцы завели небольшое число свиней, и их стол пополнился снедью и блюдами, приготовляемыми из свинины.

Специфичным для баргузинских бурят было то, что они не только варили суп из внутренностей животных, как и другие буряты, но и жарили их; рецепт приготовления кровяной колбасы у них также был оригинален.

Дикое мясо в питании ольхонских бурят было представлено в большей степени, чем у кударинских бурят, объяснялось это тем, что занятие охотой, в том числе такого специфического, как промысел нерпы на Байкале, оставалось у них одним из главных. Отметим, что сезонной охотой занимались только буряты Приольхонья, имевшие доступные промысловые угодья по Прибайкальскому хребту и побережью, островитяне же из-за истощения местной фауны практически отошли от добычи лесного зверя и птицы.

Локальную специфику имело потребление ольхонскими бурятами мяса нерпы. Оно употреблялось в пищу в отваренном состоянии, причем, наиболее деликатесными считались лапы этого животного. Ценился растопленный нерпичий жир, на котором готовился саламат, кроме того, его засаливали на зиму¹¹⁹².

Мясо диких гусей входило в питание семей охотников в сезон промысла на них (осенью, реже весной).

Субрегиональная особенность питания прибайкальских бурят проявлялась в значимости в нем пищи из рыбы. Добытая рыба (омуль, хариус, ленок, окунь, щука, таймень, плотва, карась, язь и др.) большей частью поставлялась на продажу в города (Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск) и другие населенные пункты региона. Практика мены

¹¹⁹² Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2000. С. 121.

уловленной рыбы на хлебное зерно и муку сохранялась у ольхонских бурят, такие обменные отношения поддерживались ими, в частности, с жителями Восточного Прибайкалья: «Весной они сбывают за морем рыбу, выменивая на хлеб, который на Ольхоне мало родится, по причине каменистой и холодной почвы»¹¹⁹³. Осенью кударинские буряты привозили часть улова в Верхнеудинск или близлежащие русские поселения, и обменивали у крестьян обращали ее на зерно и др. продукты. Собственно такая практика была характерна и для баргузинских бурят, занятых рыболовством.

Из оставленной на продовольствие рыбы готовились разные блюда, при этом применялись такие пищевые технологии обработки, как варка, запекание на углях, жарение на рожне, соление в кедровых бочках (омуля), фаршировка (щуки), горячее и холодное копчение (омуля), квашение (приготовление т. н. омуля с душком).

В питании ольхонских бурят зерново-хлебные продукты уступали по значимости продуктам скотоводческого происхождения. Зерновой хлеб попадал к ним в обмен на производимые в хозяйстве изделия, а также на мясо и рыбу. Приходилось продавать и закупать. Если в конце столетия часть кударинских и баргузинских бурят научилась выпекать собственный хлеб, то ольхонские буряты не владели такой технологией.

Помимо основного напитка, зеленого чая с молоком, ольхонские буряты сохраняли рецепты чая из сбора трав и плодов (к примеру, шиповника)¹¹⁹⁴.

В отличие от Ольхонских, кударинские и баргузинские буряты больше внимания уделяли картофелеводству, но удельный вес картофеля в их пище был невелик и весь урожай шел на собственное продовольствие. Из картофеля буряты Прибайкалья готовили некоторые простые блюда (суп из творожистой массы и картофеля, отварную и печеную картошку).

¹¹⁹³ Мелетий. Указ. соч. С. 463.

¹¹⁹⁴ Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2001. С. 94.

Состав обрядовой пищи оставался прежним и включал молочные (молоко, кисломолочный *хурэнгэ*, молочная водка, сушеные сырки, масло), хлебно-зерновые (зерно, саламат), мясные (конина, баранина) и рыбные продукты.

Велика была роль природного фактора для хозяйства бурят Прибайкалья. Так, в 1859–1875 гг. из-за летних засух и зимних снегопадов у баргузинских бурят заметно сократилось поголовье рогатого скота, прежде всего овец. В конце века в структуре их стада превалировал крупный рогатый скот¹¹⁹⁵. Чувствительные последствия для питания кударинских бурят имели землетрясение 1862 г. и эпизоотия скота в 1870 г., 1883–1884 гг., которые существенно сократили стадо и посевные площади под зерновые культуры, что, в свою очередь, ударило по потреблению мяса, молока и хлеба. Уменьшение мяса в рационе питания приводило к возрастанию значения рыбы в их повседневной пище.

Восточное Присяянье

Специфичной чертой молочного стада бурят Восточного Присяянья (Горной Оки и Закамны) было включение в него, наряду с коровой монгольской породы, самок *сарлыка*, саянского яка, и *хайныка*, потомства от яка и коровы-«монголки». Кроме того, некоторые семьи владели дойными кобылицами, оленями и овцами. При приготовлении пищи присаянские буряты применяли миксацию молока. Например, буряты Закамны получали закваску для кисломолочного напитка не только из кобыльего или коровьего молока, но и ячьего, и овечьего¹¹⁹⁶.

В молочной кухне присаянских бурят имелась некоторая специфика. Так, топленое масло они вытапливали из кислых пенек¹¹⁹⁷. Если в основе производства сливочного масла (*айрагай тоһон*) у большинства бурят лежало пахтанье жидких молочных продуктов, то присаянские буряты его

¹¹⁹⁵ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 115–116.

¹¹⁹⁶ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 77.

¹¹⁹⁷ Нацов Г.-Д. Указ. соч. С. 24.

делали путем сбивания кислых сливок из отстоянного молока. Они производили творожные сырки не только из коровьего молока, но и из молока самки яка и овцы (Приложение Г. 1). В их традиции изготовления мягкого сыра *биһалаг* отмечаются локальные различия в использовании сырья: тункинские и закаменские буряты обычно готовили сыр из коровьего молока, а Окинские – из молока оленухи и самки яка. Последние заимствовали у сойотов и другой оригинальный способ получения сыра¹¹⁹⁸.

Общим с другими бурятами было частое использование творожистой массы *аарса* в качестве одного из ингредиентов жидких блюд. Можно упомянуть суп, сваренный из зерна (обычно из ячменя¹¹⁹⁹) и аарса, или кашу, ингредиентами которой были разбавленная водой творожистая масса, молоко и ржаная мука¹²⁰⁰. Также в качестве добавки при приготовлении каши *замбаа* или чая *зутараан сай* использовали творожные сырки (Приложение Г. 2).

Молочное вино и водку они производили из заквашенной пахты. С конца XIX в. начали потреблять русскую пшеничную водку.

Для хранения молочных продуктов (сметаны, топленого масла) использовались очищенные и высушенные желудок и кишки домашних животных.

Присяянские буряты употребляли в пищу мясо крупного (в том числе яка и хайныка) (Приложение В. Рис. 67) и мелкого рогатого скота, лошади, а также диких животных (белки, зайца, кабана, горной козы, косули, изюбря, лося, медведя). Буряты сами не потребляли убитую птицу (глухарей и рябчиков), а обычно обменивали ее у русских на продовольствие (чай и соль)¹²⁰¹. Оседлые тункинские буряты включали в питание свинину. Между тем в связи с бытовавшим предубеждением к курам и свиньям большинство бурят субрегиона курятину и свинину не кушали. По сведениям Н. М. Астырева, данное пищевое избегание имело прагматическое основание: по

¹¹⁹⁸ Бадмаев А. А., Маншеев Д. М. Традиционная молочная пища присаянских бурят // Межкультурное взаимодействие народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 2004. С. 32.

¹¹⁹⁹ ПМА. Ихинеев Л. Н.

¹²⁰⁰ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 245.

¹²⁰¹ Дуброва Я. П. Указ. соч., 1884. С. 37.

мнению бурят, помет упомянутых животных портил унавоженные покосы¹²⁰².

Невозможность сохранения в теплое время года больших запасов мяса обуславливала у них сезонное падение потребления конины и говядины. Тогда в основном питались бараниной и мясом небольших парнокопытных (кабарги, горной козы и косули). Оставленную прозапас филейную часть баранины жарили в собственном жиру, и хранили в берестяном туесе или в подготовленном для этого бычьим мочевом пузыре или бараньим желудке. Иногда ее помещали в кожаный мешок, который подвешивали в темном и проветриваемом помещении, в таком месте хранили развешанные на гвоздях крупные части туши и нарезанное лентой вяленое мясо (Приложение В. Рис. 68). Необходимо подчеркнуть, что способы превращения мяса в полуфабрикат у бурят субрегиона были едины: вяление, копчение, жарка. В конце столетия тункинские буряты стали хранить мясо в искусственных ледниках.

В рассматриваемое время буряты субрегиона, вероятно, еще не отказались от потребления мяса павших животных, косвенное подтверждение тому находим в записках православных миссионеров, которые, в частности, сообщают: «Главнейшим затруднением к принятию христианства выставлялось (закаменскими бурятами – А. Б.) то, что оно запрещает принимать в пищу удушенную и вообще падшую скотину»¹²⁰³.

К самобытным кушаньям относился мясной суп *мэхээртэй шулэн* с придающим ему приятную горчинку горцем живородящим, мясной суп *хуухэ* с зерном и горцем (Приложение Г. 2). У них был известен особый способ приготовления кровяной колбасы из толстой бараньей кишки (*голгой*). Рецепты некоторых блюд у части этих бурят, особенно занимавшихся охотничьим промыслом, предусматривали замену мяса домашних животных дичью. Для примера, фарш для паровых пельменей

¹²⁰² Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 204.

¹²⁰³ Альбицкий Ф. Записки Забайкальского миссионера священника Ф. Альбицкого // ИЕВ. 1866. № 10. С. 137.

бууза готовился из изюбратины. Почти полное замещение мяса домашних животных дичиной отмечалось в питании малоимущих бурят, проживавших в горно-таежной зоне и вынужденных заниматься мясной охотой¹²⁰⁴.

В Восточном Присаянье земледелие получило преимущественное развитие в Тункинской долине, благоприятными для развития данной отрасли были также низины Закамны. При этом тункинские буряты культивировали пшеницу, рожь и ячмень, а закаменские – овес, ячмень, в небольшом количестве яровую пшеницу¹²⁰⁵. Особо ценилась пшеница, но доступными, соответственно, более представленными в питании были рожь и ячмень.

Злаковые традиционно входили в питание бурят субрегиона. В их кухне можно назвать ряд блюд, при приготовлении которых использовалось хлебное зерно и производные из него продукты: суп *хуихэ*, суп с лапшой, лепешки «золянки», каша *аагһа замбаа*. Между тем в изучаемый период из русской кулинарии были заимствованы рецепты шаньги и каравая. Усиление культурного влияния буддизма в субрегионе привело к попаданию в народную пищу жаренных печений *боова* и *боорцог*. Обрядовое блюдо саламат готовили одинаково с предбайкальскими бурятами, но для вкуса приправляли порошком из корешков горца.

Отметим, что в течение второй половины века хлебно-зерновая составляющая в пище этих бурят постепенно возрастала.

Гостей угощали зеленым чаем с молоком, саламатой, молочной водкой, другими молочными блюдами и снедью. В их ритуальную пищу, помимо упомянутых блюд, входили: отварная баранина и молочные продукты, включая топленое масло и молочную водку.

Дикоросы представляли заметную часть растительной пищи у присаянских бурят. Муку из корней горлеца живородящего (Приложение В. Рис. 69) добавляли в мясные блюда, на ее основе готовили *замбаа* и саламат.

¹²⁰⁴ Дуброва Я. П. Указ. соч., 1884. С. 37.

¹²⁰⁵ Альбицкий Ф. Указ. соч. С. 114.

Плоды гречихи употребляли, смешав с маслом. Хорошей приправой для мясного супа служили корешки гусиной лапчатки. Особое место в их питании имели луковицы алой лилии, которые потребляли как сырыми, так отварными с молоком и пенками. В качестве приправы для мясных блюд служили горный и полевой лук, а также дикий чеснок. В конце XIX в. буряты субрегиона стали под влиянием русских использовать в пищу черемшу, ранее они воздерживались от ее употребления из-за сильного запаха. Всю упомянутую выше зелень заготавливали впрок в сушеном и соленом видах (Приложение В. Рис. 70).

Природная среда Восточного Присаянья позволяла бурятам заготавливать ягоды и плоды (черемухи, земляники, голубицы, облепихи, брусники). Собранную ягоду кушали свежей, иногда смешивая со сливками и молоком, в сушенном виде запасали на зиму. Смешав молотую черемуху с топленным маслом делали брикеты, которые сушили. Такую черемуховую начинку ложили в шаньги, готовили с ней и луковичками алой лилии отдельное блюдо. Из молотых ядрышек кедрового ореха делали заправку к чаю. Оговоримся, что некоторые дикоросы собирались не только для собственного продовольствия, но и для продажи (например, ягоды облепихи сбывали в русские селения или поставляли на казенные водочные заводы).

Овощи (капуста, свекла, морковь) и картофель крещеные тункинские буряты в незначительном количестве выращивали на огородах; картофель сажали не только в низменной части Тунки, но и в предгорьях Восточных Саян – в питании некоторых полуоседлых жителей он замещал дефицитный для них хлеб¹²⁰⁶. Однако данные продукты не входили в рацион питания основной массы бурят Восточного Присаянья.

Рыбный промысел у них не был особенно развит и весь улов шел на собственное продовольствие. Они использовали в пищу речную и озерную рыбу в отваренном, жаренном и копченом виде. Длительное ее хранение не

¹²⁰⁶ Дуброва Я. П. Указ. соч., 1884. С. 38.

производилось. Пищевого избегания рыбы придерживались представители рода *хурхууд*, считавшие своим прародителем налима.

Западное Забайкалье

Основу молочного стада бурят Западного Забайкалья составляли коровы, удельный вес дойных кобылиц и овец в нем был относительно небольшим. Надо указать, что на развитие местного скотоводства оказывал влияние природно-климатический фактор. В отличие от предбайкальских, тункинских и прибайкальских бурят, буряты субрегиона держали скот преимущественно на подножном корме¹²⁰⁷.

Удои от аборигенных пород крупного рогатого скота и лошади были невысокими, зимой они снижались вдвое. Временем дойки овец был период с конца мая по конец июня¹²⁰⁸.

Набор молочных продуктов был примерно один и тот же у разных территориальных групп бурят субрегиона, различия проявлялись в технологии приготовления блюд и снеди, особенно в используемых ингредиентах. Что касается престижных аспектов употребления молока у западнозабайкальских бурят, то их взгляды совпадали с вышеизложенной оценкой присаянских бурят, и здесь не последнюю роль играла традиционная градация животных на существа с т. н. горячим и холодным дыханием. В частности, ценились пенки с овечьего молока, которые представляли как отдельное блюдо, так и снедь: из них, например, получали топленое масло высокой жирности. Судя по всему, данная технология приготовления топленого масла пришла из монгольской кухни¹²⁰⁹.

Основными напитками оставались зеленый чай на молоке, чай *зутараан*, кумыс, простокваша (*тараг*). Как и у других бурят, в их питании исключительное место отводилось творожистой массе *аарса*, которая служила субстратом разных блюд: каши *хоормого* из распаренных зерен ржи;

¹²⁰⁷ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 123.

¹²⁰⁸ Потанина А. В. Указ. соч., 1890. С. 35.

¹²⁰⁹ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 170.

зернового супа, приготовленного на основе молока и *аарса*; мучного супа; каши, сваренной из *аарса*, луковиц алой лилии и муки. В питание бурят субрегиона входили творожные сырки и сыры: первые делали из *аарса* или остававшегося после производства молочного вина кисломолочного продукта *сагаан*; готовился из овечьего молока мягкий сыр наподобие брынзы; сухой сыр *хурууд*. Специфичными для селенгинских бурят были такие продукты, как молочное печенье, молочное вино, получаемое путем перегонки кислого молока, свежая заквашенная пахта (*айраг*), которую, в отличие от остальных бурят (Приложение Г. 1), они получали, подливая в оставшуюся в кадушке пахту подогретое кислое, обезжиренное молоко и кипяченую воду. Общим с бурятами Предбайкалья был рецепт производства сливочного масла из сметаны, в то же время самобытным являлось приготовление его из заквашенного молока и молозива.

В этнографической литературе бытует устоявшееся представление о том, что только часть селенгинских бурят (сартулы) придерживалась запрета на добавление молока в кровяную колбасу. Но наши полевые материалы показывают, что такая же традиция бытовала и у других бурят Западного Забайкалья.

Буряты, проживавшие поблизости от Верхнеудинска, к концу столетия перестали готовить сухие сыры арул, хурууд, эзгэ¹²¹⁰.

В рассматриваемое время говядина и баранина представляли основное мясо, потребляемое бурятами субрегиона¹²¹¹. К концу столетия в пищу оседлых бурят вошла еще и свинина. Те из бурят, кто был занят охотой, питался диким мясом белки, зайца, дикой козы, лося, изюбря, медведя, боровой и водоплавающей птиц (тетерева, гуся, дрофы, утки).

Технология забоя и свежевания рогатого скота и лошадей повторяла технологию, известную у других бурят.

¹²¹⁰ Потанина А. В. Указ. соч., 1890. С. 40.

¹²¹¹ Рукавишников И. А. Указ. соч. С. 9.

У бурят Западного Забайкалья рецепты длительного хранения мяса и приготовляемых из него субпродуктов были те же, что и у бурят иных субрегионов: посредством вяления мяса (*борсохо*) или его заморозки, завернув в шкуру и завалив снегом, и др. В кадушках, наполненных снегом, и в ледовых погребах хранилось мясо мелкого рогатого скота, а также суповая заготовка из очищенных и нарезанных внутренностей животных¹²¹².

Воздействие буддизма на самосознание бурят субрегиона было достаточно мощным, чтобы ушла в прошлое шаманская традиция приношения в жертву лошадей. Согласно Я. С. Смолеву, конина перестала считаться почетным мясом и превратилась в продукт питания малоимущих бурят¹²¹³. Однако наши информаторы утверждают, что отварная конская голова, в особенности белой лошади, подносилась особо уважаемым гостям, а различные виды конского жира (загрибочный (*далан*), внутренний (*арьбан*)) считались деликатесами¹²¹⁴.

Мясные блюда (пельмени на пару *бууза*, суп-лапша) были восприняты из буддийской монастырской кухни, и готовились для праздничных и гостевых трапез.

Здесь необходимо сказать, что употребление мяса павших животных, характерное бурятам субрегиона в предшествующее время, сохранялось и причину устойчивости такой пищевой традиции, в частности, православные миссионеры теперь видели во влиянии буддийских лам. Так, один из них оставил следующее высказывание по поводу этого: «По учению ламскому, падшее животное самое чистое и безгрешное, ибо человек не проливал крови его, а оно лишено жизни самим бурханом непосредственно, или чрез зверя. Поэтому как сами ламы предпочитают пададь другой пище, так и бурятам одобряют ее»¹²¹⁵. Другое объяснение, даваемое служителями православной церкви, связывалось со стремлением бурят к увеличению поголовья

¹²¹² ПМА. Дымбрылова Ц. Ж.

¹²¹³ Смолев Я. С. Указ. соч. С. 24.

¹²¹⁴ ПМА. Халхаров Д. Х.

¹²¹⁵ Стуков С. Записки миссионера Хоринского отдела Забайкальской духовной миссии за первую половину 1865 года // ИЕВ. 1866. № 2. С. 15–16.

домашнего стада, который рассматривался последними как мерило богатства. Такая особенность бурят, по мнению миссионеров, приводила к тому, что дорожа скотом, даже богатые буряты предпочитали питаться «пропастиной», а не свежим мясом. Определенная доля истины в приведенных взглядах есть, но миссионеры все же ошибались относительно богатых скотоводов.

В кухне бурят Западного Забайкалья были мясные блюда и снедь, носившие сугубо локальный характер. Например, кровяно-мясная колбаса *эрээлжэ* была распространена лишь у селенгинских бурят (Приложение Г. 2). К разряду мясных блюд, которые встречались только у хори-бурят, можно отнести вареную колбасу *тархи*, фаршированную лопаточным мясом, мозгами, печенкой и диким луком.

В кухне хори-бурят имелись такие блюда, как жареные мясные «груши» (*хушуур*) и пирожки (*шарбин*), неизвестные другим бурятам. Подобно присаянским и кяхтинским бурятам хори готовили жареную баранину (*хуураһан мяхан*, *суза*) и вяленую говядину, которые являлись продуктами длительного хранения и использовались в приготовлении супа.

У некоторых групп бурят субрегиона было принято засаливать говядину и конину, такая солонина называлась *дабһалһан мяхан*. Для приготовления солонины отбирали филейное мясо, которое крупно резали и складывали послойно в туески или кадушки, каждый слой засыпался солью. Перед варкой супа соленое мясо держали в воде для выведения из него соли. Несомненно, данная пищевая технология была воспринята у русских.

В пище малоимущей части бурят Западного Забайкалья, главным образом тех, кто проживал у крупных озер и рек, была представлена озерная и речная рыба (осетр, таймень, хариус, щука, налим, омуль, окунь, ленок, сорога и др.). Свежую рыбу отваривали, жарили на рожне, из нее готовили уху.

Буряты субрегиона возделывали те же виды злаков, что и в первой половине века. Шкала социально значимых продуктов у них была такой же, что и у присаянских бурят. По мнению А. И. Термена, буряты, как Иркутской

губернии, так и Забайкалья «хлеба <...> едят много»¹²¹⁶, что лишний раз доказывает, что к концу XIX в. хлебно-зерновые продукты прочно вошли в питание разных территориальных групп бурят, при этом круг приготавливаемых из них блюд и снеди был намного уже, чем у русских. Буряты-полуномады Западного Забайкалья потребляли по сравнению с полуоседлыми и оседлыми бурятами немного зерновых продуктов, хлеб они выменивали у русских или оседлых бурят. Однако, возведя на зимнике избу или дом, отапливаемые русской печью, некоторые из бурят субрегиона научились выпекать караваи, ватрушки и шаньги.

Сохранялись у них традиционные зерновые и мучные блюда (каша *замбаа*, саламат, ржаная, просяная и мучная каша, пресные лепешки). Как уже говорилось, ржаное зерно было ингредиентом мясного супа, молочной каши, чая *зутраан*. Большой популярностью пользовался рецепт супа с лапшой. У них, как и у присаянских бурят, были известны жаренные печенья *бообо* и *боорсог* (Приложение Г. 2). Точечный характер носило у бурят Западного Забайкалья хлебопечение, были лишь отдельные улусы, где оно получило развитие (пример подобного поселения, улуса Шэнуста, приводит Ц. Ж. Жамцарано¹²¹⁷).

Пища бурят субрегиона, как и ранее, включала дикоросы степной (дикие лук и чеснок, луковицы сараны) и горно-таежной (щавель, горный лук, черемшу) зон. Любимым блюдом были творожные сырки с луковичками алой сараны (*тибхэнтэй айруул*) (Приложение Г. 2). Готовили блюда из луковиц алой лилии с мясом, а также – с молочными пенками (Приложение Г. 2). Зелень служила приправой для разных мясных блюд (паровых пельменей, супа, колбас).

Буряты Западного Забайкалья употребляли в пищу ягоды и плоды черной смородины, брусники, черники, облепихи, голубицы, земляники, черемухи и боярышника. Чтобы сохранить, ягоду и плоды сушили¹²¹⁸.

¹²¹⁶ Термен А. И. Указ. соч. С. 93.

¹²¹⁷ Жамцарано Ц. Ж. Указ. соч. С. 238.

¹²¹⁸ ПМА. Цыренов Р. Д.

Облепиху после первого мороза ломали целыми ветками и ели мороженую. Занимаясь кедровым промыслом, определенный запас кедровых шишек оставляли у себя, чтобы угощать орехами гостей и детей.

Большинство западнобайкальских бурят не имели огородов. Но те, кто содержал небольшие огороды, а это были, прежде всего, оседлые буряты, садили, помимо картофеля, еще и некоторые овощи. Объем покупаемого на стороне картофеля зависел от урожая хлеба: при его недородах буряты были вынуждены увеличивать потребление картофеля¹²¹⁹.

В гостевых трапезах обычно подавали на стол те же продукты, что и в первой половине XIX в., – отварную баранину, зеленый чай с молоком, чай *зутраан*, молочную водку, пенки, творожные сырки.

В обрядовые трапезы буряты субрегиона включали те блюда и снедь, которые допускались религиозными правилами (буддийскими, шаманскими или православными).

Нижнее Приононье

Структура молочного стада у бурят Нижнего Приононья была такой же, как и у большинства других бурят, и включала дойных кобылиц, коров, овец и коз. Н. Петерсон отмечает характерную для них широкую и повсеместную практику весенне-летнего доения коз и овец (с середины мая до середины июля, и даже августа)¹²²⁰. Основным сырьем для молочных продуктов было коровье молоко, молоко от других животных смешивалось с ним или использовалось самостоятельно. Так, июньскую простоквашу получали из овечьего молока¹²²¹. В приготовлении данного напитка у них была специфическая особенность: в качестве сырья, наряду с кипяченым молоком, применялось и цельное. Заметим, что из овечьего и козьего молока делали такие же продукты, что из коровьего¹²²².

¹²¹⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. 443. Л. 3.

¹²²⁰ Петерсон Н. Указ. соч. С. 226.

¹²²¹ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 39.

¹²²² Петерсон Н. Указ. соч. С. 226.

В будничном питании молочные пенки *урмэн* кушали свежими. Для праздничных застолий готовили специальные толстые пенки *хушоодэһэн*. Агинские, как и большинство других бурят, топленое масло вытапливали из пенек. Их рецепт заквашенной пахты предполагал миксацию пахты и варенца. Творожистая масса *аарса*, как и у остальных бурят, использовалась в их кухне исключительно как полуфабрикат. Примером тому может служить *хоймог* – кушанье из размешанной *аарса* в молоке и заправленное сметаной. Оригинальной была рецептура творожных пряников *хурһан* (Приложение Г. 1). Подобно присаянским бурятам, Агинские в производстве молочного вина применяли в качестве сырья сквашенную пахту (*айраг*).

Способы хранения молочных продуктов у бурят Нижнего Приононья повторяли описанные выше способы – бурят Западного Забайкалья.

Стадо у них состояло из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, и верблюдов, но в нем был высок удельный вес лошадей и овец. В отличие от селенгинских и хоринских бурят, Агинские, хотя и являлись преимущественно приверженцами буддизма, но в еде традиционно отдавали предпочтение конине. Особенно ими ценился подбрюшный и загривочный конский жир (Приложение Г. 2). Особое место в их питании занимала баранина, широко представленная во всех видах трапез. Многие агинские буряты не употребляли верблюжатину и козлятину, только бедняки включали эти виды мяса в питание.

Зимой разделанное мясо на кости помещали в закрытую деревянную емкость или сложив вдвое обезглавленную и выпотрошенную тушу животного заворачивали в свежеснятую шкуру, и все это засыпали снегом за жилищем, или как вариант хранили в амбаре¹²²³.

О специфических мясных блюдах из кухни хори-бурят указывалось выше, поэтому назовем те особенности в мясной пище, которые можно отнести к локальным. Так, буряты Нижнего Приононья коптили баранью грудинку и заполненную кровью и фаршем прямую кишку над дымом

¹²²³ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 36.

открытого очага. Отзвуком архаичной пищевой технологии следует рассматривать приготовлением ими печеной тарбаганьей туши (Приложение Г. 2).

Свежая речная рыба была спорадически представлена в пище ограниченного круга бурят субрегиона, главным образом тех, кто не имел собственного скота; при этом рыбу готовили посредством варки, печения или жарения.

Во второй половине XIX в. агинские буряты обычно обменивали или покупали хлеб в виде зерна, муки или печеного хлеба у русского аграрного населения. Согласно У.-Ц. Онгодову, зимняя потребность большой семьи в хлебе составляла по 6 пудов зерна и муки¹²²⁴. В начале XX в. ситуация с хлебным обеспечением не улучшилась – агинские буряты ежегодно закупали до 10 тыс. пудов муки¹²²⁵. Градация зерновых культур по престижности у них была такой же, что и у остальных бурят: лучшим злаком считалась пшеница, худшим – ячмень. Между тем они употребляли в пищу преимущественно ржаные продукты. Среди хлебно-зерновых изделий они особо выделяли печеный хлеб. Следующими по значимости были сухари и мороженный хлеб. При отсутствии печеного хлеба питались вареным зерном яровой ржи и пшеницы, это, в частности, выразилось в популярности у них мясного супа с зерном. Поджаренная мука смешивалась с *аарса* и добавлялась в чай *затураан*, из нее варили кашу *шанаһан талхан*.

Подавляющее большинство агинских бурят не кушали овощей, в малом количестве потребляли картофель. Потребность в растительной пище удовлетворялась в основном за счет сборов дикоросов (луковиц алой лилии, корней горлеца, дикой гречихи, солодки, кровохлебки, стеблей дикого лука, ревня, щавеля) и диких фруктов и ягод (земляники, яблока, черемухи, голубицы, брусники, персика), плодов боярышника и шиповника.

¹²²⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

¹²²⁵ Жамцарано Ц. Ж. Указ. соч. С. 221.

3.4. Трансляция традиций и появление новшеств в костюмном комплексе

Предбайкалье-Прибайкалье

Определенный прогресс в сукноделии был достигнут бурятами Прибайкалья, которые научились прясть шерсть на самопрялках и ткать сукно и сукманину на станках. В случае с баргузинскими бурятами важную роль в появлении нового кустарного производства сыграл главный тайша Сахар Хамнаев, добившийся в 1854 г. обучения первых семи мастериц сукноделию¹²²⁶. Как заявлял этот родоначальник, целью было уменьшение расходов бурят на приобретение привозных тканей. Из такого домашнего сукна шили верхнюю одежду, варежки и др.

В производстве кожного сырья имел место локальный опыт организации бурятами небольших предприятий. У баргузинских бурят юфтевую кожу для сапог и штанов¹²²⁷ выделявали на двух кожевенных фабриках (в Улюнском и Аргатайском улусах¹²²⁸). У балаганских бурят первый кожевенный завод появился в 1866 г. в Нукутском улусе¹²²⁹, на нем, в отличие от баргузинских предприятий, занимались еще и выпуском целой линейки обувных изделий¹²³⁰.

Отметим, что в рассматриваемое время, помимо домашнего производства элементов костюма, получили развитие ремесла, связанные с шитьем некоторых видов одежды и обуви. Так, кударинские рукодельницы шили верхнюю одежду, приобретая домашнее сукно у крестьянок соседней Ильинской волости¹²³¹.

Мужской костюм предбайкальских и ольхонских бурят второй половины XIX – начала XX в. исследователи выделяют в отдельный комплекс, а – других прибайкальских бурят относят к комплексу,

¹²²⁶ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 5.

¹²²⁷ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1049. Л. 9.

¹²²⁸ ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 998. Л. 6.

¹²²⁹ Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 190.

¹²³⁰ Там же. С. 191.

¹²³¹ Там же. С. 197.

характерному забайкальским бурятам¹²³². Таким образом, в данной компоненте культуры жизнеобеспечения баргузинских и кударинских бурят констатируется переход к элементам костюма хори-бурят и селенгинских монголов. Иллюстрирует эти изменения семейная фотография баргузинских бурят (Приложение В. Рис. 71).

Распространенность у бурят указанных выше субрегионов нагольной и крытой верхней длиннополой одежды южносибирского типа указывает на трансляцию традиционного костюма. Еще одним свидетельством тому является преимущественное использование темного текстиля в качестве ткани верха крытой верхней одежды. Так, зимнюю шубу крыли черной или синей материей (сукном, китайкой), при этом, как и прежде, ее декоративную отделку по вороту и полам делали нашивными полосами из меха (выдры, белого ягненка) и текстиля. Тканью верха демисезонного халата обычно был темный хлопчатобумажный текстиль, при этом его основой служила мерлушка или стеганая вата. То же можно сказать и о летнем халате: его шили из темной китайки или дабы, а оторочку для контраста оформляли лентами ярких расцветок (желтого, красного).

В оценке бурят Предбайкалья и Прибайкалья престижной являлась верхняя одежда, пошитая из дорогих привозных тканей (шелка или бархата), и выполненная на заказ мастерицами. Носили такую одежду состоятельные люди, вероятно, к их числу можно отнести инородца Динчинова, имевшего, как сообщается, халат, «вышитой золотом и серебром по воротнику и по подолу, цвету белого, коричневого и по всему халату нашивки золотом и серебром»¹²³³.

Сохранялась прежняя опояска верхней одежды наборным поясом, но, господствующей все-таки стала мода на кушаки.

В морозы на шубу надевали длиннополые тулуп из овчины или имевшую разрез в нижней части спинки и широкие рукава доху из шкур

¹²³² Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 89.

¹²³³ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 256. Л. 38 об.

козы, собаки или волка. Престижными считались шубы из меха соболя, лисы или белки.

Зимой одевали рукавицы: крытые темной плотной тканью и окаймленные по отвороту, из овчины или мерлушки; пошитые из текстиля (плиса, сукна) и имеющие подкладку.

В нательную одежду бурят Предбайкалья и Прибайкалья входили штаны с широким шагом и рубаха. Преимущественно были штаны с прямоугольными штанинами и цельнокроеной мотней, но, например, верхоленские буряты все еще ходили в штанах старинного образца *монгол умдэн*¹²³⁴. С середины столетия вошли в моду летние штаны из синей дабы или далембы, однако в конце века их кроили из темного ситца, сатина, коленкора или бязи.

Наряду с распашной рубахой *морин самса*, была распространена воспринятая у русских рубаха глухого покроя. Рубахи шили из текстиля: летняя рубаха была из ситца, зимняя – бумазеи или дабы.

Зимними шапками у предбайкальских и ольхонских бурят были *татар малгай* и *халюун малгай* из меха выдры с низкой тульей и круглым матерчатым верхом¹²³⁵, у бурят Восточного Прибайкалья – варианты *хасабишатай малгай*. К концу XIX в. в головных уборах произошли изменения: популярность приобрели картуз, кубанка и бурятский аналог последней, пошитый из меха или хвостов выдры¹²³⁶.

Хотя буряты указанных выше субрегионов продолжали пользоваться традиционными типами обуви – поршневидной (носимой предбайкальскими бурятами на промысле) и башмаковидной¹²³⁷, ноговицами, у них возникла мода на китайскую обувь *луушан гутал* с острым носком, на русские хромовые, «венгерские» и «варшавские» сапоги.

¹²³⁴ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 92.

¹²³⁵ Там же. С. 89.

¹²³⁶ НА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 256. Л. 314 об.; Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 50.

¹²³⁷ Дагданова М. Б. Указ. соч. С. 45–46.

Внутрь обуви зимой надевали чулки, которые были как традиционно-бурятскими (войлочными и вязанными), так и заимствованными из русской культуры. Связанные из овечьей шерсти чулочные изделия декорировали традиционными для бурят Предбайкалья геометрическими орнаментальными узорами.

Надо заметить, что авторы середины XIX в. указывают на продолжение рецепции бурятами понравившихся образцов русской одежды: например, Г. Радде пишет, что «(буряты – А. Б.) охотно приобретают себе нужное белье от русских»¹²³⁸. Прежде всего это было относимо к оседлым бурятам, которые носили крестьянскую одежду; подтверждение тому находим в архивных документах: в частности, из приведенного в 1853 г. описания костюма оседлого инородца Третьего Хонходоровского рода Аларского ведомства Ильи Мироновича Переляева следует, что он был одет «в белую холщевую рубашку и таковые же порты, сверх рубашки опоясан шерстяным поясом, ноги со скутками в ищигах, завязанных веревкой, зипун из крестьянского черного сукна был одет на нем и завязан шерстяным кушаком, к которому привязан ножик в ножне, шляпа простонародного изделия»¹²³⁹. Отнести к инновациям можно попавшую из городской культуры шинель, пошитую из темного крестьянского сукна, производимого на местных фабриках.

В конечном счете, к концу столетия у некоторых этнотерриториальных групп бурят Предбайкалья и Прибайкалья стала очевидной тенденция вытеснения элементов национального костюма заимствованиями из русского крестьянского костюма. Вот, как об этом пишет один из современников: «По внешности кударинского бурята часто трудно отличить от обыкновенного карыма, так как тырлыки, малахаи и другие принадлежности бурятского костюма, вытеснены зипунами, картузами, шляпами, высокими сапогами, блузами и др. подробностями русского костюма»¹²⁴⁰. Данная тенденция

¹²³⁸ Радде Г. Указ. соч. С. 142.

¹²³⁹ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 156. Л. 12–12 об.

¹²⁴⁰ Кроль М. Указ. соч., 1896. С. 14.

проявилась и у ольхонских бурят¹²⁴¹. Начиная с середины века, отдельные элементы русско-сибирского костюма были восприняты также частью баргузинских бурят, в частности, это касалось кунгурских сапог¹²⁴², которые несколько ранее были популярны у бурят Западного Забайкалья.

В это же время в костюм предбайкальских бурят были включены элементы русского городского костюма, которые первоначально распространились среди состоятельной части бурят, позднее – широкой народной массы. В мужской костюм также попали немецкие пиджаки, сюртуки, брюки, вместо кушаков они начали подпоясываться кожаными ремнями, кто попроще – бечевками¹²⁴³. Позднее под влиянием городской культуры предбайкальские буряты включили в свой гардероб пальто, технологию кройки и шитья которого успешно освоили бурятские рукодельницы.

Женский костюм предбайкальских и прибайкальских бурят, отражавший существовавшую родоплеменную и локальную специфику, в литературе подразделяют на четыре самостоятельных комплекса: баргузинский; верхоленский; аларский; боханско-осинский¹²⁴⁴. Правда, при таком размежевании костюм других этнотерриториальных групп бурят Предбайкалья и Прибайкалья оказывается вне поля исследования.

Верхняя женская одежда сохраняла черты преемственности: об этом свидетельствует присущий ей туникообразный покрой. Зимняя шуба имела основу из дымленной овчины, реже у бедняков – из шкуры козы, изюбря, теленка или жеребенка. В зависимости от достатка в качестве ткани верха шубы использовали шелк (атлас, канфа), сукно или хлопчатобумажную ткань, в том числе вельверет и плис. При этом выбирали мануфактуру яркого (красного, зеленого) и темного цветов. Летний халат покрывали шелком или дешевыми сортами текстиля (плисом, дабой, ластиком, сукном, чесуча),

¹²⁴¹ Жамцарано Ц. Ж. Указ. соч. С. 91.

¹²⁴² ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 20.

¹²⁴³ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 218.

¹²⁴⁴ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 91–93.

подкладочной тканью выбирали холст, бязь, штоф, далакерт или ситец. Такой халат иногда украшали мехом (для примера, боковыми нашивными полосами белой и черной мерлушки¹²⁴⁵). Менее колоритная демисезонная верхняя одежда (*сэжээ дэгэл*) обычно шилась из хлопчатобумажной ткани или чесуча, и имела подкладку из мерлушки, коленкора, ваты или бязи.

Специфика женской верхней одежды у большинства бурят Предбайкалья выражалась в ее декоре – тетраколоре из параллельно нашитых полос выдриного меха, светлого шелка, черного бархата и парчи, который повторялся на груди, по подолу, борту и обшлагам рукавов¹²⁴⁶. Похоже, что появление данного декоративного элемента произошло во второй половине столетия, так как ранее он отсутствовал. Его следует рассматривать как развитие украшавшего верхнюю одежду бурят субрегиона диколора из нашивных лент из меха выдры (или бобра) и ткани.

Встречались локальные особенности в украшении верхней одежды: например, аларские буряты использовали для этого вышивку золотой или шелковой нитью, и отделку краев одно–двухцветной материей, мерлушкой или выдриным мехом, ворота – белой мерлушкой. Их зимняя верхняя одежда оторачивалась по борту и рукавам мехом выдры. Стоит отметить такую локальную черту шубы прибайкальских буряток, как использование меха байкальской нерпы в качестве основы («шуба на ушканьем меху крытая»¹²⁴⁷).

В морозы женщины, так же как и мужчины, одевали на шубу тулуп. Судя по данным 1850–х гг.¹²⁴⁸, у русских была заимствована женская мерлушичья шубка.

Женский костюм бурят Предбайкалья и Прибайкалья пополнился имеющими накладные карманы платьями на подкладке. Туникообразные платья были двух видов – *халадай* с воротником-стойкой и *булууза* с отложным воротником. Платье *сарпаан* являлось распашным, имело втачные

¹²⁴⁵ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 403. Л. 60 об.

¹²⁴⁶ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 123.

¹²⁴⁷ ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1273. Л. 27.

¹²⁴⁸ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 170. Л. 34 об.

рукава и подкройные проймы, декорировалось галуном и другими материалами¹²⁴⁹. Есть предположение М. Б. Дагдановой о заимствовании бурятами Предбайкалья платья *халадай* у якутов, которые будто бы ранее переняли его из женского костюма русских старожилов¹²⁵⁰. На наш взгляд, данные буряты вполне могли воспринять *халадай* непосредственно от русских. Кроме того, такое платье может считаться архаичной одеждой, которая могла давно попасть и в женские костюмные комплексы русских и некоторых аборигенных народов Сибири.

Безрукавка, неременный компонент одежды замужних женщин, продолжала входить в женский костюм бурят Предбайкалья и Прибайкалья. Речь идет о короткой безрукавке *уужа* и длиннополой *дэгэлээ*, которая была расклешенной, неотрезной и цельнокроеной.

Фасон женских штанов также был неизменен: это были штаны с широким шагом, штанинами выше колен. В изучаемое время кожа, основной пошивочный материал, был вытеснен текстилем (сначала китайскими хлопчатобумажными тканями, к концу столетия – российскими). Как и мужские штаны, женские образцы кроили из темной ткани.

О процессах внутриэтнических заимствований можно судить на примере костюма баргузинских бурят: в нем отмечены элементы хори-бурятского костюма (головные уборы – летняя *хори малгай*, иначе *тойробишо малгай*, коронообразная *даруулга*; обувь с острым носком *хори гутал*; украшения – нагрудное и наплечное *гуу*)¹²⁵¹. Конечно, объясняется это внутренней структурой данной этнотерриториальной группы, которая формировалась из представителей предбайкальских родов и хори-бурят.

Инновацией в женском костюме являлось появление длинной рубахи глухого покроя; она полностью заменила рубаху распашного типа. Материалом для нее выбирали простые ткани (ситец и т. д.), при этом цветовая гамма последних была широкой – от светлого до темного колора.

¹²⁴⁹ Дагданова М. Б. Указ. соч. С. 54–56.

¹²⁵⁰ Там же. С. 53.

¹²⁵¹ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 92.

Иногда вся нательная одежда была выдержана в одном тоне, даже цвет головного платка специально подбирался под нее¹²⁵². Летом бурятки носили такую рубаху, подпоясав шнурком¹²⁵³.

Насколько было сильно влияние русской культуры на женский костюм бурят в зонах активного межэтнического контакта, свидетельствуют архивные источники. Отметим, что происходила инкорпорация в него, прежде всего, элементов русского народного костюма. Так, у жены идинского бурята Алексея Маркова были: «шушун, юпки гранитуровы, стоящие 10 руб., телогрейки матерчатые в 1 руб., таковые же Ластиковы 50 коп., да и плата шелковы зеленой и красной 2 руб., да и рубаха каленкоровы и сарипинкова 2 руб., юпки полуситцовы 1 руб., фартук ситцевый 60 коп., шаль голубая 60 коп., воротник белый 3 руб., плат красный 30 коп., юпка полуситцова 1 руб.»¹²⁵⁴. Кроме того, бурятские женщины стали носить капот, а в конце столетия девушки – шерстяную юбку.

Широкое распространение в женском костюме бурят Предбайкалья и Прибайкалья таких элементов русского женского костюма, как головной платок, сарафан, платье, следует рассматривать как результат массового крещения бурят указанных выше субрегионов.

В межсезонье и летом бурятки носили вязаную, позднее матерчатую, шапку *шар малгай* колпакообразной формы, а также низкий головной убор *бортого малгай*, имевший плоский круглый верх из дорогого текстиля, декорированный по тулье вышивкой или галуном. Другая шапка *тоорсог* отличалась четырехклинной тульей, иногда у ней были козырек и наушники. По мнению Д. А. Николаевой, исходным прототипом *тоорсог* являлся китайский мужской головной убор¹²⁵⁵. Зимним головным убором была шапка *халюун малгай* с тульей, сшитой из выдриного меха, и с повторявшим форму *бортого малгай* матерчатым верхом. Головной убор невесты *биизга малгай* в

¹²⁵² ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 256. Л. 17 об.

¹²⁵³ Раев А. Указ. соч. С. 9.

¹²⁵⁴ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 256. Л. 12–12 об.

¹²⁵⁵ Буряты, 2004. С. 163.

виде невысокой, подобной тибетейке шапочки был украшен галуном или аппликациями, а также вышивкой. Продолжали носить колпакообразную шапку *татар малгай* с восьмиклинной тульей из камуса лисы, и с меховыми полями. Женские головные уборы бурят Предбайкалья в 1850–е гг. пополнились картузом¹²⁵⁶, а в конце века – популярной у девушек фуражкой¹²⁵⁷.

В зимний женский костюм входили нагольные и крытые рукавицы из овчины.

Традиционная женская обувь повторяла упомянутые выше виды башмаковидной мужской обуви, но в отличие от них на носке декорировалась вышивкой тамбуром, гладью или крестом¹²⁵⁸. В середине столетия инновациями явились т. н. кунгурские сапоги, а в конце века – популярные у горожанок сапожки на каблуках, туфли и ботинки.

При сохранении традиционной девичьей одежды модницы из числа баргузинских буряток придавали ей узнаваемые черты господствующей в городской среде одежды: «Одеты они (дочери главного тайши баргузинских бурят Сахара Хамнаева – А. Б.) по-бурятски, но с примесью общепринятых у нас мод: платья покроя бурятского в роде длинной рубахи, но длинные совсем, и даже маленьким шлейфом, что выходит недурно; ботинки с каблуками, белые воротнички и рукава»¹²⁵⁹.

Мужские прически у бурят Предбайкалья и Прибайкалья подверглись трансформации. Если в 1850–70–е гг. волосы заплетали в косу, то к концу столетия обычными становятся короткие стрижки (*косой пробор* и др.) и почти исчезает прическа с одной косой. У идинских бурят возникает мода на ниже следующую прическу: «<...> очень коротко обстригают всю голову, даже бреют ее ножом, оставляя только узкую, пальца в три шириной, полосу

¹²⁵⁶ ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 256. Л. 314 об.

¹²⁵⁷ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 218.

¹²⁵⁸ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 84.

¹²⁵⁹ Аксенова Л. В. Указ. соч. С. 738.

довольно длинных волос по линии, граничащей с лицом, от одного уха до другого, над самым лбом»¹²⁶⁰.

В то же время женские прически не изменились. Единственно можно отметить утилитарное использования кос для ношения ключей: для этого косы связывали на груди и снизу подвешивали связку ключей от сундуков и чулана¹²⁶¹. В конце века у девушек наряду с прической со множеством косичек или с одной косой были известны короткие стрижки¹²⁶².

Из убранства мужского костюма можно назвать наконечники (монеты, приплеты, бляхи), наручные (кольца, перстни-печатки) и поясные украшения. Так, у ольхонских бурят разного возраста и пола в особенности были популярны серебряные, реже золотые перстни-печатки¹²⁶³.

Исследования показывают, что комплекс женских украшений в зависимости от этнотерриториальной принадлежности варьировал¹²⁶⁴ и наследовал все элементы предшествующего периода. В сравнении с остальными бурятами Предбайкалья и Прибайкалья в женском костюме баргузинских бурят обнаруживается бытование сразу двух разных комплексов украшений – предбайкальско-бурятского и хори-бурятского.

Восточное Присяянье

Мужской костюм большинства присаянских бурят оставался традиционным: в зависимости от родоплеменной принадлежности они носили верхнюю одежду южносибирского или восточноазиатского типов (Приложение В. Рис. 72). Верхнюю одежду подпоясывали одноцветным тканевым кушаком *дурдэм бэһэ* (в частности, из желтого шелка). Материалом основы для летней и демисезонной верхней одежды *һарьмай дэгэл* служили обработанные шкуры жеребенка или косули, зимняя верхняя одежда шилась из дымленной овчины.

¹²⁶⁰ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 218.

¹²⁶¹ Там же. С. 219.

¹²⁶² Там же. С. 218.

¹²⁶³ Жамцарано Ц. Ж. Указ. соч. С. 99–100.

¹²⁶⁴ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 92–93.

Между тем в конце века популярность получили стеганные демисезонные халаты, подбитые китайским ватином.

Имущественное положение отражалось в первую очередь на ношении бурятами субрегиона верхней одежды: состоятельные буряты одевали зимой крытую шелком шубу из длинношерстной мерлушки, а в теплое время – халат из орнаментированного шелка; простые буряты в зимнее время носили крытую простой тканью (далемба, чесуча) овчинную шубу, а летом и в межсезонье – халат, тканью верха которого была хлопчатобумажная ткань (далемба).

Отметим еще некоторые предпочтения в верхней одежде, характерные бурятам Восточного Присаянья. Присаянские, в отличие от предбайкальских и прибайкальских бурят, обычно выбирали ткани верха синей и зеленой расцветки. Лучшей среди нагольных шуб считали шитую из овчины с короткой шерстью.

Зимнюю шубу старались украсить по обшлагоу рукавов нашивными полосами из бархата, шкуры байкальской нерпы и ягненка, по краям одежды – двухрядной тесьмой¹²⁶⁵. Летний и демисезонный халаты декорировали парчовой каймой по рукавам, вороту и борту. Особое значение придавалось имевшей индивидуальный характер нагрудной нашивке, обычно отличавшейся многообразием колора.

В стужу утеплялись, надевая поверх шубы тулуп (*даха*) из шкуры козы или косули.

Те из бурят Восточного Присаянья, кто носил южносибирский тип верхней одежды, зимой одевали меховые или матерчатые с подкладкой рукавицы, вязанные шерстяные варежки, заимствованные у русских.

Покрой нижней одежды был традиционным, последняя включала в себя глухую рубаху и штаны с широким шагом. Причем, по мнению исследователей, штаны у основной части бурят Восточного Присаянья (Тунки и Закамны) были с мотней и подпрямоугольными штанинами, а

¹²⁶⁵ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 34.

буряты Горной Оки носили штаны *монгол умдэн*¹²⁶⁶. Тенденция перехода с кожи на текстиль в нательной одежде проявилась у данных бурят в летних штанах, теперь их кроили из далемба. Зимний вариант штанов был из овчины и ровдуги.

Основным головным убором была островерхая шапка, имевшая скроенные отдельно отогнутые края и одношовную «32-пальчатую» стеганную тулью, наверху которой закреплялась кисть из красной нити. Ее зимняя версия имела меховые козырек и наушники, а летняя – тканевый или меховой околыш. В конце столетия вошла в обиход русская шапка-ушанка *шабха малгай* из шкур зайца или белки, но особую популярность получили образцы, изготавливаемые из камусов лисы, рыси или косули. Пожилые мужчины носили крытую красной тканью шапку *лоовуз*, сшитую из мерлушки¹²⁶⁷. Среди присаянских бурят распространилась мода на наверхия на шапке: состоятельные люди украшали головной убор серебряным наверхием, нередко увенчиваемым красным кораллом; простые буряты обходились выточенным из кедра и обтянутым материей шарообразным наверхием, завершавшимся шариком из серебра, коралла или лазурита¹²⁶⁸.

Буряты Восточного Присаянья носили обувь башмаковидного (Приложение В. Рис. 73, 74) и поршневидного типов. При их шитье использовали сухожильные нити и применялись деревянные колодки (Приложение В. Рис. 75, 76).

Поршневидной были производственные виды обуви: *туурэбшэ*, носимая во время сенокоса и охоты; *тулэпшэ* – охотничьего промысла, она была из шкуры волка или козы. Для защиты сапогов надевали ноговицы *пампалай*, их голенище было сплетено из конского волоса, шерсти овцы или козы, как вариант, изготовлено из овчины или толстого сукна. Подошва была из вырезанных по форме ступни и прошитых вместе войлока и подложенной

¹²⁶⁶ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 92.

¹²⁶⁷ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 35.

¹²⁶⁸ Там же.

под него кожи быка. Зимний образец ноговиц *дабхаса* был пошит из кожи теленка, оленя, барана или косули¹²⁶⁹.

Башмаковидный тип был представлен обувью *эрмэг гутал*, которая исследователями рассматривается как исконная обувь для бурят Закамны¹²⁷⁰. Другая обувь *буряад гутал*, имевшая тонкую подошву из кожи, голенище, носок и союзки, варьировала в зависимости от закроечного материала (юфти, сукна, камуса): так, были известны надеваемые в межсезонье и летом *булгайр гутал*, *буд гутал*, зимние *годон гутал*. Особо ценились монгольские сапоги *монгол гутал*, декорированные геометрическими орнаментальными узорами, выполненными тиснением на коже, китайские сапоги *хятад луушан гутал*, голенище которых было тканевым, и унты *годон гутал*, сшитые из камуса лося. Поздним заимствованием у бурят Предбайкалья считаются высокие сапоги *годоһон*, имевшие низкий кожаный каблук, прямое голенище, носок с мысиком и союзками¹²⁷¹. Их голенище обычно было из кожи овцы, а подошва – из толстой кожи. В конце века престижными считались воспринятые у русских хромовые сапоги *тура* ‘городские’ (от бурятского слова *тура* ‘город’).

Отмечаются у бурят субрегиона локальные особенности в ношении чулок: буряты Тунки и Горной Оки стали носить вязанные шерстяные носки; буряты Закамны зимой надевали традиционные простеганные чулки из двуслойной ткани, а также из обработанной шкурки зайца или ровдуги¹²⁷².

Оседлые буряты субрегиона окончательно перешли на русский народный костюм: по П. А. Кропоткину, они носили, в частности, «синнюю рубаху, шаровары и сапоги, на голове русский же картуз»¹²⁷³.

Женская верхняя одежда, как и мужская, относилась к западнобурятскому (тункинских и окинских бурят) и восточнобурятскому (закаменских бурят) типам. Основное отличие проявлялось в конструкции

¹²⁶⁹ ПМА. Раднаева Х. Д.

¹²⁷⁰ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 36.

¹²⁷¹ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 128.

¹²⁷² Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 36.

¹²⁷³ Кропоткин П. А. Указ. соч., 1867. С. 91.

рукавов: в верхней одежде первого типа они были цельными, второго – составными. В данной одежде прослеживается возрастная дифференциация, предполагавшая выделение отдельно одежды девушки, замужней и пожилой женщины. В соответствии с этим, шубы были: *басаганай дэгэл*, которую девушка одевала до свадьбы; *хамганай дэгэл*, носимая семейной женщиной; *хомон дэгэл*, шуба престарелой женщины. Обычным было ношение крытой овчинной шубы. Декоративными деталями зимней шубы буряток Восточного Присаянья являлись: оторочка из меха в области пояса; каракулевый воротник; обшлаг из меха бобра. Кроме того, имелись декоративные нашивки из тесьмы на лифе над талией или вдоль шва на талии, матерчатая кайма по подолу, и грудная нашивка *энгэр*¹²⁷⁴.

Тканью верха летнего халата выбиралась темная хлопчатобумажная ткань, например, далемба; для его подкладки использовали более светлый текстиль, в частности, ситец. Как и ранее, было принято украшать халат нашивными лентами из темного шелка, парчи, плиса или сукна по обшлагу рукавов, вороту и борту, и каймой из узкой красной ткани. По краям подола и полов также пришивались монохромные тканевые ленты, поверх которых наносилась вышивка цветной нитью. Иллюстрирует это женский халат из собрания Российского этнографического музея¹²⁷⁵. Выходной халат у женщины из состоятельной семьи обычно был из китайского шелка, его декорировали по лифу окантовкой из шелковой нити, а по талии – лентой.

Во второй половине XIX в. замужние женщины одевали традиционные виды безрукавок: будничную короткую безрукавку, называемую *эсэгын уужа*, *сээжэбишэ* или *хантууза*; выходную длиннополую *морин уужа*, иногда номинируемую как *хормой дэглээ* ‘подол-шуба’¹²⁷⁶ (точнее будет ‘подол-безрукавка’). Короткая безрукавка шилась из далемба или ситца, а длиннополая – парчи или шелка. Особенной деталью последней являлся шелковый платок, пришиваемый к пройме. По борту и краям *морин уужа*

¹²⁷⁴ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 91.

¹²⁷⁵ РЭМ. № 418–4.

¹²⁷⁶ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 129.

пришивали серебряные пуговицы, помимо этого, ее подол украшали кистями из шелковой нити, а пройму выделяли двойным кантом из такой же нити¹²⁷⁷.

В знак принятия буддийского обета женщины перевязывали через плечо красный шарф.

Русское влияние было наиболее очевидным в девичьем костюме. Так, в него были включены средней длины красная шерстяная юбка с каймой по подолу из ленты черного плиса, поддевка из черного сукна или плиса с частыми сборками у перехвата в талии, опояска из галуна¹²⁷⁸.

Транслировалась традиция ношения зимой нагольных или крытых овчинных рукавиц, новым стало появление в гардеробе некоторых присаянских буряток демисезонных рукавиц, шитых из кожи или материи.

В нижней женской одежде на смену распашной пришла глухая рубаха, при этом продолжали носить короткие штаны с широким шагом. Замещение кожного материала на текстиль также проявлялось в ней, но в дальних уголках субрегиона кожаная нательная одежда сохранялась до конца столетия.

Материалом основы зимнего головного убора служил мех пушных зверей или овчина, летнего – тонкий войлок. Присаянские, подобно предбайкальским и прибайкальским буряткам, зимой носили шапку *халюун малгай* из меха выдры. Кроме того, у них был известен головной убор *оройбшо* из меха соболя и белки. Была распространена летняя шапка *тоорсог*. Среди женщин так же как и у мужчин был популярен головной убор *тооробшо (тойробшо) малгай*. Его макушка украшалась кистью из красной шелковой нити и серебряным навершием с водруженным на нем кораллом¹²⁷⁹ или сплетенным из шелкового шнура знаком *улзы* (Приложение В. Рис. 77). Околыш у него был из меха бобра, тулья и подкладка – из ткани. Знаменитая кубанка, головной убор русских казаков, перекочевала в женский костюм присаянских бурят и получила название *тухэрээн малгай* ‘круглая

¹²⁷⁷ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 129.

¹²⁷⁸ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 210–211.

¹²⁷⁹ РЭМ. № 418–1.

шапка'. Обращает на себя внимание то, что в номинациях женских головных уборов присутствует символика круга, вероятно, это было неслучайным. Под шапкой носили повязку *даруулга*. С упрочением православия среди бурят субрегиона головные платки прочно вошли в их женский костюм. Зимой такой платок надевали под головной убор¹²⁸⁰.

В отличие от мужских образцов, башмаковидная обувь (с острым носком, с носком и мысиком) и чулки у женщин были украшены изящно выполненными аппликациями и цветной вышивкой. Женская обувь обычно кроилась из крашеной кожи.

В конце столетия у девушек модными считались русские сапоги со «светлыми подковками»¹²⁸¹.

Женский комплекс украшений включал: ушные (массивные серебряные серьги с чернью с подвеской из коралла¹²⁸²), накосные (*гэзгэгэ, хонтуул, боолто*), височно-нагрудные (*хишхэ-хонхо*), шейно-нагрудные (*гуу, гохшоо, хоолобшо*), поясные (*бэлэ-ханжуурга, шэмхуур*)¹²⁸³, наручные (кольца, перстни-печатки, браслеты). Было также наспинное украшение в виде пары шелковых лент с пришитыми на них золотыми и серебряными монетами¹²⁸⁴.

Западное Забайкалье

В одежде бурят субрегиона сохранялись традиционные черты старинного кроя. Так, в холодные сезоны они ходили в шубе *дэли* из дымленной овчины (нагольной, крытой): зимняя шуба была из овчины с длинной шерстью, а демисезонная – с короткой шерстью. Летом они носили туникообразный халат *тэрлиг* восточноазиатского типа (Приложение В. Рис. 78). Отличительной деталью верхней одежды бурят субрегиона была

¹²⁸⁰ ПМА. Будаева В. О.

¹²⁸¹ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 211.

¹²⁸² Там же. С. 20.

¹²⁸³ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 91.

¹²⁸⁴ Астырев Н. М. Указ. соч., 1891. С. 211.

нагрудная нашивка *энгэр*, которая имела локальные особенности. Например, отмечают особенный *энгэр* из темных тканей у цонгольского халата¹²⁸⁵.

Престижность мужской верхней одежды у бурят Западного Забайкалья, как и у других бурят, определялась качеством закроечного материала. Как и в первой половине столетия, особо ценилась выходная одежда, тканью верха которой были китайские парча и узорчатый шелк *магнал* (*магнук*, *магнул*) с вышивкой, изображающей драконов (Приложение В. Рис. 79).

Тканью верха в простонародной одежде служили сукно и другие дешевые материи. Предпочтительными являлись ткани темных расцветок, но могли быть, скажем, и яркие (например, среди одежды ясачного бурята Цыбен-Доржи Чойлболова указана «овчинная шуба, крытая красной китайкой»¹²⁸⁶). В этой связи следует отметить, что желание мирян носить одежду, пошитую из тканей красного или желтого цветов, вызывало протест у представителей буддийского духовенства, которые оставляли только за собой прерогативу облачаться в такую одежду. Арбитром в этом споре пришлось выступить главе Забайкальской области (Приложение Б. Док-т 25).

Поверх халата пожилые мужчины носили овчинную или стеганую ватную безрукавку *хантааз* с правым запахом и опоясанную кушаком. Зимой на шубу надевали козью доху, а летом – суконный дождевик *суба* с круглым воротником. А. В. Потанина предположила, что дождевик был заимствован у русских, исходя, видимо, из созвучия слов «шуба» и «суба»¹²⁸⁷, думается, такая этимология имеет под собой основание, так как до XIX в. у бурят функцию дождевика выполняла другая одежда (меховая). Распространенная в XVIII в. у западнозабайкальских бурят меховая куртка *курма*, вероятно, была воспринята китайцами, проживавшими в приграничном Маймачене, причем, богатые носили курму, пошитую из собольего или лисьего меха, а бедные – из мерлушки¹²⁸⁸.

¹²⁸⁵ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 45.

¹²⁸⁶ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3123. Л. 216 об.

¹²⁸⁷ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 33.

¹²⁸⁸ Раев А. Указ. соч. С. 39.

В конце века нательная одежда у бурят субрегиона состояла из рубахи как распашного (*монгол самса*), так и глухого типов, а также штанов *монгол умдэн*¹²⁸⁹. Закроечным материалом для нижней одежды были российский ситец и бязь, и хлопчатобумажный текстиль английского производства, который поступал из Китая под названиями цуямба и даба¹²⁹⁰.

Головные уборы были представлены разными типами. Первый из них отличался островерхой стеганой тульей, подбитой изнутри мерлушкой, и часто имевшей наверху кисть из красной шелковой или хлопчатобумажной нити: зимняя версия такой шапки, *хасабишатай малгай*, была с пришитыми наушниками и козырьком, скроенными из одного меха, а летняя *тойробишо малгай* – с околышем из черного текстиля (бархата или плиса) (Приложение В. Рис. 80) или мерлушки. Головной убор внешне напоминал присаянско-бурятскую «32-пальчатую» шапку, но в отличие от последней ее верх был скроен из цельного куска текстиля. Особенностью ее тульи были горизонтальные строчки, символизирующие число хори-бурятских родов (Приложение В. Рис. 81). В *тойробишо малгай* особенно проявилась традиционная символика цвета, принятая у монгольских народов: верх такой шапки обычно шили из синей ткани, олицетворявшей небо; красная кисть символизировала солнце; черный колор околыша означал землю¹²⁹¹. Как и в случае с верхней одеждой, при пошиве шапок социальное деление прослеживалось в использовании ткани для верха (шелк и бархат выбирали состоятельные люди, хлопчатобумажные ткани – бедняки¹²⁹²) и меховой оторочки. Кроме того, зажиточные буряты украшали головные уборы серебряным навершием со вставленным кораллом, менее имущие – его имитацией из меди.

Сохранялась в мужском костюмном комплексе шапка-капюшон *юудэн*.

¹²⁸⁹ Смолев Я. С. Указ. соч. С. 23.

¹²⁹⁰ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 196.

¹²⁹¹ Базарова Ц. Б. Лексика головных уборов у агинских бурят // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 149–151.

¹²⁹² Раев А. Указ. соч. С. 9.

На рубеже XIX–XX вв. в одежду попадает зимняя шапка, названная западнобайкальскими жителями *чебак*, которая, как сообщает Г. М. Осокин, в Центральной России была более известна, как «шапка Нансена». Она представляла собой «остроконечную меховую шапку, пошитую «из лисьих лапок со спускающимися наушниками», но «в деталях не вполне похожую на сибирский чибак»¹²⁹³. Вероятно, новому головному убору в народе было присвоено название отдаленно его напоминавшей сибирской шапки, которая, по В. И. Далю, выглядела как «меховая шапка с наушниками, завязками и назатыльником»¹²⁹⁴. Происхождение убора чебак, судя по географии его распространения (Архангельский, Пермский, Вологодский, Сибирский регионы дореволюционной России), следует связывать с северорусской традицией.

Летом, как свидетельствует Г. М. Осокин, буряты одевали войлочные китайские шапки, подобно некоторым русским байкальцам¹²⁹⁵.

Обувь бурят субрегиона была традиционных типов: башмаковидные *эрмэг гутал* с приподнятой у носка подошвой (Приложение В. Рис. 82) и *буряад гутал* с кососрезанным носком без мысика и с союзками; поршневидная. Считается, что обувь бурят Предбайкалья попала к ним к началу XX в.¹²⁹⁶. Интересно, что бурятские ичиги, как удобную и легкую обувь, в конце XIX в. носили в байкальских войсках (казаки – А. Б.)¹²⁹⁷. Ценились *эрмэг гутал*, украшенные аппликациями из цветной кожи.

В конце века часть селенгинских бурят зимой стала обуваться в валенки, изготовленные русскими пимокатами¹²⁹⁸. У молодежи популярность получили русские сапоги¹²⁹⁹.

Носили собственного изготовления войлочные (Приложение В. Рис. 83), вязанные или тканые чулки. Из овечьей шерсти вязали варежки¹³⁰⁰.

¹²⁹³ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 197–198.

¹²⁹⁴ Даль В. И. Указ. соч., 1955. Т. 4. С. 585.

¹²⁹⁵ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 198.

¹²⁹⁶ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 128.

¹²⁹⁷ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 198.

¹²⁹⁸ Смолев Я. С. Указ. соч. С. 24.

¹²⁹⁹ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 48.

Начало ношения бурятами субрегиона вязанных варежек, рукавиц из кожи и текстиля можно датировать концом века.

Женский костюм бурят субрегиона был представлен тремя комплексами: хори-бурятским; селенгинско-кахтинским; джидинско-закаменским¹³⁰¹. Верхняя одежда хоринских и селенгинских буряток в целом имела единый покрой. Однако в ней обнаруживались локальные отличия в конструкции¹³⁰² и декоре. Говоря о последнем, укажем, что у селенгинских буряток было принято делать отделку верхней одежды двухрядной тесьмой и матерчатыми лентами с декоративной строчкой по талии (на месте сборки, связывающей лиф и подол), вороту, рукавам и низу подола.

Традиционными являлись нагольная и крытая шубы с выделенными буфами. Материалом для крытой шубы обычно были далемба синей или зеленой расцветки, и яркая хлопчатобумажная ткань (в частности, красная), из которой кроили часть рукава без буфа и обшлага. Обшлаг имел опушку из каракуля или меха бобра. Нагольную шубу украшали плисовой окантовкой по поле и вдоль груди¹³⁰³.

Сохранялась традиция ношения в межсезонье крытого халата из замши или матерчатого халата, тканью верха которого у простых бурят была далемба, а у зажиточных – шелк *магнал* или синяя и сиреневая парча. Покрой летнего халата был такой же, что и у верхней одежды, носимой в холодное время года. Как и прежде, женская верхняя одежда подпоясывалась кушаком.

Безрукавки оставались обязательным элементом костюма замужних женщин, короткие безрукавки *сээжэбиэ* (*уужа*), *хантааза* одевали в будни, в длиннополую *морин уужа* облачались по торжественным случаям. Тканью верха *морин уужа* были шелк и чесуча, а в качестве подкладочной ткани обычно использовали сатин. Кроме того, ее украшали вышивкой красной или желтой шелковой нитью. Закроечным материалом для короткой безрукавки

¹³⁰⁰ ГА РБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 307. Л. 7.

¹³⁰¹ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 90–91.

¹³⁰² Там же. С. 90–91.

¹³⁰³ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 120.

являлись сатин и парча. Стоит предположить, что, как и у отдельных групп монголов, безрукавка у части бурят Западного Забайкалья традиционно входила в костюм обоих полов.

Фасон верхней одежды девушек был проекцией соответствующей мужской одежды. Как и прежде, по достижении ими половой зрелости было принято пришивать на их одежду вставку *хуняаһа* из яркой ткани¹³⁰⁴. Новацией стало ношение девушками русских вельверетовых платьев.

Нательная одежда все также включала глухую и распашную рубаху со вставленным клином *ташаа*, и замшевые или матерчатые (из темной далемба) штаны с широким шагом. Процесс отказа от кожи в пользу текстиля прогрессировал и в ней. В конце столетия китайские хлопчатобумажные ткани заменяет ситец отечественного производства, который становится основным материалом для женской рубахи.

Женская шапка *хасабишатай малгай* отличалась от мужского образца используемым материалом и наличием неизвестных в последнем деталей. Она была с козырьком, тульей, задником и меховыми наушниками, а ее летний вариант – с тульей, тканым или меховым околышем. В рассматриваемое время головной убор стали украшать наверху в форме знака *улзы*, изготовленного из цветного шнура. Его локально-территориальными разновидностями являлись головные уборы *урбуулга* и *шобогор малгай*. Стоит вспомнить, что ранее шапку с плетеным из красного шнура знаком *улзы* носили только буддийские ламы. Получается, что женский костюм пополнился еще благодаря рецепции элемента костюма буддийского монаха.

Летней шапкой у западнозбайкальских буряток была стеганная *тойробишо малгай* с островерхой тульей и околышем. Оговоримся, что летом не все из них и не всегда носили головные уборы. Кроме того, в моду вошли хлопчатобумажные платки¹³⁰⁵, в некоторой степени заменившие собой

¹³⁰⁴ ПМА. Рыгзынова В. Н.

¹³⁰⁵ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 198.

традиционные шапки. Причем, такие платки имели распространение среди молодых буряток¹³⁰⁶.

Указанные выше виды мужской обуви были известны и в женском костюме. При этом наиболее популярной была обувь *эрмэг*, которую в каждой территориальной группе декорировали особым образом. У селенгинских буряток прошивам такой обуви придавали зеленый оттенок при помощи раствора зеленого купороса¹³⁰⁷. С эстетической целью ее голенище украшали аппликациями из крашенной кожи.

Женские чулки, как и у мужские, были вязанные из овечьей шерсти или суконные. Летом чулки не носили, и обувь надевали на босую ногу.

До конца столетия мужские и женские прически основной части бурят Западного Забайкалья оставались традиционными: мужчины отпускали одну косу, женщины – две, девушки – до двадцати; буддийские монахи и принявшие обет *шабганса* женщины и готовившиеся стать учениками лам мальчики брили голову. Праздничной у южноселенгинских буряток являлась прическа *масурган*¹³⁰⁸, известная и у халха-монголов. С включением части бурят субрегиона в забайкальское казачество эта военнослужилая категория бурят обязана была брить голову. Буряты, принявшие православие, обычно носили прически русских крестьян.

Наручными мужскими украшениями являлись изготовленные из золота, серебра или сплава металлов кольца и перстни-печатки, зачастую декорируемые вставками из камней, эмали, стекла и покрытые чеканкой или гравировкой¹³⁰⁹.

В перечень женских украшений западнозабайкальских бурят входили: накосные (*шэбэргэл*, *хонтуул*, *гээгэгбишэ*, *туйба*), височные (*боолто*), височно-нагрудные (*һиһэхэ-хонхо*, *һиһэхэ-хээ*, *сиһэхэ*), шейно-нагрудные (*зуу*, *зуубишэ*), поясные (*ахалга*, *бэлэ-һанжуурга*, *бэлэ-шэмхуур*). Отличало данный

¹³⁰⁶ ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3123. Л. 104 об.

¹³⁰⁷ Смолев Я. С. Указ. соч. С. 23.

¹³⁰⁸ Осокин Г. М. Указ. соч. С. 197.

¹³⁰⁹ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 54–55.

комплекс от предбайкальского набора украшений отсутствие в нем золотых и серебряных монет¹³¹⁰, изобилующих в последнем.

Нижнее Приононье

Мужская верхняя одежда агинских бурят принадлежала к тому же типу, что и одежда бурят Западного Забайкалья. Она имела отличительные детали, в частности, ее нагрудная нашивка *сагаалса* была заметно шире, чем *энгэр* в одежде последних, и представляла ступенчато расположенные горизонтальные полосы бархата и шелка. В зависимости от времени года буряты Нижнего Приононья облачались: зимой в крытую или нагольную шубу *дэгэл* из длинношерстной овчины; в межсезонье в крытый или нагольный *дэгэл* из короткошерстной овчины, или стеганный ватный халат; летом в тканый с подкладом халат *тэрлиг*.

В ношении верхней одежды сохранялась социальная градация: зажиточные буряты одевали шелковый халат с опушкой из дорогого меха по вороту, рукавам и полам (примером этого является образец халата, хранящийся в Кунсткамере¹³¹¹); буряты среднего достатка в качестве ткани верха халата использовали чесуча и сукно; большинство бурят носило халат из синей далембы или нагольную овчинную шубу; наконец, бедняки ходили в нагольной козьей шубе¹³¹². Простонародье предпочитало демисезонную шубу, пошитую из жеребьячьей шкуры или мерлушки¹³¹³.

Верхнюю одежду продолжали опоясывать шелковыми или хлопчатобумажными кушаками (основными цветами выбирали желтый, красный или синий).

В холода старики утеплялись, надевая на халат меховую куртку *хурмэ*.

Исследователи выделяют головные уборы бурят Нижнего Приононья в самостоятельный тип¹³¹⁴. Зимней мужской шапкой была *шэгэбиэтэй малгай*

¹³¹⁰ Потанина А. В. Указ. соч., 1912. С. 34.

¹³¹¹ МАЭ. № 313–81.

¹³¹² Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 30.

¹³¹³ Там же. С. 28.

¹³¹⁴ Буряты, 2004. С. 162.

‘шапка с наушниками’, аналог западнобайкальской *хасабишатай малгай*, летней – упомянутая выше *тооробио малгай*. Зимняя шапка обычно имела наушники из выдринного и рысьего меха, или белой мерлушки; околыш на летней шапке в основном шили из черного плиса. Агинские, подобно хоринским бурятам, на тулье головного убора наносили горизонтально стеганные ряды – их было восемь по числу родовых подразделений. Объединяла с бурятами из некоторых других субрегионов традиция украшать тулью красной кистью и металлическим навершием, иногда с оправленным в него красным кораллом; на головном уборе женщины преклонного возраста его заменяла плетенная из красного шелкового шнура шишечка *шомпо* (*сомпи*).

Сохранялись в мужском костюме такие цельнокроенные, одношовные головные уборы, как шапка-капюшон *юудэн* и нагольная овчинная шапка *маахууза*¹³¹⁵.

Закроечным материалом штанов *монгол умдэн* по традиции были короткошерстные шкуры барана, иногда ягненка и козы. Летняя распашная рубаха *морин самса* была из простой ткани (ситца, далембы, сатина), зимняя – из замши, но летом чаще ходили без нее¹³¹⁶. К началу XX в. у бурят Нижнего Приононья престижной рассматривалась рубаха из светлого текстиля. Зажиточные люди обычно предпочитали шелковые рубахи.

Агинские, как и западнобайкальские буряты, в основном носили обувь башмаковидного типа. Зимой это была *эрмэг гутал*, шитая из шкуры лошади, козы, овцы или косули, мехом вовнутрь, летом – *ябаган гутал*, произведенная из юфти или текстиля (сукна, плиса, драпа). Сближало обувь агинских и селенгинских бурят использование в качестве декора аппликаций из крашеной кожи, выполненных в форме различных орнаментальных узоров. Характерной для обуви бурят Нижнего Приононья была особая тесьма *хабшааһан* из крашеной кожи, рассекавшая посередине носок и тянувшаяся

¹³¹⁵ Базарова Ц. Б. Указ. соч. С. 151.

¹³¹⁶ Кириллов Н. В. Указ. соч. С. 87.

до центра голенища. Лучшей считалась обувь с голенищем из шелка и толстой, ценной кожи; обычной была обувь, имевшая голенище, скроенное из темного плиса.

Зимой носили вязанные чулки из овечьей шерсти.

Промысловым видом одежды являлись наколенники *убдэгэбшэ*, которые нередко изготавливали из шкуры сурка¹³¹⁷.

Женский костюм агинских бурят относят к хори-бурятскому комплексу¹³¹⁸. Их верхняя женская одежда принадлежала к тому же типу, что и одежда западнобайкальских бурят, разница обнаруживалась в деталях отделки. В частности, ее лиф не был декорирован¹³¹⁹. Буфы были длиннее и шире, чем в одежде селенгинских буряток. Места сшивания составных рукавов закрывала нашивная лента *булуубша* яркой расцветки. Нижняя узкая часть рукава завершалась обшлагом, который в зимней шубе имел опушку из меха. Кроме того, на шубу для декора нашивали и другие ленты: *хяза* окаймляла подол и бока; черная лента *татааһан* спереди разделяла лиф и подол.

Закроечный материал в женской верхней одежде был тот же, что и в мужской одежде. Как и у других бурят, престижной рассматривалась одежда из импортного узорчатого или парчового сортов шелка.

Верхняя одежда девушки *һомон дэгэл* по традиции повторяла покрой мужской одежды, как и последняя, она украшалась нагрудной нашивкой *энгэр*. Верхняя одежда половозрелых девушек украшалась нашивной лентой *татааһан* и не опоясывалась кушаком.

Как и ранее, замужние агинские бурятки носили поверх халата повседневную короткую безрукавку *одон уужа* и праздничную длиннополую *ута уужа*. Безрукавки имели окантовку бихромной тесьмой или

¹³¹⁷ РЭМ. № 4040–1а,б.

¹³¹⁸ Бадмаева Р. Д. Указ. соч., 1987. С. 90.

¹³¹⁹ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 28.

монохромной лентой; в длиннополой безрукавке по талии пришивали ленту *татааһан*, кроме того, низ подола украшала лента *мушхээһэн*¹³²⁰.

Женские головные уборы включали налобную повязку, шапки *шэгэбшэтэй малгай* и *тооробио малгай*, и созданный на основе заимствованного у русских прототипа зимний головной убор *папааха* (в отличие от известных видов папах он имел широкие наушники с завязками¹³²¹).

Женская обувь была тех же типов, что и мужская.

Мужские украшения состояли из кованных или литых колец и перстней с выгравированным или отчеканенным растительным узором. Перстни имели вставки из камней коралла и самоцветов.

Агинские бурятки по торжественным случаям надевали ювелирные украшения: накосные (*боолто*, *туйба*); височно-нагрудные (*һиихэ*); шейно-нагрудные (ожерелье *хоолойбишо*, ладанки (*гуу*)); наручные (серебряные и медные браслеты, кольца из серебра, золота); наплечные (*мурэнэй гуу*) височно-нагрудные (*һиихэ*), поясные (*һанжуурга*)¹³²².

В убранстве девичьего костюма использовалось накосное украшение *һабхаг* в виде подвески, сплетенной из цветного шнура; в нижней части она заканчивалась кистью.

Во второй половине XIX в. усиливается тенденция к оседлости, детерминируемая обращением все большего числа бурят к земледельческим занятиям. На фоне возрастания миграционных потоков, скорректировавших демографию населения Байкальского региона в сторону дальнейшего роста в ней доли переселенцев (главным образом русских), происходит изъятие части бурятских земель; и расселение бурят претерпевает новые изменения. Продолжается распространение новых форм заселения; в то же время в отдельных субрегионах приречная (в Предбайкалье) и приморская (в

¹³²⁰ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 30.

¹³²¹ Базарова Ц. Б. Указ. соч. С. 152.

¹³²² Бадмаев А. А. Указ. соч., 1997. С. 40–42.

Восточном Прибайкалье) формы заметно теряют значение. Наблюдались подвижки и в соотношении между поселенческими системами бурят: улусная, улусно-заимочная, деревенская имеют тенденцию к расширению; хотонная и улусно-хотонная – к сжатию.

Материалы данного периода фиксируют дальнейший количественный рост поселений во всех территориальных группах бурят. К концу XIX в. сеть бурятских населенных пунктов в Предбайкалье включала 701 поселение, большинство из которых были улусами (73,9 %). В Восточном Присаянье в нее входили 202 поселения, среди которых 129 являлись улусами (63,9 % поселений) и 57 – характерными для закаменских бурят урочищами – локусами с дисперсно проживавшим в малых сезонных поселениях полукочевым населением (28,2 %). Чуть большее число составляли населенные пункты у бурят Прибайкалья – их насчитывалось 259, 241 (93,05 % поселений) из которых были улусами.

Количество населенных мест у западнозбайкальских бурят достигало 829, включая 633 т. н. урочища (76,4 % поселений) и 158 улусов (19,06 % поселений). Осторожного отношения требует количество населенных пунктов у бурят Нижнего Приононья: официально их имелось 43, 42 (97,7 % поселений) из которых были отнесены к улусам. Учитывая, что улус у агинских бурят понимался в значении территориального рода, а основным типом поселения, как было установлено, оставался хотон, число населенных мест у них должно было быть значительно больше.

В целом, можно сказать, что улус и хотон в зависимости от субрегиона оставались основными типами поселений у бурят, деревня и другие типы населенных мест в этом плане им значительно уступали.

Во второй половине XIX в. типичными для большинства групп бурят, включая бурят Предбайкалья (кроме кудинских и верхоленских), Восточного Присаянья, Прибайкалья и Забайкалья, являлись небольшие населенные пункты.

Расширение бурятской сети расселения было вызвано: процессами отселения части жителей из старых улусов и организации ими новых населенных пунктов; появлением на месте летних поселений улусов, зарождением поселений частного характера (заимок, выселок, мельниц); созданием малых населенных пунктов (улусов и деревень).

Начавшая складываться в первой половине столетия иерархичность в системе поселений (когда в узловых местах дорожной сети субрегионов развивались административные центры бурятских ведомств, крупные улусы и селения) обретает новый импульс. Поселения сохраняли беспорядочную форму заселения, лишь в конце столетия у части бурят Предбайкалья и Западного Забайкалья получает развитие одно-двухуличная планировка улусов. Население многих поселений становится смешанным как в плане родового, меньше этнического состава, так и принадлежности к различным хозяйственно-бытовым группам бурят.

Продолжается дворовое строительство, прежде всего, у полуоседлых бурят, при этом преобладают одночастные дворы. Более сложная планировка дворового пространства отмечается у состоятельной части полуоседлых и у оседлых бурят. Формирование бурятского двора происходит благодаря заимствованию опыта строительства хозяйственных построек у русских.

Рассмотрение динамики развития жилищ и изменений в пропорции типов жилищ свидетельствует, что ареал войлочной юрты сузился: у агинских бурят она была в круглогодичном пользовании; в сезонном, реже в постоянном – у селенгинских и хоринских бурят. Растущая оседлость среди разных территориальных групп сделала безальтернативным проживание в срубных юрте и избе. География разных видов бревенчатых юрт не изменилась с первой половины XIX в. Наряду с эксплуатацией юрт и домов как сезонных жилищ, транслировалась традиция круглогодичного проживания в войлочной или срубной юрте. Стремление к модификации юрт и домов через их художественное оформление и улучшение конструкционных и эксплуатационных качеств (отопления, утепления и др.)

проявлялось у различных территориальных групп бурят; на волне этого зарождались новые виды срубных юрт и переходные типы деревянных жилищ.

В рассматриваемый период усиливается влияние русской городской и аграрной культуры на интерьерный комплекс, главным образом в зонах межэтнического контакта. Пограничная торговля с Китаем, а также упрочение позиций буддизма среди забайкальских и присаянских бурят, расширили контакты бурят с центральноазиатской культурной общностью, что выразилось во внутреннем убранстве жилища. Посредническую функцию в инкорпорации инокультурных элементов, как и ранее, исполняли зажиточные люди. Трансформация интерьерного комплекса жилища в наибольшей степени произошла у бурят Предбайкалья, проживавших в зоне активного межэтнического контакта с русскими и быстро развивавшихся социально-экономических (с конца столетия – капиталистических) отношений. Менее были выражены изменения во внутреннем убранстве жилища бурят из горно-таежных и степных территорий, отдаленных от губернского, областного и окружных центров, уездных городов и локусов расселения русского населения.

Система питания бурят, как и ранее, основывалась на продуктах, которые давало, прежде всего, скотоводство; их дополняли продукты земледелия, в меньшей степени охоты, рыболовства, огородничества и собирательства. Другими словами, система питания у всех этнотерриториальных групп относилась к скотоводческо-зерновому классу. Использование этих продуктов, в конечном счете, и определяло специфику пищи, вкусовые пристрастия бурят. В их структуре питания преобладала пища с высоким содержанием белков и жиров. Соотношение основных групп продуктов в ней варьировало в зависимости от сезона и условий природной среды. Естественно, что качество питания в значительной степени были связаны со социальным статусом и обеспеченностью семьи.

В пищевом комплексе бурят отмечаются заимствования блюд русской народной и дацанской (у бурят Забайкалья, Восточного Присаянья) кухонь, что было обусловлено ростом межэтнического взаимодействия бурят и русских, и расширением влияния буддизма на бурят. Кроме того, имели место внутриэтнические заимствования, вызванные развитием культурных связей между территориальными группами бурят и ростом их внутренней миграции.

У большинства бурят Восточного Присаянья, Нижнего Прионья и Западного Забайкалья традиционные мужской и женский костюмы в полной мере сохраняли свой облик. В Предбайкалье, меньше в Восточном Прибайкалье и Восточном Присаянье, где процессы седентаризации обратили часть бурят в оседлое и полуоседлое население, в народный костюм были включены отдельные образцы русской сельской и городской одежды.

Другим фактором, оказавшим ограниченное воздействие на костюм бурят (в основном женский), была их религиозная принадлежность, точнее следование требованиям канона.

Социальный фактор, связанный, в первую очередь, с сохранением территориально-родовой структуры у бурят вплоть до конца столетия, также определял судьбу костюма – традиционное общество придерживалось консервативных взглядов в его отношении. В зонах активного межэтнического контакта, где инокультурное влияние было существенно и набирал обороты процесс разрушения скотоводческого уклада жизни, заимствование элементов русского народного и городского костюмов происходило быстрее.

Другой уровень заимствований, а значит, и трансформации в бурятском народном костюме, был связан с существованием внутриэтнических связей, когда элементы одного субрегионального костюмного комплекса включались в другие комплексы.

Анализ показывает, что больше всего заимствований имелось в костюме предбайкальских бурят, меньше – агинских бурят, причина кроется

в большом консерватизме культуры последних. Функциональное использование элементов костюма колебалось в зависимости от обеспеченности людей и от сложившейся традиции.

В культуре жизнеобеспечения бурят второй половины XIX в., помимо субрегиональной специфики, можно выделить зональные особенности. Большая часть ареала расселения бурят относилась к одной зоне (500–800 м над уровнем моря), в которую входили степные долины Предбайкалья, Восточного Присяянья, Прибайкалья и Забайкалья.

Другая зона (800–1800 м) располагалась в высокогорных районах Восточных Саян и состояла из небольших участков холодной степи. Иначе говоря, необходимо сравнивать культуру жизнеобеспечения закаменских и окинских бурят с культурой других бурят. Например, в жилищно-поселенческом комплексе указанных групп бурят зональная специфика, прежде всего, проявлялась в конструкции срубной юрты – их основного жилища. В системе питания она была обусловлена включением в пищу продуктов (ячье и оленье мясо и молока, некоторые другие продукты животного и растительного происхождения), неизвестных другим бурятам. В костюмном комплексе это было связано с выбором пошивочного кожного и мехового материала.

Взаимосвязи между компонентами культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX в. имели тенденцию к укреплению. В основном они были детерминированы рецепцией бурятами (преимущественно состоятельными) отдельных блюд, снеди и напитков из русской кухни, которая, в свою очередь, требовала приобретение и использование соответствующих видов утвари (в частности, столовой посуды). Массовый переход к жизни зимой в домах имел следствием начало использования бурятами русской крестьянской и городской мебели (лавок, стульев, столов и др.).

В изучаемое время под влиянием различных факторов культура жизнеобеспечения бурят переживала определенную трансформацию, которая

являлась формой адаптации к меняющимся внешним условиям. Седентаризация, культивируемая государством, расширялась, охватывая разные территориальные группы бурят, она, в особенности, проявилась в их жилищно-поселенческом комплексе, меньше — в других жизнеобеспечивающих системах. Инновации в форме заимствований из культуры русских и других народов региона проникали, прежде всего, в среду состоятельных бурят, в дальнейшем они могли быть восприняты или не восприняты остальной частью этнического общества. В той же мере это относимо и к такому явлению, как мода, которая могла зародиться как внутри культуры народа, так и быть привнесенной извне. В этой связи укажем, что в разных территориальных группах она могла иметь разную природу: примером ее саморазвития в среде бурят Забайкалья является инкорпорация в народный костюм элементов выходного костюма управленческой элиты. Усиление межэтнического взаимодействия открывало дорогу моде, пришедшей главным образом из русской городской культуры. Иноэтничные элементы из жилищно-поселенческого комплекса, костюма, питания и интерьера жилища попадали в соответствующие компоненты культуры жизнеобеспечения бурят, не подвергаясь изменению. Наряду с заимствованиями, отмечается эндогенный процесс создания инноваций, в этом плане наиболее показателен поиск архитектурных решений, результатом которого было строительство гибридных видов срубного жилища, сочетавшего в себе качества русской избы и бурятской юрты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в рамках работы анализ становления традиционной культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза показал, что она была генетически связана с культурами Байкальского региона, существовавшими в древности и средневековье.

Культурогенез сопровождался трансляцией культурных комплексов эпохи доминирования присваивающего хозяйства и той стадии скотоводства, которая бытовала в домонгольское время. В то же время наиболее значимым в культуре жизнеобеспечения бурят было наследие культур средневековых монголов и предков бурят.

Культура жизнеобеспечения бурят XVIII в. унаследовала некоторые элементы культур Юго-Восточной Сибири домонгольского периода, в совокупности формирующие субстратный слой. Структурообразующими в ней являются элементы, относимые к культурам средневековых монголов и предков бурят.

В XVIII–XIX вв. происходило становление и развитие традиционной культуры жизнеобеспечения бурят. Эти процессы определили природно-географический, социо-культурный, политический и социально-экономический факторы.

Адаптационные процессы прошлого наложили определенный отпечаток на культуру жизнеобеспечения бурят. Свидетельством тому является разнообразие типов жилищ у бурят в начале XVIII в., сложившееся в ходе приспособления их предков к природно-экологическим зонам Байкальского региона. Все эти типы переносных и стационарных жилищ, происхождение которых относится к различным историческим эпохам и этническим общностям, оказались востребованы именно потому, что природная среда региона отличалась вариативностью. Другим показателем адаптации является посезонная эксплуатация жилищ у полукочевых и полuosедлых бурят: их ежегодные сезонные перекочевки и связанная с этим

смена жилья, помимо хозяйственной необходимости, отвечали этноэкологическим нормам и уменьшали антропогенное давление на природу.

Вариативность конструкций жилищ определяло также наличие в регионе строительного леса и иных натуральных материалов, а также занятие скотоводством, продукты которого применялись при строительстве. Освоение природной среды происходило путем организации окружающего пространства, в котором выделяли сакральные места, границы поселений и хозяйственных зон.

Природно-географический фактор оказал заметно меньшее влияние на интерьерный комплекс бурят начала XVIII в. Тем не менее адаптация к среде обитания выразилась в использовании продуктов переработки скотоводческого и природного сырья (древесины, бересты, меха и кож домашних и диких животных, войлока и др.) для изготовления предметов внутренней обстановки жилища.

Уровень приспособления бурят к окружающей среде демонстрирует их комплекс питания, который всецело базировался на биологических ресурсах, которыми была богата Юго-Восточная Сибирь - на производимой в традиционном хозяйстве скотоводческой и в меньшей степени земледельческой продукции. Комплексность, альтернативность и максимальная эффективность в использовании ресурсов, позволяла поддерживать баланс в обеспечении продовольствием. Любые климатические изменения и эпидемические заболевания домашнего скота неизбежно приводили к кризису в питании. Однако, широкое включение растительной пищи и дикого мяса в комплекс питания гарантировало высокий уровень адаптивности бурят начала XVIII в.

Костюмный комплекс бурят (с применением для пошива меха и кожи диких и домашних животных, войлока) также демонстрирует успешную адаптацию. Конструкция и крой одежды, обуви и головных уборов в рамках

традиционного костюма отвечали строгим погоднo-климатическим требованиям Юго-Восточной Сибири.

В XVIII в., на этапе формирования бурятского народа, для автохтонных групп Предбайкалья и Восточного Присяянья актуальной являлась адаптация к меняющимся социокультурным условиям (к русским и монгольским переселенцам, изменениям в управлении инородческим населением). Для мигрантов (селенгинских монголов, бурят-переселенцев из Предбайкалья и бурят-репатриантов из Халхи), помимо социокультурной адаптации, насущным было приспособление к новым природно-экологическим зонам. При этом сильнее данный процесс затронул родовые группы предбайкальских бурят: в ходе адаптации у них менялась структура хозяйства, в которой особую роль играло товарное рыболовство. Соответственно, имела место адаптация к природной среде субрегиона, приведшая к новациям в системе питания (рост потребления рыбы, у ольхонских бурят – еще и включение в пищу мяса морского зверя).

Реконструкция культуры жизнеобеспечения бурят XVIII в. выявила в ней устойчивое ядро, которое сохранялось на компонентном и элементном уровнях; новации затрагивали отдельные стороны культуры (например, в жилищно-поселенческом комплексе они проявились в изменении ареала расселения, в зарождении первых деревень и дворов и др.).

Седентаризационные процессы, начало которым было положено во второй половине XVIII в. вызвали инновации в культуре жизнеобеспечения бурят. Трансформацию культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определили качественные изменения под воздействием как внутренних процессов, так и культурных заимствований, которые протекали с различной скоростью. При этом базовые характеристики культуры жизнеобеспечения отличала консервативность.

В ходе авторского исследования получило подтверждение одно из основных положений, выносимых на защиту, о том, что в XVIII–XIX вв. формировались маркирующие черты в культуре жизнеобеспечения бурят (в

интерьере жилища, в костюмном комплексе, в системе питания). В силу специфики расселения бурят в их культуре жизнеобеспечения формировались существенные локальные различия.

Решение задачи анализа развития культуры жизнеобеспечения бурят в первой половине XIX в., выявления путей и результатов ее трансформации и тенденций модернизации позволило сделать ряд выводов.

Было доказано, что приобщение бурят к земледелию имело следствием строительство в их населенных пунктах экономических магазинов, водяных мельниц и кузниц. В первой половине XIX в. в жилищно-поселенческом комплексе они привели к зарождению и становлению улусно-заимочной и деревенской поселенческих систем, к появлению административных центров бурятских ведомств.

В стационарных поселениях бурят, в особенности Предбайкалья, (не только в деревнях, но и в улусах) стали типичными дворы с капитальными жилыми (избами и многостенными срубными юртами) и хозяйственными постройками, в том числе со срубными овинами.

Переход бурят к оседлости был связан с действием такого фактора, как влияние русской урбанистической и сельской культуры. Это ощущалось, например, во включении в интерьер жилища отдельных видов крестьянской и городской утвари и мебели. В комплексе питания бурят внешнее воздействие обнаруживается в употреблении оседлыми и представителями отдельных хозяйственно-бытовых групп крупяных и овощных продуктов, картофеля, и в заимствовании соответствующих рецептов блюд из русской народной кулинарии. В зонах интенсивных русско-бурятских контактов, в частности, в Предбайкалье и Юго-Восточном Прибайкалье, под влиянием указанного выше фактора буряты восприняли отдельные элементы русского народного костюма.

Во второй половине XIX в. тенденция перехода к оседлости продолжает усиливаться, этому способствует целый комплекс взаимосвязанных внешних и внутренних факторов (экономических,

демографических, социальных). В итоге заметно выросла сеть бурятских населенных пунктов, расширился локус распространения улусно-заимочной и деревенской поселенческих систем, получили развитие такие поселения частного характера, как заимка и выселок. В поселениях увеличилось число жилых и хозяйственных капитальных строений (домов, изб, срубных юрт, амбаров и др.).

В зонах активных контактов бурятского и русского населения (в Предбайкалье, Юго-Восточном Прибайкалье и части Восточного Присяянья и Западного Забайкалья) множились примеры заимствований из русской культуры, особенно из городской субкультуры; они касались костюма, пищи и интерьера жилища не только оседлой части бурят, но и других хозяйственно-бытовых групп.

В конце XIX в. буряты переживали последствия начавшейся модернизации экономики и социальной жизни в России. Прежняя сословно-инородческая политика, основанная на положениях «Устава об управлении инородцев» 1822 г., консервировала традиции и образ жизни бурят, защищала их этническую территорию, создавала условия для этноконсолидации. Однако в конце столетия она пришла в противоречие с общим процессом социально-политического развития России. Государственные реформы рубежа XIX–XX вв. (землеустроительная и административная) были направлены на унификацию прав сибирских инородцев и крестьян.

Проводимые реформы в особенности затронули бурят Предбайкалья, у которых во второй половине XIX в. произошли заметные изменения в социально-экономической сфере: усилилось социальное расслоение из-за капитализации хозяйств и развития частного предпринимательства; имела место убыль трудоспособного населения в Западное Забайкалье и другие субрегионы; и т. д.

Многие буряты не смогли сразу приспособиться к изменившимся социально-культурным условиям и, по сути, испытали «культуршок»,

внешними проявлениями которого были: распространение социальных болезней, повышавших смертность среди бурят; развивающиеся среди них, с одной стороны, агрессивность, а, с другой, ригидность к новым реалиям.

Тем не менее о влиянии модернизации на культуру жизнеобеспечения бурят можно говорить с большой долей условности и прежде всего потому, что в конце XIX в. бурятский социум еще сохранял черты традиционного общества: его экономика, социальный строй, духовная жизнь (включая религиозную сферу) в целом оставались прежними. Те модернизационные изменения, которые затронули отдельные стороны жизни бурят (потеря ими части этнической территории, переданной Переселенческим фондом русским и иным переселенцам-крестьянам; рост товарности основных хозяйственных занятий и промыслов; развитие сезонного отходничества; выделение слоя сельских предпринимателей), оказывали больше опосредованное воздействие на компоненты их культуры жизнеобеспечения.

Сокращение размеров бурятских земельных владений, вследствие которого изменялись форма их хозяйства и состав домашнего стада, опосредованно сказывалось на структуре питания, приближая его к питанию оседло-земледельческого населения. В то же время более тесные этнокультурные контакты с пришлым населением, расширение товарно-денежных отношений с городом и русско-сибирским селом имели результатом новые заимствования из русской сельской и городской культуры.

Культура жизнеобеспечения бурят являлась подвижной системой. На всех этапах этнической истории она находилась под воздействием природно-географического фактора, который особенно ощутимо сказывался на комплексе питания. Любые природные катаклизмы (землетрясения, засухи, пожары и т. д.) негативным образом отражались на состоянии отдельных компонентов культуры жизнеобеспечения. Комплексность хозяйства у основной массы бурят представляла определенную гарантию его стабильности.

С расширением торговли и ростом товарности основных отраслей экономики буряты получили больше возможностей для обеспечения себя продовольствием. Добавим, что в период XVIII–XIX вв. природно-климатические условия Байкальского региона характеризовались устойчивостью, а вот социокультурные условия, в частности, под влиянием усиливавшегося межэтнического взаимодействия изменялись, поэтому для бурят первостепенное значение имела социокультурная адаптация.

Социо-культурный фактор, представляющий совокупность разных причин, связывается, в первую очередь, с влиянием политики российского государства. В XVIII в. его значение было минимальным и это, прежде всего, обуславливалось позицией государства в отношении аборигенов Сибири, в которых оно видело исключительно поставщиков ясака. В XIX в. в государственной политике возобладали идеи седентаризации и христианизации сибирских аборигенов, и это существенно трансформировало их культуру жизнеобеспечения.

Необходимо также учитывать то воздействие, которое оказал на бурятскую культуру буддизм, официально признанный и поддерживаемый властью: в XVIII в. его распространение имело локальный характер, но с 1820–х гг. ареал буддизма расширился на все Забайкалье и на часть других субрегионов, и культура жизнеобеспечения бурят вобрала элементы буддийской культуры.

Внешнее воздействие на культуру жизнеобеспечения бурят росло на протяжении XVIII–XIX вв. и было связано с расширением межэтнических контактов, развитием региональной экономики и ее интеграцией в российскую. Сдвиги в хозяйственной жизни, рост торговли, последствия реформы управления сибирских инородцев М. М. Сперанского, расширение русско-бурятских контактов вносили инновации в компоненты культуры жизнеобеспечения бурят.

В целом, трансформацию культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определили качественные изменения под воздействием как

внутренних процессов, так и культурных заимствований, которые протекали с различной скоростью. При этом базовые характеристики культуры жизнеобеспечения бурят отличала устойчивость. С начала XIX в. стала существенной роль Российского государства в изменении хозяйства и быта бурят, и их религиозных практик. Внедряемые сверху новации во многом определили характер трансформации культуры жизнеобеспечения бурят.

Подводя итоги исследования в заключении следует констатировать, что в ходе решения основных задач в рамках квалификационной работы была достигнута ее основная цель: выявлены основные механизмы и тенденции развития культуры жизнеобеспечения бурят в контексте социокультурной и этнополитической истории XVIII–XIX вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1.1. Архивные материалы

**Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала института
востоковедения РАН
(АВ СПФИВ, г. Санкт-Петербург)**

Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105.

**Государственный архив Республики Бурятия
(ГА РБ, г. Улан-Удэ)**

Ф. 1 (*Кудинская степная дума*).

Оп. 1. Д. 69, 300, 338, 387, 409, 652, 1599, 2733, 3059, 3096, 3120, 3214.

Ф. 2 (*Селенгинская степная дума*).

Оп. 1. Д. 1–14, 5, 13, 41, 49, 105, 128, 220, 363, 381, 618, 677, 824, 991, 1276, 1306, 1445, 1596, 1790, 2060, 2109, 2184, 2198, 2199, 2221, 2815, 2834, 3064, 3075, 3123, 3140, 3262, 3391.

Оп. 2. Д. 253, 1629.

Ф. 3 (*Балаганская степная дума*).

Оп. 1. Д. 71, 276, 326, 334, 367, 508, 584, 733, 899, 1431, 1857.

Ф. 4 (*Верхоленская степная дума*).

Оп. 1. Д. 22, 92, 184, 218, 537.

Оп. 2. Д. 15.

Ф. 5 (*Кударинская степная дума*).

Оп. 1. Д. 35, 275, 277, 516, 790, 804, 893–894, 912, 918–920, 1033, 1071, 1094, 1102, 1113, 1230, 1273.

Оп. 2. Д. 57, 117, 457, 478, 490.

Ф. 6 (*Аларская степная дума*).

Оп. 1. Д. 62, 93, 156, 170, 182, 256, 275, 403.

Ф. 7 (*Баргузинская степная дума*).

Оп. 1. Д. 75, 76, 95, 104, 243, 252, 341, 375, 404, 450, 456, 998, 1049, 1074, 1690, 1725, 2317, 2331, 2370, 2414, 2535, 2672.

Ф. 8 (*Хоринская степная дума*).

Оп. 1. Д. 307, 1017, 1084.

Оп. 2. Д. 96, 155, 236, 307.

Ф. 12 (*Ольхонская степная дума*).

Оп. 1. Д. 20, 28, 62, 69, 160, 239.

Ф. 129 (*Агинская степная дума*).

Оп. 1. Д. 1017, 1755, 3084, 3098, 3462, 3687, 3762.

Ф. 171 (*Тункинская степная дума*).

Оп. 1. Д. 29, 130, 157.

ФР. 433 (*Рукописный фонд И. Е. Тугутова*).

Оп. 1. Д. 6.

ФР. 460 (*Верхоленская степная контора*)

Оп. 1. Д. 90.

Государственный архив Иркутской области

(ГА ИО, г. Иркутск)

Ф. 25. Оп. 10. Св. 40. Д. 1234.

Отдел редких книг библиотеки Иркутского государственного университета (ОРКБ ИГУ, г. Иркутск)

Инв. 472.

Российский государственный архив древних актов

(РГАДА, г. Москва)

Ф. 24 (*Сибирский приказ и управление Сибирью*).

Оп. 1. Д. 9–1, 21–19, 70, 1423.

Ф. 199 (*Портфели Г.Ф. Миллера*).

Оп. 1. Порт. 481–7, 509–2, 513–9, 517–22.

**Российский государственный исторический архив
(РГИА, г. Санкт-Петербург)**

Ф. 1264 (*Первый сибирский комитет*).

Оп. 1. Д. 4, 48, 300.

Ф. 1265 (*Второй сибирский комитет*).

Оп. 1. Д. 67.

Ф. 1281 (*Совет министров*).

Оп. 4. Д. 78, 91.

**Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН
(ЦВРК ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ)**

Ф. 1 (*Личный архив У.-Ц. Онгодова*).

Оп. 1. Д. 14, 16, 18.

Ф. 4 (*Личный архив М. П. Хангалова*).

Оп. 1. Д. 50.

Ф. 6 (*Личный архив Жамцарано Ц. Ж.*).

Оп. 1. Д. 47.

Ф. 17 (*Личный архив Румянцева Г. Н.*).

Оп. 1. Д. 251, 392, 420, 457.

Общий фонд.

Инв. 202, 247, 443, 2384.

1.2. Законодательно-нормативные материалы

1. Устав об управлении инородцев. 22 июня 1822. // ПСЗРИ. Т. XXXVIII. СПб.: Тип. II отд. имп. канцелярии, 1830. С. 394–416.
2. Инструкция, данная по Указу Его Императорского Величества из походной Посольской Канцелярии Китайской Экспедиции Пограничному Дозорщику, Селенгинскому Дворянину Григорью Фирсову да толмачу Степану Кобею // Щербачев А. П. Исторические сведения / Сост. А. П. Щербачев. СПб., 1898. Прил. 77. (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 5)

1.3. Летописи, хроники и мемуары XIII в., своды обычного права, сборники документов

3. Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. 198 с.
4. Марко Поло. Книга Марко Поло / пер. со старофранцуз. И. П. Минаева, ред. и вступит. статья И. П. Магидовича. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1956. 376 с.
5. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / факсимиле ксилографа пер. с китай., введение, комментарий и прил. Н. Ц. Мункуева. Памятники письменности Востока. М.: Наука, 1975. Т. XXVI. 286 с.
6. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: Наука. Сиб. издат. фирма, 1992. 312 с.
7. Плано Карпини Д. История монголов. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. 270 с.
8. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. 270 с.
9. Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Тип. И. Носковского, 1876. 282 с.

- 10.Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ: Тип. мин-ва культуры БурАССР, 1960. Вып. 1. 494 с.
- 11.Цыбиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 283 с.

1.4. Словари, энциклопедии, справочники

- 12.Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- 13.Большая советская энциклопедия: на 3-х CD-дисках. М., 2003.
- 14.Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973. 804 с.
- 15.Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Госизд-во иностр. и национал. словарей, 1955. Т. 1: А-З. 699 с.; Т. 2: И-О. 779 с.; Т. 3: П. 555 с.; Т. 4: Р-Я. 683 с.
- 16.Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: на CD-диске. Любня: Юнитехнопласт, 2004.
- 17.Народы мира: историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 624 с.
- 18.Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956. 1084 с.

1.5. Статистические материалы

- 19.Азиатская Россия: В 3-х т. / Переселенческое упр. Гл. упр. Землеустройства и земледелия. СПб., 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. 576 с., Т. 2. Земля и хозяйство. 638 с.
- 20.Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском Комитете Действительным Статским Советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. II. 697 с.

21. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев / С. К. Патканов. СПб., 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Приморская обл. и о. Сахалин. С. 433–1002 с. (Зап. ИРГО. Отд-ние статистики. Зап. Т. 11, вып. 3).
22. Перепись населения РФ 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol14/pub-04-01.pdf (дата обращения 07.09.2012)
23. Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын ур зун. URL: <http://www.toollogo2010.mn> (дата обращения: 12.07.2016)
24. Buryat, Chinese in China. URL: <http://joshuaproject.net> (дата обращения: 14.07.2016)
- 1.6. Мемуары и научные труды исследователей конца XVII – начала XX в.
25. Аксенова Л. В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145. № 2. С. 738–739.
26. Александров Н. Даурские буряты // По родному краю. Сб. ст. по отечествоведению. /сост. В. Львович. М.: Издание М. В. Клюкина, 1902. С. 358–366.
27. Альбицкий Ф. Записки Забайкальского миссионера священника Ф. Альбицкого // ИЕВ. 1866. № 8. С. 98–101, № 9. С. 112–116, № 10. С. 132–140.
28. Астырев Н. М. Монголы-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. 1890. № 12, декабрь. С. 11–53.
29. Астырев Н. М. Население // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 1–190.

30. Астырев Н. М. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири / Н. Астырев. М., 1891. 450 с.
31. Бестужев Н. А. Гусиное озеро: статьи, очерк / Б. Дугаров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 112 с.
32. Буряты (Этнографический очерк) // Калейдоскоп. 1862. № 10. С. 149–159.
33. Бюлер Ф. А. Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и шаманство // Отечественные записки. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1859. Т. СХХV. С. 201–258.
34. Вамбоцыренов И. Аба-хайдак (облава у хоринских бурят) // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21. № 2. С. 29–34.
35. Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Перевод с голландского языка В. Г. Трисман. Амстердам: Изд-во «Pegasus», 2010. Т. 1. 621 с.
36. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири М. Геденштрома. СПб.: Тип. мед. Деп-та мин-ва внутр. дел, 1830. 165 с.
37. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве, народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб.: Изданием книгопродавца Ивана Глазунова, 1799. Ч. II. 376 с.
38. Головачев Д. М. Бюджеты. СПб., 1898. 399 с. (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 16).
39. Головачев Д. М. Население. Хозяйственный быт / Введение и под ред. Д. М. Головачева. Чита, 1911. 366 с.
40. Головачев П. М. Сибирь: природа, люди, жизнь. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1902. 300 с.

41. Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1859. Ч. 4. Вып. 1. С. 236–256.
42. Дуброва Я. П. Женщины у монголо-бурят // Сибирь. 1884. № 35–39. 107 с.
43. Дуброва Я. П. Поездка в Монголию // Известия ВСОИРГО. 1885. № 1, 2, 3. С. 24–237.
44. Дуброва Я. П. Экспедиция к берегам р. Селенги // Известия ВСОИРГО. 1884. Т. XV. № 1–2. С. 1–92.
45. Евецкий О. Поездка из Иркутска в Кяхту чрез Байкал или Святое море // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. Кн. II. С. 102–138.
46. Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
47. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступительная статья, перевод и комментарии М. И. Казанина. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1967. 404 с.
48. Калмыков А. Землевладение. СПб., 1898. 268 с. (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 8).
49. Кастрен М. А. Путешествие А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / А. Кастрен // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860. Т. 6, Ч. 2: Собрание старых и новых путешествий.
50. Кастрен М. А. Сочинения / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика; коммент. А. П. Зенько, С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Л. Мандрика, 1999. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). 352 с.
51. Катанов Н. Ф. Известия Лоренца Ланге 1716 г. о Сибири и Сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губ. музея. Тобольск, 1905. Вып. 14. 10 с.

52. Кейзерлинг Р. Сибирь: Из путевых записок. М., 1900. 250 с.
53. Кириллов Н. В. Об акушерстве у забайкальских инородцев в связи с некоторыми особенностями их быта // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1897. Кн. 4. Отд. VII. С. 84–92.
54. Клеменц Д. А. Население Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. Сб. статей под ред. С. Мельника. СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1908. С. 36–78.
55. Ковалевский О. М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. 1829. Т. 27, кн. 9–10. С. 15–54, 151–264.
56. Ковалевский О. М. Пребывание у бурят. Из писем г. Ковалевского // Молва. 1833. № 147. С. 585–588, № 153. С. 700–702.
57. Копылов В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северо-байкальских бурят шаманистов // Труды православных миссий Иркутской епархии. Т. 4: 1878–1883. Иркутск, 1886. С. 550–580.
58. Крашенников С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы. Н. П. Степанов. М.; Л.: Мысль, 1966. 241 с.
59. Крашенников С. П. Описание земли Камчатки, с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. 847 с.
60. Кроль М. А. Краткий очерк истории забайкальских бурят, их общественный строй, брачные и семейные отношения // Известия ИРГО. 1899. Т. XXXV. С. 859–860.
61. Кроль М. А. О забайкальских бурятах // Записки Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1896. Вып. I–III. С. 1–26.
62. Кроль М. А. По кочевьям забайкальских бурят // Новое слово. 1897. № 5, февр. С. 107–126; № 6, март. С. 134–158; № 7, апрель. С. 112–141.
63. Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 192 с.

64. Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск: Тип. окружного штаба, 1867. Кн. IX, X. С. 1–94.
65. Крюков Н. А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. 165 с.
66. Кулаков П. Е. Буряты Иркутской губернии // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1896. Т. XXVI. № 4–5. С. 118–166.
67. Кулаков П. Е., Молодых И. А. Труды по участию отдела на Всероссийской выставке в 1896 г. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. 242 с.
68. Кюхельбекер М. К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. С. 25–53.
69. Ланганс Ф. Буряты или Братские. Сибирский вестник. СПб., 1824. Ч. I. С. 40–43.
70. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.
71. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. № 9–10. С. 1–138.
72. Лядов А. Буряты // Рассвет. 1861. Т. 12. № 11. С. 229–242.
73. Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела императорского Русского географического общества в 1855 году, Р. Мааком. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1859. 590 с.
74. Макарий. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1880 г. // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1886. Т. 4: 1878–1883. С. 225–295.

- 75.Малков А. Записки миссионера, священника Алексея Малкова за 1870 год // Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1884. Т. 2: 1868–1872. С. 383–414.
- 76.Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири / А. Мартос. М., 1827. 291 с.
- 77.Мевес И. Три года в Сибири и Амурской стране // Отечественные зап. 1863. Т. 148. № 5,6. С. 250–292, 564–588; Т. 149. № 7. С. 60–90.
- 78.Мелетий. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1883 год // ИЕВ. 1884. №№ 33, 34.
- 79.Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше/ Пер. с нем. А. Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляске из российских архивов: VIII. I. Герард Фридрих Миллер, Этнографические труды. Часть 1.)
- 80.Моллесон М. Краткий отчет о весенней экскурсии по р. Джиде в 1912 году // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1912. Т. 15. Вып. 3. М.: Сенатская тип., 1914. С. 11–24.
- 81.Монголо-буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч. 3. № 7. С. 3–47.
- 82.Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой/. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 156 с.
- 83.О баргузинских подгорных братских // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 12, июнь. С. 70–81; Ч. 13, июль. С. 16–30.
- 84.Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Мих. Татариновым / Подготовка к печати, введение и примечания Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1958. 80 с.
- 85.Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
- 86.Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. СПб., 1788. Ч.3. Кн. 1. 634 с.

87. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч. 1. 208 с.
88. Пастух Даурец (Зензинов М. А.). Записки о забайкальских бурятах // Русский вестник. СПб., 1842. № 4, апр. С. 17–40.
89. Петерсон Н. Возможность и условия поземельного устройства забайкальских кочевых инородцев: Докладная записка по поводу командировки в Забайкалье летом 1900 года делопроизводителя совещания Н. Петерсона / Н. Петерсон. СПб., 1901. 373 с.
90. Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 году // Известия ВСОИРГО. 1886. Т. XVII. № 1–2. С. 1–83.
91. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. 2: Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 181 с.
92. Потанина А. В. Буряты // Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М.: Тип. Елизаветы Гербек, 1895. 296 с.
93. Потанина А. В. Буряты: Этнографический очерк. Из наблюдений над жизнью бурят // Сибирский сборник. 1890. Вып. 1. С. 170–178.
94. Потанина А. В. Молочное хозяйство у бурят Верхнеудинского округа // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21. № 2. С. 35–41.
95. Потанина А. В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. Изд. 2-е. М.: Тип. К. Л. Меньшова, 1912. 61 с.
96. Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25–39.
97. Радде Г. Озеро Байкал // Вестник ИРГО. Ч. 21. СПб.: Тип. Э. Праца, 1858. С. 107–156.
98. Раев А. Буряты // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 24. С. 1–40.
99. Разумов Н. И. Забайкалье: Свод материалов высочайше учрежденной комиссии для исследования местного землевладения и

- землепользования под председательством стат-секретаря Куломзина. СПб., 1899. 373 с.
100. Разумов Н. И., Сосновский И. Население, значение рода у инородцев и ламаизм. СПб., 1898. 165 с. (Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Куломзина. Вып. 6).
101. Риттер К. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею: Восточная Сибирь: озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. СПб., 1879. Вып. 1. 477 с.
102. Риттер К. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею: Восточная Сибирь: Озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. Новейшие сведения об этих странах (1832–1893), служащие последними выпусками к рус. тексту Риттера, изданному под приведенному заглавию в 1879 г. / К. Риттер; [Сост. П. Семенов, И. Д. Риттер, Г. Г. фон Петц]. СПб., 1894. Ч. 1. 605 с.
103. Риттер К. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею: Восточная Сибирь: Озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби / К. Риттер; [Сост. П. Семенов, И. Д. Риттер, Г. Г. фон Петц]. СПб., 1895. Ч. 2. 605 с.
104. Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. Ч. 4, 5 / П. Ровинский // Древняя и новая Россия. СПб., 1875. № 11. С. 230–255; № 12. С. 381–388.
105. Сгибнев А. С. Отчет о действиях Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества за 1863 г. // Записки ИРГО. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1864. С. 1–66.
106. Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. 58 с.

107. Спасский Г. И. Буряты или братские // Сибирский вестник. 1824. Ч. I–II. Кн. 2. С. 22–86.
108. Спасский Г. И. Российские монголы // Сибирский вестник. 1824. Ч. 4. С. 167–174.
109. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Записки ИРГО. СПб., 1882. Т. X. Вып. I. 215 с.
110. Стахеев Д. Очерки бурятской жизни (посвящается Ф. Н. Пахолкову) // Русское слово. 1865, ноябрь. С. 161–226.
111. Струве Б. В. Воспоминания о Сибири (1848–1854 г.). СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1889. 180 с.
112. Стуков С. Записки миссионера Хоринского отдела Забайкальской духовной миссии за первую половину 1865 года // ИЕВ. 1866. № 2. С. 15–24.
113. Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления. СПб.: Тип. МВД, 1912. 130 с.
114. Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергадом Фишером. СПб., 1774. 631 с.
115. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
116. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 2. 444 с.
117. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. Т. 3. 421 с.

118. Щукин Н. С. Буряты // Журнал министерства внутренних дел. 1849. № 8. С. 167–187.
119. Щукин Н. С. Земледелие в Даурии // Журнал министерства внутренних дел. 1849. Ч. 25. № 3. С. 423–448; Ч. 26. № 4. С. 69–103.
120. Щукин Н. С. О скотоводстве в Восточной Сибири // Журнал министерства внутренних дел. 1849. Ч. 27. № 9. С. 337–384.
121. Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1833. 231 с.
122. Щукин Н. С. Поездка на остров Ольхон // Сын Отечества. 1852. № 8. С. 27–56.
123. Эйрие. Живописное путешествие по Азии: Пер. Е. Корша. М.: Тип. Н. Степанова, 1839. Т. I. 296 с.
124. Эйрие. Живописное путешествие по Азии: Пер. Е. Корша. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. Т. III. 225 с.
125. Bell John. John Bell Travels from St. Petersburg in Russia, to various parts of Asia. A journey from St. Petersburg in Russia, to Pekin in China. Edinburgh, 1828. Vol. 1. 442 p.
126. Cochran John Dundas. Narrative of pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen sea and Kamtchatka. Third edition. London: Printed for Charles Knight, Pall Mall East, 1824. Vol. II. 344 p.
127. Giller Agaton. Zabajkalskiej krainy w Syberyi. Lipsk: F.A. Brockhaus, 1867. 317 p.
128. Pinkerton John. General collection of the best and most interesting voyages and travels in all parts of the world. London, 1811. Vol. VII. 821 p.
129. Potocki J. Voyage dans le steppe d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829. 440 p.

2. СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

2.1. Литература на русском языке

Монографии и статьи

130. Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 244 с.
131. Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 152–183.
132. Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 8–49.
133. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Изд. 2-е. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1941. 612 с.
134. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Новосибирск: Наука, 2006. LXXII. 504 с. (СО РАН, Избранные труды)
135. Алимбай Н. А. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Алимбай Н. А., Муканов М. С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Гылым, 1998. С. 10–61.
136. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
137. Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Культура жизнеобеспечения и этнос. М., 1983. 320 с.
138. Арутюнян Ю. В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 13–21.

139. Арутюнян Ю. В. Армяне-россияне: опыт социально-культурной адаптации // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 92–99.
140. Арутюнян Ю. В. Трансформация постсоветских наций. М.: Наука, 2003. 205 с.
141. Асалханов И. А. Об одном нойонском хозяйстве второй половины XIX века // Краткие сообщения БКНИИ. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4. С. 72–83.
142. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 494 с.
143. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1975. 265 с.
144. Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. В 3-х т. М.: Философское об-во СССР, 1991. Т. 1. 318 с.
145. Бадмаев А. А. Буряты и русские: диалог культур (XVIII – первая половина XIX века) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 264–300.
146. Бадмаев А. А. Некоторые новые данные об агинских бурятах. Вторая половина XIX века // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. VII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 492–497.
147. Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.
148. Бадмаев А. А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX века: технологический и мировоззренческие аспекты. Новосибирск: ПреПресс-Студио, 2005. 204 с.

- 149.Бадмаев А. А. Традиционные жилища бурят: проблема генезиса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. XVIII. С. 312–324.
- 150.Бадмаев А. А., Адыгбай Ч. О., Бурнаков В. А., Маншеев Д. М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2006. 168 с.
- 151.Бадмаев А. А., Маншеев Д. М. Традиционная молочная пища присаянских бурят // Межкультурное взаимодействие народов Байкальского региона. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 30–38.
- 152.Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.
- 153.Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. 142 с.
- 154.Бадмаева Р. Д. Одежда и украшения верхоленских бурят // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1980. С. 65–72.
- 155.Базарова Ц. Б. Лексика головных уборов у агинских бурят // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 148–155.
- 156.Байкал. Природа и люди. / Под ред. А. К. Тулохонова. Улан-Удэ: ЭКОС, Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 608 с.
- 157.Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 256 с.
- 158.Балдаев С. П. Несколько замечаний о «зэгэтэ аба» // Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4. С. 97–99.
- 159.Балдунников А. К. К вопросу о тарасунокурении и шаманстве среди бурят // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 43–45.
- 160.Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. Санкт-Петербург, 2009. 248 с.

161. Басаева К. Д. Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 52–89.
162. Басаева К. Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1984. С. 109–124.
163. Басанова Э. Г. Джон Белль о Бурятии // Этногр. Сб. 1969. Вып. 5. С. 200–223.
164. Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Очерки истории селенгинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1993. 101 с.
165. Батуева И. Б. Буряты на рубеже XIX–XX вв. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1992. 74 с.
166. Батуева И. Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 1999. 251 с.
167. Батуева И. Б. Буряты. Традиции скотоводческой культуры в XIX – начале XX века. Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. 143 с.
168. Белобородова И. Н. Культура жизнеобеспечения: этнографические аспекты изучения социально-природных систем // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва (8–11 июня 1999 г.). М., 1999. С. 62–63.
169. Белобородова И. Н. Традиционное природопользование русских Архангельского Севера: историко-этнологический подход к определению исследовательского поля // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 1.
170. Белов А. В., Безрукова Е. В., Соколова Л. П., Абзаев А. А., Летунова П. П., Фишер Е. Э., Орлова Л. А. Растительность Прибайкалья как индикатор глобальных и региональных изменений природных условий Северной Азии в позднем кайнозое // География и природные ресурсы, 2006. С. 5–18.

171. Бломквист Е. А. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С 5–45.
172. Богатырев П. Г. Функции костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 297–368.
173. Бокщанин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая / А. А. Бокщанин, О. Е. Непомнин; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2002. 430 с.
174. Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. 212 с.
175. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 633 с.
176. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с.
177. Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
178. Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–51.
179. Ванчиков Б. Войлочная юрта агинских бурят // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 37–40.
180. Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сб. МАЭ. 1963. Т. 21. С. 3–64.
181. Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.: Изд-во «Наука», 1980. 224 с.
182. Вэддлингтон К. Символический аспект в развитии бурятского жилища // Этническая история и современное национальное развитие народов мира: Тез. докл. конф. молодых науч. сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР. М., 1967. С. 19–23.

183. Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969. 218 с.
184. Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.
185. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 230 с.
186. Галданова Г. Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки. (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 173 с.
187. Галданова Г. Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 141–150.
188. Герасимов И. В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63–73.
189. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101–122.
190. Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах. Улан-Удэ: Бурят-монгол. изд-во, 1939. 92 с.
191. Голенкова З. Т. Теории модернизации // Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998. С. 552–553.
192. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1995. 606 с.
193. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. М.: КомКнига / URSS, 2007а. 240 с.
194. Гринин Л. Е. Методологические основания периодизации истории // Философские науки. 2006а. № 8. С. 117–123; № 9. С. 127–130.
195. Гринин Л. Е. Периодизация истории: теоретико-математический анализ // История и Математика: проблемы периодизации

- исторических макропроцессов / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: КомКнига/URSS, 2006б. С. 53–79.
196. Гринин Л. Е. Производственные революции и периодизация истории // Вестник Российской Академии наук. 2007б. № 77/4. С. 309–315.
197. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: ЛКИ / URSS, 2008. 568 с.
198. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: русское население и земледельческое освоение. М.: Наука, 1965. 265 с.
199. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
200. Дамбаев Г. Э. Современное жилище баргузинских бурят // Этногр. Сб. 1969. Вып. 5. С. 11–15.
201. Даржа В. К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл: ТуВИКОПР СО РАН, 2003. 184 с.
202. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
203. Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
204. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
205. Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // СЭ. 1983. № 5. С. 104–113.
206. Дугаров Д. С. Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1983. С. 36–51.
207. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. 400 с.

208. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 175 с.
209. Жигмитов Д. Б. Молочные блюда агинских бурят // Этногр.сб. – Улан-Удэ, 1961. Вып.2. С.141–143.
210. Жинкин В. Н. Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочующих бурят Агинского аймака // Жизнь Бурятии. 1927. № 1–3. С. 55–64; № 4–6. С. 72–85.
211. Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 198 с.
212. Жуковская Н. Л. Мир традиционной монгольской культуры. Серия «Российские труды по востоковедению». Нью-Йорк: Эдвин Мелен Пресс, 2000. Т. 11. 306 с.
213. Жуковская Н. Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 64–75.
214. Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1990. 112 с.
215. Зайцев М. А., Свинин В. В., Харинский А. В. Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э.: Сб. статей. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 233–251.
216. Залкинд Е. М. К истории бурят-хоринцев в конце XVII в. // Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4. С. 68–72.
217. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.
218. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 320 с.
219. Залкинд Е. М. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII в. // Зап. БМНИИК, 1956. Вып. XXIV. С. 140–170.

220. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1991. 511 с.
221. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 248 с.
222. Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М.: Вост. лит-ра, 2011. 278 с.
223. Зориктуев Б. Р. Кто вы, старые баргуты Китая? // Вестник БНЦ СО РАН. 2012. № 2(6). С. 40–51.
224. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 102 с.
225. Зориктуев Б. Р. Современный быт бурятского села. Новосибирск: Наука, 1982. 112 с.
226. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963. 500 с.
227. Иванов С. В. Элементы военной (защитной) одежды в шаманских костюмах народов Сибири // Краткое содержание докл. Годичной науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1970. Л., 1971. С. 47–48.
228. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под. ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261–291.
229. Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов (историко-этнографический очерк) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, Т. XVIII. С. 239–287.
230. Историко-этнографический атлас Сибири / Под. ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова; АН СССР. М., 1961. 498 с.
231. История Бурят-Монгольской АССР / Под. ред. А. П. Окладникова; БМНИИК. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1951. Т. 1. 574 с.

232. История Бурят-Монгольской АССР: В 2-х т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Гл. ред. П. Т. Хаптаев; БМНИИК. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. Т. 1. 495 с.
233. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. руково, ред. и введение П. А. Зайончковского. М.: Изд-во «Книга», 1976. Т. 1: XV–XVIII вв. 302 с.
234. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. руково, ред. и введение П. А. Зайончковского. М.: Изд-во «Книга», 1978. Т. 2. Ч. 2: 1801–1856. 342 с.
235. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. руково, ред. и введение П. А. Зайончковского. М.: Изд-во «Книга», 1981. Т. 3. Ч. 3: 1857–1894. 375 с.
236. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. / Гл. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1969. Т. 1: Древняя Сибирь. 1968. 454 с.; Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 1968. 538 с.
237. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М.: Наука, 1971. 188 с.
238. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 228 с.
239. Ким Н. В. Материалы Ланганса о культуре и быте бурят // Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1965. Вып. 4. С. 145–156.
240. Ким Н. В. О литературных источниках XVIII века по истории земледелия у бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды БИОН БФ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1973. Вып. 20. С. 133–138.

241. Козлов В. И. Жизнеобеспечение этноса: Содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология. Теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 3–43.
242. Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3–16.
243. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье: (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.
244. Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 212 с.
245. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX в. М.: Наука, 1979. 205 с.
246. Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.
247. Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. 239 с.
248. Крадин Н. Н. Кочевое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. Т. XII. Fasc. 11. С. 213–244.
249. Крадин Н. Н. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
250. Крадин Н. Н. Складывание патронажно-клиентных отношений в современном скотоводческом хозяйстве агинских бурят // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 249–257.
251. Крадин Н. Н., Янков А. Г. Трансформационные процессы в скотоводческом хозяйстве бурят-монгольских кочевников на рубеже XX–XXI вв. // Вестник РГНФ, 2006. № 4. С. 177–186.

252. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
253. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.
254. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав и история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
255. Кулинарные традиции мира: Современная энциклопедия / Вед. ред. Е. Ананьева. М.: Аванта+, 2003. 432 с.
256. Курилов В. Н., Майничева А. Ю., Люцидарская А. А. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс-Студио, 2005. 100 с.
257. Курьшов А. М. Трансформация системы традиционного хозяйства коренных народов Прибайкалья на рубеже XIX–XX столетий. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 212 с.
258. Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
259. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 193–267.
260. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда как материал к этнической истории народа // СЭ. 1956. № 4. С. 18–31.
261. Лейбович О. Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь: Западноуральский учебно-научный центр, 1996. 156 с.
262. Линховоин Л. Л. Агын буряадуудай еһо заншалнууд // Байкал. 1990. № 1. С. 110–120.
263. Линховоин Л. Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 102 с.

264. Липинская В. А. Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 236–280.
265. Липинская В. А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М: Наука., 1987. 224 с.
266. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII–XX вв. М.: Наука, 1996. 269 с.
267. Лурье С. В. Историческая этнология. 1-е изд. М.: Аспект, 1997. 448 с.
268. Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.
269. Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 233 с.
270. Мангатаева Д. Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона / Под ред. Раднаева Б. Л. Новосибирск: Наука, 2000. 214 с.
271. Маншеев Д. М. Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присаянья (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 208 с.
272. Маншеев Д. М. Хозяйство бурят в XIX веке: основные факторы и особенности развития. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 265 с.
273. Маркарян Э. С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 96–109.

274. Маркарян Э. С. Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // ВАН СССР. 1981. № 1. С. 111–117.
275. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. 256 с.
276. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 316 с.
277. Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. М.: Наука, 1973. 13 с.
278. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
279. Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
280. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. 215 с.
281. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. С. А. Арутюнов. М.: Наука, 1989. Вып. 3. 224 с.
282. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
283. Медведев В. В. Поселения и жилища чувашей Башкортостана второй половины XIX – начала XX в. Магнитогорск: МаГУ, 2012. 226 с.
284. Миняев С. С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2(38). С. 49–58.
285. Михайлов В. А. Войлочная и деревянная юрты бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1993. 76 с.
286. Михайлов В. А. Традиционные занятия бурят: животноводство, земледелие (XVII – начало XX века). Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 276 с.

287. Михайлов В. А. Традиционные промыслы бурят: охота, рыболовство (XVII – начало XX века). Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006а. 140 с.
288. Михайлов В. А. Традиционные ремесла бурят: строительство, металлообработка (XVII – начало XX века). Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2006б. 196 с.
289. Михайлов Т. М. Из истории поселений идинских бурят // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 36–52.
290. Мэрдыеев Р. С. Изделия из шерсти и волоса в Аларском аймаке. Верхнеудинск, 1928. 10 с.
291. Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: ИМИОН, 2005. 159 с.
292. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. 190 с.
293. Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 168 с.
294. Окладников А. П. История и культура Бурятии: Сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.
295. Окладников А. П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир: Сб. статей. М., 1962. С. 418–431.
296. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII). Л.: СОЦЭКГИЗ, 1937. 425 с.
297. Очерки истории культуры Бурятии / Ред. кол.: Е. М. Залкинд (отв. ред.), Н. В. Ким, Т. М. Михайлов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. Т. 1. 490 с.
298. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. I: Поселения и жилища. Кн. 1. 490 с.
299. Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР / Под. ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова; АН СССР. Сиб. отд-ние.

- Ин-т этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 365 с.
300. Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2008. 256 с.
301. Павлуцкая В. В. Сохтер–II – могильник в расщелинах скал старобурятского времени (XVII–XIX вв.) // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: Сб. науч. тр. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 77–88.
302. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 464–481.
303. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 344–402.
304. Петри Б. Э. Внутриродовые отношения у северных бурят // Изв. Биол.-геогр. науч.-исслед. Ин-та при Иркут. гос. Ун-те. Иркутск, 1925. Т. 2. Вып. 1. 71 с.
305. Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят. СПб., 1918. С. 215–252. (Сб. МАЭ АН; Т. V. Вып. I).
306. Пешкова Г. А. Степи Приангарья и их связи со степями соседних территорий // Известия СО АН СССР. 1959. № 11. С. 62–68.
307. Полтораднев П. Г. Буряты / Под ред. Б. Э. Петри; Гос. Иркут. обл. музей. Сер. крат. путеводителей. № 3. Иркутск, 1927. 8 с.
308. Полтораднев П. Г. Окинский край // Жизнь Бурятии. 1930. № 5–6. С. 54–65.
309. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–226.
310. Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. 1925. № 3–4. С. 91–95.

311. Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. 1971. Т. 27: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. С. 5–100.
312. Пронин Н. М., Кильдюшкин В. А., Сокольников Ю. А. Рыбы Бурятии: систематический состав и распределение по бассейнам // Биоразнообразие Байкальской Сибири / В. М. Корсунов, Н. М. Пронин, Г. Г. Гончиков и др. Новосибирск, 1999. С. 88–99.
313. Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 227–328.
314. Прыткова Н. Ф. Головные уборы // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 329–368.
315. Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщ. / Ин-т этнографии. 1952. Вып. 15. С. 19–22.
316. Рандалов Ю. Б. Современное поселение и жилище бурят (По материалам Бичурского аймака) // Этногр. об. 1965. Вып. 4. Культура и быт народов Бурятии. С. 55–72.
317. Рассадин В. И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1984. С. 65–80.
318. Рукавишников И. А. Очерки хозяйственного быта бурят Селенгинской Даурии. Иркутск, 1923. 39 с.
319. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
320. Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование / Под ред. и с введ. Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск, 1925. Т. 1. 226 с.
321. Скрынникова Т. Д. Монголы: модель социополитической организации кочевников // *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae*

- Scientarum Mongoli. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. Т. XII. Fasc. 11. С. 346–364.
322. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Вост. лит-ра, 1997. 214 с.
323. Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005. 218 с.
324. Соколова З. П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // СЭ. 1991. № 4. С. 3–17.
325. Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: «Три Л», 1998. 285 с.
326. Соктоева И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. Новосибирск, 1988. 159 с.
327. Сулейменов Т. А. О некоторых особенностях культуры жизнеобеспечения кочевой цивилизации. URL: http://www.rusnauka.com/7_NND_2009/Philosophia/42964.doc.htm (дата обращения: 09.06.2011)
328. Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 168 с.
329. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.
330. Томилов Н. А. Культура и ее структурные сферы // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1. С. 39–43.
331. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 271 с.
332. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
333. Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М.: Наука, 2001. 293 с.
334. Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ: БКНИИ, 1958. 215 с.
335. Тумахани А. В. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970. 110 с.

336. Улаханов Г. А. Кожевенное кустарное производство у северных бурят // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 34–36.
337. Уртюбаев Д. Ц. Молочная пища баргузинских бурят // Этногр. сб. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. С. 137–140.
338. Федорова Е. Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX – первая половина XX в. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб.: Наука, 1994. С. 76–119.
339. Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1993. Вып. XVII. Телеуты. Кн. 2. 325 с. (Народы и культуры).
340. Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 151 с.
341. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
342. Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 143–161.
343. Ханхараев В. С. Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 148 с.
344. Харинский А. В. Погребальный ритуал ольхонских бурят в XIX – начале XX в. (по материалам могильника Елга II) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2006. Т. 9. С. 178–200.
345. Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки. / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М.: Наука, 2004. 413 с.
346. Хмельное и иное: Традиционные напитки народов Евразии / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М.: Наука, 2008. 488 с.

347. Хомич Л. В. Колыбель в традиционной культуре народов Сибири // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб.: Наука, 1994. С. 120–163.
348. Хороших П. П. Материалы по орнаменту ольхонских бурят // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 211–214.
349. Хороших П. П. Материалы по орнаменту северных бурят. Узоры на шитых работах // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 37–40.
350. Хороших П. П. Наскальные рисунки на горе Манхай II // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. М.; Л., 1951. Вып. XXXVI. С. 191–195.
351. Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 1999. Вып. 3. 266 с.
352. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.
353. Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XIX вв.). М.: Логос, 2001. Вып. 1. 184 с.
354. Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. М.: Логос, 2002. Вып. 2. 160 с.
355. Шитова С. Н., Гаделгареева Р. Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX в. М., 1979. С. 78–125.
356. Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII – середина XIX в. Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1985. 280 с.
357. Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.
358. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М.: Изд-во «Наука», 1981. 256 с.

359. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 66–78; № 6 С. 78–85; 1996. № 3. С. 104–111; № 4. С. 87–97.
360. Ямсков А. Н. История развития концепции этноэкосистемы в отечественной этноэкологии и характеристики ее структурных блоков // Экологии древних и современных обществ: тез. докл. конф. Тюмень, 2003. Вып. 2. С. 271–273.
361. Ямсков А. Н. Культура и культурная адаптация в этноэкологических исследованиях: к вопросу о содержании некоторых понятий и терминах // Эволюция. 2005. № 2. С. 50–53.
362. Ямсков А. Н. Социально-демографические показатели адаптированности сельского населения к постсоветским условиям жизни // Экология древних и современных обществ: тез. докл. конф. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. 3. С. 302–305.
363. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Учебн. пособие. М.: Высшая школа, 1977. 241 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

364. Балданова А. С.-Д. Традиционное хозяйственное природопользование бурят в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 27 с.
365. Батуева И. Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2000. 378 с.
366. Бураева О. В. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона (XVII – начало XX в.): Дис. ... докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 447 с.
367. Дагданова М. Б. Традиционный женский костюм западных бурят: дифференцированные функции.: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 328 с.

368. Дарбакова В. П. Традиционные домашние промыслы и ремесла монгольских народов МНР.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. 140 с.
369. Кандрина И. А. Баня в материальной и духовной культуре финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья.: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. 200 с.
370. Курилов В. Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 29 с.
371. Майничева А. Ю. Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации. XVII–XX вв.: Автореф. дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 2005. 46 с.
372. Мальцев Г. И. Народная медицина коми-пермяков конца XIX – начала XX века (историко-этнографический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 26 с.
373. Миягашева С. Б. Старые баргуты Китая: Этническая история и традиционная культура.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 23 с.
374. Назаров И. И. Традиционное хозяйство и культура жизнеобеспечения кумандинцев во второй половине XIX – XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 348 с.
375. Никонова Л. И. Этномедицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья в системе их жизнеобеспечения: Историко-этнографическое исследование: Автореф. дис. докт. ист. наук. Саранск, 2001. 38 с.
376. Павлинская Л. Р. Художественный металл бурят XIX – начала XX в. в историко-этнографическом аспекте: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 208 с.
377. Самбуева С. Б. Символика традиционного бурятского женского костюма.: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 192 с.

378. Содномпилова М. М. Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов.: Автореф. дис. докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 50 с.
379. Тимощук А. С. Традиционная культура: сущность и существование: Дис. ... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2007. 402 с.
380. Титов Е. В. Поселения и усадьбы татар Прииртышья середины XIX – начала XXI века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 32 с.
381. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX в. (система жизнеобеспечения): Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2003. 471 с.
382. Эрдэнэбат Д. Вооружение, одежда, кожаные шлемы и доспехи монголов периода империи чингисидов: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 206 с.

2.2. Литература на иностранных языках

383. Berger P. L. The Heretical Imperative. Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. N.Y.: Anchor Press, 1979. 220 p.
384. Inglehart R. Globalization and Postmodern Values // The Washington Quarterly. 1999. Vol. 23 (1).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Таблицы

Таблица 1

Динамика численности оседлых в составе бурят Балаганского
ведомства в первой половине XIX века

№ п/п	Год	Общее число бурят (чел.)	Численность оседлых (чел.)	Уд. вес, %
1	2	3	4	5
1	1829	14139	255	1,8
2	1840	19318	3075	15,9
3	1851	15155	4296	28,3

Источники: ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 136; ГА РБ. Ф. 3. Д. 326. Оп. 1.
Л. 34 об.; ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 584. Л. 21 об.

Таблица 2

Динамика численности оседлых в составе бурят Кудинского ведомства
в первой половине XIX века

№ п/п	Год	Общее число бурят (чел.)	Численность оседлых (чел.)	Уд. вес, %
1	2	3	4	5
1	1831	12937	153	1
2	1843	12967	123	1
3	1852	12755	203	1,6

Источники: ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 79; ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338.
Л. 68; ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 652. Л. 42.

Таблица 3

Динамика баланса типов жилищ в структуре поселений у полуоседлых
бурят Кудинского ведомства

№ п/п	Год	Вид сезонного поселения					
		Летник		Зимник			
		Типы жилищ					
		Срубная юрта	Изба	Срубная юрта	Уд. вес, %	Изба	Уд. вес, %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1831	43	-	43	62	26	38

2	1843	41	-	41	52	38	48
3	1852	47	-	47	58	34	42

Рассчитано по: ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 78; ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338. Л. 73 об.; ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 652. Л. 43.

Таблица 4

Динамика развития улусов с жилищами у «кочевых» бурят

Ольхонского ведомства

№ п/п	Год	Количество улусов	Число срубных юрт	Уд. вес, %	Число изб	Уд. вес, %
1	2	3	4	5	6	7
1	1831	26	1286	100	-	-
2	1844	30	1350	100	-	-
3	1853	29	1659	95	83	5

Источники: ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 69. Л. 12; ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 160. Л. 51.; ГА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 239; Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2000. С. 53.

Таблица 5

Структура стада у «кочевых» бурят Прибайкалья в 1843–1844 гг.

№ п/п	Территориальные группы бурят	Лошади	Уд. вес %	КРС	Уд. вес %	Овцы	Уд. вес %	Козы	Уд. вес %	Всего скота
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Ольхонские буряты	1956	10,72	4267	23,38	10802	59,19	1218	6,67	18243
2	Кударинские буряты	4533	23,77	6090	31,90	7670	40,18	775	4,06	19068
3	Баргузинские буряты	5162	14,96	6828	19,79	21320	61,79	1192	3,45	34502
4	Итого	11651	16,22	17185	23,93	39792	55,41	3185	4,44	71813

Источники: по Маншееву Д. М., 2011. С. 237, 239–240.

Таблица 6

Динамика численности скота у кударинских бурят во второй половине
XIX века

№ п/п	Год	Насе- ление	Количество, шт.									
			Лошади	Уд. вес %	КРС	Уд. вес %	Овцы	Уд. вес %	Козы	Уд. вес %	Свиньи	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1853	4469	3610	24,46	4873	331,02	5457	36,98	806	5,46	12	0,08
2	1871	4997	2115	37,24	2665	46,92	810	14,26	90	1,58	-	-
3	1889	4520	3121	23,16	7616	56,51	2535	18,81	164	1,22	42	0,31
4	1902	5147	3248	20,73	7491	47,82	4072	26,0	804	5,13	50	0,32

Источники: ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 918–920. Л. 3–3 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1113. Л. 6 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1230. Л. 19 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 57. Л. 22.

Таблица 7

Размеры зимних улусов аларских бурят в 1859 г.

№ п/п	Число жителей (чел.)	Количество населенных пунктов	Уд. вес %
1	2	3	4
1	до 100	13	27
2	от 101 до 200	16	33
3	от 201 до 300	8	16
4	от 301 до 400	3	6
5	свыше 400	9	18
6	Итого	49	100

Источники: ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275.

Таблица 8

Градация улусов аларских бурят по числу представленных в них родов в
1859 г.

№ п/п	Число родов в улусе	Количество улусов	Уд. вес %
1	2	3	4
1	1	17	25,4
2	2	22	32,8
3	3	11	16,4
4	4	8	11,9
5	5	4	6

6	6	3	4,5
7	7	2	3
8	Итого	67	100

Источники: ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275.

Таблица 9

Размеры населенных пунктов бурят Предбайкалья по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориальная группа бурят	Всего насел. пунктов	Количество населенных пунктов с хозяйствами							
			До 21	Уд. вес %	21–50	Уд. вес %	51–100	Уд. вес %	более 100	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Аларские	99	60	60,6	28	28,3	10	10,1	1	1
2	Балаганские	189	111	58,73	66	34,92	10	5,29	2	1,06
3	Верхоленские	161	71	44,1	75	46,6	13	8,1	2	1,2
4	Идинские	189	104	55,03	59	31,22	22	11,64	4	2,11
5	Кудинские	48	13	27,08	24	50,0	8	16,67	3	6,25
6	Нижнеудинские	15	9	60,0	5	33,3	1	6,7	-	-
7	Итого	701	368	52,5	257	36,7	64	9,1	12	1,7

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч.

Таблица 10

Распределение населенных пунктов бурят Предбайкалья (по типам) по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориальная группа бурят	Всего насел. пункт.	Количество населенных пунктов по типам						
			Улусы	Селения поселки	Деревни	Заимки	Выселки	Мельницы	Др.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Аларские	99	72	1	5	18	2	1	-
2	Балаганские	189	125	1	13	40	5	5	-
3	Верхоленские	161	116	3	-	-	37	2	3
4	Идинские	189	155	3	12	11	3	3	2
5	Кудинские	48	43	3	-	-	2	-	-
6	Нижнеудинские	15	7	1	2	5	-	-	-
7	Итого	701	518	12	32	74	49	11	5

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч.

Таблица 11

Динамика изменений жилищного фонда аларских бурят во второй половине XIX века

№ п/п	Год	Всего жилищ	Типы жилищ			
			Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7
1	1854	5639	2009	35,6	3630	64,4
2	1860	6102	2266	37,1	3836	62,9
3	1879	7172	2949	59,44	4223	40,56

Источники: ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 182. Л. 24 об.;

Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 98

Таблица 12

Жилищный фонд кудинских бурят в 1867 и 1887 гг.

№ п/п	Год	Всего жилищ	Типы жилищ			
			Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7
1	1867	8973	2828	31,5	6145	68,5
2	1887	9892	3848	38,9	6044	61,1

Источники: ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1599. Л. 14; ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д.

3096. Л. 67 об.

Таблица 13

Размеры населенных пунктов бурят Восточного Присяянья по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориальная группа бурят	Всего насел. пунктов	Количество населенных пунктов с хозяйствами							
			До 21	Уд. вес %	21–50	Уд. вес %	51–100	Уд. вес %	более 100	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

1	Тункинские	95	50	52,6	28	29,5	10	10,5	7	7,4
2	Окинские	21	16	76,2	5	23,8	-	-	-	-
3	Закаменские	86	52	60,5	24	27,9	9	10,5	1	1,1
4	Итого	202	118	58,4	57	28,2	19	9,4	8	4,0

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч. С. 445–446, 447–448, 450–453, 652–658.

Таблица 14

Распределение населенных пунктов бурят Восточного Присаянья (по типам)
по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориаль- ная группа бурят	Всего насел. пункт.	Количество населенных пунктов по типам							
			Улусы	Селения, поселки	Дерев- ни	Заимки	Высел- ки	Мель- ницы	Уро- чища	Др.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Тункинские	95	81	4	1	-	3	2	-	4
2	Окинские	21	21	-	-	-	-	-	-	-
3	Закаменские	86	27	2	-	-	-	-	57	-
4	Итого	202	129	6	1	-	3	2	57	4

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч. С. 445–446, 447–448, 450–453, 652–658.

Таблица 15

Жилищный фонд тункинских бурят в 1868 и 1874 гг.

№ п/п	Год	Население	Всего жилищ	Типы жилищ			
				Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1868	11760	6343	2206	32,5	4137	67,5
2	1874	12068	6379	2201	34,5	4178	65,5

Источники: ГА РБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 130. Л. 194; ГА РБ. Ф. 171. Оп. 1.
Д. 157.

Таблица 16

Размеры населенных пунктов бурят Прибайкалья по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориальная группа бурят	Всего насел. пунктов	Количество населенных пунктов с хозяйствами							
			До 21	Уд. вес %	21–50	Уд. вес %	51–100	Уд. вес %	более 100	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Ольхонские	90	75	83,3	12	13,3	3	3,4	-	-
2	Кударинские	44	29	65,9	12	27,3	3	6,8	-	-
3	Баргузинские	125	85	68,0	29	23,2	10	8,0	1	0,8
4	Итого	259	189	73,0	53	20,4	16	6,2	1	0,4

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч. С. 509–513, 598–601, 658–660.

Таблица 17

Распределение населенных пунктов бурят Прибайкалья (по типам) по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориальная группа бурят	Всего насел. пункт.	Количество населенных пунктов по типам							
			Улусы	Селения, поселки	Деревни	Заимки	Выселки	Мельницы	Урочища	Др.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Ольхонские	90	76	-	1	2	8	-	-	3
2	Кударинские	44	42	2	-	-	-	-	-	-
3	Баргузинские	125	123	2	-	-	-	-	-	-
4	Итого	259	241	4	1	2	8	-	-	3

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч. С. 509–513, 598–601, 658–660.

Таблица 18

Динамика изменений жилищного фонда ольхонских бурят в 1860–1880-е гг.

№ п/п	Год	Население	Всего жилищ	Типы жилищ			
				Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1862	6088	1952	152	7,78	1800	92,22
2	1867	5944	1690	158	9,35	1532	90,65
3	1880	5379	3881	1197	30,85	2684	69,15
4	1884	5382	4004	1412	35,26	2592	64,74

Источники: Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2000. С. 53–54; Маншеев Д. М. Указ. соч., 2011. С. 107.

Таблица 19

Динамика численности оседлых в составе бурят Кударинского
ведомства во второй половине XIX века

№ п/п	Год	Общее число бурят (чел.)	Численность оседлых (чел.)	Уд. вес, %
1	2	3	4	5
1	1853	4469	20	0,4
2	1871	4997	47	0,9
3	1876	3886	19	0,5
4	1886	5234	22	0,4
5	1889	4520	25	0,5

Источники: ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 912. Л. 5; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 3–6 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1094. Л. 36 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1113. Л. 27 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 57. Л. 1 об.

Таблица 20

Изменение религиозной ситуации у кударинских бурят во второй
половине XIX века

№ п/п	Год	Общее число бурят (чел.)	Численность шаманистов (чел.)	Уд. вес, %	Численность православных христиан (чел.)	Уд. вес, %
1	2	3	4	5	6	7
1	1858	4579	4407	96,2	172	3,8
2	1870	4940	3681	74,5	1259	25,5
3	1876	3886	2411	62,0	1475	38,0
4	1891	4628	2368	51,2	2260	48,8

Источники: ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 893–894. Л. 43 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 6 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 117; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 457. Л. 23.

Таблица 21

Динамика развития поселений у кударинских бурят
во второй половине XIX века

№ п/п	Год	Население	Всего поселений	Типы жилищ			
				Улусов	Уд. вес %	Селений	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1865	4741	19	18	94,7	1	5,3
2	1876	3886	40	39	97,5	1	2,5
3	1888	4623	39	36	92,3	3	7,7

Источники: ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 804. Л. 45; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033.
Л. 3–6 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1102. Л. 27–28.

Таблица 22

Размеры населенных пунктов у кударинских бурят в 1865 и 1876 гг.

№ п/п	Год	Всего насел. пунктов	Количество населенных пунктов с хозяйствами							
			До 21	Уд. вес %	21– 50	Уд. вес %	51– 100	Уд. вес %	более 100	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	1865	19	7	36,8	11	57,9	1	5,3	-	-
2	1876	40	26	65,0	13	32,5	1	2,5	-	-

Источники: ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 804. Л. 45; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033.
Л. 3–6 об.

Таблица 23

Градация улусов кударинских бурят по числу представленных в них родов
в 1876 г.

№ п/п	Число родов в улусе	Количество улусов	Уд. вес %
1	2	3	4
1	1	12	30,0
2	2	17	42,5
3	3	8	20,0
4	4	3	7,5
5	Итого	40	100

Источники: ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 3–6 об.

Таблица 24

Динамика изменений жилищного фонда кударинских бурят в 1850–1880-е гг.

№ п/п	Год	Население	Всего жилищ	Типы жилищ			
				Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1853	4469	2518	188	7,5	2330	92,5
2	1870	4940	1575	388	24,6	1187	75,4
3	1876	3886	1523	635	41,7	888	58,3
4	1889	4520	1770	838	47,0	932	53,0

Источники: ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 912. Л. 5–6 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 3–6 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1113. Л. 6–6 об.; ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.

Таблица 25

Динамика изменений жилищного фонда баргузинских бурят в 1860-е –
начале 1890-х гг.

№ п/п	Год	Население	Всего жилищ	Типы жилищ			
				Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1862	9427	3359	1268	37,8	2091	62,2
2	1870	10085	4133	1634	39,5	2499	60,5
3	1875	10532	4786	2443	51,0	2343	49,0
4	1893	10776	5882	2602	44,2	3280	55,8

Источники: ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1074. Л.28; ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1725. Л. 9; ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2331. Л. 75; ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2370. Л. 9.

Таблица 26

Динамика численности оседлых в составе бурят Селенгинского
ведомства в третьей четверти XIX века

№ п/п	Год	Общее число бурят (чел.)	Численность оседлых (чел.)	Уд. вес, %
1	2	3	4	5

1	1852	22605	299	1,32
2	1860	25170	383	1,52
3	1864	27223	1154	4,24
4	1875	32831	1315	4,01

Источники: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2060. Л. 1 об.; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2184. Л. 92 об.; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3075. Л. 24; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 61.

Таблица 27

Размеры населенных пунктов бурят Забайкалья по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориальная группа бурят	Всего насел. пунктов	Количество населенных пунктов с хозяйствами							
			До 21	Уд. вес %	21–50	Уд. вес %	51–100	Уд. вес %	более 100	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Селенгинские	182	59	32,4	93	51,1	25	13,7	5	2,8
2	Хоринские	647	487	75,3	111	17,2	42	6,5	7	1,0
3	Агинские	43	-	-	2	4,7	5	11,6	36	83,7
4	Итого	872	546	62,6	206	23,6	72	8,3	48	5,5

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч. С.560–562, 610–631, 660–677.

Таблица 28

Распределение населенных пунктов бурят Забайкалья (по типам)
по переписи 1897 г.

№ п/п	Территориальная группа бурят	Всего насел. пункт.	Количество населенных пунктов по типам							
			Улусы	Селения, поселки	Деревни	Займки	Выселки	Мельницы	Урочища	Др.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Селенгинские	182	43	10	1	-	1	-	116	11
2	Хоринские	647	115	8	2	-	-	-	517	5
3	Агинские	43	42	1	-	-	-	-	-	-
4	Итого	872	200	19	3	-	1	-	633	16

Подсчитано по: Патканов С. П. Указ. соч. С.560–562, 610–631, 660–677.

Таблица 29

Динамика изменений жилищного фонда селенгинских бурят
в 1850–1880–е гг.

№ п/п	Год	Население	Всего жилищ	Типы жилищ					
				Войлочных юрт	Уд. вес %	Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	1859	25680	10857	4938	45,5	1510	13,9	4409	40,6
2	1872	27701	12808	5834	45,5	1754	13,7	5220	40,8
3	1886	30163	15106	5216	34,5	3096	20,5	6794	45,0

Источники: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2815. Л. 71, 85 об.–86; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 2.
Д. 253. Л. 68; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1629. Л. 132.

Таблица 30

Динамика численности оседлых в составе бурят Хоринского ведомства
в 1850–1880–е гг.

№ п/п	Год	Общее число бурят (чел.)	Численность оседлых (чел.)	Уд. вес, %
1	2	3	4	5
1	1854	32523	466	1,4
2	1862	39031	536	1,4
3	1884	43602	784	1,8

Источники: ГА РБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1017. Л. 130–130 об.; ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д.
155. Л. 288–288 об.; ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 307. Л. 16;

Таблица 31

Жилищный фонд хоринских бурят в 1862 г. и 1888 г.

№ п/п	Год	Население	Всего жилищ	Типы жилищ					
				Войлочных юрт	Уд. вес %	Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	1862	38462	13367	7523	56,3	774	5,8	5070	37,9
2	1888	43394	41049	13530	33,0	13324	32,4	14195	34,6

Источники: ГА РБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 155. Л. 297; Батуева И. Б. Указ. соч., 2000. С. 266.

Таблица 32

Жилищный фонд агинских бурят в 1869 г. и 1895 г.

№ п/п	Год	Население	Всего жилищ	Типы жилищ					
				Войлочных юрт	Уд. вес %	Домов	Уд. вес %	Срубных юрт	Уд. вес %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	1869	26484	7134	6702	93,7	133	1,9	299	4,2
2	1895	36294	10288	9036	87,8	452	4,4	800	7,8

Источники: ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1755. Л. 44; ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3098. Л. 95.

Таблица 33

Численность оседлых в составе бурят Агинского ведомства в 1874 г. и 1883 г.

№ п/п	Год	Общее число бурят (чел.)	Численность оседлых (чел.)	Уд. вес, %
1	2	3	4	5
1	1874	27891	124	0,4
2	1883	29930	160	0,5

Источники: ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1017. Л. 130–130 об.; ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3687. Л. 46; ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3762. Л. 124 об.

Приложение Б. Архивные документы

Документ 1

УКАЗ ИЗ ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ О НАЗНАЧЕНИИ ЖИГМИТА ЦУВАНОВА ЧЕТВЕРТЫМ ХОРИНСКИМ ТАЙШОЙ

Апреля 3 дня 1815 года

«<...> 5-я, для собственного своего и прочих подчиненных твоих спокойствия, стараться тебе самому обзавестись по обыкновению русских крестьян домовым строением, которое послужит лучшим убежищем зимою от стужи, а летом от воздушных перемен, каковым вы в юртах своих беззащитно подвергались. А для лучшего пропитания, сверх обыкновенного звериного промысла, стараться особенно о заведении и распространении пашен на посев всякому роду хлеба и разведении скотоводства, употребив к тому наисильнейшее попечение, от чего не только сам ты со своим семейством лучшее спокойствие и продовольствие иметь можешь, по тем покажешь и другим ведения своим родовичам полезный пример, что они, ревнуя оному без принуждения, по собственной воле заведутся домостроительством и пашнею, что принесет общую пользу».

Источник: ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 420–67. Л. 163–164.

Документ 2

ВЕДОМОСТЬ О КОЛИЧЕСТВЕ МУКОМОЛЬНЫХ ВОДЯНЫХ МЕЛЬНИЦ ПО ВЕДОМСТВУ ВЕРХОЛЕНСКИХ БУРЯТ

Наименование рек некоторых мельниц	Число мельниц	Сколько четвертей каждая обрабатывает хлеба	Доход от оных хозяевам получаемый в год
На ключе Хромовском по братскому названию Хархару	3	каждая по 500 четвертей	120 руб.
По речке Унгуре	1	550	132 руб.
По речке Куйтунь	1	300	96 руб.
На реке Лене	1	750	180 руб.
Итого	6	2100	528 руб.

Документ 3

ЗАПISКА О РАССТОЯНИИ ВЕРСТ, И О ЧИСЛЕ БРАТСКИХ РОДОВ И
УЛУСОВ ВЕДОМСТВА ВЕРХОЛЕНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ (1835 г.)

Звание родов и в них улусы	Число душ	От Иркутска	От Якутского тракта	От степной думы	До родовых управлений	От одного улуса до другого
Верхоленская степная дума 1 Абызаевский в нем улусы:	15887	170	-	-	-	-
Тотский	-	170	-	15	-	5
Шотхулунский	-	160	-	12	10	2
Бортойский	-	162	2	14	8	4
Хальский 1-й	-	162	4	14	7	1
Хальский 2-й	-	163	4	14	7	1
Шонтойский	-	163	4	13	9	14
Балтагуйский	-	148	1	23	26	5
Хурайский 1-й	-	143	1	28	30	1
Хурайский 2-й	-	143	1	29	32	1
Хурайский 3-й	-	144	2	30	33	40
Бахайский-1	-	104	1	66	60	1
Бахайский -2	-	103	1 ½	65	64	2
Бохолдойский	-	105	3	62	79	-
оседлых инородцев	34	-	-	-	-	-
2 Абызаевский в нем улусы	806	107	-	-	-	-
Маралтуйский	-	100	5	61	-	-
Молонский	-	102	5	60	4	-
Онгойский 1	-	102	10	87	15	-
Онгойский2	-	102	10	87	12	-
Гулунтумурский	-	102	2	61	51	-
Нугайайлынской	-	96	12	55	12	-
Задайский	-	113	15	54	13	-
оседлых:	14	115	-	-	-	-
Баендаевский в нем улусы:	441	123	-	-	-	-
Юзовский 1	-	120	4	50	-	-
Юзовский 2	-	135	½	50	1	-
Мелзанский	-	120	1 ½	49	151	-
Горхонский	-	135	½	34	28	-
Оседлые	8		-	-	-	
Ользоновский в нем улусы:	697	100	-	-	-	-

Зурагинский	-	95	30	102	-	-
Иргурский	-	95	30	102	4	-
Ишинский	-	95	20	99	7	-
Шаранырский	-	95	25	109	4	-
Батхийский	-	90	22	107	9	-
Кулинский	-	180	70	76	82	-
Оседлых	10	-	-	-	-	-
1 Буровский в нем улусы:	-	110	-	-	-	-
Нулутский 1	-	105	25	95	-	-
Нулутский 2	-	108	25	93	3	-

Источник: ГА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 184. Л. 30–30 об.

Документ 4

ВЕДОМОСТЬ, СОСТАВЛЕННАЯ В СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЕ
ИЗ СВЕДЕНИЙ, ДОСТАВЛЕННЫХ В ОНУЮ ГОЛОВАМИ 18 РОДОВ, О
НАРОДОНАСЕЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ, В ВЕДЕНИИ ОНОЙ СОСТОЯЩИХ

№	Каких именно родов	Число в оных душ		На каком расстоянии от степной думы	Где находится в зависимости	В каких именно местах кочуют	Число душ
		Мужского	Женского				
1	Атагановском	1409	1411	От 30 до 70 верст	Голова в Дырестуе	В Джидинском Тасурхае По реке Селенге По Боргойской степи В урочище Дабхуры При реке Джиде на лугу Инкыталан По речке Худан за Гусинском озере итого	270 203 125 109 320 232 1409
2	2-й Табангутском	88	83	От 50 до 65 верст	Голова при Усть-кяхтинской слободе	На острове Буралд При Савинской	61 9

						речке В урочище Харатхуе итого	18 88
3	Ашебагатском	859	847	От 100 до 190 верст	Голова в Кударе	В Киретуе Кударе В Шизагае Ушргахан- туе В Джиде итого	307 200 136 150 66 859
4	Алагуевском	255	215	От 20-ти до 60 верст	Голова на Ирое	По урочищам Урги Инзагатуе Урме На оронгое итого	130 100 15 10 255
5	3-и Табангутском	505	325	От 15 до 70 верст	Голова в Усутуе	В урочище Ондошине Дзогсуе По Собаитуе По Харь- Ескы итого	78 122 135 170 505
6	Бумол- гутулском	480	468	От 4-х до 150 верст	Голова в Талын-тологое	В Чешге Шананде Тамчин- ском карауле Номлугу Дзуге Сутуге Букуне Царгалан- туе На Усть- Оронгое На Иволге итого	41 120 4 37 52 56 22 35 82 31 480
7	Чикойско- харанутском	193	205	От 135 до 250 верст	Голова в Тергакушке	Нижней Шергалсте Средне- шергин- ской Верхней шергин- ской	73 40 80
8	Иринско- харанутском	392	431	От 25 до 50 верст	Голова на Ире	На ирое Урме Темнике	170 90 50

						Удунге Шебартуе итого	52 30 392
9	Хитагинов- ском	365	366	От 10 до 70 верст	Голова на Ире	На Ире Ацуле Тамчине По Селенге В Нескге По Харухаю Гыгутуе итого	64 10 80 95 30 80 6 365
1 0	1-й Табангутском	260	218	От 75 до 80 верст	Голова Наиготое	По речкам Ичотое Цагатуе итого	 131 129 260
1 1	Бабай- хорумчиев- ском	360	303	От 3-х до 150 верст	Голова Кулбулыке	Жергалан- туе Кул- булыкте По Гилбире Шоронгою По Иволге итого	 82 30 72 126 360

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 363. Л. 36–36 об.

Документ 5

ВЕДОМОСТЬ О КАЗЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЯХ,
СОСТОЯЩИХ В ВЕДЕНИИ №№ ЗЕМСКОГО СУДА, И СТЕПНОЙ ДУМЫ
ИЛИ ГОРОДОВОЙ УПРАВЫ

№	Означеніе величины зданий и прочих построек	Какими местами занимает	Когда построен или приобретен в казну на какую сумму и что стоило приобретение или выстройка онаго
1	Дом деревянный одноэтажный о четырех жилых покоях с сенями длины 00 ширины 00 высоты до крыши 00 закрыт тесом на четыре ската. при доме сем службы	Назаровской почтовой станции	Построен в 00 году на счет земских повинностей употреблено на постройку 00 руб.
2	Изба для ямщиков длины 00 сажень, 00 –аршин, 00 аршин ширины, высоты до крыши 00 сажень 00 аршин. Крыша	-	-

3	тесом на четыре ската. Конюшная деревянная		

/Л. 7/

№	О значении величины здания и прочих построек	Какими местами занимает	Приобретен в казну на какую сумму и что стоило приобретение или выстройка онаго
1	Дом занимаемой думой, деревянной одноэтажной в трех жилых покоях, с прихожей, длины 9-ти ширины 4-х саженьх высоты до крыши 2 ½ саженьх. Крыт тесом на четыре ската	Близ реки Селенги на дачах инородческих	Выстроен в 1807 году, а перенесен на другое место в 1832 году. Жертвованием с инородцев. И о ... 3000 рублей
2	При оной изба для истопника. Длины и ширины 2 ½ саженьх вышины 1 ½ сажень. Крыта дранкой на четыре ската.	-	Также жертвованием 150.
3	Амбар тут же и архива. Длины сажень трех. Высоты 1 ½ сажень. Крыта дранкой на два ската.	-	70.
4	Пожарные инструменты и с сараем	-	150.
5	Дом, занимаемой приходским училищем. Деревянной одноэтажной трех жилых покоях с прихожей длины 12 ширины 4 ½ саженьх. Крыта тесом на четыре ската.	-	Выстроен 1817 году – 8000 руб.
6	Для поставки шерсти в казну и охранения оной завозни длиною 12 с. Шириною 4 сажени крыта на 2 ската.	-	Пожертвования. Выстроен в 1816 году. 500 руб.

/Л. 7 Об./

№	О значении величины здания и прочих построек	Какими местами занимает	Приобретен в казну на какую сумму и что стоило приобретение или выстройка онаго
7	В Атаганском роду. 8 экономических магазейны.	На принадлежащих оному роду землях.	С 1808-го по 1831-й год выстроен натурою по примерности полагается. За все оных 2000 руб. натурою.
8	Цонголова 5 магазейнов.	Яроваго?	... 1500.
9	Сартолова 4 магазейны.		Натурою, споллагает 1000 руб.
10	Алагуевского 1 магазейн.		Натурою 200 руб.
11	Ашебагатском. Магазинов 6.	Занимают места	1200 руб. натурою.
12	1-й табангутский.		200 руб. натурою.
	Вышепоказанных сверх в селенгинских		Выстроены с 1808

	18-и родах экономических магазейнов 42.	принадлежащих к инородцам селенгинского ведомства.	по 1831-й годы в разные времена натурою, а по примерности полагается в ложности по 150 руб. натурою 12300 руб.

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 2, 7–7 об.

Документ 6

УКАЗ ЗЕМСКОГО СУДА О СООРУЖЕНИИ ПОГРЕБОВ

4 августа 1832 года

Указ его императорского Величества самодержца всероссийского изъ Верхнеудинскаго Земскаго Суда Селенгинской Степной Думы.

Верхнеудинское общее окружное Управление съ предписании своемъ отъ 13-о июля № 1508. Изъ <...> указъ Иркутскаго Губернскаго Правления съ донесения тамошней врачебной управы о не исправности ледниковъ для хранения мертвыхъ тель, предписываетъ во первыхъ о томъ, чтобы погреба въстраиваемы были въ niskихъ местахъ ямы выкапываемы не менее глубиною 5-ти аршинъ, во вторыхъ съ наступлениемъ весны снабжаемы льдомъ въ достаточномъ количестве, и въ третьихъ для отвращения <...> отъ мышей мертвые тела въ случае долгаго лежания поднимались со лда надоскахъ, и хранимы на веревкахъ съ средине между поломъ и лдомъ и буде гделибо окажутся въ худомъ положении или не въ такихъ местахъ, то немедленно въстраивать внове, для освидетельствовани коихъ Земский Судъ долженъ командировать участныхъ заседателей и для того приказали: о скорейшемъ исполнении сего предписания предписать всемъ подведомственнаго Суду местамъ и непосредственно участнымъ заседателямъ, съ темъ чтобы первые всегда ледники имели въ такомъ порядке какъ предписываетъ начальство, а последние, что по свидетельству окажется донести Суду немедленно

ПРЕДПИСАНИЕ СИБИРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. М.
СПЕРАНСКОГО ГЛАВНОМУ ТАЙШЕ ВЕРХОЛЕНСКИХ БРАТСКИХ
АЛЕКСАНДРУ ЕРТАГАРОВУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СРЕДИ БУРЯТ
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Маия 29 дня 1820 года

Из донесения губернского начальства с удовольствием я видел, что с некоторого времени между бурятскими родами вводится земледелие, и, будучи извещен, что многие места бурятскими родами обитаемые, могут быть весьма способны к земледелию, я считаю нужным возложить на вас всемерно стараться распространять земледелие и доводить его до того, чтобы вместо нынешнего посева по крайней мере вдвое на каждую душу было в посеве ежегодно.

Внушайте тайшам, шуленгам и родоначальникам, что их дело поощрять к себе родовичей и быть им в том примером и, что как вы, так и они ничем столько не можете обратить на себя внимание Правительства и сделать угодное всемилостивейшему государю за все Его величества отеческие попечения, как распространением земледелия. При всех случаях, где стоять будет дело о какой-либо награде вам, частным тайшам, шуленгам и родоначальникам, отныне всегда будет принимаемо во уважение, в каком состоянии находится у них земледелие, и где будет оно лучше, там и награды и отличия будут удобные.

Старайтесь внушать и родовичам, что нет промысла ни лучше, ни постояннее, ни прибыточнее, как земледелие, и, что единое верное средство не только к безбедной жизни, но и к прочному богатству, есть земледелие. К августу месяцу донесите мне – какое количество хлеба будет засеяно всеми вообще братскими с объяснением – более или менее против прежнего.

Документ 8

РУКОВОДСТВО К УЛУЧШЕНИЮ И УВЕЛИЧЕНИЮ ОВЦЕВОДСТВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

12 марта 1853 года

Овцеводы буряты ведомств Балаганского, Ольхонского, Баргузинского, Селенгинского, Агинского и частию Хоринского, имея значительные овечьи стада, ежегодно продают в Тельминскую суконную фабрику до 6500 пуд. рунной и поярковой шерсти с выбором годной на местах ее рождения из общей годовой добычи, от которой всегда остается на руках производителей брака до одной и более шерсти.

Причина неполного сбыта шерсти, происходящая собственно от незнания или малого внимания овцеводов за уходом и содержанием овец, наносят им самим по случаю браковки значительный ущерб, и вместе с сим вынуждают производителей негодное количество таковой — налагать излишнюю цену во вред себе и заведениям, нуждающимся в ее употреблении.

Для избежания вышеизложенных, удобно могущих отстраниться препятствий при внушении овцеводам исполнения правил, принятых во всей России, необходимо таковыя им объявить, чрез ближайших их местных начальства, коим поставить в обязанность как внушение лучшего при смотре и уходе за овцами, так и указания утрате от беспечности их к делу, столь важному в хозяйстве.

Общие правила

Места для продовольствия овец в летнее время не могут быть указуемы в точности, ибо выбор пастбищ зависит от местности края продовольствуемого овцеводства и знания пастухов, но лучшие признаны на равнинах по солончакам и на не очень лесистых местах, имеющих источники

для водопоя, в чем овцеводы Восточной Сибири серьезных препятствий никогда не встретят.

Из множества указаний, применимых практически к уходу за овцами и их содержанию от высших пород мериносов до простых, именуемых киргизсками, и степными, принято за правило всевозможное упрочение, присмотра разумности при благоразумном и упредительном взгляде хозяина, в коем эти благородные и с избытком вознаграждающие животные нуждаются преимущественно зимою.

Здесь в Сибири, конечно, не возможно требовать от скитальца бурята капитальных овчарен, засеянных лугов, расчищенных лесных урочищ, лекарей о <...> и родословных книг, ибо все породы, до сего времени существовавшие, были и останутся в смешении, но почему ж порядочному овцеводу не употребить средства, удобно исполнимых для приращения и увеличения своего стада, могущаго принести далеко больше выгоды против настоящих. Сибирская зимняя порода, часто объявляемая в гибели овец, служит иноземцам общим преданием в невозможности их збережения увеличения и улучшения тогда как та же природа слабую овцу одела густою и тяжелою шубою. Законною принадлежностью животных севера, как бы в доказательство опровержения неизследованных их умозаключений, холод, снега и морозы нисколько не препятствуют существованию сих животных, ибо в Испании летом угоняют овец в горы, где не прекращаются морозы, и снег менее <...> не бывает. Голландия же за сыростию овец не держит, за то в северной Пруссии, где климат гораздо холоднее и суровее, животных сии разводятся с успехом.

Но чтобы таковыя имели во время выюги непогоды какой-либо приют, хозяевам-овцеводам при изобилии лесов предстоит все возможности строить зимняя пространные загоны и сараи, защищенные стенами из дерева и плотносвязанного тростника, в коих могло бы укрыться достаточное стадо от сквозного ветра и вредной сырости, ибо господствующие болезни траберч т. е. застарелый ревматизм есть ничто иное как в сильной степени простуда,

кидающаяся на худо защищенных у овцы ноги, от чего все стадо подвергается хромоте, в каковой в последствии прививается оспа, худосочия и прочия болезни, но с устранением сего, воспитание овец при благоразумной предусмотрительности на чистом воздухе, сообразно их природе, сделают их рослыми, сильными, много шерстными и почти всегда здоровыми.

Хотя для улучшенных заграничных пород овец готовится из сеянных трав искусственное сено, во время сока скошенное и с некоторою сыростью плотно сложенное в скирды, в коих получив легкое брожение приближается питательностию к хлебу, но в Сибири трав не сеют, дожидаясь саморождения июля (и ранее) или августа не косят, трава, давшая семя и истощившая соки, засохла на корню, а по сложении на местах сенокосов в безобразные зароды, пробиваемые дождем и продуваемые ветром, не редко превращаются в пыль и гниль, чрезвычайно вредную для помянутых животных, и могущую к расширению хлебопашества заменится яровой соломой, в коей всегда довольно при нечистоте обмолотки кроме травы и колоса остается зерен, и корм сей в улучшенных овцеводствах России предпочитается сену, коего часть только примешивается и в ф. корма на голову в сутки или с октября по июнь 28 пуд соломы и в пуд 20 ф. порядочного сена, слишком достаточно на продовольствие овцы в продолжении 23 зимних дней.

За сим бесполезно упомянуть о потерях ягнят от болезни поносом, происходящей от ранней котки овец (в марте*), ибо все травоядные животные, вообще поступая с сухого корма

*у забайкальских бурят и раскольников-христиан котка черных овец всегда бывает в конце декабря или начале января месяца, для того чтобы 10-дневных черных ягнят убить и мерлушку приготовить к продаже в Кяхте, для чего племенным баранам, по здешнему куцай, повязывают под живот фартуки, имянуемые жупанами, и этим средством достигают единовременной случки, котка же белых овец в Сибири производится разно

временно и за таковою никто не наблюдает. На траву подвержены бывают частным исправлениям и этим натуральным способом не только заводчики, но и простолюдины очищают коров и лошадей, ибо весенний подножный корм служит средством кровоочистительным и в это изменяющее соки время всякое животное, преимущественно овца слабая, впадает в лихорадочное состояние, что вредит питанию ягненка, не умеющего еще щипать травы и питающегося испорченным и жирным молоком, и потому что все во взрослом животном производит легкое болезненное состояние, разрушает слабые органы ягненка, что очищает овцу, тоже убивает.

Котка в конце мая, когда овца уже на первой траве перенесла лихорадочное положение от зимнего худого корма свежим, хотя по климату Сибири не совсем еще достаточным, ни мало не вредит ягненку в брѹхе матери, которая окрепнув и собравшись с силами предупреждает это зло. Ягненок, родясь от здоровой матери, продолжает питаться, хотя и жирными, но здоровыми соками для него и порождении не <...>, ягнята матки как майския, так и февральския одинаково поспевают в случку к ноябрю месяцу, но с тою разницею, что первых в 18-ти, а последние в 22-месячном возрасте и на <...> к следующему году шерсть, выросшая несколько короче замедляется <...> сами ж они, как те, так и другие одинаково своевременно укрепляются. Для исполнения всего изложенного необходимо внушение овцеводам о удалении баранов из стада до времени их случки, в отдельное, таковое же доставление котки ягнят в мае, или употребление подвязного под барана жупана (фартука) до условного времен. Случка козлов же и коз, по-сибирски яманов, с овечьим стадом следует совершенно разделять, ибо от приплода с ними перерождается порода овец и чрезвычайно грубости шерсти так, что в настоящее время в овечьих рунах Селенгинских, Агинских и Хоринских братских грубоволосость шерсти чрезвычайно ощутительна, так же не худо бы ввести овечьѹ оспопрививание, но как достижение сего средства в таком отдаленном крае и между народом, закоренелым в обычаях и предрасудках, не совсем еще удобно исполнимо, почему небезполезно сообщить овцеводам,

чтобы они тотчас по появлении оспы заболевающих отделяли. Из первых зараженных редкия выздоравливают, но и с последующих больше, и когда уж заметят, что зараженные и отдельные не мрут, то есть ли время благоприипятствует (т. е. когда не слишком холодно и жарко) все здоровое стадо смешивают с последнеотделенными, и дают всему стаду скорей перевалиться, и тогда уж оспа не страшна надолго, ибо редко повторяется на одних и тех же, но если и бывает, то чрезвычайно слабая и нисколько не смертственная. К сему неизлишне разъяснить, что прогон овец предстрашною чрез воду для отделения из шерсти, навалявшихся нечистот и грязи, необходимо, ибо без сего шерсть и хорошего достоинства, но от грязности свалявшаяся, получившая тяжелой в весе, покупателями значительно уценивается в отвращении убытка при мойке от утраты веса с каждого перемываемого пуда. Також необходимо передать овцеводам, чтобы они старались в разведении черных овец шерсть, коих в значительном количестве требуется для серого солдатского сукна, таковую они до сих пор всю продавали крестьянам для приготовления одежды, и, что всего важнее, уничтожали всех черных на мерлушку.

Таким образом, для сбережения овечьих стад в Сибири каждому хозяину овцеводу полезно подчинить себя вышеизложенным основным правилам, не только не стесняющих зажиточного человека, но и доступным всякому благонамеренному поселянину, для коих: а) холодный и сквозной сарай без потолка, б) хорошая солома в смешении с сеном, в) достижение майской котки и г) прогон по несколько раз овец чрез воды перед стремниной, нисколько не может послужить в отягачение.

Правила сии, согласные с теориею и практически по <...> с натурою овец к сильнейших пород, принесут выгоды производителям улучшением и увеличением количества продукта и доставят возможность за собственными нуждами всю шерсть, в изобилии получаемую, продавать по ценам действительной стоимости в первых рука потребителей.

Документ 9

УКАЗЫ ИРКУТСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА; ИРКУТСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ И ПЕРЕПИСКА ТАЙШИ С ИРКУТСКИМ
ЗЕМСКИМ СУДОМ ПО ВОПРОСУ ПРЕКРАЩЕНИЯ КОРЧЕМНОГО
ВИНОКУРЕНИЯ

12 ноября 1823 г. – 29 октября 1829 г.

«по *Нерчинскому уезду*: 1-е, во многих местах и близ города братскими выкуривается под именем *тарасуна* и тем довольствуются жители; 2-е, по заводскому ведомству во всех почти селениях; 3-е, по кардонной китайской границе казаками Читинской дистанции в селениях; 4-е, Доронинской и прилежащих к оной деревнях у кавказцов; 5-е, Чиндантской; 6-е, Акшинской; 7-е, Кукинской; 8-е, Новоказачей. Нижнеудинской округи: 1-е, по реке *Чикой* братскими под названием *тарасуна с прибавлением хлеба* выкуривается и удовлетворяются многих мест жители; да и сии последние сами собой занимаются; 2-е, по селениям Куналейской волости, в доказательство прилагает с донесения селенгинского поверенного копию, в селениях; 3-е, Буйском; 4-е, Сухоручком; 5-е, Еланском; 6-е, по Тарбагатайской волости; 7-е, по селениям от реки Селенги по тракту к Баргузину и расположенных близ горячих вод. По Иркутскому: Качугской поверенной Александров доносит питейной конторе, что крестьяне *Качугской волости* посредством братских выкуривают себе вино и тем удовлетворяют свои нужды».

Источник: ГА РБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 15. Л. 3–3 об.

Документ 10

УКАЗЫ ИРКУТСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА, ИРКУТСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ И ПЕРЕПИСКА ТАЙШИ С ИРКУТСКИМ

ЗЕМСКИМ СУДОМ ПО ВОПРОСУ ПРЕКРАЩЕНИЯ КОРЧЕМНОГО ВИНОКУРЕНИЯ

1825-го декабря 29-го дня мы нижеподписавшиеся шуленги и старшины Верхолениских 10-ти братских родов дали сию подписку в томъ что всходить объявленнаго намъ предписания г. Иркутского Земского исправника отъ 16-го минувшаго ноября за № 211 на щетъ запрещенія высиживания корчемнаго вина изъ хлеба, обязываемся чтобъ намъ иметъ бдительной надзоръ за родовичами нашими дабы ни подъ какимъ предлогомъ неосмеливались высиживать хлебнаго тарасуна, въ противномъ же случае есть ли у кого либо таковое вино окажется таковыхъ подвергать самому строгому законному и неупустительному взысканию въ удостоверение чего и подписуемся.

Шуленги (печати)

Источник: ГА РБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Документ 11

ВЕДОМОСТЬ О УРОЖАЕ ХЛЕБА ПО ВЕДОМСТВУ СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ В 18-ТИ РОДАХ ЗА 1831 ГОД

Августа 20 дня, 1831 года

В селен- гинских 18 родах	Число душ налицо состоящую		Посеяно было								Родилось		
			Озимого				Ярового				Ози- мого	Ярового	
	Мужского	Женского	Десятин	Четверти	Четверики	Гарницы	Десятин	Четверти	Четверики	Гарницы	Четверти	Четверти	Четверики
	9600	9131											
Ржи			62	82	5	-	-	-	-	-	324	-	-
Ярицы			-	-	-	-	4354 ¼	5183	-	-	-	9652	4
Пшеницы			-	-	-	-	-	-	-	3 ½	-	47	3
Ячменя			-	-	-	-	-	-	-	-	-	18	-
Семя конопля-			-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-

ного													
Итого	9600	9131	62	82	5	-	4354 ¼	5183	-	3 ½	-	9725	4

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105. Л. 110–111.

Документ 12

ДЕЛО ПО ОТНОШЕНИЮ Г. ЗАСЕДАТЕЛЮ ОСЛИХОВСКОГО О
РАЗВИТИИ ПОСЕВА КАРТОФЕЛЯ, И О ПРАВИЛЬНОМ ПОКАЗЫВАНИЯ
СЕГО В СВЕДЕНИЯХ БЕЗ ВСЯКОГО УВЕЛИЧИВАНИЯ ИЛИ
УМЕНЬШЕНИЯ

От Заседателя Ослиховского

Декабря 31 дня 1845 года

№ 953

Верхнеудинск

В Селенгинскую Степную Думу

Господин Генерал Губернатор Восточной Сибири поручил в 1842 году Адъютанту своему Бородоевскому удостовериться о производстве по Верхнеудинскому округу посева картофеля и усматривая из донесения, что бедность этого посева происходит не от качества земель, или климата, но более от лени и недеятельности в развитии посевов картофеля, как равно и от того, что Положения, изданные по этому предмету Министерством в 1840 году, разосланы были от Земских судов по Волостным и Иностранческим управлениям без всякого объяснения так, что большая часть жителей Губернии до сих пор считают картофель скорее излишнею прихотью, чем потребностью или пособием хлебу; изволил заметить, что в ведомостях, составленных волостными и окружными начальствами, обыкновенно показываются слишком преувеличенное противу истинной степени севов картофеля. А потому Его Высокопревосходительство от 10 марта 1845 года за № 287 предложил Господину состоящему в должности Иркутского Гражданского Губернатора 1-е, строго подтвердить по всем Волостным и

Инородческим управлениям, чтобы они на будущее время сведения о посевах и урожае картофеля составляли сколь можно вернее и аккуратнее, то есть безпредувеличения, равно как и уменьшения под опасением строжайшего запретивности сему взыскания, предписывая при том для единообразия и избежания от сбивчивости считать десятину в 3200 шага, а четверть картофеля в 9-ть пуд. 2-е, всем окружным управлениям и земским судам поставить в обязанность, следить о повсеместном разведении посевов картофеля, внушая земледельцам о существенной пользе от этого. Долженствует обратиться к подкреплению собственного же их благосостояния, особенно в неурожайные годы хлеба, и вместе с тем указать им все те способы посева уборки и сохранения картофеля, как предписаны в изданных от министерства правил.

Все это господин состоящий в должности Иркутского Гражданского Губернатора передал к исполнению Г. окружного начальника, и согласно полученного об этом Г. земского исправника предписания, от указа № 28 Августа сего 1845 года прошу степную Думу а) соблюдать непременно всю в правильности при составлении сведений о степени развития сева картофеля и б.) чтобы члены степной думы и родовые головы во время разъездов своих по улусам неупустительно внушали родовичам своим, о посеве и пользе картофеля, и что он заменяет хлеб, к тому же дает обильную прибыль противу посева, и требует менее труда при всходах, и чтоб они, относительно уборки и хранения картофеля, непременно соблюдали все те, какие предписаны Министерством Внутренних дел в 1840 году и разосланы по волостям и прочим местам наставлениям.

Заседатель Ослиховский

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1445. Л. 1–2.

Документ 13

ВЕДОМОСТЬ УЧИТЫВАЕМОГО В СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ
ДУМЕ УРОЖАЯ В 1831 ГОДУ ПО ВЕДОМСТВУ ОНОЙ КАРТОФЕЛЯ

В селенгинских родах:	Число душ		На посеве было			Родилось				На пропитание	
	Мужского	Женского	Гряды	Пуды	Фунты	Пуды	Фунты	Пуды	Фунты	Пуды	Фунты
	293	263	211 ½	121	24	648	-	164	20	425	20
Чикойско-Харанутском	120	110	100	100	-	480	-	100	-	380	-
Бабайхурчицком	11	12	14	7	-	18	-	8	-	10	-
Бумологутулском	5	3	1	-	15	5	-	2	-	3	-
Подгорном	6	4	1 ½	-	9	2	-	-	20	1	20
Селенгинско-Харанутском	14	10	16	16	-	30	-	10	-	20	-
2-м Табангутском	22	24	9	3	-	8	-	4	-	6	-
Ашехабатском	100	80	40	40	-	70	-	80	-	40	-
Атагиновом	15	20	30	15	-	35	-	10	-	25	-
Итого	293	263	211 ½	121	24	648	-	164	20	425	20

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105. Л. 115.

Документ 14

ВЕДОМОСТЬ, СОСТАВЛЕННАЯ В СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ
ДУМЕ, ОБ УРОЖАЕ В 1839 ГОДУ ПО ВЕДОМСТВУ ОГОРОДНЫХ
ОВОЩЕЙ

18 родах	Число занимаю- щихся душ		Карто- фелю	Мор- кови	Репок	Редьки	Свеклы	Капус- ты	Огур- цов
	муж.	жен.	Мешков					кол-во	
Осед- лых	317	331	1000	19	11	30	10	2015	359
	151	146							

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 677. Л. 16.

Документ 15

ВЕДОМОСТЬ УЧИТЫВАЕМОГО СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ
ДУМОЙ УРОЖАЯ ОГОРОДНЫХ ОВОЩЕЙ В 1831 ГОДУ

В Селенгинских 18-ти родах	Число душ занимающихся		Моркови	Репы	Редьки	Капусты
	Мужского	Женского	Мешков			Вилков
	136	125	8	13	4	460
Чикойском Харануцком	120	110	8	13	4	460
Бабайхурумчинском	11	12	Погибло от нападающих червей			
Бумологутулском	5	3				

ВЕДОМОСТЬ О ПОСЕВЕ ПО ВЕДОМСТВУ СЕЛЕНГИНСКОЙ
СТЕПНОЙ ДУМЫ КАРТОФЕЛЯ И ОГОРОДНЫХ ОВОЩЕЙ В 1846 ГОДУ

В каких ведомствах, родах и урочищах	Засеяно картофеля			Гряды							
	Число гряд	Употреблено		Огур- цов	Свек- лы	Мор- кови	Репы	Редь- ки	Лу- ку	Капу- сты	Всего
В Селенгинских 19 родах бурят и оседлых инородцев:											
Атагановом	350	170	-	-	-	-	-	-	-	-	350
Сартоловом	882	1,038	-	-	-	-	-	-	-	-	882
3 Табангутск.	191	4,7	30	-	-	-	-	-	-	-	194
Цонголовом	344	160	-	-	-	-	-	-	-	-	344
Чикойско- харанутском	-	-	-	3	-	5	-	4	4	15	31
Ашебагатском	588	588	-	-	-	-	-	-	-	-	588
1 Ченорутск.	55	23	30	-	-	-	-	-	-	-	55
2 Табангутск.	40	21	-	-	-	-	-	-	-	-	40
1 Табангутск.	240	240	-	-	-	-	-	-	-	-	240
Олзоновском	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Селенгинско- харанутском	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Алагуевском	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Хатагиновом	211	22	7	-	-	-	-	-	-	-	211
2 Ченорутском	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иринско- харанутском	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Бумольгутул.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Бабайхорумч.	183	91	20	-	-	-	-	-	-	-	183
Узеновом	20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20
Подгородном	344	86	10	-	-	-	-	-	-	-	344
оседлых инородцев:											
Стрелочного	85	85	20	10	7	19	54	31		115	321
Зарубинского	63	63	-	61	3	10	-	3		23	163
Всего	3596	2643		74		34	54	38	4	153	39..

КОНТРАКТ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ С ИНОРОДЦАМИ КУПЦАМИ 1-Й И 3-Й
ГИЛЬДИИ ДМИТРИЕМ СТАРЦОВЫМ И МИХАЙЛОМ ЛУШНИКОВЫМ,

ПО СОДЕРЖАНИЮ ИМИ РЫБОЛОВНОГО ГУСИНОГО ОЗЕРА С 1849 ПО
1852 ГОД

Контракт

30 Декабря дня 1848 года

Мы нижеподписавшиеся Верхнеудинской округи Селенгинский 1-й и 3-й гильдии купцы Дмитрий Старцов и Михайло Лушников заключили сей контракт Ведомства Селенгинской Степной Думы с родоначальниками Атаганова, Селенгинско-Харанутского, Бумолгутульского Хатагинова и Подгорного родов о содержании Рыболовного Гусиного озера на три года то есть с начала будущего 1849-го по 1852-й годы на следующих условиях.

1.,

На означенном озере нам Старцову и Лушникову иметь рыбной промысел в упомянутые сроки во всякое время каждого года на всем его пространстве кроме однакож отведенного в пользу Селенгинского Солеваренного завода на устье речки Загустай местечка.

2.,

Незапрещать со стороны нашей иметь промысел на оном в какое бы то время не было, бедного состояния инородцам крючками и мелкими сетями, не для продажи, а единственно для собственного пропитания.

3.,

Мы, Старцов и Лушников, за содержание этого озера условились платить выше означенным родоначальникам 5-ти родов оброку в каждый год по двести семь рублей (четырнадцати с чет-ю коп.) серебром, который оброк мы, Старцов и Лушников, обязываемся за 1849 год деньги 207 руб. 14 $\frac{1}{4}$ коп. заплатить родоначальникам выше сего сказанных родов при заключении сего контракта все сполна, а на будущее время за два года при наступлении каждого года вносить вперед в декабре месяце в Степную Думу.

4.,

По окончании же трех летнего срока, от содержания означенного Гусиного озера рыболовной промышленности на оном нам, Старцову и Лушникову, отступить, которое имеет оставаться уже в полном Родона начальников распоряжении.

Контракт сей хранить наш с обеих сторон свято ненарушимо в том подписуемся. Атаганова зайсан Даширапов, Хатагинова зайсан Батуцыренов, Бумолтский голова Дашенеин Шадаев, Подгорного зайсан Гомбо Долигеров, Иринско-Харанутского голова Жамбалдариев, зайсан Мунку Туинов.

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1790. Л. 1–4.

Документ 18

ИЗ ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА IV ОТДЕЛА I ДЕПАРТАМЕНТА
МИНИСТЕРСТВА ГОСИМУЩЕСТВ Г. ИГРЕНЕВА О ПОРЯДКЕ СБОРА С
ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ИНОРОДЦЕВ ПОДАТЕЙ И ПОВИННОСТЕЙ

Января 31 дня 1840 г.

«<...> Что же касается до торговли кирпичным чаем, производимой ныне между братскими, и предполагаемых стеснений для инородцев, происходящих от того, что родона начальники дают прежде чай своим родовичам в виде одолжения, а потом собирают за это скот, назначая за оный произвольные цены, то здесь, по мнению г. губернатора, главное зло не в том, что существует такая торговля и сбор, а в непреодолимой, страстной привычке к чаю самих инородцев. Привычка эта, общая впрочем, забайкальским обитателям низшего и даже среднего классов, происходя из местных обществ, основанных, быть может, на требованиях самой природы, хотя и служит для бурят как бы необходимым предохранительным средством от болезней, развивающихся от исключительного употребления мясной жирной пищи, но за всем тем доходит между ними до ужасного, судя по количеству выпиваемого ими чая и издержкам на оный. Каждый семейный

бурят, не включая самого бедного, потребляет его в год с женою, по крайней мере, до 12 кирпичей».

Источник: ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 420. Л. 65.

Документ 19

**СПИСОК НАСЕЛЕННЫМ МЕСТНОСТЯМ АЛАРСКОГО
ИНОРОДЧЕСКОГО ВЕДОМСТВА БАЛАГАНСКОГО ОКРУГА. О
ЗИМНИКАХ. ЗА 1859 ГОД**

№	Название поселений (официальных и употребляемых в народе или просторечии)	Какого рода поселение и какого ведомства	При какой воде или при каком естественном урочище	Расстояние		Число дворов	Наличное число душ		Церкви, монастыри, капища и молитвенные дома, ярмарки и базары, пристани, почтовые дома, фабрики, заводы и других замечательных заведений
				От уездного города	От стана		Мужчин	Женщин	
1.	Аларского инородческого ведомства Тугланские	улус 6-го Хонходорского рода	при реке Алари	верст 12	верст до думы	31	111	118	Нет
2.	Жавганский	2-го и 6-го родов	при реке Алари	до Куркоты 20 верст	8 зимним путем до думы 13 верст	6-го рода 19 в., 2-го рода 13 в.	6-го рода 52 д., 2-го рода 31 д.	6-го рода 39 д., 2-го рода 29 д.	старшина 6-го рода Сухинов
3.	Шолотский	2-го, 5-го, 6-го родов	при р. Шолоте	до Куркоты 7 верст	-	2-го рода 12, 5-го рода 1, 6-го рода 28	2-го рода 32 д., 5-го рода 4 д., 6-го рода 86 д.	2-го рода 28 д., 5-го рода 2 д., 6-го рода 74 д.	
4.	Мадагатский	1, 2, 6 и 7-го родов	при р. Шолоте 1 рода 2 рода 6 рода 7 рода	до Куркоты 6 верст		- 2 24 1	2 4 70 3	- 3 56 1	
5.	Алятский	1,2, 6,7 и 9-го	при озере Аляты 1 рода 2 рода 6 рода	до Куркоты 12 верст		2 46 29	6 121 73	6 124 59	

			7 рода 9 рода			3 6	8 11	8 16	
6.	улус Енбойской заимки	2, 5, 6 и 9 родов	при речке Енбой 2 родов 5 родов 6 родов 9 родов	до Куркоты 16 верст		1 1 5 2	2 2 10 5	1 4 10 3	
7.	Ендонский из этого улуса кочуют в Шеренгинс- кий улус летником, который записан под № 8 в записи о летниках	1, 2, 3, 5 и 6 родов	при речке Ендон 1 рода 2 рода 3 рода 5 рода 6 рода	до Голумети 15 верст		2 2 22 - 10	24 3 49 1 19	21 3 47 1 33	
8.	Китойский (Грязнут- ский)	1,2, 3, 6 и 7 родов	при колодце 1 рода 2 рода 3 рода 6 рода 7 рода малобель- ских тунгусов	до Голумети 7 верст		10 1 18 1 1 1	32 1 53 6 3 2	28 2 44 4 1 3	
9.	Бадархон- ский (Грязнут- ский)	1, 3, 5-го родов	при колодце в пади Грязнуты 1 рода 3 рода 5 рода	до Голумети 6 верст		16 1 -	39 1 2	35 3 2	
10.	Ашхайский Грязнут- ский	5, 6-го родов	при колодце в пади Грязнуты 5 рода 6 рода	до Голумети 6 верст		1 22	1 65	1 51	
11.	Елотский	1, 5, 7-го родов	при реке Белой 1 рода 5 рода 7 рода	до Голумети 12 верст		1 27 -	1 73 6	1 52 9	
12.	Куйтинский	8 и 9-го родов	при колодце 8 рода 9 рода	до Черемхо- во 25 верст		66 41	292 117	241 105	старшина 8- го рода Буркакаба- ев староста 9- го рода Иванов
13.	Ултуйский	8-го рода	при колодце	до Черемхо- во 30 верст		45	90	86	
14.	Зун- Наринский	8 и 9-го родов	при колодце 8 рода	до Черемхо- во 20		22	65	58	

			9 рода	верст		21	55	47	
15.	Тоготский	8-го рода	при колодце	до Черемхово 15 верст, до Балаганска 125 верст		17	46	42	
16.	Зачетуевский	8 и 9-го родов	при колодце 8 рода 9 рода	до Черемхово 14 верст		27 4	61 8	63 10	
17.	Хыр-Булатский	3-го Холтубаевского	при колодце	до Черемхово 12 верст, до Балаганска 75 верст		9	22	27	староста Покровский
18	Кундулунский	3-го Холтубаевского	при ключе Куне	до Черемхово 12 верст, до Балаганска 70 верст		20	66	62	
19	Балтуйский	3-го Холтубаевского	при колодце 3-го рода	до Черемхово 32 верст, до Балаганска 40 верст		16	42	37	
20.	Кулуруйский	3-го Холтубаевского	при ключе Куне и колодце	до Черемхово 12 в., до Балаганска 55 в.		32	94	97	
21.	Верхне-Олзобейский	8-го рода	при колодце	до Черемхово 30 верст, до Кунты 8 в.		25	68	67	
22.	Китский	8-го рода	при колодце	до Кунты 2 ½		8	20	18	
23.	Шапталантуйский	1,8,9-го родов	при колодце 1 рода 8 рода 9 рода	до Черемхово – 18 в., до Кутулика 15 в.		8 4 24	23 15 47	14 8 53	
24.	Зонский	1, 4, -го родов	при колодце 1 рода 4 рода 8 рода	до Кут. – 18 в., до Черемхово – 20 в.		10 9 22	28 21 55	30 27 50	
25.	Нижне-Олзобейский	1 и 2-го родов	при колодце 1 рода 2 рода	до Кут. – ?		2 65	6 168	5 164	
26.	Кутулский	2-го рода	при	-		12	40	34	3-го рода

			колодце						родовой писарь Николай Матханов
27.	Халтинский	2,3 и 5-го родов	при колодце 2 рода 3 рода 5 рода	до Кут. – 12 в., до Черемхо- во – 30 в.		21 41 2	63 99 7	51 90 7	
28.	Оседложивушие в Ненской заимке	3 и 5-го родов	при колодце 3 рода 5 рода	до думы 20 в., до Черемхо- во 20 в.		1 1	3 3	2 1	
29.	Балдойский	1, 2, 5 и 7-го родов	при колодце 1 рода 2 рода 5 рода 7 рода	до думы – 3 в., до Черемхо- во – 35 в.		3 12 3 36	5 25 8 91	8 30 12 86	
30.	Ныгдинский	1, 3, 4, 5-го родов	при колодце 1 рода 3 рода 4 рода 5 рода	до думы – 12 в., до Черемхо- во – 32 в.		- 17 - 84	2 68 3 202	1 41 3 244	
31.	Саган- Бурутский	2, 4 и 5-го родов	при колодце 2 рода 4 рода 5 рода	до Черемхо- во – 22 в., до думы – 18 в.		3 1 14	6 2 33	9 3 22	
32.	Тулунонский	4-го рода	при колодце	до Черемхо- во – 35 в., до думы – 8 в.		21	61	44	
33.	Хамагдаевский	4 и 5-го родов	при реке Белая 4 рода 5 рода	до Черемхо- во – 40, до думы – 18 в.		12 1	29 2	29 1	
34.	Шарагунский (Ленский улус)	4, 5-го родов	при реке Белая 4 род 5 род	до думы 15 ½, до Черемхо- во 40 в.		- 26	1 79	2 67	
35.	Шенотский при Белой	5-го рода	при реке Белая	до думы 15 в., до Черемхо- во – 40 в.		15	36	32	
36.	Араского	1,5-го родов	при реке Белая 1 рода 5 рода	до думы 15 в., до Черемхо- во – 41 в.		1 8	4 17	1 21	
37.	Хабарзанский	5-го рода	при реке Ирети	до думы – 17 в., до Черемхо- во 39 в.		11	35	27	
38.	Курунгуйский	1 и 5-го родов	при реке Белой 1 рода 5 рода	до думы – 19 в., до Черемхо- во – 42 в.		1 15	5 39	2 32	
39.	Мало- Иретский	5-го рода	при реке Малой	до думы – 45 в., до		9	18	18	

			Ирети	Черемхо- во 37 в.					
40.	Гылчир- ский (Усть- Голумет- ский)	4, 5-го родов	при реке Ирети 4 рода 5 рода	до думы 15 в., до Черемхо- во – 35 в.		10 2	22 12	20 11	
41.	Солойский	5-го рода	при реке Белой	до думы 19 в., до Черемхо- во – 41 в.		15	41	31	
42.	Саган- Нугайский	1, 4, 5-го родов	при реке Белой 1 рода 4 рода 5 рода	до думы 18 ½ в., до Черемхо- во 41 ½ в.		2 8 24	5 24 57	4 19 43	
43.	Кыретей- ский	4 и 5-го родов	при реке Белой 4 рода 5 рода	до думы 23 в., до Черемхо- во – 46 в.		4 1	8 9	7 3	
44.	Балдуев- ский (или Нугаев- ский)	4 и 5-го родов	при реке Ирети 4 рода 5 рода	до думы 14 в., до Черемхо- во 37 в.		2 15	6 96	8 36	
45.	Тытеевский	2 и 5-го родов	при колодце 2 рода 5 рода	до думы 11 в., до Черемхо- во 38 в.		1 16	2 43	3 39	
46.	Икемин- ский (Икелчин- ский?)	5-го рода	при речке Шара	до думы 17 в., до Черемхо- во – 43 в.		16	40	36	

Источник: ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275. Л. 32 об.–36.

Документ 20

СПИСОК НАСЕЛЕННЫМ МЕСТНОСТЯМ АЛАРСКОГО
ИНОРОДЧЕСКОГО ВЕДОМСТВА БАЛАГАНСКОГО ОКРУГА. О
ЛЕТНИКАХ. ЗА 1859 ГОД

№	Название поселений (официаль- ных и употребля- емых в народе или просторе- чии)	Какого рода поселение и какого ведомства	При какой воде или при каком естественном уручище	Расстоя- ние (в верстах)	Число дворов	Наличное число душ		Церкви, монастыри, капища и молитвенные дома, ярмарки и базары, пристани, почтовые дома, фабрики, заводы и других замечательных заведений
						Мужчин	Женщин	
1.	Шенатский	6-го Хонгодор- ского рода	между реками Шолота и Куркота	до Куркоты 15 в.	юрты 24	6-го рода 61 д., 7-го рода 3 д.	6-го рода 66 д., 7-го рода 1 д.	
2.	Жалгайский	2-го и 6-го	Шолота	до	50	2-го рода	6-го рода	старшина

		родов		Куркоты 5 в.		31 д., 6-го рода 102 д.	88 д., 2-го рода 29 д.	рода Сухинов
3.	Шолотский	2,5 и 6-го родов	при р. Шолоты	до Куркоты 4 в.	2-го рода 12, 5-го рода 1 дом, 6- го рода 28	2-го рода 33 д., 5-го рода 4 д., 6-го рода 75 д.	2-го рода 28 д., 5-го рода 2 д., 6-го рода 67 д.	
4.	Мадагат- ский	1, 2, 6 и 7- го родов	при р. Шолоты 1 рода 2 рода 6 рода 7 рода	до Куркоты 6 в.	- 2 28 1	2 4 81 3	- 3 63 1	
5.	Алятский	1,2,6,7 и 9- го родов	при озере Аляты 1 рода 2 рода 6 рода 7 рода 9 рода	до Куркоты 12 в.	2 46 29 3 6	6 121 73 8 11	6 124 59 8 16	
6.	улусы Ендонской заимки	2,5,6 и 9-го родов	при речке Ендоне 2 рода 5 рода 6 рода 9 рода	до Куркоты 16 в.	1 1 5 2	2 2 10 5	1 4 10 3	
7.	Ендонский (Грязнут- ский)	1,2,3,5 и 6- го родов	при урочище Грязнуты 1 рода 2 рода 3 рода 5 рода 6 рода	до Голумети 9 в.	8 2 18 - 7	23 3 42 1 10	20 3 39 1 22	
8.	(из зимника Ендона) Шеренгин- ский	1,3 и 6-го родов	при речке Ендоны 1 рода 3 рода 6 рода	до Голумети 14 в.	1 4 3	1 7 9	2 9 11	
9.	Китойский (Грязнут- ский)	1,3,6 и 7-го родов	при колодце и речке Грязнуха 1 род 3 род 6 род 7 род лаб. Тунгусы	до Голумети 7 в.	10 18 1 1 1	32 53 6 3 2	28 44 4 1 3	
10.	Кужирский (Грязнут- ский)	1,3,5,6-го родов	при колодцах 1 рода 3 рода 5 рода 6 рода	до Голумети 7 в.	9 1 - 13	20 1 3 46	20 3 3 32	
11.	Елотский	1,5 и 7-го родов	при речке Елоты 1 рода 5 рода 7 рода	до Голумети 11 в.	1 27 3	1 73 6	1 52 9	
12.	Кунтинский	8 и 9-го родов	при речке Куне 8 рода	до Черемхо- во 26 в.	109	292	241	староста 9 рода Иванов старшина 8

			9 рода		41	117	105	рода Буркокабаев
13.	Нотский	улусы 8 и 9-го родов	при речке Ноте 8 рода 9 рода	до Черемхо- во 18 в. до Куркоты 10 в.	80 50	211 120	209 111	староста 8-го рода Самсонов
14.	Хорбулат- ский	3-й Холтубаев- ский	при ключе и колодце	до Черемхо- во 12 в.	9	22	27	
15.	Кундулут- ский	3-й Холтубаевс- кий	при ключе Кундулут	до Черемхо- во 12 в. до Балаганс- ка 70 в.	20	60	62	
16.	Балтуйский (Ангарс- кий)	3-й Холтубаев- ский	при реке Ангара	до Черемхо- во 39 в., до Балаганс- ка 39 в.	16	42	37	староста Покровский
17.	Кулуруй- ский зимуют?	3-й Холтубаев- ский	при ключе Кулуруй	до Черемхо- во 12 в. до Балаганс- ка 55 в.	13	31	34	
18.	Кулуруй- ский (Ангарс- кий)	3-й Холтубаев- ский	при реке Ангаре	до Черемхо- во 22 в. до Балаганс- ка 46 в.	18	59	52	
19.	Оседлые Федяевка	деревня 3- го Холтубаев- ского	при Ангаре	до Черемхо- во 22 в. до Балаганс- ка 46 в.	1	4	1	
20.	Китойский	8-го рода	при колодце	до Куйты 2 в.	33	88	85	
21.	Шапманот- луйский	1,8 и 9-го родов	при колодце 1 рода 8 рода 9 рода	до Куйты 15 в.	8 4 24	23 15 47	14 8 53	
22.	Зонский	1, 4 и 8-го родов	при колодце 1 рода 4 рода 8 рода	до Кутул. 18 в.	10 9 22	28 21 55	30 27 50	
23.	Олзобей- ский (Ныгдин- ский)	1 и 2 родов	при колодце 1 рода 2 рода	до Куйты	2 52	6 142	5 130	
24.	Дабунский (Бардунаев- ский) улусы	2,3 и 5-го родов	при речке Голумети 2 рода 3 рода 5 рода	до думы 12 в., до Черемхо- во 35 в.	21 41 2	63 99 7	51 90 7	
25.	Базирский (Хандаевс-)	1,2,3, 4, 5- го родов	при реке Голумети	до думы 12 в., до				

	кий улус)		1 рода 2 рода 3 рода 4 рода 5 рода	Черемхо- во – 35 в.	15 - - - 45	31 2 1 3 166	39 1 1 3 166	
26.	Санканский	5-го рода	при реке Голумети на другой стороне	до думы 12 в., до Черемхо- во 35 в.	14	24	37	
27.	Подувалс- кий	4 и 5-го родов	при колодце 4 рода 5 рода	до думы 13 в., до Черемхо- во 35 в.	33 1	90 2	73 1	
28.	Средне- Тыргин- ский	4 и 5-го родов	при реке Ирети 4 рода 5 рода	до думы 35 в., до Черемхо- во 37 в.	1 42	5 119	3 103	
29.	Нижне- Тыргин- ский	1 и 5-го родов	при р. Ирети 1 рода 5 рода	до думы 17 в., до Черемхо- во – 39 в.	1 29	5 80	2 68	
30.	Малоирет- ский	5-го рода	при реке Малой Ирети	до думы 45 в., до Черемхо- во 37 в.	9	18	18	
31.	Верхне- тыргинский	1, 4, 5-го родов	при р. Ирети 1 рода 4 рода 5 рода	до думы 14 в., до Черемхо- во 36 в.	2 22 45	5 62 132	4 49 106	
32.	Галдуйский (Нугайс- кий)	4,5-го родов	при реке Голумети 4 рода 5 рода	до думы 13 в., до Черемхо- во 36 в.	2 11	6 33	8 29	
33.	Иретский (в том улусе, в котором живут оседло прочие инородцы улуса Иретского и деревни, означенная в записи о зимниках № 8)	5-го рода и прочие разных родов поселенцы	при р. Ирети	до думы 12 в., до Черемхо- во 40 в.	17 39 2	33 93 5	48 92 7	Иретская церковь } живут оседло
34.	Хазир- Хэрский, зимником Болдойско- го	1,2,5.и.7-го родов	при р. Ирети 1 рода 2 рода 5 рода 7 рода	до думы 12 в., до Черемхо- во 40 в.	3 12 3 36	5 25 8 91	8 30 12 86	
35.	Хогон- Нугуйский, где Мунко Габаев	2 и 5-го родов	при р. Ирети 2 рода 5 рода	до думы 12 в., до Черемхо- во 41 в.	1 32	2 83	3 75	
36.	Бурковский	1,4,5 и 9-го родов	при р. Голумети 1 рода 4 рода	до думы 7 в., до Черемхо- во – 40 в.	22 41	59 118	52 116	

			5 рода 9 рода		5 12	11 31	12 24	
37.	Кыркей-ский	1,2,3,5,6,7-го родов	при реке Куркоте 1 рода 2 рода 3 рода 5 рода 6 рода 7 рода	до думы 18 в., до Залари 47 в.	22 1 8 1 7 8	12 4 25 5 15 24	50 4 14 1 17 21	
38.	Колитуй-ский	2,6,7-го родов	при реке Куркоте 2 рода 6 рода 7 рода	до думы 17 в., до Залари 48 в.	1 34 1	3 81 1	3 83 1	
39.	Куркотский	3,6,7 и 9-го родов	при реке Куркоте 3 рода 6 рода 7 рода 9 рода	до думы 14 в., до Залари 50 в.	30 58 62 1	83 118 120 2	82 101 120 2	
40.	Саганур-ский	1,2,3,6,7-го родов	при колодце 1 рода 2 рода 3 рода 6 рода 7 рода	до думы 6 в.	19 3 22 25 1	41 8 61 65 2	39 8 60 67 1	
41.	Готолский	1,6,8-го родов	при колодце 1 рода 6 рода 8 рода	до думы 7 в.	6 18 1	24 64 2	18 57 4	
42.	Бадархан-ский	1,3,4,5,6 и 7-го родов	при р. Алари 1 рода 3 рода 4 рода 5 рода 6 рода 7 рода	до думы 4 в.	25 3 1 4 8 50	66 10 1 10 25 130	59 10 3 9 20 118	
43.	Буруткан-ский улус, здесь Улатоновы, Бурутханы, Хужирские	1 и 2-го родов	при колодце 1 рода 2 рода	-	69 12	179 26	155 37	
44.	Хыгинский	почетных граждан и 1-го рода	при колодце почетных граждан 1-го рода	-	13 26	73 77	40 73	
45.	Баянжур-ский	4-го рода	при реке Белой	до думы 35 в.	8	20	18	

Источник: ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275. Л. 42 об.–47.

Документ 21

**СВЕДЕНИЯ О МУКОМОЛЬНЫХ МЕЛЬНИЦАХ, НАХОДЯЩИХСЯ В
ВЕДОМСТВЕ АЛАРСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ ИРКУТСКОГО ОКРУГА
1850 Г.**

№	Какого округа и ведомства принадлежат статьи и место положения оным	С 1843 по 1847 год			С 1847 года по разные годы			Объяснения
		У кого в содержании, с которого времени построены мельницы, по какой срок	За какую сумму серебром		С кого в содержании, с которого времени, по какой срок ныне обоброшены	За какую сумму серебром		
			руб.	коп.		руб.	коп.	
1.	Иркутского Округа Аларской Степной Думы 6-го Хонходоровского рода Иретские: на реке Ирете колесчатая почвенная о 2 поставах в 1 ½ версте от Верхнее Иретской ясашной деревни Черемховской волости крестьянина	инородца Зарматки Табингуева (он же Нагаслай) с 1816 года выстроена						за ветхостию решительно ныне состоит та мельница без всякого действия и ничтожная потому коя обоброшена и желающих никого для возобновления не предвидится, ныне та мельница состоит необроченной, потому что содержания ея срок вышел почему сделана по всеместно публика но еще от других мест уведомления нет
2.	Иретские: на реке Ирет колесчатая почвенная о 4-х поставах в 90 саженях от НижнеИретской ясашной деревни	выстроена в 1839 г. крестьянином Черемховской волости Кондратием Куриловым по 1847 г. с постава	в год 3	57 ¼	с 1847 года по 1850 г. у оседлого инородца Кирилла Ключева с каждого постава по десяти рублей выгода	40		
3.	5-го Хонходоровского рода Иретская: На реке Ирет колесчатая почвенная о 4-х поставках 1. с ... анбаром по 2 поставах в 2-х верстах от Нижнее Иретской ясашной деревни	шуленги помощника Мунко Гибеевым о 2-х анбарах построены на одной плотине анбара 1838 а 2 брата его инородца в 1841 по 1847 год с каждого постава в год	3	57 ¼	у них же Гибеевых с 1847 по 1857 год по 7 руб. 14 ¼ с каждого постава в год	28	57 ¼	шуленга помощник Гибеев изъявлял желание перестроить свой анбар о 4- х поставах сделать вместо 2-х но высшее начальство приказало учинить

								публику почему ныне и сделана но еще от других мест уведомления нет
4.	Чиновницы Марьи Косомовой Иретская на реке Иреть колесчатая почвенная о 4 поставах в 8 саженях от Иретского улуса	построены в 1827 г. чиновником Николаевым Косомовым что бывши прежде шуленгою 5 рода. Сия построена в 1831 году						
5.	Иретская на реке Иреть колесчатая почвенная о 2-х поставах в 15 саженях от того же улуса	в 1838 году						
6.	Иретская на реке Иреть колесчатая почвенная о 2-х поставах смежна с первыми двумя Иретского улуса в 150 саженях	в 1838 году						
7.	Иретская на реке Иреть колесчатая почвенная о 4-х поставах в 300 саженях от Иретского улуса							все эти четыре мельницы прежде были без оброку находились под описью за казенное взыскание с коих по распоряжению начальства отданы без оброку
8.	4 Хонгодовского рода Иретская на реке Иреть колесчатая почвенная о 2-х поставах в 160 саженях от Байдиевского улуса по течению в низ	новокрещенного инородца Ивана Булова построена в 1843 г. за огороженным прудом, была льгота			в 1847 по 1857 год ему же Булову с каждого постава по 3 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп. в год	6	85 $\frac{3}{4}$	
9.	Иретская Голуметская на реке Нижнее Ирете и Голумете колесчатая почвенная о 2-х поставах в 120 саженях от	инородца 4 рода Николая Попова Черемховской волости крестьянина Гымниевского участка Гаврила Мартынова			с 1847 по 1857 год этим же содержанием передана мельница на торгах с каждого постава по 4 руб. 28 $\frac{1}{2}$ коп.	8	57 $\frac{1}{4}$	эта мельница остается ныне без полома по причине промывкою плотины так, что несколько времени

	Аранской ясашной деревни	построена в 1840 году с каждого постава выгоде			выгоды			принимаемы ... к поправке но между прочим никак уладить не могут
10.	6-го Хонхоторовского рода Грязнутская на ключах Черной речки наливная построена об одном поставе расстоянием в 5 верстах от Грязнутской ясашной деревни	инородца новокрещенного рода Ильи Инокентьева построена в 1840 году	3	57 $\frac{1}{4}$				Эта мельница не только удобна обществу но и самому хозяину пришла в убыток ибо прежде была почвенною потом поднята наливною но и тут не приводит никакой пользы все почти приходит в ветхость и неудобна во всех отношениях

Источник: ГА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 93. Л. 2–4.

Документ 22

ПРАВИЛА ПО ПОСТРОЙКЕ КРЕСТЬЯНАМИ ЗАИМОК И ПРОЖИВАНИЯ НА НИХ

1852 год

Копия

Сибирскія жители устраиваютъ на пашнях и сенокосах особыя от места их жительства заимки, в которыхъ некоторыя имеютъ только временное пребываніе единственно для избежанія напрасной потери времени нужнаго на переезды от домов к полям, отстоящимъ на довольно значительныхъ расстояніяхъ, а другія и постоянное жительство, нередко даже на дачахъ чужихъ, или на земляхъ казенныхъ, заселившись первоначально из расчетовъ на лучшее состояніе земли, или на близость к онымъ обильныхъ промысловъ зверя и проч. Те и другіе заимки необходимы какъ для успешнаго обработованія земель, такъ и для общаполезнаго развитія заселенія в местахъ пустыныхъ но как заимки перваго рода, оставаясь с окончанія полевыхъ

работъ пустыми могутъ служить зимой пріютомъ для вестныхъ, могутъ заселяться крестьяне въ избежаніе отправленія общественныхъ повинностей, то на предметъ устройства заимокъ постановляются следующие правила.

1., Для временнаго пребыванія крестьянъ на пашняхъ и сенокосахъ дозволить устраивать зданія по усмотренію крестьянъ, но съ такими печами, которые удобно было на зиму уничтожать дабы зданія сіи не служили пріютомъ для беглыхъ.

2-е, Заимки для постояннаго жительства на земляхъ принадлежащихъ тому селенію или обществу, въ которомъ состоятъ устраивающіе оныя, на разстояніи 50 верстъ и более дозвolyть возводить не иначе какъ съ разрешенія волостнаго и земскаго начальства на тотъ конецъ, чтобы жительствоющіе на подобныхъ заимкахъ были всегда въ виду этихъ начальствъ и не могли уклоняться отъ исправленія лежвщихъ на нихъ повинностей.

3, Устройство подобныхъ заимокъ на земляхъ принадлежащихъ другимъ обществамъ воспретить, предоставивъ желающимъ въ этомъ случае просить о перечисленіи изъ своего общества в то, где ему нужно устроить заимку.

4, Возведеніе заимокъ на земляхъ казенныхъ свободныхъ дозвolyть съ разрешенія казенныхъ палатъ и областныхъ правленій и съ утвержденія начальниковъ губерній и областей по приобретеніи правъ на пользованіе сими землями в теченіи условленнаго срока съ торговъ и съ платежемъ оброка. На подобныхъ земляхъ в настоящее время некоторыми людьми произвольно устроены уже заимки, за что и следовало бы подтверждая ихъ взысканію но принимая въ соображеніе, что въ Сибири земли въ многихъ местахъ не приведены еще въ известность, отчего крестьяне не знаютъ, что принадлежитъ имъ и что казне, по уваженію этого заселившихся на казенныхъ земляхъ оставить бехъ взысканія, обложивъ ихъ налогомъ.

5, Заимкамъ, учрежденнымъ государственными крестьянами въ числе несколькихъ семействъ на общественныхъ земляхъ дается наименованіе

особыхъ селеній и последніе наделяются землею на основаніи инструкціи о межевыхъ действияхъ въ Восточной Сибири.

6, Такъ какъ на земляхъ крестьянскихъ устроены заимки многими лицами городскихъ сословій, то предоставить имъ на право пользованіе сими заимками и спросить согласіе крестьянскихъ обществъ, съ коими и заключить въ установленномъ порядке условіи.

7, Настоящимъ правиламъ подчинить и все те заимки, которыя имеются по Сибири въ настоящее время .

Подлинную подписал
Начальник Отделенія Тюменцовъ
Верно: за столоначальника

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2109. Л.

Документ 23

ВЕДОМОСТЬ О ЧИСЛЕ ДУШ ИНОРОДЦЕВ ВЕДОМСТВА
СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ И ПО ЗЕМЕЛЬНЫМ ВЛАДЕНИЯМ
ИХ ПО УРОЧИЩАМ ВМЕСТЕ С КАЗАКАМИ

9 июля 1862 года

Названия урочищ или дач, коими владеют инородцы	Звание родов	Число душ по 10 народной переписи		Каких сотен казаки состоят с ними в общем владении
		Платящих	Не платящих	
	1-го Атаганова	Голова сего рода отозвался, что им сведения о сем за весь род представлено прямо от себя в 1860 и 1861 годах г. землемеру Чикунову		
В урочище Ичетое	1-го Табангутского	170	9	состоят с ними казаки 2-й сотни 5-го полка
Нижнем Цагатае		77	5	
Верхнем Цагатае		46	4	
	Сартолова	Голова сего рода отозвался, что им сведения о сем представлены г. землемеру Чикунову		
на даче Темницко- Удунгинской	2-го Ченорутского	291	20	вместе с казаками 4-й сотни 5-го
	Иринско- Харанутского	152	14	

	Хатагинова	2	-	полка
в урочище Иро и Урме	Иринско-Харанутского	349	28	вместе с казаками 3-й и 4-й сотни 5-го полка
	Хатагинова	86	11	
	Алагуевского	213	17	
в урочище Инзагатуй	Алагуевского	69	17	с казаками 3-й сотни 5-го полка
в урочище Жергалантуй	Алагуевского	13	1	
	Бабай-Хоромчиевского			
На Тамчинской даче	Хатагинова рода	174	36	вместе с казаками 5-й сотни 5-го полка
	Подгородного	188	14	
	Узенова	42	5	
	2-го Атаганова	90	5	
	Бумольгутульского	10	-	
	С.-Харанутского	8	1	
на Харухонско-Темницкой даче	Подгородного	140	10	вместе с казаками 4-й сотни 5-го полка
	Хатагинова	118	11	
на оброчных статьях Ацуле	Подгородного	27	2	вместе с казаками 4-й сотни 5-го полка
	Хатагинова	21	3	
на оброчных статьях на островах, состоящих при Селенге реке	Подгородного			вместе с казаками 4-й сотни 5-го полка
	Узенова	24	-	
	Бабай-Хоромчиевского	37	2	
на Енхорской оброчной статье	Хатагинова	83	9	вместе с казаками 5-й сотни 6-го полка
	Бумольгутульского	2	-	
	2-го Атаганова	6	-	
	Селенгинско-Харанутского	232	12	
на Ацайской даче за Гусином озере	Подгородного	33	4	вместе с казаками 5-й сотни 5-го полка
	2-го Атаганова	105	11	
	Селенгинско-Харанутского	13	2	
На Нянгинской оброчной статье	Узенова	41	4	вместе с казаками 3-й сотни 5-го полка
	Бумольгутульского рода	46	7	
на Жагустайской даче	2-го Атаганова	102	10	вместе с казаками 5-й сотни 5-го полка
	Бумольгутульского	94	4	
	Селенгинско-Харанутского	129	10	
	Олзонова рода	140	22	
в урочище Шано близ Степной думы	Бумольгутульского	130	12	вместе с казаками 6-й сотни 5-го полка
кочующие при Караульном луге	Бумольгутульского	76	10	
на Иволгинской даче	Селенгинско-Харанутского	400	46	вместе с казаками 6-й

	Бумольгутульского	41	6	сотни 5-го полка
	1-го Ченорутского	31	3	
на Нижне-Оронгойской даче и урочище	Селенгинско-Харанутского	256	24	вместе с казаками 6-й сотни 5-го полка
	1-го Ченорутского	84	7	
	Бумольгутульского	103	14	
	Олзонова рода	180	15	
на Верхне-Оронгойской даче и урочище	Селенгинско-Харанутского	56	6	
	Олзонова рода	29	2	
на даче Гильбиринской	1-го Ченорутского	201	25	вместе с казаками 6-й сотни 5-го полка
на Букун-Харганатской даче	1-го Ченорутского	130	17	
	2-го Атаганова	5	1	
на Жаргалантуйской даче	Селенгинско-Харанутского	203	27	вместе с казаками 5-й сотни 5-го полка
	Бумольгутульского	44	3	
на Букун-Тохойской даче	Селенгинско-Харанутского	45	4	
	Бумольгутульского	35	2	
на Сутойской даче	Селенгинско-Харанутского	36	4	с казаками 6-й сотни 5-го полка
	Бумольгутульского	85	13	
при урочище Убур-Зокуй, верх по Селенге реке островах и лугах, Харганту, Ару-Зокуй, по р. Чикое острове Забала [...], Ару Харганту, при ключах Ондоли, Тукумов и до устья речки Бултумура	3-го Табангутского Ондолинского десятка	100	8	вместе с казаками 1-й сотни 6-го конного полка
при урочищах Байцо-Селенгинский, при колодце Молцортное, Царатах, состоящие восточную и западную сторонах, Болдокское онбоне, Хайрту-даба, на островах по р. Селенге с [...]	3-го Табангутского рода Чокуйского десятка	129	17	
при урочащах по р. Харьястуге, Цанкирском луге, верх по реке Чикое островах, Шабартуйском	3-го Табангутского рода Харьястуйского десятка	198	17	с казаками 1-й сотни 6-го конного полка

луге, по р. Холостуе в Царатах, по р. Должингое, у Сутуйской и Хурайской ключах				
при урочащах: по р. Субуктуе, Харганту, вершине Должингоя, Холостуйской, Байца, в Царатах, Салкиту, по пади Хурайской и по падам Улту, Цухудуйту, Торхоту	3-го Табангутского Собоктуйского десятка	162	10	
на дачах трех Шаргалжин	Чикойско- Харанутского рода и дети обер- офицерския сего рода	254 26	8 2	с казаками 1-й сотни 6-го конного полка
при урочащах состоящие на правой руке реки Чикоя: Сакдат- Хожирту с Гонхор луге, Нарин Кундуй и по р. Кударе вниз от Усть-Тамира до горы Малой Сандагое	Ашебагатского	281	25	вместе с казаками 2-й и 3-й сотен 2-го полка
при урочащах Чикойско- Анигусту, Кушиготу, Улан- хадинский, и Усть- Кударинский, Хожиртуйский	Ашебагатского	59	10	с казаками 3-й и 4-й сотен 2- го полка
в урочище Тамире	Ашебагатского	3	-	с казаками 4-й сотни 2-го полка
Кударинский в двух Алцагатах	Ашебагатского	65	6	с казаками 4-й и 5-й сотен 2- го полка
между Донгуе и Урлуке	Ашебагатского	163	17	с казакми 5-й сотни 2-го полка
в урочище Дунжое	Ашебагатского	85	10	с казаками 5-й и 6-й сотен 2- го полка и с

				оседлыми инородцами
в урочище Аце	Ашебагатского	40	2	с казаками 6-й сотни 2-го полка
в урочище Ара Кирегуе	Ашебагатского	184	14	с казаками 4-й сотни 6-го конного полка
состоящих на левой руке реки Хилка урочащах: Хаара- Осу, Гычыге, и на правой руке речки Окино-ключевской	Ашебагатского	142	15	

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3140. Л. 51–53 об.

Документ 24

СВЕДЕНИЯ О СПРАВОЧНЫХ ЦЕНАХ НА СТРОИТЕЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ, РАЗЛИЧИЯХ ЛЮДЕЙ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ СОБСТВЕННО
ПРИ СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЕ

Предметы материалов	Самая высокая серебром	
	Руб.	Коп.
Строительные материалы с доставкой на место		
Бревно строевого лесу длины 4 саж. Толщины 8 вершков	-	40
Бревно длины 3 саж. Толщины 6 вершков	-	25
Бревно длины 2 саж. Толщины 4 вершка	-	15
Плах 1 ступка длины 3 саж. Толщины 8 вершков	-	40
Плах 1 ступка длины 2 саж. Толщины 6 вершков	-	25
Тесу за 1 тесницу длины 3 саж. Ширины 7 вершков	-	15
Тесу за 1 тесницу длины 2 саж. Ширины 5 вершков	-	11
Тысяча кирпичу	-	-
Пуда извести	-	60
Пуда железа	2	10
Работа месячная плата земледельческому работнику	3	50
Плата в день плотнику	-	50
- кузнецу	-	60
- каменщику	-	60

Источник: ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2834. Л. 4.

Документ 25

ДЕЛО О ЗАПРЕЩЕНИИ ИНОРОДЦАМ НОСИТЬ ОДЕЖДУ
ЖЕЛТОГО И КРАСНОГО ЦВЕТОВ НА ЛАМСКОМ ПОКРОЕ

М.В.Д. Забайкальское областное управление.

Отделение 1. стол.

18 декабря 1874 г.

№ 8595

г. Чита

Баргузинскому Окружному Полицейскому Управлению

В разъяснении вопроса, возникшаго вследствие заявлений инородцев исповедующих ламайскую веру, о запрещении им носить одежду желтого и красного цветов, Министерством Внутренних Дел с Высочайшаго разрешения дано знать, что так как покррой платья лам отличается от покроя платья мирян, то достаточно недозволять носить им платья красного и желтого цветов, которыя имеют покррой присвоенный ламайскому костюму а небезъусловно платья этих цветов.

Уведомляя об этом Полицейское Управление присовокупляя, что согласно распоряжения Г. Губернатора Восточной Сибири от 29 ноября за № 1690 чрез Бандидо хамбу вменено в обязанность лицам ламскаго духовенства при отпусках из дацанов в отличие их от мирян непременно носить платье и головные уборы присвоенные духовенству.

За исполнением этого я прошу Полицейское Управление имеют неослабное наблюдение (в подлиннике подписано)

И. Д. Губернатор Мих. Берестов

Управляющий отделением Скрынников

9 января 1875 г.

Источник: ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1690. Л. 1–4.

Приложение В. Иллюстрации

Рис. 1. Буряты (Копия с иллюстрации из книги И. Идеса, А. Бранда «Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)». М., 1967).

Рис. 2. Брацкая девушка в Удинском остроге сзади (Иллюстрация из книги И. Е. Георги «Описание ...». СПб, 1799).

Рис. 3. Предводитель одного из родов племени булагат (Копия с фотографии, 1910–е гг., Верхотенский уезд Иркутской губернии).

Рис. 4. Брацкая баба в Удинском остроге с лица (Иллюстрация из книги И. Е. Георги «Описание ...». СПб, 1799).

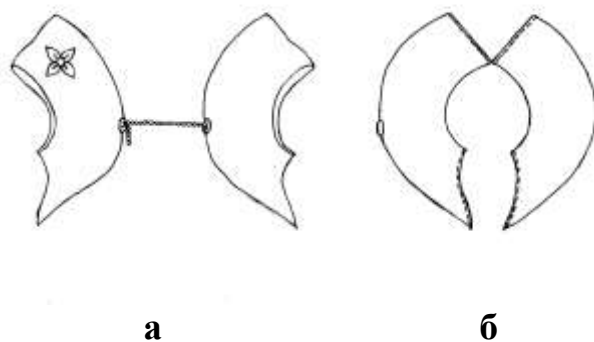

Рис. 5. Покрой женской безрукавки-лиф бурят Предбайкалья. XVIII в. Реконструкция. а – вид спереди, б – вид сбоку.

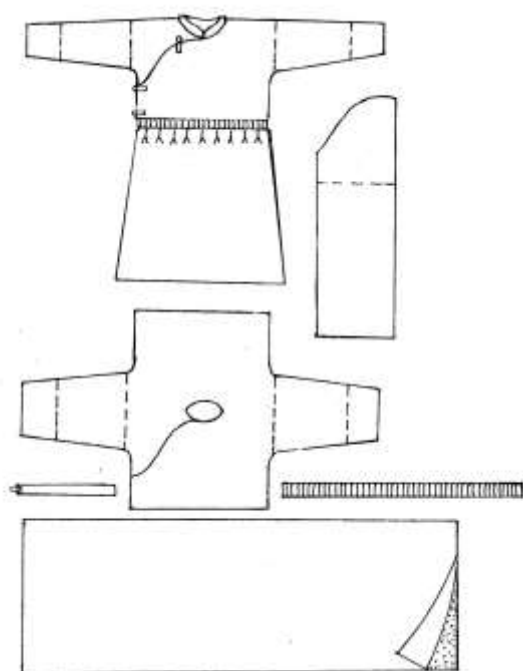
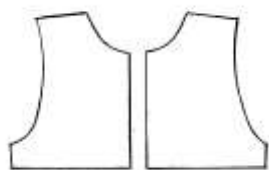

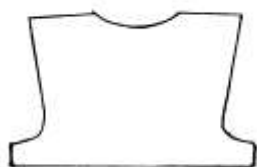
Рис. 6. Покрой девичьей верхней одежды бурят Предбайкалья. XVIII в. Реконструкция.

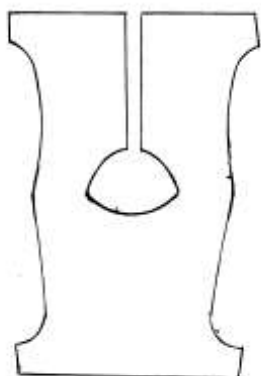
Рис. 7. Бурятская девушка
(Копия с иллюстрации из
книги И. Е. Георги
«Описание ...». СПб, 1799).

а

б

в

Рис. 8. Девичья
короткополая безрукавка
бурят Предбайкалья. XVIII
в. Реконструкция. а – вид
спереди, б – вид сзади, в –
общий вид.

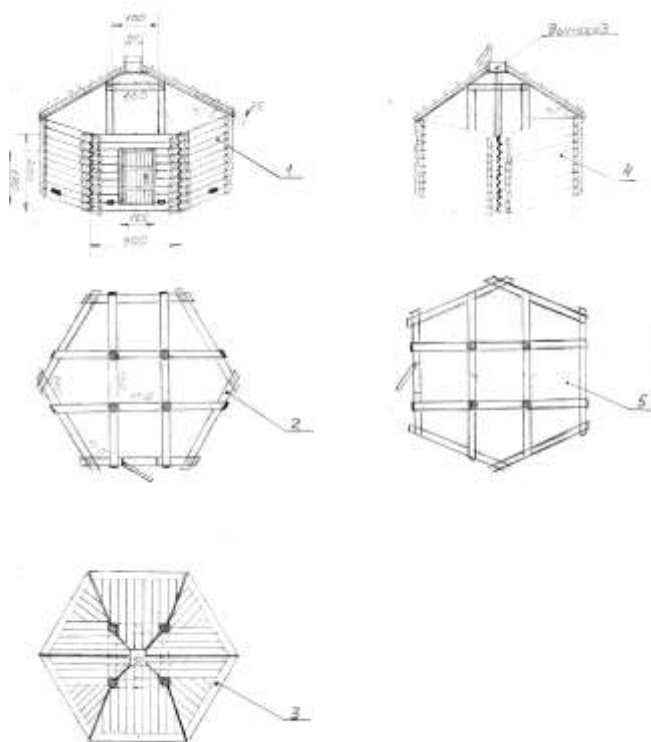

Рис. 9. Схема шестистенной срубной юрты предбайкальских бурят. 1 – юго-восточная сторона, брус круглый, дерево (сосна); 2 – нижняя часть юрты, брус круглый, дерево (лиственница); 3 – крыша скатная (вид сверху), тесовые доски; 4 – южная сторона юрты, опорные столбы, брус круглый, дерево (сосна); 5 – верхняя часть (вид сверху), брус круглый, дерево (сосна), углы в обло.

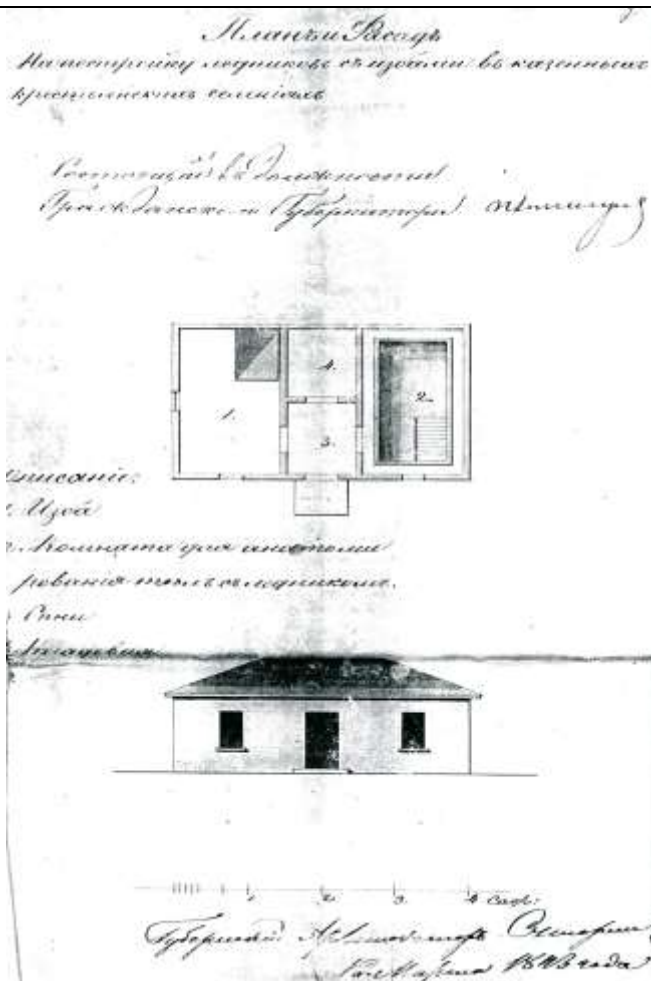

Рис. 10. План и фасад на постройку ледников с избами в казенных крестьянских селениях (Копия с листа. 1843 г. [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 991. Л. 2]).

Рис. 11. Бурятка (из книги «Les peuples de la Russie. Vol. II. Paris, 1812». Худ. Е. М. Корнеев).

Рис. 12. Братские татары, 1813 г. (Худ. Е. М. Корнеев).

Рис. 13. Забайкальские буряты, 1840 г. (из книги Густав-Теодора Паули «Этнографическое описание народов России»).

Рис. 14. Угол бурятской юрты, вырубленный в обло. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 15. Угол восьмистенной юрты предбайкальских бурят, сложенной из полукругляка. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 16. Восьмистенная юрта, срубленная в угол с остатком, предбайкальских бурят. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 17. Крыша
восьмистенной юрты
предбайкальских бурят.
ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 18. На крыльце срубной
юрты. Предбайкальские
буряты, начало XX в. (из
фотофонда ЦВРК ИМБТ СО
РАН).

Рис. 19. Внутренний вид
восьмистенной юрты
предбайкальских бурят.
ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 20. Срубные юрты предбайкальских бурят, начало XX в. (из фотофонда ЦВРК ИМБТ СО РАН).

Рис. 21. Четырехстенная юрта с шатровой крышей предбайкальских бурят. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 22. Четырехстенная юрта с двухскатной крышей. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 23. Угол четырехстенной юрты, срубленной в лапу, предбайкальских бурят. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 24. Восьмистенная юрта присаянских бурят. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 25. Современная летняя юрта «пираг» присаянских бурят, Тункинский р-н Республики Бурятия, 2001. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 26. Потолок в четырехстенной юрте «пираг» присаянских бурят, Тункинский р-н Республики Бурятия, 2001. Фото А. А. Бадмаева.

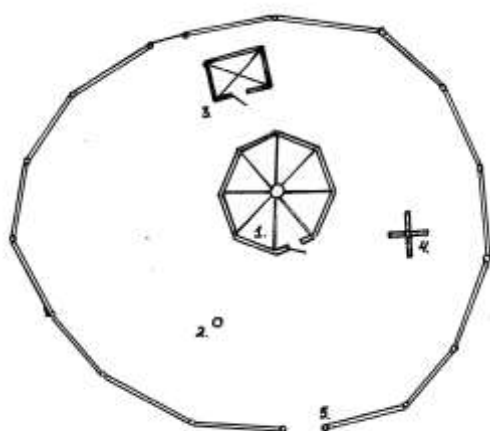

Рис. 27. План двора на летнике тункинского бурята (с гравюры «Бурятские юрты в долине р. Иркут», сделанной с рис. П. Ровинского, конец XIX в.): 1 – восьмистенная срубная юрта, 2 – коновязь, 3 – телятник, 4 – кожемялка, 5 – ворота.

Рис. 28. Монгольские зимние юрты, вблизи Кяхты (из книги «Азиатская Россия». Фото Чарушина Г., начало XX в.).

Рис. 29. Зимник селенгинских бурят (Копия с фотографии неизв. автора. Худ. С. Шендрик).

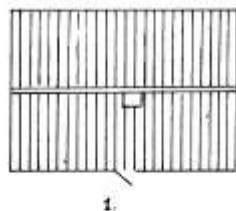
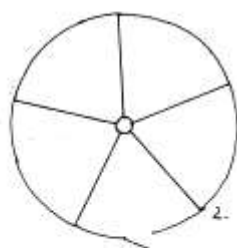
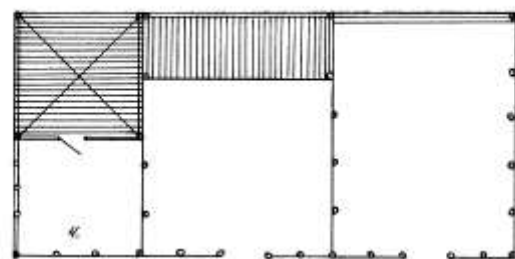
Рис. 30. Семья бурят и их жилище – «юрта» (Зимняя срубная юрта хоринских бурят). Фото неизв. автора, начало XX в.

Рис. 31. Летняя юрта бурят (из книги Г. М. Осокина «На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья», 1906).

Рис. 33. Современная войлочная юрта. Республика Бурятия, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

3.

Рис. 33. Примерный план зимника бурят Западного Забайкалья во второй половине XIX в. (хоринские буряты): 1 – четырехстенная срубная юрта, 2 – войлочная юрта, 3 – коновязь, 4 – скотный двор.

Рис. 34. Войлочная юрта и амбарчик на колесах (*амбаар-тэргэ*) забайкальских бурят (Копия с фотографии неизв. Автора. Худ. С. Шедрик).

Рис. 35. Домашняя утварь предбайкальских бурят, начало XX в. (из фотофонда ЦВРК ИМБТ СО РАН).

Рис. 36. Деревянная кадушка предбайкальских бурят, начало XX в. Иркутская область, 1997. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 37. Чугунный кувшин
(*танха*) предбайкальских
бурят, начало XX в.
Иркутская область, 1997.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 38. Деревянное блюдо
(*табаг*) предбайкальских
бурят, начало XX в.
Иркутская область, 1997.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 39. Лицевая сторона
кованого сундука
кударинских бурят.
Кабанский р-н Республики
Бурятия, 2003. Фото А. А.
Бадмаева.

Рис. 40. Ручная мельница
присаянских бурят.
Тункинский р-н Республики
Бурятия, 2001. Фото А. А.
Бадмаева.

а

б

Рис. 41. Конские стремяна
присаянских бурят.
Закаменский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.
а – общий вид; б – вид
сбоку.

Рис. 42. Охотничье снаряжение присаянских бурят. Тункинский р-н Республики Бурятия, 2001. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 43. Внутренний вид восьмистенной срубной юрты присаянских бурят. ЭМНЗВБ, Улан-Удэ, 2007. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 44. Самогонный аппарат присаянских бурят. Окинский р-н Республики Бурятия, 2003. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 45. Маслобойка
бэлмээр присаянских бурят.
Окинский р-н Республики
Бурятия, 2003. Фото А. А.
Бадмаева.

Рис. 46. Чаерезка *сайн*
хэришуул. Закаменский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 47. Кожаный мешочек
для хранения зеленого чая
присаянских бурят.
Закаменский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 48. Дорожные сумы
уута присаянских бурят.
Закаменский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 49. Берестяной короб
присаянских бурят.
Тункинский р-н Республики
Бурятия, 2001. Фото А. А.
Бадмаева.

Рис. 50. Деревянное ведро
бочарной сборки
присаянских бурят.
Окинский р-н Республики
Бурятия, 2003. Фото А. А.
Бадмаева.

	Рис. 51. Ступка (уур) для измельчения зерна присаянских бурят. Окинский р-н Республики Бурятия, 2003. Фото А. А. Бадмаева.
	Рис. 52. Деревянное блюдо под мясо (табаг). Закаменский р-н Республики Бурятия, 2002. Фото А. А. Бадмаева.
	Рис. 53. Деревянное корытце для разделки мяса (тэбишэ) хори-бурят. Еравнинский р- н Республики Бурятия, 2005. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 54. Деревянная ложка *сасал* для ритуального жертвоприношения присаянских бурят. Тункинский р-н Республики Бурятия, 2001. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 55. Символ прочности и мгновенного просветления (*ваджра*). Селенгинский р-н Республики Бурятия, 2004. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 56. Ваджра. Джидинский р-н Республики Бурятия, 2002. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 57. Священная раковина. Селенгинский р-н Республики Бурятия, 2004. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 58. Сундук на подставке (*абдар-ухэг*) селенгинских бурят. Селенгинский р-н Республики Бурятия, 2004. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 59. Лицевая сторона сундука (*абдар*) селенгинских бурят. Селенгинский р-н Республики Бурятия, 2004. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 60. Кадушка и ковш хори-бурят. Еравнинский р-н Республики Бурятия, 2005.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 61. Деревянное ведро с крышкой хори-бурят (I-й тип). Еравнинский р-н Республики Бурятия, 2005.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 62. Деревянное ведро с крышкой хори-бурят (II-й тип). Еравнинский р-н Республики Бурятия, 2005.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 63. Деревянная основа
седла эмээл селенгинских
бурят. Джидинский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 64. Передняя лука
конского седла.
Джидинский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 65. Конское седло хори-
бурят. Еравнинский р-н
Республики Бурятия, 2005.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 66. Семья предбайкальских бурят за помолом зерна, начало XX в. (из фотофонда ЦВРК ИМБТ СО РАН).

Рис. 67. Крупный рогатый скот присаянских бурят. Окинский р-н Республики Бурятия, 2001. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 68. Сушеное мясо (*борсо*). Буряты Восточного Присаянья. Окинский р-н Республики Бурятия, 2001. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 69. Корни горлеця живородящего (*мэхээр*).
Закаменский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 70. Засоленный на зиму
дикий лук (*мангир*). Буряты
Восточного Присянья.
Закаменский р-н
Республики Бурятия, 2002.
Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 71. Семья
баргузинского бурята.
Начало XX в. (Из Интернет-
ресурса).

Рис. 72. Образцы одежды и головных уборов присаянских бурят. Закаменский р-н Республики Бурятия, 2002 г. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 73. Поршневидная обувь присаянских бурят. Окинский р-н Республики Бурятия, 2003. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 74. Башмаковидная обувь (*буряад гутал*) присаянских бурят. Закаменский р-н Республики Бурятия, 2002. Фото А. А. Бадмаева.

	Рис. 75. Сапожные колодки. Закаменский р-н Республики Бурятия, 2002. Фото А. А. Бадмаева.
	Рис. 76. Сухожильные нити. Буряты Восточного Присаянья. Окинский р-н Республики Бурятия, 2001. Фото А. А. Бадмаева.
	Рис. 77. Головные уборы присаянских бурят. Закаменский р-н Республики Бурятия, 2002 г. Фото А. А. Бадмаева.

Рис. 78. Бурятские дети в национальном костюме. Селенгинские буряты, 1930–е гг. Фото неизв. автора.

Рис. 79. Цыден Сахияев, учитель Анинского церковно-приходского училища с супругой. Хоринские буряты. Начало XX в. (из комплекта фотографий «Народный костюм бурят в фотографиях конца XIX – начала XX в. Улан-Удэ, 2005»).

	Рис. 80. Головной убор хори-бурят. Еравнинский р-н Республики Бурятия, 2005. Фото А. А. Бадмаева.
	Рис. 81. Головной убор хори-бурят. Еравнинский р-н Республики Бурятия, 2005. Фото А. А. Бадмаева.
 а	Рис. 82. Башмаковидный тип обуви хори-бурят. Еравнинский р-н Республики Бурятия, 2005. Фото А. А. Бадмаева. а – общий вид; б – подошва обуви.

б	
	Рис. 83. Войлочные орнаментированные чулки хори-бурят. Еравнинский р- н Республики Бурятия, 2005. Фото А. А. Бадмаева.

Приложение Г. Бурятская кухня

1. Молочная пища бурят

Молоко (һун) использовалось в пищу только кипяченое: добавлялось в чай, или предназначалось для кормления грудных младенцев и малышей. Не имея возможности длительного сохранения его в теплое время года, буряты в основном перерабатывали молоко в кисломолочные продукты, что, как известно, было в практике и других тюрко-монгольских народов.

Молозиво (уураг). Молозиво обычно варилось без каких-либо пищевых добавок, и превращалось в густую кашу желтого цвета. На молозиве с добавлением в него муки жарили оладьи, которые получались особенно вкусными. Его также пили как напиток, вскипятив. Вполне понятно, что сроки потребления этого продукта были ограничены временем отела крупного рогатого скота.

Сквашенное молоко (ээдэмэг) получалось из сырого молока – эта технология, названная в литературе как «монгольская», была распространена у монгольских народов, и отличалась от тюркского варианта производства кислого молока, которое предусматривает использование кипяченого молока. В зависимости от времени сквашивания буряты получали или кислое молоко или молоко длительной закваски.

Простокваша (тараг) готовилась из разведенной в кипяченом молоке закваски (заквашенной пахты). Посуда, в которую была налита эта смесь, помещалась в прохладное место, и оборачивалась плотной тканью или верхней одеждой.

Пенки (урмэн), которые представляли лакомство на столе бурят, готовились путем длительного кипячения коровьего молока утреннего надоя. В повседневном питании пенки кушали свежие, для праздничных трапез их специально высушивали, в результате чего они достаточно долго не теряли вкусовых качеств и формы.

Сливки и сметана (сусгэй, зоохэй, сайлсай). Эти продукты сегодня вырабатывают при помощи сепарирования коровьего молока. Сметана в отличие от сливок требует более продолжительного настаивания, и имеет более густую консистенцию. Традиционно сливки делали из простокваши с добавлением сливочного масла, полученного из *айрага*. Иногда сметану слегка кипятили и, пока она не остыла, употребляли в пищу с мучными продуктами.

Кумыс (сэгээ, гуунэй айраг) получался благодаря добавлению в старую закваску свежего кобыльего молока. Согласно нашим информаторам, буряты обычно придерживались соотношения – 1 часть закваски к 30 частям молока. Эту смесь периодически взбалтывали, и через 2–3 дня кумыс обретал должную крепость.

Пахта (сагаа, ээдэмэг) после отделения сливок, отстаивалась до приобретения слабой кислотности, и появления признаков брожения, свидетельствовавших, что напиток дошел до нужной кондиции.

Заквашенная пахта (хурэнгэ, айраг). В пахту, находящуюся в деревянной кадушке *булуур*, подливали закваску (*эхэ*) и в закрытом виде держали 3–4 сутки, периодически помешивая мутовкой, когда становилось заметным брожение, тогда напиток готов к употреблению.

Сливочное масло (айрагай тоһон, бэлһэн тоһон) вырабатывали при помощи сбивания кислых сливок от отстоянного молока. Более традиционным, видимо, следует считать способ приготовления масла пахтаньем прямо из заквашенного молока и скисшего молозива, встречающийся у забайкальских бурят, и когда-то бытовавший у предбайкальских бурят. Сам процесс производства масла выполнялся при помощи маслобойки, куда наливали необходимый объем первичного сырья, и сбивали мутовкой в течение часа. Образовавшееся масло перекладывали в подготовленную посуду, и заливали холодной водой, через некоторое время масло доставали и спрессовывали, отжимая воду из него руками.

Топленое масло (шара тоһон), изготовленное за счет перетапливания сливочного масла, было рассчитано на длительные сроки хранения, и без потери своих потребительских свойств сохранялось от полугода и выше в берестяных туесах или высушенных и надутых мочевых пузырях, тонких кишках и желудках домашнего скота.

Топленое масло из пенки (урмэнэй тоһон). Накопленные пенки растапливали на медленном огне, в итоге возникало топленое масло с высокой степенью жирности, следовательно, и более долговечное в хранении.

При отсутствии коровьего масла его заменителем выступало *яһанай тоһон* ‘костное масло’, которое вытапливалось из измельченных мозговых костей домашних животных. В течение зимы каждой семьей накапливался значительный запас таких костей, который с наступлением весны разбивали молотком, толкли и варили в котле до выделения масляных пятен. Собранное масло употреблялось в пищу как обычное сливочное масло.

Творожистая масса (аарса) являлась полуфабрикатом, который выделялся из барды (*бозо, сагаан*) – гущи, образующейся после перегонки пахты в молочную водку. Между тем *аарса* у остальных бурят готовили по-другому: в процессе кипячения заквашенного молока возникала густая творожная масса, отделившаяся от сыворотки, она и являлась искомым продуктом. В прошлом этот вид творога был одним из основных кушаний бурят. Более того, им кормили ягнят, сначала разбавляя ее теплой водой, и подмешивая муку, а затем по мере привыкания к такой пище поили *аарса* без каких-либо добавок.

Буряты, как правило, в чистом виде этот продукт кушали редко. Часто, чтобы сделать менее кислым, и более приятным на вкус, его разводили в кипяченном или сыром молоке, подогревая на огне. Надо заметить, что под *аарса* понимался не только полуфабрикат – вид творога, но и блюда, приготовленные с его добавлением. Прежде всего, это *орооһотой аарса* ‘арса с зерном’ – род супа, сваренного с *аарса*. Чтобы сварить такой суп, в котле

разваривали дробленные или целые зерна пшеницы, после добавляли *аарса* и молоко из расчета одна поварешка *аарса* на одну тарелку зерна, и доводили до кипения.

Наряду с зерновым супом буряты варили с *аарса* мучной суп. В котел с кипящей подсоленной водой, помешивая, подсыпали муки, пока не образовывалась кашеобразная масса. Далее, разбавляя это варево, примешивали *аарса* и молоко, получившийся густой суп доводили до кипения.

Аарса также варили с луковицами сараны, такое кушанье называлось *тибһэнтэй аарса* ‘арса с сараной’. Помимо клубней сараны, которые разваривались в разведенной творожистой массе, в готовящееся блюдо подсыпали муку. Любопытно, что в бурятском языке существовало общее понятие, которое обозначало все кисломолочные продукты, и одним из составляющих которого было слово *аарса*, – *аарса саган*¹³²³.

Творожистая масса (ээрмэг). По утверждению И. Е. Тугутова, иволгинские (селенгинские) буряты делали эту снедь, собрав творожистую массу *сагаа* (у предбайкальских бурят – *хюмһан*, у баргузинских бурят – *зоомэр*), возникавшую на кромке котла самогонного аппарата при выкуривании молочной водки, и сдобрив ее сливками и молоком. Интересно, что в языке хори-бурят слово *сагаа* означает накипь и пену у кислого молока¹³²⁴.

Творожные сырки (айруул, айрһан, хурууд) – любимая снедь детей – вываривались из пахты, путем удаления сыворотки и последующей сушки. У селенгинских бурят сырки получали в результате варки *аарса* в молоке, образовавшаяся творожистая масса освобождалась от остатков жидкости, выжималась между пальцами, и сушилась на солнце¹³²⁵. Тот же способ отмечается у присаянских бурят. Однако по Г. Р. Галдановой, эти же буряты делали сырки из сарлычьего и овечьего молока, смешивая кипящее молоко с

¹³²³ Бурятско-русский словарь. С. 18.

¹³²⁴ Там же. С. 781.

¹³²⁵ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Д. 443. Л. 4.

заквашенной пахтой¹³²⁶. Несколько иначе рисует процесс изготовления сырков И. Е. Тугутов, согласно его данным, загустевший осадок от *сагаа* смешивали с молоком, и кипятили, в итоге выделялась творожистая масса, из которой посредством отжима воды и получали *айруул*. Данный способ применялся хори-бурятами и частично селенгинскими бурятами. Кушали сырки, опуская для размягчения в горячий чай, и дополняя их, небольшими порциями сметаны и масла. Как разновидность творожных сырков следует рассматривать отмечаемый Л. Л. Линховоином у агинских бурят творожные пряники *хурһан*, которые заправляли молотой черемухой, боярышником или диким яблоком¹³²⁷. Небезынтересно, что также назывались у других забайкальских бурят пряники, изготовленные из квашеного молока и плодов черемухи¹³²⁸.

Вареный творог (ээзгэй). Технология его производства, имевшая распространение у хори-бурят, заключалась в варке кислого молока с добавлением сырого молока до образования творожной массы, которую высушивали цельным куском¹³²⁹. Другой способ его получения, известный у курумканских бурят, предполагает доведение до кипения молока, в которое затем добавляется молозиво. Вообще же под *ээзгэй* у остальных забайкальских бурят обычно понимаются сливки от сырого молока¹³³⁰.

Молочное печенье (набша 'лист', сэсэг-айруул 'цветок-сырок'). Традиция изготовления таких печений обнаруживается лишь у селенгинских бурят. Пахту выпаривали на медленном огне до превращения в густую творожную массу, в которую добавляли масло, и кушали. Н. А. Бестужев упоминает другой рецепт «братских пряников», которые, по его описанию, представляли сырки четырехугольной формы, которые делали селенгинские

¹³²⁶ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 77.

¹³²⁷ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 40.

¹³²⁸ Бурятско-русский словарь. С. 603.

¹³²⁹ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 156.

¹³³⁰ Бурятско-русский словарь. С. 781.

буряты, смешав *аарса* и сметану и придав кусочкам из этого теста соответствующие геометрические очертания¹³³¹.

Домашний сыр (биһалаг, хурууд) относится к категории мягких пресных сыров. Для его приготовления бралось заквашенное коровье молоко, которое варилось с подливанием цельного молока до густой консистенции. После освобождения от сыворотки сырную массу, сдавленную специальными досками до приобретения прямоугольной формы, подсушивали. Сыр еще делали из оленьего и ячьего молока, так поступали окинские буряты, приспособившие традиционную технологию к иным видам молока. По данным И. Е. Тугутова, у селенгинских бурят были две разновидности сыров *хурууд*: сырок, сформированный в поварешке, сплетенной из ивовых прутьев, – *хоормог хурууд*, такой же сырок, но сформированный в куске тонкой материи или марли – *тэбхэр хурууд*¹³³². У хори-бурят этот сыр дополнительно поджаривали, и назывался он *хуураһан хурууд* ‘поджаренный сыр’. Очевидно, что был не прав И. М. Манжигеев, когда утверждал об отсутствии у бурят навыков приготовления сыров¹³³³.

Молочное вино (архи, хурэнгын архи, дарһан, тогоо архи, нэрэмэл архи) курилось при помощи самогонного аппарата чаще всего из заквашенной пахты, иногда из сквашенного молока, очень редко из кумыса. В зависимости от крепости, а это определялось числом произведенных перегонов, были известны алкогольные напитки: *архи, арси, дарһа* ‘молочное вино’, *арза, дабхар архи* ‘вино двойной перегонки (водка)’, *хорза* ‘вино тройной перегонки (спирт, яд)’. Такая градация молочных алкогольных напитков известна в языке разных групп бурят, и носит универсальный характер. В ритуальных целях предбайкальские буряты производили *архи* многократной перегонки. Ц. Жамцарано отмечает, что в качестве жертвенного угощения

¹³³¹ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 54.

¹³³² Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 171.

¹³³³ Манжигеев И. М. Указ. соч. С. 149.

они использовали вино 40-разной перегонки – «тарасун 40 чаш», считалось, «чем смесь сильнее – тем угоднее божествам»¹³³⁴.

2. Мясная пища бурят

Бульоны и супы

Мясной бульон (шулэн). После того как вынимаются отваренные куски мяса, горячий бульон разливается по чашкам, заправляется диким луком, и в таком виде употребляется.

Мясной суп (бухэлеэр). Для приготовления этого блюда берутся рубленые куски мяса на ребрах, позвонках (обычно баранина), которые варят в подсоленной воде, добавив сушеный лук. Подают на стол вместе с бульоном.

Суп с лапшой (талхатай шулэн). Мелко нарезанные куски мякоти или мясо на костях варятся в подсоленной воде, когда вода закипает, добавляется лапша. Суповой приправой служили сушеный или соленый дикий лук, чеснок, иногда черемша. Суп считается готовым, когда всплывает лапша. При отсутствии свежего мяса, а это могло быть в весенний и летний сезоны, суп варили из вяленого или жареного мяса.

Суп с зерном (таряатай шулэн). В отличие от предыдущего супа ингредиентами этого бурятского блюда служили нарезанная мякоть и рубленые с костью куски конины или говядины, которые варились с вышелушенными зернами пшеницы, овса или ячменя, солью и диким луком.

Суп с зерном и аарса (орооһотой шулэн). Первым в подсоленный суп насыпали очищенные зерна пшеницы, доведя их до полуготовности, опускали крупно нарезанные куски мяса, дикий лук, последним – *аарса*. Рецепт такого супа был записан нами у кабанских бурят.

Суп с горцем живородящим (мэхээртэй шулэн). В кипящий мясной бульон насыпали очищенные корешки горца (*мэхээр*). Нередко такой суп

¹³³⁴ Жамцарано Ц. Ж. Указ. соч. С. 61–62.

приправляли щепоткой сушеного можжевельника (*арса*). Этот вид супа был известен у присаянских бурят.

Суп с зерном и горцем (хушхэ). При приготовлении данного супа первым варили зерно до полуготовности, затем добавляли корни горца, когда зерна разваривались, приходил черед класть в суп мясо, и нарезанный дикий лук. Известен у прибайкальских бурят.

Суп из бараньих внутренностей (хирмасатай шулэн). При приготовлении такого супа сначала отваривали до полуготовности очищенные и промытые потроха (брюшину, кишки), легкие и нутряной жир, солили, а затем подправляли сушеным луком, перловой крупой или лапшой. В зимнее время использовали заготовленный поздней осенью ливер (*хирмаса*), который варился с добавлением крупы или лапши.

Колбасы и субпродукты

Кровяная колбаса из тонких кишок (хотиргойн шуһан, хотирхойн шуһан, гэдэһэтэй шуһан). В посуду, со свежей бараньей кровью, наливали небольшое количество молока, насыпали в эту жидкость мелконарезанные куски нутряного жира, дикий лук, и подсаливали. Эту смесь заливали в очищенную двенадцатиперстную кишку так, чтобы в ней оставалось небольшое полое пространство. Выпустив воздух из кишки, ее концы тщательно завязывали. Варилась такая колбаса в течение часа. Подобным же образом готовилась и колбаса из конской крови.

Кровяная баранья колбаса (хотоотой шуһан). Очищенный бараний желудок наполнялся подсоленной жидкостью из свежей крови с молоком, в которую примешивали мелко крошенный нутряной жир и дикий лук. Завязав узлом, отверстие желудка оборачивали пленчатым жиром, протыкали острой березовой палочкой, для герметичности узел обвязывали отрезком тонкой кишки.

Кровяная колбаса из толстой бараньей кишки (голгой). Аналогично описанной колбасе в толстую кишку наливали подсоленную кровь с

положенными в нее кусочками жира и дикого лука. Такая колбаса делалась присаянскими бурятами, а также аларскими бурятами, что указывает на локализацию этого мясного изделия у хонгодоров.

Кровяно-печеночная колбаса (эрээлжэ). Промытая толстая кишка барана начинялась составом из свернувшейся крови, мелко нарезанной печени, жира, молока и сушеного лука. Варилась такая колбаса как и другие бурятские колбасы в подсоленной воде.

Кровяно-мясная колбаса (эрээлжэ). Говяжья кишка заполнялась мясным фаршем и свернувшейся кровью, и варилась в соленой воде. Эта разновидность колбас встречалась у селенгинских бурят.

Вареная колбаса (харма, хярма). У присаянских бурят промытые тонкие бараньи кишки набивались подсоленным говяжьим фаршем, изредка в эту начинку еще наливали свежую кровь. По сведениям Г. Р. Галдановой, фарш состоял помимо говяжьей мякоти из мелко крошеного жира, почек и дикого лука¹³³⁵. У других бурят получила распространение такая колбаса с начинкой из мелко крошеного осердия, нутряного жира и крови. Ольхонские буряты, как пишет С. Г. Жамбалова, *харма* называли «желудок, начиненный мясным фаршем, жиром, кровью и полевым луком»¹³³⁶.

Вареная колбаса (тэрхэнсэг). Прямую баранью кишку фаршировали полосками из нарезанных легких, сердца, диафрагмы, брюшины, нутряного жира, обвитых вычищенными тонкими кишками. Это блюдо готовилось в кипящей соленой воде.

Вареная колбаса (хиимэ). Обработанную толстую баранью кишку шпиговали фаршем из мелко нарезанной говядины, баранины, нутряного жира и дикого лука (иногда добавляли немного муки). Получившуюся колбаску отваривали в бульоне.

¹³³⁵ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 81.

¹³³⁶ Жамбалова С. Г. Указ. соч., 2000. С. 284.

Вареная колбаса (татаһан мяхан, гэдэһэтэй мяхан). Начинкой для нее служили подсоленные мелко нарезанные кусочки говяжьих головных мозгов и мяса, которыми наполняли бараньи кишки.

Вареная колбаса (тархи). Данный вид колбасы, по всей видимости, являлся кулинарным изобретением хори-бурят. Он делался подобно предыдущему колбасному изделию, только фаршировался лопаточным мясом, мозгами, печенкой и диким луком.

Вареная колбаса (зурмэ). Тонкие бараньи кишки заполняли фаршем из мелко нарезанной печени, легких и жира брюшины, подобно выше описанным блюдам из внутренностей варились в подсоленной воде до готовности.

Ливер (хирмаса). Представлял собой чистую брюшину, которую набивали мелко нарезанными кусочками легких, печени, тонких кишок и мякоти. Перед употреблением варили в подсоленной воде.

Закрутка из бараньих внутренностей (оремог, зурмэ). Этот продукт представлял собой сплетенные в косу и соединенные тонкой кишкой нарезанные полоски из легких, брюшины и пленчатого жира. Обыкновенно употреблялась в вареном виде, но иногда ее запекали или жарили.

Вареные кишки (хошхоног). Прямую говяжью или баранью кишку вымачивали, мыли, нарезали большими отрезками, выворачивали наизнанку, и варили с добавлением соли. Так же поступали с конскими тонкой и толстой кишками, которые, на вкус бурят, представляли в сваренном виде и без всякой начинки отменное блюдо.

Фаршированная баранья книжка (һархинсаг). Сычуг, часть желудка овцы, наполнялся фаршем из мякоти баранины и нутряного жира, и зашивался ниткой. Варилась баранья книжка в бульоне.

Фаршированная селезенка (шэглэһэн дэлюун). Разрезанная вдоль полость говяжьей селезенки заполнялась подсолненным фаршем из мелко нарезанного мяса, жира, сушеного лука. Разрез зашивался ниткой, и полуфабрикат варился в соленой воде.

Шашлык из бараньей печени (һугабша, сагааса). Парную печень слегка жарили на углях, затем оборачивали сальником – «рубашкой», подсаливали, насаживали на вертел, и дожаривали.

Жареные внутренности (дамбар). Бараньи потроха мелко резали, смешивали с диким луком, чесноком, солили, и жарили на масле.

Жареная печень диких животных. Печень добытых лесных животных (лося, изюбра и косули) готовили сразу после их убоя на рожне у костра, очистив от пленки и посолив.

Конский жир (мориной оохэн). Загрибочный (далан), подбрюшный (арбин), спинной (гадар), нутряной (дотор) разновидности конского жира, посолив, кушали в мороженом виде, или варили. Вареный конский жир подавался на стол в охлажденном виде.

Сырая печень (туухэй эльгэн). Обычно употребляли в сыром виде печень только что забитой овцы. Ее нарезали на мелкие кусочки, и слегка подсаливали перед употреблением. И. Е. Тугутов упоминает, что буряты ели еще сырую говяжью и свиную печень¹³³⁷.

Мороженая печень. Полученная после осеннего забоя домашнего скота печень наряду с остальными внутренностями и мясом замораживалась. Мороженая конская и баранья печень предлагалась гостям в наструганном виде, перед этим ее слегка солили, и подавали с нарезанным диким луком. Также поступали с печенью добытых на охоте диких коз и изюбров.

Полуфабрикаты и мясные блюда

Баранья грудинка, приготовленная на углях (шараһан убсуун). Опаленная и очищенная грудинка (мякоть с жиром и кожей) срезалась с кости, подсаливалась, насаживалась на вертел, и поджаривалась на углях.

Мясо, приготовленное на углях (шараһан мяхан). Помытое нарубленное равновеликими кусками мясо на костях (мелких рогатых животных – овец,

¹³³⁷ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 84.

коз, диких коз) солят, и жарят над углями костра, насадив на вертел. Признаком готовности считалось появление сока.

Жареная баранина (хуураһан мяхан, суза). Обыкновенно готовилась для длительного хранения, особенно удобна была в дальних поездках и перекочевках. Мелко нарезанную баранину и нутряной жир сильно солили, и тушили до испарения выступавшего сока, затем дожаривали на выделившемся в ходе тушения жиру. Этот способ отмечается у хори-бурят, присаянских и кяхтинских (селенгинских) бурят. Любопытно, что агинские буряты таким мясом набивали бараний рубец или мочевого пузыря, и в такой емкости транспортировали во время сезонных переездов¹³³⁸. Присаянские буряты для хранения и перевозки этого мясопродукта использовали туески, промытый и подсушенный бычий мочевого пузыря, бараний рубец или сычуг.

Тушеное мясо. Для этого блюда мясо бралось как домашних, так и диких животных (баранина, козлятина, мясо дикой козы). Промытые рубленые куски такого мяса вместе с костями прожаривали с диким луком на жиру, солили, потом подливали в котел небольшую порцию бульона, и тушили до готовности.

Вареное кусками мясо (бухэлээр). Промытые крупные куски мякоти и мясо на ребрах и крестцах варились с добавлением соли. Для этого использовалось как мясо домашних животных (баранина, конина и говядина), так и дикое мясо (дикой козы, изюбря и др.). В прошлом обычно мясо слегка не доваривали, чтобы оно было сочнее. На стол выставляли на широком деревянном блюде, подавали с нарезанным диким луком.

Вяленое мясо (борсо мяхан, хатаамал). Мякоть зимней говядины или конины нарезают длинными полосами, и сушили в развешанном виде в проветриваемом и темном помещении до наступления мая. С приходом тепла это мясо обертывали белой льняной тканью, предохраняющей продукт от порчи и пыли. В накрошенном виде употреблялось как суповая основа. Этот способ консервации применялся в ходе летнего охотничьего промысла на

¹³³⁸ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 37–39.

дикую козу, так как козлятина в это время очень жирная, и пригодна для вяления.

Вяленое подсолненное мясо, обваленное в муке (бурд мяхан, бурдуун). Подобно предыдущему рецепту бралась свежая говяжья мякоть. Длинные тонкие ремни, нарезанные из этого мяса, на мгновение опускали в кипящую сильно соленую воду, затем тщательно обсыпали со всех сторон мукой, и сушили в развешанном виде. Данный способ консервации мяса применим в любой сезон без ограничений.

Копченое мясо (борсо мяхан). Этот мясной полуфабрикат в отличие от вяленого мяса делали в летний сезон, когда закалывали крупный рогатый скот или лошадей, и возникала потребность в консервации сразу большого мясного запаса. Подобно другим сибирским народам буряты копчение производили над дымом открытого очага, нарезав полосками мясную мякоть, и развесив ее на прутиках по кругу у светодымового отверстия юрты. По Л. Л. Линховоину, агинские буряты осенью коптили баранью грудину и прямую кишку¹³³⁹. Широко применялось копчение во время мясной охоты, когда охотники находились на дальнем расстоянии от дома. Для этого сооружали невысокий настил над слегка тлеющим костром, на который равномерно раскладывали мясные полосы, и сверху укрывали своеобразной постелью из лиственничной коры.

Мясная мука. Мякоть говядины или баранины, мелко нарезав, жарили на жиру до исчезновения сока и потемнения. Полученные в результате долгого обжаривания кусочки перетирали в муку, из которой в походных условиях получали мясной бульон.

Солонина (дабһалһан мяхан). У некоторых групп бурят была известна практика засаливания мяса (говядины, конины).

Запеченное мясо дикого животного. Л. Л. Линховоин упоминает способ запекания туши тарбагана: *боолго* 'завязывание', когда запекалась туша посредством опускания во внутрь нее через горловину раскаленных

¹³³⁹ Линховоин Л.Л. Указ. соч., 1972. С. 37.

камней; *хабшалга* ‘придавливание’, когда пекли в вырытой яме с помощью двух раскаленных каменных плит, между которыми помещалась обложенная травой распластанная тарбаганья туша¹³⁴⁰. Тарбаганов обычно ловили осенью, когда они нагуливают жир, их мясо в это время года очень сочное и жирное. У кабанских бурят принято было тарбаганье мясо кушать только вареным.

Мясные пельмени

Буузы. Это приготовленное на пару блюдо представляло небольшие кружки пресного теста, фаршированные мелко нарезанным мясом, нутряным жиром, диким луком, чесноком или анисом. Края кружков защипывали так, чтобы образовалось небольшое отверстие для выхода пара. Варили их в котлах, равномерно расположив на железном листовом круге с множеством мелких отверстий. Признаком готовности бууз было выделение из оставленного отверстия светлого сока и не липкая тестовая оболочка. Буузы пришли в традиционную кухню бурят из буддийских дацанов, где их делали по религиозным праздникам. Для бурят они долгое время являлись исключительно праздничным блюдом, которым угощали в дни наступления *Сагаалгана* – бурятского Нового года.

Жареные мясные груши (хушуур). Кушанье в виде больших плоских пельменей, которые жарили на жиру или масле. Фарш для этого блюда использовался такого же состава, что и для бууз. Пресное (иногда дрожжевое) тесто раскатывали на кружки, которые заправляли фаршем, и сверху защипывали так, что кулинарное изделие приобретало грушевидную форму. Мясные груши жарили до образования румяной корочки. Данный вид мясных кушаний нашел распространение только у хори-бурят.

3. Растительная пища

¹³⁴⁰ Линховоин Л.Л. Указ. соч., 1972. С. 38.

Блюда из целого зерна и крупы

Просяная каша. Каши в некоторой степени выступали заменителями печеных мучных продуктов (хлеба, лепешек). Очищенные зерна проса (*улаан будаа*) промывали, и варили в подсоленной воде до полуготовности, затем – на молоке. Готовую кашу раскладывали по чашкам, и заправляли топленным маслом.

Ржаная каша. Для каши использовались каленые или толченые зерна ржи (*хара талхан*), которые промывались, и заливались холодной водой в котле. Далее процесс варки был идентичен описанному выше, т. е. каша доваривалась на молоке, и подавалась на стол с маслом.

Блюда из муки и вареного теста

Саламат (шанаһан талхан ‘вареная мука’, зоохэй, саламаад, борэнхи). Первоначально саламат считался исключительно ритуальным блюдом, который сопровождал все семейные обряды (включая похороны), шаманские призывания (*хэрэг*), коллективные жертвоприношения духам-покровителям (*обоо тахиха* и *тайлга*), летние и зимние праздники (в том числе *Сагаалган*). Со временем его назначение расширилось – блюдо стали готовить, когда оказывалась трудовая помощь (на сенокосе, при строительстве юрты, валянии войлока и других работах), в настоящее время он зачастую выступает как повседневный продукт. По старинной технологии саламат делали из ржаной муки, а сегодня чаще используют пшеничную муку. Всего можно выделить пять наиболее распространенных способов его приготовления. В первом случае, известном у присаянских и предбайкальских бурят, доводят до кипения густую сметану (иногда вместо нее используется масло), добавляют в нее муку до получения тестообразной массы, солят, немного жарят, и доливают кипятком для того, чтобы выступило масло. Момент появления масла считается признаком готовности этого блюда. Следует отметить, что присаянские буряты в муку зачастую примешивали растертые корешки горца. Предбайкальские буряты нередко

сметану заменяли на *суб* – молочный осадок, отопок. У присаянских бурят нами записан иной рецепт варки саламата: в котел в одинаковой пропорции наливают воду и молоко, доводят до кипения, замешивают в ней ржаную муку, когда саламат уже начинает кипеть, кладут в него около литра топленого масла. Третий способ, распространенный у кабанских бурят, отличается тем, что первым в котел опускают топленое масло, после того как оно закипит – сметану, наконец, понемногу подсыпают муку грубого помола, и подсаливают, при этом воду не подливают. В другом варианте (у селенгинских бурят) сначала кипятили воду, затем в кипящую воду тонкой струйкой насыпали муку, подсаливали, и помешивая, довели до готовности¹³⁴¹. Топленным маслом заправляли уже готовый саламат. Еще один рецепт приготовления был зафиксирован В. В. Поповым у селенгинских бурят. Согласно ему, вначале мука жарится на топленом масле, пока она целиком не впитает в себя масло, далее в жареную муку, как в первом случае, наливали горячую воду (иногда вместо воды наливали молоко), и саламат довели до кипения¹³⁴². Во всех способах приготовления саламата важным является частое помешивание мучной массы, чтобы не образовались комки, и она не подгорала. Как считает И. Е. Тугутов, забайкальские буряты исконно готовили саламат на масле, но позднее, оценив достоинства варки этого блюда в исполнении предбайкальских бурят, позаимствовали их рецепт¹³⁴³. Представленный нами материал все же не говорит в пользу этого предположения: во-первых, потому что у тех же бурят Западного Забайкалья фиксируются свои самобытные способы приготовления саламата, значит, их повсеместного перехода на технологию предбайкальских бурят все же не произошло; во-вторых, речь нужно вести только о селенгинских бурятах, так как способ приготовления саламата на масле обнаруживается у них одних, такое заимствование произошло вследствие известного переселения части предбайкальских бурят в Селенгинскую Даурию.

¹³⁴¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Д. 443. Л. 3.

¹³⁴² Там же. Л. 3–4.

¹³⁴³ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 170.

Наряду с кашами, получаемыми путем варки, у бурят был известен сорт разводимой каши из поджаренной муки (*аагаһа замбаа*). Эту муку из смолотых вместе каленых зерен ячменя (или пшеницы) и творожных сырков *айруул* по мере необходимости размешивали в горячем зеленом чае, и приправляли топленным маслом или сметаной. Такое блюдо быстрого приготовления нашло распространение у присаянских и частью селенгинских бурят.

Печеный хлеб (талхан, талха таряан, хилээмэн). Умение печь хлеб, как известно, буряты переняли у русских. Проникновение этого продукта в культуру питания разных групп бурят происходило постепенно. Как указывает В. В. Попов, селенгинские буряты при выпечке хлеба не пользовались дрожжами и хмелем¹³⁴⁴. Хлеб делался на основе имевшейся закваски (*эхэ*), которую клали в квашню, заливали теплой водой, укрывали мешковиной или холстиной, и держали у печного очага полдня. По прошествии положенного времени в квашню добавляли муку (*гурил*) и замешивали, получившееся тесто вновь плотно укрывали, и оставляли, пока тесто не поднималось. Зимой выпечка хлеба осуществлялась в доме в голландской печи или в плите, а в летний сезон на улице, в невысоких глинобитных или плитняковых печах, в которые можно было одновременно поместить до 9 больших ковриг¹³⁴⁵. После укладки хлеба в летнюю печку, печное отверстие закрывали каменной плитой, и для герметичности края этой плиты замазывали коровьим пометом.

Из печеных мучных изделий, пожалуй, только пресные лепешки (*бомхой*) имеют исконно бурятское происхождение. Тесто для них замешивали на молоке, потом раскатывали, делая широкие круги. Эти круги помещали в голландскую печку или в плиту, освободив пространство для них от золы. Поверх лепешки укладывали железный лист, на который насыпали горячие угли с золой. Благодаря углям лепешка довольно равномерно

¹³⁴⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Д. 443. Л. 4.

¹³⁴⁵ Там же.

пропекалась. После того как испеченные лепешки вытаскивали из печи, их поверхности очищали суконной варежкой. Обычно лепешки ели со сливочным маслом. Присаянские буряты в отличие от приведенного описания, относимого к кулинарной традиции селенгинских бурят, тесто замешивали на молоке и заквашенной пахте, кроме этого выпечка производилась по-старинному, в золе открытого очага *гуламта*, заново расчистив его, подсыпали речной песок, и разводили на песке костер¹³⁴⁶.

Черемуховые шаньги (шаанги, шаанди). Используется дрожжевое тесто, сделанное на квашеном молоке, которое делили на равные доли для изготовления лепешек. Слегка раскатав куски теста, и придав им круглую форму, края заворачивают, в возникшее углубление накладывают слой толченой черемухи, смешанной с густой сметаной. Шаньги были переняты у русских, и такие виды как шаньги с начинкой из теста, шаньги со сметаной и другие были популярны у разных групп бурят.

Печенье и жареные мучные кушанья

Кухня забайкальских бурят в XIX в. пополнилась также сортами жареных печений – *бообо* и *боорсог*, которые прежде представляли ритуальные блюда из буддийской культовой практики. Они вошли в состав так называемой «белой» пищи этих бурят – *сагаан эдээн табаг*, включающей еще молочные продукты, сладости (конфеты и сахар-рафинад). Стоит отметить, что у предбайкальских бурят-шаманистов это понятие не утратило своего первоначального, более узкого значения, и относилось только к молочной пище. Цветовая гамма в культуре бурят, как доказано, имеет конкретную символику, и отнесение перечисленных продуктов к «белой» пище была связана с их сакральностью. Печенья со временем перешли из разряда ритуальной пищи в число праздничных блюд и гостевых угощений бурят.

¹³⁴⁶ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 84.

Печенье (бообо). Такие печенья делают из пресного теста, замешанного на молоке. Тесто раскатывают, и нарезают в виде небольших прямоугольных фигур с рядом параллельных надрезов на лицевой стороне. *Бообо* жарятся на масле до румяной корочки, и дальше высушиваются. И. Е. Тугутов выделяет две формы таких печений, распространенные у присаянских бурят: круглой, т. н. *тухэрезэн бообо* ‘круглое печенье’ и продолговатой *ула бообо* ‘печенье – подошва’¹³⁴⁷. В прошлом размеры печений достигали 23–25 см при толщине 0,5 см, и на их лицевой стороне при помощи специальных деревянных трафаретов выдавливали определенный рисунок.

Мелкое печенье (боорсог). Эти печенья также делали из пресного теста. Скатанное тесто нарезали на кусочки, которые жарились на масле. Получившиеся небольшие по размеру печенья иногда сверху припорошивали сахарной пудрой.

Употребление дикорастущих трав, ягод, плодов

Лесные ягоды и плоды (земляника, голубица, черника, малина, брусника, крыжовник, смородина, облепиха, черемуха, боярышник, жимолость, дикое яблоко, дикий персик), употреблялись в пищу как в свежем виде, нередко в сочетании с молоком, сметаной или сливками, так и молотыми, засушенными. Буряты использовали в пищу дикий полевой и горный лук, дикий чеснок, черемшу, корни горлеца живородящего, которые служили отличной приправой для мясных блюд. Делая запас, собранный лук мелко крошили, сушили, а потом затаривали в туесах или в закрывающихся кадушках. Горлец обычно собирали, разоряя мышиные норы, непосредственно перед приготовлением блюд из него корешки прокаливали, и шелушили. Мелко нарезанные лук, чеснок засаливали в кадушках, по мере необходимости доставая, и приправляя блюда. Скорее всего, практика соления зелени была воспринята от русских, по крайней мере, нет свидетельств до XIX в., что бурятам эта технология хранения пищи была

¹³⁴⁷ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 161.

известна. В свежем виде употреблялись в пищу стебли ревеня дикого (*гэшуунэ*), ревеня полевого (*тарнаан*), щавеля (конского щавеля (*дааган шэхэн* ‘уши лончака’), щавеля (*хурьган шэхэн* ‘уши ягненка’)). Не менее важное место занимали в традиционном питании высушенные корни таких растений, как гусиная лапчатка (*гэшэгэнээн*), красная лилия или в просторечье известная как сарана (*улаан тибһэн, зохта*), солодка уральская (*шэхэр*), которые являлись одними из ингредиентов ряда национальных блюд. Заготовкой грибов большинство бурят не занимались, по нашим данным, лишь у присаянских бурят в небольшом количестве собирали маслята, грузди (*сагаан хархяаг*), сыроежки (*улаан хархяаг*), рыжики (*шара хархяаг*), которые в пищу употреблялись в вареном виде. Сбор дикорастущих ягод, плодов и трав происходил, начиная с конца мая и до октября, при этом учитывались сроки их созревания и произрастания. Черемша (*халяр*) вырастает в конце весны, и в эти сроки нужно было успеть ее собрать, пока стебли достаточно сочны. Лук рвали в первой половине лета, причем в основном полевой лук (*мангир, мандиһан*). Дикий чеснок (*һонгино, сонгино, гоогол, гоогоһон*) рос в расщелинах труднодоступных скал, что осложняло его сбор. Это растение ценили, потому что оно долгое время сохраняло свои питательные качества без всякой обработки. В этот же временной промежуток собирали лесные ягоды и плоды (крыжовник, смородину, землянику, голубику, чернику, малину и др.). Особенно ценилась брусника, ею старались запастись более чем любой другой ягодой. Черемуха обыкновенно перемалывалась с включением масла, и из нее делали подобие брикетов, которые высушивали. Дикие яблоки (*улир*), плоды боярышника (*долоогоно*) также мололи, и в таком виде добавляли в продукты. Клубни лилий выкапывали осенью, когда они достигают максимального размера и сочности (сахаристости). Их кушали в сыром и вареном виде. Облепиха в основном потреблялась в мороженом виде, и, поэтому ждали наступления холодов прежде, чем ломать ее ветки с плодами. Кедровые орехи

заготавливались осенью, в особенно изобильные годы буряты занимались их продажей, получая от этого дополнительный доход.

В качестве заменителя муки из зерновых культур предбайкальские буряты издавна использовали растертые сушеные луковицы сараны, которые в сочетании с некоторыми корнями других дикоросов позволяли получить питательную и вкусную мучную смесь. Но чаще луковицы сараны варили или тушили с различными молочными продуктами, иногда в отваренном виде просто перемешивали с каким-либо молочным продуктом. Довольно распространенным было приготовление блюд из черемухи и молочных продуктов (мягким сыром, маслом, пенками). Особенностью кулинарных рецептов бурят было превращение в полуфабрикат в виде муки съедобных корешков дикорастущих растений, из которых посредством варки, жарения или смешивания с другими продуктами делались разнообразные блюда. При крайне стесненных обстоятельствах, например, бедняки из числа предбайкальских бурят нередко употребляли в пищу сосновую и лиственничную заболонь.

Тушеные клубни сараны (шараһан тибһэн). Приготовление этого кушанья обычно совмещалось с процессом вытапливания сливочного масла. Дело в том, что очищенные корни сараны тушились на *тоһоной суб* – молочном, маслянистом осадке, который оставался после производства топленого масла. Отваривали клубни до тех пор, пока они не превращались в желеобразную массу, которую остужали, и кушали, отрезая кусочками. Некоторые предбайкальские буряты клубни сараны варили в молоке.

Творожные сырки с луковицами сараны (тибһэнтэй айруул). Как и в предыдущем блюде луковицы сараны разваривались, и в образовавшуюся гущу насыпали измельченный *айруул* и сахар, все это хорошо перемешивали, и доваривали. И. Е. Тугутов относит это кушанье к кухне селенгинских бурят, и пишет, что оно прекрасно сохранялось в виде колбасы, которая

представляла очищенную и вымытую баранью или говяжью кишку, начиненную густой массой сараны и творожных сырков¹³⁴⁸.

Простокваша с клубнями сараны (тибһэнтэй тараг). Приготовление такого кушанья не требовало совершения какой-либо специальной обработки: простоквашу просто перемешивался с отваренными клубнями лилии. Так же поступали, когда делали простоквашу с разваренными зернами пшеницы. Эти рецепты были известны у агинских бурят¹³⁴⁹.

Пенки с луковицами сараны (тибһэнтэй урмэн). В кипящее молоко, помешивая, подсыпали муку из клубней сараны, дальнейший процесс повторял описанную технологию получения молочной пенки. Это кушанье, в частности, отмечается у закаменских бурят¹³⁵⁰.

Черемуха с вареными клубнями сараны (мойһотой шанаһан тибһэн). Сначала клубни сараны хорошо разваривают в молоке, затем подсыпают в получившуюся кашу молотую черемуху, сахар, и помешивая, доводят блюдо до готовности.

Черемуха с мягким сыром (мойһотой хурууд). Блюдо, получаемое в результате смешивания мягкого сыра с сушеной молотой черемухой и сахаром. Известно в кухне забайкальских бурят.

Черемуха с маслом (сарсаһан мойһон). В горячее топленое масло подсыпали молотую черемуху и сахар, тщательно перемешивали до образования однородной массы, которую затем перекладывали в какую-нибудь посуду, и остужали.

Пенки с плодами черемухи, диких яблонь или боярышника (мойһотой (улиртай, долоогоной) урмэн). Пенки перемешивались с молотыми ягодами черемухи (или яблони и боярышника) и в таком виде кушались.

Пенки с ревенем (гэшуунэнтэй урмэн). Печеные кусочки ревеня перемешивались с молочными пенками – получалось довольно вкусное блюдо.

¹³⁴⁸ Тугутов И. Е. Указ. соч. С. 157.

¹³⁴⁹ Линховоин Л. Л. Указ. соч., 1972. С. 39.

¹³⁵⁰ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992. С. 86.

Корешки гусиной лапчатки с маслом (тоһотой гэшэгэнээн). Очищенные и сушеные коренья гусиной лапчатки смешивали с маслом, и в таком виде кушали.

Лепешки из корешков горца. Как было сказано, из корешков горлеца живородящего буряты делали муку. Эту муку замешивали так же, как и при выпечке пресных лепешек, только в отличие от них не пекли, а жарили на масле.

Зеленый чай и напитки из дикоросов

Зеленый чай с молоком (ногоон сай) варили в чугунном котле, заваривая так называемый кирпичный чай в кипящей воде, куда добавляли молоко, и кипятили несколько минут.

Зеленый чай с молоком и добавками (зутараан сай). Кроме выше указанных кирпичного чая и молока, из которых варился обычный чай, ингредиентами *зутараан сай* были еще масло, соль, толченое зерно (*аагаһан*), обжаренное курдючное сало или же костный мозг барана и размельченное вяленое мясо.

Чай из дикорастущих растений. Такой чай обычно делали при отсутствии зеленого кирпичного чая, черного байхового чая, особенно на охотничьем промысле. Основой травяного чая служили листья кровохлебки (*һудэн*) брусники (*алирһан*), герани луговой (*батаганаан хушуун* буквальный перевод ‘комариный хобот’), иван-чая или кипрея (*улаан жаргана*), сердечника или осота (*сагаан халаахай*), плоды боярышника, листья и плоды шиповника иглистого (*нохойн хоншоор*), цветы сибирского багульника (*сагаан дали*), а также наросты на стволе и корнях березы. Заметим, что все эти растения не случайно применялись в качестве заменителя китайского чая. Дело в том, что они обладают высокими тонизирующими и общеукрепляющими свойствами, и на это обстоятельство, естественно, обратили внимание буряты.

4. Рыбная пища

Соленая рыба (дабһалһан загана). Рыбины вычищались от внутренностей, для этого делали вдоль живота широкий разрез. Соление производилось в кедровых бочках, при этом крупную рыбу клали снизу, а мелкую – сверху. Соль закладывали с головы рыбы из расчета 1 столовая ложка на рыбу. Примерно через неделю рыба становилась соленой. Малосоленую рыбу можно было употреблять в пищу уже через 3–4 дня. Хранили бочки с рыбой при минусовой температуре, поместив в земляном погребе. Зимой рыбу, пойманную в результате подледного лова, засолив, также помещали в погреб в бочках, которые обкладывали кусками льда. Кабанские буряты так поступали в основном с омулем. Икра соровой рыбы обычно жарилась на масле или отваривалась прямо с пленкой, в которую она была обернута в утробе рыбы. В конце августа, когда с Селенги шел на нерест омуль, его ловили, и вынимали икру. В отличие от икры соровой рыбы омулевую икру, очистив от пленки, засаливали так же, как и рыбу в бочках¹³⁵¹.

Омуль с душком (унэртэй омоли). Иногда соленый омуль специально доводился до появления у него специфического запаха, для этого нарушался температурный режим хранения. Такая рыба, тем не менее, считалась изысканным блюдом, причем не только у кабанских бурят, но и у русских, которые с удовольствием покупали ее на верхнеудинском рынке, куда ее привозили буряты. Данное пищевое пристрастие у русских, в особенности у северно-русского населения, было отмечено Д. К. Зелениным. Он раскрывает секреты приготовления такой квашеной или *межонной* рыбы: рыба слегка засаливалась в бочках, потом квасилась в теплом месте или на солнце до появления сильного кислого запаха¹³⁵². По всей видимости, учтя вкусы русского переселенческого населения Западного Забайкалья, которое, в

¹³⁵¹ ПМА. Сотнич О.И.

¹³⁵² Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 146.

частности, сформировалось из выходцев с Русского Севера (поморцев), буряты занялись производством и продажей столь специфического продукта.

Уха. Рыбу тщательно промывали в холодной воде, чешую не снимали, а только убирали ее кишки. В зависимости от имеющейся в наличии рыбы делали обычную омулевую уху, или двойную, и даже тройную, используя кроме омуля окуней или иную рыбу. Особенно вкусной считалась уха, приготовленная на костре, как говорят «с дымком». В такую уже сварившуюся уху обязательно наливали рюмку водки, придавая блюду дополнительную пикантность.

Рыбный суп. Аналогично ухе для рыбного супа чистилась рыба. В котел с холодной водой сначала насыпали соль, рис, затем по мере закипания нарезанную картошку, омуль, под конец добавляли мелко накрошенный дикий лук, чеснок, клали немного лаврового листа и молотый перец.

Жареная рыба (шарахан загаһа). Обыкновенно буряты жарили на масле (сегодня на растительном масле) разделанного и нарезанного на куски омуля или щуку.

Жареная налимыя печень (гутарай шарахан эльгэн). У пойманного налима печень не выбрасывалась, так как она была достаточно большой. Ее, нарезав и посолив, жарили на масле или пекли на углях. Жареная налимыя печень, по словам информаторов, отличалась особенно нежным вкусом.

Фаршированная щука. Для приготовления этого блюда снимали целиком кожу с щуки, оставшуюся мякоть без костей перемалывали, добавляли специи, отварной рис. Этим фаршем начиняли рыбину и клали выпекаться в жаровню.

Омуль на рожне. Предварительно заготавливали рожны из тальника, который, как известно, отличается своей гибкостью и достаточной прочностью. Отбирали только крупных и жирных омулей, которых потрошили, убирая внутренности, разрезали пополам, и насаживали на заостренные рожны: сначала хвостовую часть, затем головную. Куски омуля, когда насаживали на тальниковые прутья, специально расправляли, чтобы

они хорошо пропекались, слегка посыпали их внутреннюю поверхность солью. Втыкали омуль на рожне вокруг костра по кругу тогда, когда костер переставал сильно дымить, и начинал гореть ровным огнем, выделяя сильный жар¹³⁵³.

Копченый омуль. Рыбину вычищали от внутренностей, раздвигали края разреза на ее животе, ставя несколько распорок в виде гладко обструганных палочек. Подготовленную таким способом рыбу коптили на невысоком деревянном настиле, сделанном над тлеющим костром. В зависимости от длительности этой процедуры копчение было горячим или холодным.

Между тем у кабанских бурят обнаруживаются самобытные рецепты приготовления рыбных блюд. К таким кулинарным изобретениям можно отнести рыбные колобки и буузы. Рыбные колобки делали подобно мясным колобкам: мякоть омуля перемалывали, в этот фарш добавляли сырое яйцо, соль, перетертый картофель и натертый чеснок. Из получившегося фарша катали небольшие колобки, которые опускали в кастрюлю с кипящей подсоленной водой, и варили до готовности. Иногда на их основе делали суп. В пользу самобытности этого блюда свидетельствует то, что у ольхонских бурят, сородичей кабанских бурят, оно не известно. Рыбные буузы целиком повторяют операции, которые выполняются при приготовлении мясных бууз, т. е. они также варятся на пару, тесто для них делают пресное. Единственно, фарш делают из мякоти омуля, и время, отпускаемое на их варку, дается чуть меньше, чем на обычные буузы.

¹³⁵³ ПМА. Албатаева Р.В.

ГЛОССАРИЙ

Словарь научных терминов

Бадан (лат. *Bergenia*) – род многолетних трав семейства камнеломковых

Биотоп – (греч. *био* ‘жизнь’, *topós* ‘место’) участок земной поверхности (суши или водоема) с однотипными абиотическими условиями среды (рельеф, почвы, климат и т. п.), занимаемый тем или иным биоценозом¹³⁵⁴

Седентаризация – (англ. *sedentarization* ‘оседлость’) политика государства по переводу населения от кочевнического образа жизни к оседлости

Транспалеаркт – вид, ареал распространения которого охватывает биогеографическую палеарктическую область

Словарь устаревших русских терминов

Барловина – «осенняя шкура изюбря или козули, лучшая для одежды, дохи»¹³⁵⁵

Бродник – «небольшой неводок, который люди, идучи бродом, тянут за собою на клячах, на двух шестах стойком»¹³⁵⁶

Бумазея – (итал. *bambagino* ‘хлопчатый’) хлопчато-бумажная ткань, имеющая начес на изнаночной стороне

Вельверет – (англ. *velveret* от *velvet* ‘бархат’) хлопчато-бумажная ткань, похожая на бархат

Голанка – голландская печь, комнатная кирпичная печь, имеющая облицовку изразцами или кафелем

Гута – (нем. *hutte*) «навес, сарай, изба, в которой есть печь, для какой-либо выделки»¹³⁵⁷

¹³⁵⁴ БСЭ, 2003.

¹³⁵⁵ Даль В. И. Указ. соч., 1955. Т. 1. С. 50.

¹³⁵⁶ Даль В. И. Указ. соч., 2004.

¹³⁵⁷ Там же.

Ергак – шуба из шкуры оленя

Заязок – «яз, закол, плетень поперек реки, наискось, но не во всю ширину, со вставленными в воротцах мордами, вершами, для ловли рыбы»¹³⁵⁸

Очеп – «журав, журавец, перевес; бревно, слега или жердь, положенная рычагом на бабу, рассоху, и обычно на пропущенное поперек веретено, для спуска и подъема»¹³⁵⁹.

Поветье – «вообще крытое место, простор с верхом; крыша, кровля, обвершка нежилого строения; верх, чердак, подволока на холодном, надворном строении; хлев, сарай и протчая»¹³⁶⁰

Полшелковица – «полушелк, узловатая материя из шелка и бумаги»¹³⁶¹

Присение (Присенок) – «сенцы, пристроенные сени, или чулан в сенях»¹³⁶²

Штофь – «шелковая плотная ткань, обычно с разводами»¹³⁶³

Словарь бурятских терминов

Жилищно-поселенческий комплекс

Багана – (забайкал. бур.) опорный шест в войлочной юрте восточномонгольского подтипа

Бартаа – (предбайкал. бур.) ворота

Булгааһа(н) – (предбайкал. бур.) срубная юрта

Бухээг (урса) – коническая жердевая постройка, крытая в зависимости от сезона берестяными или кожаными покрывками

Дал – (присяян. бур.) летняя трехстенная стойка для содержания рогатого скота

¹³⁵⁸ Даль В. И. Указ. соч., 2004.

¹³⁵⁹ Там же.

¹³⁶⁰ Там же.

¹³⁶¹ Щукин Н. С. Указ. соч., 1849. С. 182.

¹³⁶² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: на CD-диске. Любня, 2004.

¹³⁶³ Даль В. И. Указ. соч., 1955. Т. 4. С. 646.

Данхай – (предбайкал. бур.) навес для лошадей, (прибайкал. бур.)
крытый загон для скота

Дээбэри – кровельная покрышка в войлочной юрте

Ирьенег – (присаян. бур.) жердевая перегородка в хлеву, отделяющая
телят от взрослых коров

Олэр – (присаян. бур.) жердь в крыше стайки дал

Пираг – (присаян., зап.-забайкал. бур.) четырехстенная срубная юрта

Сэргэ – коновязь

Тормо гэр – четырехстенная каркасная постройка полуземляночного
типа с четырьмя опорными столбами

Тээни (тэнги) – (предбайкал. бур.) опорный столб в срубной юрте

Улус – сезонное поселение (зимник), населенный пункт

Урса гэр – коническая жердевая постройка, крытая войлоком

Үртэнэ(н) – (присаян. бур.) парный столб в заборе харша

Үүдэн хурээ – ‘дверь-ограда’ (предбайкал. бур.) двор

Харша – (присаян. бур.) забор из расколотых вчетверо сосновых бревен

Хасабша – (агин. бур.) остекленное окно в войлочной юрте

Хашаа – утепленная стайка для зимнего содержания скота

Херим – (предбайкал., прибайкал. бур.) хлев

Хотон – (забайкал. бур.) временное или сезонное поселение
близкородственной семьи, (предбайкал. бур.) хлев

Нарабша – (предбайкал. бур.) летний навес для ночевки домашнего
скота и лошадей, (присаян. бур.) козырек над входом (в срубной юрте)

Нугалга – (присаян. бур.) ворота в виде вынимаемых жердей-прясел

Нэеы гэр – ‘войлочный дом’ войлочная решетчатая юрта вост.-
монгольского типа

Шала – ‘пол’ (забайкал. бур.) деревянный настил в войлочной юрте

Эрьюулгэ – кожемялка для обработки больших шкур

Архат – сосуд большой емкости
Булуур – (предбайкал. бур.) высокая и узкая кадушка от маслобойки
Домбо – кувшин с носиком для вина, чайник
Дэрэ – подголовник
Ижбаан – (предбайкал. бур.) жбан, кадушка с носиком
Саба (хаба) – сосуд для квашенного молока, молочного вина
Санфа – (предбайкал. бур.) резной деревянный диван
Сээлинсэ – (предбайкал., присаян. бур.) корыто для просеивания муки
Таар – (предбайкал. бур.) гобелен из конского волоса
Табхаансаг – крынка для молочных напитков
Танка – живописная икона, изображающая Будд или божеств из буддийского пантеона
Торхо – кадушка
Тузрага – (предбайкал.) деревянная чашка
Тулам – кожаный мешок
Туенсэг – (присаян. бур.) кожаная сумка для дорожных припасов
Тэбшэ – деревянное корытце
Уута – парные дорожные сумы из кожи крупного рогатого скота
Хубсар – (предбайкал. бур.) коврик из конских камусов
Хунэг (хуулга) – деревянное ведро
Хухуур – бурдюк
Хушэгэ – тканевый полог с пришитыми серебряными монетами и раковинами каури

Костюмный комплекс

Ахалга (аһалга) – (селенг. бур.) небольшой шелковый платок, подвешиваемый сбоку на женской верхней одежде
Басаганай дэгэл – (присаян. бур.) девичья шуба
Биизга малгай – (предбайкал. бур.) головной убор невесты, тюбетейкообразный, с аппликациями и вышивкой

Боолто – (селенгин. бур.) височное украшение из коралловых бус, нашитых на обшитую бархатом твердую основу, снизу имеющее подвески из обрамленных серебром бус

Бортото малгай – (предбайкал. бур.) низкий женский головной убор

Буд гутал – суконные сапоги

Булгайр гутал – сапоги из юфти

Болууза – (предбайкал. бур.) туникообразное платье с отложным воротником

Бэлэбиш (*бэлхэбишэ*) – женская меховая юбка

Годон гутал – камусовые унты

Годоһон – (предбайк. бур.) унты, обувь с низким кожаным каблуком, прямым голенищем, имеющая носок с мысиком и союзками

Гуу – нагрудная ладанка с амулетом

Дабхаса – (присаян. бур.) зимние ноговицы

Даруулга – женская головная повязка с пришитыми украшениями (кораллами, полудрагоценными минералами и др.)

Даха – зимний тулуп

Дэгэл – верхняя плечевая одежда, шуба

Дэгэлээ – (предбайкал. бур.) женская длиннополая безрукавка, расклешенная, неотрезная и цельнокроеная

Дэнзэ – декоративное навершие на головном уборе

Залаа – кисть из красного шелкового шнура на макушке головного убора

Ловууз (обуза) – (присаян., предбайкал. бур.) зимняя мужская шапка с ушами, из мерлушки, крытая красной тканью

Морин самса – распашная рубаха

Морин уужа – женская длиннополая безрукавка

Мяха малгай – головной убор из шкуры с головной части дикого животного с сохранением ушек

Нархинсаг – (предбайкал., прибайкал. бур.) женское височно-нагрудное украшение

Орхимжо – плечевая лента, носимая буддистками, принявшими обет

Пампалай – (присяян., зап.-забайкал. бур.) ноговицы, носимые в теплое время года

Саажса – женское наспинно-накосное украшение (назатыльник)

Сагаалса – (агин. бур.) нагрудная нашивка на верхней плечевой одежде

Сарпаан – распашное платье с втачными рукавами и подкройными проймами

Суба – войлочная накидка от непогоды

Сээжэбиэ – женская короткая безрукавка

Татар малгай – (предбайкал. бур.) колпакообразный женский головной убор с восьмиклинной тульей из камуса лисы и меховыми полями

Тооробишо (тойробишо) малгай – островерхий головной убор с загнутыми вверх и пришитыми краями

Тоорсог – головной убор с тульей из четырех и более клиньев, редко с козырьком и наушниками

Тэрлиг – летний матерчатый халат с подкладом

Намганай дэгэл – (присяян. бур.) шуба замужней женщины

Нарьмай дэгэл – (присяян. бур.) нагольная шуба

Ниихэ – височно-нагрудное украшение в виде пары больших колец, закрепляемое на головном уборе или головной повязке

Номон дэгэл – (присяян. бур.) гладкая (без складок) шуба

Халадай – (предбайкал. бур.) туникообразное платье с воротником-стойкой

Халюун малгай – (предбайкал. бур.) с тульей из меха выдры и матерчатым верхом

Хантааз – короткая безрукавка

Хасашабтай малгай – (зап.-забайкал. бур.) головной убор

Холообишо – женское нагрудное украшение

Хонтуул – (селенгин. бур.) декоративная пластинка в основании искусственной косы

Хормойбишо – передник

Хуняаһа – вставка из ткани красного цвета на верхней плечевой одежде девушки

Хурмэ – (забайкал. бур.) распашная меховая или матерчатая куртка

Улзы – орнаментальный знак «нить бесконечности»

Умдэ(н) – штаны широкие в шагу

Уужа – (предбайкал. бур.) женская короткополая безрукавка

Шабха малгай – (присяян. бур.) шапка «ушанка» из зайчьей или беличьей шкуры

Шар малгай – (предбайкал. бур.) женская вязаная или матерчатая шапка колпакообразной формы

Шэбэргэл – (селенгин. бур.) футляр для косы

Энгэр – нагрудная нашивка в верхней плечевой одежде

Эрмэг гутал – обувь с двойной (войлочно-кожаной) подошвой по форме ступни, головки и голенища

Юбун – (предбайкал., прибайкал. бур.) налобное украшение девушки

Юудэн – капюшон с наушниками и спускающимся на шею дугообразным выступом

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИНФОРМАТОРОВ

Албатаева Розалия Васильевна – бурятка, род абзай, 1933 г.р., с. Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия. Дата записи – август 1999 г.

Алгосонов Георгий Раднаевич – бурят, род абгаад, 1919 г.р., с. Кударасомон Кяхтинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 1998 г.

Бадмаев Владимир Банзарович – бурят, род абгашуул, г.р., с. Кударасомон Кяхтинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 1998 г.

Балданова Долгор Лопсоновна – сойотка, 1926 г.р., с. Сорог Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2001 г.

Бальжанова Надежда Нимаевна – бурятка, хонгодор, 1953 г.р., с. Цаган-Морин Закаменского района Республики Бурятия. Дата записи – март 2002 г.

Батомункуев Бадма-Доржи (Владимир) Очитарович – бурят, с. Сагаан – Шулуутай Кяхтинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 1998 г.

Бильдуев Сэнгэ Ошорович – бурят, хонгодор, 1929 г.р., с. Хойтогол Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2001 г.

Будаева Валентина Очировна – бурятка, хонгодор, 1930 г.р., с. Далахай Закаменского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2002 г.

Ванжилов Эрдени – бурят, хори, 1948 г.р., с. Сагаан-Уула Могойтуйского района (Агинский Бурятский автономный округ). Дата записи – 1993 г.

Галсанов Валерий Бадмаевич – бурят, род ашаабагат, 1958 г.р., п. Новоселенгинск Селенгинского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2004 г.

Дамдинова Намгар Дамдинжаповна – бурятка, род хальбин, 1919 г.р., с. Табтанай Дульдургинского района (Агинский Бурятский автономный округ), Дата записи – 1993 г.

Дансаранова Елена Дамбаевна – сойотка, род хаас, 1950 г.р., с. Бурэнгол Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2003 г.

Донитова Жугдыр Дашиевна – бурятка, род сагаантан, 1925 г.р., с. Туран Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2002 г.

Доржиев Нимбу Доржиевич – бурят, хори, Еравнинский район Республики Бурятия. Дата записи – август 2004 г.

Дымбрылова Цыпилма Жигжитовна – бурятка, род улалзай-хубдууд, 1918 г.р., п. Сосново-озерск, Еравнинский район Республики Бурятия. Дата записи – август 2004 г.

Жаргалов Василий Дашеевич – бурят, хонгодор, 1939 г.р., с. Шара-Азарга Закаменского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2002 г.

Замбалова Лидия Жалсараевна – сойотка, род хаас, 1931 г.р., с. Орлик Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2002 г.

Иванова Евдокия Аюшеевна – бурятка, род сагантаан, 1938 г.р., с. Бурун-гол, Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2004 г.

Ихинеев Лопсон Дабаевич – бурят, Первый хонгодорский род, 1912 г.р., с. Туран Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2001 г.

Лупсанова Хорло Рэгзэновна – бурятка, род улаалзай хубдууд, 1951 г.р. п. Сосново-озерск, Еравнинский район Республики Бурятия. Дата записи – август 2004 г.

Лхасаранова Дулмажап – бурятка, хори, 1918 г.р, п. Агинское (Агинский Бурятский автономный округ). Дата записи – 1992 г.

Мангутова Анна Бадаевна – бурятка, род ользон, 1918 г.р., с. Ранжурово Республики Бурятия. Дата записи – август 1999 г.

Машаев Бата Шарлаевич – сойот, род хаас, 1908 г.р., с. Сорог Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2001 г.

Машаев Ламажаб Харгааевич – сойот, род хаас, 1914 г.р., с. Орлик Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2003 г.

Мунконов Виктор Жапович – бурят, хонгодор, 1933 г.р., с. Хойтогол Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2001 г.

Нимаева Сэмжит Нимаевна – бурятка, род галзут, 1934 г.р., г. Улан-Удэ (Республика Бурятия). Дата записи – июль 1998 г.

Орбодоева Акулина Ользоновна – бурятка, род шоно, 1927 г.р., п. Сосново-озерск, Еравнинский район Республики Бурятия. Дата записи – август 2004 г.

Ошоров Владимир Дашиевич – сойот, род хаас, 1936 г.р., с. Сорог Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2001 г.

Патархеев Цыбык Пурбуевич – бурят, род бадархан, 1924 г.р., п. Саяны Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2003 г.

Раднаев Содном Чоенович – бурят, сартул, 1921 г.р., с. Гэгэтуй Джидинского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2004 г.

Раднаева Ханда Дамбуевна – бурятка, род шуртэхэ, 1914 г.р., с. Енгорбой Закаменского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2002 г.

Рыгзын Эрдени – бурят, хори, 1933 г. р., с. Эгита Еравнинского района Республики Бурятия. Дата записи – 2005 г.

Рыгзынова Вера Николаевна – бурятка, 1947 г.р., г. Гусиноозерск (Республика Бурятия). Дата записи – август 2004 г.

Санжицыбилов Дансаран Гармаевич, 1932 г.р., с. Тохой, Селенгинского р-на. Дата записи – август 2004 г.

Сарпеева Зинаида Дубшиновна – бурятка, род шошоолог, 1911 г.р., с. Туран Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2001 г.

Сонопов Владимир Сындеевич – сойот, род хаас, 1934 г.р., с. Орлик Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2001 г.

Сотнич Ольга Ильинична – бурятка, род абзай, 1957 г.р., с. Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия. Дата записи – август 1999 г.

Сотнич Леонтий Борбоевич – бурят, нохой ураг, 1932 г.р., с. Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия. Дата записи – август 2011 г.

Сыренев Ендон Пурбуевич – бурят, род сагаантан, 1928 г.р., с. Хойтогол Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2001 г.

Сыренова Шалсома Аюровна – бурятка, род сагаантан, 1918 г.р., с. Туран Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 1997 г.

Тулуев Ким Дашиевич – бурят, хонгодор, 1942 г.р., с. Орлик Окинського района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2003 г.

Хадаев Викулий Шагдурович – бурят, хонгодор, 1932 г.р., с. Санага Закаменского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2002 г.

Халхаров Даши-Нима Халхарович – бурят, род марагтан, моотхон-харгана, 1940 г.р., п. Сосново-озерск, Еравнинский район Республики Бурятия. Дата записи – август 2004 г.

Хамхасаев Бальжинима – бурят, хори, 1925 г.р., с. Ага-Хангил Могойтуйского района (Агинский Бурятский автономный округ). Дата записи – 1993 г.

Цыренев Ринчин-Нима Доржиевич – бурят, род хугдууд, 1911 г.р., с. Гонда Еравнинского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2005 г.

Шагдуров Пурбо Норбоевич – бурят, хонгодор, 1921 г.р., Окинский район Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2001 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ СПФИВ РАН – Архив востоковедов Санкт-Петербургского
филиала института востоковедения РАН
- АН СССР – Академия наук СССР
- БГУЭП – Байкальский государственный университет
экономики и права
- БИОН БФ СО АН СССР – Бурятский институт общественных наук БФ СО
АН СССР
- БКИЗ – Бурятское книжное издательство
- БКНИИ СО АН СССР – Бурятский комплексный научно-
исследовательский институт Сибирского
отделения Академии наук СССР
- БМНИИК – Бурят-Монгольский научно-исследовательский
институт культуры
- БМНИИКЭ – Бурят-Монгольский научно-исследовательский
институт культуры и экономики
- БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского
отделения РАН
- БСЭ – Большая советская энциклопедия
- БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения
Академии наук СССР
- ВАН СССР – Вестник Академии наук СССР
- ВСГАКИ – Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусства
- ВСГТУ – Восточно-Сибирский государственный
технический университет
- ВСОИРГО – Восточно-Сибирское отделение императорского
Русского географического общества
- ГА ИО – Государственный архив Иркутской области

- ГА РБ – Государственный архив Республики Бурятия
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского
отделения РАН
- ИГТУ – Иркутский государственный технический
университет
- ИГУ – Иркутский государственный университет
- ИЕВ – Иркутские епархиальные ведомости
- ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского
отделения РАН
- ИМИОН – Иркутский межрегиональный институт
общественных наук
- ИРГО – Императорское Русское географическое
общество
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера)
- МВД – Министерство внутренних дел
- МИАЭТ СО РАН – Музей Института археологии и этнографии
Сибирского Отделения РАН
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- ОНЦ – Общественно-научный центр
- ОРКБ ИГУ – Отдел редких книг библиотеки Иркутского
государственного университета
- ПМА – Полевые материалы автора
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- РГАДА – Российский государственный архив древних
актов
- РГИА – Российский государственный исторический
архив
- РЭМ – Российский этнографический музей
- СЭ – Советская этнография

ТГУ – Томский государственный университет
ТувИКОПР СО РАН – Тувинский институт комплексного освоения
природных ресурсов СО РАН
ЦВРК ИМБТ СО РАН – Центр восточных рукописей и ксилографов
Института монголоведения, буддологии и
тибетологии Сибирского отделения Российской
академии наук